

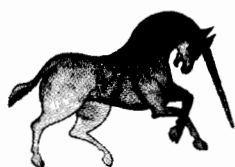
В. Н. Флоря

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ЕГО ЗАПАДНЫЕ СОСЕДИ
(1655—1861 гг.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Б. Н. Флоря

**РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ЕГО ЗАПАДНЫЕ СОСЕДИ
(1655–1661 гг.)**

МОСКВА ИНДРИК 2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Ф 73

*Издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 09-01-16039д)*

Флоря Б. Н.

Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). — М.: «Индрик», 2010. — 656 с.

Монография посвящена исследованию отношений России с её западными соседями в те годы, когда после Переяславской рады и присоединения Украины Русское государство прилагало большие усилия для решения главных стоявших перед ним внешнеполитических задач — объединения всех восточнославянских земель и завоевания выхода к Балтийскому морю. Работа основана на обширном документальном материале из разных фондов Российского государственного архива древних актов.

ISBN 978-5-91674-082-0

© Флоря Б.Н., Текст, 2010

© Издательство «Индрик», оформление, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1 Россия и «Потоп»	9
ГЛАВА 2 Поход на Ригу и переговоры под Вильно.....	86
ГЛАВА 3 Москва и Литва после Виленского договора.....	167
ГЛАВА 4 Россия и «наезд Ракоци»	205
ГЛАВА 5 На русско-шведской границе. А.Л. Ордин-Нащокин и В. Госевский	262
ГЛАВА 6 На перепутье (русская внешняя политика во второй половине 1657 – начале 1658 г.).....	270
ГЛАВА 7 Двойные переговоры	346
ГЛАВА 8 Украинский кризис и колебания русской внешней политики	431
ГЛАВА 9 Тяжелый 1660 год	519
ГЛАВА 10 Поиски выхода	598
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	644
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	648
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	655

ВВЕДЕНИЕ

В истории внешней политики допетровской России события второй половины 50-х гг. XVII в. занимали особое место. В эти годы не в последнюю очередь в результате действий русской стороны имел место кризис традиционной системы международных отношений в восточноевропейском регионе, кризис, который привел к вмешательству в происходившие там события государств и Центральной, и Северной Европы. Русское государство при решении стоявших перед ним задач сталкивалось с очень сложной международной ситуацией, которая несколько раз резко менялась на протяжении этого сравнительно небольшого периода времени. Сложность положения усугублялась тем, что русская правящая элита в те же годы оказалась перед необходимостью принимать решения по вопросам, связанным с судьбами целых государств и народов, таким, как будущая судьба Украины и даже всего Польско-Литовского государства. Все это не могло не способствовать активизации работы мысли русских политиков в эти годы. Все это делает документы за эти годы, отложившиеся в архиве Посольского приказа, особо ценным материалом для изучения характера и особенностей русской внешней политики допетровского времени.

К сказанному следует добавить, что отношения вовлеченных в разразившийся кризис государств сплелись в эти годы в столь тесный неразрывный узел, что рассмотрение отношений Русского государства с какой-либо из этих стран оказывается совершенно невозможным без одновременной характеристики его отношений с другими участниками большого международного конфликта. Это было убедительно показано в исследовании Л.В. Заборовского и Е.И. Кобзаревой.

Количество документов, характеризующих дипломатическую деятельность правительства, отложившихся в Посольском приказе, а также частично в особой канцелярии царя — Приказе Тайных дел и в огромном архиве военного ведомства — Разрядном приказе, является достаточным для того, чтобы попытаться выяснить, как делалась в эти годы русская внешняя политика.

Анализ этих документов дает возможность выяснить объем и характер информации о международном положении, поступавшей в Москву, и какие под ее влиянием здесь складывались представления о развитии международной ситуации. Вместе с тем при изучении документов этого периода заметно расширяются возможности в исследовании такой важной темы, как борьба разных точек зрения на задачи, стоявшие перед внешней политикой России, борьба за выбор приоритетов при решении внешнеполитических проблем. Дело в том, что именно в эти годы в круг советников царя вошел воевода Кокнезе (Кокенгаузена) на Западной Двине А.Л. Ордин-Нащокин. Обладая самостоятельными взглядами на задачи русской внешней политики, он часто излагал их в своих многочисленных записках царю и не менее часто подвергал в них критике принятые в Москве решения. Изучение этих вопросов дает возможность реконструировать и систему отношений России с ее западными соседями, и русские концепции западной политики страны, и тесно связанные с этим представления русских политиков о своей стране и ее месте в мире.

Хотелось бы отметить, что в данном исследовании читателю предлагается исследование истории русской внешней политики 1655–1661 гг., а не системы международных отношений в восточной части Европы в годы так называемой «Второй Северной войны». Политика других государств — западных соседей России (а в отдельные моменты — и Крыма) затрагивается в данной работе лишь постольку, поскольку это нужно для объяснения тех или иных шагов русской дипломатии. Исключением служит Украина, находившаяся в те годы в особых отношениях с Россией. Русская политика оказывала сильное воздействие как на внутривнутриполитическую жизнь украинского гетманства, так и на его отношения с соседями. Русско-украинским отношениям этого времени посвящена достаточно обширная литература, среди которой следует выделить последние тома «Історії України — Русі» М.С. Грушевского. Однако мотивы и цели отдельных актов русской политики

на Украине в этой литературе не всегда оцениваются правильно, как представляется, отчасти потому, что рассматриваются вне тесной связи с общим внешнеполитическим курсом русского правительства. Поэтому в данном исследовании именно выявлению такой взаимосвязи будет посвящено особое внимание. Вместе с тем автор постарается показать и другую сторону этой взаимосвязи — влияние событий, происходивших на Украине, на русский внешнеполитический курс. Хотя данная работа посвящена только истории внешней политики, думается, что она внесет свой вклад в понимание международной ситуации в восточной части Европы в целом, так как в научной литературе роль русского компонента в развитии событий явно недооценивается, не в последнюю очередь из-за отсутствия исследования, которое давало бы общую характеристику русской внешней политики второй половины 50-х гг. XVII в.

Россия и «Потоп»

В конце апреля 1654 г. в Москве происходили важные события: собравшиеся с разных концов страны бояре и дети боярские слушали торжественные службы в Успенском соборе, затем с торжественными речами к ним обратился сам царь Алексей Михайлович¹. Русское войско выступало в поход против Польско-Литовского государства. Война стала неизбежной после того, как Земский собор принял решение принять Запорожское Войско во главе с Богданом Хмельницким «под высокую царскую руку».

Обращаясь к войску, царь говорил, что поход является ответом на «неправды» польских королей и их гонения на православную веру. В воззвании, адресованном православным жителям Польско-Литовского государства, царь также подчеркивал, что его цель — защита от гонений «святой Восточной церкви Греческого закона» и освобождение православных от власти иноверных правителей. Он призывал их взяться за оружие «противу сопостат Божиих»². Поход должен быть стать своего рода «священной войной» и должен был привести к освобождению православных на территории Восточной Европы от религиозного угнетения. Неслучайно продвижение русских войск на запад сопровождалось прекращением деятельности униатской церкви и резким ограничением деятельности церкви католической.

Религиозная цель войны тесно связывалась с национально-политической. Военные действия не должны были ограничи-

1 См. об этом подробнее: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 27 (Приказ тайных дел). Д. 86. Ч. 1. См. также: *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 264–266.

2 *Сапунов А.П.* Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 29–30.

ваться защитой Запорожского Войска от польско-литовской армии и возвращением земель, утраченных Русским государством в годы Смуты. Уже вскоре после начала военных действий из военного лагеря под Смоленском в сентябре 1654 г. вышли грамоты, обращенные к православным епископам Львова и Перемышля, населению Волыни, Подолии и других земель, с призывом подчиниться власти царя³. Все это показывает, что, начиная войну, русская власть поставила своей целью добиться решения давно стоявшей перед ней задачи — объединения всех восточнославянских земель вокруг Москвы, восстановления Древнерусского государства в его прежних границах.

Выступлению войска в поход предшествовала широкая дипломатическая акция, не имевшая аналогов в русской дипломатической практике предшествующих десятилетий. Русские представители были направлены одновременно во многие европейские государства, в том числе такие, с которыми в течение длительного времени не было дипломатических контактов (как Австрия или Франция). Деятельность этих миссий была предметом специального исследования Л.В. Заборовского.

Первая группа посольств была отправлена во Францию, Нидерланды, Швецию и Данию в самом конце 1653 г. Одной из главных задач этих миссий было собрать информацию об отношениях между европейскими государствами и их отношении к Речи Посполитой, что было важно в условиях начинавшейся войны. В грамотах, отправленных с гонцами, давалось подробное изложение причин, побудивших русскую власть разорвать «вечный мир» с Речью Посполитой. По-видимому, своеобразной программой-максимум этих миссий было добиться одобрения такого решения, а следовательно, и установления русского протектората над Запорожским Войском.

Этим, однако, все и ограничивалось. Никаких предложений о союзе эти грамоты не содержали, они не содержали даже какой-либо официальной просьбы о поддержке. Все это позволяет согласиться с заключением Л.В. Заборовского, что русское правительство сознательно стремилось к локализации конфликта⁴.

3 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). Т. 14. СПб., 1889. Стб. 199–204.

4 *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной Европе. М., 1981. С. 31–32.

Правители государств, в которые были направлены русские представители, с разными нюансами не одобрили решение о войне, но этим все и ограничилось. В Швеции и Нидерландах русским представителям удалось даже осуществить крупные закупки вооружения. Характерно, что ни одно из правительств не предприняло серьезных усилий для того, чтобы погасить конфликт. Лишь в Париже выступили с предложением посредничества, за которым, однако, не последовало каких-либо практических шагов⁵.

Объяснялось это неясным местом обоих вступивших в войну государств в той европейской системе международных отношений, как она сложилась в годы Тридцатилетней войны. Россия на заключительных этапах войны оказалась в стороне от главных европейских конфликтов и не участвовала в оформлении их результатов.

Речь Посполитая была государством традиционно дружественным австрийским Габсбургам, но в Тридцатилетней войне она так и не присоединилась к габсбургскому лагерю, а к середине 40-х гг. наметилось определенное, но не заходящее слишком далеко, ее сближение с главным противником Габсбургов — Францией. Таким образом, оба государства не имели четкой связи с главными силовыми центрами европейской системы международных отношений, война между ними не могла серьезно изменить сложившееся к концу Тридцатилетней войны соотношение сил в Европе. Отсюда вялая реакция европейских держав на происшедшее, что на данном этапе устраивало русское правительство. Следует, однако, учитывать, что в конце 1653 г. — первой половине 1654 г. было во многом неясно, к каким конкретным результатам может привести очередная русско-польская война в Восточной Европе.

В мае 1654 г., когда русские войска уже двигались к границам Речи Посполитой, новые русские гонцы были направлены в Австрию, Бранденбург и Курляндию. Выбор этих государств не был случайным. Австрия была государством, связанным с Речью Посполитой дружественными соглашениями, а курфюрст бранденбургский (как герцог прусский) и герцог курляндский были вассалами Речи Посполитой, обязанными оказывать ей помощь. Неудивительно поэтому, что в грамотах, направлен-

5 Там же. С. 33–34.

ных в эти государства, содержалось требование не оказывать помощи Польско-Литовскому государству. Одновременно гонцам следовало добиваться, чтобы в ответных грамотах царь был назван правителем «Малой России».

Наибольшее значение имела позиция одной из главных европейских держав — Австрии. Советники императора Фердинанда III настойчиво предлагали посредничество на мирных переговорах между Россией и Речью Посполитой. В грамоте, адресованной царю, выражалась готовность направить австрийских послов в Москву, как только будет получено согласие на посредничество. Вместе с тем в ней говорилось, что, если король Ян Казимир обратится с просьбой о помощи, император будет руководствоваться своим расположением к Русскому государству. Хотя эти слова звучали несколько двусмысленно, они все же означали, что Австрия не намерена вмешиваться в конфликт на польско-литовской стороне.

Герцог курляндский Якоб, главной целью которого было спасти свое небольшое княжество от военного разорения, также предлагал свое посредничество и обещал, что никакой помощи Речи Посполитой он оказывать не будет. Гораздо более сдержанным (если не враждебным) было отношение бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма. Он поставил под сомнение обоснованность решения о войне, пытался запугать русский двор сообщениями о военных приготовлениях Речи Посполитой и помощи ей со стороны крымских татар. Курфюрста (как герцога прусского) вполне устраивал почти номинальный вассалитет по отношению к Речи Посполитой и он вовсе не был заинтересован в переменах, которые привели бы к появлению у его прусских владений более могущественного, а следовательно, и более опасного соседа. Однако и курфюрст обратился к царю с предложением о посредничестве, что означало, что и он не намерен вмешиваться в войну⁶. Таким образом, в разгоравшейся войне Речь Посполитая не могла рассчитывать на помощь даже со стороны своих ленников.

К концу 1654 г., когда дипломатические миссии «второй волны» стали возвращаться в Москву, завершилась первая кампания русско-польской войны. Для выполнения своих далеко идущих

6 О миссиях, отправленных в мае 1654 г., и их результатах см.: Заборовский Л.В. Россия... С. 35–39.

планов русская власть мобилизовала большие военные силы. В войне лично принял участие сам царь Алексей Михайлович, выехавший вслед за войском из Москвы. Военные действия развернулись на двух направлениях — на Украине и на белорусских землях Великого княжества Литовского. На Украине, где действовали совместно украинская армия и русские войска во главе с В.Б. Шереметевым, крупные военные столкновения произошли в районе Умани, где украинско-русское войско столкнулось с польской армией, которую поддерживали пришедшие на помощь к Речи Посполитой крымские татары. В четырехдневной битве под Охматовом обе стороны понесли серьезные потери, не добившись победы⁷. Иное положение сложилось на белорусских землях, куда были направлены главные силы русской армии и 20-тыс. казацкий корпус. Главным событием военной кампании стала капитуляция Смоленска 23 сентября 1654 г. В ходе военных действий, развернувшихся летом-осенью 1654 г., русские войска заняли не только Смоленскую землю, утраченную Русским государством в годы Смуты, но и обширные земли в Восточной Белоруссии, были заняты такие города, как Мстиславль, Гомель, Могилев, Полоцк, Витебск. Литовские войска отошли за Березину⁸. Как показывает переписка царя с военачальниками, в царской ставке были более обширные планы. Так, предполагалось, что одна из русских армий во главе с А.Н. Трубецким, заняв Борисов и Минск, будет двигаться к Люблину на соединение с войсками Хмельницкого. Однако и достигнутые результаты были очень значительными. Польско-Литовское государство, ослабленное многолетней борьбой с восставшим казачеством, явно проигрывало войну с новым сильным противником. Неудивительно, что в январе 1655 г. царь, возвращаясь из похода, выражал желание продолжать военные действия⁹.

7 О военных действиях на Украине см.: *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 56–62; *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Т. IX/2. Київ, 1931. С. 870–882, 1013–1020, 1037–1049.

8 О военных действиях в Белоруссии см.: *Мальцев А.Н.* Россия... С. 37–56; *Wisner H. Janusz Radziwiłł. 1612–1655.* Warszawa, 2000. S. 168–174.

9 А.С. Матвееву он писал: «К Москве идем на малое время и легким делом и тотчас назад пойдем» (цит. по: *Мальцев А.Н.* Россия... С. 76).

Военные действия должны были начаться в мае 1655 г. На Украине совместно с войсками Хмельницкого должна была действовать армия во главе с В.В. Бутурлиным. На территории Белоруссии должны были действовать одновременно три армии. Южная – во главе с А.Н. Трубецким должна была взять Старый Быхов и далее двигаться по направлению Слуцк–Новогрудок–Брест. Главная армия во главе с Я.К. Черкасским, вместе с которой находился сам царь, должна была идти из Смоленска через Минск и Борисов к самой столице Великого княжества Литовского – Вильно. К Вильно с севера из Великих Лук должна была двинуться и северная армия во главе с В.П. Шереметевым. Соединившись под Вильно, эти войска должны были двигаться далее в направлении Ковно–Гродно–Брест. В конечном пункте этого маршрута, на самой границе с Польшей эти войска, вероятно, должны были встретиться с армией А.Н. Трубецкого. Кроме того, небольшой отряд во главе с А.Л. Ординым-Нащокиным должен был завершить подчинение русской власти «польской Ливонии»¹⁰. Новая военная кампания, таким образом, должна была привести к занятию русскими войсками едва ли не всего Великого княжества Литовского и тем самым созданное по Люблинской унии 1569 г. Польско-Литовское государство прекратило бы свое существование.

Намеченные планы не во всем удалось реализовать. Армия В.П. Шереметева ни в мае, ни в июне так и не начала поход на Вильно, а армия А.Н. Трубецкого вплоть до конца июля безуспешно осаждала Старый Быхов, но главные силы в июне выступили в поход. 19 июня передовые русские части заняли Борисов и перешли через Березину, 3 июля был занят Минск и здесь стали сосредотачиваться войска для похода на Вильно¹¹. Таким образом, на главном стратегическом направлении военные действия развивались успешно. 12 июля в Борисове было объявлено, что царь идет «к Вильно и Оршаве»¹².

К этому времени ситуация резко осложнилась, так как на территории Речи Посполитой появились шведские войска. Благодаря усилиям целого ряда шведских и польских исследователей в настоящее время хорошо выяснено, как и под влиянием каких факторов у шведских правящих кругов сложилось реше-

10 Об этих планах см.: *Мальцев А.Н.* Россия... С. 77–79.

11 Там же. С. 82, 85, 89–90.

12 Там же. С. 91.

ние начать войну с Речью Посполитой. В отечественной литературе вопрос был обстоятельно рассмотрен Л.В. Заборовским. В последнее время эти свидетельства снова изучил А. Котлярчук, сотрудник Стокгольмского университета.

Успехи, достигнутые русскими войсками в военной кампании 1654 г., вызвали беспокойство в Стокгольме. Дело было не только в том, что шведские политики не были заинтересованы в резком изменении существовавшего в Восточной Европе соотношения сил в пользу России. Для беспокойства были и более конкретные причины. С занятием русскими войсками белорусских земель на Западной Двине русская власть не только ставила под свой контроль территории, с которых в Ригу поступали самые разнообразные товары, но и приобретала выгодные стратегические позиции для наступления на прибалтийские провинции Шведского королевства. Это беспокойство нашло свое выражение уже летом-осенью 1654 г. в военных и дипломатических акциях. Так, в июле-августе 1654 г. шведский король Карл Густав отдал распоряжение о переброске в Ливонию новых военных контингентов и предписал генерал-губернатору прибалтийских провинций Г. Горну расположить их поблизости от границ России¹³. В августе было принято решение об отправке к Алексею Михайловичу асессора Удде Эдла. Миссия носила достаточно стандартный, шаблонный характер. Карл Густав сообщал царю о своем вступлении на шведский трон и о своем намерении отправить в Россию «великого» посла для подтверждения Столбовского мирного договора 1617 г., что было необходимой процедурой после восшествия на престол нового монарха¹⁴. Путешествие заняло много времени, и лишь 7 января 1655 г. царь, возвратившийся из похода, принял шведского посланца в Вязьме¹⁵. К этому времени, однако, шведское правительство оказалось вынужденным реагировать на сложившуюся ситуацию и принять меры для защиты своих интересов. 31 октября 1654 г. в Россию с новой грамотой был послан гонец Клаус Портман, догнавший Удде Эдла уже в Вязьме¹⁶.

13 *Заборовский Л.В.* Россия... С. 79, 81; *Kotljarchuk A.* In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid. 17th Century. Stockholm, 2006. P. 94.

14 См. перевод грамоты Карла Густава от 31 июля 1654 г.: РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1654 г. № 4. Л. 134–144.

15 Там же. Л. 121 и сл.

16 Там же. Л. 145.

В этой грамоте Карл Густав прежде всего заверял Алексея Михайловича, что он никоим образом не собирается вмешиваться в русско-польскую войну («и до тое войны нам дела нет и ни в чем в то дело не внимаемся»). Вместе с тем он обращал внимание корреспондента на добрые отношения, связывавшие издавна курляндских герцогов со шведскими королями, и выражал «добрую соседскую дружную надежду», что курляндский герцог будет и с царем «в советной дружбе»¹⁷. Это была недвусмысленная просьба не распространять военные действия на территорию Курляндии. С выходом русских войск к Западной Двине они оказались в опасной близости от территории герцогства. Так как герцог был вассалом польского короля и оказывал ему помощь, то возникла опасность распространения войны и на эти земли. Герцог обладал весьма скромными военными силами и возникла реальная опасность, что в ходе военных действий русские войска займут Курляндию и овладеют ее портами на побережье Балтийского моря. Своим вмешательством Карл Густав хотел предотвратить возможность такого развития событий.

Ответ царя на шведское предложение был благоприятным. Алексей Михайлович поздравил Карла Густава со вступлением на трон, заверил его, что он намерен соблюдать условия Столбовского мира («и впредь держати будем во всем по посольскому договору»), и обещал «принять честно» посла, который приедет в Москву для подтверждения этого соглашения¹⁸. В царском ответе на грамоту, привезенную Портманом, содержались резкие выпады по адресу курляндского герцога, который «подданой недруга Яна Казимера короля польского и к тому недругу нашему... посылал на помочь людеи своих», но «ради дружбы и любви» к шведскому королю царь приказал «не воевать» Курляндию¹⁹.

В условиях продолжавшейся войны русское правительство не было заинтересовано в осложнении отношений со Швецией, тем более что со шведской стороны имели место заявления, что ее нейтралитет будет благоприятным по отношению к России. Так, на встрече с главой Посольского приказа думным дьяком Алмазом Ивановым 10 ноября 1654 г. шведский резидент в Москве де Родес сообщил ему, что в отличие от других государей

17 Перевод грамоты Карла Густава см.: Там же. Л. 147–149.

18 Там же. Л. 159–160.

19 Там же. Л. 185–186.

Карл Густав не разрешил польским агентам производить вербовку солдат для армии Речи Посполитой, так как «полской король нынешнему новому королю неприятель»²⁰.

Имело значение еще одно обстоятельство. Осенью 1654 г. до царя и его советников доходили слухи, что Польшо-Литовское государство ищет союза со Швецией ценой далеко идущих уступок. Китт, шотландский полковник на русской службе, ездивший для «вестей» в Ригу в ноябре 1654 г., сообщал, что еще до его приезда через город проехали польские послы, направлявшиеся в Швецию с такими предложениями²¹. В таких условиях тем более не следовало осложнять отношения со Швецией.

Вместе с тем в царской ставке правильно поняли смысл просьбы о признании нейтралитета Курляндии. Начиная с С.М. Соловьева, исследователи справедливо обратили внимание на слова, читающиеся в письме царя к своему доверенному лицу, стрелецкому-голове А.С. Матвееву; «И Смоленск им не таков досажен, что Витепск да Полтеск, потому что отнят ход по Двине в Ригу»²². Обозначившийся с выходом русских войск на двинский торговый путь выход на подступы к Балтийскому морю в царской ставке четко осознавался, но какое-либо решение явно отодвигалось пока в достаточно неопределенное будущее.

Заверения Карла Густава, что он не намерен вмешиваться в русско-польскую войну, не отвечали действительности уже в то время, когда они были положены на бумагу. Уже осенью 1654 г. шведские правящие круги пришли к убеждению, что они не могут безучастно наблюдать за происходящими событиями, и стал обсуждаться вопрос о путях и формах возможного вмешательства.

На заседании шведского риксрода (государственного совета) в декабре 1654 г. его члены пришли к окончательному решению, что события в Восточной Европе приняли такой оборот, что шведское государство должно в них вмешаться. Вопрос о форме такого вмешательства оставался открытым. Члены риксрода отдавали предпочтение заключению союза с Польшо-Литовским государством, чтобы совместными усилиями воспрепятствовать дальнейшему усилению России. Однако ради заключения

20 Там же. Л. 34.

21 АЮЗР. Т. 14. Стб. 648.

22 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 42.

такого союза оказавшаяся в критическом положении Речь Посполитая должна была пойти на серьезные уступки: речь шла не только об отказе Яна Казимира, как представителя старшей ветви шведского королевского дома, от притязаний на шведский трон и об отказе Речи Посполитой от притязаний на Ливонию, но и о шведском протекторате над Курляндией, об уступках на территории Пруссии, где шведы получили бы в свои руки какую-то часть прусских портов²³. Тем самым был бы сделан еще один шаг по пути к превращению Балтийского моря в шведское озеро с тем, чтобы все морские торговые пути, ведущие с Востока на Запад Европы, оказались под контролем шведской власти и она могла эксплуатировать товарооборот между ними в своих интересах, пополняя собственную казну.

Вместе с тем учитывалась и другая возможность — прямое подчинение оказавшейся в критической ситуации Речи Посполитой шведской власти. Донесения шведских агентов, посылавшихся в Речь Посполитую во второй половине 1654 г., говорили о том, что в условиях все ухудшавшегося положения отдельные группы населения пытались искать «защиту» у иностранных правителей. Такие настроения наиболее явно проявились на территории Великого княжества Литовского, где отдельные магнаты уже к концу 1654 г. вступили в переговоры со шведами о «протекции» и «защите». В выступлениях некоторых членов риксрода проявилась явная готовность такую «протекцию» оказать²⁴. Как бы то ни было, было принято решение начать подготовку к войне и было намечено время выступления — весна 1655 г.

Окончательный выбор решения определили два обстоятельства — политика Яна Казимира и положение дел на восточном фронте. И в Польше, и в Литве многие влиятельные политики видели выход из сложившегося критического положения именно в заключении союза со Швецией, хотя бы и ценой серьезных уступок. Иного мнения держался Ян Казимир. Хотя под давлением сенаторов в январе 1655 г. он направил своего представителя в Стокгольм, но не дал ему полномочий для переговоров о союзе, зато посланец выступил с требованием «компенсации»

23 О соответствующих высказываниях членов риксрода и расчетах, связанных с заключением такого союза, см.: *Заборовский Л.В.* Россия... С. 84–85, 88–90.

24 *Заборовский Л.В.* Россия... С. 86, 89–90; *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 85–86.

Яну Казимиру за отказ от его прав на шведский трон²⁵. Позднее Карл Густав писал царю, что польский король писал к нему «не по достоинству» и «ищет он только нашему королевскому величеству всякие шкоды и убытки чинить»²⁶. Убеждение короля Карла Густава и его советников, что прийти к соглашению с Яном Казимиром не удастся, стало одним из важных стимулов для принятия решения о войне с Речью Посполитой.

Но имели значение и другие факты. На восточном фронте попытки литовских гетманов зимой-весной 1655 г. вернуть занятые русскими войсками земли не привели к успеху. В большей части занятых городов оставались русские гарнизоны, а литовская армия понесла серьезные потери при безуспешной осаде Могилева²⁷. Между тем в грамоте царя Алексея, которую в январе 1655 г. повез в Стокгольм Удде Эдла, указывалось, что царь приказал главным силам своей армии «зимовать» в районе Вязьмы с тем, чтобы весной войско во главе с самим царем направилось «в дальние королевские города»²⁸. Сведения о крупных закупках оружия у купцов — шведских подданных в первые месяцы 1655 г. ясно говорили о том, что эти высказывания царя не останутся только на бумаге²⁹. В Стокгольме не могли допустить полного поражения Речи Посполитой с возобновлением войны и своим вмешательством рассчитывали, не вступая в открытое столкновение с Россией, воспрепятствовать ее дальнейшим успехам, поставив под свой контроль стратегически важные с точки зрения шведских интересов территории.

Имело значение еще одно важное обстоятельство. В условиях ухудшавшегося положения у разных кругов магнатории и шляхты в отдельных частях Речи Посполитой усилились на-

25 Kersten A. Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji. Warszawa, 1988. S. 367–368, 376–379.

26 См. перевод грамоты Карла Густава царю от 29 марта 1655 г.: РГАДА. Ф. 96, 1655 г. № 4. Л. 45.

27 О кампании начала 1655 г. см.: *Bobiatyński K.* Od Smoleńska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą. 1654–1655. Zabrze, 2004. S. 133–182.

28 РГАДА. Ф. 96, 1654 г. № 4. Л. 179–181.

29 Так, у жителей Нарвы П. Микляев закупил 30 тыс. мушкетов, переговоры о закупке 8 тыс. мушкетов велись и с шведским резидентом в Москве де Родесом (*Куриц Б.Г.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915. С. 241).

дежды на спасение в обстановке общего упадка благодаря обещанию «протекций» и «защиты» со стороны кого-либо из иностранных правителей. Так, в первые месяцы 1655 г. магнаты и шляхта Великой Польши обращались с просьбами о защите к бранденбургскому курфюрсту³⁰, а бранденбургский резидент в Варшаве Ховербек сообщал Фридриху Вильгельму, что примас и ряд сенаторов готовы были бы видеть курфюрста на польском троне вместо Яна Казимира³¹. Какие-то контакты со шведами завязала в первые месяцы 1655 г. шляхта Инфлянского воеводства³². Весной 1655 г. стал искать более тесных контактов со шведами великий гетман Великого княжества Литовского и первый сенатор Литвы — воевода виленский Януш Радзивилл. Во время этих переговоров поднимался вопрос о возведении Карла Густава при содействии литовцев на польский трон³³. К лету 1655 г. к такому решению, по-видимому, стал склоняться и виленский епископ, вступивший в переговоры на эту тему с курляндским герцогом³⁴. И сами эти контакты, и распространявшиеся слухи о них создавали у шведских государственных деятелей (что нашло отражение в инструкциях военачальникам) впечатление, что, может быть, и не придется вести серьезную войну, а разные группировки магнатов и шляхты Речи Посполитой, отказав в поддержке Яну Казимиру, примут шведскую защиту и протекцию. Погружавшаяся в глубокий внутренний кризис, истощенная долголетней войной Речь Посполитая казалась легкой добычей.

К лету 1655 г. в своих основных чертах сложились и планы военной кампании. Удар должен был быть нанесен с двух сторон — с запада и с востока. На западе армия во главе с фельдмаршалом А. Виттенбергом из шведской Померании должна была вторгнуться на земли Великой Польши. В случае успешного занятия этих территорий Королевская (Западная) Пруссия была бы отрезана от Речи Посполитой и создавались бы благоприятные условия для занятия этой территории³⁵, представлявшей для шведских правящих кругов особый интерес, так как именно

30 *Заборовский Л.В.* Россия... С. 150–151.

31 *Kubala L.* Wojna szwedcka w roku 1655 i 1656. Lwów, 1914. S. 52.

32 *Заборовский Л.В.* Россия... С. 152.

33 *Kotljarchuk A.* In the Schadows... P. 92–93.

34 *Kubala L.* Wojna szwedcka... S. 52.

35 *Заборовский Л.В.* Россия... С. 120–121.

здесь находились города, лежавшие в ключевых точках торговых путей, связывавших Польско-Литовское государство со странами Западной Европы.

Другим регионом Восточной Европы, куда должны были направиться шведские войска, были земли Великого княжества Литовского. Внимание к этому региону резко усилилось после выхода русских войск к Западной Двине. На первых порах особое внимание шведских правящих кругов привлек к себе Динабург (Даугавпилс) — один из главных центров польской Ливонии, крепость, лежавшая на пути, ведущем в Ригу. Уже в декабре 1654 г. обсуждался вопрос об оказании помощи жителям Динабурга, очевидно, чтобы не допустить его занятия русскими войсками³⁶. Положение обострилось, когда весной 1655 г. русские войска подошли к Динабургу и попытались занять город. Характерно, что решение о занятии этого города было принято еще до начала общего наступления русской армии. 2 апреля 1655 г. стоявший со своим отрядом в Резекне (Резице) воевода А.Л. Ордин-Нащокин получил соответствующий приказ³⁷. Обладание крепостью усилило бы русские позиции и на двинском пути и на подступах к Курляндии. Так как было известно, что в Динабурге находится небольшой гарнизон, то рассчитывали, что крепость капитулирует без сопротивления. А.Л. Ордину-Нащокину было «литовским людям велено говорить, чтоб они государские милости себе поискали и город здали». Тогда же В.П. Шереметев, командующий северной армией, получил приказ обратиться с таким же предложением к жителям другого лежавшего в этом районе города — Икажно³⁸. 4 мая А.Л. Ордин-Нащокин подошел к Динабургу³⁹, но к этому времени гарнизон крепости был сильно увеличен⁴⁰ и отказался капитулировать. Началась осада, в царской ставке принимали меры, чтобы пополнить его отряд и снабдить его порохом и свинцом⁴¹. 14 мая «пройдя через курлянскую землю», к Динабургу подошли литовские войска

36 *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 94.

37 Акты Московского государства (далее — АМГ). Т. 2. СПб., 1894. № 647. С. 403.

38 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Московский стол. Стб. 262. Л. 34.

39 Там же. Л. 82.

40 *Bobiatyński K.* Od Smoleńska... S. 193–195.

41 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 262. Л. 33, 229.

во главе с полковником С. Комаровским. Они атаковали отряд А.Л. Ордина-Нащокина «в обозе» при поддержке городской артиллерии. После длительного боя 16 мая А.Л. Ордин-Нащокин отступил к Резекне⁴². Получив сообщение об этом, царь 29 мая приказал В.П. Шереметеву «для выручки Офонасья Нащокина идти к Диноборку и над Диноборком и над литовскими людьми промышлять»⁴³. 2 июня приказ был повторен⁴⁴, но В.П. Шереметев его не выполнил.

Происходившие события, свидетельствовавшие о новых попытках русской стороны утвердить свои позиции на двинском пути, вызвали беспокойство шведских властей в Ливонии. Здесь приняли решение занять город еще до начала общего наступления на Польско-Литовское государство. В июне рижский корреспондент А.Л. Ордина-Нащокина Альберт Бюлов сообщил ему, что «полявой маршалек Густав Адольф Левенгаупт, тот с финскими людьми пошел под Диноборок»⁴⁵. Полковник С. Комаровский оставил город и Г. Левенгаупт разместил в нем шведский гарнизон. Шведы на этом этапе действовали осторожно. Местной шляхте, просившей о защите, было отказано⁴⁶. 14 июня Альберт Бюлов в письме к А.Л. Ордину-Нащокину, узнав о его ранении, выражал ему сочувствие, добавив, что «его милость пан Густав Горн (генерал-губернатор Ливонии. — Б.Ф.) зело вас жалел»⁴⁷. В июле 1655 г. направлявшийся к царю посланец Карла Густава Иоганн Розенлинд объяснял воеводе, что шведы хотели помешать полякам «всякой провоз от Риги от города... и всякую приятную ссылку меж наших обеих великих государей тем малым местом отнять»⁴⁸.

42 См. отписки А.Л. Ордина-Нащокина (РГАДА. Ф. 210. Безгласный стол. Стб. 78. Л. 232–236) и В.П. Шереметева (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 262. Л. 125); *Bobiatyński K. Od Smoleńska...* S. 196–197.

43 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 262. Л. 125.

44 Там же. Л. 129.

45 РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1655 г. № 7. Л. 52. В письме выражалось пожелание, чтобы на будущих мирных переговорах шведам были переданы Резекне и Лудза, «которые Ливонские земли присуды».

46 *Kotljarchuk A. In the Shadows...* P. 95.

47 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 1. Л. 30.

48 Там же. 1655 г. № 4. Л. 14.

К этому времени, однако, у шведов сложился план кампании на литовском направлении, преследовавший гораздо более далеко идущие цели. Осуществить его должен был новый наместник Ливонии Магнус Делагарди — один из виднейших представителей шведской знати, близкий родственник Карла Густава⁴⁹. В инструкциях, врученных новому наместнику 2 июля 1655 г., ему предписывалось занять весь север Великого княжества с городами Биржи и Ковно, особое значение придавалось занятию Жемайтии, что приближало шведские владения в Ливонии к Восточной Пруссии. Под шведский контроль должны были быть поставлены дороги, которые вели из Жемайтии к Вильно — столице Великого княжества. Особое значение, как и ранее, придавалось укреплению шведских позиций на двинском пути. Из Динабурга следовало выслать войска, чтобы занять Браслав⁵⁰. Таким образом военные действия шведских войск по двум направлениям должны были привести к двум важным последствиям. Заняв всю северную часть Польско-Литовского государства, шведские правящие круги установили бы контроль над стратегически важными пунктами на южном побережье Балтийского моря и одновременно был бы поставлен барьер на пути возможного продвижения к этим территориям русских войск.

В инструкциях нашло отражение представление, что этих целей, возможно, удастся добиться без войны. В них указывалось, что литовцы, в особенности Радзивилл и другие дворяне, расположены к Швеции, и М. Делагарди получил полномочия заключить договор, который определил бы условия их существования под шведской властью. Вместе с тем, не полагаясь только на добрую волю литовских дворян, Карл Густав предписывал наместнику ввести шведские гарнизоны в стратегически важные пункты⁵¹.

В начале июля 1655 г. армия А. Виттенберга вступила на территорию Великой Польши. И фельдмаршал, и находившийся при нем бывший канцлер коронный И. Радзейовский обратились к собравшемуся для отпора шведам дворянскому ополчению Великой Польши с предложением вступить в переговоры.

49 О нем см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 51–52.

50 *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 95–96.

51 *Ibid.* P. 96.

Предложение, поддержанное ружейным и пушечным огнем, имело успех. По заключенному соглашению магнаты и шляхта Великой Польши признали Карла Густава своим «протектором», передавая в его распоряжение королевские владения и доходы с них. В главных городах Великой Польши должны были разместиться шведские гарнизоны⁵². Достигнутый успех открывал шведской армии путь в другие польские земли и способствовал появлению у шведского короля новых, более далеко идущих планов в отношении Речи Посполитой.

Новый шведский наместник Ливонии прибыл в Ригу в конце июля 1655 г. и лишь тогда смог приступить к выполнению королевских инструкций. К этому времени началось большое наступление русских войск на западные земли Великого княжества Литовского. К началу июля в Минске сосредоточились главные силы центральной русской армии и оттуда она двинулась к столице Великого княжества — Вильно. К 24 июля русские войска оказались в непосредственной близости от этого города⁵³. В этих условиях, когда войска литовских гетманов были явно не в состоянии противостоять русской армии и на помощь из Польши рассчитывать было нельзя, великий гетман литовский Януш Радзивилл и виленский епископ Ежи Тышкевич приняли решение искать помощи у шведов.

18 июня 1655 г. царь Алексей Михайлович отправил к курляндскому герцогу гонца Якова Поздышева с угрозой, что если герцог не перестанет помогать «литовским людям», то царь «болши того терпеть не будет»⁵⁴. В наказе гонцу предписывалось «проведаť всякими мерами, сколько ныне в зборе свейских людей... и куды их походу чаять»⁵⁵. Возвращаясь из Митавы через Ригу, гонец оказался буквально в эпицентре важных событий. Как отметил подьячий в своем статейном списке, 26 июля к Магнусу Делагарди пришли посланцы, «один — от Радивила, другой — от бискупа (т. е. от Е. Тышкевича. — Б.Ф.), а третьей — от рады панов». Они просили скорее послать шведские войска в Биржи и в Вильно, «до тех мест, покаместа государевых ратных людей больших не собралось», а они и эти «и иные полские го-

52 *Kersten A. Hieronim Radziejowski...* S. 389–399.

53 *Мальцев А.Н. Россия...* С. 90–92.

54 См. текст царской грамоты: РГАДА. Ф. 63 (Сношения с Курляндией). 1655 г. № 3. Л. 40–44.

55 Там же. Л. 40б.

роды здавать учнут же без крови». Через день из Вильно снова приехали «скорые гонцы о том же»⁵⁶. 29–30 июля через Западную Двину перевозили войска во главе с Левенгауптом и артиллерию. Тогда же стало известно, что и сам Магнус Делагарди «хочет идти вскоре» к Вильно⁵⁷. Для наместника открывалась возможность быстро и успешно выполнить указания короля.

1 августа М. Делагарди приказал Левенгаупту выступить в поход и занять те земли Великого княжества, где нет русских войск. Согласно плану М. Делагарди армия должна была заложить свой лагерь в крепости Радзивиллов, лежавшей на границе с Курляндией, оттуда шведские войска должны были двигаться к Биржам и Ковно. Ковно должно было стать главной базой шведской армии. Биржи сдались без сопротивления, и в них был размещен шведский гарнизон⁵⁸, но другую часть плана выполнить не удалось.

Желая выиграть время до подхода шведских войск, епископ виленский, гетман и большая группа офицеров литовского войска обратились к кн. Я.К. Черкасскому и другим воеводам, стоявшим во главе центральной русской армии, с просьбой о перемирии⁵⁹, но Алексей Михайлович это предложение отклонил⁶⁰. После недолгих боев литовские войска оставили столицу, бо́льшая их часть вместе с гетманами отступила в Жемайтию. 4 августа царь въехал в столицу Великого княжества⁶¹. 6 августа высланные из-под Вильно войска заняли Ковно. На протяжении августа — начала сентября входившие в состав русской армии казацкие войска Ивана Золотаренко вместе с «государевыми людьми» заняли многие города на территории Трощкого и Виленского воеводств и вышли к Неману. Казаками и армией А.Н. Трубецкого были заняты также многие города на территории Новогрудского воеводства с его центром — Новогрудком. В конце августа русская власть утвердилась и в Гродно⁶².

56 Там же. Л. 66–68.

57 Там же. Л. 66, 68.

58 *Kotljarchuk A.* In the Schadows... P. 115–116.

59 Публ. этих обращений см.: *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). Документы, исследование. М., 1994. С. 8–10, 16–18.

60 Там же. С. 13–15, 18–21.

61 *Мальцев А.Н.* Россия... С. 95–97.

62 *Мальцев А.Н.* Россия... С. 97–100.

Одновременно шведские войска продолжали занимать северо-западные земли Великого княжества Литовского, размещая свои гарнизоны в стратегически важных пунктах. Так было занято епископство Пильтен на территории Курляндии и посланы войска, чтобы занять Палангу. Обладание этим городом на балтийском побережье открывало возможность для свободного прохода шведских войск из Ливонии в Восточную Пруссию. Особое внимание, как и ранее, было уделено укреплению позиций Швеции на двинском пути. Шведский отряд во главе с капитаном Уленброком занял Браслав, затем Икажно и Друю⁶³.

Еще до выступления шведских войск в поход М. Делагарди обратился к населению Великого княжества, обещая безопасность и защиту. Начались переговоры с той частью магнатов и шляхты Великого княжества во главе с Янушем и Богуславом Радзивиллами, которая выразила готовность подчиниться шведской власти. В лагере литовского войска под Кейданами были сформулированы условия, на которых магнаты и шляхта соглашались на шведскую «протекцию». Согласно составленной там декларации дворянство Великого княжества Литовского признавало Карла Густава великим князем литовским, его наместнику в Великом княжестве на время войны предоставлялась как резиденция Биржи, в распоряжение Карла Густава передавались все королевские имения в Великом княжестве, доходы и права, которыми располагали его предшественники. Вместе с тем Великое княжество Литовское под властью Карла Густава должно было оставаться особым государством со своими традиционными институтами, правами и привилегиями.

Одновременно эти условия налагали на шведского короля важные внешнеполитические обязательства. Карл Густав должен был обеспечить возвращение всех земель, занятых русскими и казаками, их прежним владельцам. Условия предусматривали, что Карл Густав должен сообщить царю о переходе Великого княжества Литовского под его власть и потребовать от него прекратить военные действия и отвести свои войска за Днепр. Если царь будет продолжать военные действия, шведские войска должны высту-

63 *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 116–118. В архиве Посольского приказа сохранился связанный с этими событиями документ — обращение гетмана Я. Радзивилла к браславской шляхте от 27 августа 1655 г. (РГАДА. Ф. 79. 1655 г. № 7. Л. 194–195), документ попал в руки русских властей в декабре 1655 г.

пить и защитить города, отдавшиеся под покровительство Швеции. В августе в Ригу прибыл Бенгт Шютте, который должен был стать наместником Карла Густава в Великом княжестве Литовском⁶⁴.

Какой информацией о происходивших переменах обладало русское правительство и как оно на нее реагировало?

После взятия Вильно и отступления литовской армии в Жемайтию царь и его советники, находившиеся с ним в столице Великого княжества, полагали, что война на этом направлении фактически закончена и магнатам и шляхте Великого княжества ничего не остается, как подчиниться власти царя. 14 августа было принято решение отправить к гетманам московского дворянина В.Н. Лихарева. В посланной с ним грамоте, адресованной епископу виленскому, гетманам, «всему рыцерству и... всему посольству», царь предлагал «милости себе поискат и быти под нашею, царского величества, высокою рукою»⁶⁵. В.Н. Лихарев возвратился в начале сентября⁶⁶, но еще до его возвращения в царскую ставку стали поступать сведения, что вряд ли можно рассчитывать на успех его миссии. Так, 20 августа Я.К. Черкасский прислал царю показания пленных о намерениях гетмана Радзивилла присоединиться к шведам, а другого гетмана, Госевского, «держит он у себя неволею для того, чтоб, де, ево взять с собою к свейскому королю». В той же отписке сообщалось, что «на реке на Вилее по сю сторону видели они свейских немец, стоят на стороже»⁶⁷. 4 августа М. Делагарди обратился с письмом к А.Л. Ордину-Нащокину с сообщением о начале войны с Речью Посполитой и первых успехах шведов⁶⁸. Тогда же к русским властям попали «немецкие листы» из Риги, в которых говорилось о капитуляции великопольского ополчения и о том, что «гетман полский Радивил хочет поддатца за свейского короля»⁶⁹. Наконец, 8 августа датировано письмо А. Бюлова, ливонского корреспондента А.Л. Ордина-Нащокина, в котором говорилось, что «из Риги воинские люди пошли в Литовскую землю к Вилну»⁷⁰.

64 *Kotljarchuk A.* In the Schadows... P. 100–104, 118–119.

65 *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское... С. 22–23.

66 Там же. С. 33.

67 См. дневник похода царя Алексея Михайловича: РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 145–146.

68 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 1. Л. 136–138.

69 Там же. Л. 113–115.

70 Там же. Л. 142.

Начало войны между Речью Посполитой и Швецией не стало для царя и его советников неожиданностью. Уже с начала 1655 г. в Москву систематически поступали сведения о введшихся в Швеции обширных приготовлениях к войне, а затем и о планах захвата польских земель⁷¹. Так, в сообщениях, полученных в мае 1655 г., говорилось, что Карл Густав «хочет... идти против литовского короля под [Гд]анеск польской да и Прусскую землю хочет у литовского короля отнять»⁷². В голландских «вестовых тетрадях», присланных из Архангельска, сообщалось, что ждут похода шведов «на Прусскую землю или на Гданеск, а в зборе у них такое великое войско земным и воденым путем, что не слыхано». В портах задержаны все находящиеся в них корабли для перевозки этого войска⁷³. Наконец, Альберт Бюлов в уже упоминавшемся письме от 14 июня прямо сообщил А.Л. Ордину-Нащокину, что «никоторому поляку на нашей стороне не жити, потому что мы и сами с поляками войну ведем», шведские войска уже переправляются через море для похода «в Прусскую землю»⁷⁴.

2 июля сообщение А.Л. Ордина-Нащокина было получено в царской ставке и в тот же день Алексей Михайлович приказал воеводам идти «в Менеск тотчас, не мешкая»⁷⁵. Такова была первая реакция в царской ставке на начало польско-шведской войны. Эта война не противоречила русским внешнеполитическим планам и могла даже рассматриваться как фактор, благоприятствующий их осуществлению. Однако слухи о переговорах Радзивилла со шведами и появление на территории Великого княжества шведских войска не могли не обеспокоить царя и его советников. Было решено объяснить с Карлом Густавом.

20 августа стряпчий Климент Иевлев получил поручение отвезти к шведскому королю царскую грамоту⁷⁶. В своей грамоте царь сообщал, что по просьбе Карла Густава будет соблюдать нейтралитет Курляндии, выражал радость по поводу того, что король «Курляньские и Прусские города и места поимал», обещал «при-

71 См. об этом: *Заборовский Л.В.* Россия... С. 130.

72 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 1. Л. 29–30.

73 Вести-куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996. С. 99.

74 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 7. Л. 53.

75 См. дневник похода Алексея Михайловича: РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 81–82.

76 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 6. Л. 1.

нять честно» шведских великих послов. Вместе с тем царь ставил в известность короля, что он занял Вильно и стал «на Великом княжестве Литовском государем», а его войско идет «к Варшаве», «за реку Немон», «к Люблину и к Кракову». В этой связи царь настоятельно предлагал шведским войскам «из городов и из уездов Великого княжества Литовского вспять отступить»⁷⁷. Одновременно К. Иевлев повез с собой письмо от Я.К. Черкасского и других русских воевод к М. Делгарди. В грамоте также выражали радость по поводу того, что шведский король отнял у Яна Казимира «порубежные города». В ней с ударением подчеркивалось, что Алексей Михайлович с Карлом Густавом «в дружбе и в любви будут и свыше прежнего и нелюбия меж ими, великими государи, николи не будет». Вместе с тем в грамоте было уделено заметное место вопросу о Януше Радзивилле. Если Януш Радзивилл и другие литовские магнаты и шляхтичи действительно принесли присягу шведскому королю, то Карлу Густаву «достоит их взять в свои королевского величества города», а в Великом княжестве Литовском — владении царя «подданным королевского величества земля владеть... не годитца». Вообще наместнику Ливонии не следовало бы принимать к себе тех, которые «от его царского величества сабли бегут»⁷⁸.

Содержание этих двух документов показывает, какова была позиция русского правительства на начальном этапе шведско-польской войны. В грамотах довольно ясно поднимался вопрос о разграничении сфер влияния на территории Польско-Литовского государства. Русское правительство готово было согласиться с захватами Швеции на Балтийском побережье при условии, что она не будет вмешиваться в сферу русских интересов на территории Великого княжества Литовского. Сообщение о готовящемся походе русских армий на польские земли должно было показать, что русское правительство — серьезная политическая сила, с интересами которой при продолжении войны Карлу Густаву придется считаться.

Принятые меры явно запоздали. К тому времени, когда Карлу Густаву была отправлена царская грамота, шведские войска, как показано выше, уже заняли значительные территории на

77 Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). Т. 6. СПб., 1857. С. 443–446.

78 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 6. Л. 51–61.

северо-западе Великого княжества Литовского и выводить без каких-либо веских причин эти войска шведский правитель не собирался. При оценке возможных перспектив этого демарша следует учитывать два обстоятельства. Поход русских армий в польские земли так и не состоялся и с течением времени сообщение царя должно было восприниматься как простая угроза. Карл Густав мог бы серьезнее отнестись к русским предложениям, если бы на польских землях он столкнулся с серьезным сопротивлением и возникла перспектива затягивания войны (на это, возможно, и ориентировались в своих расчетах царь и его советники). Однако события стали развиваться в другом направлении.

В польском обществе, измученном долголетней разорительной войной, приходившем в отчаяние от постоянных внутренних конфликтов, военных неудач и быстрого умножения числа врагов, наступил массовый психический срыв. Под влиянием агитации сторонников Карла Густава общество увидело в приходе шведского монарха с его сильным войском желанный выход из тяжелой, едва ли не безнадежной ситуации. Новый правитель на польском троне должен был прекратить раздоры и установить порядок, нанести поражение русским и казакам, вернув Речи Посполитой ее прежние границы. Начался массовый переход жителей Польско-Литовского государства под «протекцию» Карла Густава. Шляхта, собравшаяся на поветовые и воеводские сеймики, приносила присягу «протектору» и хлопотала о получении «охранных грамот» на свои владения. Эта быстрая, массовая капитуляция перед лицом шведских войск, захватывавших без сопротивления одну территорию за другой, получила в польской исторической традиции название «Потопа». Как воины «Потопа», шведские войска занимали земли. 8 сентября н. ст. шведские войска вступили в Варшаву. У шведских политиков возникали все более широкие планы, далеко не ограничивавшиеся «Прусской землей», которую готов был уступить царь.

В сентябре 1655 г. шведские войска продолжали размещаться на северо-западных землях Великого княжества, но царь и его советники явно не рассматривали этот факт как основание для разрыва со Швецией. Об этом ясно говорит эпизод, связанный с приездом в Вильно посла бранденбургского курфюрста. Фридрих Вильгельм, благодаря сообщениям своих агентов и

бежавших на территорию Восточной Пруссии жителей Великого княжества, хорошо представлял себе, какое положение складывалось на соседних с Пруссией землях в результате успешного наступления русских войск. Русская армия приближалась к его границам, и курфюрст опасался, что его прусские владения, как земли польского ленника, будут охвачены войной. Поэтому 9 августа он отправил в Вильно своего посланца Лазаря Киттельмана. Киттельман должен был выступить с предложением о посредничестве между Алексеем Михайловичем и Яном Казимиром. Тем самым сразу давалось понять, что курфюрст не принимает участия в войне. Одновременно он должен был просить об «охранной грамоте» [Schutzbrief] для владений курфюрста.

Этим цели миссии Л. Киттельмана вовсе не ограничивались. Хотя Фридрих Вильгельм дал согласие на проход шведских войск через его владения в Великую Польшу, перспектива утверждения шведской власти на польских землях его не радовала. Будущность герцогства Прусского, окруженного со всех сторон шведскими владениями, не могла его не беспокоить. В сложившемся положении он был намерен взять под свое «покровительство» сословия Королевской Пруссии, оказавшейся после первых успехов, достигнутых шведами, в тылу шведской армии, отрезанной от польских земель. Это одновременно дало бы ему возможность перебросить в Восточную Пруссию войска, собранные на территории Бранденбурга. Так как такие шаги могли бы вызвать враждебную реакцию шведов, Фридрих Вильгельм прилагал большие усилия в поисках союзников. В июле 1655 г. он заключил договор о союзе с Голландией, заручившись поддержкой голландского флота в случае нападения на его «земли и порты»⁷⁹. Другого союзника курфюрст рассчитывал найти в лице царя, не заинтересованного, как он полагал, в усилении шведского короля. Поэтому Киттельман должен был добиваться «охранной грамоты» не только для владений курфюрста, но и для тех земель, которые примут его «протекцию». Киттельман должен был также поставить царя в известность о планах шведского короля захватить Пруссию и установить в прусских портах высокие пошлины. В этом случае курфюрст будет вынужден

79 О политике курфюрста в начале «Потопа» см.: *Szymczak B. Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej*. Warszawa, 2002. S. 139 i n.

оказать ему сопротивление и надеется, что царь ему поможет⁸⁰. От командующего войсками курфюрста в Пруссии графа Вальдека он также получал указания хлопотать о заключении союза между курфюрстом и царем⁸¹.

Путешествие по разоренной войной стране, где продолжались военные действия, было долгим и трудным. Лишь 30 сентября он смог приехать в Вильно, где состоялись его встречи с думным дьяком Ларионом Лопухиным, а затем и с боярином И.Д. Милославским. Предложение о посредничестве было отклонено. В царской грамоте курфюрсту указывалось, что, если Ян Казимир хочет мира, он должен сам отправить послов с такой просьбой к царю. Одна из целей миссии была достигнута. Л. Киттельман получил «охранную грамоту»: в ней царь предписывал Богдану Хмельницкому и своим воеводам не причинять вреда владениям курфюрста. Однако действие этого документа не распространялось на те польские земли, которые захотели бы перейти под «протекцию» курфюрста. Что касается предложений о союзе против Швеции, о них в отчете Киттельмана о своей миссии ничего не говорилось⁸². Очевидно, русские собеседники на высказывания посланца курфюрста не реагировали.

Размещение шведских войск на землях Великого княжества Литовского и одновременное продвижение русских войск на запад привело к столкновениям на пограничных территориях в районе Браслава, в районе Ковна. Сложности возникали и в связи с тем, что на территории, занятой русскими войсками, находились владения принесшего присягу шведскому королю Богуслава Радзивилла (такая крепость, как Слуцк), которые отказывались подчиняться русским воеводам и впускать русские войска. Стороны, однако, не стремились к обострению отношений.

М. Делагарди 4 августа обратился с письмом к «генералу его царского величества над великими сильными войски». Сообщая о переходе целого ряда земель Великого княжества Литовского (в их числе — Браславского повета) под шведскую власть, намест-

80 Текст инструкций Л. Киттельману см.: *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg*. T. VI. S. 704–705.

81 *Hirsch T. Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenburg und Russland unter den grossen Kurfürsten*. Th. 1. Berlin, 1885. S. 11.

82 *Hirsch T. Die ersten Anknüpfungen...* Th. 1. S. 12–13.

ник предлагал прекратить военные действия и сохранять мир, а в дальнейшем о «граничном деле», т. е. об установлении точных границ между русскими и шведскими владениями на территории Великого княжества Литовского, могут договориться шведские «великие» послы, которые направляются в Москву»⁸³. 25 августа грамота была доставлена к царю в Вильно⁸⁴, и шведское предложение встретило благоприятный отклик. 28 августа царь приказал воеводе С.А. Урусову — новому командующему русскими войсками на территории Великого княжества Литовского — «учинить заказ крепкой», чтобы «ратные люди» не вступали на земли занятого шведами Браславского повета⁸⁵. 31 августа с ответом на грамоту М. Делагарди от имени Я.К. Черкасского и других воевод был отправлен гонец Афанасий Нестеров⁸⁶. Хотя в грамоте выражался протест против попыток распространить шведскую власть на земли, занятые русскими войсками, и содержалось требование, чтобы Я. Радзивилл перестал называть себя великим гетманом Великого княжества Литовского и виленским воеводой, воеводы заверяли от имени царя, что мир будет соблюдаться, а решение спорных вопросов будет отложено до того времени, когда приедут в Москву шведские послы и «пограничных городов в уездах и межах договор учинят»⁸⁷.

М. Делагарди любезно принял русского гонца, сообщил, что он послал «листы» в Браслав, Икажно и Динабург, чтобы оттуда на занятые русскими войсками земли «не въезжали и шкоды, и заказу никакова не чинили». Он также обещал, что, когда встретится с Я. Радзивиллом, «будет ему говорить, чтобы тот впредь воеводою виленским и великим гетманом Великого княжества Литовского писать себя не велел». Вызывало беспокойство лишь настойчивое утверждение наместника, что Слуцк и Несвиж находятся под шведской властью, так как присягу шведскому королю принес не только их владелец Богуслав Радзивилл, но и «тех городов шляхты человек со сто и больши»⁸⁸. В ответной

83 Перевод грамоты М. Делагарди см.: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 18. Л. 8–13.

84 Там же. Л. 1.

85 Там же. Л. 21.

86 Там же. Л. 28.

87 Там же. Л. 29–43.

88 См. запись бесед с Делагарди в статейном списке А.И. Нестерова: Там же. Л. 153–155.

грамоте, посланной с А.И. Нестеровым, также содержалось требование, чтобы русские войска «тем городом никакие шкоды и разоренья не чинили». Одновременно, однако, в этом документе М. Делагарди подчеркивал, что будет сохранять мир на границе с русскими владениями и «все делать на содержанье советные дружбы»⁸⁹. Шведские власти в Ливонии явно стремились сохранить мир с Россией.

Такое же стремление обнаруживала и русская сторона. Так, в грамоте от 12 сентября царь, предписывая, чтобы в Гродно шведов «не пускали», одновременно требовал: «задора бы с ними никакова не чинили»⁹⁰.

В октябре стремление обеих сторон сохранять мир оставалось прежним. 8 октября М. Делагарди обратился с письмом к С.А. Урусову. Он, правда, снова настаивал на принятии Слуцка и Несвижа под шведскую «протекцию», но вместе с тем подчеркивал свое стремление делать так, «чтоб с обеих сторон всякому свое место имети и владети без помешки» до окончания русско-шведских мирных переговоров. В знак расположения он распорядился освободить русских пленных, находящихся у Я. Радзивилла в Кейданах⁹¹. О том же говорят грамоты, исходившие в октябре 1655 г. от С.А. Урусова. Так, в грамоте от 12 октября ошмянскому старосте Адаму Саковичу, выражавшему вместе с большой группой местной шляхты желание подчиниться власти царя, предписывалось «свейского короля... с людьми с шведы ссоры и задоров не учинить»⁹². В грамоте, отправленной шведскому наместнику 15 октября, настаивая на том, что Друя должна находиться под русской властью, С.А. Урусов одновременно заверял, что русским людям запрещено нападать на занятые шведами земли «под смертною казнью»⁹³.

11 ноября на пути к Москве в Смоленске царь принял посланца Карла Густава Иоганна Розелинда. Посланец привез официальное сообщение о начале войны Швеции с Речью Посполитой. Карл Густав выражал надежду, что принятые решения «в добро приняты и истолкованы будут». Он предлагал, чтобы царь приказал своим военачальникам с шведскими генералами «всякую

89 См. перевод грамоты М. Делагарди: Там же. Л. 83–88.

90 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 34.

91 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 1. Л. 179–184.

92 Там же. № 9. Л. 6.

93 Там же. Л. 9–11.

дружбу и доброе умышление держать»⁹⁴. Карл Густав сообщал также о посылке в Москву своих «великих» послов⁹⁵.

В своем ответе царь подробно писал об успехах, достигнутых его войсками в Речи Посполитой, на сообщение о войне ответил, что ему об этом «ведомо». Идя навстречу пожеланиям короля, он приказал С.А. Урусову вести переговоры со шведскими генералами «о всяких надобных делах, которые пристоят нам, обоим великим государем, к дружбе». Царь обещал принять все меры к тому, чтобы «свейские послы» быстро и беспрепятственно доехали до Москвы, куда для встречи с ними направляется сам Алексей Михайлович⁹⁶. Характерно, что в грамоте был полностью обойден молчанием вопрос о вступлении шведских войск на территорию Великого княжества Литовского и возникших в связи с этим конфликтных ситуациях. Решение всех спорных вопросов явно откладывалось до начала русско-шведских переговоров в Москве.

Вместе с тем, характеризуя позицию русской стороны, следует отметить одно важное обстоятельство. Сообщая 22 сентября Я.К. Черкасскому о своем решении распустить участвовавшую в летней кампании армию, царь одновременно распорядился, чтобы к весне эти войска были снова готовы к ведению военных действий: «им стать в Смоленску всею службою мая в 9»⁹⁷. В царской ставке, таким образом, не исключали, что весной 1656 г. армия снова может понадобиться.

Достигнутая сторонами договоренность о временном сосуществовании не исключала их попыток укрепить свои позиции на территории Великого княжества Литовского. В сентябре–октябре 1655 г. усилия М. Делагарди и Б. Шютте, наместника Карла Густава в Великом княжестве Литовском, были направлены на то, чтобы добиться заключения соглашения, которое окончательно оформило бы отношения между Карлом Густавом и магнатами и шляхтой, искавшими его «протекции», и узаконило бы пребывание его наместника и его войск на северо-западной территории Великого княжества Литовского. Делагарди и его войска нужны были Карлу Густаву на границе с Вос-

94 РГАДА. Ф. 96. 1654 г. № 4. Л. 41–46.

95 Там же. Л. 49–50.

96 ДАИ. Т. 6. С. 447.

97 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 73.

точной Пруссией и соглашение должно было быть заключено до их ухода⁹⁸. Соответствующие документы были оформлены в Кейданах 15–23 октября 1655 г.⁹⁹. Карл Густав и его преемники провозглашались наследственными правителями Великого княжества Литовского, которое оставалось особым государством, со своими законами, органами управления и парламентом. Вместе с тем литовская армия подчинялась Карлу Густаву и должна была участвовать в его войне с соседями Великого княжества (в их числе и с Польшей) и во главе органов управления должен был стоять наместник, назначенный королем¹⁰⁰. После подписания соглашений значительная часть шведской армии во главе с М. Деллагарди двинулась на границу с Восточной Пруссией¹⁰¹.

С русской стороны осенью 1655 г. были предприняты шаги к тому, чтобы распространить русскую власть на те земли Великого княжества Литовского, которые не приняли шведскую «протекцию». Поездка В.Н. Лихарева к литовским гетманам не привела к успеху. Принимавший его Я. Радзивилл заявил, что от имени литовских магнатов и шляхты он обратился к шведскому королю, «чтоб принял нас в подданство», и Карл Густав ответил согласием¹⁰². Однако выяснилось, что не все в военном лагере под Кейданами разделяли его взгляды. Многие шляхтичи говорили В.Н. Лихареву, что готовы подчиниться власти царя, если царь вернет им владения¹⁰³. Но особую важность для русской стороны представляли заявления второго главного лица в военном лагере — польного гетмана В. Госевского. Гетман заявил Лихареву, что он и многие другие «не хотят к шведу». Через Лихарева он предлагал царю и его советникам заключить мир с Яном Казимиром, «а послы будут тотчас готовы». Он заверял, что польский король согласится и уступит земли, «што государь позволит», и даст возмещение за военные расходы. Гетман настойчиво предостерегал против шведов. По его словам, шведы будут сохранять мир, пока не одержат победы в Польше, «а, згубя короля, подлинно на государеву землю швед наступит»¹⁰⁴.

98 *Kotljarchuk A.* In the Schadows... P. 123.

99 *Ibid.* S. 125.

100 *Ibid.* S. 125–126.

101 *Ibid.* S. 135.

102 *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское... С. 26.

103 Там же. С. 31.

104 См. записи разговоров В. Госевского с Лихаревым 21 и 26 августа:

В начале сентября вместе с Лихаревым в царской ставке побывали посланцы обоих гетманов. Официальной целью их миссии было добиться соглашения о прекращении военных действий, и эта цель была достигнута. В грамоте Я. Радзивиллу от 5 сентября ему предлагали, зная Карла Густава и царя «по вечному dokonчанию дружбу и любовь», «не вступатися» на земли, занятые русскими войсками¹⁰⁵. Это означало, что и русская сторона берет на себя соответствующее обязательство. Посылкой этой грамоты сношения с Я. Радзивиллом и ограничились. Совсем иным оказалось отношение к Госевскому. В тот же день было принято решение отправить к Госевскому вместе с гонцом Стефаном Медекшей Ф.М. Ртищева¹⁰⁶. Отправка к гетману царского «постельничего», одного из наиболее близких к Алексею Михайловичу людей, показывает, какое значение придавали в царской ставке этой миссии. Речь шла о переходе гетмана Госевского и его войска на русскую сторону¹⁰⁷. В царской ставке считали это делом очень реальным. В грамоте, посланной 14 сентября С.А. Урусову, предполагалось, что в случае его похода на запад он будет действовать совместно с Госевским и его войском¹⁰⁸.

Однако встретиться с Госевским Ф.М. Ртищеву не удалось. Вскоре после отъезда В.Н. Лихарева гетман был арестован Я. Радзивиллом, а подчинявшиеся ему офицеры со своими отрядами покинули лагерь под Кейданами¹⁰⁹. Когда 19 сентября Ф.М. Ртищев доехал до Каменца, стало известно, что арестованный Госевский не может его принять, и встречавшие постельничего полковники Кмитич, Жеромский и Липницкий проводили его в Брест¹¹⁰. К этому времени Брест стал важным центром политической жизни Великого княжества Литовского. Здесь собирались сенаторы и шляхта, бежавшие от наступавших русских войск. Сюда стягивались отряды литовских войск, не желавших

Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 26–27, 30–31. См. также: *Заборовский Л.В.* Русско-литовские переговоры во второй половине 1655 г. // *Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты.* М., 1978. С. 209–210.

105 *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское... С. 37–38.

106 Там же. С. 39.

107 Там же.

108 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 52.

109 *Wisner H.* Janusz Radziwiłł... S. 207.

110 *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское... С. 48–49.

подчиняться шведам. Во главе собравшегося здесь войска стал витебский воевода Павел Сапега, которому после «измены» Я. Радзивилла была пожалована должность великого гетмана¹¹¹. В сложившемся положении Ртищев не поднимал вопроса о подчинении П. Сапеги и объединившихся вокруг него сенаторов и шляхты власти царя, а попытался выяснить, что стояло за предложениями В. Госевского о мире, какие условия мира могла бы предложить царю польско-литовская сторона, но никакого определенного ответа не смог добиться. П. Сапега и другие сенаторы просили только о прекращении военных действий, обещая, что с их стороны враждебных действий предприниматься не будет¹¹². Вместе с Ф.М. Ртищевым сенаторы отправили к царю своего посланца, гродненского подстолия Самуила Глядовицкого¹¹³. Глядовицкий добрался до Москвы лишь к концу ноября 1655 г.¹¹⁴, и еще задолго до его возвращения начался поход русских войск на запад, который должен был привести к подчинению русской власти тех земель Великого княжества Литовского, которые еще не подчинились шведам.

Решение о таком походе было принято, когда еще было неизвестно о результатах миссии Ртищева. Уже 14 сентября царь направил С.А. Урусову приказ, «чтоб он шел... за реку Немон под Бресть и под иные литовские города»¹¹⁵. Однако до конца сентября сохранялось представление, что подчинения этих территорий удастся добиться мирным путем. Так, 24 сентября, еще не зная ничего о судьбе Ртищева, царь приказал С.А. Урусову послать «в Гонсевского войска за Немон» своих посланцев с предложением подчиниться царю, который не будет нарушать их «прав и вольностей». Налицо были также надежды на то, что, может быть, и Жемайтию удастся получить мирным путем. С.А. Урусов должен был отправить своих посланцев в Жемайтию, так как царю стало известно, что «Жмуцкого повету шляхта

111 *Rachuba A. Paweł Sapieha wobec Szwecji i Jana Kazimierza (IX 1655 – II 1656) // Acta baltico-slavica. XI. 1977. S. 83.*

112 См. «статьи», поданные Ф.М. Ртищевым, и ответы сенаторов: *Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 50–54.*

113 Там же. С. 53–54. Подробнее о переговорах в Бресте см.: *Заборовский Л.В. Русско-литовские переговоры... С. 210–213.*

114 *Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 62.*

115 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 52.

стоят в собрание в Кейданах, а Карлу Густаву... не присягали»¹¹⁶. По-видимому, когда Ртищев вернулся без определенных результатов, в начале октября С.А. Урусов получил «статьи», в которых определялись задачи его похода. Как предполагалось и ранее, он должен был идти «прямо за Немон под Бресть и под иные города». При благоприятных обстоятельствах С.А. Урусов, дойдя «до границы литовские», должен был «воевать... корунные города и места». В наказе предписывалось «с свейскими немцами отнюдь не задирайтца» «и где учнут свейскими называтца, и тех мест отнюдь не воевать»¹¹⁷. Военные действия, таким образом, не должны были затрагивать территорий, занятых шведами, и привести к осложнению русско-шведских отношений. По наблюдениям О.А. Курбатова, в походе приняла участие лишь часть войск, собравшихся в районе Ковна¹¹⁸. По-видимому, в царской ставке считали, что в походе он не должен столкнуться с серьезным сопротивлением.

Поход С.А. Урусова подробно описан в его донесениях царю¹¹⁹. Ряд важных деталей можно узнать из коллективной жалобы детей боярских — участников похода на воеводу¹²⁰. Войско выступило в поход из Ковна 23 октября. Военные действия начались 30 октября, когда русские войска столкнулись со стоявшим в районе Гродна полком лидского подкомория Якуба Кунцевича, тогда русские взяли «три знамени и с хорунжим да литавры». После этого состоялась встреча русских воевод с офицерами полка, на которой Я. Кунцевич дал обязательство «со всем своим полком» принести присягу царю и дал в заложники воеводам новгородского воеводича Яна Хребтовича и нескольких других шляхтичей. К середине ноября войска подошли к Бресту. Появление в районе города русских войск стало для П. Сапеги и его сторонников определенной неожиданностью, так как здесь ждали ответа на предложения, посланные в Москву с С. Глядо-

116 Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 79–80.

117 См. наказ С.А. Урусову: Курбатов О.А. «Чудо архангела Михаила». Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Верховичах 1655 г. // Исторический архив. № 3. 2005. С. 199–201.

118 Курбатов О.А. «Чудо...». С. 197.

119 Опубликовано: Курбатов О.А. «Чудо...». С. 201–205.

120 Опубликовано: Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 659–681.

вицким. К этому времени в Бресте появился посланник Карла Густава Ян Фредерик Сапега. Он попытался помешать продвижению русских войск, заявив, что «Павел, де, Сапега, хочет быть под Свейскою коруною». Как рассказывал в своем донесении Урусов, он заявил посланцу, что П. Сапега присягнул царю перед Ф.М. Ртищевым, и тогда посланец заявил, что он не будет вмешиваться в происходящее и вообще его прислал в Брест «свейской генерал наимовать людей». Очевидно, посланец не имел от Карла Густава инструкций вступать в конфликт с русскими военачальниками из-за сенаторов и шляхты, которые не принесли присяги шведскому королю.

Хотя П. Сапега и другие сенаторы не проявили желания принести присягу царю, воевода решил идти к Бресту, уверенный, что его войскам сопротивления не окажут. Как следует из жалобы, он двинулся к Бресту с частью своего отряда, оставив в тылу пехоту и пушки. В Брест воевода отправил одного из заложников — Святского — с приказом выделить в Бресте дворы для него и его солдат. Детям боярским он сказал, что «у Брести с литовскими людьми бою не будет, а он идет надежно в город». В результате в бою под Брестом 13 ноября армия С.А. Урусова потерпела поражение и стала отступать. В 25 верстах от Бреста у Верховичей русские войска были окружены преследовавшей их армией Сапеги, но в завязавшемся бою литовское войско в свою очередь потерпело поражение, потеряв пушки и знамена. После этого армия С.А. Урусова отошла на север, а собравшиеся в Бресте магнаты, шляхта и войско стали искать «протекции» Карла Густава¹²¹.

Одна из главных целей похода — занятие Бреста и подчинение царской власти еще остававшихся самостоятельными группировок магнатории и шляхты Великого княжества — тем самым не была достигнута. Однако благодаря походу С.А. Урусова русская власть на западных окраинах занятых русскими войсками территорий укреплялась, и неудача под Брестом на такое положение дел не повлияла. Еще до боя под Брестом, 12 ноября, в соответствии с достигнутой договоренностью с Я. Кунцевичем в Вильно прибыли послы Лидского, Гродненского и Волковыского поветов и принесли присягу царю¹²². А 26 ноября, когда

121 *Rachuba* A. Paweł Sapieha... S. 87–90.

122 АМГ. Т. 2. № 750. С. 458; № 753. С. 459.

армия С.А. Урусова двигалась в обратный путь на север, воеводу встретил сам Я. Кунцевич с ротмистрами, и они также принесли присягу¹²³. С.А. Урусов, которого обвиняли в том, что он шел от Бреста к Полоцку «шесть недель большим мотчаньем (т. е. очень медленно. — Б.Ф.)», оправдывался, что «дорогою шел не скоро для того, что в дороге на государево имя приезжали шляхта»¹²⁴. За время похода шляхтичи Гродненского, Слонимского, Новогрудского, Лидского, Волковыского, Ошмянского и Трощкого поветов, а также оказавшиеся на этих землях беглецы из более восточных областей — всего свыше 2 тыс. человек — также принесли присягу¹²⁵. Шляхта стала приезжать для присяги и в главный центр Великого княжества — Вильно: среди присягнувших были кн. С. Огинский, тиун троцкий с сыном и Ян Нарбут, писарь земский лидский¹²⁶. Стали переходить на русскую службу «полковники» литовского войска со своими отрядами¹²⁷. Большие группы шляхты стали предлагать условия, на которых они готовы были подчиниться власти царя. В октябре 1655 г., еще до похода С.А. Урусова, с такой инициативой выступила большая группа шляхты во главе со старостой ошмянским А. Саковичем, ее посланец П. Роля был принят царем 25 декабря 1655 г. и подал выработанные шляхтой «статьи». 26 ноября при встрече

123 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 507–508. См. также *Заборовский Л.В.* Великое княжество Литовское... С. 103–106.

124 ЗОРСА. Т. 2. С. 668, 673.

125 Издание составленной по приказу С.А. Урусова крестоприводной книги см.: Памятники истории Восточной Европы. Т. 4: Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. М.; Варшава, 1999. Как видно из сохранившейся первоначальной записи крестоприводных книг (РГАДА. Ф. 145. Приказ великого княжества Смоленского. Кн. 3. Л. 173–236), шляхтичи начали приносить присягу большими группами с середины декабря 1655 г. (Там же. Л. 206 и сл.) и до конца января 1656 г.

126 См. отписки виленского воеводы кн. М. Шаховского: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 245, 283.

127 См. подробнее об этом: *Флоря Б.Н.* От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // *Kwartalnik Historyczny*. 2003. № 2. S. 37. См. также сообщение кн. М. Шаховского, что присягу царю принесли помимо указанных в статье лиц полковники Рудомино, Дяткович, Кисаревский, «во всех тех полках боевого люду тысяч с шесть» (АМГ. Т. 2. № 790. С. 480).

С.А. Урусова с Я. Кунцевичем были также предложены «статьи», отосланные на рассмотрение к царю¹²⁸. Шляхта добивалась сохранения своих владений, своего права, своих органов управления и суда, но поднимались и другие вопросы. Так, в статьях, привезенных П. Ролей, говорилось о созыве сейма, о необходимости вернуть в состав Великого княжества земли, утраченные по Люблинской унии 1569 г.¹²⁹. Стали приносить присягу царю и некоторые сенаторы. Так, новогрудский воевода Петр Казимир Вяжевич 10 октября вместе с П. Сапегой отправили из Бреста к царю С. Глядовицкого¹³⁰, но еще до возвращения С.А. Урусова в Полоцк он вернулся в Новогрудок и принес присягу царю¹³¹. Принес присягу царю и один из первых сенаторов Великого княжества Литовского Миколай Стефан Пац, воевода троцкий. 3 декабря 1655 г. кн. С.А. Урусов выдал ему ряд жалованных грамот, предоставлявших ему право «до государева указа» владеть не только собственными имениями, но и частью имений хорунжего К. Паца и В. Госевского¹³². Магнаты и шляхта Великого княжества явно переставали воспринимать русскую власть как временную.

Летом-осенью 1655 г. удалось добиться значительных результатов и на других направлениях. Так, в сентябре 1655 г. посланный из Киева на судах отряд Д.А. Волконского занял Туров, который сдали местные мещане, затем — Давид-городок и после большого боя — Пинск¹³³. Еще раньше, 1 июля, выступили в поход на запад русские войска во главе с В.В. Бутурлиным и войско Б. Хмельницкого. Сведения о походе, содержащиеся в разных источниках, неоднократно анализировались исследователями¹³⁴. Для рассматриваемой темы важно, какими сведениями о

128 Публикацию материалов посольства П. Роли и «статей», поданных С.А. Урусову, см.: *Заборовский Л.В.* Великое княжество... С. 80–97, 103–106.

129 *Заборовский Л.В.* Великое княжество... С. 85–86.

130 Там же. С. 68.

131 Там же. С. 110.

132 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 5. Л. 38–43.

133 *Мальцев А.Н.* Россия... С. 104–105. См. также: РГАДА. Ф. 79. 1655 г. № 1. Л. 1–14.

134 *Мальцев А.Н.* Россия... С. 100–104; *Kubala L.* Wojna moskiewska. 1654–1655. Warszawa, 1910. S. 292–331; *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Т. 9. Кн. 2: Роки 1654–1657. Київ, 1931. С. 1102–1105, 1113–1128, 1137–1142.

том, что происходило на Украине, располагали в Москве. В отписках В.В. Бутурлина, доставленных в Москву 26 декабря, а затем в первых числах января 1656 г.¹³⁵, говорилось о занятии многих городов на территории Подолии, о поражении, нанесенном в районе Львова коронной армии во главе с С. Потоцким, когда поляками были потеряны знамена и обоз. Войска Б. Хмельницкого и В.В. Бутурлина осадили Львов и из-под стен города рассылали отряды «до Днестра реки», а также «до Ярославля и до Люблина и до Вислы реки». При вступлении в Люблин отряда во главе с воеводой П. Потемкиным и Д. Выговским местная шляхта и мещане принесли присягу царю¹³⁶. В городе Ухани такую же присягу принес «Хриштоп Тишкевич воевода черниговский со всею шляхтою и с мещаны»¹³⁷. Тогда в Москве узнали о занятии Волыни войсками Хмельницкого и о том, что в Луцке находится казацкая «застава»¹³⁸. Лишь приход на Украину явившейся на помощь Яну Казимиру орды заставил прервать столь удачно протекавший поход.

Все это были несомненные успехи, которых ранее Русское государство никогда не добивалось в своих войнах с Речью Посполитой. Под властью русских правителей в той или иной форме оказались к концу 1655 г. почти все белорусские и большая часть украинских земель. Как никогда раньше, русские политики были близки к решению задачи, которую они поставили перед собой в последние десятилетия XV в., — объединение всех восточнославянских земель в едином Русском государстве. Однако развитие событий в Польше поставило их перед новыми серьезными проблемами.

После капитуляции великопольского ополчения шведская армия, не сталкиваясь с серьезным сопротивлением, двигалась на юг, занимая одну территорию за другой. 8 сентября н. ст. шведские войска вступили в Варшаву. В конце того же месяца король Ян Казимир, а вслед за ним многие сенаторы и шляхтичи, бежал с территории Речи Посполитой в Силезию — владения австрийских Габсбургов. 17 октября н. ст. капитулировала

135 См. помету на одной из «отписок»: «164-го генваря 5 снесено с Верху» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 328).

136 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 317–320.

137 Там же. Л. 320.

138 Там же. Л. 364–365.

древняя польская столица Краков — единственная крепость, оказавшая серьезное сопротивление шведской армии. Вскоре после сдачи Кракова принесло присягу Карлу Густаву коронное войско во главе с гетманами, что означало конец организованного сопротивления. 25 октября н. ст. о своем подчинении власти шведского монарха заявили представители Сандомирского, Люблинского, Русского, Белзского воеводств, то есть тех земель, где еще не было шведских войск. В таких условиях у шведских политических кругов закономерно стали появляться более широкие, выходящие за рамки первоначальных планов, замыслы подчинения всей Речи Посполитой власти шведского монарха.

28 октября были разосланы универсалы о созыве в Варшаве съезда шляхты всех воеводств, чтобы принять общее решение о разрыве отношений с Яном Казимиром и принятии шведской «протекции». Съезд созвать не удалось, но на конец ноября был назначен уже созыв сейма, на котором должно было быть принято решение о возведении Карла Густава на польский трон, за чем должна была последовать его коронация¹³⁹. В конце 1655 г. царю и боярам прочли переводы голландских «курантов», в которых сообщалось о намерениях Карла Густава «сенатории на сейм созвать», где его «на королевство посвящать станут»¹⁴⁰.

Речь Посполитая сходила с политической карты, переставала существовать как самостоятельное государство. Когда в конце ноября в Москву прибыл С. Глядовицкий, чтобы предложить начать переговоры о мире между Россией и Речью Посполитой, это предложение уже не представляло для царя и его советников никакого интереса. Ведь, как стало известно в Москве, Ян Казимир, «покинув все, с малыми некакими людьми убежал в Венгерские горы, но и там ему места нет». «А что говоришь ты, — обращались бояре к С. Глядовицкому, — что королю присылать о миру к государю, и где уж то и сыскать короля вашего»¹⁴¹. Приставшим С. Глядовицкого сенаторам и шляхте было предложено подчиниться власти царя, а Алексей Михайлович «веры, прав и вольностей ваших нарушити ни в чем не велит»¹⁴².

139 О событиях, происходивших в Польше в конце лета — осенью 1655 г., см.: *Kubala L. Wojna szwecka...* S. 94–151; *Kersten A. Hieronim Radziejowski...* S. 416–445.

140 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 1. Л. 7–8.

141 *Заборовский Л.В. Великое княжество...* С. 66.

142 Там же. С. 70.

На западных границах России образовалась новая огромная держава, правитель которой явно носился с широкими завоевательными планами и располагал одной из лучших европейских армий. Уже это должно было вызывать беспокойство русских политиков. К концу 1655 г. для такого беспокойства появились и реальные основания. В Москву в это время попал текст Кейданского договора от 20 октября 1655 г. Текст этот сумел раздобыть воевода Друи А.Л. Ордин-Нащокин. Узнав о заключении соглашения шведских властей с литовскими магнатами и шляхтой, он приложил старания к тому, чтобы познакомиться с его текстом. Еще в конце октября он вынужден был довольствоваться слухами¹⁴³. Но через месяц он сумел достать и переслать находившемуся в походе царю текст Кейданского договора. К 16 декабря документ поступил в Посольский приказ¹⁴⁴. В своем комментарии к соглашению А.Л. Ордин-Нащокин обратил внимание на то, что в преамбуле к договору переход под шведскую «протекцию» мотивировался тем, что литовцы были доведены до крайности «przez wiągołomnego nieprzyjaciela Moskala» (вероломным неприятелем Москалем). Таким образом, шведские власти согласились назвать «неприятелем» государя, находившегося в мирных и дружественных отношениях со Швецией. Как справедливо отметил Л.В. Заборовский¹⁴⁵, в польском переводе, переданном А.Л. Ордину-Нащокину, текст латинского оригинала, где читаются слова «per potentiam hostilem oppressione» (угнетенные враждебным могуществом), был намеренно искажен, чтобы придать тексту ярко выраженную антирусскую направленность. Это может пролить свет на намерения польских информаторов воеводы Друи.

Главное, однако, было не в выражениях вступительной преамбулы договора, которые могли оскорбить царя и его советников. А.Л. Ордин-Нащокин обратил внимание и на 7-ю статью соглашения, накладывавшую на Карла Густава обязательство вернуть прежним владельцам земли в Литве, утраченные ими «в прошлой войне» («proximo bello»), когда он их «назад возьмет» (recuperagent)¹⁴⁶. В переводе, переданном А.Л. Ордину-Нащокину,

143 РГАДА. Ф. 79. 1655 г. № 1. Л. 32.

144 Там же. № 13. Л. 1об.-2. Польский перевод соглашения см: Там же. Л. 5 и сл.

145 Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 127.

146 См. текст латинского текста договора с подписями и печатями

соответствующие формулировки были заострены — там читалось о землях, которые «przez nieprzyjaciela pod czas tey wojny orapano» (захвачены неприятелем во время этой войны), и содержалось обязательство вернуть эти земли «jakimkolwiek sposobem» (каким угодно способом), но существа дела это не меняло. Договор был свидетельством существования враждебных по отношению к России планов, одобренных и санкционированных шведской властью.

В свете этого договора приобретали совершенно определенное, враждебное по отношению к России звучание некоторые черты русско-шведских отношений в последние месяцы 1655 г. По просьбе русской стороны, переданной через Удде Эдла, в титул Алексея Михайловича в адресованных к нему шведских грамотах были внесены эпитеты, свидетельствующие о том, что он является правителем «Малой России», Смоленска и городов Восточной Белоруссии, занятых русскими войсками во время военной кампании 1654 г.¹⁴⁷ Однако шведская сторона упорно отказывалась признать титулы, принятые царем после взятия Вильно, — «Белая Россия» и «великий князь Литовский». В переписке с русскими воеводами М. Деллагарди отказывался признать эти новые титулы до заключения русско-шведского соглашения¹⁴⁸. В условиях, когда по Кейданскому договору магнаты и шляхта провозглашали Карла Густава наследственным великим князем литовским, отказ признать новые титулы царя должен был восприниматься как отказ шведской стороны признать права царя на Литву и мог восприниматься как свидетельство намерений шведского монарха выполнить свои обязательства и вернуть земли, занятые русскими войсками, их прежним владельцам.

Знакомство царя и его советников с текстом Кейданского договора совпало по времени с приходом сообщений о попытках шведских офицеров утвердить свою власть на спорных по-

Б. Шютте и М. Деллагарди: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 5. Л. 37 (текст попал в Посольский приказ в мае 1657 г.: Там же. Л. 1).

147 См. перевод грамоты Карла Густава царю от 29 марта 1655 г.: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 4. Л. 41.

148 См. одну из октябрьских отписок С.А. Урусова (РГАДА. Ф. 96. 1655 г. Д. 9. Л. 1–2), грамоту М. Деллагарди русским воеводам от 21 сентября (Там же. Д. 8. Л. 89), а также записи беседы М. Деллагарди с русским гонцом А.И. Нестеровым (Там же. Л. 141).

граничных территориях и вообще распространить зону шведского влияния на белорусских землях¹⁴⁹. Так, 12 ноября 1655 г. шведские офицеры потребовали от жителей Гродненского уезда собрать провиант для шведского гарнизона в Августове. Один из шведских офицеров, полковник А. Волакс в начале декабря послал «листы» в Слоним, Новогрудок и ряд других мест с требованием, чтобы «все города и крепости людем свейским осадили»¹⁵⁰. 10 декабря А. Волакс сообщал о вводе шведского гарнизона в Слуцк, а в конце месяца войска, посланные из Слуцка, пытались занять Старый Быхов¹⁵¹. После знакомства с текстом Кейданского договора все эти действия должны были восприниматься как попытки поставить под сомнение власть царя на этих землях и создать выгодный плацдарм для наступления на Россию. Беспокойство не могло не вызвать и то, что в грамотах А. Волакса Карл Густав носил титул правителя «великого княжества Литовского всех принадлежности»¹⁵².

Первой реакцией на эти действия были приказания воеводам предпринять аналогичные действия на спорных пограничных территориях. Так, 19 января 1656 г. А.Л. Ордину-Нащокину был послан приказ приводить к присяге царю жителей уездов Браслава, Икажна и Динабурга¹⁵³. В конце декабря 1655 г. царь принял посланца шляхты Ошмянского повета П. Ролю¹⁵⁴. В «статьях», поданных посланцем, выражалась надежда, что царь «взникати восхощет» те части Великого княжества, которые «непристойно на имя свейского короля поддалися». В ответе царя на это пожелание думный дьяк записал: «отложить до послов»¹⁵⁵. В официальном ответе содержание этой краткой пометы было изложено следующим образом: «по той статье царского величества указ будет вперед, а ныне та статья отложена

149 Сообщения о таких действиях собраны в справке, составленной в Посольском приказе перед приездом шведских «великих» послов: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 5. Л. 10–13.

150 О передаче этих «листов» С.А. Урусову см.: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 46.

151 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 39.

152 Позднее на это специально указывал Алексей Михайлович в своей грамоте шведскому королю (ДАИ. Т. 6. С. 451).

153 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 185.

154 *Заборовский Л.В.* Великое княжество... С. 83–84.

155 Там же. С. 86.

до съезду посолского»¹⁵⁶. Таким образом, в конце 1655 г. окончательное решение о характере будущих отношений со Швецией не было принято. Много здесь зависело от того, с какими предложениями приедут в Москву шведские «великие» послы¹⁵⁷.

Шведское посольство было отправлено для подтверждения Столбовского мирного договора еще в июле 1655 г., но послы, как сообщал русский гонец в Курляндию Я. Поздышев, приехав в Ригу в момент вступления шведских войск на территорию Великого княжества, задержались там, ожидая, «что учинитца под Вильном»¹⁵⁸. Приехав в Москву в октябре 1655 г., «великие» послы ждали здесь возвращения царя из похода. В декабре Алексей Михайлович вернулся в Москву, 21 декабря он принял шведских послов, а 23-го начались собственно переговоры, где с великими послами встретила большая делегация во главе с Н.И. Одоевским, в нее входил и глава Посольского приказа думный дьяк Алмаз Иванов¹⁵⁹.

На приеме у царя 21 декабря шведские послы заявили, что цель их посольства это добиться подтверждения Столбовского договора в связи со сменой монарха на шведском троне и уладить «сорные дела» между государствами¹⁶⁰. На встрече с русскими представителями 23 декабря добавилось предложение о заключении союза против Яна Казимира и его сторонников («и на того б, де, общего неприятеля надобно стоять заодин»)¹⁶¹. Шведские послы передали русским представителям обширную записку с предложениями о расследовании пограничных столкновений и жалоб «свейских торговых людей». Документ не содержал главного — в нем не было никаких предложений об изменении текста Столбовского договора в связи с появлением новых границ между государствами. Напротив, в записке утверждалось, что «ныне не подобает о рубежах спороватца или бранитца», и предлагалось все это «отложить на иное время»¹⁶².

156 Там же. С. 94.

157 Это не позволяет согласиться с мнением Е.И. Кобзаревой, что решение о войне было принято до начала переговоров со шведским посольством (*Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 63, 86*).

158 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 3. Л. 152.

159 Там же. Л. 441, 471.

160 Там же. Л. 462–464.

161 Там же. Л. 507.

162 Там же. Л. 517.

При таком положении дел на встрече, состоявшейся 2 января 1656 г., был поднят вопрос о признании шведской стороной новых титулов Алексея Михайловича — «Белая Россия», «Литовский, Волынский и Подольский». Заявление послов, что им «про те царского величества титлы неведомо», вызвало возмущение русских представителей, так как вопрос о признании этих титулов царя неоднократно поднимался в русско-шведской дипломатической переписке¹⁶³. Послы пояснили позднее, что так получилось «для короткого их отпуска», «за неведомостью», но им «собою того переменить нельзя». Когда русские представители предложили отправить к королю гонца за новыми инструкциями, последовал ответ: «королевского величества сыскать неведомо где, разве, де, им, послом, за гонцы ехать самим назад»¹⁶⁴. Споры по этому вопросу тянулись, принимая острый характер. Послы предлагали отпустить их из Москвы — «живут, де, многое время, а дела у них никакова не учинено»¹⁶⁵. Лишь 26 января они согласились отправить гонца к Карлу Густаву за новыми инструкциями¹⁶⁶. Заслуживает внимания и еще один эпизод на этой стадии переговоров. В ответ на жалобы с русской стороны на захваты русских земель шведскими военачальниками послы заявили, что «им, де, про то неведомо»¹⁶⁷.

Поведение шведских послов опровергало заявления М. Деллагарди, что с их приездом будут решены все спорные вопросы в отношениях между государствами. Как представляется, у русских политиков должно было сложиться впечатление, что принимать какие-то серьезные решения шведские послы не намерены и их цель состоит в том чтобы тянуть время, пока Швеция не утвердится окончательно на польских землях, а затем придет очередь и России. В таких условиях на первый план выдвинулся вопрос о превентивной войне со Швецией, чтобы сорвать планы Карла Густава.

Уже на встрече 2 января был поднят вопрос о «прописках» — ошибках в написании титулатуры царя в грамотах шведских должностных лиц. «Знатно, — указывали в этой связи русские представители, — что то делаетца с королевского величества сто-

163 Там же. 1656 г. № 4. Л. 3–4.

164 Там же. Л. 13–15, 23–25.

165 Там же. Л. 102.

166 Там же. Л. 120–122.

167 Там же. Л. 37.

роны умышленьем, на ссору»¹⁶⁸. Появление в переговорах этого мотива было тревожным признаком. Нежелание властей Польско-Литовского государства наказать лиц, виновных в «прописках», оскорблявших «государскую честь», так, как этого требовала Москва, в 1654 г. послужило основанием для разрыва отношений и начала войны. К этой теме русские представители вернулись снова на встрече 9 февраля, когда они потребовали смертной казни для лиц, виновных в прописках (в частности, для бургомистров Таллина)¹⁶⁹. Выдвижение такого явно невыполнимого требования, как представляется, говорило о том, что к этому времени решение о войне со Швецией уже было принято. Когда шведские послы ответили, что решение этого вопроса находится вне их компетенции, требование «казнить смертно безо всякие пощады» членов таллинского магистрата и полковника А. Волакса, оскорбивших «государскую честь», было включено в текст грамоты от 17 марта, которую повез Карлу Густаву гонец Назарий Алфимов¹⁷⁰. К этому времени сложился конкретный план военной кампании против Швеции¹⁷¹.

Переговоры, во время которых русская сторона выдвигала все новые обвинения в нарушении шведской стороной вечного докончания, продолжались¹⁷². Но, как представляется, это делалось для того, чтобы ввести будущего противника в заблуждение относительно своих намерений. Даже в начале мая, когда стало известно об отправлении царя на войну, Алмаз Иванов заявил «дворянину» шведского посольства, что царь отправляется в Великое княжество Литовское «для оберегания что от польских людей»¹⁷³. Лишь 17 мая царь приказал «выговорить» послам «неправды» шведского короля и объявить, что они задержаны¹⁷⁴.

168 Там же. Л. 31.

169 Там же. Л. 141–143.

170 ДАИ. Т. 6. С. 453–454.

171 Посланный с дипломатической миссией в Данию и покинувший русскую столицу в середине марта кн. Д.Е. Мышецкий точно указал датским министрам три направления действий русских войск и имена командующих этими войсками (Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 375).

172 Характеристику этого этапа переговоров см.: *Кобзарева Е.И.* Борьба... С. 87–89.

173 РГАДА. Ф. 96. 1656 г. № 4. Л. 262.

174 Там же. Л. 301–303.

Каковы были причины столь резкой смены внешнеполитического курса и воздействие каких факторов повлияло на решение русских политиков? Вопрос этот волновал интернированных в Москве шведских послов, отправивших к королю 25 октября 1657 г. записку с изложением причин войны. Анализируя эту записку, уже Г.В. Форстен пришел к выводу, что, по мнению послов, главной причиной войны стало вмешательство Карла Густава в польские дела¹⁷⁵. Как писали авторы записки, наблюдая за действиями Карла Густава в Польше, царь пришел к выводу, что шведский король хочет подчинить себе соседей¹⁷⁶. Свидетельства, анализ которых приведен выше, позволяют уточнить этот вывод — объявление войны было в представлении русских политиков превентивным шагом, чтобы сорвать враждебные планы Карла Густава по отношению к России. Поступавшие в Москву после принятия решения о войне сообщения подтверждали его правильность.

Так, 14 февраля была получена отписка от виленского воеводы, который сообщал, что в Вильно прибыли князь Самуил Огинский с сыном, которые заверяли, что «подлинно ведают, что шведу было с твоими государевыми людьми бой учинить и княжества Литовского достигать»¹⁷⁷. В конце февраля с важными известиями возвратился Климент Иевлев, посетивший Карла Густава в его походной ставке в Пруссии. Привезенная им грамота Карла Густава от 1 января 1656 г. не давала каких-либо оснований для беспокойства. Хотя в грамоте отсутствовали новые титулы царя, тон ее был дружественным. Подробно информируя о своих успехах, король выражал надежду, что они обрадуют царя и он со своей стороны постарается «королю Яну Казимиру шкоду каким обычаем учинить». Он одновременно предлагал направить к нему послов, чтобы «договоритца о рубежном разводе»¹⁷⁸. Однако совсем другой характер носили сведения, которые гонец добыл неофициальным путем. Писарь Ян Сапега, явившийся свидетелем боев под Брестом, говорил Иевлеву, что литовцы не захотели подчиниться С.А. Урусову

175 *Форстен Г.В.* Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. № 4. С. 321.

176 Там же. С. 324.

177 АМГ. Т. 2. № 793. С. 482.

178 Перевод грамоты см.: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 6. Л. 75–85.

потому, что «ныне обещался свейской король, что хочет наши маетности и города поворотить по Березину реку»¹⁷⁹. Находившийся в шведском плену гетман В. Госевский также объяснял гонцу, что литовцы не вели войны с Карлом Густавом «и все здавались добровласно», так как король обещал, «что Литовское княжество очистит по прежнему». Король, по его словам, «хочет просить у великого государя вашего, чтоб отдал тое землю бессорно, а будет не отдасът, и он, король, хочет иттить воиноу»¹⁸⁰. Обеспокоенный этими сообщениями гонец стал опрашивать других людей и после всех разговоров записал в «статейном списке»: «все бескрытно поляки и немцы говорят, что впрям война будет, только царское величество Литовские земли не отдаст королю свейскому, и король идет в мае месяце»¹⁸¹. Здесь, таким образом, был даже указан срок, когда начнется новая война.

Тогда же, в конце февраля, в руки русского правительства попал важный документ, по значению своему не уступавший Кейданскому договору. Это был текст «статей», предложенных коронным войском Карлу Густаву с изложением условий, на которых оно готово было признать шведского короля своим государем, с ответами Карла Густава на эти предложения¹⁸². 9-я статья этого документа налагала на нового монарха обязательство «как можно скорее» вернуть в состав Речи Посполитой Великое княжество Литовское, а также воеводства Русское, Подольское, Волынское, Брацлавское и Черниговское. В ответ на это условие король ответил, что после коронации примет меры, чтобы вернуть Речи Посполитой утраченные земли. Карл Густав обещал, что сразу же вышлет грамоты, чтобы русские войска ушли за свои границы, а «если бы москаль и одного кирпича отдать не хотел», он станет действовать силой¹⁸³.

179 Там же. Л. 122.

180 Там же. Л. 123.

181 Там же. Л. 137.

182 Текст документа привез в Смоленск ротмистр Данила Гурко, списавший его у кн. Самуила Огинского.

183 Польский текст документа и ответов на него см.: РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 1. Л. 72–73об. О заключении такого соглашения сообщалось в известиях, рассылавшихся из лагеря коронного войска (*Kersten A. Hieronim Radziejewski... S. 447*). О самом соглашении см.: *Kubala L. Wojna szwecka... S. 136–137*.

Все это давало серьезные основания для поворота на путь открытого конфликта со Швецией. Отражали эти соображения и тексты соглашений действительные замыслы шведских правящих кругов или прежде всего планы и надежды сторонников прошведской ориентации среди магнатов и шляхты Речи Посполитой?

Летом 1655 г., когда Швеция готовилась к войне с Польско-Литовским государством, была завершена работа над инструкциями для посольства, отправленного в Москву, чтобы подтвердить Столбовский договор. Послы должны были предложить заключить союз против Речи Посполитой и соглашение о разделе Польско-Литовского государства. Подготовленные предложения предусматривали переход под русскую власть восточной части современной Белоруссии с Витебском, Полоцком и Борисовом, а южнее граница должна была идти по рекам Случ и Горынь. Однако шведские уполномоченные не имели права подписывать такое соглашение, оно должно было быть послано на утверждение королю. Очевидно, конкретные условия такого соглашения зависели от того, каких успехов шведы сумеют добиться в ходе войны¹⁸⁴. Как показано в предшествующем изложении, при вводе шведских войск на территорию Великого княжества Литовского шведские военачальники старались избежать каких-либо столкновений с русской армией. Когда в заявлении о переходе под шведскую власть участники собрания под Кейданами потребовали, чтобы русские войска были тем или иным способом отеснены за Днепр, М. Деллагарди и Б. Шютте сообщали королю, что, по их мнению, эти предложения нельзя принять¹⁸⁵. И позднее попытки литовских магнатов развязать войну с Россией встречали отрицательную реакцию в королевской ставке¹⁸⁶. Вместе с тем соглашения, по которым шведский король обязывался вернуть Речи Посполитой утраченные земли, были заключены. Это было одним из главных условий, на которых магнаты и шляхта Речи Посполитой соглашались принять шведскую «протекцию». Если шведский король хотел прочно утвердиться в Речи Посполитой, ему следовало позаботиться об

184 *Заборовский Л.В.* Россия... С. 125–126; *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 209.

185 *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 119–120.

186 *Kersten A.* Hieronim Radziejowski... S. 446.

исполнении этих обязательств. К тому же они никак не противоречили тем концепциям шведских правящих кругов, которые разрабатывались осенью 1654 г. и получили свое выражение в высказываниях ряда членов риксрода.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что шведские послы, располагая упомянутыми выше инструкциями, не выдвинули никаких предложений о дополнении Столбовского договора соглашением, в котором были бы установлены границы между государствами на территории Восточной Европы. В своей грамоте от 16 января 1656 г. (о чем уже говорилось) Карл Густав предлагал царю прислать к нему «великих» послов для заключения соглашения о границах. Тем самым заключение такого соглашения отодвигалось на неопределенное время.

Как отметил А. Котлярчук, после заключения договора в Кейданах ряд литовских офицеров получили грамоты на имения в районах Гродна, Ошмяны и Лиды, то есть на землях, занятых русскими войсками¹⁸⁷. Но этими отдельными небольшими пожалованиями дело не ограничилось. 6 ноября 1655 г. М. Делагарди дал Богуславу Радзивиллу, одному из главных сторонников прошведской ориентации в Великом княжестве Литовском, охранную грамоту на его владения. Помимо родового владения Богуслава — Слуцкого княжества к принадлежащим ему землям были причислены Несвиж — владения другой линии рода, а также такие города, как Пинск, Слоним, Быхов, Ляховичи¹⁸⁸. Вслед за выдачей этого документа высланные из Слуцка войска в декабре 1655 г. заняли Несвиж и Мир, была и попытка захватить Ляховичи¹⁸⁹.

Но этим дело не ограничилось. В марте 1656 г. А. Волакс прислал охранную грамоту М. Делагарди в Вильно с сопроводительным письмом («инструкцией»), в котором говорилось, что король поручил Волаксу взять эти земли под свою охрану, и содержалось требование, чтобы русские войска не вступали на эти территории¹⁹⁰. Таким образом, шведские вла-

187 *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 173.

188 См. перевод с «немецкого оберегательного листа»: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 5. Л. 40.

189 *Wasilewski T.* Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła // *Bogusław Radziwiłł. Autobiografia.* Warszawa, 1979. S. 55.

190 См. об этом в особой грамоте, посланной с Н. Алфимовым. Царь хотел узнать, предприняты ли эти шаги действительно по приказу короля: ДАИ. Т. 6. С. 455–456.

сти выступили с притязаниями на всю юго-западную часть Великого княжества Литовского. В грамоте царю от 25 января 1656 г. сам Карл Густав заявил о своих правах на Слуцк и Брест¹⁹¹. Отклонение таких претензий могло стать достаточной причиной для войны. Эти факты, как представляется, дают достаточное основание для вывода, что для шведских правящих кругов на рубеже 1655/56 гг. перспектива возможной войны с Россией являлась и близкой и реальной. Положение изменилось, когда на польских землях началось восстание против шведов.

В своей записке шведские дипломаты отметили, что вмешательство Карла Густава в польские дела было главной, но не единственной причиной войны. Другой важной причиной было стремление царя утвердиться на Балтийском море¹⁹². О тех факторах, благодаря действию которых вопрос о поисках выхода к Балтийскому морю именно в середине XVII в. приобрел для русских правящих кругов важное значение, писал в свое время О.Л. Вайнштейн¹⁹³. Исследователь справедливо отмечал, что доходы от обложения внешней торговли представляли для русского правительства особое значение, как «наиболее концентрированный и наилучше контролируемый объект фискальной эксплуатации». Для страны, не имевшей своих месторождений драгоценных металлов, как Россия в середине XVII в., внешняя торговля была одним из главных источников их добывания¹⁹⁴. Поскольку порты, лежавшие на путях, связывавших Россию со странами западной Европы, находились под властью Швеции, происходивший в этих портах товарообмен облагался именно здесь торговыми пошлинами, поступления от которых пополняли шведскую казну. Концентрации именно в этих местах товарооборота между Россией и странами Западной Европы спо-

191 *Kotljarchuk A.* In the Schadows... P. 189.

192 *Форстен Г.В.* Сношения... С. 323. В этой связи в записке отмечена и резко отрицательная реакция в Москве на слухи о планах шведов захватить Архангельск и поставить под свой контроль всю торговлю России со странами Западной Европы.

193 *Вайнштейн О.Л.* Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 130. Л., 1951.

194 Там же. С. 164–165.

собствовала политика шведских властей, закрывавшая западно-европейским купцам путь в Россию, а русским купцам путь на Запад. На территории самих ливонских городов непосредственная торговля между русскими и западноевропейскими купцами была запрещена, товарообмен происходил благодаря принудительному посредничеству немецких купцов — подданных шведской Короны, наживавшихся на этом¹⁹⁵.

Невыгодные для России стороны этого порядка с особой остротой обозначились в середине XVII в. 40–50-е гг. XVII в. стали временем значительного расширения объема русской внешней торговли на балтийском направлении, о чем говорит имевшее место в эти годы увеличение в несколько раз доходов от торговых пошлин, собиравшихся в ливонских портах¹⁹⁶. Установление контроля над ливонскими портами (прежде всего над Ригой, через которую поступало на внешний рынок до 2/3 товаров с территории Восточной Европы) могло бы стать очень важным дополнительным источником пополнения русской казны¹⁹⁷. «Балтийский бум» (выражение современного исследователя) 40–50-х гг. XVII в. привел к расширению круга участников торговли с русской стороны (наряду с купцами из Пскова и Новгорода в ней все более активное участие стали принимать купцы из Москвы и Ярославля) и накоплению в их руках крупных партий товаров и капиталов, росту их активности, находившей выражение в многочисленных торговых поездках¹⁹⁸.

Середина XVII в. отмечена и первыми попытками русских купцов самостоятельно посещать европейские порты (в частности, Любек), что наталкивалось на противодействие шведских властей¹⁹⁹. К середине XVII в. русское купечество стало важной

195 Об ограничениях, налагавшихся на торговую деятельность русских купцов в ливонских городах, см.: Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII века // Скандинавский сборник. Т. II. Таллин, 1957. С. 62.

196 Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля... С. 61–62; Kotilaine J.T. Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century. Brill; Leiden; Boston. 2005. P. 312–313.

197 Kotilaine J.T. Russia's foreign trade... P. 322–324.

198 Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля... С. 49–60; Kotilaine J.T. Russia's foreign trade... P. 313–316.

199 Вайнштейн О.Л. Экономические предпосылки... С. 176–177; Kotilaine J.T. Russia's foreign trade... P. 316.

активной силой, способной (при отсутствии барьеров) к самостоятельному выходу на европейский рынок. Такая перспектива не могла оставить равнодушными русские правящие круги, тем более, что выход на европейский рынок способствовал бы не только обогащению купцов, но и успешной реализации казенного товара, принадлежавшего царю, которым зачастую купцы и торговали. Неслучайно шведские послы отметили в своей записке, что царь «является самым большим купцом в своей стране»²⁰⁰.

В 1652 г. Алексей Михайлович обратился к курляндскому герцогу с предложением построить для него в Митаве 4 корабля, чтобы затем они плавали по Балтийскому морю вместе с кораблями герцога²⁰¹. Еще до начала летней военной кампании 1655 г. 22 июня была подготовлена царская грамота с предложением городу Гданьску перейти под русский протекторат, а царь обещал подтвердить все городские права и привилегии. Отправленный с этой грамотой псковский купец Никита Иевлев не мог проехать в город, уже блокированный шведскими войсками и флотом²⁰². Все эти факты говорят о попытках поиска обходных путей вокруг барьеров, поставленных шведскими властями на пути из России в Европу. В 1656 г. было принято решение сломать их силой.

Анализируя причины, побудившие русское правительство принять решение о войне, шведские послы отмечали неблагоприятные для Швеции изменения в международной обстановке, выступления враждебных Швеции держав. Особенно значительную роль, по их мнению, сыграла деятельность австрийских дипломатов, внушавших Алексею Михайловичу различные «подозрения» относительно шведских планов²⁰³.

Как представляется, роль этого фактора была шведскими дипломатами явно преувеличена, но влияние на русскую внешнюю политику изменений международной обстановки на рубеже 1655/56 г. отрицать невозможно.

Вмешательство Швеции в события, происходившие в Восточной Европе, привело к резкому расширению рамок конфликта,

200 Форстен Г.В. Сношения... С. 323.

201 Вайнштейн О.Л. Экономические предпосылки... С. 177.

202 Заборовский Л.В. Россия... С. 132–133.

203 Форстен Г.В. Сношения... С. 324–325.

вовлечению в него ряда европейских государств, ранее относившихся достаточно безучастно к происходившему в этом регионе. Ясно обозначившиеся планы шведов окончательно превратить Балтийское море в «шведское озеро» вызвали резко негативную реакцию и главных хозяев морской торговли на Балтике — голландцев, и старого, традиционного соперника Швеции — Дании. Вернувшийся из Голландии в Москву поздней осенью 1655 г. голец И. Амирев сообщал, что с приходом шведского флота к Гданьску на находившиеся здесь «гданские... и иных земель на торговые корабли наложили пошлину большую... в десятеро», но голландцы «в том свейскому королю воли дать и одному морем владеть не хотят». По его сообщениям, голландцы вступили в переговоры с Данией и была достигнута договоренность о посылке обоими государствами весной 1656 г. военного флота к Гданьску, чтобы добиться снятия блокады²⁰⁴. Это показывало, что, выступая против Швеции, Русское государство может найти себе союзников, к тому же располагающих собственным флотом.

В Москве к концу 1655 г. также были сведения о еще одном правителе, чьи земли находились на Балтийском море, который мог бы также стать союзником в борьбе со шведами. Это был бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм. Выше уже говорилось о посылке в Вильно летом 1655 г. Лазаря Киттельмана, просившего от имени курфюрста оказать ему поддержку против шведов. На эту просьбу тогда не реагировали, но должны были отметить напряженность в отношениях между этим правителем и шведами.

В конце 1655 г. А.Л. Ордин-Нащокин сообщал, что находившегося в Кенигсберге курфюрста посетил Магнус Делагарди, потребовавший от имени Карла Густава, «шток князь пруский ему поддался со всим князством», но курфюрст «з великою строгостью отказал». После этого Фридрих Вильгельм, «обороняя свою Прусскую землю, ссылался с голанским». По сведениям воеводы, поздней осенью 1655 г. начались уже военные столкновения между войсками Карла Густава и курфюрста²⁰⁵. Эти сообщения, как увидим далее, были также приняты во внимание.

Шведских послов особенно беспокоило присутствие в Москве австрийских дипломатов. В записке о причинах войны они

204 РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Голландией). 1655 г. № 4. Л. 9об.-11.

205 РГАДА. Ф. 79. 1655 г. № 13. Л. 4.

выражали убеждение, что именно эти посланники настроили царя против Карла Густава²⁰⁶. Австрийское посольство во главе с А. Алегретти и Т. Лорбахом было отправлено из Вены в июне 1655 г. с предложением посредничества императора на мирных переговорах между Алексеем Михайловичем и Яном Казимиром. Добравшись до Москвы в октябре, посланники ждали здесь возвращения царя из похода²⁰⁷. Русско-австрийские переговоры начались 17 декабря 1655 г. Сделанная в Посольском приказе запись переговоров показывает, что подозрения шведских дипломатов не имели оснований. Хотя предложение о посредничестве противоречило шведским внешнеполитическим планам, никаких враждебных высказываний ни о Карле Густаве, ни о его враждебных по отношению к России планах австрийские посланники не сделали. Приписывать им значительную роль в принятии решения о войне нет оснований. Однако определенное влияние на позицию русского правительства русско-австрийские переговоры оказали.

На предложение о посредничестве царь очень быстро дал положительный ответ, предложив, чтобы Ян Казимир прислал своих представителей в Москву к 1 мая 1656 г.²⁰⁸. В начале января 1656 г. в Вену отправился гонец Г. Богданов с «опасной грамотой» для польских послов²⁰⁹. Однако в условиях, сложившихся в конце 1655 г., это предложение большого интереса для русской стороны не представляло. Советникам царя было хорошо известно, что Ян Казимир находится «во изгнании», а шведы «безпрестанно Польскую землю воюют и городов доставают». Они спрашивали своих австрийских собеседников: «Коли уж свейской всем завладеет, и в то время что делать и с кем будет

206 *Форстен Г.В.* Сношения... С. 324. Это беспокойство нашло свое выражение в ходе русско-шведских переговоров, когда послы высказали подозрение, что царь не отвечает на их предложения, ожидая возвращения гонца от «цесаря» (РГАДА. Ф. 96. 1656 г. № 4. Л. 102).

207 См. подробнее: *Шварц И.* Австро-русские дипломатические отношения в первые годы Северной войны // *Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века.* М., 2000. С. 33–34.

208 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. 3. СПб., 1854. Стб. 398, 405.

209 Там же. Стб. 539 и сл.

мириться»²¹⁰. Австрийские посланники заверяли, что положение не безнадежно. Католическое духовенство, которое очень influent в Польше, не сможет «ужиться» «с лютерами и с кальвинами» — с еретиками-шведами. Да и, кроме того, «папа и цесарь, и короли Ишпаньской и Французской и иные христианские государи, которые католицкой веры... своей католицкой вере загинуть не дадут»²¹¹. Сообщение о том, что Речь Посполитая может рассчитывать в войне со шведами на внешнюю помощь, не могло не привлечь внимания участвовавших в переговорах бояр²¹² и главы Посольского приказа думного дьяка Алмаза Иванова. На встрече 24 декабря австрийским собеседникам был задан прямой вопрос: «Цесарскому величеству за польского короля на шведа стоять ли?». Ответ австрийских послов на этот вопрос заслуживает внимания. Посланники заявили, что еще летом 1655 г. император начал набор войска и новые усилия в этом плане были предприняты осенью. «И буде царское величество с королем польским мир учинит, и цесарское величество, чают, что польскому королю помогать учнят»²¹³.

Эти заявления явно расходились с той политикой, которую проводило австрийское правительство во время пребывания посланников в Москве. Начиная с августа 1655 г. и король Ян Казимир и сенаторы неоднократно обращались в Вену с просьбами о помощи²¹⁴, но император ограничился тем, что предоставил Яну Казимиру и его сторонникам прием в своих владениях в Силезии и обратился к Карлу Густаву с предложением о посредничестве²¹⁵ и не было каких-либо признаков, что австрийская политика в близком будущем может измениться.

Обо всем этом в Москве не знали. Вместе с тем у царя и его советников были серьезные основания отнестись со всем вниманием к заявлению австрийских посланников. Во-первых, во владениях императора действительно шел набор войска²¹⁶, и сведения

210 ПДС. Т. 3. Стб. 412.

211 Там же. Стб. 403.

212 О значении, которое этим переговорам придавалось, говорит участие в них таких значительных лиц, как А.Н. Трубецкой, Ю.А. Долгорукий, Б.М. Хитрово.

213 ПДС. Т. 3. Стб. 413.

214 *Kubala L. Wojna szwecka... S. 94–95, 226–227.*

215 *Ibid. S. 132, 228.*

216 *Ibid. S. 228, 238.*

об этом поступали не только от посланников, но и из других источников. Так, Г. Богданов сообщал с дороги, что император «войско собирает большое... и от свейского короля добре опасен»²¹⁷. Во-вторых, заявления посланников, что католические государи не оставят Казимира без поддержки, находили подтверждение в заявлениях шведских «великих» послов, которые обосновывали необходимость союза России и Швеции именно тем, что им следует совместно противостоять католическим государям, которые станут помогать Яну Казимиру²¹⁸. В-третьих, в пользу того, что Австрия должна будет выступить против Карла Густава, говорили и важные общие соображения. В отличие от России и Речи Посполитой Швеция занимала важное определенное место в системе европейских международных отношений. В годы Тридцатилетней войны она выступала как серьезный союзник Франции в ее борьбе за европейскую гегемонию с испанскими и австрийскими Габсбургами. Эти тесные союзные отношения сохранялись и по окончании войны. Резкое усиление Швеции с успехами Карла Густава в Польше, переход под шведскую власть обширных территорий на восточной границе владений австрийских Габсбургов — все это изменяло сложившееся в Европе после окончания войны соотношение сил в пользу противников Австрийской монархии. Именно принимая это во внимание, польские политики так настойчиво искали помощи в Вене.

В Москве, опираясь на заявление австрийских посланников, имели основания считать перспективу скорого вмешательства Австрии вполне реальной. Именно в этом (а не в каких-то выпадах по адресу Карла Густава) заключалось воздействие австрийских дипломатов на принятие решения о войне.

Таким образом, рисовалась перспектива выступления против Швеции целого ряда государств, и это, конечно, повышало шансы на успех в войне с Карлом Густавом.

При оценке факторов, повлиявших на решение русского правительства начать войну со Швецией, следует принять во внимание и приходившие в Москву свидетельства о недовольстве населения на землях, занятых шведами, шведской властью. Большая часть этих свидетельств относится к занятым шведами землям Великого княжества Литовского.

217 ПДС. Т. 3. Стб. 576.

218 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 3. Л. 508–509.

Ездивший в сентябре 1655 г. к М. Деллагарди гонец А.И. Нестеров сообщал о жалобах Я. Радзивилла, что после его перехода под власть шведской короны «шляхта и всякие служилые люди были у меня в полку, и те, де, все от меня в рознь поехали, а которые, де, со мною немногие люди остались, и я тех людей опасуюсь, чтоб они надо мной какова дурна и смертного убойства не учинили»²¹⁹. О том, что литовское войско не стало присягать шведам и Я. Радзивилл остался с людьми «только двора ево», сообщал и А.Л. Ордин-Нащокин²²⁰. А.И. Нестерову во время путешествия пришлось слышать отзывы, что Януш Радзивилл — «изменник, нас всех згубил, поневоле, де, мы учинились в подданстве у шведского короля»²²¹. Встречавшийся с ним брацлавский подстароста К. Коссаковский говорил, что шляхтичи «тужат», что «у свейского, де, короля в подданстве жить не привыкнул», что «свейского люди во всем обманывают»²²².

Поздней осенью 1655 г. А.Л. Ордин-Нащокин сообщал, что в Жемайтии шведы собирают «кормы великие» на содержание своего войска, и «шляхта меж собою сеймуют, хотят от свеян отстать». По его сведениям, и в Брацлавском повете шляхта 18 ноября собралась на сеймик и заявила шведскому «комиссару», что «если вперед только так будет, и им, де, под свейским королем быть не мошно»²²³. Проезжавший в начале 1656 г. через Курляндию Г. Богданов сообщал с дороги, что в соседних литовских поветах Я. Радзивилла «проклинаяют», «и если, де, взочнется у свейского с которым великим государем война, и они, де, все от свейского отступят»²²⁴.

Особый интерес для русских правящих кругов должны были представлять те свидетельства, в которых говорилось о том, что недовольная шведами шляхта готова отдать предпочтение власти царя. Так, уже А.И. Нестеров сообщал, что в Литве «городов и уездов шляхта говорят — поневоле, де, мы учинились в подданстве у свейского короля, лутчи, де, нам быть великого государя... под крепкою высокою рукою»²²⁵. Певчий А. Левзовский, ездив-

219 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 8. Л. 169.

220 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Соб. 162. Л. 43–45.

221 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 8. Л. 92.

222 Там же. Л. 97.

223 РГАДА. Ф. 79. 1655 г. № 13. Л. 2–3.

224 ПДС. Т. 3. Стб. 576.

225 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. Д. 8. Л. 92.

ший в Киев для обучения «партесному» пению, сообщал в начале 1656 г., что поляки, «видя над собою такую беду, чинят рокош (т. е. мятеж. — Б.Ф.), один другою укоряет, для чего поддавались шведу, а лутче поддатца было б царскому величеству»²²⁶. К. Иевлев, возвращавшийся от Карла Густава через Жемайтию в начале 1656 г., слышал заявления местной шляхты, что «если бы изволил великий государь ваш... хотя бы одну тысячу за реку Вилею переслать, и вся б Жмоцкая земля ему, царскому величеству, поддалась, а что в той Жмоди ни есть шведов, то б мы сами побили всех»²²⁷. Особенно авторитетным должно было быть для царя и его советников свидетельство генерального писаря Войска Запорожского Ивана Выговского, который 6 декабря 1655 г. сообщил В.В. Бутурлину, что черниговский воевода К. Тышкевич «и иные многие санатыри хотят быть в подданстве у царского величества, а за свейским, де, королем быть не хотят»²²⁸.

Все эти свидетельства говорили о том, что положение шведской власти на завоеванных землях непрочное, население ею недовольно и русское правительство может использовать это недовольство в своих интересах.

И. Выговский был и первым, от кого пришло в Москву сообщение о начавшемся на польских землях восстании против шведов. Он сообщал, что от шведского короля отложились «великополяне» и Мазовия, а против восставших Карл Густав послал перешедшее на шведскую службу коронное войско²²⁹. В феврале 1656 г. в Москву пришло уже несколько сообщений о восстании. Наиболее важные сведения содержала полученная 14 февраля отписка виленского воеводы кн. М. Шаховского. Воевода сообщал, что от шведского короля «отошли» коронные гетманы и идут с войском к Люблину, куда движется и войско Павла Сапеги из Бреста²³⁰.

Как представляется, сообщения о восстании заставили русское правительство поторопиться с принятием решения. Оставшись пассивным и не определив своего отношения к Швеции, русское правительство могло утратить возможность влиять на ход событий, развертывавшихся на землях Речи Посполитой.

226 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 1. Л. 76.

227 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. Д. 6. Л. 144.

228 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 316.

229 Там же. Л. 315.

230 АМГ. Т. 2. № 793. С. 482.

Исследователями неоднократно отмечалось, что на решение русского правительства о войне оказали влияние сведения о контактах Карла Густава с Войском Запорожским. Обстоятельный очерк оживленных сношений между королем и гетманом летом-осенью 1655 г. дал уже М.С. Грушевский в своей фундаментальной «Истории Украины — Руси». Затем к этой тематике исследователи обращались неоднократно. Последний очерк этих сношений дал на основании документов Стокгольмского архива А. Котлярчук. В ходе переговоров обе стороны пытались выяснить, что может принести Карлу Густаву помощь Войска Запорожского, а Богдану Хмельницкому возможный переход под шведский протекторат. Осенью 1655 г. стороны не пришли к соглашению, так как их интересы столкнулись по вопросу о принадлежности земель современной Западной Украины. Уход казацкой армии по настояниям шведской стороны из-под Львова вызвал недовольство казацкой старшины.

Для темы данного исследования важно установить, что было известно в Москве об этих контактах и как реагировали на поступающие к ним сведения русские политики. «Статьи», оформлявшие отношения Войска Запорожского и русской власти после Переяславской рады, не запрещали гетману вести переговоры со шведскими правителями, но он должен был «подлинно и вскоре» информировать царя и его советников о содержании таких переговоров²³¹. Однако становившиеся известными факты говорили, что гетман этих условий не выполняет. Так, в начале 1656 г. стало известно, что в лагере под Львовом Хмельницкого посетил шведский посол²³², о чем он не сообщил ни В.В. Бутурлину, ни правительству в Москве. Особенное беспокойство должны были вызывать сообщения о намерении шведов установить свой протекторат над Войском Запорожским. Так, Я. Поздышев, ездивший в августе 1655 г. к курляндскому герцогу через Ригу, сообщал, что «в Риге слух носитца, что бутто и гетман Богдан Хмельницкий будет под их свейским королем»²³³. В переводе голландских «куррантов», зачитанном царю и боярам в конце 1655 г., также говорилось, что Хмельницкий «поддался под свейскую руку» и обя-

231 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. М., 1954. С. 562.

232 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 1. Л. 112.

233 РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 3. Л. 151.

зался не пускать на земли Речи Посполитой татар, которые хотят помочь Яну Казимиру, «чтоб свейским ратным людем от татар шкоды не было»²³⁴. К зиме 1655/6 г. вопрос об отношениях Хмельницкого со шведами стал даже предметом официальных переговоров. Австрийские посланники спрашивали бояр, «верен» ли царю Хмельницкий, так как «у свейских людей речь несется, будто Хмельницкой хочет поддаться под свейскую коруну»²³⁵.

Все эти сообщения основывались на слухах, но в январе 1656 г. был задержан и передан виленскому воеводе ездивший к Карлу Густаву гонец наказного гетмана казацкого войска в Белоруссии Ивана Золотаренко сотник Иван Петрович²³⁶. При нем были найдены грамоты Карла Густава и главного сторонника шведов в Речи Посполитой Иеронима Радзейовского, адресованные И. Золотаренко и Б. Хмельницкому. В письме И. Радзейовского Б. Хмельницкому сообщалось, что король отпустил к Хмельницкому его посла игумена Даниила²³⁷. Тем самым в руках русских властей оказалось бесспорное свидетельство того, что Хмельницкий ведет переговоры со шведами без ведома и позволения русского правительства²³⁸. Не могло не обеспокоить московских чиновников и письмо Карла Густава И.Н. Золотаренко от 16 ноября 1655 г., из которого следовало, что гетман предлагал прийти на помощь шведам с 10-тысячным войском и Карл Густав выражал готовность взять казаков на службу, если прусские сословия ему не подчинятся²³⁹. На встрече со шведскими послами 11 марта эта грамота им была предъявлена как пример неприемлемого вмешательства шведского монарха в отношения между царем и его подданными²⁴⁰. Как представляется, особое беспокойство русских политиков должно было вызвать письмо И. Радзейовского наказному гетману. Радзейовский писал, что в настоящее время, когда вся Речь Посполитая подчинилась шведскому королю, он не нуждается больше в помощи казаков и что

234 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 1. Л. 10.

235 ПДС. Т. 3. Стб. 414–416.

236 АЮЗР. Т. 14. № 41. Стб. 887.

237 Там же. Стб. 890.

238 Позднее К. Иевлев сообщал об отпуске Карлом Густавом из его ставки 29 декабря 1655 г. «Хмельницкого посла людеи» (РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 6. Л. 118).

239 АЮЗР. Т. 14. Стб. 894.

240 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 4. Л. 178 и сл.

теперь следует «о новой за границу помыслити войне»²⁴¹. Радзейовский явно имел в виду планы похода против Османской империи, которые предлагал шведскому королю Хмельницкий²⁴², но для русского правительства эти слова явились авторитетным подтверждением слухов о планах Карла Густава, направленных против России. Несомненно, переговоры Карла Густава с казаками способствовали ухудшению русско-шведских отношений, но решающего значения они не имели. Характерно, что Алексей Михайлович не захотел объясняться с Хмельницким по этому поводу. В записке шведских послов о причинах войны украинский вопрос как одна из таких причин не фигурирует.

Рассмотрев роль различных факторов, повлиявших на решение русского правительства о войне со Швецией, следует остановиться на вопросе, кто из государственных деятелей в окружении царя несет главную ответственность за решительное изменение внешнеполитического курса в начале 1656 г. В современной научной литературе имеются определенные ответы на этот вопрос. Так, в биографии царя Алексея Михайловича отмечается, что решение о войне царь принял под воздействием таких своих советников, как патриарх Никон и А.Л. Ордин-Нащокин²⁴³. На роль Никона в принятии решения о войне указывает и биограф патриарха С.В. Лобачев²⁴⁴. В последнем исследовании по истории русско-польской войны 1654–1667 гг. читается: «Г. н. “польская партия” в окружении царя во главе с царским фаворитом А.Л. Ординым-Нащокиным убедила Алексея Михайловича начать войну со Швецией»²⁴⁵. Вопросу о виновниках войны уделила внимание в исследовании, специально посвященном русско-шведским отношениям, Е.И. Кобзарева. В этой связи она также неоднократно упоминает А.Л. Ордина-Нащокина как сторонника антишведской ориентации, активного участника пограничных столкновений со шведами, автора отписок, которые способствовали росту враждебных по отношению к Швеции настроений в русских правящих кругах, но исследовательница не возлагает на него ответственность за принятие самого решения о войне²⁴⁶.

241 АЮЗР. Т. 14. Стб. 891.

242 Об этих планах см.: *Грушевський М.С.* Указ. соч. С. 1109–1110.

243 *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 296–297.

244 *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 170–171.

245 *Малов А.В.* Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006. С. 20.

246 *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 59–60, 65, 85–86.

Для осторожности, проявленной исследовательницей, были, как представляется, серьезные основания. Как справедливо отметил С.В. Лобачев, в конце 1655 — начале 1656 г. А.Л. Ордин-Нащокин, воевода крепости на границе с Курляндией, вовсе не занимал такого положения, которое позволяло бы ему влиять на принятие важных политических решений²⁴⁷. Исследователь справедливо отметил, как оскорбился кн. Я.К. Черкасский, когда в грамотах к А.Л. Ордину-Нащокину М. Делагарди назвал его «генералом и полным воеводой». «Афанасий Нащокин, — объяснял он с раздражением шведскому наместнику, — великого государя нашего царского величества дворянин рядовой и генералом и полным воеводой николи не бывал»²⁴⁸. В окружение царя А.Л. Ордин-Нащокин вошел во время похода на Ригу, и лишь после окончания похода царь дал ему право подавать ему советы. До этого царь его советов не спрашивал, а А.Л. Ордин-Нащокин их не давал. Во всяком случае, никаких советов начинать войну со Швецией в его отписках не обнаруживается, а о личном общении воеводы Друи, не покидавшего свою крепость, с царем, в те месяцы, когда принималось решение о войне, не может быть и речи.

Совсем иное дело патриарх Никон. По своему положению он в эти годы был самым прямым образом причастен к принятию важных политических решений. С.В. Лобачев привел ряд свидетельств шведских источников весны 1656 г., свидетельствующих, что и шведские послы в Москве, и шведские власти в Ливонии были убеждены в том, что именно патриарх толкает царя к войне со Швецией. В записке шведских послов о причинах войны патриарх также упоминается как лицо, призывавшее царя к войне и ставившее ему в пример Ивана Грозного²⁴⁹.

Разумеется, о «полонофильской» ориентации патриарха нет оснований говорить. В донесении П. Галинского, польского посланника, побывавшего в Москве весной 1656 г., патриарх охарактеризован как «*nostris inimicissimus*» (самый враждебный по отношению к нам. — Б.Ф.)²⁵⁰. Все сообщения о действиях Никона весной 1656 г. говорят о том, что он призывал царя освободить от власти шведов православное население Ингрии

247 Лобачев С.В. Патриарх Никон... С. 172.

248 Там же.

249 Форстен Г.В. Сношения... С. 325.

250 Walewski A. Historia wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza (1655–1660). T. I. Kraków, 1866. № XXVI. S. XXI.

и Карелии. Зная об усилиях, затраченных Никоном на восстановление позиций православной церкви на занятой русскими войсками территории Белоруссии, нет оснований сомневаться в правдивости этих сообщений. Однако следует отметить, что при проведении начавшейся летом 1656 г. военной кампании для занятия Ингрии и Карелии (об этом подробнее речь пойдет в следующей главе исследования) были выделены очень скромные военные силы, которые так и не смогли добиться решения этой задачи. Таким образом, при планировании военных действий доводы патриарха не были приняты во внимание. Все это позволяет сделать вывод, что, хотя патриарх был, несомненно, сторонником войны со Швецией, не его доводы оказали решающее влияние на царя. При существующем состоянии знаний приходится удовлетвориться общим выводом, что ответственность за это важное политическое решение несет традиционный круг советников царя, среди которых должны быть особо выделены стоящие во главе Посольского приказа думные дьяки Алмаз Иванов и Ларион Лопухин.

Конец зимы — весна 1656 г. были заполнены приготовлениями к войне. Как указывалось в одном из относящихся к этому времени документов, осталось «время малое до его государского походу, и без престани он, великий государь, сидит з бояры и приказывает о ратном строении»²⁵¹. Подготовку к войне, конечно, в известной мере облегчало то, что, распуская армию, царь приказал войскам быть готовыми к весне на службу.

Был предпринят и ряд важных шагов, чтобы для военных действий были обеспечены благоприятные условия. При смене внешнеполитического курса актуальным становился вопрос о поисках союзников. Уже в феврале были составлены черновики документов для кн. Д.Е. Мышецкого, который должен был направиться с важной дипломатической миссией в Курляндию, Бранденбург и Данию²⁵². Текст грамоты датскому королю, как отмечено в черновике, «февраля 28 день принес с Верху от государя думный диак Алмаз Иванов»²⁵³. О значении, которое придавалось поездке в Данию, говорит та многозначительная деталь, что

251 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 9. Л. 25.

252 См. датированные февралем черновики грамоты датскому королю Фредерику III, проезжей грамоты и наказа: РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). 1656 г. № 1. Л. 10–12, 17–18, 19 и сл.

253 Там же. Л. 12.

вопреки традиционным нормам дипломатических сношений грамота была скреплена собственноручной подписью царя²⁵⁴. Миссия была секретной. Ее цели не были указаны ни во врученном Д.Е. Мышецкому наказе, ни в царских грамотах. Из содержания его статейного списка видно, что курляндскому герцогу он должен был обещать покровительство и защиту от шведов²⁵⁵, бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму предлагалось «ратию соединитися и на шветцких люди стояти заодно»²⁵⁶, аналогичное предложение было адресовано датскому королю²⁵⁷.

Из Москвы Мышецкий выехал 13 марта и в начале апреля приехал в столицу Курляндского герцогства Митаву. Из отписки, отправленной оттуда в Москву, царь и его советники могли узнать, что курляндский этап его миссии закончился неудачей. Ко времени приезда Д.И. Мышецкого на территории герцогства разместились шведские войска, разорявшие землю своими поборами²⁵⁸. В Курляндии находились шведские представители, которые должны были проследить за тем, чтобы 24 июня герцог принес вассальную присягу шведскому королю²⁵⁹. Правда, герцог Якоб заверял посланца, что, если между Россией и Швецией начнется война, он шведам «помогать ни в чем не будет»²⁶⁰, но, конечно, было неясно, сможет ли в таких условиях герцог выполнить свои обещания.

21 апреля Д.И. Мышецкий прибыл в Кенигсберг²⁶¹, но и здесь ему не удалось добиться успеха. Ко времени отъезда Мышецкого из Москвы уже было известно, что, заняв главные польские земли, Карл Густав повел свою армию на север, в Пруссию, и между ним и курфюрстом было заключено мирное соглашение²⁶². Одна-

254 РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). № 106.

255 РГАДА. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). 1656 г. № 2. Л. 19–20.

256 Русская и украинская дипломатия... С. 313.

257 Там же. С. 373–374.

258 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 1. Л. 34. Как записал Д.Е. Мышецкий в статейном списке, шведы «животину и хлеб емлют, а лошадей, де, не оставили нигде, выбрали мало что не все, да послали под нарядом и под пушечными запасы к шведскому королю в Польшу» (Там же. 1656 г. № 2. Л. 13–14).

259 РГАДА. Ф. 53. 1656 г. № 1. Л. 34.

260 Там же. Л. 33.

261 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 2. Л. 40.

262 Так, 8 февраля было получено сообщение от А.Л. Ордин-Нащокина, что «свияне с бранденбургским князем помирились» (ПДС. Т. 3. Стб. 569).

ко в Москве располагали сведениями, что договор был заключен под давлением и напряженность в отношениях между Швецией и Бранденбургом сохраняется. Так, Г. Богданов 1 февраля писал из Митавы, «что прусский князь свейскому королю не поддался и что которое войско было в зборе и ныне у него не распушено, и вновь прибирает, и свейского короля добре опасен»²⁶³.

Попытки курфюрста осенью 1655 г. установить свою «протекцию» над землями королевской Пруссии, предпринятые осенью 1655 г., вызвали недовольство шведов и стали одной из причин похода Карла Густава на север. Договор с курфюрстом действительно был заключен под давлением, когда шведская армия, заняв главные города Королевской Пруссии, находилась в 25 км от Кенигсберга. Однако поскольку на польских землях начиналось уже восстание против шведов, условия соглашения были достаточно благоприятными для Фридриха Вильгельма. Он, как герцог прусский, стал вассалом шведского короля, от которого получил в лен и часть земель Королевской Пруссии. Одновременно, как вассал, он был обязан оказывать шведскому королю военную помощь²⁶⁴. К этому времени политический курс курфюрста определился на длительное время. Считая Карла Густава более сильной стороной конфликта, он присоединился к шведскому королю, рассчитывая, что заинтересованность в поддержке Бранденбурга заставит его пойти на уступки за счет Речи Посполитой. Расчеты эти вскоре оправдались.

В апреле 1656 г. по соглашению со шведами бранденбургские войска стали занимать крепости на территории Великой Польши²⁶⁵. Неудивительно, что на переговорах, начавшихся в Кенигсберге 29 апреля, курфюрст никак не реагировал на предложения о выступлении против шведов и, напротив, предложил свое посредничество в споре между царем и Карлом Густавом. Советники курфюрста, однако, заверили Мышецкого, что в войне с Россией курфюрст участвовать не будет. Престиж русского государства после побед в военных кампаниях 1654–1655 гг. стоял высоко, западные русские владения находились теперь совсем

263 ПДС. Т. 3. Стб. 576.

264 *Szymczak B. Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej.* Warszawa, 2002. S. 178–183.

265 *Szymczak B. Stosunki...* S. 205–206.

недалеко от границ Восточной Пруссии, и курфюрст принимал это во внимание²⁶⁶. Миссия Д. Мышецкого имела один важный результат. При заключении 25 июня 1656 г. нового соглашения между Бранденбургом и Швецией в договоре было специально оговорено, что курфюрст не обязан оказывать шведам помощи против войск «великого князя московского» на территории Литвы²⁶⁷. Для внешнеполитических планов русского правительства было важно, что, зная о целях миссии Д. Мышецкого, Фридрих Вильгельм не решился задержать посланника и 24 мая он отбыл на корабле в Данию²⁶⁸. Таким образом, сохранялась возможность соглашения с тем из балтийских государств, в поддержке которого русское правительство в своей попытке занять морские порты нуждалось больше всего.

Еще до того, как Д. Мышецкий отправился в дорогу, была предпринята попытка установить связи с враждебными шведам силами в Речи Посполитой. 13 февраля было принято решение отправить с особой миссией на территорию этого государства стольника В.Н. Лихарева²⁶⁹, того, который в 1655 г. ездил к литовским гетманам. Цели его миссии были изложены в датированном 20 февраля посольском наказе²⁷⁰. Миссия была секретной, врученный ему наказ В.Н. Лихарев должен был оставить в Смоленске²⁷¹.

Ближайшей задачей его миссии было закрепление позиций русской власти на занятых русскими войсками землях Великого княжества Литовского. Так, он должен был завершить переговоры о подданстве с новогрудским воеводой П. Вяжевичем и ошмянским старостой А. Саковичем. Им были посланы цар-

266 О русско-бранденбургских переговорах весной 1656 г. см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 94–97; *Hirsch T.* Die ersten Anknüpfungen... Th. 1. S. 16–17; *Прудовский П.И.* Начало русско-шведской войны 1656–1660 гг. и генезис Рижского договора 1656 г. между Россией и Бранденбургом // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 5.

267 *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 97; *Hirsch T.* Die ersten Anknüpfungen... Th. 1. S. 18.

268 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 2. Л. 112.

269 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 6. Л. 52.

270 Там же. Л. 80–95.

271 Там же. Л. 95.

ские «милостивые грамоты»²⁷². Этим, однако, цели его миссии не ограничивались. В грамоте П. Вяжевичу не случайно содержалось предложение от имени царя «свою братью сенатореи и урядников, которые еще никому не поддались, под нашу царского величества высокую руку призывать»²⁷³. В.Н. Лихарев должен был также завершить переговоры о переходе под власть Алексея Михайловича сенаторов и шляхты, собравшихся в Бресте. Не довольствуясь отправкой грамот с соответствующими предложениями с С. Глядовицким, царь в начале февраля 1656 г. через ротмистра М. Сухтицкого снова предложил гетману П. Сапеге, чтобы тот «царского величества милости к себе поискал»²⁷⁴. В.Н. Лихарев должен был не только еще один раз повторить эти предложения, но и побуждать гетмана, чтобы он «свою братью сенатореи и урядников наговаривал» также перейти в подданство царя²⁷⁵. Таким образом, миссия Лихарева должна была привести к установлению русской власти на всей не занятой шведскими войсками территории Великого княжества Литовского.

На В.Н. Лихарева было возложено еще одно поручение. Он должен был передать виленскому воеводе царскую грамоту, адресованную старосте Жемайтии Е.К. Глебовичу. Царь предлагал ему принять подданство царя «и свою братью и урядников на то призывать»²⁷⁶. Этот документ говорит о готовности русского правительства вступить в борьбу со шведами за Жемайтию.

Литвой миссия Лихарева не должна была ограничиться. От Павла Сапеги он должен был направиться на юг к «отложившимся» от шведов коронным гетманам. Он должен был предложить им, а также находящимся вместе с ними сенаторам, офицерам армии «и всеи уроженои шляхте» перейти под власть царя²⁷⁷. В Москве хорошо осознавали возможные последствия такого шага. В наказе В.Н. Лихареву читаем: «А буде гетманы корунные учнут говорить, что у них в Коруне Польской маетности, города и села большие, и те их маетности захали свейские

272 Там же. Л. 70, 74–75.

273 Там же. Л. 74.

274 См. об этом в грамоте Алексея Михайловича гетману, посланной с В.Н. Лихаревым (Там же. Л. 67). Начальная часть дела о поездке М. Сухтицкого не сохранилась.

275 Там же. Л. 85.

276 Там же. Л. 72–74.

277 Тексты соответствующих грамот см.: Там же. Л. 58–65.

люди, и царское величество за маетности их стоять учнет ли. И Василью говорить: буде они, гетманы, учинятца под царского величества высокою рукою и царскому величеству за маетности их как не стоять»²⁷⁸.

Царь готов был на значительные уступки знати Речи Посполитой, если она подчинится его власти. Так, П. Сапеге Алексей Михайлович обещал не только вернуть его имения на территории, занятой русскими войсками, но, если они окажутся сильно разоренными, то дать вместо них другие — в лучшем состоянии²⁷⁹. Сенаторам царь предлагал не только возратить их прежние владения, но и пожаловать их чинами в боярской думе²⁸⁰. Коронных гетманов следовало, кроме того, заверить, что «царь в вину им того ставить не велел», что они воевали на Украине против Хмельницкого и Бутурлина²⁸¹.

Анализ наказа В.Н. Лихареву показывает, какова была первая реакция русской власти на известие о начавшемся в Польше восстании против шведов. Была предпринята попытка привлечь под власть царя все силы в Речи Посполитой, враждебные шведам.

Еще до того, как Лихарев, переехав в конце марта Неман, смог приступить к выполнению своей миссии, стала выясняться нереальность задуманного плана. Приходившие в Москву сообщения говорили не только о том, что восстание против шведов принимает все более широкий размах, но и о том, что восстание разворачивается под лозунгом возвращения к власти законного короля Яна Казимира. Тем самым о соглашении русского правительства с восставшими вряд ли уже можно было говорить. Речь Посполитая возрождалась как особое, самостоятельное государство. В связи с этим перед русскими правящими кругами возникала новая проблема: какими способами подчинить это государство своему влиянию и не допустить, чтобы ослабленная долголетней войной страна подпала под влияние кого-либо из соседей.

Обратиться к решению этого вопроса русское правительство побудили важные сведения, полученные от А.Л. Ордина-

278 Там же. Л. 92.

279 Там же. Л. 87.

280 Там же. Л. 85–86, 94–95.

281 Там же. Л. 92.

Нащокина. Как уже отмечалось, с самого начала войны со Швецией польские политики добивались от императора в Вене военной помощи. Эти просьбы сопровождались предложениями провозгласить наследником бездетного Яна Казимира одного из австрийских эрцгерцогов с тем, чтобы он вступил на трон после смерти короля²⁸². А.Л. Ордин-Нащокин узнал об этих переговорах от шляхтичей, которым рассказывал о них литовский подканцлер Казимир Сапега. В устной передаче содержание переговоров подверглось серьезному искажению: шляхтичи утверждали, что именно император требовал в обмен за помощь признать одного из эрцгерцогов наследником Яна Казимира²⁸³. Это сообщение и обратило внимание на опасность подчинения Речи Посполитой австрийскому влиянию и одновременно подсказало способ, как противодействовать этой опасности. Отписка А.Л. Ордина-Нащокина поступила в Москву 29 февраля, а уже 3 марта с миссией особой важности к гетману П. Сапеге был отправлен ротмистр М. Сухтицкий. Хотя формально это было посольство к гетману, которому была передана царская грамота, настоящая цель миссии была иной. Как выясняется из «расспросных речей» майора Даниила Ильфова, сопровождавшего М. Сухтицкого в поездке, они предлагали «полковникам знатным многим» подчиниться власти царя, и тогда царь «положит на милость, поволит польскому королю Полшою владеть по ево смерти». Тогда после смерти Яна Казимира Великое княжество Литовское, Русь и Подлясье, находящиеся теперь под властью царя, снова соединятся с Польшей в одно государство²⁸⁴. Такое решение само собой предполагало и совместные действия России и Польши против шведов. Тем самым было бы предотвращено нежелательное соглашение между Польшей и Австрией и одновременно решена задача подчинения Польши русскому политическому влиянию. При этом русская сторона прибегла к аргументу, которым не могли воспользоваться другие соседи, — возможности восстановления в перспективе традиционной связи между Польшей и Великим княжеством Литовским, занятым русскими войсками.

Перед началом военной кампании перед русской властью встал важный вопрос об установлении порядка на землях Ве-

282 Kubala L. *Wojna szwecka...* S. 94–95, 226–227.

283 АМГ. Т. 2. С. 487.

284 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 10. Л. 2, 8.

ликого княжества Литовского, которые должны были стать ближайшим тылом русской армии, следовало также привлечь новых подданных царя к участию в войне со шведами. Важная роль при этом предназначалась одному из первых магнатов Великого княжества Литовского троцкому воеводе М.С. Пацу.

В феврале 1656 г. в Москву прибыл посланец воеводы Иероним Липский с важным предложением. М.С. Пац обращался к царю от имени сенаторов Великого княжества Литовского. Как разъяснял посланец, имелись в виду не только присягнувшие царю воевода новогрудский Петр Вяжевич и каштелян новогрудский С. Статкевич, но также жмудский староста Ежи Кароль Глебович и гетман польный В. Госевский, которые якобы «хотели приехать» к троцкому воеводе²⁸⁵. От их имени он поднимал вопрос о созыве сейма, на котором окончательно были бы выработаны условия жизни литовских магнатов и шляхты под царской властью. Сам М.С. Пац просил дать ему пост гетмана «над всем княжеством Литовским» с правом собирать поветовые сеймики и набирать войска на царскую службу²⁸⁶.

Грамотой от 8 февраля царь Алексей Михайлович пригласил М.С. Паца в Москву, чтобы окончательно решить вопрос «о сойме и о урядех и иных делех». До этого времени царь обещал не рассматривать «статей», поданных ему разными группами шляхты²⁸⁷.

Л.В. Заборовский привел ряд серьезных аргументов в пользу того, что эта договоренность была нарушена. По-видимому, именно после того, как в Москве было принято решение о войне со Швецией, царь рассмотрел «статьи», поданные шляхтой во время похода С.А. Урусова²⁸⁸. В этих «статьях» содержались просьбы обеспечить «крепкую и надежную от короля свейского оборону» и вернуть в состав Великого княжества Литовского Жемайтию и другие земли «через войну... оторванные». После принятия решения о войне эти просьбы приобрели актуальность. В царской резолюции на просьбу о защите от шведов указывалось: «Царское величество идет сам, а вы подите на встречу»²⁸⁹. Так четко определилась линия на привлечение шляхты к участию

285 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 5. Л. 25.

286 *Заборовский Л.В.* Великое княжество... С. 100–108; РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 5. Л. 33–36.

287 Там же. Л. 61–63.

288 *Заборовский Л.В.* Великое княжество... С. 129.

289 Там же. С. 104.

в войне. Одновременно в ответах на просьбы царь дал согласие на созыв сейма, на котором должны были быть решены многие поднятые в просьбах вопросы²⁹⁰.

При решении всех этих вопросов в Москве рассчитывали на содействие М.С. Паца. От решения вызвать Паца в Москву царь отказался, и в марте к троцкому воеводе был отправлен специальный царский посланец стольник Замятня Леонтьев. В наказе, датированном 10 марта²⁹¹, ему предписывалось ехать в Вильно, а оттуда к М.С. Пацу, «где он будет». На воеводу возлагалось важное задание — составить и прислать в Москву списки «урядников» и шляхтичей, которые принесли присягу царю. Кроме того, царь поручил воеводе звать на русскую службу тех шляхтичей, которые находятся «у свейского, а маятности их за царским величеством». В случае возвращения царь обещал пожаловать их «маятностями и вольностями». М.С. Пац также должен был набрать на военную службу «шляхты добрые 2000 человек гусарским строем». В наказе прямо указывалось, что войско должно быть набрано для защиты литовских земель от шведов. Собрав войско, воевода должен был ехать в Смоленск на встречу с царем, который прибудет в этот город «со многими ратьми в мае месяце». На этой встрече должны были быть также решены вопросы «о сойме и о иных делех»²⁹². Поручение М.С. Пацу собрать войско явно означало согласие назначить троцкого воеводу гетманом, с ним же предполагалось решать и вопросы, связанные с определением положения магнатов и шляхты Великого княжества под властью царя.

Задуманный план в том виде, как это представляли себе в Москве, осуществить не удалось. Когда З. Леонтьев прибыл в Вильно, выяснилось, что М.С. Пац, «выбрав великие поборы» в своих владениях, выехал в Польшу к Яну Казимиру²⁹³. Поставленные перед ним задачи З. Леонтьеву пришлось решать самостоятельно. Первой и самой неотложной был набор войска. В Вильно «по многия дни вытрубливали и приповедные листы вычитали, чтобы шляхта писалися в гусары». В различные поветы были отправлены гонцы звать шляхту на «попис» в Вильно.

290 Там же. С. 104–105.

291 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 9. Л. 8.

292 Текст наказа см.: Там же. Л. 8–25.

293 Там же. Л. 27.

Предписания о наборе отрядов на военную службу были посланы П. Вяжевичу, С. Масальскому, Я. Кунцевичу²⁹⁴.

Вместе с тем, хотя вопрос о созыве сейма (вероятно, в связи с отъездом Паца) не поднимался, З. Леонтьев прилагал усилия, чтобы успокоить литовскую шляхту относительно намерений царя. В беседе с приехавшим в Вильно Я. Кунцевичем он убеждал его, что подданные царя, бояре и дети боярские всем обеспечены «и в Княжестве Литовском и в Коруне Польской маетностей и земель не похотят». Шляхта сохранит свои «вольности» и «маетности», а свое «жалованье» царь «усугубит». «А кривды, — заверял он, — от его царского величества воевод и ото всяких людей Княжества Литовского всяким людем нет и вперед не будет»²⁹⁵.

Миссию привлечь на русскую службу шляхтичей с земель, завоеванных шведами, З. Леонтьев доверил ротмистру М. Сухтицкому, и, по его словам, она увенчалась успехом. В мае 1656 г. многие шляхтичи приехали в Вильно и принесли присягу царю²⁹⁶. В своем статейном списке З. Леонтьев отметил приезд 16 мая Миколая Казимира Шемета, позднее одного из предводителей восстания против шведов в Жемайтии и автора сочинения о том, как Жемайтия вошла под «протекцию» шведов и вышла из нее²⁹⁷. М.К. Шемет сообщал, что многие шляхтичи из Жемайтии, узнав о наборе войска, поехали на царскую службу, и просил дать ему «универсал» для набора отряда гусар из 120 человек, который он рассчитывал разместить на содержание на территории Браславского повета. Он обещал призывать жемайтскую шляхту на службу к царю. «А чает, де, он, Миколай, — записал его слова З. Леонтьев, — тово, что и вся Жмочь ево, Миколая, послушает и будут под высокою рукою его царского величества»²⁹⁸. Сообщения эти имели для русского правительства важное значение, так как обрисовывались перспективы мирного перехода под власть Алексея Михайловича Жемайтии, единственной крупной «земли» в составе Великого княжества Литовского, которая еще оставалась за рамками русского влияния. Если бы этого удалось добиться, то будущие переговоры о мире с Речью Посполитой стали бы беспредметными и рассматривался бы лишь вопрос о будущем Польского королевства.

294 Там же. Л. 27–31.

295 Там же. Л. 38.

296 Там же. Л. 40.

297 О нем см.: *Kotljarchuk A. In the Schadows...* P. 162, 172, 178–182, 281.

298 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 9. Л. 40–42.

После возвращения Яна Казимира в Польшу, еще не дожидаясь ответа на предложения, переданные австрийскими посланниками, на совещании короля с сенаторами в Кросно в январе 1656 г. было принято решение искать соглашения с Россией. В Москву был отправлен посланник — маршалок оршанский Петр Галинский²⁹⁹. Почти весь апрель 1656 г. П. Галинский провел в Москве, где вел переговоры с советниками царя — окольничим Б.М. Хитрово и думным дьяком Алмазом Ивановым. Переговорам П. Галинского посвящено в настоящее время специальное исследование³⁰⁰, поэтому в данной работе будет затронут лишь вопрос, как повлияли переговоры на внешнеполитический курс русского правительства.

Посланец Яна Казимира прилагал максимум усилий к тому, чтобы разоблачить в глазах царя и его советников враждебные планы шведов в отношении Русского государства. Он, в частности, передал в Посольский приказ копии писем Яна Меженского и Януша Радзивилла Богуславу Радзивиллу, в которых говорилось о планах возвращения «потерянных» земель с помощью шведов³⁰¹. Решение о войне со Швецией было принято еще до приезда П. Галинского. Но его сообщения, возможно, способствовали тому, что русское правительство продолжало придерживаться этого решения. Что касается собственно отношений между Россией и Речью Посполитой, то между этими государствами была достигнута лишь договоренность о временном прекращении военных действий. Не было заключено ни мирного договора, ни соглашения о совместных военных действиях против шведов. Решение всех вопросов было отложено до съезда великих послов обеих сторон в Вильно в конце июня 1656 г. Задолго до созыва этого съезда 15 мая царь выступил в поход против шведов³⁰². Таким образом, русское правительство вступило в войну со Швецией, не имея никакого, даже пред-

299 *Wójcik Z.* Polska a Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej. 1655–1660 // *Polska w okresie drugiej wojny północnej*. Т. 1. Warszawa, 1957. S. 345–346.

300 *Иванов Д.И.* Русско-польские переговоры 1656 г. Миссия П. Галинского // *Русское средневековье*. 1998. Вып. 2.: Международные отношения. Сост. Д. Володихин. М., 1999.

301 РГАДА. Ф. 79. Кн. 86. Л. 81об.–90.

302 См. дневник похода царя Алексея Михайловича — царь прибыл в Смоленск 31 мая 1656 г.: РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 193.

варительного соглашения с Речью Посполитой, государством, с которым еще недавно шла война. Такой способ ведения дел вызвал справедливое удивление Богдана Хмельницкого³⁰³. Поспешность, проявленная русским правительством, тем более удивляет, что одна из главных причин, побуждавших к спешному открытию военных действий, отпала с развитием событий. Намечая военную кампанию, царь и его союзники стремились сорвать направленные против России планы Карла Густава, но начавшееся восстание на польских землях явно делало такие планы нереальными.

Решение, принятое в Москве, тем более вызывает удивление, что поведение Петра Галинского на переговорах совсем не соответствовало ожиданиям русской стороны. Когда в Москву стали приходить первые слухи о направляющемся сюда посольстве, то речь шла о том, что Речь Посполитая готова пойти на значительные уступки: «как государь изволит по Днепр или по Березыню»³⁰⁴. Однако ход переговоров не подтвердил этих ожиданий. Когда на переговорах был затронут вопрос об условиях будущего мира, то посланник от имени Речи Посполитой выразил согласие уступить лишь «Смоленск да Дорогобуж, Белую да Стародуб»³⁰⁵, то есть лишь часть территорий, утраченных Русским государством в годы Смуты, настаивая на возврате всех остальных земель. О нежелании польско-литовской стороны идти на значительные уступки говорит и включение в традиционную титулатуру Яна Казимира в привезенной посланником грамоте эпитета «белорусский»³⁰⁶. Наконец, серьезные основания для размышлений могло дать и поведение посланника на обратном пути, когда он уговаривал «шляхту многую» разных поветов не присягать царю и призывал не сдаваться жителей Старого Быхова³⁰⁷. Эти черты поведения П. Галинского, конечно, не были случайностью. Как установил З. Вуйцик, в то самое вре-

303 См. его известные слова: «то мне, гетману, диво что ему, великому государю, его царского величества бояре доброго ничего не поядят: Коруюню Польскою еще не обладали и к миру в совершенные еще не привели, а с другим панством, с шведы, войну всчали» (АЮЗР. Т. 3. СПб., 1861. С. 566).

304 АМГ. Т. 2. № 810. С. 494.

305 *Иванов Д.И.* Русско-польские переговоры... С. 76.

306 РГАДА. Ф. 79. Кн. 86. Л. 37об.

307 Русская и украинская дипломатия... С. 145.

мя, когда Галинский находился в Москве, в апреле 1656 г. были составлены инструкции Яну Шумовскому, послу, отправленному Яном Казимиром в Крым. Он должен был добиваться от хана, чтобы хан разорвал союз между Русским государством и гетманством. После этого хан и гетман совместными силами должны были предпринять нападение на Россию. «Так бы и Княжество Литовское освободилось и Москва стала бы более склонной к соглашению». Посол должен был также сообщить хану, что, если королю удастся заключить мир со шведами, он всеми своими силами обратится против России³⁰⁸. Этот текст ясно показывает, что правящие круги Речи Посполитой рассматривали соглашение с Россией как передышку, связанную с критическим положением, в котором оказалось Польско-Литовское государство, и предполагали с улучшением дел начать борьбу за возвращение потерянного. Об этих фактах в Москве, впрочем, не знали, однако и то, что выяснилось весной 1656 г., говорило о том, что Речь Посполитая не хочет идти на уступки и будет добиваться возвращения утраченных позиций. Это, однако, не повлияло на действия русского правительства, по-прежнему следовавшего своему решению начать войну со Швецией.

В нашем распоряжении имеются материалы, которые позволяют выяснить, чем руководствовался царь и его советники, принимая важные политические решения весной 1656 г.

Карл Густав не собирался бездейственно наблюдать за начавшимся на польских землях восстанием. В феврале 1656 г. шведская армия двинулась на юг, чтобы разбить собравшиеся там войска восставших и занять Львов. Вместе со шведами в походе участвовало и перешедшее на шведскую службу коронное войско. Поход начинался удачно. Карл Густав нанес поражение двигавшемуся на север польскому войску во главе со Стефаном Чарнецким. 26 февраля н. ст. шведская армия подошла к Замостью.

О том, что приближается решающее столкновение шведской армии с восставшими, писал 15 февраля из Кенигсберга направлявшийся в Австрию Г. Богданов. Восставшие, — писал он, — собираются «меж Кракова и Львова», а Карл Густав из Варшавы «со всеми своими ратными людьми пошел на поляков»³⁰⁹.

308 *Wójcik Z. Polska a Rosja...* S. 347–348.

309 ПДС. Т. 3. Стб. 584.

Приход шведских войск на юг обеспокоил Б. Хмельницкого, узнавшего, что Карл Густав «осадил» во Львове Яна Казимира «и до Каменца Подольского войска свои послать хочет». Дело было не только в том, что победа шведов означала бы неудачу планов присоединения к гетманству земель Русского воеводства и Подолии. Гетман был встревожен тем, что участвовавшие в походе офицеры коронной армии во главе с А. Конецпольским стали требовать от него возвращения своих владений. Хмельницкий нашел нужным обратиться в Москву с просьбой о поддержке. 12 февраля его посланцы передали грамоту гетмана в Посольский приказ³¹⁰. По-видимому, немного позже в Москву попало письмо, написанное во Львове 20 марта 1656 г. Письмо открывалось сообщением, что шведская армия находится в шести милях от Каменца Подольского³¹¹.

Запись переговоров с Галинским показывает, как реагировали на эти известия в Москве. Посланника 25 апреля посетил Алмаз Иванов. Сообщив Галинскому, что Ян Казимир, «слыша свейского короля на себя поход, изо Львова отступил и идет к Каменцу Подольскому», дьяк предложил от имени царя королю и сенаторам приют в Москве, если они окажутся не в состоянии продолжать войну со шведами³¹². Судя по этим данным, положение Яна Казимира и его сторонников в апреле 1656 г. представлялось царю и его советникам крайне тяжелым. Следовало поэтому поторопиться с началом военных действий, чтобы не позволить Карлу Густаву подавить восстание и окончательно утвердить свою власть на польских землях. А раз дело обстояло таким образом, то можно было не обращать внимания на слова и поступки П. Галинского. В неравной борьбе со шведами Ян Казимир и его сторонники, нуждаясь в русской помощи, будут вынуждены согласиться на условия мира, продиктованные в Москве.

Как показал ход событий уже в ближайшие месяцы, такая оценка соотношения сил оказалась ошибочной. Соответственно ошибочным оказалось и основанное на этой оценке решение начать войну со Швецией, не заключив никакого соглашения с Речью Посполитой. Следует, однако, отметить, что соотношение

310 Изложение грамоты Хмельницкого см. в ответной грамоте царя от 23 апреля (*Заборовский Л.В.* Недооцененный документ Б. Хмельницкого? // *Славяноведение.* 1982. № 6. С. 55–56).

311 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 547.

312 РГАДА. Ф. 79. Кн. 86. Л. 139об.–141об.; *Иванов Д.* Русско-польские переговоры... С. 80.

сил не мог верно определить в тот момент и Богдан Хмельницкий, находившийся гораздо ближе к месту событий.

По мере того, как русские войска двигались к шведским границам, в ставку находившегося уже в походе царя стали поступать сведения от посланных им за границу дипломатов. 21 апреля послал в Москву сведения, собранные им при проезде через Ливонию, Н. Алфимов³¹³. 20 мая в Вязьме вручил царю свой отчет о поездке в Вену Г. Богданов³¹⁴. 24 мая ротмистр М. Сухтицкий и майор Д. Ильфов сообщили о результатах своей поездки в лагерь Павла Сапеги сопровождавшим царя в походе кн. Н.И. Одоевскому и И.Д. Милославскому³¹⁵. 26 мая в царский стан в селе Селаево под Вязьмой прибыл В.Н. Лихарев³¹⁶.

В отличие от проявлявших сдержанность австрийских посланников в Вене министры императора, призывая Алексея Михайловича к соглашению с Польшей, открыто говорили о враждебных планах Карла Густава по отношению к России³¹⁷. Вероятно, при их содействии в распоряжении русского гонца оказались тексты писем Б. Оксеншерны (от 26 января) и А. Виттенберга (от 27 февраля) австрийскому резиденту в Вене, в которых говорилось о намерениях шведских правящих кругов после победы над Яном Казимиром начать войну с Россией³¹⁸. Эти письма, одно из которых содержало грубые выпады по отношению к царю, явились, вероятно, для царя и его советников дополнительным доказательством правильности их решения о войне.

В условиях, когда военная кампания уже началась, было важно получить сведения о положении в шведской Ливонии. Важные сведения на этот счет прислал Н. Алфимов. Проезжая через ливонские города, он заметил, что в них очень мало войск: «в Новом, государь, городке всего солдат человек с пятнатцать, а в Валмиере, государь, городке всего солдат человек з дватцеть... и прибавить им, государь, людей в города ниоткуда». М. Делагарди просил помощи у курляндского герцога, но тот, очевидно, осмелев со сменой международной ситуации, «отказал». Важны были и его сведения о состоянии армии, с которой М. Делагар-

313 РГАДА. Ф. 96. 1656 г. № 5. Л. 96 и сл.

314 ПДС. Т. 3. Стб. 575.

315 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 10. Л. 5.

316 РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 189об.

317 ПДС. Т. 3. Стб. 610–611, 648–649.

318 Там же. Стб. 663–664.

ди вернулся в Ригу в «Великий пост»: из его войска «многие в войне побиты», а другие «разбежались и померли»³¹⁹. Г. Богданов сообщил о начавшемся в Жемайтии восстании против шведов³²⁰. Магнус Делагарди, по его словам, жестоко расправился с восставшими («деревни и шляхецкие дворы многие пожег»), но «вдаль идти не смеет», у него всего «с полтыри тысечи человек, и то на великую силу собрал»³²¹.

Очень важны были сведения, собранные Г. Богдановым в городах северной Германии. Здесь он узнал, что голландцы и датчане собираются «сухим путем и морем» начать войну со Швецией, «и воинские корабли у галанцов многие изготовлены»³²². Все эти известия, конечно, способствовали появлению надежд на то, что в самом походе на Ригу русские войска не столкнутся с серьезным сопротивлением, и сохранению надежд на то, что в войне со Швецией Русское государство может приобрести союзников, обладающих сильным военным флотом.

М. Сухтицкий и Д. Ильфов привезли известия о реакции литовской шляхты на предложение царя избрать его преемником Яна Казимира. С литовским войском они встретились в лагере на Волыни. По впечатлениям посланцев, полковники и шляхта соглашались на выбор царя, «толко б, де, у них веры не нарушили и костелов не отнимали»³²³. Для царя и его советников особое значение имело их сообщение, что трое литовских полковников — Е. Халецкий, К. Жеромский и С. Липницкий, посетившие Яна Казимира, нашли нужным сообщить королю о русских предложениях. По их возвращении один из полковников, Жеромский, посетил русских гонцов и сообщил о благосклонном отношении короля к русской инициативе³²⁴. Даже в Вене Г. Богданова посетили бежавшие из Вильно иезуиты, заверявшие гонца, что если царь «позволит держать костелы и веру свою, безо всякие шатости будем ему, государю, верные слуги»³²⁵. Эти сообщения также, вероятно, должны были убеждать русское правительство в реальности задуманного им плана действий.

319 РГАДА. Ф. 96. 1656 г. № 5. Л. 96–97.

320 Об этом восстании см.: *Kotljarchuk A.* In the Shadows... P. 161–177.

321 ПДС. Т. 3. Стб. 659.

322 Там же. Стб. 655–656.

323 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 10. Л. 1–2, 8, 10.

324 Там же. Л. 3, 9, 11.

325 ПДС. Т. 3. Стб. 655.

Между тем есть основания полагать, что русские предложения, якобы получившие одобрение и шляхты, и короля, на польской почве существенно изменились, приобретая другой, отличный от первоначального смысл. Характерно, что, убеждая царя в своей верности, виленские иезуиты сказали Г. Богданову, что, как им сообщили из польского лагеря, преемником Яна Казимира будет царевич, сын Алексея Михайловича, и поляки «всею Коруною то похваляют»³²⁶. По-видимому, иезуиты имели в виду сообщения, подобные опубликованному Л. Кубалой сообщению из Львова от 18 апреля. В нем говорилось, что посланец царя обещал польской шляхте вернуть все утраченные земли, если его сын станет наследником Яна Казимира, и царь тогда передаст его будущим подданным для воспитания в католической вере³²⁷. В апреле 1656 г. во Львове находился посланный к коронным гетманам В.Н. Лихарев, но подобных предложений он не делал. Письмо явно отражало собственные представления шляхты о том, каково должно быть соглашение с Россией, и эти представления существенно расходились с представлениями русских политиков. На будущих мирных переговорах эти расхождения должны были проявиться.

В мае 1656 г. в царскую ставку стали приходиться и разнообразные свидетельства о развернувшихся на польских землях военных действиях между восставшими и армией Карла Густава. События развивались не так, как предполагали русские политики. Уже Н. Алфимов, проезжая через Ливонию, узнал, что шведская армия несет в Польше большие потери, ему стало известно, что 28 марта поляки напали на часть шведской армии, отделенную от главных сил рекой Вислой, и уничтожили ее³²⁸. Г. Богданов на обратном пути из Вены также слышал о неудачах шведов в Польше. Во время пребывания его в северной Германии стало известно, что «свейским... людям в Полше болшие упадки чинятся со всех сторон», шведы из Польши «бегут до своих домов, и тех, де, свейских людей по дороге многих побили мужики»³²⁹. О поражении шведов в Польше говорил гонцу и

326 Там же. Стб. 654–655.

327 *Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów, 1918. S. 281.*

328 РГАДА. Ф. 96. 1656 г. № 5. Л. 96.

329 ПДС. Т. 3. Стб. 657.

канцлер курляндского герцога: «ушло, де, их ис Полши немного, толко тысяч с пять»³³⁰.

Особый интерес для русского правительства представляли сообщения В.Н. Лихарева, находившегося в непосредственной близости от разворачивавшихся на польских землях событий. Его сообщения не расходились с другими свидетельствами. В начале апреля гонец был принят П. Сапегой в Люблине после капитуляции шведского гарнизона в этом городе³³¹. В последующие дни он узнал, что шведское войско, не дойдя до Львова, вынуждено было повернуть на север и Карл Густав «пошел вниз по Висле реке». Тогда же он узнал, что коронное войско перешло на сторону восставших³³². 16 апреля во время пребывания В.Н. Лихарева во Львове Ян Казимир с собранным там войском выступил в поход на Варшаву³³³. На обратном пути он записал «вести» о боях, развернувшихся в районе Варшавы, и об осаде польской столицы коронным и литовским войском³³⁴.

В общих чертах эти сообщения рисовали достаточно ясную картину того, что произошло весной 1656 г. Военная кампания завершилась серьезной неудачей шведов. Шведская армия не только не подавила восстание, но, неся серьезные потери, оказалась вынужденной отступить на север. Значительная часть польских земель была освобождена. Польские войска осадили Варшаву, и 1 июня н. ст., не получив помощи, шведский гарнизон капитулировал.

У происходивших событий было два аспекта, важных для планирования русской внешней политики. На польских землях складывалось такое положение, что возможности Карла Густава оказать помощь шведским войскам в Ливонии оказывались очень ограниченными и это повышало шансы на успех русского похода на эти территории. Вместе с тем к лету 1656 г. Ян Казимир и его сторонники уже не находились в таком отчаянном положении, чтобы соглашаться на условия, поставленные русской стороной. Многие зависело от того, как будут дальше развиваться события на двух фронтах, старом — польском и новом — ливонском.

330 Там же. Стб. 658.

331 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 6. Л. 107, 109.

332 Там же. Л. 116–117.

333 Там же. Л. 119–120.

334 Там же. Л. 127, 131.

ПОХОД НА РИГУ И ПЕРЕГОВОРЫ ПОД ВИЛЬНО

15 мая 1656 г. царь отправился из Москвы в поход против шведов¹. В поход вместе с царем двинулась большая армия, проделавшая вместе с ним военную кампанию 1655 г. во главе с прежним главнокомандующим Я.К. Черкасским. Ядро армии составляли 18 тыс. солдат и 26 тыс. дворянского ополчения. В обозе везли тяжелые стенобитные орудия². Как «дворовые воеводы» с царем ехали его ближайшие советники Б.И. Морозов и И.Д. Милославский³. Через Полоцк и Витебск войска двигались к Западной Двине.

Другой крупный корпус во главе с кн. А.Н. Трубецким из Новгорода через Псков двигался к такому важному административному центру шведской Ливонии, как Дерпт (Тарту)⁴. К армии А.Н. Трубецкого присоединились войска, стоявшие в Новгороде и Пскове⁵. Для действий на северо-западном направлении, в Карелии и на побережье Финского залива, оставалась совсем небольшая часть военных сил. На побережье Финского залива действовали пытавшиеся осадить Орешек отряды из 600–700 человек, в Карелию был послан отряд из 1000 солдат и 170 стрельцов⁶.

-
- 1 О дате выезда см. дневник похода: РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных дел). № 6. Ч. 3. Л. 180.
 - 2 Осада Риги царем Алексеем Михайловичем в 1656 году / Сост. В. Борисов, П. Папенгут. Б/м., б/д. С. 2.
 - 3 Дневник похода... Л. 199об.
 - 4 Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 112.
 - 5 Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. Т. 16. М., 1945. С. 23.
 - 6 Там же. С. 24, 26; Гадзяцкий С.С. Карелия и южное Приладожье

Хотя, судя по записке, составленной шведскими послами, одной из целей войны провозглашалось возвращение русских земель, потерянных в годы Смуты, туда, где находились эти земли, были направлены сравнительно незначительные военные силы, которым так и не удалось овладеть ни одним из утраченных новгородских пригородов⁷.

Другой важной целью войны, судя по сведениям, собранным шведскими послами, было добиться для России выхода к Балтийскому морю. Распределение сил на разных театрах военных действий показывает, что летом 1656 г. в Москве были намерены добиваться такого выхода не на побережье Финского залива, а в устье Западной Двины. Конечно, здесь играли свою роль те соображения, что такой крупный порт, как Рига, гораздо труднее было бы блокировать, закрыв путь в широкое море, чем новгородские пригороды на побережье Финского залива. Однако не меньшее значение имело другое. Установление русской власти над главной речной артерией, ведущей из белорусских земель к Балтийскому морю, и над главным портом, через который сельскохозяйственная продукция поступала с этих земель на европейский рынок, способствовало бы окончательному закреплению в составе Русского государства территорий Великого княжества Литовского, занятых во время военных кампаний 1654–1655 гг.

Свою и так достаточно большую армию, двигавшуюся к Западной Двине, царь намерен был дополнительно усилить за счет своих новых литовских подданных. Посылка в марте 1656 г. в Великое княжество Литовское Замятни Леонтьева была первым шагом в этом направлении. С началом военной кампании за ним последовали и другие.

Предпринятые шаги были двоякого рода. Во-первых, на русских воевод возлагалась обязанность собирать шляхту на смотры, проверять ее готовность к службе и высылать ее в «полки»⁸. Во-вторых, приказы набрать военные отряды и прийти с ними к царю направлялись и влиятельным лицам — «полковникам»

в русско-шведской войне 1656–1658 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 253.

7 О военных действиях на этих территориях см.: *Гадзяцкий С.С.* Борьба... С. 24–27; *Он же.* Карелия и Южное Приладожье... С. 248–257.

8 См. отписку воеводы И. Ржевского о проведенном смотре шляхты в Борисове: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 723.

из местной среды. Так, к С. Масальскому в Гродненский повет 30 июня была послана грамота с «указом» набрать на службу 500 гусар и явиться с этим отрядом в Полоцк. Царь обещал возместить понесенные им расходы и выплатить гусарам «заплату». В тот же день аналогичная грамота была послана в Лидский повет к «полковнику» Якубу Кунцевичу⁹.

Меры эти не везде привели к желаемым результатам. Так, созванная 13 июля в «съезжую избу» шляхта Ковенского повета заявила, что они «люди бедные, разоренные», «на ево государеву службу поднятца нечем»¹⁰, просила через своих посланцев освободить ее от службы и шляхта Ошмянского повета¹¹, а из соответствующих распоряжений царя видно, что еще и 12 августа, когда уже полным ходом шли военные действия, отряды полковников К. Рудомины и Я. Менжинского не прибыли «в полк» к Алексею Михайловичу¹².

И все же существенные результаты были достигнуты. Так, уже 15 июня во время пребывания царя в Смоленске было выплачено жалованье большому отряду смоленской шляхты во главе с ротмистром кн. Петром Друцким Соколинским¹³. 5 июня царь распорядился выплатить жалованье участвующей в походе полоцкой шляхте в таком размере, в каком оно ранее было выплачено витебской шляхте¹⁴. Принял участие в походе и полк К. Лосовского, на грабежи которого жаловались жители Курляндии¹⁵. Я. Кунцевич также набрал отряд людей «гусарского строя», получил поручение охранять границу от шведов и «сорок» соболей за службу¹⁶.

Большая часть «литовских» отрядов присоединилась к передовому корпусу во главе с С.Л. Стрешневым¹⁷. С участи-

9 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 19. Л. 9–10, 14–15.

10 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 913.

11 Там же. Новгородский стол. Стб. 263. Л. 278–279.

12 Там же. Московский стол. Стб. 270. Л. 941–942.

13 Там же. Л. 551; список шляхтичей-участников похода см.: Там же. Л. 560–574.

14 Там же. Л. 610. Записи о выдаче жалованья см.: Новгородский стол. Стб. 263. Л. 265–266.

15 Там же. Московский стол. Стб. 270. Л. 822.

16 Там же. Л. 986–988.

17 См. его сообщения царю о «вестях», полученных, когда он послал к Риге «служилых людей поляков»: Дополнения к Ак-

ем в русском войске литовских «полковников» связывали, по-видимому, определенные планы. Так, 19 июня полоцкий воевода кн. Д.А. Долгорукий получил приказ писать «к полковникам в поветы о походе к Браславлю и к Динаборку, и к Икажну». Воевода должен был сообщить царю, «у полковников что учинитца в зговоре под городами»¹⁸. Очевидно, литовские «полковники» должны были убедить население этих городов, входивших ранее в состав Речи Посполитой, сдаться без боя русской армии. Как показал последующий ход событий, расчеты эти оказались необоснованными.

Приходившие в царскую ставку сообщения говорили о том, что условия для похода на Ригу сложились благоприятные. Царю и его советникам было известно, что польское войско осадило Варшаву, где находился большой шведский гарнизон во главе с фельдмаршалом Виттенбергом и ряд советников Карла Густава. Стало известно и о намерениях Карла Густава и его союзника, бранденбургского курфюрста, соединенными силами идти к Варшаве, чтобы выручить осажденных, нанести поражение вражескому войску и «польского короля неволею привести в мир»¹⁹. Позднее пришли сообщения о капитуляции шведского гарнизона в Варшаве, но одновременно и о приходе соединенных сил союзников к польской столице²⁰. В таких условиях, когда дело шло к сражению под Варшавой, наместник Ливонии М. Делагарди не мог ожидать значительной помощи ни от Карла Густава, ни от курфюрста. Шотландец Александр Лесли, намеревавшийся поступить на русскую службу, писал в августе 1656 г. из Кенигсберга одному из офицеров русской армии, полковнику Англеру, что М. Делагарди все время просит помощи, «а свейскому королю помочи граф Магнусу учинить нелзе». По его сведениям, в Ригу был послан лишь один «неполной полк»²¹. Перебежчики из Риги также сообщали, что в городе «служилых людей есть немного, и то худые»²².

там историческим (далее — ДАИ). Т. 4. СПб., 1851. № 28/ХIII. С. 64.

18 См. пересказ этого документа в отписке А.Л. Ордина-Нащокина: РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 18. Л. 1.

19 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 664, 669, 670, 671.

20 Там же. Л. 797–798, 947 (войска враждебных сторон стоят у Варшавы «и беспрестанно ждут поля»).

21 Там же. Л. 946–947.

22 Там же. Л. 705.

Для русского правительства особое значение должны были иметь сведения, доставленные в июле 1656 г. возвращавшимся от Карла Густава и проезжавшим через места будущих военных действий Назарием Алфимовым. Он сообщил, что к М. Делагарди пришли офицеры армии и заявили, что «служить, де, им королю не с кем», так как их солдаты погибли в боях в Жемайтии. В ответ на это, по его словам, граф Магнус заявил, что «служилых людей взять негде», а рижские горожане заявили, что не намерены защищать город от русских войск». «И он, де, граф Магнус, — заканчивал Н. Алфимов свое сообщение, — хочеть бежать за море, корабли, де, у него готовы»²³. Все эти сообщения должны были вызывать надежды на быстрое и успешное окончание похода на Ригу.

Надежды эти могло укрепить только знакомство с грамотой Карла Густава, которую привез Н. Алфимов. Конфликт с Россией ставил Карла Густава после неудач при попытке подавить восстание на польских землях в трудное и опасное положение, поэтому он приложил усилия, чтобы избежать столкновения.

По-видимому, понимая, что именно позиция шведской стороны по вопросу об установлении границ привела к резкому охлаждению русско-шведских отношений, он сообщал, что Магнус Делагарди и «великие» послы получают все полномочия «для подлинных рубежей розводу с вашими царского величества бояры и думными людьми»²⁴. Король обещал провести расследование и наказать виновных в пограничных столкновениях: «И будет то сыщется подлинно, и им наказание учиним — безо всякие наши... милости». Он сообщал, что полковник Волакс наказан и отстранен от должности²⁵.

Как представляется, в сложившейся ситуации документ должен был быть воспринят в царской походной ставке как свидетельство слабости противника. Вместе с тем, поскольку полковник Волакс был только отстранен от должности, а членов Таллинского магистрата за ущерб, нанесенный «государеве чести», король казнить отказался²⁶, у царя и его советников появилась «законная» причина для ведения военных действий.

23 РГАДА. Ф. 96. 1656 г. № 5. Л. 200.

24 Там же. Л. 103.

25 Там же. Л. 104, 107, 109.

26 Там же. Л. 110–111.

Приходили и известия (хотя и не такие многочисленные) о возможном вступлении в войну Дании. Как узнал Н. Алфимов, проезжая в начале июня через Мемель, датский король принял Д. Мышецкого «с великою честью»²⁷. Один из родственников полковника Англера получил в начале июля письмо от голландского купца из Кенигсберга, что в Дании снаряжаются две большие эскадры. «А чаем, — писал автор письма, — что пойдут к Кольвани или к Ругодиву, чтобы государю царское морское пристанище было». Он же сообщал и о мобилизации в Дании сухопутных военных сил²⁸. Александр Лесли также сообщал, что шведы «опасаются от датского короля»²⁹. Эти сообщения позволяли надеяться на то, что миссия Д. Мышецкого в Копенгагене может увенчаться успехом. С выходом в море датских эскадр шведский флот уже не смог бы помогать Риге.

Вырисовывались в этом плане и другие благоприятные возможности. Тот же Александр Лесли сообщал о приходе к Гданьску голландского флота, положившего конец блокаде гданьского порта шведами. «А как царское величество, — писал А. Лесли, — подступит под Ригу, и ис тех, де, кораблей будут на помощь царскому величеству под Ригу»³⁰.

Ход начавшейся военной кампании подтверждал сообщения о слабости шведских военных сил в бассейне Западной Двины. Как видно из отписок царю С.Л. Стрешнева, командовавшего передовым корпусом русской армии, корпус двигался по течению Западной Двины, не сталкиваясь с каким-либо сопротивлением шведских войск. Когда 20 июля «полк» С.Л. Стрешнева подошел к Оникштам, стоявшие в городке шведы побежали, бросив пушки и продовольствие³¹. Шведское войско стало «обозом» в 40 верстах от Риги³², но с приближением русских войск шведский командующий в конце июля «из обозу побежал к Риге»³³. Первое столкновение «полка» С.Л. Стрешнева со шведами произошло лишь 7 августа³⁴.

27 Там же. Л. 199.

28 Там же. Л. 667.

29 Там же. Л. 946.

30 Там же. Л. 947.

31 ДАИ. Т. 4. № 28/VIII. С. 62.

32 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 704.

33 ДАИ. Т. 4. № 28/X. С. 63.

34 Там же. № 28/XIV. С. 65.

Однако надежды на то, что перед лицом мощной, хорошо снаряженной армии шведские крепости на Западной Двине сдадутся без боя, не оправдались, а их осада оказалась не таким легким делом. Хотя русские войска подошли к Динабургу уже 18 июля³⁵, город отказался капитулировать, шведский гарнизон упорно сопротивлялся и лишь 31-го числа город был взят штурмом³⁶. Следующая крепость на Двине — Кокенгаузен (Кокнезе, рус. «Куконос») была укреплена гораздо сильнее, чем Динабург³⁷, она также отказалась капитулировать, и пришлось 29 июля начать ее осаду³⁸. Таким образом, расчеты московских политиков оказались правильными в том отношении, что войска не встретились с серьезным сопротивлением шведской армии, но надежды быстро продвинуться к Риге оказались нереальными. Задержка во времени давала возможность шведским военачальникам укрепить Ригу и подготовиться к осаде.

Одновременно с подготовкой похода к главной цели военной кампании — Риге шла подготовка к мирным переговорам с представителями Польско-Литовского государства. В походе царя сопровождали не только его ближайшие советники, но и один из руководителей Посольского приказа дьяк Ларион Лопухин и члены русской делегации на будущих переговорах под Вильно во главе с кн. Н.И. Одоевским³⁹.

В конце весны — начале лета внимание русских правящих кругов привлекли события в Жемайтии, где началось восстание против шведов. Известия о восстании виленский воевода кн. М. Шаховской получил в середине мая 1656 г. Это — сообщения, что шведские гарнизоны в Жемайтии перебиты и восставшие выбирают себе «полковников». Так, отряд, собравшийся под Кейданами, избрал полковником Юдицкого. На следующий день от кн. Андрея Курбского стало известно, что литовские отряды во главе с выбранными полковниками осадили

35 Там же. № 28/II. С. 59.

36 См. об этом в письме царя: Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. V. М., 1896. № 60. С. 61.

37 См. в письме царя: «Крепостию сын Смоленску граду, ей через меру крепок» (Письма... Т. V. № 61. С. 62).

38 ДАИ. Т. 4. № 28/X. С. 63.

39 При въезде царя 31 мая в Смоленск Н.И. Одоевский сидел с ним в одной карете вместе с главнокомандующим кн. Я.К. Черкасским (РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 193).

Биржи — главный центр шведской власти в Жемайтии⁴⁰. Эти события привлекли внимание потому, что у царя и его советников были известные основания рассчитывать, что, освободившись от власти шведов, шляхта Жемайтии подчинится власти Алексея Михайловича. Как сообщал М. Шаховской, он посылал, начиная с февраля 1656 г., помимо поветов, находившихся под его властью, «и в Вилькомирской повет, и в ыные поветы, и в Кейдано пешево салдацкого строю начальных людей» приводить население к присяге на имя царя, и эти старания увенчались известным успехом⁴¹. В другой отписке, полученной 1 июня, М. Шаховской обращал внимание советников царя на то, что целый ряд участников восстания («писарь, де, Велико-го княжества Литовского Станкеевич з братом своим родным с писарем жмудским и многою шляхтою») перед его началом посетили Ковно, где они принесли присягу царю, и намерены вывести жен и имущество на земли, контролируемые русскими властями⁴². Отписка заканчивалась словами: «А в войске, де, жмудском говорят вся шляхта, что хотят быть под твоею царского величества высокою рукою»⁴³.

Такие сообщения продолжали поступать и позднее. Так, приехавший 17 июня в Полоцк шляхтич Ошмянского повета Казимир Вилейка сообщал, что «слышал от каштеляна смоленского Кирдея да от писаря Станкевича да от — ыных ото многих людей разных чинов, что Жмуиди хотят быть под государевою высокою рукою»⁴⁴.

Такие сообщения вызвали к жизни ряд попыток русских властей использовать положение, сложившееся в Жемайтии, в своих интересах. Так, уже 21 мая виленский воевода послал «капитана да ротмистра», чтобы «шляхту от жмуцких краев и иных поветов призывать... под... государеву высокую руку». Воевода обещал раздать этой шляхте во владение земли короля, Януша Радзивилла и виленского епископа⁴⁵.

40 РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол. Стб. 270. Л. 522, 524.

41 Там же. Л. 694.

42 АМГ. Т. II. № 820. С. 500.

43 Там же.

44 РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы разрядных столов. Стб. 80.

45 Там же. Л. 116–117.

Этот шаг воевода предпринял по собственной инициативе, но уже 27 мая только что вернувшийся из войска Сапеги М. Сухтицкий был послан с той же целью «к Жмоцкому рубежу»⁴⁶. 10 июня датировано распоряжение царя виленскому воеводе послать в Жемайтию одного из своих «капитанов», чтобы «учинились под государскою высокою рукою». Текст соответствующей грамоты был отправлен 13 числа⁴⁷. В тот же день указание послать своего представителя в Жемайтию получил и А.Л. Ордин-Нащокин.

Настойчивость, проявленная русскими властями, вполне понятна. Подчинение Жемайтии — одной из тех немногих земель Великого княжества, которые еще не подчинялись русской власти, привело бы к тому, что на мирных переговорах, срок начала которых приближался, предметом обсуждения стал бы только вопрос об отношениях между Русским государством и Польским королевством.

А.Л. Ордин-Нащокин со всей ответственностью отнесся к исполнению данного ему поручения. Он отправил в Жемайтию знакомого курляндца Дирка Лемберга. Для успеха миссии он снабдил посланца «листом» к одному из влиятельных жмудских каноников от его дяди⁴⁸. О результатах этой поездки нам ничего не известно. Больше мы знаем о посольстве, которое к литовскому войску под Биржи отправил кн. М. Шаховской. В его состав вместе с русскими офицерами вошли духовные лица обоих исповеданий — православного (игумен монастыря в Евье Пахомий и священник Данило Дорофеев из виленского монастыря Св. Духа) и католического (игумен Иван Кризостом Глинский, «Жмудлинковского монастыря каталицие веры»). Посольство двинулось в путь 25 июня⁴⁹. Уже после его отправки, 27 июня, и полоцкий воевода кн. Д.А. Долгорукий получил царский «указ» отправить своих посланцев в Жемайтию⁵⁰. Посланцы М. Шаховского благополучно добрались до литовского лагеря под Биржами, но итог переговоров оказался неутешительным. Полковники и ротмистры заявили, что «хотят быть у польского короля

46 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 9. Л. 47.

47 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 531–533.

48 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 18. Л. 1–2.

49 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 793. О выезде католического «игумена» в Вильно из «местечка» Лыковского Упитского повета см.: Там же. Л. 691.

50 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 515–516.

попрежнему, потому что, де, у них ныне король есть»⁵¹. Посланцы вернулись в Вильно 16 июня, и к этому времени стало ясно, что расчеты на подчинение Жемайтии нереальны.

В отличие от советников царя А.Л. Ордин-Нащокин увидел в событиях, происходивших в Жемайтии, серьезные поводы для беспокойства. Докладывая об исполнении данного ему поручения, он обращал внимание на то, что после взятия Бирж литовские войска хотят идти «под Диноборок». Он советовал скорее выслать войска к Браславию, Икажно и Динабургу⁵².

Как бы то ни было планы относительно Жемайтии не осуществились, и это следовало учитывать при составлении инструкций русской делегации на переговорах под Вильно.

Работа над «большим наказом» для послов была завершена 10 июня во время пребывания царя в Полоцке⁵³. 13 июня, когда состоялось торжественное «освящение» отобранного у униатов храма Св. Софии⁵⁴, в этом храме русские представители во главе с кн. Н.И. Одоевским были «у руки» перед отъездом на место переговоров⁵⁵.

«Большой наказ»⁵⁶, врученный послам при их отъезде, содержал прежде всего подробное изложение причин, заставивших Алексея Михайловича принять решение о войне, набрать войско и нести немалые расходы на его содержание. «Великие» послы должны были также сформулировать предварительные условия мира: передача под русскую власть всех «городов» Великого княжества Литовского, возвращение в них всех тех людей, которые «вышли в корунные города»; выплата царю возмещения за понесенные убытки. Остальное содержание документа было посвящено детальному обоснованию русской версии причин войны и изложению позиции русской стороны по ряду второстепенных сюжетов (о перебежчиках, купцах и др.).

Изложенные условия представляли собой максимум того, чего могли рассчитывать добиться на переговорах русские пред-

51 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 795.

52 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 18. Л. 3.

53 О дате составления документа см.: Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII века. М., 2007. С. 139.

54 РГАДА. Ф. 27. № 6. Ч. 3. Л. 212об.–213.

55 Русская и украинская дипломатия... С. 146.

56 Публикацию документа см.: Там же. С. 139–142.

ставители, и их следовало объявить на первом этапе переговоров, чтобы выяснить реакцию на них другой стороны и чтобы была возможность от чего отступить в случае необходимости.

Те реальные условия мира, которых следовало добиваться на переговорах, были изложены в другом документе — «тайном наказе», который был отправлен послам 4 августа со стольником Ф.Г. Ртищевым⁵⁷. В «тайном наказе» повторялись те же условия мира, что и в «большом наказе»: присоединение к России всего Великого княжества Литовского и выплата контрибуции. При этом, правда, возможны были некоторые нюансы. Так, можно было бы согласиться на то, чтобы «навечно» отошла к России лишь часть Великого княжества к востоку от реки Березины — «Белая Русь», а остальная территория вошла бы в состав Русского государства лишь временно — на 18 или 20 лет. Кроме того, русская сторона могла отказаться от возмещения за убытки, которое разоренная страна явно не могла выплатить, если Русскому государству в виде такого возмещения будут переданы Брест Литовский, Слуцк, Быхов и Жемайтия, т. е. все те еще немногие территории Великого княжества, которые еще не находились под русской властью. В этой связи в «тайном наказе» отмечалось, что некоторые «из них осажены и быть под... государскою высокою рукою вскоре имеют». Таким образом, непременным условием мира было включение всей территории Великого княжества Литовского (на тех или иных условиях) в состав Русского государства.

Одновременно мирное соглашение должно было закрепить вхождение в состав Русского государства Войска Запорожского во главе с Богданом Хмельницким, так чтобы граница проходила по Южному Бугу. Одновременно на польско-литовскую сторону налагалось обязательство «мест пустых и жилых, где бывали города, за рекою Бугом не заседать». Кроме того, договор должен был наложить на польско-литовскую сторону обязательство вернуть православной церкви в Речи Посполитой все имущества, отобранные у нее и переданные униатам, и обеспечить ей все необходимые условия для свободной деятельности. Такие решения должны были быть подкреплены специальным постановлением сейма.

57 Инструкция Ф.Г. Ртищеву см.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 956–959. Публикацию документа см.: Русская и украинская дипломатия... С. 142–146.

Кроме сформулированных таким образом условий мира «тайный наказ» включал и другие важные предложения. Поскольку по условиям мира все Великое княжество Литовское должно было войти в состав Русского государства, то Алексей Михайлович предлагал, чтобы сохранилось «случение» между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, избрать его преемником бездетного Яна Казимира. Он обещал щедро наделить «чинами и богатством» всех, кто будет содействовать его избранию, и гарантировать сохранение шляхте ее традиционных «прав» и «вольностей». Характерно, что при этом не предусматривалось каких-либо изменений условий мира в пользу польско-литовской стороны. Избрание царя на польский трон должно было закрепить успехи, достигнутые во время военных кампаний 1654–1655 гг., а никак их не уменьшить.

Кроме того, царь в «тайном наказе» говорил о своем желании продолжать войну с Карлом Густавом, чтобы «вперед его пронырство лукавственное не ширилося». Вместе с тем он был готов признать Яна Казимира «дедичным королем» шведским — законным правителем Швеции и обещал ему военную помощь, «чтобы ему... на королевстве шведском утвердиться». В наказе, однако, подчеркивалось, что это обещание не касается Ливонии — «Вифлянт», «которые належат к стороне нашего царского величества пограничным городом, так ж и к городу Риге, который за помощью божиею... вскоре под нашу царского величества высокою рукою утвердиться имеет»⁵⁸.

Содержание этого документа не оставляет сомнений в том, что, по представлениям царя и его советников, на переговорах под Вильно побежденной стороне будут продиктованы очень жесткие условия мира, которые фактически означали бы включение одной части Польско-Литовского государства в состав России и подчинение другой (с избранием Алексея Михайловича будущим польским королем) русскому политическому влиянию.

В выборе такого курса царя и его советников утверждали имевшие место во время похода обращения к царю литовской шляхты. 17 июня царь принял посланцев шляхты Лидского повета, которые приносили Алексею Михайловичу поздравления,

58 Подробнее о содержании инструкций см.: *Иванов Д.И.* Речь Посполитая в планах московских политиков накануне виленских переговоров 1656 г. // *Славяноведение.* 2000. № 2.

как «государю нами избранному»⁵⁹. В переданном царским советникам письме от «всего рыцарства» снова говорилось, что шляхтичи «похотели царя его милость принять за государя»⁶⁰. Как своего государя шляхтичи просили царя выдать «привилей» с подтверждением прав и вольностей⁶¹ и ходатайствовали о созыве «большого сейма», на котором были бы решены накопившиеся вопросы и принято решение, «как збирать денежная казна на жалованье ратным людем»⁶². Посланцы даже привезли список шляхтичей, которые, получив от царя «королевщины», не платят «кварти»⁶³. Шляхта Лидского повета явно рассматривала власть царя как постоянную, а не временную.

Некоторые компенсации, как будто предлагавшиеся с русской стороны, были явно нереальными (никто в 1656 г., конечно, не мог думать всерьез о том, что у Яна Казимира есть какие-то шансы утвердиться на шведском троне) и могли заинтересовать в лучшем случае лишь монарха, но не Речь Посполитую, совершенно не заинтересованную в том, чтобы вести войну ради утверждения Яна Казимира на шведском троне. К тому же такая война не сулила и никаких приобретений, так как «Вифлянты» с Ригой должны были войти в состав Русского государства.

Содержание документа также ясно показывает, что по убеждению его составителей ко времени начала переговоров русские войска добьются новых значительных успехов и это окончательно заставит представителей Речи Посполитой согласиться на русские условия. В сознании русских политиков Россия уже выступала как господствующая держава, главный центр власти на территории Восточной Европы, решительно оттеснивший на задний план Польско-Литовское государство. Такие представления наложили свой отпечаток на шаги, предпринятые русским правительством по отношению к соседним правителям, которые были ленниками Речи Посполитой, — курляндскому герцогу Якобу и бранденбургскому курфюрсту (и одновременно прусскому герцогу) Фридриху Вильгельму.

В мае герцог Якоб отправил в царскую ставку своего посланца Георга Фиркса с просьбой обеспечить безопасность герцог-

59 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 17. Л. 6.

60 Там же. Л. 15.

61 «О трибунале, сейме, сеймике и иные права» (Там же. Л. 16).

62 Там же. Л. 24, 31.

63 Там же. Л. 30.

ства в условиях разворачивавшейся в бассейне Западной Двины войны. На встрече 6 июня с Н.И. Одоевским, С.Л. Стрешневым и Л. Лопухиным посол обещал, что герцог не будет оказывать никакой помощи врагам царя, и просил выдать ему для герцога грамоту с обещанием «его оборонить» от «неприятеля»⁶⁴. Однако к явному удивлению посла советники Алексея Михайловича заметили, что обещания герцога не имеют для них особенной цены («и ево вспоможенье не страшно») «и за то ево, князя, оборонять не за что»⁶⁵. Иное дело, если герцог принесет присягу и станет вассалом царя, тогда «на него никакой неприятель наступить не посмеет»⁶⁶. В грамоте, посланной герцогу 11 июня, царь с ударением подчеркивал: «И тебе б к тому без всякого сумнения быти склону»⁶⁷. В ответ на разъяснения Фиркса, что герцог Якоб — вассал польского короля, от советников царя последовали слова: «и князю ждать и на польского короля надеетца нечево»⁶⁸. В июле в царскую ставку прибыл бранденбургский гонец А. Шуберт с просьбой принять посла, которого к Алексею Михайловичу направляет курфюрст⁶⁹.

Приездом гонца в царской ставке воспользовались, чтобы, не дожидаясь этого посла, направить к курфюрсту вместе с Шубертом дьяка Григория Карповича Богданова со своими предложениями. Как видно из врученного ему наказа, Г. Богданов должен был предложить Фридриху Вильгельму быть у царя «в подданстве под его государскою оборонною высокою рукою», «так же, как он был у полского короля и свыше того». От имени царя он должен был обещать курфюрсту защиту от всех возможных врагов. При этом он должен был обещать, что при заключении мирного договора с Речью Посполитой царь «князя Бранденбургского со всем его владением от полского короля во всем уволнит вечными времены». Одновременно от имени царя дьяк должен был гарантировать курфюрсту защиту его владений от шведов⁷⁰.

64 РГАДА. Ф. 63 (Сношения с Курляндией). 1656 г. № 3. Л. 59.

65 Там же. Л. 67–68.

66 Там же. Л. 69–70.

67 Там же. Л. 91–92.

68 Там же. Л. 71.

69 *Hirsch Th.* Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenburg und Russland unter dem grossen Kurfürsten. Th. 1. Berlin, 1885. S. 20.

70 Публикацию наказа Г.К. Богданову см.: Русская и украинская дипломатия... С. 320–323.

Шаги эти логично вытекали из общей позиции, занятой русским правительством. Если Польско-Литовское государство утрачивало роль политического лидера в Восточной Европе, превращаясь в подчиненного союзника России, то естественно было предлагать его ленникам стать ленниками более могущественного монарха, которому к тому же через некоторое время предстояло утвердиться и на польском троне.

Такие перемены, однако, лишь ожидалось, хотя и в скором времени, однако соглашения, которые бы их оформляли, еще не были заключены, и это заранее предопределяло осторожное отношение польских ленников к таким предложениям. Имели место и другие важные обстоятельства, которые советники царя не приняли во внимание и которые способствовали тому, что предпринятые шаги не привели к желаемым результатам. Если герцог курляндский благоразумно уклонился от обсуждения сделанного ему предложения о «подданстве», то у курфюрста сделанные предложения вызвали резко враждебную реакцию. Советники царя совсем не приняли во внимание, что курфюрст, один из главных князей Священной Римской империи, участник выборов главы христианского мира — императора, тяжело переносил тот факт, что по части своих владений — Прусскому герцогству — он является вассалом польского короля. Одна из главных целей, которую преследовал курфюрст во время политического кризиса в Восточной Европе, было избавиться свои прусские владения от вассальной зависимости. В этих условиях предложение царя, чтобы курфюрст вступил с ним в такие же вассальные отношения, как пред этим с польским королем, было им воспринято с явным раздражением. В разговорах с советниками Фридрих Вильгельм говорил о «высокомерии» и «упрямстве», с которым посланец царя требовал, чтобы курфюрст признал себя вассалом Алексея Михайловича⁷¹. Раздражение смешивалось со страхом. Царь был могущественным правителем, одержавшим в предшествующие годы ряд побед, а его армия находилась в опасной близости от прусских границ. Враг, который

71 См. об этом в письме советника курфюрста О. фон Шверина бранденбургскому резиденту в Голландии Вейману от 11 сентября: *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg*. T. 7. Berlin, 1877. S. 66.

находится так близко, — писал он, — может нанести большой вред⁷². Некоторые детали начавшихся переговоров могли это беспокойство лишь усилить.

Не решаясь сразу и резко отклонить предложения царя, курфюрст ссылался на то, что ему необходимо обсудить этот вопрос со своими сословиями и с его союзниками — голландцами. В ответ на это Г. Богданов поинтересовался, как курфюрст мог вступить в союз с голландцами без разрешения своего сюзерена — польского короля⁷³. Это указывало, что зависимость от царя может оказаться гораздо более тяжелой, чем почти формальная зависимость от польского короля.

Курфюрст был всем этим так обеспокоен, что решил искать поддержки у традиционных союзников — голландцев. В письме от 15 сентября своему голландскому резиденту Вейману он писал, что «Московит» вторгся в Ливонию с такой огромной армией, что дело может скоро закончиться завоеванием этой страны («bald ganz verlogen», как он выражался), а ему предъявляются требования признать себя вассалом царя. Хорошо известен, — писал курфюрст, — обычай этого народа: «что он однажды потребует, тем попытается силой овладеть». Резидент должен был добиваться от Генеральных штатов принятия мер, чтобы удержать русских «в их старых границах» и чтобы «весь христианский мир» (*ganze Christenheit*) не пострадал от их опасного соседства. Резидент должен был также просить о посылке на помощь курфюрсту голландского флота⁷⁴. Следуя инструкциям, Вейман встречался с представителями штатов, убеждая их, что весь христианский мир должен объединиться и взяться за оружие и не позволить такой варварской нации («solche barbarische Nation») расширять свои границы⁷⁵. Однако ему скоро пришлось убедиться, что в середине XVII в. подобные лозунги уже не обладают такой действенностью, как ранее. 10 октября 1656 г. он с огорчением сообщал курфюрсту, что ненависть к шведам в Голландии так сильна, что здесь не обращают внимания на успехи русских и их не беспокоит «утрата Риги»⁷⁶. Генеральные штаты соглашались оказать курфюрсту

72 Ibidem. S. 591.

73 Urkunden... Т. 8. Berlin, 1884. S. 22.

74 Ibid. Т. 7. S. 67–68.

75 Ibid. S. 74

76 Ibid. S. 76.

лишь дипломатическое содействие, да и то соответствующего решения резидент добился лишь в октябре 1658 г., когда вся обстановка изменилась и Генеральные штаты и курфюрст стали членами антишведской коалиции⁷⁷.

Одна деталь переговоров заслуживает особого внимания. В ответ на заявление курфюрста, что предложения царя он должен обсудить с голландцами, дьяк сказал, что, подчинившись царю, курфюрст не должен будет бояться никакого неприятеля: у царя достаточно людей и денег, а когда у него будет гавань, он построит столько кораблей, сколько ему будет нужно⁷⁸. Говоря так, Богданов, конечно, хотел убедить курфюрста, что тому не нужно бояться голландцев и их флота, но его слова одновременно показывают, какие планы связывали в царской ставке с занятием Риги.

Действия русских политиков в июне-июле 1656 г. показывают, что в их сознании сохранялся образ Речи Посполитой, бессильной и распадающейся, с которой можно не считаться. К лету 1656 г. это уже в значительной мере не соответствовало действительности. Большая часть Польши была уже очищена от шведских войск, и Карлу Густаву, чтобы нанести поражение противнику, пришлось вступить в союз с Бранденбургом, уступив курфюрсту часть польских земель. Это означало, что русские представители, выехавшие в Вильно, вряд ли могли рассчитывать на легкий успех.

Одновременно с русской готовилась к переговорам и польско-литовская сторона. Инструкция для представителей Речи Посполитой была подготовлена почти одновременно с русской, она датирована 7 июля н. ст. Единственной серьезной уступкой, на которую соглашалась польско-литовская сторона, было возвращение Русскому государству Смоленской земли, утраченной им в годы Смуты. На этом участке должно было произойти возвращение к границам конца XVI — начала XVII в. На территории Смоленщины землевладельцы должны были в течение трех лет сохранять за собой свои владения с тем, чтобы иметь возможность их продать в течение этого срока. Ян Казимир должен был сохранить титул «князя Смоленского». Что касается Войска Запорожского, то оно должно было вернуться в состав Речи Посполитой на условиях Зборовского договора.

77 Ibid. S. 138.

78 Hirsch Th. Die ersten Anknüpfungen... Th. 1. S. 21.

В инструкции было также отведено заметное место вопросу о союзе против Швеции и его условиях. Стороны должны были взять на себя обязательство не заключать сепаратных соглашений. Кроме того, должны были быть разграничены сферы интересов: для Речи Посполитой — Пруссия и Ливония, для России — Ингрия, т. е. территория захваченных шведами бывших новгородских пригородов. Говорилось и о вознаграждении Алексея Михайловича за счет какой-то «соседней провинции», если Яну Казимиру удастся утвердиться на шведском троне.

Наконец, при заключении договора должен был быть принят во внимание особый характер отношений Речи Посполитой и Крымского ханства. Если бы Россия начала войну с Крымом, то Речь Посполитая в соответствии с положениями договора 1654 г. должна была помогать ханству, а если бы Крым начал войну с Россией, Речь Посполитая осталась бы нейтральной⁷⁹. Тем самым ясно давалось понять, что союз между государствами должен ограничиваться их отношениями со Швецией.

Таким образом, комиссары должны были добиться заключения мира и союза против Швеции на выгодных для польско-литовской стороны условиях за счет минимальных территориальных уступок. Предполагалось, что ради перспектив завоевания Ингрии Россия добровольно откажется не только от большей части земель, занятых во время кампании 1654–1655 гг., но и от Украины.

Представляются правильными соображения Л. Кубалы, что содержание инструкций отражает настроения в правящих кругах Речи Посполитой после освобождения Варшавы, что имело место за несколько дней до завершения работы над инструкциями⁸⁰. Капитуляция шведского гарнизона польской столицы способствовала росту надежд на быстрое и успешное окончание войны. Ян Казимир, собравший под стенами Варшавы многочисленное войско, рассчитывал в решающей битве с войсками союзников нанести им поражение⁸¹. Решительный

79 Подробный разбор документа см.: *Wójcik Z.* Polska a Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej. 1655–1660 // *Polska w okresie drugiej wojny północnej*. Т. 1. Warszawa, 1957. S. 349–351.

80 *Kubala L.* Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów; Warszawa, 1917. S. 33.

81 *Nagiński M.* Warszawa. 1656. Warszawa. 1990. S. 109, 114.

перелом в ходе войны должен был заставить Россию пойти на уступки и одновременно открыл бы перспективы раздела (на выгодных для польско-литовской стороны условиях) между будущими союзниками прибалтийских провинций Швеции. Представления сторон об условиях будущего мира и союза резко расходились, что должно было очень скоро проявиться на переговорах под Вильно.

Пока представители обеих сторон двигались к столице Великого княжества Литовского, где должны были начаться мирные переговоры, русская армия осадила Кокенгаузен (Кокнезе). Не овладев этой крепостью, нельзя было двигаться к Риге, но, хотя пока нельзя было действовать по отношению к этому городу военной силой, Алексей Михайлович стремился добиться мирного подчинения Риги. В осуществлении такого замысла большое место отводилось курляндскому герцогу Якобу.

В обстановке начинающейся русско-шведской войны, когда большая русская армия приблизилась к границам Курляндии, герцог Якоб продолжал прилагать усилия к тому, чтобы сохранить в разгоравшемся конфликте нейтралитет и спасти свою страну от военного разорения. Этого удалось добиться его посланцу Георгу Фирксу⁸². Курляндский герцог заявил, что не станет помогать противникам царя, и просил обеспечить безопасность княжества во время войны. Царь согласился удовлетворить пожелания герцога, и во время похода воеводам неоднократно посылались грамоты с приказом не вступать на территорию Курляндии и не наносить ущерба ее жителям⁸³.

Однако царь не собирался оказывать такие благодеяния безвозмездно. В ответ на милости со стороны царя герцог должен был оказать содействие мирному переходу Риги под власть царя. Побудить герцога к активным действиям в этом направлении должен был А.Л. Ордин-Нащокин, посланный в Курляндию 27 июня 1656 г.⁸⁴. Поручение воеводе Друи такой важной дипломатической миссии позволяет думать, что во время похода он вошел в окружение царя, в число лиц, подававших царю советы и

82 Его «отпуск» состоялся 11 июня (РГАДА. Ф 27. № 6. Ч. 3. Л. 198).

83 Рухманова Э.Д. К истории переговоров о принятии Курляндии в подданство России в 1658 г. // История СССР. 1975. № 1. С. 158–159; Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 93–94, 134, 139.

84 РГАДА. Ф. 63 (Сношения России с Курляндией). 1656 г. № 4. Л. 1.

тем самым влиявших на направление русской внешней политики. Не исключено, что и план мирного присоединения Риги был разработан при участии самого русского посланца. От А.Л. Ордина-Нащокина приходили обнадеживающие сообщения, что установление русской власти над Ригой — дело реальное.

На дороге в Курляндию А.Л. Ордина-Нащокина встретили и дали ему конвой литовские «полковники» во главе с С. Комаровским. Полковники сообщили, что ими перехвачен гонец М. Делагарди, который послан просить помощи у шведского короля. «А служилых людей в Ыфлянтех нинеча, — говорили полковники, — тысяча пеших да семьсот конных и с теми, де, людьми Риги не уберечь»⁸⁵. Позднее, уже в столице герцогства — Митаве от людей, бежавших из Риги, он узнал, что «до Риги сторожевые места свеяне покинули и служилые... люди бегут в рознь». На рижан также произвел впечатление приход к Гданьску выступившего против шведов голландского флота⁸⁶.

Герцог Якоб 31 июля в Митаве принял царского посланца с большим почетом: «грамоту целовал и поклонился до земли»⁸⁷. Русские предложения А.Л. Ордина-Нащокин изложил ему на «тайной» встрече, состоявшейся 4 августа. От имени царя герцог должен был обещать рижанам возвращение им городских привилегий, которые «ныне свейской король и Магнус нарушили», а также «в промыслах торговых повольности... во все царского величества земле»⁸⁸. Герцог дал согласие вступить в переговоры с рижанами, сообщив Ордину-Нащокину, что между ними и шведским гарнизоном происходят столкновения. «Рижане стерегут сами по валу, а служилым людям, что з графом Магнусом в обозе, в городе быть не доверяют». Он выражал уверенность, что поход русских войск к Риге завершится полным успехом. Когда русские войска подойдут к Риге, то Магнус «поедет за море или х королю». Город не может ждать помощи ниоткуда. На море шведские корабли не пропустит голландский и датский флот, «а сухим путем к Риге шведу итти и литовские люди учнут на него приходить»⁸⁹.

85 Там же. Л. 18–19.

86 Там же. Л. 19.

87 Там же. Л. 18.

88 Там же. Л. 1–2.

89 Там же. Л. 2–3.

Уверенность в скором падении города проявилась и в высказываниях курляндского канцлера М. Фелькерзама, встретившегося с А.Л. Ординым-Нащокиным на следующий день, 5 августа. Он спрашивал, нельзя ли будет курляндцам принять под свою защиту рижан, «которые в приятельстве с ними живут, а в первые часы (после взятия города. — Б.Ф.), кто захочет укрытца от ратных людей». Канцлер также сообщил, что герцог послал рижскому магистрату грамоту, «чтоб служилых людей, которые с граф Магнусом в обозе, чтоб в Ригу не пущали»⁹⁰. Это было не совсем то, чего желал царь, но эта грамота могла рассматриваться как первый шаг в желательном для русской стороны направлении.

3 августа А.Л. Ордина-Нащокина посетил секретарь приехавшего в Митаву бранденбургского посла, а 4 августа с ним встретился и сам посол, сообщивший, что он хотел бы, чтобы царь принял его⁹¹. Секретарь говорил о намерении курфюрста выступить как посредник между царем и Карлом Густавом. Появление в Митаве бранденбургского дипломата не было случайностью. Фридрих Вильгельм был встревожен появлением вблизи от границ Пруссии большой русской армии во главе с царем, ведущей войну с его союзником — шведами. Положение было тем более опасным, что в соответствии с соглашением с Карлом Густавом курфюрст должен был с главными военными силами оставить Пруссию, чтобы принять участие в совместном походе к Варшаве.

Уже в июне курфюрст располагал сведениями о разрыве между Россией и Швецией и начавшемся походе русских войск в Ливонию⁹². В этих условиях возникла необходимость обезопасить Восточную Пруссию от возможного нападения русских войск, а также принять другие меры, которые обеспечили бы осуществление планов союзников, связанных с их совместным походом в Польшу. В этой связи была достигнута договоренность с шведами о выступлении курфюрста в качестве посредника в русско-шведском конфликте. Карл Густав выразил готовность дать русской стороне «сатисфакцию» за причиненный ущерб⁹³, и представители Бранденбурга могли на него сослаться.

90 Там же. Л. 3, 5.

91 Там же. Л. 20–21.

92 Urkunden... Т. 7. S. 590.

93 См. письмо Вальдека курфюрсту от 18 мая 1656 г. // Urkunden... Т. 7. S. 594.

Достижения этих целей должно было добиться посольство во главе с Йонасом Казимиром Эйленбургом. Он получил свои инструкции 10 июля н. ст.⁹⁴. Главной задачей, возложенной на Эйленбурга, было заключение русско-бранденбургского договора «о дружбе». В инструкциях подчеркивалось, что это должна быть не «охранная грамота», подобная той, что была дана в 1655 г. Л. Киттельману, а настоящее соглашение, договор со всеми необходимыми условиями. В договор должны были войти обязательства курфюрста не помогать врагам царя в войне против него ни деньгами, ни провиантом, ни снаряжением и не заключать с ними направленных против царя союзов и соответствующие обязательства со стороны царя. Это означало, что составители инструкций и не скрывали от посла обязательство курфюрста не оказывать никакой помощи Швеции в войне с Россией. Таким образом, курфюрст явно жертвовал интересами своего шведского союзника, чтобы обезопасить Восточную Пруссию от нападения русских войск.

Вместе с тем на Эйленбурга было возложено решение и другой задачи, связанной с общими интересами союзников. Эйленбургу было поручено заявить о желании курфюрста выступить в качестве посредника в отношениях между Россией и Швецией. При этом он должен был сослаться на обещание Карла Густава предоставить русской стороне «удовлетворение» за нанесенный ущерб. За предложением посредничества стояли важные для союзников практические цели. Вместе с тем посланец не вез с собой никаких письменных заявлений ни курфюрста, ни Карла Густава о «сатисфакции» для русской стороны.

Судя по высказываниям Эйленбурга во время его контактов с русскими политиками, на него возложена была еще одна задача, не зафиксированная в его инструкциях. Он должен был проявить заботу об интересах «протестантов» в Польско-Литовском государстве. Обращение к этой теме давало возможность внести осложнения в отношения между Россией и Речью Посполитой.

Первые известия, полученные Эйленбургом в дороге, показывали, что его миссия не будет легкой. Адам Шуберт из Митавы предупреждал его об опасности путешествия, так как шведы напечатали в Риге текст Кенигсбергского договора и русские несомненно уже знают о соединении шведских войск и войск кур-

94 Текст инструкций см.: *Urkunden...* Т. 8. S. 15–17.

фюрста. При курляндском дворе, судя по его словам, также находили время для поездки Эйленбурга неподходящим⁹⁵. Когда 1 августа Эйленбург прибыл в Митаву, сюда пришли сообщения о битве под Варшавой, когда польско-литовская армия сражалась с соединенными силами шведского короля и курфюрста⁹⁶.

Еще до возможной встречи с советниками царя, не имея полной уверенности, что она состоится, Эйленбург постарался изложить цели своей миссии А.Л. Ордину-Нащокину. О своих разговорах с русским дипломатом он сообщил курфюрсту в своем донесении⁹⁷. Он говорил и о стремлении курфюрста «обновить» старые договоры с царем и о его желании выступить посредником в конфликте между Россией и Швецией. Кроме того, он просил, чтобы на переговорах в Вильно русское правительство позаботилось о правах «протестантов» в Польско-Литовском государстве. Обращением к этому вопросу Эйленбург воспользовался, чтобы настраивать собеседника против польских политиков. Подчеркивая общность интересов «евангеликов» и лиц, держащихся «греческой религии», он обратил внимание А.Л. Ордина-Нащокина на то, что Ян Казимир и сенаторы после возвращения во Львов заявили, что не допустят существования в стране какой-либо другой веры кроме католической. А.Л. Ордин-Нащокин осудил религиозные преследования (отметив, впрочем, что православные подвергались преследованиям и в Шведском королевстве), одобрительно отозвался о намерениях курфюрста заключить договор и выступить в качестве посредника. По-видимому, Эйленбург полагал, что произвел на русского дипломата благоприятное впечатление. Однако в своей отписке царю А.Л. Ордин-Нащокин изложил предложения бранденбургского посланца очень кратко, но зато нашел нужным обратить внимание царя на то, что Фридрих Вильгельм «всеми силами вспоможенье чинит на польского короля швейскому» и что, как он узнал в Митаве, именно из Пруссии в Риге ожидают помощи: «Прусских, де, государь, людей на помочь

95 Urkunden... Т. 8. S. 17.

96 Ibid. S. 18.

97 Тексты донесений Эйленбурга воспроизведены частично в Urkunden... Т. 8. S. 18–20, но, главным образом, в примечаниях к статье Г.В. Форстена (*Форстен Г.В. К внешней политике великого курфюрста...* // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. Июнь. С. 324–325).

ждали в обоз две тысячи»⁹⁸. Совсем неприятной для Эйленбурга оказалась встреча в Митаве с Д.Е. Мышецким, возвращавшимся из путешествия в Данию. Д.Е. Мышецкий потребовал от посла объяснений, почему курфюрст послал на помощь в Ригу «несколько тысяч человек», а когда тот это отрицал, то Мышецкий сослался на письмо шведского резидента в Гамбурге. Мышецкий требовал, чтобы курфюрст запретил вербовку шведами войска в своих владениях⁹⁹.

Хотя уже 4 августа царь дал согласие принять бренденбургского посла¹⁰⁰, Эйленбург не торопился в дорогу. Лишь 21 августа он обратился к царю с просьбой дать ему конвой для проезда из Курляндии в царскую ставку¹⁰¹, которая сразу же была удовлетворена¹⁰².

Собеседники А.Л. Ордина-Нащокина в Митаве (среди них был и укравшийся в Курляндии венденский воевода М. Корф) подчеркивали, что следует «промысл учинить вскоре к Риге», «спешно надобно» идти к этому городу, пока не закончены работы на городских укреплениях¹⁰³. Однако царь Алексей не смог последовать этим советам. Русская армия задержалась под Кокенгаузеном, который был взят приступом лишь 14 августа, и это не могло не повлиять на исход борьбы за Ригу.

К этому времени в селе Немежа под Вильно начались русско-польские переговоры. Начинались они в неблагоприятных для польско-литовской стороны условиях. В трехдневной битве под Варшавой (28–30 июля н. ст.) польская армия потерпела поражение и вынуждена была отступить, войска союзников заняли польскую столицу. Под воздействием происшедшего направившимся на переговоры комиссарам было отправлено письмо с предписанием внести в будущий союзный договор новое условие — русская сторона должна была предоставить в распоряжение Яна Казимира 10 тыс. «пехоты доброй»¹⁰⁴. Это показывает,

98 РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 4. Л. 20.

99 Соотв. тексты см.: *Форстен Г.В.* К внешней политике... С. 325.

100 *Urkunden...* Т. 8. S. 19–20.

101 РГАДА. Ф. 74 (сношения России с Пруссией). 1656 г. № 6. Л. 1–3.

102 Уже 24 августа датирована грамота сопровождавшему Эйленбурга ротмистру Павлу Зыкову об организации переправы через Западную Двину (Там же. Л. 4).

103 РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 4. Л. 2, 19, 21.

104 *Kubala L.* *Wojna brandenburska...* S. 34.

какие уроки извлекли польские военачальники из опыта неудачного сражения, но ясно, что это распоряжение могло лишь усилить трудности, стоявшие перед представителями Польско-Литовского государства.

Среди политической элиты Речи Посполитой были люди, отдававшие себе отчет в том, что вряд ли удастся заключить мир и союз с Россией на тех условиях, которые предлагались в инструкциях. Это особенно беспокоило тех политиков, которые были связаны с австрийским правительством, а оно было заинтересовано в том, чтобы Речь Посполитая скорее заключила мир с Россией, хотя бы ценой значительных уступок, чтобы сосредоточить свои силы на войне со Швецией. Эта ориентация получила отражение в письме, которое отправил комиссарам Речи Посполитой подканцлер коронный А. Тшебицкий. В этом письме от 22 августа н. ст. он изложил свои соображения о том, каких условий мира нужно было бы реально добиться на переговорах. Подчеркивая необходимость как можно скорее заключить мир с Россией, он обращал внимание комиссаров на то, что лишь при этом условии император обещал помощь против шведов. Он предлагал заключить мир с установлением границы по Западной Двине или по Березине, т. е. предлагал пойти на гораздо большие уступки, чем это предусматривалось в инструкциях. Если бы и такие уступки русскую сторону не устроили, следовало бы заключить перемирие на 7–8 лет, только бы был заключен союз против Карла Густава¹⁰⁵. Эти суждения, заметно расходившиеся с указаниями двора, даже если они и вызывали понимание некоторых членов делегации, не могли, конечно, лишиться инструкции их обязательной силы.

Направлявшиеся в Вильно русские послы новых указаний не получали, но они столкнулись с важной инициативой, исходившей из среды новых литовских подданных Алексея Михайловича. 19 июня, еще на пути к Вильно, кн. Н.И. Одоевскому было вручено письмо, написанное скарбником Мозырского повета Анджеем Францишком Юшкевичем. Автор письма предлагал созвать в тех поветах Великого княжества Литовского, которые оказались под властью Алексея Михайловича, сеймики, которые выбрали бы послов, принявших затем участие в переговорах. По мнению автора письма, эти представители

105 Ibid.

местной шляхты должны были обратиться к комиссарам Речи Посполитой, а возможно, и к самому королю с настоятельной просьбой присоединиться к ним и избрать Алексея Михайловича преемником Яна Казимира, будущим королем польским. Такое выступление, по убеждению автора письма, приведет к тому, что и оставшиеся поветы Великого княжества к ним присоединятся. «А панове корунные, видя таково соединение Великого княжства Литовского, — писал автор письма, — имеючи на себе казаков жестоких, по нужде бы до воли его царского величества приклонились»¹⁰⁶.

Послы отослали письмо царю, и когда эта инициатива получила одобрение со стороны царя, в поветы были разосланы тексты соответствующих грамот, составленных в царской ставке¹⁰⁷. В них шляхте отдельных воеводств и поветов рекомендовалось созвать сеймики, избрать на них по двух послов от каждого воеводства и повета и прислать их под Вильно. Это было нужно для того, чтобы «выборные люди» «государскую милость и жалованье к себе выславляли» и убеждали «рыцество» «Коруны полские», чтобы она от Великого княжества Литовского «не отлучалась», избрать на польский трон Алексея Михайловича. Одновременно в грамоте указывалось от имени царя: «стольного города Вильно и всего Великого княжества Литовского уступать ничего не будем», а «выборным людям» рекомендовалось заявить польско-литовским участникам съезда, что они подчинились царю и не желают иметь иного государя. Содержание этих документов ясно показывает, что накануне начала переговоров царь и его советники намерены были твердо настаивать на позиции, сформулированной в «тайном наказе».

Так как представления сторон, вступивших в переговоры под Вильно, о возможных условиях мира и союза резко расходились между собой, с началом переговоров обе стороны ожидали неприятные неожиданности. Для польско-литовской стороны эти неожиданности начались еще до официальной встречи обеих делегаций.

Так, гонец, присланный великими послами к комиссарам, сказал в разговоре «у стола», что «царь не приказал уступать его

106 Русская и украинская дипломатия... С. 147–148.

107 Там же. С. 149–150.

величеству королю ни Вильны, ни Литвы и вообще ничего»¹⁰⁸, а 8 августа другой гонец заявил, что именно Алексей Михайлович является великим князем литовским¹⁰⁹. Когда 12 августа начались переговоры, то довольно скоро выяснилось, что эти высказывания отражают официальную позицию русской делегации. Однако и русских великих послов ожидали неприятные неожиданности. Польско-литовская сторона упорно не хотела идти на уступки. Первые заседания были заполнены спорами, в которых одна сторона возлагала на другую ответственность за войну, тогда же стороны изложили условия мира, которые взаимно исключали друг друга. Переговоры быстро зашли в тупик. Стороны не могли прийти к соглашению ни по одному из обсуждавшихся вопросов. Поднимался вопрос об окончании переговоров и о «разъезде»¹¹⁰. В этих условиях в конце третьего заседания Н.И. Одоевский еще неофициально, за рамками переговоров поднял (пока в самой общей форме) вопрос об избрании царя на польский трон¹¹¹.

В своей отписке царю Н.И. Одоевский сообщил, что побудило его предпринять такой шаг. Один из дворян — членов посольства Ян Корсак сообщил М. Сухтицкому, что он якобы привез комиссарам от короля предложение избрать царя его преемником, «а король, де, и вся Посполитая Речь на то позволяют». Об этом же говорили и другие лица из свиты комиссаров. Как докладывал Н.И. Одоевский царю, когда он сделал это заявление, то «польские... послы у тому слову стали веселы и с нами... учили говорить поласковее»¹¹².

В конце августа в царской ставке под Ригой были получены отписки Н.И. Одоевского о первых встречах с польско-литовскими комиссарами и их первой реакции на его предложение избрать на польский трон Алексея Михайловича. В грамоте

108 Сборник П.А. Муханова (далее — Сборник Муханова). Изд. 2-е. СПб., 1866. С. 487.

109 Там же. С. 491.

110 Подробную характеристику этого первого этапа переговоров см.: Иванов Д.И. Восточная Европа во внешней политике России середины XVII века. Русско-польские переговоры 1656 г. Рукопись канд. дисс. М., 2000. С. 73–88.

111 Очевидно поэтому первые предварительные заявления Н.И. Одоевского зафиксированы только в польском дневнике переговоров (Сборник Муханова... С. 504).

112 Русская и украинская дипломатия... С. 228.

от 25 августа, написанной уже в лагере под Ригой, царь одобрил инициативу послов, предложив и дальше действовать «по тайному наказу»¹¹³.

Царю и его советникам было известно, что Н.И. Одоевский говорил польским послам «о случание обоих великих государств», но было неясно все же, как отнесутся к этой инициативе представители Речи Посполитой.

Указания, направленные царем великим послам, предусматривали два возможных варианта действий. Предполагалось, что представители Речи Посполитой о «избрании» царя «желательство свое объявят», т. е. согласятся избрать Алексея Михайловича на польский трон. Предлагалось похвалить представителей польско-литовской стороны за их согласие «высокими словами», характерными для слога бумаг, выходявших из-под пера самого Алексея Михайловича¹¹⁴. Вместе с тем следовало заявить, что «превысокому и великому сему делу малым временем совершится невозможно», в частности, потому, что для этого необходимо созвать земский собор с участием «от вышних чинов даже и до нижних». Вместе с тем послы получили право обещать, что в случае его избрания Алексей Михайлович «изволит многие города Княжества Литовского уступить». Великим послам предписывалось договориться о заключении с комиссарами Речи Посполитой перемирия «на пол-года и больше» и соглашения о союзе против Швеции. В соглашение должно было быть включено обязательство сторон не вести сепаратных мирных переговоров со шведами.

Что касается главного вопроса — вопроса об избрании царя, то для заключения соответствующего соглашения послы Речи Посполитой должны были прибыть в Москву. Об этом послам следовало «договариватца всячески накрепко». Русские послы должны были направиться в Варшаву «о совершении дела», т. е. уже для ратификации королем и «чинами» Речи Посполитой подготовленного в Москве соглашения. Если бы комиссары Речи Посполитой на предложение об избрании царя не реагировали («не объявят»), то послам следовало заключить перемирие, во

113 Там же. С. 197–198.

114 Так, царь выражал надежду, что после соединения «Российского царствия» и «Коруну Польской» — «плодоновстити всяк злак и гобзование благоиметельства со умирением и тишиною имеет» (Там же. С. 198).

время которого Речь Посполитая должна была отправить в Москву посольство для обсуждения поднятых русской стороной предложений.

В документе очевидно желание царя и его советников отложить решение поднятых на переговорах под Вильно вопросов: о избрании царя на польский трон и об условиях мирного договора между Россией и Речью Посполитой. Единственно, чего следовало добиваться послам, это заключение соглашения о союзе против Швеции с обязательством не вести сепаратных переговоров со шведами. Заключение такого соглашения предотвратило бы опасность выхода Польско-Литовского государства из войны.

Почему царь и его советники добивались отсрочки? На этот счет можно высказать лишь общие соображения. Возможно, в ставке под Ригой считали, что после успешного окончания военной кампании на Западной Двине переговоры с Речью Посполитой можно было бы вести с более сильной позиции. О том, как в походной ставке оценивали общий характер отношений с Польско-Литовским государством, явно говорит предложенная в грамоте процедура переговоров — послы Речи Посполитой должны были приехать в Москву и никаких альтернативных вариантов не предусматривалось. Это ясно показывает, что, по представлениям царя, содержание соответствующих соглашений должно было быть определено только в русской столице. Правда (и в этом можно видеть определенную реакцию на поведение комиссаров Речи Посполитой на первых заседаниях), в случае своего избрания царь обещал уступки на территории Великого княжества Литовского, но объем этих уступок должно было определить само русское правительство, руководствуясь своими интересами. В грамоте не выражалось никаких сомнений в том, что польско-литовская сторона согласится на предложенную процедуру переговоров. Образ Речи Посполитой времени «Потопа» продолжал жить в сознании русских политиков¹¹⁵. Имело значение и то, что этот этап переговоров проходил в усло-

115 Эти взгляды нашли яркое выражение в наказе В. Унковскому, отправленному в начале сентября к курляндскому герцогу. Герцогу предлагали убедить короля и сенаторов, так как они «ныне... стали беспомощны», чтобы они, «видя над собою великое разорение и безсилие», избрали царя и тогда «им... никто ничево не учинит» (РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 8. Л. 15–16).

виях, когда русские войска в Ливонии добились новых заметных успехов. После того, как 1 августа был взят штурмом Кокенгаузен, русская армия двинулась к Риге. Попытка М. Делагарди остановить русские войска перед городом оказалась неудачной, и он отступил. 22 августа воеводы «взяли у Риги большой земляной город» — укрепления, спешно построенные, чтобы защищать город еще на подступах к нему, — и начали «для приступу копать шанцы»¹¹⁶.

Время, когда русская армия двигалась к Риге, и первые дни осады оказались заполнены очень интенсивными дипломатическими переговорами. Среди них для царя и его советников особое значение имели контакты с Данией. 9 августа в царскую ставку прибыл Д. Мышецкий с датским послом, уже на следующий день царь принял их обоих¹¹⁷, что ясно показывает, какое значение царь придавал результатам этой миссии. Какого рода сведения привез в царскую ставку Д. Мышецкий, можно судить по содержанию его статейного списка. Посланец был свидетелем прихода в Зунд голландского флота, направлявшегося на помощь осажденному шведами Гданьску. Командующий флотом адмирал Обдам сообщил ему, что получил приказ идти к этому городу, чтобы «над шведскими людьми учинить промысл». Сотрудники королевской канцелярии сообщили Мышецкому о том, что существует датско-голландское соглашение о совместной помощи Гданьску¹¹⁸. Когда в Копенгагене стало известно о начале русско-шведской войны, один из советников короля в беседе с Мышецким выражал пожелание, чтобы царь овладел Ригой. Это, — говорил он, — привело бы к росту торговли на Балтийском море и к пополнению казны обоих монархов: «[от] таких великих торгов царскому величеству в пошлинах будет прибыль большая, а у королевского величества с тех же кораблей в проезжих пошлинах в Зунте будет прибыль»¹¹⁹. В царскую ставку приходили сообщения, что датский флот вышел в море и потопил шведские корабли, идущие к Риге¹²⁰.

116 См. дневник похода: РГАДА. Ф. 27. № 6. Ч. 3. Л. 233.

117 См. дневник похода: Там же. Л. 237.

118 Русская и украинская дипломатия... С. 378, 382.

119 Там же. С. 382.

120 См. память Д. Мышецкому от 20 августа с предложением проверить эти сведения: РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). 1656 г. № 5. Л. 42.

Поэтому Д. Мышецкий уже 17 августа был отправлен снова в Данию. В грамоте Фредерику III¹²¹ царь, сообщая об успехах русских войск и движении его армии к Риге, призывал датского короля уже «нынешним летом» начать войну со Швецией «и быти б в войне обоим великим государем и одному без одного года два или три не миритца». Из этих слов видно, что в начале осени 1656 г. русское правительство добивалось тесного союза с Данией и предполагало в перспективе возможность длительной, может быть, в течение нескольких лет, войны со Швецией.

Вместе с тем текст этого документа показывает, что, считая, что в скором времени он станет хозяином Риги, царь стремился обеспечить и своим новым ливонским и литовским подданным и русским купцам полноправные условия для участия в международной торговле на Балтийском море. Царь просил датского короля «поволити нашего царского величества всяким купецким людем с товары Варяжским морем ходить и всяки товары торговать и товары на товары менять и с собою вывозить... и с товаров никаких пошлин имать не велеть». Заинтересованность датских политиков в союзе против Швеции правительство Алексея Михайловича стремилось использовать, чтобы обеспечить своим подданным возможность свободной и беспошлинной торговли во владениях Датского королевства.

Согласно наказу Д. Мышецкий должен был ехать через нейтральную Курляндию, где ему не угрожало нападение «польских и свейских людей»¹²². 26 августа он был в Виндаве, откуда в начале сентября должен был выехать в Копенгаген¹²³. В царской ставке рассчитывали, что такие шаги приведут к появлению датского флота в рижском порту и защитники города будут вынуждены капитулировать.

При отправлении Д. Мышецкий получил еще одно важное поручение. Он должен был просить у курляндского герцога разрешения привозить в русский обоз «продавать хлеб всякой и конские кормы, и сено, и овес». Вопрос о снабжении армии продовольствием приобретал все более важное значение по мере того, как русское войско переходило к правильной осаде риж-

121 Текст грамоты опубликован: Русская историческая библиотека. Т. XVI. Русские акты Копенгагенского архива. СПб., 1897. № 155. Стб. 797–808.

122 РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). 1656 г. № 5. Л. 26.

123 Там же. Л. 71.

ской крепости, располагаясь на территории разоренной военными действиями городской округи. Эту часть миссии Д. Мышецкий выполнил быстро и успешно. Курляндский герцог такое разрешение дал¹²⁴. 30 августа было заключено соглашение о поставках для русской армии продовольствия и фуража¹²⁵. Посетивший в начале сентября царскую ставку канцлер герцога Мельхиор Фелькерзам привез сведения о заготовленных запасах (мука, овес, пиво), и А.Л. Ордину-Нащокину было поручено обеспечить их доставку «з границы до государеву стану»¹²⁶.

Цели миссии Фелькерзама этим не ограничивались. 9 сентября он беседовал о «тайных делах» с главными советниками царя Б.И. Морозовым и И.Д. Милославским¹²⁷. Ранг собеседников показывает, какое значение придавалось этой встрече в царской ставке. От имени герцога канцлер обращался с пожеланиями, чтобы купцы из Митавы могли свободно торговать в Риге и чтобы Курляндскому герцогству были возвращены ряд пограничных земель, которыми «завладели насильством шведы»¹²⁸. Эти пожелания, которые царь согласился удовлетворить после взятия Риги¹²⁹, отражают уверенность курляндского двора в том, что в скором времени царь станет полным хозяином на прилегающих к Курляндии землях шведской Ливонии. Это же представление распространялось на территорию соседней Жемайтии. Канцлер просил передать Биржи дочери Януша Радзивилла, «а шведов велел бы вывести»¹³⁰.

Ближайшие советники царя встречались с канцлером, конечно, не для того, чтобы выслушивать такие пожелания. После поездки А.Л. Ордина-Нащокина в Митаву в царской ставке появились надежды, что при содействии курляндского герцога Рига сможет мирным путем перейти под власть Алексея Михайловича. Такие надежды подкрепляли сообщения выходцев из Риги. Один из таких людей сообщал, что «сходятца в ратуше служилых людей начальные люди и мещане, а говорят, де, ме-

124 Там же. Л. 44.

125 Рухманова Э.Д. К истории... С. 160.

126 РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 7. Л. 17–19, 23, 25.

127 Там же. Л. 31.

128 Рухманова Э.Д. К истории... С. 160; РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 7. Л. 36 и сл.

129 См. грамоту царя герцогу от 12 сентября: Там же. Л. 51–53.

130 Там же. Л. 38.

щане, чтоб государю добить челом и город здать»¹³¹. Человек, бежавший из Риги 7 сентября, рассказывал, что рижские горожане «говорят меж себя, лутче бы им было коли здались»¹³². События в этом в царской ставке ожидали от курляндского герцога, и М. Фелькерзам эти надежды не развеял. Он сообщил, что герцог «жалеет о Риге», а он, канцлер, «на то может приводить рижан, чтоб они великому государю... добили челом». Советники царя постоянно советовали «рижан на то приводить вскоре, чтоб они... город здали»¹³³.

Вместе с Фелькерзамом к герцогу Якобу был отправлен московский дворянин В.Я. Унковский. Он вез герцогу «жалованье» от царя «10 сороков соболей добрых» на 1000 руб. и предложение снова начать переговоры с рижанами. От имени царя он уполномочивался обещать им, что Алексей Михайлович «веры и прав и вольностей не нарушит и свыше и каждого пожалует по их достоинству, а которые похотят ити в Свейскую землю, и тех велит отпустить»¹³⁴. Предпринятые шаги давали основание надеяться на скорую сдачу Риги.

Еще до начала переговоров с Фелькерзамом 29 августа царь принял в своей ставке посла курфюрста Фридриха Вильгельма Ионаса Казимира Эйленбурга¹³⁵. Перед приемом состоялась его беседа с Ларионом Лопухиным, который расспрашивал посла о целях его миссии и об участии курфюрста в происходивших в Польше событиях. О целях миссии посол не сказал ничего нового по сравнению с тем, что было уже известно от А.Л. Ордина-Нащокина. Он лишь настойчиво выступал с предложением посредничества, постоянно подчеркивая склонность Карла Густава к миру: он не знает за собой никакой вины, «и царскому величеству войны с ним вести не за что», просит, чтобы курфюрсту сообщили, «в чом перед царским величеством его королевская неправда»¹³⁶.

Особый интерес для его собеседника представлял вопрос об отношениях курфюрста с Речью Посполитой и Швецией. Посол подробно объяснял, какие обстоятельства привели к тому, что

131 Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия... С. 111.

132 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 263. Л. 34.

133 РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 7. Л. 35.

134 Там же. № 8. Л. 17–17об.

135 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 6. Л. 25.

136 Там же. Л. 19, 21–22.

курфюрст «учинился в згоде» с Карлом Густавом, но утверждал, что «присяги, де, и писменных крепостей меж... их не было». К этому он добавил, что в соглашении с королем было специально оговорено, что курфюрст сам не будет воевать с царем «и иному никому отнюдь помогать не хочет». Далее он подчеркнул, что курфюрст вообще хочет быть нейтральным в происходящих конфликтах («вперед никому помогать не хочет») «и швейскому королю своими людьми не помогал»¹³⁷. Все эти утверждения существенно расходились с реальными фактами. К осени 1656 г. между Карлом Густавом и Фридрихом Вильгельмом было заключено уже два письменно оформленных союзных договора и по второму из них курфюрст взял на себя обязательство в течение года поддерживать короля всеми своими силами. Во исполнение этих обязательств бранденбургские войска во главе с самим курфюрстом приняли участие в походе на Польшу и в битве под Варшавой. Лишь одно из утверждений Эйленбурга отвечало истине: во втором из соглашений было действительно оговорено, что Фридрих Вильгельм не обязан помогать шведам в их войне с Россией¹³⁸. В царской ставке располагали достаточной информацией о подлинной позиции курфюрста¹³⁹. Даже его зять, курляндский герцог, в разговорах с А.Л. Ординым-Нащокиным выражал надежду, что переговоры с Россией помогут оторвать курфюрста от союза со шведами¹⁴⁰. Л. Лопухин не вступал в споры с послом, он только его выслушивал, задавая вопросы. Беседа должна была привести советников царя к заключению, что курфюрст хочет избежать конфликта с Россией и поэтому его посол так тщательно стремится скрыть связи Фридриха Вильгельма со шведами. Можно было поэтому не опасаться, что курфюрст попытается помочь Риге.

Вскоре после приема у царя состоялась 3 сентября встреча посла с боярином С.Л. Стрешневым и Л.Д. Лопухиным. Встреча ограничилась тем, что И. Эйленбург снова (на этот раз в присут-

137 Там же. Л. 15–17.

138 *Szymczak B. Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej.* Warszawa, 2002. S. 183, 211.

139 Так, 30 июля австрийские посредники передали Н.И. Одоевскому текст договора о союзе между Швецией и Бранденбургом, который был немедленно отправлен царю (Русская и украинская дипломатия... С. 148).

140 РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 4. Л. 18.

ствии С.Л. Стрешнева) подробно рассказал о целях своей миссии, а С.Л. Стрешнев и Л.Д. Лопухин лишь обещали, что передадут все это царю. «Речи» Эйленбурга лишь в двух небольших деталях отличались от того, что он говорил ранее. Так, боясь, очевидно, возможных осложнений в отношениях с Россией, посол заявил, что принесение присяги при мирном соглашении со шведами отложено «по генварь месяц». И это сделано, — объяснял Эйленбург, — потому, что «буде полской король поисправитца, и курфюрст, де, их от шведа отстанет и соединитца попрежнему с полским королем». Эти его слова он настоятельно просил сохранять в тайне¹⁴¹. В разговоре он еще сильнее подчеркивал готовность Карла Густава принять посредничество курфюрста: «и как в том поступати ему, королю, он укажет, и он и так делать готов». Если царь согласится на такое посредничество, то посол просил указать время и место проведения переговоров¹⁴².

С.Л. Стрешнев и Л.Д. Лопухин просили передать предложения курфюрста в письменном виде, что посол и сделал. В итоге представителям царя был передан целый ряд документов: 1) текст договора Василия III с гроссмейстером Тевтонского Ордена Альбрехтом Гогенцоллерном 1516 г., как свидетельство старой «дружбы» предков курфюрста с правителями России¹⁴³; 2) проект договора о мире и «дружбе» между Россией и Бранденбургом (проект включал такие условия, как обязательство курфюрста не оказывать помощи шведскому королю или какому-либо другому противнику царя ни в какой форме¹⁴⁴; 3) «письмо» с изложением высказываний Эйленбурга¹⁴⁵; 4) грамота Генеральных штатов от 17 декабря 1655 г. с сообщением о том, что Генеральные штаты заключили союз с курфюрстом и просят для него «милости» у царя¹⁴⁶.

К сожалению, русские записи последующих переговоров не сохранились, а пересказ их содержания по дневнику И. Эйленбурга дает лишь отдельные, плохо связанные между собой фрагменты. Из них следует, что до следующей встречи посла с советниками царя прошло десять дней. Очевидно, в течение это-

141 Русская и украинская дипломатия... С. 323.

142 Там же. С. 324.

143 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 6. Л. 61–65.

144 Русская и украинская дипломатия... С. 324–326.

145 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 6. Л. 74–76.

146 Там же. Л. 77–83.

го времени в царской ставке обдумывали, как отнестись к предложениям курфюрста.

На встречах, состоявшихся 13–14 сентября, представители царя заявили, что царь согласен заключить договор о «дружбе» с курфюрстом, и началось обсуждение содержания такого договора и процедуры его оформления. Некоторые детали этого обсуждения показывают, чего хотели добиться на переговорах С.Л. Стрешнев и Л.Д. Лопухин от посла Фридриха Вильгельма. Так, когда Эйленбург стал добиваться, чтобы царь собственноручно подписал текст договора, ему ответили, что это возможно, если курфюрст заключит с Алексеем Михайловичем оборонительный и наступательный союз. Таким образом, следуя советам курляндского герцога, русские представители предприняли попытку разорвать союз Бранденбурга со Швецией. Эйленбург ответил, что на этот счет у него нет инструкций, и обсуждение вопроса на этом закончилось. На следующий день, 14-го числа, посланцу предложили, чтобы курфюрст отдался под защиту царя, повторив предложения, уже сделанные ему через Г. Богданова, который к тому времени еще не вернулся в царскую ставку. Когда Эйленбург заявил, что курфюрст является самостоятельным государем, его спросили: разве курфюрст не находится «под защитой» императора — главы Священной Римской империи и не должен следовать его приказам? Об остроте развернувшихся споров говорит такая, сохраненная дневником Эйленбурга деталь, как предложение русских представителей, чтобы посол курфюрста дал письменное заявление, что его государь не является ничьим вассалом, что Эйленбург по понятным причинам делать отказался¹⁴⁷. Это дает основание полагать, что на встречах 13–14 сентября была предпринята попытка добиться от представителя курфюрста чего-то большего, чем декларации о нейтралитете. Попытка эта оказалась безуспешной, и переговоры снова на несколько дней прервались. В Москве, вероятно, ожидали, как сложатся события под Ригой. В зависимости от их исхода можно было либо удовлетвориться соглашением о нейтралитете, либо вернуться к предложениям о «покровительстве» со стороны царя. Предложение о посредничестве курфюрста на этих встречах не обсуждалось. К этому времени царю и его советникам при-

147 Urkunden... Т. 8. S. 31–32.

шлось серьезно заняться вопросом об отношениях с Польско-Литовским государством.

Следуя избранной линии, Н.И. Одоевский на четвертом заседании, состоявшемся 18 августа, выступил уже с формальным предложением о избрании царя преемником Яна Казимира. В тексте его выступления, как оно передано в статейном списке, говорилось о том, что после своего избрания царь хочет жителей Речи Посполитой «содержать в своей государственной большой милости и вольности их нарушивать ни в чем не велит»¹⁴⁸. В польской записи переговоров, сделанной одним из комиссаров К.П. Бжостовским, «речь» Одоевского звучит гораздо более многообещающе: если это предложение будет принято, «тогда во всем прочем тотчас же согласимся», «будем жить в совершенной дружбе»¹⁴⁹. На следующий день, согласно записи Бжостовского, Н.И. Одоевский принимал в бывшем монастыре бернардинцев приехавших в Вильно шляхетских послов, которые «согласились хвалить царя и просить» комиссаров избрать Алексея Михайловича¹⁵⁰. Собравшиеся в Вильно послы из поветов, как сообщали великие послы царю, «польских и литовских людей, которые приехали с комиссары, наговаривали» избрать Алексея Михайловича. Более того, «великие» послы пригласили их в «государев шатер», чтобы во время переговоров они высказали свою точку зрения австрийским посредникам и комиссарам Речи Посполитой. Однако и те и другие отказались их выслушать. Комиссары заявили, что «та шляхта — люди простые, а не урядники, а урядники, де, Великого княжства Литовского, все у них в Польше, и тех, де, поветных послов слушать нечево»¹⁵¹. Таким образом, попытка советников Алексея Михайловича повлиять на представителей Речи Посполитой с помощью новых литовских подданных царя закончилась неудачей.

Ход переговоров скоро показал, вопреки надеждам Н.И. Одоевского и его товарищей, что сделанное заявление вообще не привело к устранению разногласий. Следующее заседание, 20-го августа, было заполнено дипломатическими маневрами сторон.

148 Русская и украинская дипломатия... С. 154.

149 Сборник Муханова... С. 506–507.

150 Там же. С. 507.

151 Русская и украинская дипломатия... С. 209. Характерно, что в дневнике Бжостовского этот эпизод вообще не отмечен.

Русская сторона добивалась того, чтобы вопрос об избрании царя на польский трон был принципиально решен до обсуждения всех других вопросов. Послы убеждали, что после этого «о всякой згоде говорить будет пристойнее», так как, когда царя выберут, то он «Коруне Польской и Великому княжеству Литовскому всякого добра и соединения учнет хотеть так же, как и Московскому государству»¹⁵².

Комиссары Речи Посполитой хотя и заявили, что у них нет инструкций на этот счет и они вообще не могут обсуждать вопрос о избрании преемника при живом монархе («то нам было б от всех государей христианских встыд и бесчестье»), попытались выяснить, на какие уступки пойдет в этом случае русская сторона, в частности, будут ли возвращены в состав Речи Посполитой Великое княжество Литовское, Малая и Белая Русь. Требования возвращения Великого княжества Литовского были сформулированы при этом в крайне резкой форме: «А Великое, де, княжество Литовское от Коруны Польской оторвать никому нелзе, а то б какой был мир, что им, глядячи свои именья в чужих руках, плакати, а самим по чюжим местам скитатися»¹⁵³. Возвращение Великого княжества в состав Речи Посполитой выступало в этих высказываниях как «*conditio sine qua non*» при решении вопроса об избрании царя.

На следующем заседании, 22 августа, была достигнута договоренность, что в связи с новой, создавшейся в ходе переговоров ситуацией послы и комиссары обратятся к своим государям за новыми инструкциями. Помимо снова повторенного комиссарами требования вернуть Великое княжество Литовское под власть Яна Казимира «по ево живот», затрагивался и ряд других вопросов, связанных с планами выбора царя.

Русские послы говорили, что православные церкви и епископы должны «во всякой чести и в вольностях быть попрежнему», добавив к этому, что должна быть ликвидирована заключенная в 1596 г. в Бресте уния, предусматривавшая подчинение православных на территории Речи Посполитой власти папы, а комиссары заявляли, «по ся места короли на Польском королевстве бывали римские веры»¹⁵⁴. Комиссары также заявили, что не

152 Русская и украинская дипломатия... С. 155–156.

153 Там же. С. 155–156.

154 Там же. С. 157.

может быть речи о признании наследственных прав Алексея Михайловича и его потомков на польский трон¹⁵⁵. Тогда же комиссары подняли вопрос о возвращении в состав Речи Посполитой Запорожского Войска («государю их королевскому величеству Малой Руси и запорожских черкас уступитца нельзя»)¹⁵⁶. Поскольку стороны должны были обратиться к своим правительствам за новыми инструкциями, все эти высказывания с обеих сторон носили характер предварительного обмена мнениями, но уже сам перечень выявившихся разногласий ясно показывает, что выдвижение кандидатуры царя вовсе не сняло препятствий на пути к заключению выгодного для русской стороны соглашения, как, по-видимому, рассчитывали в царской ставке.

После достижения договоренности об обращении за новыми инструкциями стороны вернулись к обсуждению условий будущего мира. Ход переговоров по этому вопросу, и так достаточно трудных, осложнило поведение австрийских посредников.

Они получили щедрые подарки от царя¹⁵⁷, и «великие» послы ожидали, что они будут выступать на их стороне, но поведение посредников их разочаровало и в своем статейном списке они указывали на «цесарских послов помогательство» полякам¹⁵⁸. Обвинения эти не представляются обоснованными. На первом этапе переговоров посредники стремились добиться заключения мира, к которому стремилось австрийское правительство. Так как на этом этапе переговоров русская сторона отказывалась идти на какие-либо уступки, то посредники уговаривали именно русских послов отдать часть завоеванных земель¹⁵⁹. Однако позиция посредников резко изменилась, когда возник вопрос о избрании Алексея Михайловича на польский трон, в чем Габсбурги совсем не были заинтересованы. На встрече 25 августа посредники заявили, что, если на переговорах речь пойдет о избрании царя, то они «тех речей и слушать не хотят и ис шатра пойдут вон»¹⁶⁰. Хотя свою угрозу австрийские послы

155 Там же. С. 158.

156 Там же. С. 158–159.

157 Русская и украинская дипломатия... С. 251.

158 Там же. С. 153–154. См. также и другое утверждение: австрийские представители «во всем говорят по воле и хотенью полских комиссаров, а царского величества делу чинят помешку» (Там же. С. 156).

159 Там же. С. 156 и др.

160 Там же. С. 161.

не привели в исполнение, их поведение во время переговоров изменилось. Как отметил в своем дневнике К.П. Бжостовский, посредники призывали представителей польско-литовской стороны быть твердыми, обещая им свою полную поддержку¹⁶¹. В итоге у комиссаров Речи Посполитой сложилось впечатление, что посредники ведут дело к срыву переговоров, которые приобрели нежелательный для австрийских интересов характер. В создании у своих восточных границ огромного мощного государства, будущая внешнеполитическая ориентация которого к тому же ясно не обрисовывалась, Габсбурги, конечно, совсем не были заинтересованы.

Так как члены польско-литовской делегации совсем не стремились к разрыву переговоров, то 28 августа по инициативе польско-литовской стороны произошла встреча послов и комиссаров без участия посредников¹⁶². На этой встрече была окончательно достигнута договоренность, что стороны будут просить у своих правительств новых инструкций¹⁶³. Комиссары даже согласились на то, чтобы вопрос об избрании царя был решен до того, как будет урегулирован вопрос о границах: «как за помощью Божию то доброе дело его царского величества о обрании учинитца, и в то время они у его царского величества и о тех поступошных городех милости просить учнут»¹⁶⁴. Это заявление, несомненно, говорило о стремлении членов польско-литовской делегации, среди которых преобладали литовские политики, к заключению мира (даже ценой избрания царя), чтобы литовские магнаты и шляхта могли получить обратно свои земли. Об этом же говорит и другой шаг, предпринятый комиссарами во время переговоров. Они заявили, что дают согласие на возвращение Русскому государству всех земель, утраченных им во время Смуты, включая такие центры, как Новгород-Северский и Чернигов, при условии, как отмечалось в дневнике Бжостовского, «чтобы нам была возвращена вся Украина»¹⁶⁵. Действуя так, комиссары явно превысили свои полномочия, за что подверглись критике даже со стороны одного из своих коллег¹⁶⁶.

161 Сборник Муханова... С. 515.

162 Русская и украинская дипломатия... С. 163.

163 Там же. С. 164–165.

164 Там же. С. 164.

165 Там же; Сборник Муханова... С. 518.

166 *Kubala L. Wojna brandenburska...* S. 44.

Одной из причин уступчивости были приходившие известия об успехах русских войск и скором падении Риги. 1 сентября н. ст. К. Бжостовский отметил в своем дневнике, что русские войска уже осадили Ригу «и что жители хотят сдаться царю, а графа Магнуса в город не пускают». Другие известия говорили о его поражении в борьбе с русскими и даже гибели¹⁶⁷. Предпринятые шаги не привели к намеченным целям. Уступки такого объема не могли удовлетворить русскую сторону. Переговоры прервались, обе стороны стали ждать инструкций. О ходе переговоров царя под Ригой известили в двух подробных отписках, охватывавших описание всего хода переговоров с 22 по 28 августа¹⁶⁸.

Реакцию на полученные сведения отразил текст грамоты, отправленной «великим» послам 13 сентября со стряпчим Кириллом Пушциным¹⁶⁹. Послы должны были настаивать на принятии предложений, отправленных им 25 августа. Однако советники царя считали возможным, что послы Речи Посполитой «откладывать не похотят» и не согласятся на то, чтобы представители Польско-Литовского государства ехали для переговоров в Москву. На этот случай «великим» послам были отправлены новые указания.

Послы должны были снова повторить предложение об избрании Алексея Михайловича преемником короля Яна Казимира при его жизни, но при этом были указаны и некоторые конкретные условия такого соглашения. От имени царя великие послы должны были обещать, что Алексей Михайлович подтвердит все «права» и «вольности» шляхты, выдав ей «диплом» соответствующего содержания, и не будет изменять традиционные порядки иначе как по решению сейма. Царь обещал также освободить всех пленных, вернуть захваченные пушки, заключить с Речью Посполитой союз («случение сил и войск») против Карла Густава, Фридриха Вильгельма и других врагов Речи Посполитой. Царь также обязался передать «ныне во владенство королевскому величеству» земли в Ливонии «по Двину реку по Курлянской стороне». Имелись в виду польские владения в Ливонии, занятые сначала шведами, а затем — русскими войсками во время похода 1656 г.

167 Сборник Муханова... С. 512.

168 Русская и украинская дипломатия... С. 165, 228. Подробнее о переговорах 20–28 августа см.: *Иванов Д.И.* Восточная Европа... С. 91–116.

169 Русская и украинская дипломатия... С. 199–202.

Но главное место среди предложений царя занимало обещание, после того как сейм примет решение о его избрании и оно будет соответствующим образом оформлено, «уступить королевскому величеству и Речи Посполитой стольный город Вильну и Княжество Литовское». Это, однако, не означало, что Алексей Михайлович был готов согласиться на возвращение к границам Речи Посполитой перед Смутой даже на территории Белоруссии. В грамоте не только подчеркивалось, что «Белая Русь» должна остаться под властью царя, но и были приведены очертания ее западной границы с Великим княжеством Литовским. Украина («гетман Богдан Хмельницкой с Войском Запорожским з городами и з землями») также должна была войти в состав Русского государства. Если бы на предложенные условия комиссары Речи Посполитой не согласились, следовало вернуться к первоначальным предложениям — заключить соглашение о войне против шведов с обязательством не заключать сепаратного мира, а переговоры об избрании царя на польский трон перенести в Москву.

Несмотря на эти оговорки в конце грамоты, в царской ставке ожидали скорого и успешного окончания переговоров. Неслучайно с Кириллом Пушиным была отправлена к великим послам еще одна грамота¹⁷⁰, содержащая указания, куда ехать, когда «великого государя дело... совершитца». Великие послы должны были «съезжати» царя во Пскове или в Новгороде. Эти указания говорят и о том, что в царской ставке ожидали скорого падения Риги и возвращения царя в Россию. Комиссары Речи Посполитой на переговорах обнаружили явную заинтересованность в заключении соглашения. Царь и его советники пошли на значительные уступки, согласившись без войны вернуть Польско-Литовскому государству значительную часть занятых русскими войсками территорий Великого княжества вместе с его столицей — г. Вильно. Эти уступки должны были привести к заключению соглашения, которое прочно связало бы Россию с Речью Посполитой, подчинив последнюю русскому политическому влиянию.

Вместе с Кириллом Пушиным к «великим» послам выехали посланцы гетмана Хмельницкого, присланные им для участия в переговорах. Хорошо известно, что смена политического кур-

170 Русская и украинская дипломатия... С. 199.

са русского правительства весной 1656 г. привела к появлению серьезных трений в отношениях между гетманом и Москвой. Конечно, имело свое значение, что с гетманом не консультировались при принятии столь важных политических решений и о них он узнал от ехавшего к Яну Казимиру через Чигирин гонца Федора Зыкова. В грамоте, отправленной царю в начале июня 1656 г., он указывал, что было бы неплохо, если бы и ему «известно было и на котором месте тот съезд исправлятися будет»¹⁷¹.

Большее значение имело то, что обоснованность принятых в Москве решений вызвала у гетмана серьезные сомнения. Его оценки международного положения получили ясное выражение в тексте грамоты, посланной им к царю со своими посланцами И. Скоробогатым и О. Федьковичем. Герман настойчиво обращал внимание царя на то, что поляки вовсе не отказались от своих прежних планов. Они «и ныне, — как писал гетман, — промышляют на нас и на веру православную». Правда, сейчас Польско-Литовское государство из-за войны со Швецией нуждается в передышке и может даже заключить мир на выгодных для русской стороны условиях, но потом, «шведа выгнав», они «всеми силами» обратятся против России. Поэтому они ищут военной помощи у всех соседей, и прежде всего у трансильванского князя Дьердя Ракоци, которого обещают взять на Королевство после смерти Яна Казимира¹⁷². К весне 1656 г. эти сведения уже не отвечали действительности, но их появление в грамоте Хмельницкого, конечно, не было случайностью. Видимо, что-то зная о планах избрания Алексея Михайловича на польский трон, он пытался таким способом убедить царя не верить обещаниям поляков, которые предлагают свой трон разным государям.

Справедливость его оценок должны были подкрепить конкретные сведения, изложенные в наказе его посланцам¹⁷³. Они должны были сообщать сведения о враждебной деятельности польских дипломатов в разных странах, направленной против России и Украины. Так, они должны были сообщить о польском гонце в Крыму, который добивался, чтобы татары помогли Речи Посполитой, доказывая, что в противном случае царь и казаки

171 Документи Богдана Хмельницького. 1648–1657. Київ, 1961. № 377. С. 496.

172 Там же. С. 496–498.

173 Документи... № 378. С. 498–499. См. также: *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Т. IX/2. Київ, 1931. С. 1234–1235.

завоюют Крым. Передав все эти сведения, посланцы должны были спросить царя, не прикажет ли он гетману идти войной на Польшу. С помощью таких способов гетман пытался добиться отказа русских политиков от принятых решений.

Вместе с тем гетман не хотел, чтобы переговоры о мире происходили без участия его представителей. Поэтому он просил царя сообщить о месте и времени переговоров, чтобы он мог прислать на них своих послов.

Уже после отправки И. Скоробогатого и О. Федьковича к Хмельницкому в том же июне 1656 г. прибыл посланец царя стольник В.П. Кикин. Как видно из ответной грамоты гетмана, царь официально известил его о созыве съезда под Вильно и запрашивал гетмана, «межи какими б городами черкасскими и полскими рубеж учинить»¹⁷⁴. На этот вопрос гетман ответил, что необходимо, «чтоб рубеж княжства Российского по Вислу реку был, аж до Венгерские границы». Ясно, что такое требование польско-литовская сторона не могла принять, и на переговорах под Вильно оно не выдвигалось.

В своей грамоте гетман снова приводил сведения о враждебной деятельности польских дипломатов и убеждал царя, что поляки будут затягивать переговоры, пока не будет заключен мир со Швецией, а затем возобновят войну¹⁷⁵. Вместе с В.П. Кикиным гетман отправил также письмо Б.И. Морозову. Зная о влиянии боярина на своего воспитанника царя, Хмельницкий убеждал его, что «ляхам» верить нельзя, они «ныне на время примирятся хотят, а потом все земли на православную веру и на государство его царского величества побужати будут». Уже не довольствуясь сообщениями, которые могли бы подтолкнуть русских политиков к правильному решению, он в этом письме выразил открытое несогласие с русской политикой: нужно не начинать войн «со многими землями, а только ляхов воевать»¹⁷⁶. Грамоты, отправленные с В.П. Кикиным, были получены в царской ставке 26 июня, посланцев гетмана царь принимал «в шатре» 6 июля. Судя по всему, предостережения Хмельницкого не были услышаны.

В конце июня 1656 г. гетман направил посольство во главе с сотником Р. Гапоненко для участия в переговорах. Посланцы

174 Документы... № 380. С. 500.

175 Там же. С. 501–503.

176 Там же. № 396. С. 522–523.

должны были первоначально посетить царскую ставку, чтобы они от царя получили «указ, как ся имеет справливаться на съезде»¹⁷⁷. Остается неясным, почему для участия в столь серьезных переговорах вместе с важными сановниками и России и Речи Посполитой были отправлены посланцы во главе с простым сотником.

Исследователи давно отметили и другую странность. Из всех сложных вопросов межгосударственных отношений в украинских предложениях был затронут лишь один. Гетман настаивал на том, чтобы король и паны рада принесли присягу, что не будут наносить никакого вреда Войску Запорожскому и не будут побуждать к таким действиям другие государства. Против этого в царской ставке не могло быть каких-либо возражений, тем более что подобное условие русское правительство по собственной инициативе поместило в указы посольству Н.И. Одоевского.

Все другие предложения гетмана касались положения православных на территории Польско-Литовского государства. Гетман настаивал на том, чтобы уния была ликвидирована, а церковные имущества, находившиеся в руках униатов, «православным пущены были», чтобы православной церкви были возвращены и другие утраченные ею имущества и епископские кафедры. Православные священники должны были быть освобождены от налогов и подчиняться суду только своего епископа. Православная шляхта и мещане должны были получить свободный доступ к земским «урядам» и городским должностям. Православным должна была быть обеспечена свобода богослужения¹⁷⁸.

Одно из главных требований гетмана — о возвращении православной церкви утраченных ею имуществ — было зафиксировано уже в наказе посольству Н.И. Одоевского¹⁷⁹. В ходе самих переговоров 22 августа, еще до получения предложений гетмана великие послы добивались и ликвидации унии, и свободного доступа православных к «урядам»¹⁸⁰. Неудивительно, что, пересылая 13 сентября великим послам предложения гетмана, царь

177 *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х — 80-х гг. XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 264.

178 Там же. С. 265–266.

179 Там же. С. 262.

180 Там же. С. 267.

предписал, чтобы они «о тех статьях с полскими комиссары... договор чинили»¹⁸¹.

Вместе с тем отношение к разным предложениям гетмана было не одинаковым. Следовало категорически настаивать («стоять крепко») на том, чтобы православным была обеспечена свобода богослужения и чтобы православные священники были освобождены от налогов и подчинялись суду только своего епископа. Что касается свободного доступа православных к «урядам» и городским должностям, то об этом следовало «стоять как мочно».

Главными среди условий, предусматривавших решительное улучшение условий жизни православных в Польско-Литовском государстве, были требования ликвидировать Брестскую унию и вернуть православной церкви утраченные ею имущества. В этом отношении царь предписывал, если комиссары Речи Посполитой будут упорно возражать, «отложить до иных съездов»¹⁸².

Эти указания позволяют уточнить представления о позиции, занятой царем и его советниками в ходе переговоров с Речью Посполитой к середине сентября 1656 г. Новый материал подтверждает предварительный вывод об обозначившихся поисках компромисса, об отходе от максималистской позиции, зафиксированной в «тайном наказе». Ради достижения главных целей — избрания царя преемником Яна Казимира и признания «Малой» и «Белой» России частью Русского государства — царь и его советники готовы были удовлетвориться минимальными уступками для православных на территории Польско-Литовского государства. Впрочем, решение поднятых вопросов лишь откладывалось, но не снималось с повестки дня. Поиски компромисса были налицо, однако мог ли такой компромисс удовлетворить правящие круги Речи Посполитой?

От царя и его советников, вероятно, не укрылось несогласие гетмана с избранным внешнеполитическим курсом, которое он, о чем говорилось выше, выражал в разных формах. Однако в грамоте, присланной с В.П. Кикиным, гетман выражал готовность подчиниться принятым решениям, а позднее прислал своих представителей для участия в мирных переговорах. В той же грамоте говорилось и о готовности Войска Запорожского принять участие в войне со Швецией. Все это позволяло

181 Русская и украинская дипломатия... С. 203.

182 Там же. С. 203–204.

в царской ставке не придавать наметившимся разногласиям серьезного значения.

Официальное предложение о выборе царя преемником Яна Казимира создало для польско-литовской стороны новую ситуацию. Необходимо было определить свое отношение к этому предложению и дать соответствующие указания комиссарам Речи Посполитой.

Правда, такая постановка вопроса не была новостью для политической элиты Речи Посполитой. Уже с весны 1656 г. распространялись слухи о таких намерениях Алексея Михайловича¹⁸³, и в дальнейшем среди сенаторов появились сторонники такого решения. Как отметил З. Вуйцик, интерес к поискам соглашения с Россией подтолкнул ход переговоров со Швецией, начавшихся в августе 1656 г. при посредничестве французского посла А. де Люмбра. На переговорах выяснилось, что Карл Густав добивается уступки Королевской Пруссии¹⁸⁴, обещая заключить с Речью Посполитой союз против России и поделиться отобранными у Русского государства землями. Отдать в руки шведов выход к Балтийскому морю магнаты и шляхта Речи Посполитой не могли. В этой связи один из влиятельных польских политиков Ян Лещинский писал, что он скорее согласится на избрание царевича преемником Яна Казимира, если «Москвитин» поможет победить шведов¹⁸⁵. Уже в этих высказываниях проявились некоторые характерные черты политической линии элиты Речи Посполитой в вопросе о преемнике («*sukcessorze*») Яна Казимира: соглашение, союз с Россией, но при сохранении самостоятельности Польско-Литовского государства, без установления персональной унии.

Эти черты нашли свое отражение в решении собравшихся в Люблине сенаторов, которое стало ответом на предложение русской стороны. К этому предложению пришлось отнестись со всей серьезностью, так как, сообщая о нем, комиссары обращали

183 *Kubala L.* *Wojna brandenburska...* S. 281.

184 Под впечатлением этих переговоров подскарбий коронный Б. Лещинский писал, что «шведы никогда Пруссии не возвратят» (*Ibid.* S. 288).

185 *Wójcik Z.* *Polska a Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej. 1655–1660 // Polska w okresie drugiej wojny północnej.* T. I. Warszawa, 1957. S. 352–353; *Kubala L.* *Wojna brandenburska...* S. 282.

внимание на то, что русские представители не желают обсуждать каких-либо вопросов, пока не получают ответа¹⁸⁶.

Политическая элита Речи Посполитой оказалась перед трудным и сложным решением. Главным источником того, что происходило на совещаниях в Люблине, является письмо К. Паца К. Бжостовскому от 14 сентября н. ст.¹⁸⁷. Литовские участники съезда, бывшие на нем в явном меньшинстве, предложили избрать преемником Яна Казимира малолетнего царевича, сына Алексея Михайловича, при условии, если царь признает на будущее право шляхты свободно выбирать монарха и сразу даст деньги на выплату жалованья коронному и литовскому войску. В случае согласия царя они предполагали созвать «посполитое рушение» — дворянское ополчение, которое можно было бы превратить в сейм.

Заслуживает внимания сообщение К. Паца, что эти предложения одобрила королева, которая поручила ему передать комиссару, что царевич будет для нее как родной сын. Одобрение Людовикой Марией этого плана станет понятно, если учесть, что царевич по условиям мира должен был переехать в Польшу, принять католицизм и быть отдан на воспитание королю и королеве. Об интересе королевы к такому соглашению с Россией говорят, как увидим далее, и другие, независимые от письма К. Паца источники. Учитывая последующие планы и действия Людовики Марии, можно полагать, что не последнюю роль играли при этом расчеты на укрепление при поддержке отца царевича — царя — королевской власти в Речи Посполитой.

Вместе с тем К. Пац отметил в своем письме, что эти взгляды не нашли понимания у коронных сенаторов, преобладавших на совещании в Люблине. «Мы, — писал К. Пац своему корреспонденту, — не хотим позволить... отдать так много советов, и хотим скорее вести переговоры о преемнике». Из этих слов видно, что польские политики уклонялись от решения вопроса о преемнике, предпочитая пожертвовать для заключения мира часть территорий Великого княжества Литовского. Литовские же магнаты и шляхта готовы были согласиться на избрание царевича, чтобы мирным путем вернуть себе утраченные в военных кампаниях 1654–1655 гг. земли.

186 См. об этом: *Kubala L. Wojna brandenburska... S. 284.*

187 Его подробное изложение см.: *Ibid. S. 45.*

Решение сенаторов было отправлено комиссарам 14 сентября н. ст. с сопроводительным письмом коронного канцлера. Комиссарам предписывалось отклонить предложение о избрании царя. Что касается избрания царевича, то король и Речь Посполитая не против этого, но к этому можно вернуться лишь после заключения почетного («ucziwego») мира. В том же письме был сформулирован и ряд условий, которые в этом случае будут предъявлены кандидату: принятие католической религии, отказ от наследственных прав на трон, возвращение всех утраченных Речью Посполитой земель, выплата огромных сумм из царской казны¹⁸⁸. Обосновывая такое решение, коронный канцлер С. Корицинский (в дальнейшем выступавший как один из главных противников соглашения с Россией) дополнительно указывал, что в случае избрания царя Австрия откажется от заключения союза с Речью Посполитой и против нее выступят Крым и Османская империя¹⁸⁹.

Отклоняя предложение об избрании царя (или царевича), комиссары одновременно должны были добиваться возвращения Речи Посполитой Украины и заключения союза против шведов на условиях, сформулированных в более ранних инструкциях. Очевидно, мир должен был быть заключен за счет уступок на территории Великого княжества Литовского, чего и опасались Пац и другие литовские политики. Характерно, что в своем письме коронный канцлер рекомендовал комиссарам ни в коем случае не разрывать переговоров, а в случае возникновения трудностей запросить новых инструкций¹⁹⁰. Очевидно, сами инициаторы такого решения не были уверены, что на основе их предложений удастся добиться заключения мира и союза с Россией. Вместе с тем одновременно с решением сенаторов король также отправил комиссарам письмо, в котором выражалось его согласие на переговоры об избрании царевича¹⁹¹. И это письмо, и письмо Паца Бжостовскому показывают, что споры о направленности внешней политики Польско-Литовского государства отнюдь не считались законченными.

В этой обстановке споров через несколько дней после принятия решения сенаторов (14/24 сентября) в королевскую став-

188 Ibid. S. 45–46; *Wójcik Z.* Polska a Rosja... S. 359–361.

189 Ibid. S. 392–393.

190 Ibid. S. 393.

191 Ibid. S. 46–47.

ку прибыл русский гонец А.И. Нестеров, который был послан сообщить Яну Казимиру об успехах, достигнутых в походе против шведов. 27 сентября пристав сообщил гонцу, что король «кручинится» на канцлера Стефана Корицинского и заявил ему: «не будут твоих слов слушать»¹⁹². В происходивших спорах настроения сенаторов стали меняться. 23 сентября н. ст. К. Пац мог уже сообщить Бжостовскому, что и литовский канцлер А. Радзивилл, и архиепископ гнезненский А. Лещинский соглашаются на избрание царя и к ним готов присоединиться ряд других сенаторов¹⁹³. В происходившие споры включился находившийся во Вроцлаве Ян Лещинский. В своих письмах архиепископу он доказывал, что именно после заключения соглашения с Россией Австрия станет оказывать помощь Речи Посполитой. Как и литовские политики, он был убежден, что с избранием царя Польско-Литовскому государству будут возвращены все утраченные земли на востоке. Правда, избрание царя создает опасность для судьбы польских «вольностей» в будущем, но гораздо важнее, что в настоящем страна избежит опасности раздела между враждебными соседями. «Кто любит отчизну, — писал он, — не должен и не может быть противником сукцессии московской»¹⁹⁴.

В спор включились и комиссары. В письме от 25 сентября н. ст. они подробно опровергали доводы коронного канцлера. Они утверждали, как и Ян Лещинский, что император Фердинанд III станет оказывать помощь Речи Посполитой только после заключения ею мира с Россией. Также, возражая против утверждения канцлера, они писали, что соединенные государства стали бы «страшны» для Османской империи и «еретиков». Они обращали внимание на то, что в царской ставке находятся курляндский и прусский послы, и если они добьются заключения мира между Россией и Швецией, Речи Посполитой придется плохо¹⁹⁵.

Затронута была в письме и другая важная тема. Комиссары писали, что в Литве многие, в том числе и «великие имена», с нетерпением ждут завершения переговоров и не стесняются открыто заявлять комиссарам, что, если мир не будет заключен,

192 Русская и украинская дипломатия... С. 219.

193 *Kubala L. Wojna brandenburska...* S. 47–48.

194 *Ibid.* S. 48, 288.

195 *Wójcik Z. Polska a Rosja...* S. 364–365.

«хотят принадлежать царю и находится под его властью»¹⁹⁶. Одно из таких «великих имен» может быть названо. 19 сентября первый сенатор Великого княжества Литовского, великий гетман и виленский воевода Павел Сапега сообщил через пристава ехавшему в королевскую ставку А.И. Нестерову, что, если мир не будет заключен, то «он, гетман Павел Сапега, хочет ехать служить к великому государю... со всею Литвою и со всеми городами Великого княжества Литовского»¹⁹⁷.

Активизация сторонников соглашения с Россией привела к открытому выступлению главного противника соглашения — коронного канцлера Стефана Корицынского. Канцлер выступил с официальной запиской, в которой развивал и дополнял выдвинутые ранее аргументы. Канцлер снова доказывал, что избрание царя (или его сына) приведет к ухудшению отношений с соседями: союз с татарами будет разорван, ухудшатся и отношения с возможными союзниками — Данией, Голландией и Австрией, которые (особенно Австрия) вовсе не заинтересованы в усилении «московского могущества». С Россией, — указывал канцлер, — Речь Посполитая сможет вести войну гораздо успешнее, чем со Швецией: «есть что у них взять; есть что и добыть». Кроме того, канцлер полагал, что надежды на мирное возвращение утраченных земель тщетны — царь ничего не уступит.

Доводы сторонников соглашения были подробно изложены в ответе на эту записку Яна Лещинского. Если, — писал он, — мы хотим военной силой взять верх над неприятелими, следует вступить в союз с таким государем, который помог бы этого добиться. Путь к заключению такого союза — избрание царевича, который, по мнению Я. Лещинского, «имеет с нами больше общего, чем другие еретики». Избрание царевича приведет не только к победе над шведами и возвращению Пруссии, которую шведы добровольно не отдадут. Речь Посполитая вернет себе без войны утраченные земли и добьется «успокоения» казаков. При получении таких выгод, по его мнению, не имеет значения, что избрание царевича «*vivente rege*» (при жизни правящего монарха) нарушает польские «вольности». Прямо

196 *Kubala L. Wojna brandenburska... S. 50, 289.* См. также в дневнике К.П. Бжостовского под 23 сентября н. ст. о получении «почты» из Бреста: «ужасные письма и вопли на то, что пренебрегают тамошним народом» (Сборник Муханова... С. 521).

197 Русская и украинская дипломатия... С. 218.

отвечая на доводы канцлера, он писал, что объединение сил обоих государств обеспечит Польше защиту от татар. Что касается реакции возможных союзников, то желательно, конечно, сохранять с ними дружеские отношения, «но не следует нам погибать из уважения к ним»¹⁹⁸.

Для исхода происходившей в правящих кругах борьбы было существенно, что император снял возражения против выбора царя, лишь бы был заключен мир и соглашение о совместных действиях против шведов¹⁹⁹. Тем самым подтверждалась правда тех, кто утверждал, что лишь после заключения такого соглашения император станет оказывать помощь Речи Посполитой. Аргументы канцлера теряли свою силу в условиях, когда выяснилось, что Карл Густав не намерен отдавать королевскую Пруссию, а других союзников в борьбе со шведами, кроме предпринявшего поход на Ригу Алексея Михайловича, не намечалось. В этих условиях в сознании польской правящей элиты все более утверждалось представление о возможности выхода из кризиса и восстановления государства в прежних границах при помощи и поддержке России. При этом политики стремились избежать (по крайней мере, в близкой перспективе) установления персональной унии между Речью Посполитой и Россией, чему должно было служить избрание не царя, а царевича преемником Яна Казимира. Впрочем, по этому вопросу можно было отступить под давлением обстоятельств.

Процесс выработки условий соглашения нашел отражение в нескольких документах, написанных в первых числах октября н. ст. 3-го числа Ян Казимир сообщил комиссарам, что для решения вопроса о его преемнике будет созван сейм. Речь должна была идти об избрании царя. Комиссарам поручалось обсудить с «великими» послами вопрос о вере будущего монарха, так как польский король должен быть «римской веры». При всей важности этого документа в нем еще не содержалось тех условий, которые Речь Посполитая должна была предъявить будущему

198 Подробный анализ обоих документов см.: *Wójcik Z. Polska a Rosja...* S. 361–363.

199 Об этом сообщал К. Пац К. Бжостовскому 4 октября н. ст. (*Kubala L. Wojna brandenburska...* S. 394), позднее и к австрийским посредникам прибыл от императора гонец, что император очень заинтересован в заключении мира, и посредники сняли свои возражения (*Ibid.* S. 56).

правителю. Затрагивался лишь один, но очень важный пункт. Царь должен был выступить посредником при успокоении казаков, их возвращении под власть Речи Посполитой²⁰⁰. Это еще раз показывает, что избрание царя должно было сопровождаться возвращением Польско-Литовскому государству утраченных территорий на востоке.

На следующий день, 4 октября, литовский подканцлер К. Пац сообщал К. Бжостовскому, что принципиальное решение о созыве сейма для избрания царя принято. Другого решения, писал он, быть не могло, так как нельзя допустить отделения от государства целых провинций и гибели «католических душ» под властью правителя-схизматика²⁰¹. Нельзя не признать показательными эти враждебные выпады литовского политика по адресу государя, избрания которого он так активно добивался.

Условия соглашения с Россией (т. н. «*Resolutio categorica*») были приняты на совещании с сенаторами 5 октября н. ст.²⁰².

Предусматривалось два варианта соглашения. Первый в случае заключения обычного мирного договора. В этом случае можно было дать согласие на переход к России земель Великого княжества Литовского на восток от Западной Двины²⁰³, но царь должен был одновременно признать права Речи Посполитой на Ливонию. Таким образом, выход к Западной Двине не должен был открывать для России выход к Балтийскому морю.

Принципиально иными должны были быть условия соглашения в случае избрания на трон члена династии Романовых. Комиссары должны были приложить все возможные усилия, чтобы добиться соглашения о избрании царевича, который должен был быть передан на воспитание королевским супругам в Польшу, когда ему исполнится 7 лет. Лишь в самом крайнем случае они могли согласиться на избрание самого Алексея Михайловича. Главным условием соглашения было «*restitutio ablatogum*», т. е. возвращение Речи Посполитой всех территорий, утраченных во время военных кампаний 1654–1655 гг., и восстановление ее верховной власти над Войском Запорожским. Отмечалось также, что царь должен принять католическую веру,

200 Ibid. S. 395–396.

201 Ibid. S. 394.

202 Текст опубликован Кубалой (Ibid. S. 396–398).

203 Еще в письме комиссарам от 3 октября говорилось об уступке лишь Смоленской земли.

«хотя бы по греческому обряду», но решение этого вопроса можно было бы отложить до коронации царя после смерти его предшественника. Обративший внимание на это условие Л. Кубала резонно полагал, что впоследствии, настаивая на его выполнении, правящие круги Речи Посполитой получили бы основания для отказа от принятых ими на себя обязательств²⁰⁴.

Что же давало польским и литовским политикам основание рассчитывать, что ради проблематичного избрания на польский трон, которое к тому же могло бы быть реализовано лишь в более или менее отдаленном будущем, царь Алексей Михайлович откажется от своих многочисленных вполне реальных приобретений, в том числе и от протектората над Войском Запорожским. Инициатива царя, пожелавшего занять польский трон, вызвала в сознании представителей правящей элиты Речи Посполитой воспоминания о «бескорольевьях» второй половины XVI в., когда претенденты на польский трон, соперничая между собой, предлагали магнатам и шляхте различные выгоды. По аналогии полагали, что и царь пойдет на далеко идущие уступки, лишь бы добиться королевского трона.

Расчеты эти зиждились на неверном основании. Алексей Михайлович добивался избрания, чтобы ослабленная Речь Посполитая не подпала под нежелательное влияние кого-либо из соседей. При этом он вовсе не собирался отказываться ни от большей части своих завоеваний, ни от поиска выхода к Балтийскому морю на территории Ливонии. Царь и его советники были уверены, что ослабленная долголетней войной, неспособная вытеснить шведов со своей территории Речь Посполитая будет вынуждена принять выработанные в Москве условия мира, может быть, с небольшими уступками. Однако и они ошибались. Предпринятый ими шаг, как видим, привел совсем не к тем последствиям, на которые они рассчитывали. Тем самым новый этап переговоров обещал обеим сторонам новые неприятные неожиданности.

В течение некоторого времени после отсылки «*Resolutio categorica*» комиссарам под Вильно при польском дворе рассчитывали, что задуманный план будет осуществлен. Отсюда любезный прием, который был оказан в королевской ставке русскому гонцу А.И. Нестерову. Польный гетман С. Ланцкоронский,

204 *Kubala L. Wojna brandenburska... S. 48.*

пригласив его в свою карету, уверял гонца в том, что сенаторы желают избрать царя преемником Яна Казимира, чтобы между Россией и Речью Посполитой был заключен союз и чтобы «пошли все обще на свейского короля»²⁰⁵. А К. Пац дал знать через пристава, что король и сенаторы не разделяют взглядов коронного канцлера²⁰⁶. Пристав, передавая гонцу слова короля, называл С. Корицинского «хищником» и «волком», который «раздорчинит»²⁰⁷. Так через гонца царя и его советников хотели убедить в надежности обещаний относительно судьбы польского трона.

Вместе с тем у носителей высшей власти были свои планы, существенно отличавшиеся от планов сенаторов. Об этих планах они пытались известить царя через его гонца. Главную роль играла при этом королева Людовика Мария, а посредником между ней и гонцом выступал муж одной из ее придворных дам К. Пац. Он настоятельно советовал, когда будет собран сейм, который будет решать вопрос об избрании царя, чтобы русские «великие» послы специально обратились к королеве и просили ее о содействии. Она, — заверял подканцлер, — пользуется большим влиянием на сенаторов и сам Ян Казимир стал королем благодаря ее поддержке²⁰⁸. На планы, которые связывала королева с соглашением с Алексеем Михайловичем, проливает свет другой разговор гонца с К. Пацем. Королева сообщала через К. Паца, что она готова быть царевичу вместо матери, когда после смерти Яна Казимира он станет в Речи Посполитой «дедичным» — наследственным государем²⁰⁹. Эта характерная деталь, как представляется, определенно указывает на то, какие планы королевская пара связывала с возможным избранием на польский трон царевича.

Ян Казимир подобных слов не говорил, но на тайной, ночной аудиенции, где кроме гонца присутствовал только К. Пац, он недвусмысленно предостерегал царя против собственных подданных: «в Коруне Польской люди вольные, ныне хотя то и учинят, что царское величество в Коруну Польскую оберут ... а впредь того в вольностях своих не здержат»²¹⁰. Следует, однако,

205 Русская и украинская дипломатия... С. 219.

206 Там же. С. 219–220.

207 Там же. С. 222.

208 Там же. С. 221, 224.

209 Там же. С. 220.

210 Там же. С. 224. От имени короля порицал польские «вольности»

отметить, что все эти сведения стали известны царю и его советникам не ранее начала декабря 1656 г., когда переговоры под Вильно давно закончились.

Пока обе стороны готовились к возобновлению переговоров, в развитии событий вокруг Риги обозначились неблагоприятные для планов русских политиков перемены. Миссия В. Унковского вопреки ожиданиям закончилась полной неудачей. Хотя и этого посланца в Митаве встречали с большим почетом (герцог прислал за ним собственную карету)²¹¹, но вести переговоры с рижанами герцог по существу отказался («к рижанам листа пронести от шведов не мочно и послать к ним от них никого нельзя»)²¹². Отправляя Унковского, ему поручали выяснить, «есть ли на море корабли... датского короля и Галанских статов»²¹³. Полученные известия были неутешительны. Правда, выяснилось, что голландские корабли стоят под Гданьском, но они «с шведом не бьютца», голландские дипломаты пытаются выступать как посредники в мирных переговорах между Польско-Литовским государством и Швецией²¹⁴. Что же касается датского флота, то «датцких... воинских кораблей нигде не слышать»²¹⁵.

Известия эти отражали важные изменения в международной ситуации после прихода к Гданьску голландского флота. Карл Густав, оказавшийся в состоянии войны одновременно и с Речью Посполитой, и с Россией, не желал начинать и войну с Генеральными штатами. В итоге он пошел на уступки. Блокада Гданьска с моря была снята, было заключено соглашение, обеспечивавшее нейтралитет этого международного порта, и голландцы увели свои корабли²¹⁶.

и пристав Рейнгольд Луковский: «при прежних королях в Коруне Польской почели быть вольности многие, не токмо что канцлер или сенатор и поветной посол на сеиму, на которое дело не позволит, и тем делам многие раскол чинят» (Там же. С. 222).

211 РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 8. Л. 28.

212 Там же. Л. 44.

213 Там же. Л. 19.

214 Там же. Л. 50.

215 Там же. Л. 52.

216 *Piwariski K.* Rywalizacja francusko-austriacka o wpływy w Rzeczypospolitej w latach 1655–1660 // *Poska w okresie drugiej wojny północnej 1655–1660.* T. I. Warszawa, 1957. S. 394.

Позиция Голландии оказала влияние и на позицию Дании. В этом смог убедиться Д. Мышецкий, добравшийся до Копенгагена в начале сентября. На встрече, состоявшейся 19 сентября, когда посол добивался, чтобы датский король выступил против шведов, «не мотчав, нынешним летом», он получил ответ, что датского короля связывают союзные обязательства с Голландией, а она, по слухам, заключила соглашение с Карлом Густавом, и королю «не дождав» от голландцев «прямые вести» «подлинного ответу учинити не уметь»²¹⁷. 23 сентября посланцу вручили королевскую грамоту и «ответное письмо». В этих документах со ссылкой на действия голландцев, вступивших в мирные переговоры со шведами, подробно объяснялось, «для чего мы вскоре войны не зачнем»²¹⁸. Предпринятая Мышецким 29 сентября новая попытка добиться ответа оказалась безрезультатной²¹⁹. Таким образом, в сентябре 1656 г. ни голландский, ни датский флот не пришли к Риге, чтобы блокировать ее с моря. Шведские военачальники сохранили свободу действий на море, которой они и воспользовались.

В Митаве В. Унковскому сообщили, что Карл Густав проводит набор войск в Померании и получил помощь от саксонского курфюрста и намерен собранные войска отправить на помощь Риге «морем»²²⁰. Тогда же стало известно, что такая попытка увенчалась успехом. Когда В. Унковский еще находился в Митаве, М. Фелькерзам передал ему письмо одного из своих «знакомцев» с рассказом об этом. Трехтысячный отряд солдат из Швеции вошел на судах в Западную Двину и, несмотря на огонь русской артиллерии, благополучно достиг города. Письмо «знакомца» содержало и важные сведения о письме Карла Густава Магнусу Делагарди, в котором сообщалось, что вслед за этим контингентом в Ригу должен прибыть «кораблями» отряд из 2 тыс. кавалеристов во главе с генералом Дугласом²²¹. В таких условиях трудно было ожидать мирной сдачи Риги, да и взятие города после прихода в него подкреплений становилось делом сомнительным.

217 Русская и украинская дипломатия... С. 392–394.

218 РГАДА. Ф. 53. 1656 г. № 5. Л. 77–113.

219 *Selnes K. Russland und der Krieg im Norden // Scando-slavica. T. XI. Copenhagen, 1965. S. 268–269.*

220 РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 8. Л. 51.

221 Там же. Л. 56–57.

Эти перемены наложили отпечаток на ход переговоров с послом курфюрста. Уже 18 сентября пристав сообщил И. Эйленбургу, что царь не только заключит договор с Бранденбургом, но и скрепит его собственноручной подписью²²². 20 сентября текст соглашения был согласован обеими сторонами²²³. В условиях, когда успех под Ригой оказывался сомнительным, становилось ясно, что добиться каких-либо уступок в интересах русской стороны не удастся. Вместе с тем в сложившейся ситуации имело смысл лишить Карла Густава поддержки его бранденбургского союзника. Согласованный текст договора предусматривал обязательства Фридриха Вильгельма сохранять мир и дружеские отношения с царем и ни в какой форме не оказывать помощи его противникам. Аналогичные обязательства брал на себя и царь²²⁴. Заключение такого соглашения позволяло надеяться, что в случае продолжения войны Бранденбург не примет в ней участия на стороне Швеции. На встрече Эйленбург обратил внимание своих русских собеседников на то, что он не получал ответа на свою просьбу о защите прав протестантов на переговорах под Вильно и на предложение курфюрста выступить посредником между царем и Карлом Густавом. По первому вопросу Эйленбургу ответили, что соответствующие указания отправлены «великим» послам²²⁵. На предложение о посредничестве послу ответили, что царь готов начать мирные переговоры со шведами, если с просьбой об этом к нему обратится сам шведский король и предложит «удовлетворение» (*satisfaction*)²²⁶. Тем самым предложение о посредничестве было фактически отклонено. 23 сентября Эйленбург скрепил присягой текст договора, а 24-го состоялась прощальная аудиенция. Послу было пожаловано 4 сорока соболей²²⁷.

222 Urkunden... Т. 8. S. 32.

223 Ibid.

224 Публ. текстов договора см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 1. СПб., 1830. № 191.

225 В действительности это сделано не было.

226 Urkunden... Т. 8. S. 52; *Hirsch T.* Die ersten Anknüpfungen... S. 27.

227 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 6. Л. 92–96. Подробный анализ русско-бранденбургских переговоров под Ригой и Рижского договора дан в третьей главе кандидатской диссертации П.И. Прудовского — Дипломатические отношения России и Бранденбургско-Прусского государства в середине XVII века. М., 2008.

Трудности, возникшие в ходе долгой и безуспешной осады Риги, заставили царя и его окружение изменить свое отношение к предложению курфюрста о посредничестве. 25 сентября уже после официального «отпуска» Эйленбурга посетили С.Л. Стрешнев и Л.Д. Лопухин, заявившие, что царь не желает кровопролития и при определенных условиях могут быть начаты переговоры, которые привели бы к заключению перемирия²²⁸. Но и этим дело не ограничилось. Когда на следующий день посол курфюрста готовился к переправе через Западную Двину, А.Л. Ордин-Нащокин предложил ему написать письмо Магнусу Делагарди с предложением начать переговоры о перемирии. Посол отправил гонца с письмом в Ригу, и 28 сентября он вернулся к Эйленбургу в Митаву с положительным ответом наместника. Тогда И. Эйленбург составил и отослал в царскую ставку проект соглашения о перемирии²²⁹. В нем предусматривалось прекращение во время мирных переговоров военных действий между Россией и Швецией не только под Ригой, но также в Ливонии, Ингерманландии и Финляндии и освобождение пленных в течение месяца после заключения перемирия; жители осажденных городов должны были получить возможность свободно входить и выходить и вести торговлю²³⁰. Эти шаги показывают, как пессимистически оценивали теперь в царской ставке перспективы борьбы за Ригу. Из-под Вильно также приходили неутешительные известия.

Переговоры возобновились 20 сентября после возвращения Кирилла Пущина из царской ставки. Как отметил в своем дневнике К.П. Бжостовский, после этого «москвитяне... удивительно как веселы были»²³¹. По-видимому, «великие» послы решили, что после уступок, сделанных царем, они быстро и успешно закончат переговоры. Однако, когда на встрече они объявили новые условия мира, то получили ответ, что на таких условиях «миру статца нельзя, потому что у многих панов корунных, не токмо у литовских маетности в Княжестве Литовском и за Березою рекою в Белой России»²³².

228 Urkunden... Т. 8. S. 32.

229 Текст проекта см.: *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. Июнь. С. 321–322.

230 *Hirsch T.* Die ersten Anknüpfungen ... S. 28.

231 Сборник Муханова... С. 521.

232 Русская и украинская дипломатия... С. 167.

То же, по существу, повторилось и на встрече 24 сентября, которая состоялась втайне от австрийских посредников на «шляхетцком пустом дворе от Вильны в дву верстах»²³³.

Комиссары сообщили, что в Варшаве собирается съезд сенаторов решить вопрос об избрании преемника Яна Казимира. Мнения у сенаторов разные, но они приняли бы нужное решение, если бы стало известно, что царь откажется от Белой России, «а о Малой России они способ искать учнут». Кроме того, комиссары предложили русской стороне выступить с кандидатурой не царя, а царевича. Как отмечено в записи К. Бжостовского, его «королева могла бы принять за сына, а Республика не отказала бы в издержках на воспитание, чтоб он с польским, так сказать, впитывал нравы и обычаи нашего отечества»²³⁴. Более кратко и неясно составлена запись речи комиссаров в «статейном списке», но и здесь подчеркнута роль королевы, которая и убеждает Яна Казимира согласиться на избрание царевича, а после его смерти «царевич будет у нее, королевы, вместо сына, а она, королева, учнет его государское здоровье оберегать»²³⁵. Очевидно, что избрание царевича должно было привести к его отъезду в Речь Посполитую на воспитание к польской королевской паре. В этих высказываниях комиссаров проявилась их связь с интересами Великого княжества (забота о возвращении в первую очередь «Белой России») и их связь с планами королевских супругов, которые и делегировали их для участия в переговорах.

И одно, и другое предложения были для царя и его советников совершенно неприемлемы. Получив сообщения от «великих» послов, царь предписал им руководствоваться прежними инструкциями²³⁶. Конечно, этот обмен мнениями носил предварительный характер, комиссары еще не имели новых инструкций, но царь и его советники в ставке под Ригой должны были отдавать себе отчет в том, что перспектива скорого и успешного окончания переговоров не просматривается.

После встречи 24 сентября в переговорах наступила пауза до 8 октября, когда комиссары Речи Посполитой получили новые инструкции. В эти дни решался вопрос о судьбе Риги.

233 Там же. С. 170.

234 Сборник Муханова... С. 526.

235 Русская и украинская дипломатия... С. 170–171.

236 Там же. С. 205–206.

Присланный И. Эйленбургом проект соглашения о перемирии в конце концов не был принят царем, и русские войска стали готовиться к штурму города, но еще до завершения подготовки к штурму М. Делагарди 2 октября атаковал русские войска под Ригой и нанес им ощутимые потери²³⁷. 5 октября царь покинул свою ставку — «изволил... идти к Москве» и в тот же день последовал приказ войскам — «ис-под Риги из шанец и из городков отоитить»²³⁸. По осенней распутице армия медленно двигалась по Западной Двине к Полоцку, куда Алексей Михайлович прибыл 28 октября²³⁹.

Вскоре после отъезда царя из-под Риги с царского «стана» на дороге к курляндскому герцогу 7 октября был отправлен вернувшийся из Пруссии дьяк Григорий Богданов²⁴⁰. Поручение ему, вероятно, дано было устно, но с чем оно было связано, можно узнать из грамоты герцога Алексею Михайловичу. В ней герцог выражал удовлетворение, что царь хочет «войну утолить» «и к миру помыслить»²⁴¹. Речь шла, конечно, о мире со Швецией. Курляндский собеседник Г. Богданова канцлер М. Фелькерзам заверял его, что Карл Густав «однолично миру хочет», и выражал пожелание, «чтоб перемирие взять и договоритца, где б вперед для мирного договору великими послами съехатца». Г. Богданов в своем отчете царю высказал мнение, что герцог «в Ригу, чтоб перемирья учинить... говорить от себя пошлет»²⁴².

Еще до возвращения Богданова из Митавы на пути в Полоцк был предпринят другой шаг в этом направлениии. 12 октября командующий русской армией Я.К. Черкасский прямо обратился к М. Делагарди с предложением начать переговоры о перемирии²⁴³. Эти шаги говорят, конечно, о стремлении хотя бы на время положить конец военным действиям, которые приняли неблагоприятный для русской стороны характер. В

237 *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 305.

238 См. дневник похода царя Алексея Михайловича: РГАДА. Ф. 27. № 6. Ч. 3. Л. 246, 248.

239 Там же. Л. 257об.

240 См. текст верительной грамоты: РГАДА. Ф. 63. 1656 г. № 13. Л. 1–2.

241 Там же. Л. 6.

242 Там же. Л. 9–10.

243 *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 143.

такой обстановке, существенно отличавшейся от той, когда русские войска начинали осаду Риги, возобновились переговоры под Вильно.

Новые указания о том, как вести переговоры, представители обеих сторон получили почти одновременно. 7 октября «великие» послы получили царскую грамоту с предписанием придерживаться прежних инструкций²⁴⁴. К. Бжостовский отметил в своем дневнике, что приехавший гонец вручил грамоту Н.И. Одоевскому во время службы, и, прочтя ее, «они с Лобановым открыто плакали»²⁴⁵. Ни эта грамота, ни другая, в которой послов извещали о заключении договора с курфюрстом²⁴⁶, вряд ли могли вызвать у «великих» послов подобную реакцию. Возможно, гонец привез известия о тяжелом положении русских войск под Ригой. На день позже, 8/18 октября, получили новые инструкции комиссары Речи Посполитой²⁴⁷.

На встрече, состоявшейся 9 октября, комиссары сообщили о принципиальном согласии короля и панов рады избрать Алексея Михайловича или его сына преемником Яна Казимира при условии, «будет великий государь его царское величество изволит поступитца к Коруне Полской и к Великому княжеству Литовскому городов и земель по Поляновскому договору», т. е. царь должен был отказаться от всех земель, занятых русскими войсками во время военных кампаний 1654–1655 гг., и от протектората над Запорожским Войском. К тому же указывалось, что земли Великого княжества Литовского следовало «отдать... комиссаром ныне вскоре»²⁴⁸. Тайно встретившийся в тот же день с великими послами один из дворян литовского посольства Ян Корсак сообщил, что именно такие инструкции получили комиссары, «а болши, де, того поступатца отнюдь не велено»²⁴⁹.

На следующий день, 10 октября, комиссары передали «великим» послам полный текст условий, на которых царь может быть избран будущим польским королем. Условия предусматривали, что царь при жизни Яна Казимира не должен вмешиваться во внутреннюю жизнь Речи Посполитой, что под властью царя в буду-

244 Русская и украинская дипломатия... С. 205.

245 Сборник Муханова... С. 530.

246 Русская и украинская дипломатия... С. 206–207.

247 Там же. С. 172.

248 Там же. С. 172.

249 Там же. С. 173.

щем должны сохраняться все традиционные институты и нормы права Польско-Литовского государства. На царя текст «статей» налагал следующие обязательства: «завоеванные поветы Речи Посполитой ныне тотчас уступить... как были перед войною», содействовать «успокоению» запорожских казаков, то есть их возвращению в состав Польско-Литовского государства, способствовать возвращению Ливонии в состав Речи Посполитой и вообще оказывать ей военную помощь против неприятелей²⁵⁰.

Отчет о встречах 9 и 10 октября и текст «статей» «великие» послы немедленно отправили царю. Царь, находившийся в походе, получил эти сообщения 12 и 13 октября²⁵¹. В сложившейся ситуации трудно было ожидать, что Речь Посполитая согласится принять русские условия мира, а средствами давления на нее русское правительство не располагало. Правда, царь и его советники предлагали «великим» послам, чтобы добиться своей цели, дать комиссарам крупную взятку («тысяч пятьдесят или шездесят и болши»), но, по-видимому, они сами слабо верили в успех такой попытки. В конечном итоге «великим» послам предписывалось, если не удастся договориться, заключить с комиссарами соглашение, которое предусматривало бы договоренность о прекращении военных действий («войне не быть») и обязательство обеих сторон не вести сепаратных переговоров о мире со Швецией. Что касается главного обсуждавшегося вопроса, царь предлагал направить в Варшаву «по зимнему пути» своих «великих» послов, чтобы в польской столице продолжить обсуждение условий избрания²⁵².

После неудачи под Ригой перспективы дальнейшей войны со Швецией выглядели неясными. Нельзя было допустить втягивание страны в войну на два фронта. Этому должно было помешать заключение перемирия с Польско-Литовским государством. Вместе с тем для России был опасен и преждевременный выход Речи Посполитой из войны. Этому должно было помешать внесенное в соглашение обязательство сторон не заключать сепаратного мира. В сложившейся ситуации решение вопроса об условиях, на которых Алексей Михайлович мог бы занять польский трон, приходилось отложить в надежде на то,

250 Там же. С. 173–175.

251 Там же. С. 207.

252 Там же.

что обстоятельства в дальнейшем заставят польско-литовскую сторону принять русские предложения.

Пока подготавливались и были доставлены «великим» послам эти новые указания, под Вильно продолжались переговоры. Русская сторона полностью приняла предложения польско-литовской стороны о сохранении под властью царя всех традиционных институтов и норм, включая право свободной элекции²⁵³. Предметом обсуждения стали вопросы о вероисповедании государя, о судьбе Брестской унии, о положении православных в Польско-Литовском государстве. В ответ на предложения русской стороны, изложенные в наказах и дополнительных инструкциях, комиссары Речи Посполитой предлагали, чтобы царь «по ссылке с папою и с патриархом» созвал собор «о соединении греческие и римские веры». В дальнейшем решение этих вопросов было отложено до рассмотрения на сейме²⁵⁴.

На первый план в ходе переговоров выдвинулся вопрос о судьбе «Малой» и «Белой» Руси. Судя по записям, сделанным К. Бжостовским, комиссары 18 октября заявили, что «готовы окончить дело лишь бы только они получили от царя декларацию касательно возвращения отторгнутых земель»²⁵⁵. Русская сторона, однако, не шла на такие уступки²⁵⁶. Стороны в этом вопросе упорно держались своих позиций и переговоры фактически зашли в тупик.

В таких условиях не оставалось другого выхода, как добиваться соглашения на тех условиях, которые были указаны в царской грамоте²⁵⁷. На встрече, состоявшейся 20 октября, «великие» послы и выступили с предложением заключить соглашение о перемирии и совместных действиях против шведов, а решение вопросов об условиях мира и условиях избрания царя на

253 Это отметил К. Бжостовский в дневнике переговоров в записи под 16/26 октября (Сборник Муханова... С. 535).

254 Русская и украинская дипломатия... С. 181, 186. См. также записи К. Бжостовского (Сборник Муханова... С. 534–535).

255 Сборник Муханова... С. 536.

256 О переговорах по этому вопросу см. подробнее: *Флоря Б.Н.* Украинский вопрос на переговорах под Вильно в 1656 г. // *Украина и соседние государства в XVII веке.* СПб., 2004. С. 165–166. О последнем этапе переговоров см. также: *Иванов Д.И.* Восточная политика... С. 168–188.

257 «Великие» послы получили ее 17 октября.

польский трон «отложить до иного времени»²⁵⁸. В ответ на это комиссары пригрозили разрывом переговоров и возобновлением войны²⁵⁹. Говоря о «великих» послах, К. Бжостовский отметил, что после сделанного заявления «заметили в них большое смущение»²⁶⁰.

Понимая необходимость заключения перемирия, Н.И. Одоевский прибег к маневрам, которые должны были побудить польско-литовскую сторону к заключению соглашения и продолжению переговоров. По свидетельству К. Бжостовского, 21 октября, встретившись с посланцем комиссаров «паном судьей Ошмянским», Одоевский и дьяки, «удалив свидетелей», заверяли его, «что все будет возвращено лишь бы только повидатца им с царем»²⁶¹. 22 октября об этом же говорил комиссарам перешедший на русскую службу литовский шляхтич Ермолич²⁶². Характерно, что эти эпизоды не получили никакого отражения в русском статейном списке, что показывает, что русская сторона рассматривала такие высказывания как сугубо неофициальные, ни к чему не обязывающие русскую сторону.

Судя по записи Бжостовского, вопрос о возможных уступках с русской стороны затрагивался и на заседаниях, состоявшихся 23–24 октября, но уже в ином контексте. Так, Одоевский предлагал шляхте и магнатам вернуться в свои имения на запад от Березины, если комиссары дадут обязательство, что на сейме Алексей Михайлович будет избран преемником Яна Казимира²⁶³. Бжостовский так подвел итоги этому этапу переговоров: «как с нашей стороны невозможно было, допустив избрание, согласиться на уступку Смоленска и Северской земли, так равно и от них для простого перемирия не могли мы вынудить уступки не только по Березину, но и по Неман»²⁶⁴.

Если русскому правительству не удалось добиться своих целей, то и планы политической элиты Речи Посполитой выйти из кризиса без потерь и опираясь на поддержку России оказались нереальными. Хотя комиссары Речи Посполитой и угрожали

258 Русская и украинская дипломатия... С. 187.

259 Там же; Сборник Муханова... С. 538.

260 Там же.

261 Там же.

262 Там же. С. 538–539.

263 Там же. С. 540.

264 Там же. С. 541.

разрывом мирных переговоров, в действительности Польско-Литовское государство было заинтересовано в мирной передышке в бóльшей степени, чем Россия. Условия соглашения, которые предлагала русская сторона, ее также вполне устраивали. Если царь и его советники были заинтересованы в том, чтобы Речь Посполитая вела войну со Швецией, то Ян Казимир и сенаторы в еще бóльшей степени были заинтересованы в том, чтобы Россия продолжала войну со Швецией, тем более, что мирные переговоры с последней оказались безрезультатными.

В таких условиях в течение двух дней (23–24 октября) был выработан и одобрен сторонами текст соглашения. Соглашение предусматривало, что для продолжения переговоров об избрании Алексея Михайловича на польский трон будет созван сейм, на который придут русские «великие» послы. На время до окончания этих переговоров между сторонами прекращаются всякие военные действия. Одновременно обе стороны взяли на себя обязательство «с... королем шведским с обеих сторон не миритца» и «с обеих сторон воевать» против Карла Густава и его союзника бранденбургского курфюрста («князя прусского»), если он «Речи Посполитой не покоритца» и не станет помогать царю и королю в войне со шведами. Особое условие обеспечивало для войск Польско-Литовского государства возможность в случае военной необходимости свободного прохода через земли Великого княжества Литовского, занятые русскими войсками «без шкоды и без выбирания стацей» (расходов на свое содержание)²⁶⁵.

Таким образом, Виленский договор, заключенный 24 октября 1656 г., был соглашением не только о перемирии, но и о союзе обоих государств против Швеции, хотя условия такого союза не были сколько-нибудь четко определены. В этом, очевидно, не были заинтересованы обе договаривающиеся стороны.

Переговоры под Вильно составляли лишь часть, хотя, конечно, наиболее важную, контактов «великих» послов с представителями политической элиты Речи Посполитой. Параллельно с ними «великие» послы вели оживленные переговоры с подскарбием и польным гетманом Великого княжества Литовского Винцентом Госевским. В рядах политической элиты

265 Русская и украинская дипломатия... С. 189–190; Полное собрание законов Российской империи... Собр. I. Т. 1. № 193.

Великого княжества — литовских магнатов Госевский занимал особое место²⁶⁶. Среди магнатов Великого княжества он был человеком новым. Лишь его отец, знаменитый участник событий Смуты Александр Госевский, сумел своей усердной службой Сигизмунду III добиться места воеводы смоленского, сенаторского кресла, что положило начало политической карьере этой семьи. Как «человек новый» в рядах правящей элиты В. Госевский стремился обеспечить себе расположение двора, который он поддерживал в его противостоянии могущественной семье биржанских Радзивиллов. Сам пост польного гетмана В. Госевский получил для того, чтобы противостоять влиянию великого гетмана Януша Радзивилла. Это привело, как уже отмечалось, к его аресту и передаче его шведским властям. Освободившись от шведского плена, он осенью 1656 г. взял на себя командование выступившим против шведов «жмудским войском» и развернул на границе с Восточной Пруссией активные военные действия против шведов и войск бранденбургского курфюрста. В это время он вместе со своим близким родственником К. Пацем возглавлял приверженцев «двора» в политической элите Великого княжества. Однако ориентацией на интересы «двора» особенности его политической позиции далеко не исчерпывались.

Владения, которые своей службой приобрел Александр Госевский и которые служили основой могущества и влияния семьи, находились, главным образом, на территории Смоленской земли. После военных кампаний 1654–1656 гг. все они оказались под русской властью. Правда, В. Госевский, освободившись из плена, занял вместе с «жмудским войском» владения Януша Радзивилла на территории Жемайтии, конфискованные за измену, и поселился в одной из его резиденций — Кейданах. Это было, однако, лишь временным решением. Возвращение смоленских владений было для польного гетмана необходимостью для сохранения своего высокого положения в обществе. Между тем было мало надежд на то, что Смоленская земля будет возвращена в состав Речи Посполитой путем войны. Мирные предложения на переговорах 1656 г. показывают, что правящая элита Польско-Литовского государства была готова примириться с ее утратой. Одним из возможных решений было попытаться

266 См. его биографию, написанную А. Пшибосем: *Polski słownik biograficzny*. T. VIII/3. Kraków, 1960. S. 343–347.

сохранить за собой владения и в условиях, если Смоленская земля останется под русской властью²⁶⁷. Отсюда — стремление установить контакты с русскими властями и показать им свою ценность.

Первые контакты с русскими властями гетман пытался установить уже в августе 1656 г., отправив своего посланца к гродненскому воеводе Богдану Апрелеву. В отправленном с посланцем письме речь шла, прежде всего, о конкретных вопросах, возникавших в ходе ведения военных действий против шведских и прусских войск. Он просил, чтобы воеводы соседних городов помогали его войскам в борьбе со шведами и пруссаками, может быть, посылая к нему шляхту, которая служит царю. Речь шла и о пропуске через территории, находящиеся под русской властью, войск, которые гетман посылает в Жемайтию и в Ливонию. Однако уже в этом письме говорилось о том, что гетман всегда заботился об установлении мира между Россией и Речью Посполитой и что он выступает против сторонников мира со Швецией. Говорилось в нем также о «великих секретах и тайных пунктах», которые гетман хотел бы сообщить какому-либо доверенному лицу царя²⁶⁸.

В ответ на эти предложения Алексей Михайлович 25 августа предложил «великим» послам направить такого доверенного человека к обоим литовским гетманам, Павлу Сапеге и Винценту Госевскому, с предложением перейти под власть царя. От имени царя такой посланец должен был обещать гетманам и шляхте разные «милости», подтверждение их прав, возвращение владений и пожалование новых «свыше королевского». Таким образом, уже после начала переговоров под Вильно была предпринята очередная попытка добиться мирного перехода остатков Великого княжества Литовского под русскую власть, тем самым был бы снят вопрос о Литве, как участнице будущих соглашений. Вместе с тем, учитывая, что такая попытка могла и не привести к успеху, особенно в условиях, когда мирные переговоры уже начались, составители грамоты сформулировали для такого посланца и программу-минимум: гетманы и шляхта должны были обещать,

267 26 сентября н. ст. он писал К. Бжостовскому, что можно согласиться на временную уступку отдельных территорий, но чтобы шляхта при этом получила возможность пользоваться своими владениями (*Kubala L. Wojna brandenburska... S. 49*).

268 Русская и украинская дипломатия... С. 210–211.

что на будущем сейме они будут поддерживать решения о избрании Алексея Михайловича будущим польским королем²⁶⁹.

Посланец, поручик Данила Ильфов, был отправлен к гетману Госевскому 18 сентября 1656 г. Как видно из сделанной им записи переговоров, вопрос о переходе гетманов со шляхтой под власть царя не обсуждался. На первый план выдвинулся вопрос об избрании Алексея Михайловича на польский трон. Гетман выражал пожелание, чтобы переговоры об избрании царя «на комисие», т. е. на переговорах под Вильно, велись тайно, чтобы избежать преждевременной враждебной реакции соседних государств²⁷⁰. Он обращал внимание посланца на то, что в Речи Посполитой есть сторонники других претендентов на польский трон — австрийского, трансильванского.

Особый интерес для царя и его советников должны были представлять сообщения гетмана о существовании тайной договоренности между ним и некоторыми польскими сенаторами о избрании Алексея Михайловича на польский трон. «То, де, мы, — записал Д. Ильфов слова гетмана, — зделаем тайно, прибрав войско к рукам, и учнем в то время смелее говорить с теми своевольники». Гетман также выражал желание лично посетить царя, чтобы сообщить ему «обо всем добром деле»²⁷¹. Тем самым перед русским правительством вырисовывалась еще одна возможная перспектива при решении вопроса о судьбе польского трона — подавление оппозиции с помощью подчиненного гетманам войска. Неудивительно, что в этих условиях вопрос об отношениях с гетманами стал приобретать для царя и его советников особое значение. Неудивительно, что в царских грамотах «великим» послам им предписывалось поддерживать сношения не только с Госевским, но и с Сапегой²⁷².

Как отмечено в статейном списке посольства, по окончании переговоров «великие» послы отправили к гетманам гонцов с

269 Там же. С. 211–212.

270 В письме К. Бжостовскому гетман выражал опасение, что избрание царя приведет к конфликту с такими соседями, как Австрия, Трансильвания и Швеция. Поэтому, по его мнению, следовало сначала добиться нейтрализации трансильванского князя с помощью Крыма или Османской империи и вступления Австрии в войну со Швецией (*Kubala L. Wojna brandenburska... S. 49*).

271 Русская и украинская дипломатия... С. 214–215.

272 Там же. С. 212.

сообщением о заключении договора и просьбой, чтобы они «государю послужили», содействовали принятию сеймом решения о избрании Алексея Михайловича. При этом гонцам «государевым жалованьем велели их обнадеживать самым большим»²⁷³.

31 октября находившегося в Полоцке царя известил об итогах переговоров гонец «великих» послов Денис Остафьев²⁷⁴. Какова была официальная оценка итогов переговоров, показывают записи в дневнике царского похода. Так, 2 ноября во время молебна в Св. Софии «здравствовали государю царю Питирим митрополит с священным собором и бояре, и окольные, что обрали ево, государя, на Коруну Полскую и Великое княжество Литовское»²⁷⁵. Таким образом, согласно официально провозглашенной точке зрения под Вильно якобы состоялось принципиальное решение о избрании Алексея Михайловича на польский трон. Однако, как представляется, царь и его советники, как видно из указаний, направлявшихся «великим» послам, отдавали себе отчет в том, что эта официальная оценка была далека от действительности.

После событий, происходивших летом — осенью 1656 г., перспективы дальнейшего развития событий не вырисовывались достаточно ясно на обоих главных в то время направлениях русской внешней политики. В войне со Швецией были достигнуты определенные успехи, окончательно поставлен под контроль русской власти важный торговый путь по Западной Двине, но главные морские порты на Балтийском побережье оставались опорными пунктами шведской власти в Прибалтике. Снова стало ясно, как и в годы Ливонской войны, что, не обладая флотом, овладеть этими портами невозможно. Конечно, можно было бы ожидать, что, поскольку война на территории Польши затягивается, Карл Густав может быть вынужден пойти на уступки, но согласится ли он на такие уступки, чтобы у Русского государства появился надежный обеспеченный выход к Балтийскому морю? Меры, принятые Карлом Густавом для защиты Риги, должны были предостерегать от чрезмерного оптимизма на этот счет.

273 Там же. С. 192.

274 См. дневник похода Алексея Михайловича: РГАДА. Ф. 27. № 6. Ч. 3. Л. 259об.

275 Там же. Л. 260об.

Текст соглашения, заключенного под Вильно, также не включал обязательств выбрать царя преемником Яна Казимира. Польско-литовская сторона обещала только созвать сейм для обсуждения этого вопроса и принятия решения, но оставалось неизвестным, каким оно будет. В еще большей мере оставалось неизвестным, на каких условиях магнаты и шляхта Польско-Литовского государства могут согласиться избрать Алексея Михайловича будущим польским королем. Те условия, которые выдвигались на мирных переговорах, были для русской стороны совершенно неприемлемы. Конечно, царь и его советники рассчитывали, что разоренная и ослабленная долголетней войной страна, у которой в борьбе со шведами не было других союзников кроме России, в конце концов примет на сейме русские условия, но добиться такого решения оказывалось гораздо более сложным и трудным делом, чем это казалось в августе 1656 г.

Одним из результатов смены курса и решения о заключении перемирия с Речью Посполитой стало серьезное осложнение отношений между русским правительством и Богданом Хмельницким. Это осложнение наступило в условиях, когда польско-литовская дипломатия прилагала серьезные усилия, чтобы испортить отношения между гетманом и царем.

Если с царем на переговорах в Вильно рассчитывали добиться соглашения, то Хмельницкого в Речи Посполитой (не без оснований) рассматривали как врага, который стремится к организации направленной против этого государства коалиции с участием Швеции. Поэтому в инструкции комиссарам от 18 августа н.ст. Ян Казимир предписывал им добиваться, чтобы царь приказал Хмельницкому прервать переговоры с Карлом Густавов и Дьердем II Ракоци²⁷⁶.

К выполнению этой задачи комиссары приступили уже на встрече 18 августа, когда они сообщили «великим» послам, что гетман ищет поддержки шведского короля и трансильванского князя. Они пояснили при этом, что, поскольку между Алексеем Михайловичем и Яном Казимиром «чинитца згода», то гетман, «опасаясь на себя за свою измену всякого зла, хочет от его царского величества отстать и пристать либо к шведу или

276 Kubala L. Wojna brandenburska... S. 33.

к Ракоцему»²⁷⁷. Таким образом, сообщения о таких переговорах были связаны с обвинениями, что, опираясь на поддержку этих государей, гетман хочет разорвать свое соглашение с Россией. Эти обвинения по адресу гетмана были повторены на встрече 24 сентября²⁷⁸. Стремясь подкрепить свои обвинения конкретными доказательствами, комиссары 7 сентября передали Н.И. Одоевскому и его товарищам тексты грамот Карла Густава Хмельницкому от 22 февраля и 23 июля 1656 г.²⁷⁹. Во втором из этих документов, написанном, когда уже полным ходом шла война между Россией и Швецией, король предлагал Хмельницкому прислать послов для заключения с ним договора о союзе и совместных военных действиях. Ряд обвинений по адресу гетмана был выдвинут во время пребывания А.И. Нестерова в Речи Посполитой. Так, о заключении союза Хмельницкого с Ракоци и правителями Дунайских княжеств говорил гонцу генеральный староста Жемайтии Е.К. Глебович, обращая внимание на то, что Ракоци и господа могут убедить гетмана «изменить» царю²⁸⁰. В кампанию эту включился затем и сам Ян Казимир. По его указанию гонцу вручили «письмо», присланное из шведского лагеря, в котором говорилось об отправке Карлом Густавом на Украину посла, чтоб «казаков перезвал к свейскому королю»²⁸¹. На встрече с гонцом 16 октября и сам Ян Казимир говорил о том, что у Хмельницкого находятся шведские послы и он может «изменить» царю, как он «изменил» ранее королю, крымскому хану и султану²⁸².

Цели, которые преследовали при этом польско-литовские политики, очевидны. Ближайшая цель заключалась в том, как об этом говорилось в инструкции комиссарам, чтобы царь помешал Хмельницкому присоединиться к таким противникам Речи Посполитой, как Швеция и Трансильвания. Но имелась в виду при этом и другая цель. Убедившись в «ненадежности» гетмана,

277 Русская и украинская дипломатия... С. 155.

278 Там же. С. 171.

279 Там же. С. 195. Переводы этих грамот см.: Документы эпохи Богдана Хмельницкого 1656 и 1657 гг. извл. из Главного Московского Архива Министерства Иностранных дел. Собр. И. Каманиным. Киев, 1911. № III. С. 29 и сл.

280 Русская и украинская дипломатия... С. 218.

281 Там же. С. 220.

282 Там же. С. 224.

царь скорее согласился бы на возвращение Запорожского Войска под власть Речи Посполитой.

Действуя таким образом, польско-литовские политики стремились одновременно восстановить против русского правительства руководителей гетманства. О шагах, предпринятых комиссарами во время переговоров, важное свидетельство сохранилось в записи бесед И. Выговского с русским послом Бутурлиным в мае 1657 г. Комиссары «под сумнением» (т. е. принеся присягу) сообщили казацким послам, что по заключенному договору Войско Запорожское должно вернуться в состав Речи Посполитой, а если не захочет, то царь должен будет, «случась с ляхами, Войско Запорожское бить»²⁸³. Позднее Хмельницкому был прислан «фальсификат» соглашения, якобы заключенного под Вильно. В нем указывалось, что в первый год после своего избрания царь обязан уладить вопрос о возвращении Запорожского Войска в состав Речи Посполитой на съезде с участием гетмана и казаков. Король даст казакам амнистию, но «обыватели» Речи Посполитой должны вернуться в свои владения, а казаки уйти «за межи, написанные в статьях Белоцерковских» — договоре 1651 г., когда гетманство должно было быть ограничено территорией Киевского воеводства²⁸⁴. Цель этих шагов очевидна — привести свидетельства о происшедшем якобы отказе русского правительства от Украины, внести разлад в русско-украинские отношения и заставить Хмельницкого, оказавшегося как бы в безнадежной ситуации пред лицом двух объединившихся больших держав, искать соглашения с Речью Посполитой²⁸⁵.

В отношениях с русскими политиками польско-литовская сторона не смогла добиться успеха. Сигналы о «ненадежности» гетмана не произвели на царя и его советников впечатления. Это показывает содержание наказа А. Лопухину, отправленному в декабре 1656 г. в Чигирин с официальным сообщением о резуль-

283 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее: АЮЗР). Т. 3. СПб., 1861. С. 556.

284 См. текст «фальсификата», привезенный в Москву с Украины А. Лопухиным: АЮЗР. Т. 8. СПб., 1875. С. 397–398.

285 Как рассказывал позднее Бутурлину отец Ивана Выговского, казакам предлагали поторопиться, «покаместа еще пакты не заварятся с послами царского величества», «а только ныне милосердия не упроят, то уж, случась с войсками царского величества, яко израйцов, всех посекут» (АЮЗР. Т. 3. С. 555–556).

татах переговоров под Вильно. В этом документе ничего не говорилось о каких-либо контактах Карла Густава с Хмельницким, а что касается Ракоци, то царь советовал гетману поддерживать с ним дружеские отношения²⁸⁶.

Более эффективными оказались шаги, адресованные украинской стороне, хотя достигнутый результат не соответствовал тому, на который рассчитывали польско-литовские политики. Отчасти это было связано с тем, что послы Хмельницкого были отстранены от участия в русско-польских переговорах. Как и почему это произошло, во многом остается неясным. Можно высказать лишь некоторые предположения на этот счет. В своей грамоте царю гетман писал, что отправляет своих послов в царскую ставку под Ригой, чтобы они получили от царя «указ, как ся имеет справливаться на съезде»²⁸⁷. В царской ставке это, очевидно, поняли так, что гетман предоставляет на усмотрение царя, должны ли и в какой форме участвовать в переговорах его послы. В своей грамоте от 13 сентября, извещая «великих» послов о приезде к ним посланцев гетмана, царь не дал им никаких указаний относительно участия посланцев в переговорах²⁸⁸. Этот вопрос, очевидно, предоставлялся на усмотрение «великих» послов. Предпринятые ими действия привели, как известно, к недоразумениям и конфликтам.

Информацию о них мы черпаем из «Дневника» К. Бжостовского. Казацкие послы прибыли под Вильно с Кириллом Пушиным 18 сентября²⁸⁹. После этого состоялись встречи 20 сентября, затем 24 сентября, а затем 6/16 октября²⁹⁰. В связи с этой последней встречей К. Бжостовский отметил в своем «Дневнике», что «казакам очень не понравилось, что москвитяне приказали им выйти из комнаты»²⁹¹. Позднее в записи о встрече 9/19 октября он зафиксировал, что «казаки ужасно рассердились на москвитян за то, что не хотели их принять»²⁹². В мае 1657 г. И. Выгов-

286 АЮЗР. Т. 8. С. 386–387.

287 Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Ч. 1. М., 1998. С. 264.

288 Русская и украинская дипломатия... С. 203–204.

289 Там же. С. 167.

290 Там же. С. 167, 170, 171.

291 Сборник Муханова... С. 529.

292 Там же. С. 531.

ский жаловался на то, что «великие» послы не только не советовались с запорожскими посланцами, и не впускали их в польский шатер, где велись переговоры, но и держали их «до шатровых поль задалеко»²⁹³. Московская версия произошедшего была иной. А. Лопухин должен был разъяснять, что казацких посланцев просили покинуть шатер, когда по предложению посредников — австрийских послов — в определенный момент переговоров в шатре остались только «великие» послы и комиссары, а посольские дворяне обеих сторон должны были выйти²⁹⁴. Даже если московская версия была ближе к истине, все равно следует констатировать, что та часть переговоров, где решались наиболее важные вопросы, протекала без участия посланцев гетмана. В такой обстановке у посланцев стали возникать подозрения, что на этих секретных совещаниях готовятся какие-то соглашения, направленные против Войска Запорожского. Наместнику Виленского Духова монастыря Дорофееву посланцы так и говорили, что «великие и полномочные послы говорят с нашим неприятелем, с польскими комиссары, а нас... к тому не призывают... и то, де, знатно, что мыслят на нас заодно»²⁹⁵. В таких условиях «доверительные» сообщения комиссаров попадали на уже подготовленную почву. Русские власти совершили в дальнейшем еще один промах. «Великие» послы после окончания переговоров известили Хмельницкого о заключении перемирия²⁹⁶, но, по-видимому, ничего не сообщили о его условиях. Не привезли с собой таких официальных сведений и вернувшиеся послы гетмана²⁹⁷.

На Украине с растущим беспокойством следили за происходившими событиями. Переговоры затягивались, посланцы не возвращались, и это вызывало тревожные слухи. Киевский воевода А. Бутурлин сообщал в Москву о раде, собравшейся в Чигирине в начале октября. Участники рады выражали беспокойство в связи с тем, что посланцы гетмана все не возвращаются, и боялись, что они «задержаны». Высказывались и предположения, что «великий государь указал их по-прежнему польскому коро-

293 АЮЗР. Т. 3. С. 556.

294 АЮЗР. Т. 8. С. 388.

295 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 6–7.

296 Русская и украинская дипломатия... С. 192.

297 Как говорил И. Выговский А. Лопухину, «писма, де, с ними к гетману никакова не прислали» (АЮЗР. Т. 8. С. 393).

лю отдать»²⁹⁸. Когда посланцы гетмана вернулись и собралась рада, они сообщили, что они узнали от комиссаров, после чего оборот дел принял драматический характер. Как рассказывал впоследствии О. Выговский, на раде полковники выражали свое возмущение принятыми под Вильно решениями, а гетман заявил, что, чтобы не допустить возвращения Войска Запорожского под власть Речи Посполитой, он готов принести присягу даже «бусурманскому» государю²⁹⁹.

Еще не зная об этом, в Москве в декабре 1656 г. предприняли важный шаг для успокоения украинских политиков и сглаживания обозначившихся разногласий. 18 декабря датирован наказ отправленному в Чигирин А. Лопухину. Он должен был информировать гетмана и старшину о подлинном содержании заключенных под Вильно соглашений, которые ни в чем не ущемляли интересов гетманства, и тем самым положить конец распространявшимся слухам. Другая важная задача состояла в том, чтобы привлечь представителей гетмана к участию в продолжении русско-польских переговоров. Посланец должен был запросить у гетмана сведений о том, какова должна быть граница «черкасских городов и Коруны польской». При этом ему предписывалось лишь получить сведения от украинских политиков, а «их речей не переговаривать». Вместе с тем он должен был, даже если гетман не станет об этом говорить, просить Хмельницкого прислать «людей знатных и умных» для участия в посольстве, которое будет отправлено Алексеем Михайловичем на сейм в Варшаву. Он должен был заверить гетмана, что казацкие послы «все будут ведать»³⁰⁰.

Как видим, в Москве предприняли большие усилия, чтобы снять напряженность в русско-украинских отношениях. Если этот шаг не привел к желаемому результату, то прежде всего потому, что причины наметившейся напряженности были гораздо более глубокими, чем вопрос об отношении к гетманским послам. Гетман продолжал расценивать положение, сложившееся на международной арене, совсем не так, как царь и его советники, и полученная официальная информация об итогах перего-

298 АЮЗР. Т. 3. С. 549.

299 См. об этом подробнее: *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Т. IX/2. Київ, 1931. С. 1250–1251.

300 АЮЗР. Т. 8. С. 386–387.

воров под Вильно не могла его успокоить. Получив еще до приезда А. Лопухина первые официальные известия на этот счет, он в грамоте царю от 9 декабря 1656 г. обращал внимание на то, что под Вильно русские дипломаты, по существу, ничего не добились. Как будто договоренность о выборе царя на польский трон достигнута, но «кто ведает, естли еще на сейме тот договор от всех чинов принят будет». Он выражал свое убеждение, что поляки «того договору николи не додержат» и заключили его только для того, «чтоб себе, мало отдохнув», приобрести союзников и возобновить войну с Россией³⁰¹.

Ясно, что гетман считал заключенный договор ошибкой, благодаря которой главный враг получил временную передышку, в которой он так нуждался. Следовать этой политической линии гетман не мог и не хотел.

Как показал, анализируя обширный круг источников, М.С. Грушевский, летом-осенью 1656 г., когда определилась смена русского внешнеполитического курса, Хмельницкий стремился к решению двух задач. С одной стороны, не порывая с Россией, он прилагал усилия, чтобы добиться изменения русской политики. Об этом уже было сказано достаточно много в предшествующем тексте. С другой стороны, стремясь к устранению опасности, грозящей со стороны Речи Посполитой, он стал укреплять связи с ее противниками. Главным из них летом-осенью 1656 г. был шведский король Карл Густав.

Правда, летом 1656 г. успешно завершились переговоры о союзе между гетманством и Трансильванским княжеством, но этот договор не вполне удовлетворял гетмана и полковников, так как не был прямо направлен против Речи Посполитой. Дьердь II Ракоци изъявлял желание выступить в качестве посредника при будущих переговорах Хмельницкого с Яном Казимиром³⁰². В этих условиях контакты с Карлом Густавом приобрели особое значение. Важный шаг гетман предпринял 13 июля 1656 г., отправив с миссией к шведскому королю своего известного дипломата, игумена Даниила. Сама по себе отправка посла к монарху, с которым Алексей Михайлович находился в состоянии войны, была нелояльным актом со стороны гетмана по отношению к своему сюзерену. Еще более предосудительной была цель

301 Документи Богдана Хмельницького... № 421. С. 548–549.

302 Грушевський М.С. Історія... С. 1298–1300.

миссии. В грамоте, которую игумен Даниил повез в шведский лагерь, гетман ясно дал понять шведскому монарху, что не окажет никакой помощи противникам Швеции³⁰³ (следовательно, и России). Еще более важные сообщения игумен Даниил сделал устно, сообщив о желании гетмана и казаков заключить союз с Карлом Густавом. Он даже заявил, что уже сейчас король мог бы рассчитывать на присылку 20 тыс. казаков, а к весне к нему на помощь придет 100-тысячное войско³⁰⁴. Нетрудно видеть, что уже летом 1656 г. политика Хмельницкого резко разошлась с русским внешнеполитическим курсом.

Когда в конце августа 1656 г. состоялась встреча шведского короля с игуменом Даниилом, этот монарх находился в довольно сложном положении. Хотя в трехдневной битве под Варшавой соединенным силам Карла Густава и курфюрста Фридриха Вильгельма удалось нанести поражение армии Речи Посполитой и победители заняли польскую столицу, польская армия потерпела неудачу, но не была разгромлена. Уже во второй половине августа начались нападения польских войск на шведские отряды. Не в состоянии удерживать под своей властью занятую территорию, союзники двинулись на север — курфюрст в Кенигсберг, шведская армия — на земли королевской Пруссии. Именно в таких условиях состоялась встреча Карла Густава с игуменом Даниилом.

Шведский правитель, остро нуждавшийся в новых союзниках, чтобы добиться решающего перелома в ходе войны, сразу реагировал на новые открывавшиеся перед ним возможности. О планах Карла Густава, связанных с Украиной, дают достаточно полное представление инструкции для послов, которые должны были вместе с игуменом Даниилом направиться в Чигирин, и врученный им же проект договора³⁰⁵. Соглашение предусматривало заключение военно-политического союза между Швецией и гетманством. Сразу после подписания договора Хмельницкий должен выслать на помощь Карлу Густаву 20 тыс. казаков, а в случае необходимости выступить в поход со всеми своими силами. В шведской военной ставке полагали, что казацкое войско будет

303 Там же. С. 1278–1279.

304 Там же. С. 1282.

305 Подробный разбор этих документов см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1284–1289.*

помогать шведам в войне не только с Речью Посполитой, но и с Россией. (Кроме того, Хмельницкий должен побудить крымского хана разорвать союз с Яном Казимиром, а если это не удастся, помешать татарским войскам прийти к нему на помощь.) Со своей стороны Карл Густав обещал уступить гетманству часть земель на территории современной Западной Украины.

До отправки этого посольства в Чигирин дело так и не дошло. 14 декабря гетман с беспокойством писал Карлу Густаву, что после отправки к нему игумена Даниила он не имел от шведского монарха никаких известий³⁰⁶. Сношения между двумя государствами, которые разделяли земли, подчинявшиеся Яну Казимиру, и вступившая в войну со Швецией Россия сталкивались с серьезными трудностями. Вероятно, учитывая это, Карл Густав направил копии документов, подготовленных для посольства в Чигирин, своему резиденту в Трансильвании Готхарду Велингу, полагая, что ему, возможно, удастся скорее вступить в контакт с казацкими политиками³⁰⁷.

Вместе с тем возникшие трудности заставляли Карла Густава добиваться заключения и с Трансильванским княжеством союза, направленного против Яна Казимира и его сторонников в Польско-Литовском государстве. Решение этой задачи как раз и было возложено на Г. Велинга, прибывшего к двору Ракоци в середине августа 1656 г. В переговоры о создании коалиции противников Яна Казимира оказалось вовлеченным и казацкое посольство во главе с есаулом Иваном Ковалевским и писарем Иваном Грушей, которое прибыло в Трансильванию в сентябре для ратификации соглашения о союзе между Войском Запорожским и Дьердем Ракоци³⁰⁸.

Как показывает анализ инструкций, врученных послам³⁰⁹, неясность ориентации трансильванского князя заставила гетмана занять достаточно осторожную позицию. Он выражал готовность принять посредничество Ракоци при переговорах между Войском Запорожским и Речью Посполитой. В инструкциях также говорилось о переговорах под Вильно и что в Чигирине ожидают результатов этих переговоров. Вместе с тем в ин-

306 Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1295.

307 Там же. С. 1284.

308 Там же. С. 1301, 1304–1307.

309 Там же. С. 1302–1303.

струкциях очевидна и тенденция придать договору о союзе характер соглашения, направленного против Польско-Литовского государства. Вся ответственность за имевшие место в прошлом конфликты в самой категорической форме возлагалась на Речь Посполитую. Согласие на посредничество трансильванского князя сопровождалось важным замечанием, что гетману трудно верить в успех, так как поляки неоднократно нарушали заключенные с ними соглашения. Наконец, гетман выражал готовность предпринять совместно с князем общие действия для защиты православных и протестантов на территории Польско-Литовского государства от гонений со стороны католиков.

Хотя в документе Хмельницкий был назван гетманом «царского величества» и в нем выражалось пожелание, чтобы мир, который будет заключен при посредничестве Ракоци, был выгоден для царя, по существу, в нем нашла выражение та же политическая линия, расходившаяся с русским внешнеполитическим курсом, что и в его обращении к Карлу Густаву. Неслучайно в том же документе говорилось, что заключенный мир не должен принести ущерба и шведскому монарху.

В своей официальной части миссия посланцев Хмельницкого закончилась быстро и успешно. 7 сентября Дьердь II Ракоци подтвердил договор о союзе между Трансильванским княжеством и Войском Запорожским³¹⁰. К этому времени, однако, внешнеполитическая ориентация Трансильванского княжества изменилась, так как уже в сентябре полным ходом развернулись переговоры о союзе между Трансильванией и Швецией. Ко времени встречи Дьердя II с казацкими послами принципиальное решение о заключении такого союза уже было принято, и споры шли лишь о том, как именно территория Польско-Литовского государства будет поделена между Карлом Густавом и его союзниками Дьердем II Ракоци и курфюрстом бранденбургским Фридрихом Вильгельмом³¹¹. Поэтому на переговорах, судя по кратким известиям в донесениях шведских послов, был поднят вопрос об участии казацкого войска в будущей войне с Речью Посполитой.

Вопрос об участии казацкого войска в войне стал затем предметом переговоров трансильванского посла Ласло Уйлаки,

310 *Грушевський М.С.* Історія... Т. IX/2. С. 1307–1308.

311 Там же. С. 1305–1306.

посетившего Чигирин в октябре 1656 г., с советниками гетмана И. Выговским и П. Тетерею. Хотя в разговорах с послом И. Выговский говорил, что в Чигирине нет известий о результатах переговоров под Вильно, решение об участии в войне с Речью Посполитой в Чигирине приняли, не дожидаясь этих известий. В конце ноября Ракоци получил сообщение, что гетман направляет ему на помощь трех полковников с войском³¹². Оставалось договориться о сроках совместного выступления, что стало предметом дальнейших украинско-трансильванских переговоров³¹³.

Как отметил М.С. Грушевский, присоединение Хмельницкого к формирующейся коалиции ускорило заключение договора о союзе между Швецией и Трансильванией, подписанного 6 декабря 1656 г. Г. Велинг 22 декабря выехал в Чигирин, чтобы заключить договор о союзе между Карлом Густавом и Войском Запорожским³¹⁴. В январе 1657 г. под Белой Церковью стали собираться казаки Киевского, Переяславского и Белоцерковского полков, и это войско должно было направиться на соединение со вступившей на территорию Речи Посполитой армией Ракоци³¹⁵. Здесь она должна была встретиться со шведскими и бранденбургскими войсками. Тем самым от дипломатических акций, расхившихся с русским внешнеполитическим курсом, Хмельницкий перешел к военному сотрудничеству с противниками Польско-Литовского государства, среди которых главным был находившийся в состоянии войны с Россией Карл Густав.

С формированием антипольской коалиции из Трансильвании, Швеции, Бранденбурга и Войска Запорожского в Восточной Европе сложилась совсем иная политическая ситуация, и русское правительство тем самым оказалось перед необходимостью определить свою позицию в новых, существенно отличных от прежних условиях. Поскольку сам процесс формирования антишведской коалиции прошел (несмотря на имевшиеся предупреждения) мимо внимания русских политиков, такая необходимость возникла перед русским правительством лишь в первые месяцы 1657 г., когда союзники направили свои войска на территорию Речи Посполитой.

312 Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1311–1312.

313 Там же. С. 1312.

314 Там же. С. 1313.

315 Там же. С. 1318.

МОСКВА И ЛИТВА ПОСЛЕ ВИЛЕНСКОГО ДОГОВОРА

3 октября 1657 г. Д. Остафьев прибыл от «великих» послов в Полоцк к царю с сообщением, как было записано в дневнике царского похода, «о обранье великого государя» на польский трон. 2 ноября после молебна в Софийском соборе «здравствовали государю царю Птирим митрополит с священным собором и бояре, и окольнічьи, что обрали ево, государя, на Коруну Полскую и Великое княжество Литовское». Когда царь вышел из собора, к нему с речью на ту же тему обратился «шляхтич Храповицкой»¹. Несмотря на все эти торжества, царю и его советникам было ясно, что настоящее решение вопроса отложено, и будет ли Алексей Михайлович избран преемником Яна Казимира, выяснится лишь на сейме, который польско-литовская сторона обязалась созвать вскоре по окончании переговоров зимой 1656–1657 гг.

Подготовка к сейму началась еще до возвращения царя в Москву. 2 декабря из Вязьмы боярам в Москву был послан приказ подготовить в Посольском приказе наказ для посольства, которое будет направлено из Москвы на этот сейм. 7 декабря царь назначил послами на сейм Н.И. Одоевского, В.Б. Шереметева, Ф.Ф. Волконского и Алмаза Иванова².

В связи с созывом сейма важное значение приобретал вопрос о созыве сеймиков, которые должны были выбрать послов на сейм. Для правомочности решений сейма был необходим созыв сеймиков и на тех землях Великого княжества Литовского, которые находились под русской властью. Вопрос о том, как будет организована работа этих сеймиков, был поднят уже в конце

1 См. дневник похода царя Алексея Михайловича: РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). № 6. Ч. 3. Л. 259об., 260об.

2 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 44. Л. 3, 30–33.

ноября посланцем гетмана В. Госевского Я. Лосоцким. Он передал просьбу, чтобы, когда на этих землях будут созваны сеймики, гетманы Павел Сапега и Винцент Госевский, а также ошмянский староста Адам Сакович получили возможность приехать и принять участие в их работе³. Затем в более общем плане об этом стал говорить гонец комиссаров Ян Корсак, посетивший походную ставку Алексея Михайловича в начале декабря 1656 г. Корсак передал просьбу комиссаров разрешить в связи с подготовкой сейма созвать в поветах сеймики «под урядом его королевской милости». Одновременно он просил разрешить шляхтичам, которые не принесли присяги царю, приехать на эти земли, чтобы принять участие в работе сеймиков⁴. Таким образом, по представлениям польско-литовской стороны на землях, занятых русскими войсками, сеймики, следуя традиционной практике, должен быть созвать король, а для участия в их работе не присягнувшие царю шляхтичи должны были получить возможность вернуться в свои владения, т. е. и созыв сеймиков, и состав их участников должны были оставаться традиционными.

В царской ставке при обсуждении этого вопроса пришли к иному решению. В резолюциях думного дьяка Лариона Лопухина на поданные Яном Корсаком «статьи» было отмечено, что «до совершения доброго дела» (т. е. до избрания Алексея Михайловича польским королем. — Б.Ф.) царь не может разрешить не присягнувшим ему шляхтичам приезжать на земли, находящиеся под его властью, а что касается созыва сеймиков, то Корсаку было сообщено, что «государь указал послать свои государевы грамоты в поветы»⁵.

Таким образом, сеймики созывались по распоряжению царя, а в их работе могли участвовать только те шляхтичи, которые ранее принесли присягу царю. 12 декабря в Вязьме в походной ставке были подготовлены тексты соответствующих грамот. Информировав шляхту о результатах переговоров под Вильно, царь предписывал «учинить сеймики и выбрать поветовых послов дву человек», которые должны будут направиться на сейм,

3 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 42. Л. 6; № 43. Л. 26.

4 Там же. № 38. Л. 20–21. На переговорах с посланцем царя А.С. Матвеевым и гетман В. Госевский просил, «чтоб в те поветы вольно приехать шляхте без присяги всякому в свои повет в маестности для сеймиков» (Там же. № 37. Л. 177–178).

5 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 38. Л. 20–21.

когда получат соответствующие указания от «великих» послов. Выбранным послам царь предписывал «наказать накрепко, чтоб будучи... на соиме, о нашем великого государя о начальном деле о обрании... радели». Королевским посланцам, которые приедут с предложением о созыве сеймика, следует сообщить, что «по царского величества указу поветовые послы... готовы». Грамоты заканчивались предписанием сообщить царю имена послов и «что им в ынструкцию напишите»⁶.

Все это означало резкий разрыв с традиционными нормами политической жизни Речи Посполитой. Сеймики созывались по указу царя (а не короля — главы Польско-Литовского государства), в их работе могли участвовать только шляхтичи, присягнувшие царю, и им предписывалось, какие они должны принять решения. Не имело прецедентов в практике политической жизни Польско-Литовского государства и предписание сообщить царю содержание «инструкций», которые шляхта выдаст своим послам на сейм. По расчетам царя и его советников, избранные таким способом послы на сейме должны были стать на нем своеобразной «группой натиска» при решении вопроса об избрании царя на польский трон.

К 21 декабря царские грамоты в поветы были присланы в Витебск с предписанием разослать их в соответствующие места⁷. В соответствии с этим в Витебске и Орше соответствующие сеймики были созваны и приняли свои решения уже 27 января 1657 г., другие сеймики собрались 2 февраля⁸. Как показывает знакомство с материалами, отложившимися в архиве Посольского приказа⁹, большая часть собранных таким способом сеймиков выбрала послов и приняла угодные царю решения, предписав послам добиваться избрания Алексея Михайловича на польский трон. От этого правила отклонилась только инструкция шляхты Гродненского повета, в которой предписывалось

6 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 38. Л. 75–76 (экземпляр грамоты «воеводства Витебского полковником и ротмистром и всеи уроженои шляхте»).

7 Там же. № 33. Л. 10–12. № 34. Л. 53–54, 59.

8 См. сборник материалов, связанных с созывом сеймиков: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 4. Л. 11, 68, 96, 111, 159 и др.

9 Помимо материалов, вошедших в сборник, следует отметить текст инструкций послам от шляхты Ошмянского повета (Там же. № 2. Л. 195–197).

добиваться изгнания из Речи Посполитой «иноверцев» и оплаты содержания войску из доходов от имений тех, которые были «виною пагубы отчины»¹⁰. Некоторые сеймики ходатайствовали о выплате для избранных послов содержания из царской казны¹¹. Однако в некоторых поветах отказались следовать полученным предписаниям. Более дипломатичную форму избрал сеймик Слонимского повета. Шляхтичи просили у царя дополнительных указаний, как им следует выбирать послов на сейм¹². Более решительную позицию занял сеймик Волковыского повета, участники которого заявили, что «сейм... за грамотою короля его милости имеет быть»¹³. Однако возражения участников сеймика были связаны не только с этим. В своей грамоте, адресованной царю, они напоминали Алексею Михайловичу, что уже присылали своих послов в Вильно, и тогда они «к до[го]вору, ни к думе припущены не были» и так «стало великое безчестие супротив славы народу нашего». Участники сеймика выражали опасения, что их послы могут встретиться на сейме с таким же приемом¹⁴. В этих опасениях они не были одиноки. Новогрудский воевода Петр Вяжевич, один из немногих присягнувших царю литовских сенаторов, в своем письме к послам Новогрудского воеводства к царю просил передать Алексею Михайловичу свой совет, чтоб царь не посылал их на сейм, также напоминая о том, что «на прошлом Виленском съезде послов наших комиссары Речи Посполитой не приняли»¹⁵.

Основания для опасений были вполне реальными. Устраняя от участия в работе сеймиков «неприсягнувшую» шляхту, царь и его советники обеспечивали принятие нужных им решений, но это же обстоятельство в глазах участников сейма лишало эти решения законной силы. На это недвусмысленно указали власти Речи Посполитой, когда им стало известно о сеймиках, созванных царем. В инструкции, врученной королевскому посланнику Игнатию Банковскому в январе 1657 г., указывалось, что те, кто «chrest teraz sałują, wotować na electa nie mogą» (кто целует крест [царю. — Б.Ф.] голосовать о выборе не могут), так как они уже

10 Там же. № 4. Л. 187–188.

11 Там же. Л. 54–55, 255.

12 Там же. Л. 120.

13 Там же. Л. 96.

14 Там же. Л. 100.

15 Там же. Л. 275.

являются подданными царя. Соответственно у них нет и права выбирать послов на сейм. Польско-литовская сторона настаивала на праве короля созывать сеймики в соответствии с нормами, принятыми в Польско-Литовском государстве¹⁶. Назревавший конфликт между русской и польско-литовской сторонами не получил развития только потому, что до созыва сейма ни в начале 1657 г., ни позднее дело не дошло.

Вместе с тем мобилизацией «присяжной шляхты» для участия в работе сейма шаги, предпринятые русским правительством, не ограничивались. Важное место в его планах отводилось также магнатам и шляхте тех земель Великого княжества Литовского, которые оставались за рамками прямого воздействия русских властей.

В планах, касавшихся этой части дворянства Речи Посполитой, важное место отводилось гетману польному и подскарбию Великого княжества Литовского Винценту Госевскому. Его настойчивые обращения к «великим» послам не могли не привлечь к нему внимания царя и его советников. Сразу, как только закончились торжества по поводу «избрания», было принято решение направить к гетману В. Госевскому А.С. Матвеева¹⁷. Выбор для этой миссии человека, имеющего, правда, невысокий чин «стрелецкого головы», но пользовавшегося особым доверием царя, указывает на важное значение, какое этой миссии придавали. Ссылаясь на то, что еще во время «Потопа» В. Госевский «государские милости к себе искал», и на его обращения к «великим» послам А.С. Матвеев должен был поблагодарить за это гетмана от имени царя и предложить ему «служить» Алексею Михайловичу. А «о чем служить, — указывалось в одном из подготовленных материалов к его миссии, — и то ему, Артемону, в статьях написать»¹⁸.

«Статьи» эти сохранились и проливают свет на характер его миссии. Он должен был приводить войско во главе с гетманами «под его царского величества высокую руку и обнадеживать их его царским жалованьем». Предполагалось, что с этой целью в Полоцк будет прислано «сто тысяч золотых червонных и ефим-

16 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 11. Л. 118–119.

17 Врученная ему «верючая» грамота датирована 3 ноября (Там же. 1656 г. № 37. Л. 2–3).

18 Там же. Л. 13об.–14об.

ков», деньги и «государевы жалованные грамоты» (вероятно, грамоты на владения) следовало раздать гетманам, «чиновным людям» и «шляхте» после принесения присяги¹⁹. Образец текста присяги, данный А.С. Матвееву, показывает, какие обязательства должны были взять на себя гетман и войско.

Принесшие присягу обязывались «служить» Алексею Михайловичу и его сыну Алексею «верою и правдою безо всякого лицемерства», особенно они должны были добиваться избрания царя преемником Яна Казимира и «всю Речь Посполитую и рыцарство на то ж приводить с великим усердием»²⁰. Таким образом, эта группировка господствующего класса Речи Посполитой, принеся присягу царю, должна была стать еще одной «группой натиска» на сейме при обсуждении вопроса об избрании царя.

Вместе с тем, как видно из содержания заключительной части «образца», присяга должна была обеспечить царю повинование литовского войска и литовской шляхты и в иных ситуациях. Текст «присяги» предусматривал, что, если Ян Казимир будет отстранен от власти «бунтовством и заговором воровских людей» и согласится уступить царю свой трон, то принесшие присягу обязывались «с войском всю Речь Посполитую утверждать великого государя его царского величества под высокую руку», а какому-либо другому претенденту «вход загражать всеми силами»²¹.

Текст этого раздела присяги показывает, что готовность короля выполнять обязательства, взятые им по Виленскому договору, в Москве, по-видимому, сомнений не вызывала, но здесь совсем не исключали, что попытка сделать царя наследником Яна Казимира может привести к вооруженному мятежу сторонников другого претендента (имелся, вероятно, в виду кто-нибудь из Габсбургов). На этот случай русское правительство стремилось заручиться содействием литовского войска и литовской шляхты.

В ходе подготовки к отправке этой дипломатической миссии обсуждался и другой вариант, когда между Короной и Литвой «разделение учинитца», и в этом случае А.С. Матвееву следовало «приводить» Литву «под его царского величества высо-

19 Там же. № 43. Л. 3–4.

20 Там же. Л. 9–10.

21 Там же. Л. 10–11.

кую руку»²². У гетмана В. Госевского А.С. Матвеев должен был находиться «всегда без отлучения» и собирать разнообразную информацию²³. А.С. Матвеев должен был выяснить, следует добиваться избрания царя с помощью сенаторов или «одним войском»²⁴. Это поручение показывает, что в Москве не исключали и возможности того, что царь может утвердиться на польском троне, опираясь на поддержку войска, которому Алексей Михайлович выплатил бы то жалованье, которое оно никак не могло получить от властей Речи Посполитой.

Затрагивался в данных А.С. Матвееву указаниях и вопрос об условиях, на которых царь мог бы занять польский трон. Указания эти касались наиболее острого вопроса — вопроса о будущих границах двух соединенных под властью царя государств. Предполагая, что гетман выразит желание «служить» царю, царь и его советники предписывали А.С. Матвееву взять в этом случае с гетмана обязательство «наговаривать» сенаторов и шляхту «чтоб рубежу быть к Московскому государству по Березину и Полоцку и Витебску быть к Московскому государству»²⁵. Когда об этом зашла речь во время переговоров с гетманом, русский посланец добавил к сказанному: «а от Коруны Полские по Бог реку»²⁶. Таким образом, в Москве рассчитывали на то, что гетман В. Госевский сможет убедить шляхту и сенаторов согласиться на тот компромисс по вопросу о границах, который предложили русские «великие» послы на заключительном этапе переговоров под Вильно.

А.С. Матвееву поручалось также обсуждать с гетманом вопросы отношений двух государств к Швеции, Бранденбургу и Дании²⁷, но они имели по сравнению с главными целями миссии А.С. Матвеева второстепенное значение. Чтобы способствовать успеху миссии, гетману было послано царское «жалованье» — 7 сороков соболей стоимостью 700 руб.²⁸.

Как ни спешил А.С. Матвеев, ему удалось встретиться с гетманом лишь 30 ноября²⁹. Он еще не успел приступить к исполне-

22 Там же. Л. 2.

23 Там же.

24 Там же. Л. 6.

25 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 8.

26 Там же. Кн. 90. Л. 51.

27 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 5–6об.

28 Там же. Л. 2об.

29 Там же. Кн. 90. Л. 13 и сл.

нию своей миссии, когда в царской ставке, медленно двигавшейся по направлению к Москве, стали появляться одно за другим литовские посольства, с которыми царю и его советникам пришлось договариваться, еще не зная ничего о результатах миссии А.С. Матвеева.

Появление в царской ставке первого из этих посольств было спровоцировано неосторожными заявлениями Н.И. Одоевского на заключительном этапе переговоров под Вильно. Как отметил в своем дневнике Киприан Павел Бжостовский, 31 октября Одоевский и дьяки, встретившись с посланцем комиссаров В. Комаром, «клятвенно обещались, что все будет возвращено, лишь бы только повидаться с царем»³⁰. Позднее Одоевский снова обещал «с приездом своим (к царю. — Б.Ф.) все устроить»³¹. Правда, эти свидетельства К. Бжостовского не находят никакого соответствия в русской записи переговоров, но следует иметь в виду, что эти высказывания имели неофициальный характер, так как, по свидетельству самого К. Бжостовского, на официальных переговорах о них «и помину не было». Обещания, данные Одоевским, в дневнике затронуты в самом общем виде. Их конкретное содержание позволяют восстановить письма польско-литовских комиссаров в начале 1657 г., напоминавших о них своему русскому контрагенту. Судя по этим свидетельствам, Одоевский обещал, что шляхта сможет вернуться в свои владения на запад от Березины, не принося присяги, еще до созыва сейма, на котором будет решаться вопрос об избрании Алексея Михайловича на польский трон³². В письме К. Бжостовского Одоевскому говорилось об обещании послов, что, как только они приедут к царю, царь прикажет «уступить Княжества Литовского по Березинню без всяких статей и не дожидаясь сейму»³³.

Неудивительно, что сразу по окончании переговоров комиссары Речи Посполитой предприняли попытку добиться от царя выполнения этих обещаний. С этой целью они запаслись пись-

30 Рукопись Бростовского, содержащая в себе дневник, веденный на съезде под Вильно в 1656 г. // Сборник П.А. Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866. С. 538.

31 Там же. С. 539.

32 См. коллективное письмо комиссаров Н.И. Одоевскому от 29 января н. ст. 1657 г. (РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 10. Л. 112).

33 Там же. № 12. Л. 60–60об. (письмо К.П. Бжостовского от 2 мая 1657 г.).

мом от австрийских посредников, в котором те ходатайствовали, чтобы «для нашего всемилостивейшего цесаря и государя и для любви его поляком Великого княжества Литовского до Березы реки тотчас поступлено, понеж то от ваших великих послов обещано». Если такое обещание не будет выполнено, то, подчеркивали посредники, это будет «противно всех христианских и всяких народов обычаев»³⁴. Вместе с этим письмом посланец комиссаров Ян Корсак привез «статьи», содержавшие большой перечень предложений, адресованных Алексею Михайловичу³⁵.

Как и следовало ожидать, первым пунктом в этом перечне стояло предложение, чтобы царь вывел свои гарнизоны «залогии» с территории к западу от Березины. Ян Корсак должен был также просить, «чтоб изволил государь в бископии и в шляхетские маетности проезжать урядником хотя посмотреть»³⁶, и добиваться освобождения пленных в соответствии с врученным ему списком³⁷.

В особом письме на имя Н.И. Одоевского, врученном Яну Корсаку, комиссары ходатайствовали о прекращении осады Старого Быхова и чтобы в эту крепость был «вольный путь и проезд»³⁸. Среди предложений был и пункт о возвращении унитарам церкви в Вильно³⁹. Комиссары проявили заботы и о собственных интересах. Ян Корсак должен был ходатайствовать о возвращении владений всем представителям Великого княжества Литовского, участвовавшим в переговорах, а также целому ряду других лиц. Особую активность проявил при этом маршалок литовский К. Завиша, ходатайствовавший о передаче ему ряда владений, принадлежавших другим лицам — Кашпирской волости на Смоленщине, Белицы и двора в Вильно — бывших владений Януша Радзивилла. Кроме того, он просил освободить его владения от налогов. Чтобы расположить к себе царя, маршалок послал ему в подарок часы, принадлежавшие ранее Владиславу IV⁴⁰. Немалую предприимчивость обнаружил и сам

34 Перевод письма австрийских посредников от 4 ноября н. ст. см.: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 38. Л. 17–18.

35 Текст «статей» с резолюциями царя см.: Там же. Л. 19 и сл.

36 Там же. Л. 22.

37 Там же. Л. 23; Список пленных // Там же. Л. 30–31.

38 Там же. Л. 38 (датировано 10 ноября н. ст.)

39 Там же. Л. 21.

40 Там же. Л. 25–27.

посланец комиссаров Ян Корсак, просивший не только вернуть ему «полаты» в Вильно и земли в Полоцком и Бельском уездах и в Ошмянском повете, но и пожаловать ему Мигновичи на Смоленщине⁴¹. Эти факты показывают, что одна из главных целей миссии Я. Корсака состояла в том, чтобы, используя заинтересованность царя в поддержке литовских магнатов и шляхты на будущем сейме, добиться немедленного восстановления (в той или иной форме) литовской власти на землях на запад от Березины.

Царь и его советники оказались в достаточно сложной ситуации. Комиссары добивались от царя ряда важных уступок, обещая лишь, что они окупятся в будущем, и не давая никаких гарантий. Вместе с тем нельзя было безоговорочно отклонять все просьбы, чтобы не вызывать у будущих избирателей отрицательной реакции и не привести тем самым к провалу кандидатуры царя на сейме. Положение было тем более сложным, что у русского правительства не было каких-либо контактов с магнатами и шляхтой Короны и оно могло каким-то образом воздействовать на них лишь через магнатов и шляхту Великого княжества.

Как показывают ответы царя на «статьи», привезенные Я. Корсаком, в царской ставке договорились решение главных, принципиальных вопросов отложить до того времени, как определится результат работы сейма, и одновременно удовлетворить разного рода конкретные просьбы от значимых лиц, поддержка которых на сейме могла бы понадобиться. Неудивительно, что большая часть просьб общего характера была отклонена в той или иной форме. Так, царь отказался выводить свои гарнизоны до того, «как то доброе дело в совершенье придет». Не разрешил царь вернуться в свои владения шляхте, которая не принесла присяги⁴². Из общих просьб была удовлетворена лишь одна: царь разрешил шляхтичам «присылать урядников», чтобы познакомиться с состоянием их владений, но эти «урядники» должны были «стации (расходов на свое содержание) не имать и не владеть»⁴³.

Вместе с тем царь разрешил выпустить пленных, об освобождении которых ходатайствовали комиссары⁴⁴, и разрешил

41 Там же. Л. 32–33.

42 Там же. Л. 20–21.

43 Там же. Л. 22.

44 Там же. Л. 23.

комиссарам (но не другим шляхтичам) «своими именьями владеть и самим жить и урядников посылать»⁴⁵. Если Я. Корсаку были возвращены лишь его именья в Полоцком уезде и Ошмянском повете⁴⁶, то отношение к просьбам К. Завиши было гораздо более внимательным — он получил не только бывшие владения Януша Радзивилла, но и «соболей на триста рублей»⁴⁷. Царь разрешил также снять осаду с Быхова, приказал послать В. Госевскому 10 бочек пороху «безденежно» и «указал своим государевым ратным людем на шведа помогать»⁴⁸. Эти указания царя — еще одно свидетельство особой заинтересованности царя в установлении контактов с подскарбием и польным гетманом Великого княжества Литовского.

Не успели закончиться переговоры с Яном Корсаком, как в царской ставке стали появляться один за другим посланцы литовских гетманов. 28 ноября приехал в Витебск и 6 декабря в Вязьме был принят царем посланец гетмана В. Госевского полковник Казимир Жеромский, отправленный в царскую ставку еще до приезда к гетману А.С. Матвеева⁴⁹. Выбор в качестве посланца одного из наиболее видных и близких к гетману офицеров говорит о важном значении его миссии.

Официально он передал царю грамоту Яна Казимира, в которой сообщалось, что король поручил гетману «сослатца» с русскими воеводами для совместных действий против шведов⁵⁰, и грамоту гетмана сходного содержания⁵¹. Однако, когда начались переговоры К. Жеромского с доверенным лицом царя — Ф.М. Ртищевым⁵², вопрос об организации военных действий против шведов на них вообще не обсуждался. Правда, вопреки обычаю, за-

45 Там же. Л. 24.

46 См. резолюции царя на просьбы Корсака: Там же. Л. 32–33. Отказ вернуть владения в Бельском уезде мотивировался тем, что «Бельской уезд весь роздан прежним помещиком, дворяном и детям боярским царского величества».

47 См. грамоты Н.И. Одоевского К. Завише и царя виленскому воеводе: Там же. Л. 69–73.

48 Там же. Л. 22, 66–68 (письмо Н.И. Одоевского комиссарам от 24 ноября).

49 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 34. Л. 7, 25.

50 Перевод грамоты Яна Казимира от 20 сентября нового стиля см.: Там же. Л. 31–32.

51 Там же. Л. 34–35.

52 О назначении Ф.М. Ртищева см.: Там же. Л. 41.

писи переговоров не велись, и Ф.М. Ртищеву было приказано отвечать на все предложения только «словесно»⁵³. Однако краткий перечень вопросов К. Жеромского и ответов на них был послан еще находившемуся у гетмана А.С. Матвееву⁵⁴, и знакомство с этим текстом⁵⁵ позволяет составить общее представление о целях этой миссии, которую обе стороны окружали какой-то тайной.

Из всех предложений К. Жеромского лишь ст. 2. «Трактование и отлучение [от шведов?] курфюрста» касалась в какой-то мере организации военных действий против шведов. Как касавшиеся той же темы можно рассматривать просьбы гетмана прислать ему 8000 ружей и выделить его войску территории, на которых оно могло бы кормиться (ст. 6, 7). Бóльшая часть «статей» касалась, однако, совсем других тем: избрания царя на польский трон и взаимоотношений царя с «неприсягнувшими» магнатами и шляхтой. Вопросы об избрании касались лишь две статьи, но в них затрагивались очень важные вопросы. Первая содержала вопрос, что делать, если император попытается посадить на польский трон кого-либо из своих родственников и «с свейским королем соединение иметь будет» (ст. 1). Другой вопрос касался еще более важного для русской стороны вопроса. «А естли учинитца разорванье в том же едином государстве (т. е. при выборе царя произойдет конфликт между Литвой и Коронай. — Б.Ф.) и как о том промышление чинить» (ст. 4). Таким образом, в отличие от сенаторов, приславших Корсака, В. Госевский проявил готовность обсуждать с русскими политиками возможную линию совместных действий в случае возникновения различных конфликтов при выдвижении кандидатуры царя на польский трон.

Бóльшая часть предложений, привезенных К. Жеромским, касалась, однако, других вопросов. Так, от имени гетмана он просил, чтобы бежавшая шляхта могла вернуться в свои владения «или уредников к добрам их прилучить» (ст. 3). Держателям «экономий» должно было быть предоставлено право «в них на себя стацею выбрать» (ст. 11). Особо был поднят вопрос о возвращении гетману города Велижа (ст. 13). Посланец также должен был заявить о «верности» царю одного из самых близ-

53 Там же.

54 Там же. № 43. Л. 14–15.

55 Там же. Л. 17–25.

ких к гетману лиц — старосты ошмянского Адама Саковича — и просить для него разрешения, «чтоб в маетности послать урядников» (ст. 8, 9). Специальное упоминание о нем связано с тем, что в отличие от других лиц из окружения гетмана А. Сакович в 1655 г. принес присягу царю, а после этого отъехал в войско В. Госевского. Посланец привез с собой также перечень владений, принадлежавших В. Госевскому и таким лицам из его окружения, как сам Казимир Жеромский, Петр Полупята, судья гродский Мстиславский, Ян Протасевич Островский, Казимир Хвалибог Жеромский, Бартломей Чапский, Казимир Москевич, которые следовало им вернуть⁵⁶.

Рассмотрение сохранившихся сведений о миссии К. Жеромского позволяет сделать вывод, что главные задачи этой миссии совпадали с задачами миссии Корсака. В обмен за обещание (в будущем) избрать царя на польский трон отдельные политики (и стоящие за ними группы шляхты) стремились уже в настоящем добиться от русской стороны уступок при решении разного рода вопросов. Главным при этом было пожелание, чтобы шляхта еще до какого-либо решения сейма о избрании царя могла вернуть свои владения, не принося присяги царю. В. Госевский действовал в отличие от сенаторов более осторожно и не требовал вывода с этих земель русских войск.

Отношение к разным частям привезенных К. Жеромским предложений оказалось столь же контрастным, как и отношение к отдельным предложениям, привезенным Корсаком. В царской ставке проявили готовность обсуждать с гетманом различные ситуации, которые могли возникнуть в борьбе за польскую корону. Так, посланцу было сообщено, что царь обратится к императору Фердинанду с просьбой, чтобы тот «во обрании великого государя его царского величества ни в чем препоны... не учинил»⁵⁷. Что касается очень важного вопроса о возможных действиях русской власти в случае разрыва связей между Литвой и Коронай, то последовал достаточно неопределенный ответ — «о том наказано будет от великого государя... послом великим»⁵⁸. Очевидно, в Москве еще не выработали для себя четкой позиции по этому вопросу.

56 Там же. Л. 37–38.

57 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 43. Л. 17–18^a.

58 Там же. Л. 21.

Что касается других предложений, переданных К. Жеромским, то по отношению к ним позиция русского правительства оказалась гораздо более определенной, чем при переговорах с Корсаком. По-видимому, предложения, привезенные Корсаком, оказались для русских политиков некоторой неожиданностью, но ко времени приезда К. Жеромского было определено, как к таким предложениям следует относиться. Царь выражал готовность удовлетворить все пожелания — снабдить армию оружием и хлебом, вернуть шляхте ее владения и допустить туда ее урядников (персонально В. Госевскому царь был готов вернуть город Велиж), но при одном условии — если предварительно гетман, войско и шляхта принесут присягу царю.

Так как К. Жеромский, по-видимому, ничего не ответил на эти предложения, то у царя и его советников сложилось впечатление, что литовская сторона в лице полковника с ними согласилась. Во всяком случае, 20 декабря А.С. Матвееву, уже находившемуся к этому времени у В. Госевского, были отправлены «статьи» К. Жеромского с ответами от имени царя с предписанием на предложенных условиях заключить «договор» с В. Госевским и войском и чтобы он «укрепился на том на всем писмом за руками»⁵⁹. При отъезде К. Жеромскому было подарено соболей на 300 руб.⁶⁰. Недалекое будущее должно было показать, что не было серьезных оснований выражать удовлетворение результатами переговоров с Жеромским.

В самом конце 1656 г. поспешил вступить в контакт с царем и великий литовский гетман, Павел Сапега. 27 декабря царь принял его посланца А. Млоцкого⁶¹. Посланец также привез «статьи» — предложения, осуществление которых способствовало бы тому, чтобы «зачатое и наговореное дело до пожелаемого конца доведено было»⁶². Как и предложения В. Госевского, предложения великого гетмана и виленского воеводы главным образом касались отношений царя с гетманами и шляхтой в связи с предстоящим созывом сейма. Гетман обещал содействовать избранию царя и заключению мира между Россией и Речью По-

59 Там же. Л. 14.

60 Там же. № 34. Л. 48.

61 Там же. № 42. Л. 40.

62 См. грамоты П. Сапеги царю и боярам от 25 ноября н. ст.: Там же. Л. 45–50. Посланец привез также письмо гетмана Ф.М. Ртищеву с просьбой о содействии: Там же. Л. 51–52.

сполитой. Гетман решительно заявил, что, если даже Ян Казимир захочет заключить мир с Карлом Густавом, то он «с шведом короля до згоды не допустит, потому что его в войску послушают многие»⁶³.

Гетман также давал царю и его советникам советы, как действовать, чтобы расположить избирателей к царю — соискателю польского трона. Так, он советовал послать грамоты «с милостивым словом» к коронному маршалку Е. Любомирскому, познанскому воеводе Я. Лещинскому, коронному канцлеру С. Корицинскому, а также к шляхте воеводств Русского, Волынского, Подляшского и Мазовецкого, которую гетман уже от своего имени просил поддержать кандидатуру царя. Он предлагал также, чтобы царица, жена Алексея Михайловича, направила своего посланца к королеве Людовике Марии, чье влияние на ход государственных дел после «Потопа» заметно возросло. Гетман просил также освободить еще до сейма всех пленных и снять осаду со Старого Быхова. По его словам, Хмельницкий Ивану Нечая «от Быхова отступать велел», но казаки не выполняют его приказа. Важное значение, по его словам, имела бы и выплата жалованья «воиску неоплаченному», «чтоб войско в рознь не шло»⁶⁴.

Главное место в предложениях, привезенных А. Млоцким, так же как и в предложениях, привезенных Я. Корсаком и К. Жеромским, занимало ходатайство о возвращении маетностей еще до созыва сейма. Это ходатайство великий гетман аргументировал тем, что пребывание на сейме сопряжено с «великими проторми (расходами)». Правда, «великие» послы обещали, что гетману будут возвращены его имения на запад от Березины, но они «испустошены» и с них «вспоможенья никакова быти не может», поэтому гетман просил, чтобы ему были возвращены и его владения на восток от Березины. Кроме того гетман просил вернуть владения его «приятелям», которые будут на сейме бороться за избрание царя. Список открывался именами старосты жемойского Е. Глебовича, маршалка К. Завиши, польного гетмана В. Госевского, К. Бжостовского, К. Паца и Х. Полубенского⁶⁵. А. Млоцкий представил и перечень владений гетмана и

63 Там же. Л. 58, 62.

64 Там же. Л. 59, 61, 62.

65 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 42. Л. 58–60.

его приятелей⁶⁶. Не удовлетворясь этим, гетман просил передать ему владения покойного брата Казимира или хотя бы разрешить ему собрать с них оброки⁶⁷.

Переговоры с А. Млоцким вел по поручению царя не Ф.М. Ртищев, а Р.М. Стрешнев. Как и на переговорах с К. Жеромским, этот советник царя давал на предложения гетмана лишь устные ответы и их содержание никак не раскрывалось в грамотах царя П. Сапеге от 1 января 1657 г.⁶⁸. Однако запись этих ответов сохранилась в деле о посылке к П. Сапеге А.И. Нестерова, и она позволяет судить о позиции, занятой на переговорах русской стороной⁶⁹.

Советы великого гетмана были приняты благосклонно. Царь обещал послать грамоты с «милостивым словом» тем магнатам и шляхте, к которым советовал обратиться гетман. Сноситься с королевой будет поручено отправленным на сейм «великим» послам. Царь обещал также освободить пленных и снять осаду со Старого Быхова⁷⁰. Однако в том, что касалось главного волновавшего гетмана и его «приятелей» вопроса — о возвращении им «маетностей», то позиция русского правительства по этому вопросу оказалась столь же жесткой, что и на переговорах с К. Жеромским.

Так как царь обещал вернуть шляхте, если она присягнет царю, «прежние их маетности по привилеям по реку по Березу», т. е. на владения, расположенные к западу от Березины, следовательно, владения на восток от Березины вообще не могли быть возвращены шляхте. Правда, царь готов был сделать исключения для гетмана и его «приятелей», которым он готов был вернуть земли «по обе стороны реки Березы», но лишь в том случае, если они «присягу учинят», а на будущем сейме покажут «службу свою и раденье»⁷¹. Вместе с тем, царь и его советники отдавали себе отчет в том, что одними обещаниями, ничем не подкрепленными, вряд ли удастся добиться от литовских магнатов и шляхты нужного результата. Поэтому были подготовлены цар-

66 Там же. Л. 63–65 (оригиналы на польском яз.).

67 Там же. № 44. Л. 44.

68 Там же. Л. 84–92 (запись об «отпуске», текст царской грамоты).

69 Переданный А.И. Нестерову текст «статей», привезенных А. Млоцким, с ответами на них см.: Там же. Л. 10–46.

70 Там же. Л. 26, 40, 41, 46.

71 Там же. Л. 20.

ские грамоты о передаче «маетностей» обоим литовским гетманам и их «приятелям». Отправленный к П. Сапеге в самом начале января 1657 г. царский посланник А.И. Нестеров должен был вручить им царские грамоты сразу после принесения присяги⁷². Воеводам городов на территории Великого княжества Литовского были посланы распоряжения передать соответствующие земли указанным лицам, как только им будут переданы царские грамоты и королевские «привилеи» на эти земли⁷³. В наказе, врученном А.И. Нестерову, ему также было поручено составить список других лиц, которые принесут присягу, и прислать его «великим» послам, чтобы на сейме им могли быть также выданы соответствующие царские грамоты⁷⁴.

Выданный А.И. Нестерову наказ был очень кратким. Царский посланец должен был находиться при гетмане «без отлученья» и добиваться того, чтобы гетман и шляхта царю «до соиму и, идучи на соим, служили и радели». Все другие указания касались только двух сюжетов. Если бы Великое княжество Литовское и Польское королевство разошлись при принятии решений, то А.И. Нестерову следовало бы предложить им подчиняться царю, «обнадеживать их ево государским жалованьем» и обещать, что царь «их прав и вольностей нарушить не велит». Одновременно он должен был выяснить, «куда полское и литовское войско болши учнут быть склонны», как лучше Речь Посполитую «до слученія приводить» через сенаторов «или одним войском»⁷⁵. Подобные пункты были уже в наказе А.С. Матвееву. Очевидно, в начале 1657 г. и сепаратное русско-литовское соглашение, и приход русского царя на польский трон при поддержке коронного и литовского войска продолжали рассматриваться в Москве как вполне реальные варианты возможного развития событий.

Интерес к сценариям такого рода связан был с той главной трудностью, которая обнаружилась, когда царь и его советники

72 См. об этом в записанных для А.И. Нестерова ответах на «статьи» А. Млоцкого: Там же. Л. 20–21. Верительная грамота А.И. Нестерову датирована 1 января 1657 г.: Там же. Л. 76–77.

73 Тексты этих распоряжений см.: Там же. Л. 58–66.

74 См. об этом в одном из ответов на «статьи» Млоцкого (Там же. Л. 24) и наказ А.И. Нестерову (Там же. Л. 4–5).

75 Текст наказа А.И. Нестерову см.: РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 44. Л. 7–9.

приступили к подготовке к выборам на польский трон. Традиционно сношения с Россией находились в руках литовских магнатов, именно из контактов с ними русские политики черпали свои представления о положении в Речи Посполитой. Те немногие контакты, которые все же поддерживались с магнатами — владельцами имений на Украине, были полностью оборваны с началом восстания Хмельницкого. Никаких контактов с магнатами и шляхтой Польского королевства у царя и его советников не было, здесь даже не знали, с кем из них имело бы смысл вступить в переговоры, и спрашивали совета у литовских гетманов. В этой связи представлялось вполне реальным, что с ними договориться не удастся. Отсюда и расчеты на заключение русско-литовского соглашения, если на сейме Корона и Литва не смогут договориться между собой, и надежды на возможную поддержку войска, которому царь мог бы выплатить жалованье, которое это войско давно не получало.

К началу 1657 г. позиции обеих сторон — литовской и русской — вполне определились. Магнаты и шляхта Великого княжества стремились еще до созыва сейма и принятия на нем тех или иных решений как можно скорее вернуть занятые русскими войсками владения в обмен за обещание поддержать кандидатуру царя на сейме. Однако в Москве хорошо понимали, что именно установление русской власти на большей части земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, составляет главное преимущество царя перед другими кандидатами, и не хотели отказываться от этого преимущества в обмен на неопределенные обещания. Царь готов был вернуть владения кругу влиятельных политиков, поддержка которых потребовалась бы на сейме, но хотел гарантий — такой гарантией, по его мнению, могла быть присяга царю с их стороны, что обеспечило бы выполнение литовскими магнатами их обещаний. Такие условия соглашения должны были предложить литовским гетманам А.С. Матвеев и А.И. Нестеров. В январе в Москве ждали известий о результатах переговоров А.С. Матвеева с гетманом В. Госевским.

А.С. Матвеев, получивший приказ ехать к гетману еще 4 ноября, добрался до ставки В. Госевского в Кейданах лишь в самом конце этого месяца⁷⁶. Лишь 30 ноября царский посланец мог

76 Начальная часть статейного списка посольства А.С. Матвеева сохранилась в составе посольской книги: РГАДА. Ф. 79. Кн. 90.

встретиться с гетманом, которому передал царскую грамоту и «жалованье» — 7 сороков соболей⁷⁷. В ставке гетмана А.С. Матвеев пробыл две недели⁷⁸. За это время он четыре раза встречался с В. Госевским. Результаты переговоров мало отвечали тем ожиданиям, которые в Москве с ними связывали. На первых встречах гетман говорил прежде всего о политике обоих государств в отношении Швеции. Однако главного, интересовавшего русскую сторону вопроса, на каких условиях Алексей Михайлович сможет занять польский трон, как организовать предвыборную кампанию, чтобы она завершилась успехом, гетман вовсе не затрагивал. Правда, гетман сообщил А.С. Матвееву, что в качестве возможного преемника Яна Казимира рассматриваются кандидатуры «брата или сына» императора, «и сенаторей, де, многих разные мысли идут», разные мнения налицо и в коронном войске⁷⁹. Такие сообщения, конечно, поднимали ценность поддержки кандидатуры царя со стороны литовского гетмана, но оставалось совершенно неясным, как можно было бы преодолеть эти различия во мнениях.

К волновавшему царя и его советников вопросу стороны обратились только на третьей встрече 9 декабря по инициативе русского посланца. Когда А.С. Матвеев предложил В. Госевскому убедить сенаторов согласиться на то, чтобы новые границы Польско-Литовского государства проходили по Березине и Южному Бугу, гетман резко ответил, что, если бы он «ведал о том деле преж сего времени», то он вообще не стал бы предлагать свои услуги царю. Речь Посполитую может удовлетворить лишь восстановление предвоенных границ. Гетман не только не может «наговаривать» сенаторов, чтобы они согласились на границу по Березине, «и помянуть того дела нельзя». На это А.С. Матвеев не менее резко ответил, что «тому отнюдь статца нельзя, что быть рубежу до реки Поляновки»⁸⁰. Здесь снова ясно выявилась четко наметившаяся уже во время переговоров под Вильно противоположность представлений сторон об условиях, на которых Алексей Михайлович мог бы быть избран польским королем.

Л. 2–6.

77 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 67, 78.

78 Его «отпуск» состоялся 16 декабря (Там же. Л. 203).

79 Там же. Л. 120.

80 Там же. Л. 153–155.

На этом резком обмене мнений переговоры, однако, не прервались. На следующей встрече 12 декабря В. Госевский пытался убедить своего собеседника, что царю следует «для своего государского обранья уступить до старого рубежа» и было бы хорошо, если бы именно гетману было поручено объявить об этом на сейме. А.С. Матвеев обещал сообщить об этом Алексею Михайловичу, но определенно заявил: «чае того он, Артемон, что царское величество никогда того учинить не изволит»⁸¹. Все же несмотря на такие разногласия, по-видимому, исходя из того, что они как-то уладятся, гетман дал А.С. Матвееву ряд советов, как следует действовать, чтобы добиться избрания царя. Некоторые из этих советов не менее резко противоречили тому, что ожидало от переговоров с гетманом русское правительство. В. Госевский предлагал царю «соединить благочестивую веру, как и перед тым была единая». Царь должен договориться с папой и императором о созыве съезда приверженцев католицизма и православия, и «тем» он «многие народы приведет под свою государскую руку»⁸². Такие предложения были совершенно неприемлемы и для царя, и для его в то время ближайшего советника, патриарха Никона, искоренявшего деятельность униатской церкви на территории Великого княжества Литовского.

Другие советы гетмана были противоречивы. С одной стороны, он советовал, чтобы «великие» послы на сейме «на сенаторей не прудко наступали», чтобы не вызвать их раздражения, предлагал жаловать наиболее знатных среди них — Е. Любомирского, А. Лещинского, Конецпольского, Чарнецкого, на сейме следует обещать, что новый монарх подтвердит все «права и вольности». С другой стороны, он же советовал, чтобы «великие» послы на сейме «королевского величества города отдавать не спешили», а к Вильно следует приблизить войска, «чтоб теми ратми их братью сенаторей поусумнить». Любопытно, что гетман советовал царю обещать, чтобы для решения важных для обоих государств вопросов созывались съезды «московских» и польско-литовских сенаторов⁸³. Из всех этих советов никак не складывалось какого-либо продуманного плана действий, который привел бы к успеху в борьбе за польскую корону.

81 Там же. Л. 183–184.

82 Там же. Л. 165–166.

83 Там же. Л. 172, 175–176, 180–181.

Один эпизод в переговорах А.С. Матвеева с В. Госевским заслуживает особого внимания. Гетман затронул вопрос о будущем королевы Людовики Марии в случае смерти ее супруга и после вступления на польский трон Алексея Михайловича. Королева, «наукою мудрая», говорил гетман, хотела бы, чтобы после смерти ее мужа была сохранена ее «оправа» — земли, выделенные сеймом на ее содержание. Вместе с тем он советовал, чтобы направленные на сейм «великие» послы поднесли королеве подарок и дали бы обязательство, «как будут совершенные лета великого государя царевича... чтоб взять племянницу ее»⁸⁴. При известных тесных контактах гетмана и подскарбия с королевским двором нет сомнений, что такое предложение исходило от самой королевы. В этом убеждает и другое обстоятельство. В последующих проектах, касавшихся судьбы польского трона и исходивших от королевского двора, брак возможного кандидата с племянницей Людовики Марии был одним из постоянных условий. Выдвижение такого предложения говорит о том, что польская королевская пара не считала соглашения с царем Алексеем Михайловичем делом нереальным и обдумывала его возможные условия⁸⁵. Высказывания В. Госевского, касавшиеся этой темы, были не первыми и не единственными. Еще незадолго до этого, осенью 1656 г., во время пребывания А.И. Нестерова в походной королевской ставке, в разговорах с русским посланцем поднимался вопрос о том, чтобы царевич, как будущий наследник трона, был отдан на воспитание бездетной королевской паре⁸⁶. И позднее, в апреле 1657 г., в беседе с русским посланцем К. Иевлевым снова затрагивался вопрос, согласится ли царь «государя царевича отпустить в Польшу на королевство»⁸⁷. Эти отдельные высказывания позволяют (конечно, лишь предположительно и условно) восстановить условия соглашения с Россией, приемлемые и желательные для королевской семьи. Будущим преемником Яна Казимира должен был стать царевич, которого

84 Там же. Л. 162–163.

85 В пользу этого говорят и свидетельства, на которые указал Кубала (*Kubala L. Wojna brandenburska... S. 63, 296*).

86 Русская и украинская дипломатия... С. 220.

87 Документы эпохи Хмельницкого 1656–1665 гг., извлеченные из Архива министерства иностранных дел, собр. И. Каманиным // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 1. СПб., 1911. С. 97.

отправили бы в Польшу на воспитание к королевским супругам и который по достижении совершеннолетия женился бы на племяннице королевы. Возможно, что с таким соглашением уже в ту пору могли связываться планы укрепления королевской власти при поддержке со стороны царя. Иное дело, что такие условия никак не могли быть приемлемыми для Алексея Михайловича. Хороший отец и благочестивый христианин, он был, конечно, далек от мысли отправить своего долгожданного малолетнего наследника на воспитание к чужим людям в чужую «иноверную» страну. Неслучайно в ответ на это предложение А.С. Матвеев, хотя и не имевший на этот счет инструкций, ответил, что «тому делу отнюдь статца нельзя», ссылаясь, в частности, на разницу веры будущих супругов⁸⁸.

На той же встрече 12 декабря В. Госевский, не дожидаясь ответа на предложения, посланные с К. Жеромским, снова поднял вопрос о возвращении его «маетностей», «а сколько ево маетностей, и тому роспись взята». Гетман также просил прислать ему денег, чтобы он мог прибыть на сейм с большой свитой, «а бывает у них, — пояснил он Матвееву, — хто люднее, того больше боятца и слушают»⁸⁹.

Отразилось в ходе переговоров и острое соперничество между гетманами. Он, Госевский, говорил гетман, «и в неволе у шведа был, а королевскому величеству никогда зрадцею не бывал», а Павел Сапега «шведу... присягал дважды да солгал, и впредь, де, ему верить нечево»⁹⁰. Если вспомнить, какие обвинения выдвигал по его адресу Павел Сапега, то следует констатировать, что оба гетмана любыми способами пытались дискредитировать своего противника. Это, конечно, также не облегчало царю и его советникам планирование политики по отношению к литовским магнатам.

Когда 21 декабря А.С. Матвеев вернулся в Вильно, он информировал Москву о результатах своей миссии, и 16 января ему было поручено направиться к Госевскому с новыми инструкциями. Текст царской грамоты, к сожалению, не сохранился и ее содержание может быть лишь предположительно установлено по упоминаниям в нескольких отписках А.С. Матвеева.

88 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 163.

89 Там же. Л. 189–190.

90 Там же. Л. 202.

Главной задачей, возложенной теперь на царского посланца, было оформить соглашение, которое, по мнению царя и его советников, было заключено с К. Жеромским, взяв у гетмана и его офицеров «письмо за руками» (текст соглашения с подписями участников)⁹¹. Вместе с тем на Матвеева снова возлагалось решение вопросов, о которых шла речь в первоначальном наказе и для выяснения которых пока сделано было очень мало. Так, ему снова поручалось выяснить, как «то доброе дело (т. е. избрание царя. — Б.Ф.) до слученія приводить» с помощью сенаторов «или одним войском»⁹². В случае конфликта между Литвой и Коронай ему снова поручалось «приводить» литовское войско к присяге на верность царю⁹³. Наконец, А.С. Матвеев получил полномочия в случае наступления на В. Госевского шведских и бранденбургских войск разрешить его войску перейти «в те поветы, которые от Вильны по реку Березину» (т. е. на запад от этой реки. — Б.Ф.), но использовать эти полномочия А.С. Матвееву не пришлось, так как вся шведская армия в начале 1657 г. сконцентрировалась в районе Гданьска⁹⁴.

Важные сведения А.С. Матвеев получил, еще не покинув Вильно. 16 января наместник Духова монастыря Данило Дорофеев сообщил, что сенаторы и войско в Короне не желают избрания царя — «хотят обратъ иные цесаря, а иные... Ракоцу». Напротив, по его словам, литовские сенаторы и войско поддерживают кандидатуру царя, и если дело дойдет до «розорвания» между Коронай и Литвой, то они «в подданстве будут под... государвою высокою рукою»⁹⁵. Эти сообщения, вероятно, заставили русского посланца поторопиться с отъездом.

Уже 19 января А.С. Матвеев был в Кейданах, но не застал там гетмана, выехавшего для участия в военных действиях под Биржи, и встреча с ним состоялась лишь 30 января в Шадове⁹⁶. Следуя наказу, А.С. Матвеев предложил «закрепить» соглашение, заключенное с К. Жеромским, но сразу натолкнулся на трудности. Во-первых, гетман заявил, что многие ответы на его

91 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 77.

92 Там же. Л. 70.

93 Там же. Л. 65.

94 Там же. Л. 59–60.

95 См. об этом в отписке А.С. Матвеева царю: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 5.

96 Там же. Л. 55 и сл.

предложения — «не по ево гетманову прошенью», а во-вторых, потребовал в соответствии с обещаниями, которые дал К. Жеромскому Ф.М. Ртищев, чтобы А.С. Матвеев дал ему грамоты на «маетности» и 100 000 «червонных золотых». А.С. Матвеев ответил, что выдаст грамоты, как только В. Госевский принесет присягу «в службе и в обрании», но что касается денег, то об этом у него «указу нет», но если все войско литовское принесет присягу царю, то царь, несомненно, его «пожалует из своей казны». Так на первый план, как и следовало ожидать, выдвинулся вопрос о присяге. Гетман готов был принести присягу, но тайно (что, конечно, уменьшало ее ценность в глазах царя и его советников), а что касается его владений, то он предлагал их «переписать на урядников имена», чтобы «никто не ведал», что царь вернул ему владения. Что касается присяги войска, то гетман заявил, что «того ему отнюдь никакими мерами учинить нельзя». Правда, гетман говорил, что, если Матвеев выдаст ему обещанные деньги, то он «начальных людей и войско станет призывать тайно». На таких условиях Матвеев денег не дал и сказал, что должен запросить указаний от царя⁹⁷.

3 февраля состоялась встреча А.С. Матвеева с одним из особенно близких к гетману людей, старостой ошмянским Адамом Саковичем. А. Сакович также просил вернуть ему его владения и был готов принести присягу Алексею Михайловичу, но только так, «чтоб о той присяге не ведал никто»⁹⁸. Староста, таким образом, точно следовал линии, выбранной его патроном.

Хотя о присяге войска царю, по словам гетмана, не могло быть речи, он предложил, чтобы полковникам и офицерам «отданы были прежние их маетности»⁹⁹ и чтобы Алексей Михайлович выплатил войску жалованье. Первое из своих предложений он сопроводил симптоматичным пояснением, что земли, которые вернут офицерам, следует записать на «особы урядников их, чтоб войско тем не побунтовать»¹⁰⁰.

А.С. Матвеев, следовавший своим инструкциям, не мог удовлетворить таких пожеланий. Полковникам и офицерам, заявил он, их владения будут возвращены, когда они принесут присягу

97 Там же. Л. 73–78.

98 Там же. Л. 63.

99 Это предложение гетман повторил на встрече с А.С. Матвеевым 5 февраля (Там же. Л. 61).

100 Там же. Л. 83, 86.

царю, а что касается жалованья, то Алексей Михайлович, когда его изберут, «за заслугу войску выбирать и Речи Посполитой и платить повелит»¹⁰¹. Таким образом, полученные указания А.С. Матвеев не мог выполнить. И В. Госевский и его офицеры, добиваясь возвращения владений и жалованья, отказывались одновременно дать гарантии, которых требовал царь.

Отсутствие статейного списка второго посольства Матвеева не позволяет выяснить, имели ли место какие-либо контакты царского посланца с войском и каким способом он составил представление о его настроениях. В своей отписке к царю он писал, что на сейме войско будет поддерживать кандидатуру Алексея Михайловича, а если между Коронай и Литвой произойдет разрыв, то офицеры и солдаты «без замедленья учинятца под твоею государевою високою рукою»¹⁰². Неясно, на чем основывал стрелецкий голова свой вывод. Вся совокупность известных ему фактов ясно указывала на то, что литовское войско вряд ли удастся заставить играть ту роль, которую ему отводило в своих планах русское правительство.

На переговорах с самим гетманом снова были подняты вопросы, уже обсуждавшиеся на предшествующих переговорах гетмана и А.С. Матвеева. Госевский снова настаивал на восстановлении довоенных границ «и чтоб в том отмены не было». Матвеев со своей стороны настаивал на том, что граница должна пройти по Березине, и убеждал гетмана, что тот не понесет при этом ущерба, так как царь сохранит за ним владения в Смоленском и Витебском уездах¹⁰³. Таким образом, в Москве готовы были пойти на то, чтобы большой сановник из иной державы стал крупным землевладельцем в Русском государстве. Но прийти к соглашению стороны не смогли.

Одновременно гетман снова поднял вопрос о необходимости «соединения» вер. А.С. Матвеев предложил обратиться к обсуждению этого вопроса после коронации царя, но гетман заявил, что если «в вере совершенные крепости не учинят на сейме»,

101 Там же. Л. 84–85

102 Там же. Л. 66.

103 Там же. Л. 83. Одновременно А.С. Матвеев обещал, что Велиж уже теперь будет отдан жене гетмана. «Царского величества воеводе указ, — говорил он, — о том послан, велено из Велижа выступить и отдать жене ево» (Там же. Л. 86).

то духовные лица могут воспротивиться коронации¹⁰⁴. Он даже выразил пожелание, чтоб царь разрешил «в Вильне унеятom отправлять набоженство»¹⁰⁵. Это снова было совсем не то, что хотели услышать в Москве.

Правда, в разговорах с А.С. Матвеевым гетман явно прощупывал возможности соглашения. Так, например, он просил, что если перед выборами он будет от имени царя предлагать сенаторам разные «уряды», чтобы царь «в том отмены не учинил»¹⁰⁶. Таким образом, получалось, что он готов поддерживать на сейме кандидатуру царя. Еще больший интерес представляет другое высказывание гетмана, который добивался обещания царя, «чтоб... быть вечным урядником литовским, а московским чтоб не быть»¹⁰⁷. Подобный вопрос явно имел в виду возможность сепаратного русско-литовского соглашения. Главное, однако, состояло в том, что приемлемые для русской стороны условия соглашения не обрисовывались даже на переговорах с тем из политиков Великого княжества Литовского, на которого в Москве больше всего рассчитывали.

Еще хуже обстояло дело в отношениях между Россией и Коронай. Наиболее тревожным симптомом было то, что после заключения Виленского договора никто из магнатов Короны не предпринимал попыток вступить в сношения с русским правительством. Сведения же, поступавшие в разное время от литовских сенаторов и гонцов, не давали больших оснований для оптимизма.

Тревожные сведения на этот счет были получены уже в конце 1656 г. от П. Сапеги. Посетившему его русскому представителю, майору Д. Ильфову, гетман говорил, что ожидает «меж себя у Литвы с Короною злова дела, потому, де, что многие корунные держат сторону швецкую»¹⁰⁸. Сведения, которые удалось получить А.С. Матвееву в декабре 1656 г., были также неутешительными. Гетман В. Госевский в беседе 3 декабря говорил, что коронные сенаторы поддерживают разных кандидатов, сторонники разных кандидатов есть и в коронном войске¹⁰⁹. Посетив-

104 Там же. Л. 77–80.

105 Там же. Л. 97.

106 Там же. Л. 84.

107 Там же. Л. 82.

108 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 42. Л. 2.

109 Там же. 1656 г. № 37. Л. 120.

ший русского посланца на следующий день писарь смоленский Александр Парцевский сообщил, что великий маршалок коронный Е. Любомирский предлагает избрать сына императора, а познанский воевода Я. Лещинский — трансильванского князя Дьердя II Ракоци¹¹⁰.

Когда А.С. Матвеев отправился во второе посольство к В. Госевскому, ему было специально поручено собрать сведения о том, с помощью каких сенаторов Короны можно было бы добиться выбора царя. Первые сведения были снова неблагоприятными. 16 января в Вильно наместник Духова монастыря Данило Дорофеев подтвердил то, о чем в Москве уже слышали: «Коруны, де, Польские сенаторы и войско многие речи розвратные говорят» и среди них есть сторонники разных кандидатов¹¹¹. 19 января, приехав в Кейданы, стрелецкий голова узнал, что канцлер С. Корыцинский «приводит все корунное войско, чтоб мир учинить со шведом»¹¹².

На встрече с А.С. Матвеевым гетман также утверждал, что канцлер привел короля в Гданьск, чтобы заключить мир со шведами, но, по его словам, этому помешали Е. Любомирский и Я. Лещинский. Именно к ним гетман советовал послать царские грамоты, так как больше «не с ким того дела до свершения привести». Они оба принадлежат к знатым родам и «во всех чинах... великую власть имеют». К тому же они «о государстве государя своего впредь не прочат»¹¹³. Указания В. Госевского на знатное происхождение и большое влияние обоих магнатов были точными, но он не привел каких-либо свидетельств (например, ссылки на свои сношения с этими вельможами), которые показывали бы, что обращение к этим магнатам может привести к успеху.

Если эти сообщения и вызвали в Москве какие-то надежды, они должны были угаснуть после получения сведений о том, что происходило зимой 1656/57 г. в Гданьске. Сведения об этом попали в Литву, когда сюда приехал из Гданьска королевский посланник И. Банковский¹¹⁴. По сведениям, собранным А.С. Матвеевым, он вез с собой «статьи от мальборского воеводы Веера и от гданьчан, что им быть под твоею, великого государя, высокою

110 Там же. Л. 128.

111 РГАДА. 1657 г. № 2. Л. 5.

112 Там же. Л. 57.

113 Там же. Л. 70–72.

114 О его приезде 2 февраля в Шадово см. в отписке А.С. Матвеева царю: Там же. Л. 49.

рукою по их правам»¹¹⁵. Правда, никаких «статей» И. Банковский в Москве не подал, но сообщил о желании гданьчан «послать от себя секретаря бити челом его царскому величеству... в подданство»¹¹⁶. Старания прусских сословий и Гданьска добиться подтверждения своих «прав» у будущего монарха¹¹⁷ говорят и говорили, конечно, царю и его советникам о том, что здесь считают избрание Алексея Михайловича на польский трон вполне реальным делом.

Однако совсем иные сведения поступили в Москву о настроениях находившихся с королем в Гданьске коронных сенаторов. Первым о том, что происходит в Гданьске, сообщил в Москву обеспокоенный гетман В. Госевский. Уже 21 января его гонец М. Островский прибыл в Вильно с важными сообщениями. 17 февраля он смог передать их главе Посольского приказа Алмазу Иванову¹¹⁸. Гонец сообщил «речью», что коронные сенаторы препятствуют «обращению царя»¹¹⁹, и, подкрепляя эти утверждения, передал текст письма, полученного гетманом из Гданьска. Неназванный корреспондент сообщал, что «здесь вельми на зло заносятца», так как «паны корунные не хотят договору с Москвою постановленного додержатъ» и желают «с свейским королем помиритца, не даючи ведома о том до Москвы». Они вообще не хотят созывать сейма, а предлагают лишь собрать «конвокацию», чтобы принять решения о сборе налогов. Корреспондента гетмана особенно беспокоило то, что «паны литовские» не обращаются к королю, чтобы настоять на выполнении договора, заключенного под Вильно. «Пан канцлер литовский, — писал корреспондент гетмана, — сам один только противляетца совету их, но не переможет, понеже вся рада на свейскую сторону»¹²⁰. Вместе с этим письмом, ярко рисовавшим положение, сложившееся в Гданьске, гонец передал Алмазу Иванову и ответ гетмана своему корреспонденту. Он рекомендовал корреспонденту просить короля, чтобы тот «для доходов корунных Княжства

115 Там же. Л. 50.

116 Там же. № 10. Л. 174.

117 Просьба И. Банковского, чтобы царь принял «милостиво» посланцев Гданьска, ясно указывает, что гданьчане обращались к Алексею Михайловичу, как будущему польскому королю.

118 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 6. Л. 1–16.

119 Там же. Л. 17.

120 Перевод письма см.: Там же. Л. 26–27.

Литовского не запоминал» и даже советовал заявить, «что войско и обыватели литовские для Коруны продатися не дадутца и о себе промышлять станут»¹²¹. Позднее о сложившейся ситуации информировал А.С. Матвеева ошмянский староста Адам Сакович¹²². Повторяя то, что уже было известно в Москве от посланца гетмана, его письма дополнили эти сообщения двумя интересными деталями. По его словам, ехавший в Москву королевский посланник как раз и пытался привлечь гетмана на сторону собравшихся в Гданьске сенаторов. Кроме того, он предполагал, что литовцам придется собраться «громадою» и направиться в Польшу к королю и «коронным» требовать созыва сейма.

Такие сообщения не могли не заинтересовать царя и его советников. Возможность осуществления Виленского соглашения, даже в той форме, которую ему хотела бы придать литовская сторона, оказывалась маловероятной. Вместе с тем как будто получали подтврждения ожидания конфликта между Литвой и Коронай и тем самым становилось более реальным сепаратное русско-литовское соглашение. Однако в то время, когда соответствующие сведения дошли до Москвы, они уже не имели для русских политиков того значения, какое они имели бы ранее.

На каких условиях Алексей Михайлович займет польский трон, будут ли и когда возвращены литовским магнатам и шляхте их владения — вот главные вопросы, волновавшие обе стороны в последние месяцы 1656 г. и в начале 1657 г. По сравнению с этим вопросы о характере отношений России и Речи Посполитой с другими государствами находились на втором плане, но все же они имели, особенно для польско-литовской стороны, существенное значение.

Для Речи Посполитой, коль скоро она решилась на поиски соглашения с Россией, важно было обеспечить военную помощь русской стороны в продолжавшейся войне со Швецией. Особенную активность проявил в этом плане гетман В. Госевский. Он полагал, что война в Ливонии должна привести к потере шведским королевством его прибалтийских владений. В письме к «великим» послам, написанном около 29 октября н. ст., он выражал убеждение, что война с Карлом Густавом не может закончиться тем, что

121 Перевод письма В. Госевского см.: Там же. Л. 29–32.

122 Письма от 13 февраля н. ст. (РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 28) и 3 марта н. ст. (Там же. Л. 173–174).

у него «Инфлянские замки побраны». Война будет продолжаться, пока «пристаничные к морю места у шведов еще в руках»¹²³.

Поскольку он полагал, что война закончится полным поражением Швеции, представляется вполне логичным, что на переговорах с А.С. Матвеевым гетман убеждал посланца, что царь должен выступить инициатором создания антишведской коалиции. Об австрийских политиках гетман отзывался с явным неодобрением, как о людях, которые только обещают помощь, ожидая исхода переговоров между Россией и Речью Посполитой. Но все же он выражал надежду, что царь сумеет добиться, чтобы император «наступил на свейского короля». Гетман советовал также побуждать к выступлению против шведов датского короля и голландцев. Им следовало объяснить, что Карл Густав намерен овладеть Зундом, и тогда он «положит на окреты (т. е. корабли. — Б.Ф.) великую дань»¹²⁴. Выдвижение таких широких планов совсем не исключало попыток скорее получить от русской стороны конкретную военную помощь.

Виленский договор предусматривал совместные действия русских и польско-литовских войск против шведов, и комиссары Речи Посполитой сразу после заключения договора стали добиваться выполнения достигнутой договоренности. О результатах своих усилий они сообщали королю из Слонима в письме от 13 ноября н. ст. 1656 г. Им удалось добиться того, чтобы в поветы, находящиеся под русской властью, и лично к воеводичу С. Масальскому, собравшему целый «полк» под своим командованием, были посланы «универсалы», чтобы они шли под «регімент» гетмана В. Госевского. Его слугам в самом Вильно было передано несколько бочек пороха. Кроме того, комиссары обещали, что на помощь к гетману будут посланы три полка пехоты, идущие в Вильно, и артиллерия¹²⁵. О том, чтобы договоренность скорее могла осуществиться, хлопотали и приезжавшие в ставку возвращавшегося из похода царя посланцы литовских гетманов.

11 ноября возвратился ездивший от «великих» послов к В. Госевскому гонец Алфим Сытин и передал просьбы гетмана дать в помощь его войску «пехоты, и рейтар (т. е. конница. — Б.Ф.), и

123 Русская и украинская дипломатия... С. 217.

124 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 99–100.

125 *Kubala L. Wojna brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656 i 1657. Lwów; Warszawa, 1917. S. 61–62.*

пушек»¹²⁶. 22 ноября в Вильно к воеводе приехал новый гонец гетмана Ян Ласоцкий¹²⁷. В грамоте, привезенной им, содержались просьбы гетмана прислать ему свинца и оказать ему помощь¹²⁸. На словах гонец говорил, что гетману угрожает объединенная шведско-бранденбургская армия, и просил прислать пехоты, а также «чтоб поветная шляхта готовы были и шли к нему, гетману»¹²⁹. Очевидно, речь шла о выполнении договоренностей, достигнутых комиссарами Речи Посполитой. Приехавший к царю от комиссаров гонец Ян Корсак (царь принимал его 21 ноября) в поданных «статьях» также просил оказать помощь В. Госевскому войсками и прислать ему пороху. Царь приказал выслать гетману из Вильно «10 бочек пороху безденежно», а в резолюции на «статьи» отмечено, что «государь указал своим государевым ратным людям на шведа помогать»¹³⁰.

Посланцы следовали один за другим. 25 ноября в царскую ставку прибыл посланец гетмана П. Сапеги А. Млоцкий. В поданных им «речах» содержалась просьба, чтобы царь назначил человека, с которым гетман мог бы «иметь советы воинские» и договориться о «случении» войск против шведов¹³¹. 6 декабря в Вязьме царь принял посланника гетмана В. Госевского, полковника Казимира Жеромского. Жеромский привез два документа. Один — грамота Яна Казимира, в которой говорилось, что он дает гетману полномочия вести переговоры о совместных действиях против шведов, и грамоту гетмана, удостоверявшую полномочия его посланца¹³². На переговорах, однако, речь зашла вовсе не о выработке оперативных планов. К. Жеромский ходатайствовал о выплате литовскому войску жалования, снабжении его хлебом и оружием. На все это последовал ответ, что все это будет сделано, когда войско принесет присягу царю¹³³. Эти документы дают ясные свидетельства польской стороны получить от русского правительства разнообразную помощь для продолжения войны со шведами. Каков же был результат этих усилий? Что касается

126 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 42. Л. 5.

127 Там же. 1656 г. № 37. Л. 25.

128 Там же. № 42. Л. 11–12 (перевод).

129 Там же. Л. 5–7; № 37. Л. 25.

130 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 38. Л. 22.

131 Там же. № 42. Л. 58.

132 Там же. № 34. Л. 31–35.

133 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 43. Л. 21.

просьб о посылке В. Госевскому пороха и свинца, то они, судя по всему, были выполнены, так как позднее русская сторона ставила это себе в заслугу. Гораздо сложнее обстоит дело с вопросом об оказании военной помощи. Содержание просьб гетмана Госевского не оставляет сомнений, что в гетманской ставке были расчеты на усиление своей армии русской пехотой и артиллерией. Вместе с тем польско-литовские политики, видимо, отдавали себе отчет, что в условиях, когда русские войска по окончании трудной военной кампании уходили из-под стен Риги, трудно рассчитывать в ближайшее время на крупные совместные военные акции против шведов¹³⁴. В этих условиях, очевидно, и появилась идея мобилизовать в литовскую армию шляхту из тех земель Великого княжества, которые оказались под русской властью. Сообщения комиссаров королю о том, что русские власти объявили такую мобилизацию, находят свое подтверждение в инструкциях литовских сеймиков начала 1657 г., где постоянно упоминаются царские грамоты о созыве «посполитого рушения (дворянского ополчения. — Б.Ф.)»¹³⁵. Собранные ополчения должны были идти «на помощь против шведов за грамотою» гетмана В. Госевского¹³⁶. Комиссары возлагали особые надежды на «полк», собранный С. Масальским на территории Гродненского воеводства, и они не ошиблись в своих расчетах. С. Масальский с военным отрядом присоединился к армии своего родственника гетмана П. Сапеги, осаждавшей Тикоцин в январе 1657 г. Послы гродненской шляхты должны были ходатайствовать на будущем сейме о наградах С. Масальскому за участие в освобождении этого города¹³⁷. Одновременно гродненская шляхта, не дожидаясь присылки соответствующих грамот, снарядила поветовую хоругвь во главе с Кр. Буховецким, которая, начиная со 2 октября, в течение четверти года несла службу в войске В. Госевского¹³⁸.

134 Характерно, что в наказе А.С. Матвееву в ответ на возможные вопросы гетмана В. Госевского следовало лишь обещать, что «многие прибыльные люди» будут «на весну» (РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 5).

135 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 4. Л. 49, 65 и др.

136 Там же. Л. 101.

137 Там же. Л. 189. См. также: Там же. № 10. Л. 183–184 (о том, что С. Масальский присоединился к армии П. Сапеги по приказу царя).

138 Там же. Л. 71.

Такое поведение, однако, оказалось исключением. Повсеместно, получив царские грамоты, шляхта ходатайствовала об освобождении от посполитого рушения, ссылаясь на разорение¹³⁹, и царь был вынужден пойти навстречу ее требованиям¹⁴⁰. Таким образом, задуманный план не был выполнен из-за сопротивления литовской шляхты.

Когда определился поворот русской внешней политики на путь конфликта со Швецией, одной из задач польско-литовских политиков стало вовлечь Россию в войну с союзником Швеции — Бранденбургом. Этой цели должны были служить сведения, переданные гонцом Яна Казимира Александром Чарneckим в царскую ставку в августе 1656 г. От имени короля он передал «письмо», присланное Яну Казимиру литовским хорунжим К. Пацем. В этом письме сообщалось, что 11 июля был заключен договор о союзе между Карлом Густавом и курфюрстом, по которому Фридрих Вильгельм не только обязался принять участие в борьбе за «завоеванные в Литве земли», но и «пустошить» собственные владения Алексея Михайловича¹⁴¹. Сведения эти не соответствовали действительности¹⁴², готовность прибегать к подобным шагам (хотя, очевидно, из осторожности эти сведения не исходили прямо от короля) показывает, как сильно польско-литовская сторона стремилась добиться поставленной цели. Не довольствуясь передачей «письма», гонец уже после своего отъезда, узнав, что Фридрих Вильгельм направляет послов к царю, послал собственное письмо думному дьяку Лариону Лопухину, призывая царя и его советников действовать, «не доверяя речам и умыслом» «злых слуг» курфюрста¹⁴³.

139 Там же. Л. 49, 62, 71, 85, 120. Вместе с тем шляхта Новогрудского воеводства ходатайствовала о разрешении вооружиться для защиты от «черкас» (Там же. Л. 264).

140 Там же. Л. 58, 79 и др.

141 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 20. Л. 27. Любопытно, что при этом в письме говорилось, что Фридрих Вильгельм «пан правдивый и добрый», но, к сожалению, слушает советников, подкупленных шведами: Там же. Л. 29.

142 В союзном договоре, напротив, указывалось, что Фридрих Вильгельм не обязан помогать Карлу Густаву в войне с Россией (*Szymczak B. Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opiniach i działaniach szlachty koronnej. Warszawa, 2002. S. 211*).

143 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 20. Л. 35.

На переговорах под Вильно был поднят вопрос о совместных действиях России и Речи Посполитой не только против шведов, но и против их союзника — «прусского князя»¹⁴⁴. Усилия, направленные на то, чтобы побудить Россию к войне с Бранденбургом, предпринимались и за рамками этих переговоров. Так, в письме, отправленном в конце октября н. ст. «великим» послам, гетман В. Госевский призывал развернуть масштабные военные действия на территории Восточной Пруссии, чтобы «или выдрати из рук Прусы или до повинного привести послушанья». Гетман отмечал, что он может одерживать победы, но не может нанести окончательного поражения противнику, так как «в лесах и водах без огненного люду для воевание ненадежно». Поэтому он просил царя скорее прислать ему «рейтаров и пехоту с нарядом (т. е. артиллерией. — Б.Ф.) и порохами»¹⁴⁵.

На состоявшейся в конце октября беседе с А.И. Нестеровым Ян Казимир демонстративно заявил, что не верит слухам о мирных переговорах между Россией и Бранденбургом, и просил передать царю его просьбу послать в Пруссию на помощь армии В. Госевского «салдатцкого строю восьмьсот человек», пушки и порох¹⁴⁶.

При заключении соглашения комиссары Речи Посполитой смогли добиться известного успеха. Договор предусматривал совместные военные действия не только против шведов, но и против «князя прусского», если тот не разорвет союзных отношений со шведами и не перестанет вести войну против Речи Посполитой. С заключением такого соглашения русское правительство оказалось в достаточно сложном положении, так как оно находилось в противоречии с только что заключенным под Ригой договором о взаимном нейтралитете.

Линия русского правительства в этом вопросе определилась при составлении инструкций А.С. Матвееву в начале ноября 1656 г. В ответ на его вопросы, что следует отвечать, «будет станет гетман людей просить на помочь... на курфистра», в инструкции разъяснялось, что к курфюрсту «царское величество отпишет и чаем тово, что от шведа отступит»¹⁴⁷. Вместе с тем от

144 См. предложенный польско-литовской стороной проект договора об избрании царя (Русская и украинская дипломатия... С. 175 (9 ст.)).

145 Русская и украинская дипломатия в Евразии... С. 216–217.

146 Там же. С. 223.

147 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 5.

гетмана следовало скрывать заключение договора с курфюрстом. В ответ на возможные вопросы следовало отвечать, что у царя был посол курфюрста, но «с чем приходил и отпущен, того слышать не (с)лучилось»¹⁴⁸. Вместе с тем по окончании виленских переговоров польско-литовская сторона снова подняла вопрос об оказании военной помощи не только против шведов, но и против курфюрста. Так, Ян Ласоцкий сообщал, что гетману В. Госевскому угрожают соединенные силы шведских и бранденбургских войск, и просил разрешения дать гетману и его войску приют на русской территории, если в борьбе с ними он потерпит поражение¹⁴⁹. К. Жеромский привез грамоту В. Госевского, в которой гетман сообщал, что получил приказ короля предпринять нападение на территорию Восточной Пруссии, чтобы помешать «неприятелю» идти на помощь шведской армии в Ливонии¹⁵⁰.

В то же время, когда К. Жеромский прибыл в царскую ставку, вопрос об отношениях с курфюрстом стал предметом обсуждения на переговорах А.С. Матвеева с В. Госевским. В. Госевский, как известно, принадлежал к той части политиков Речи Посполитой, которые искали соглашения с курфюрстом, рассчитывая оторвать его от шведов¹⁵¹. Поэтому на переговорах с А.С. Матвеевым он предлагал, чтобы царь послал «до курфюрста бранденбургского, чтоб их война успокоить и оторвать курфюрста от шведа»¹⁵². Это было как раз то, что намеревалось сделать русское правительство. Хотя гетман был обеспокоен тем, что курфюрст может выступить в качестве посредника на переговорах между Алексеем Михайловичем и шведами, он согласился пропустить в Москву возвращавшегося от курфюрста царского посланника Ивана Францбекова и гонца, которого курфюрст посылает к царю¹⁵³.

Одновременно вопрос об отношении к курфюрсту был поднят на переговорах К. Жеромского в царской ставке. Посланнику сообщили, что курфюрст будет поставлен в известность о заключении Виленского договора и ему будет предложено, чтобы на действующие против шведов литовские войска он «ничем не наступал»¹⁵⁴.

148 Там же. Л. 6об.

149 Там же. № 42. Л. 5, 7; № 43. Л. 26.

150 Перевод грамоты В. Госевского см.: Там же. № 34. Л. 34–35.

151 *Szymczak B. Stosunki...* S. 231.

152 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 37. Л. 96.

153 Там же. Л. 133, 158.

154 Там же. № 43. Л. 18–18^{об}.

Такими словами дело ограничиться не могло, да в царской ставке и не были заинтересованы в том, чтобы Фридрих Вильгельм поддерживал шведов. В конце декабря было принято решение о посылке к курфюрсту обещанной миссии. 26 декабря из Вязьмы в Восточную Пруссию был отправлен сын боярский Федор Обернибесов¹⁵⁵. На встрече с курфюрстом посланец царя обратил его внимание на то, что по Рижскому договору Фридрих Вильгельм обязался не предпринимать каких-либо враждебных действий по отношению к владениям царя. Теперь по Виленскому договору царь должен стать преемником Яна Казимира и приказал своим войскам соединиться с польскими войсками для совместных действий против шведов. Так как Речь Посполитая «учинилась под его царского величества высокою рукою», то курфюрсту следует против России и Речи Посполитой «с свейским королем заодно не стоять и ратными людьми не помогать». В этом случае царь позаботится о том, чтобы Восточная Пруссия не подвергалась нападениям войск Речи Посполитой. В противном случае, если что-либо «от ратных людей ево курфюрстовым людем учинитца, и то им будет самим от себя»¹⁵⁶. Так русское правительство приступило к выполнению обязательств, взятых им на себя по отношению к Бранденбургу.

В начале 1657 г. политическая ситуация в Восточной Европе резко изменилась. Это было связано с тем, что именно в это время в войну с Речью Посполитой на стороне шведов вступили трансильванский князь Дьердь II Ракоци и Запорожское Войско во главе с Богданом Хмельницким. Это означало резкое ухудшение позиций их противников и не могло не повлиять на их политику по отношению к России.

Уже во время переговоров под Вильно комиссары Речи Посполитой обвиняли украинского гетмана в том, что он «хочет от его царского величества отстать и пристать либо к шведу или Ракоцему»¹⁵⁷. После окончания переговоров эти обвинения стали повторяться с еще большей настойчивостью. Посетившему его в конце октября русскому майору Д. Ильфову гетман Павел Сапега сообщил, что Хмельницкий заключил союз с транс-

155 РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 10. Л. 1.

156 См. записи речей Обернибесова на переговорах с курфюрстом и его советниками: Там же. Л. 15–16, 23. Изложение прусской записи его выступления см.: *Urkunden...* Т. 8. S. 38.

157 РГАДА. Ф. 79. Кн. 88. Л. 175об.

ильванским князем и 18 октября принес присягу соблюдать его условия, «а привел, де, ево, Хмельницково, на такое дело, что ему присяга учинить, писарь ево Выговской». Свидетелем принесения присяги стал гонец П. Сапеги. 11 ноября приехавший в Вильно гонец другого литовского гетмана, В. Госевского, говорил, что «черкасы запорожские... поддались шведам, а хотят, де, идти на твоих государевых служилых людей»¹⁵⁸.

На встрече 30 ноября об этом говорил с А.С. Матвеевым и сам гетман В. Госевский. Он подтвердил, что Богдан Хмельницкий принес присягу перед послами Ракоци, а также сообщил, что «ездит, де, от Хмельницкого до шведа беспрестани чернец». Для русского правительства особый интерес должно было представлять сообщение гетмана о существовании соглашения между Ракоци, Хмельницким и Карлом Густавом («а дума их одна»)¹⁵⁹. На встрече 3 декабря гетман эту тему снова поднял и пошел еще дальше, сообщив, что Дьердь II Ракоци хочет, чтобы его сын (а не царь) был провозглашен преемником Яна Казимира, «а хочет гетмана Хмельницкого случить с собою и хочет наступить на царского величества землю»¹⁶⁰. В заключительной беседе 12 декабря гетман рассказал о каком-то соглашении между Хмельницким и одним из главных сторонников Карла Густава в Речи Посполитой Богуславом Радзивиллом, благодаря чему «пересылки беспрестани бывают от гетмана Хмельницкого на Слуцк, посылает к свейскому королю»¹⁶¹.

Эти свидетельства указывали на формирование коалиции из Швеции, Трансильвании и Запорожского Войска, которая не только должна была препятствовать планам Алексея Михайловича относительно польского трона, но, судя по высказываниям польских политиков, представляла и прямую опасность для России.

Первоначально такие предостережения не оказывали влияния на русское правительство. Когда 18 декабря 1656 г. А. Лопухин был послан в Чигирин, чтобы информировать Хмельницкого о результатах переговоров под Вильно, в наказе ему было предписано «похвалять» гетмана за поиски соглашения с Ракоци и

158 Там же. Л. 2–5.

159 Там же. 1656 г. № 37. Л. 96.

160 Там же. Л. 117.

161 Там же. Л. 167.

давался совет поддерживать сношения с трансильванским князем¹⁶². Однако отношение русского правительства и к украинско-трансильванскому союзу, и к внешней политике Хмельницкого в целом не могло не измениться, когда войска Дьердя II Ракоци и Хмельницкого вступили на территорию Речи Посполитой как союзники Карла Густава.

162 АЮЗР. Т. 8. Прил. № 46. С. 386–387.

РОССИЯ И «НАЕЗД РАКОЦИ»

С начала 1657 г. положение Речи Посполитой резко ухудшилось. В декабре 1656 г. было заключено соглашение о союзе между Карлом Густавом и трансильванским князем Дьердем Ракоци, направленном против Яна Казимира и поддерживающих его магнатов и шляхтичей. К этому союзу присоединился курфюрст бранденбургский, молдавский и валашский господа, гетман Богдан Хмельницкий.

В начале января Дьердь Ракоци выступил в поход. Переход через карпатские перевалы занял достаточно много времени, но в конце января войска Ракоци вступили на территорию Галицкой земли, где должны были соединиться с казацким войском. Серьезных препятствий на пути не было, так как коронное войско во главе с гетманом вело военные действия против шведов на территории Королевской Пруссии. Было объявлено о созыве посполитого рушения местной шляхты, но вряд ли она могла бы оказать серьезное сопротивление трансильванско-казацкому войску. Тогда же в январе перешли в наступление войска Карла Густава в Пруссии. Коронные гетманы, не решившись вступить в сражение, отступили, и король Ян Казимир, находившийся в Гданьске, оказался блокирован в этом городе.

Сложившееся положение, и само по себе опасное, было чревато еще одной угрозой. Одним из главных условий договора, заключенного под Вильно, было обязательство польско-литовской стороны созвать зимой 1656/57 г. сейм для обсуждения вопроса об избрании царя преемником Яна Казимира. Однако в сложившихся условиях вернувшиеся из-под Вильно королевские комиссары не смогли даже встретиться с Яном Казимиром и направились в Калиш, где находились королева Людовика Мария, архиепископ Гнезненский А. Лещинский и ряд сенаторов.

Было очевидно, что созвать сейм зимой 1656/57 г. в обстановке, когда в страну с разных сторон вторглись вражеские войска, а сам глава государства оказался в окружении, было невозможно. Но тем самым достигнутая договоренность была бы не выполнена, и у русской стороны появилось бы законное основание разорвать Виленский договор. Выступление России против Речи Посполитой поставило бы Польско-Литовское государство перед катастрофой. Для собравшихся в Калише сенаторов поэтому первоочередной задачей стало убедить русскую сторону, что обязательства, взятые по Виленскому договору, будут выполнены, хотя и позднее, чем предусматривалось. Решение этой задачи дало бы возможность пойти далее и добиваться от русского правительства выполнения обязательств, принятых им на себя по заключенному соглашению, в частности, о совместных действиях против шведов и «прусского князя».

Решение этих задач было возложено на ошмянского судью Владислава Комара, которого участники съезда в Калише отправили в Москву 29 января н. ст. 1657 г.¹ Согласно полученной им инструкции он должен был встретиться как можно скорее с боярами, подробно объяснить им, почему не созван сейм, и обещать, что это будет сделано, как только появится возможность². Более подробно о том же говорилось в доставленном посланцем в Москву письме главных представителей Речи Посполитой на переговорах под Вильно Яна Завиши, Яна Красинского и Киприана Павла Бжостовского к Н.И. Одоевскому. Они утверждали, что, в частности, благодаря их усилиям, вся Речь Посполитая «кроме некоторых еретиков склонна до совершения доброго дела через нас под Вильною начатого». При этом подчеркивались заслуги королевы, которая и своего мужа «и многих панов коронных к тому советом своим приклонила, чтоб царь его милость был в умысле своем удовольствован»³. В этой связи комиссары сделали еще одно важное сообщение. По их словам, император Фердинанд III осудил поведение своего представителя Алегретти на переговорах под Вильно и намерен направить на сейм послов, чтобы поддержать избрание царя на польский трон⁴. Последнее

1 Дата врученной послу верительной грамоты сенаторов (РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 10. Л. 95).

2 Там же. Л. 100–101.

3 Там же. Л. 106–107.

4 Там же. Л. 108.

из сообщений совсем не отвечало действительности, но является ярким свидетельством желания комиссаров убедить Н.И. Одоевского (а через него и Алексея Михайловича) в том, что избрание царя на польский трон — дело реальное.

Вместе с тем В. Комар должен был добиваться в Москве дипломатической и военной поддержки в борьбе с противниками Польско-Литовского государства. Прежде всего следовало добиваться, чтобы царь в соответствии с достигнутыми под Вильно договоренностями направил свои войска против шведов и «пруссского князя»⁵. При этом комиссары использовали нестандартный аргумент: если царь не принудит «пруссского князя» оставить шведов, «грозя ему мечем», то он в будущем, став польским королем, не сможет распространить свою власть на Пруссию, в этом случае он «утерял бы море — Балтицкое государство и за тем все тамо прибыли от портов будучие»⁶. В этих словах отразилось не только характерное для сознания польской шляхты представление о важности прусских портов для Речи Посполитой, но и убеждение в том, что этот довод будет важен для царя, что он понимает важность для государства обладать портами на море.

Одной из важных задач Владислава Комара было информировать царя и его советников о вторжении в Речь Посполитую армии Ракоци и о его союзе с Хмельницким, о чем известно из «перенятых листов». Армия Ракоци должна соединиться с казацкими отрядами под Львовом. Царь в своих собственных интересах должен разорвать союз между Ракоци и казаками⁷. Комиссары советовали также, чтобы царь заключил союз против шведов с императором⁸. Наконец, они рекомендовали, чтобы русские войска напали на саму Швецию, «которая прям в забвенье у короля свейского»⁹.

Блокированный в Гданьске Ян Казимир, хотя ему и не удалось встретиться с комиссарами, имел общее представление о достигнутых договоренностях и, по-видимому, еще больше, чем сенаторы, опасался возможных последствий того, что договоренность о созыве сейма не была выполнена. Поэтому еще

5 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 10. Л. 103, 111.

6 Там же. Л. 111.

7 Там же. Л. 102–103, 107, 110.

8 Там же. Л. 109.

9 Там же. Л. 115.

ранее, чем собравшиеся в Калише сенаторы, 20 января н. ст. он направил из заблокированного города морем в Курляндию своего посланника подкомория хелминского Игнатия Бонковско-го. В своей грамоте Ян Казимир выражал сожаление, что под Вильно не был заключен договор и решение об избрании царя отложено до сейма, и обещал созвать его как можно скорее¹⁰. Посланник, по-видимому, получил указания приложить максимум усилий, чтобы убедить царя и его советников, что Ян Казимир является горячим сторонником выбора царя на польский трон. В беседе с переводчиком Иваном Максимовым в Москве посланник говорил о горячем желании короля, чтобы на сейме обсуждался только вопрос об избрании царя, «а иными б делы в том большом деле помешки не чинить». Он резко порицал комиссаров, которые не заключили под Вильно договора о «вечном мире» и «границах». Они только «промышляли о себе и у царского величества маетности упросили», поэтому король «имеет их за нерадетельных и в большой неверке». Король уже разослал сенаторам письма, чтобы узнать их мнение, «где и о чем имеет быть сейм»¹¹.

Позднее он же сказал, что, как только король выедет из Гданьска, «и будет в Бресте или где в ыных ближних местех, и он тотчас пошлет по сенатореи и сложить сейм»¹².

Врученная посланцу инструкция содержала также ряд просьб, обращенных к царю и также касавшихся оказания помощи. Король просил оказать помощь гетману В. Госевскому, ведущему военные действия против курфюрста, войском, снаряжением и всем, чего потребуют нужды войны. В этом случае курфюрст оставит шведов, подчинится королю и на сейме после избрания принесет царю присягу верности¹³. Одновременно король призывал царя разорвать союз Хмельницкого с Ракоци «посланием... или грозой войск своих». В доказательство существования такого союза царю были посланы перехваченные донесения шведских резидентов при дворе Ракоци¹⁴. Военная помощь со стороны России в инструкции связывалась с планами

10 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 11. Л. 109–110.

11 Там же. Л. 29–30.

12 Там же. Л. 81.

13 Там же. Л. 119.

14 Там же. Переводы донесений резидентов от 24 сентября и 5 октября 1656 г. см.: Там же. Л. 141–153.

избрания царя. Король объяснял, что шляхта не может участвовать в работе сеймиков, так как пришлось созвать посполитое рушенье, но если король и царь соединят свои войска, то посполитое рушение можно будет распустить.

Все эти документы ясно показывают, каково было место России в планах польско-литовской стороны в начале 1657 г. В тех условиях, которые сложились в Речи Посполитой зимой 1656–1657 гг., путешествие по ее территории было делом нелегким и опасным, да и преодолевать пришлось большие расстояния. Несмотря на необходимость торопиться, посланцы и Яна Казимира, и сенаторов попали в Москву лишь в разных числах марта 1657 г.

Уже до их прихода в Москве был принят ряд решений, которые позволяют в известной мере судить, какова была реакция русских правящих кругов на происходившие перемены.

Первый шаг был предпринят в конце января, когда было решено отправить к королю гонца Климента Иевлева¹⁵. К этому времени миновала большая часть зимы, а никаких сообщений о созыве сейма не поступило. Грамота, которую К. Иевлев должен был передать Яну Казимиру, была выдержана в резких тонах. Царь выражал удивление, что он так и не получил известий «о сложении сейму», хотя и ожидал их немалое время. Более того, несмотря на заключение перемирия польские войска нападают на земли Запорожского Войска «около Бару и в Пинском присуде», а войска литовских гетманов разоряют Гродненский повет. За выступление царя против шведов Яну Казимиру следовало бы «воздавати дружбою и любовью, а не такими неправдами». Грамота заканчивалась констатацией, что «великих и полномочных комисаров... договор и утверженье поставлено ни во что»¹⁶.

Появление в грамоте к польскому королю таких обвинений было связано с поездкой к гетману Хмельницкому А. Лопухина. Приехав в январе 1656 г. в Чигирин, А. Лопухин стал свидетелем сбора войска, которое должно было идти на соединение с армией Ракоци. Чтобы скрыть этот факт от царского посланца, гетман и выступил с обвинениями «ляхов» в нападении на земли гетманства. Именно в ответ на эти нападения, — объяснял гет-

15 В черновике наказ Иевлеву датирован первоначально 31 января (РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 8. Л. 7).

16 Черновик грамоты Яну Казимиру см.: Там же. Л. 29–39.

ман А. Лопухину, — он приказал А. Ждановичу собрать войско «стоять от ляхов в черкасских городех на рубеже»¹⁷. В развернутой форме эти обвинения были повторены в грамоте гетмана от 9 января 1657 г.¹⁸.

Знакомство с содержанием наказа К. Иевлеву показывает, что в момент его составления в Москве были прежде всего обеспокоены отсутствием известий о созыве сейма. К. Иевлеву поручалось разыскать при королевском дворе комиссаров, бывших под Вильно, и постараться выяснить у них, почему решение о созыве сейма не принято и от кого исходят «помешки». Особые надежды в Москве возлагали в этом отношении на великого литовского маршалка К. Завишу и на Станислава Сарбевского, с которыми посланец должен был постараться поговорить «особно»¹⁹. Посланец повез с собой письма Н.И. Одоевского К. Завише и «по приятельской любви сыну» К. Бжостовскому. Князь просил их сообщить, «зачем тому великому делу помешка учинилась» и «как то доброе начатое дело в совершенье привести». Письма эти датированы 23 февраля²⁰, следовательно, не раньше этого времени К. Иевлев отправился в путь. Составленный 31 января наказ не нашли нужным переделывать, очевидно и в конце февраля в Москве не представляли себе, в каком критическом положении оказалось Польско-Литовское государство.

Тем же числом, что и наказ К. Иевлеву, — 17 февраля датирован наказ В.П. Кикину, направленному с важной миссией к Богдану Хмельницкому. Посланец должен был от имени царя «похвалить» гетмана за то, что тот своевременно принял меры для защиты «Малые России городов от приходу польских людей». Вместе с тем гетману рекомендовалось, держа войско наготове, проявлять осторожность и не вести военных действий, «чтоб тем... к нарушенью посольского договора причины не учинить». Одновременно он должен был поставить гетмана в известность, что польско-литовской стороной договоренности, достигнутые в Вильно, не выполнены: Ян Казимир «сейму не сложил и по се время о сложении сейма своей королевской грамоты... не прислал». Далее говорилось, что, если король «вскоре исправленья

17 АЮЗР. Т. 8. СПб., 1875. С. 393.

18 Там же. С. 395.

19 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 8. Л. 19–20.

20 Тексты писем см.: Там же. Л. 44–54.

не учинит», то царь «Войску Запорожскому велит прислати свой царского величества указ тотчас»²¹. Контекст, в котором эти слова сказаны, позволяет судить о возможном содержании «указа»: это, очевидно, было бы сообщение о начале войны с Речью Посполитой.

Эта часть наказа может служить свидетельством того, что в феврале 1657 г. в Москве считали возобновление войны с Речью Посполитой делом реальным. В этом случае военная поддержка Запорожского Войска имела бы большое значение. И это обстоятельство следует учитывать, рассматривая вопрос о том, как подходило русское правительство к другим проблемам русско-украинских отношений.

Последующий раздел наказа В.П. Кикина не оставляет сомнений, что к моменту его отъезда в Москве располагали сведениями о соглашении между Хмельницким и Дьердем Ракоци, по которому гетман обязался поддерживать притязания трансильванского князя на польский трон²². Сведения об этом были, несомненно, для русского правительства серьезной неприятностью. Дело было не только в том, что гетман предпринял серьезные самостоятельные внешнеполитические акции, не поставив о них в известность царя и его советников. Не меньшее значение имело то, что эти действия находились в явном противоречии с русскими внешнеполитическими планами, хорошо известными Хмельницкому.

Посланец должен был поставить гетмана в известность, что царь крайне удивлен его поведением и напоминает ему о присяге, которую он принес царю. Эта присяга обязывает его поддерживать именно Алексея Михайловича в борьбе за польский трон. По оценке М.С. Грушевского «московський уряд ніколи не брав іще такого прикрого тону в відносинах до гетьмана»²³. Однако обращает на себя внимание, что посланец должен был не столько требовать и угрожать, сколько убеждать гетмана в неправильности его действий, доказывать ему, что и гетман, и Войско Запорожское должны быть заинтересованы в том, чтобы на польском троне сел православный государь Алексей Михай-

21 Синбирский сборник. Т. I. М., 1844. С. 51.

22 Источник этих сведений неясен. А. Лопухин о таком соглашении ничего не знал.

23 *Грушевський М.С. Історія України — Руси. Т. IX/2. Роки 1654–1657. Київ, 1931. С. 1350.*

лович, при котором Запорожское Войско будет надежно защищено от его врагов, а не «еретик Ракоци»²⁴. Такая сравнительно мягкая реакция на действия гетмана лишь отчасти объяснялась тем, что в Москве рассчитывали на его поддержку при возобновлении войны с Речью Посполитой. Как видно из последующего раздела наказа Кикина, в Москве рассчитывали использовать шаги, предпринятые гетманом, в своих интересах.

В наказе предполагалась возможность того, что на сделанные ему упреки гетман ответит, что изменить ничего нельзя, договор подписан и войска уже выступили в поход вместе с войсками Ракоци против польского короля. В этом случае посланец должен был добиваться, чтобы казацкие войска, «что они в том походе поемлют... у польского короля корунных городов и мест знатных, хоти и по обе стороны реки Вислы или хотя и до венгерской границы и чтоб теми города владеть его царскому величеству»²⁵. Эта часть наказа раскрывает некоторые важные нюансы в отношении русского правительства к переменам, назревавшим у южных границ Речи Посполитой. Как представляется, само нападение Ракоци на Речь Посполитую и даже его союз с Хмельницким не противоречил планам русского правительства. Такое нападение, поставив Речь Посполитую в трудное положение, могло бы заставить ее выполнить условия Виленского договора. Занятие казацким войском значительных территорий на юге Речи Посполитой (вплоть до Вислы и венгерской границы) в очень сильной мере могло бы этому способствовать.

Заключительную часть наказа составляли, как обычно, указания о сборе «вестей»²⁶. В.П. Кикин должен был выяснить, встретилось ли казацкое войско с трансильванским и где находится. Посланец также должен был стараться узнать, не послал ли Ракоци часть своего войска Карлу Густаву и если да, то с какой целью. Сведения наказа ясно показывают, что в середине февраля в Москве было самое общее представление о том, что происходит на южных границах Речи Посполитой.

В наказе, которым должен был руководствоваться К. Иевлев, ему предписывалось объяснять снятие осады с Риги недо-

24 Синбирский сборник. Т. I. С. 54.

25 Там же. С. 54.

26 Там же. С. 56. Подробнее о миссии В.П. Кикина см.: *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 1346–1350.

статком кормов и распространением эпидемии («морového поветрия»), и заверить короля, что «на весну царское величество со всеми своими ратными пойдет на швейского короля»²⁷. Цель такого сообщения понятна. Оно должно было побудить Яна Казимира продолжать войну со шведами, рассчитывая на русскую помощь, но характер контактов между русскими и шведскими политиками зимой 1656/57 г. никак не говорит о решимости русского правительства в скором времени начать масштабные военные действия против войск Карла Густава в Ливонии.

В конце декабря 1656 г. ассессор Альбрехт Бюлов приехал к А.Л. Ордину-Нащокину в Друю якобы для покупки «лесных товаров», но при этом стал предлагать воеводе, чтобы тот сообщил царю, что шведская сторона желает мирных переговоров и просит назначить время и место для их проведения²⁸. За этой инициативой стоял наместник Карла Густава в Ливонии граф Магнус Делагарди. В условиях, когда Карл Густав собирал силы для решающего удара по Речи Посполитой, он был заинтересован в сохранении мира на русской границе²⁹. Эта инициатива привела к переговорам М. Делагарди с А.Л. Ординым-Нащокиным, которому царь дал полномочия вести переговоры «ко оружия престанию» (т. е. о прекращении войны. — Б.Ф.)³⁰. В результате было заключено соглашение о прекращении военных действий с 19 января на шесть недель³¹. М. Делагарди хотел обсудить и другие вопросы, но Ордин-Нащокин ответил, что должен ехать к царю за «указом»³².

Однако достигнутый скромный результат не удовлетворил шведских политиков. В ходе завязавшихся контактов была предпринята попытка изменения общего курса русской внешней политики. 11 февраля 1657 г. М. Делагарди обратился с послани-

27 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 8. Л. 19.

28 Письмо А.Л. Ордина-Нащокина царю от 31 декабря 1656 г. // РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 2–3.

29 См.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 143–144.

30 См. об этом в письме М. Делагарди — Я.К. Черкасскому от 8 января 1657 г.: РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 21.

31 Письмо М. Делагарди — Я. К. Черкасскому от 15 января // Там же. Л. 29.

32 Там же.

ем к Я.К. Черкасскому³³. В этом послании он призывал воеводу не верить полякам и не полагаться на их обещания. Они вовсе не намерены избирать на польский трон царя Алексея. В действительности, они заключили договор с Австрией, по которому наследником Яна Казимира будет признан эрцгерцог Леопольд. Соглашение вскоре будет утверждено на сейме, а после этого император пошлет в Польшу свои войска, «чтоб то все, что у Коруны Польской силою отнято... х Королевству Польскому приращено было». Царь и Карл Густав должны объединиться, чтобы противостоять этим «папешским» замыслам. Если царь заключит мир и союз с Карлом Густавом, то он, напротив, будет «в покойном владенье его от Коруны Полские поиманных земель». Очевидно, чтобы склонить царя к такому решению, М. Делагарди в заключительной части послания говорил о новых успехах, достигнутых шведским королем. Он заключил союз с правителем Трансильвании, войска которого находятся «уж под Краковом». Соединив свои силы, Швеция, Трансильвания и Россия смогут нанести решительное поражение Речи Посполитой.

Русскому правительству, таким образом, предлагался союз, который бы обеспечил присоединение к Русскому государству восточных областей Речи Посполитой. В Москве на эти предложения не реагировали. Вероятно, утверждение на территории Речи Посполитой сильного и агрессивного соседа по-прежнему не устраивало царя и его советников. Проявленная осторожность, как представляется, не была излишней. Каких-либо полномочий делать русской стороне такие предложения М. Делагарди не имел³⁴. Речь шла, вероятно, о дипломатическом маневре, который должен быть предотвратит нежелательное вмешательство России в развернувшуюся на территории Речи Посполитой войну. Иной оказалась реакция на содержавшееся в том же послании предложение начать мирные переговоры со Швецией.

Вопрос о возможных условиях мира специально обсуждался на заседании боярской думы. О результатах обсуждения дают представление инструкции, направленные А.Л. Ордину-

33 Там же. Л. 107–118.

34 О контактах М. Делагарди со своим правительством в конце 1656 – начале 1657 г. см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 143–144, 147–148.

Нащокину 23 февраля 1657 г. Ему предписывалось продолжать переговоры с М. Деллагарди и выяснить, каковы шведские условия мира. Одновременно ему были переданы условия, на которых русская сторона могла бы заключить мир со Швецией. В Москве были готовы «по последней мере» заключить мир в случае уступки Юрьева Ливонского (Дерпта), Нарвы, Ивангорода, Копорья и Новгородка — Нейгаузена. Король может, — указывалось в решении думы, — отказаться от них, так как это — «не свое и не коруны свейские». «И промыслять, — подчеркивалось в решении, — всякими мерами, чтоб к миру привесть»³⁵. Таким образом, в Москве были готовы заключить мир, удовлетворившись возвращением русских земель, утраченных в годы Смуты, и приобретением лишь трех городов на территории Ливонии. Значительная часть земель, занятых русскими войсками (в частности, крепости на Западной Двине), должна была быть возвращена Швеции. Решение это не могло привести к миру, так как Карл Густав не желал идти на какие-либо уступки³⁶, но оно показывает, куда теперь направился главный вектор русской внешней политики. В грамоте, посланной А.Л. Ордину-Нащокину, изложение решения думы сопровождалось двумя дополнительными указаниями. Во-первых, при ведении переговоров ему предписывалось «на письме тех дел ничево не давать»³⁷. По Виленскому договору Россия и Речь Посполитая обязывались «не миритца» с общим врагом — шведами и не следовало давать в руки шведам (особенно в случае неудачи переговоров) письменные доказательства нарушения этой договоренности. Во-вторых, в грамоте указывалось, что, если Деллагарди не пойдет на уступки, «учнет стоять во всем упорно, и ты б над свейскими людьми промыслял и поиск чинил»³⁸, но это был явно нежелательный вариант.

Принятое боярской думой решение резко расходилось с планами человека, который должен был это решение осуществлять. В положении А.Л. Ордина-Нащокина к осени 1656 г. произошли большие перемены. Алексей Михайлович причислил его к кругу своих советников и предоставил ему право непосредственно обращаться к царю со своими мнениями и предложениями.

35 РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 45–46.

36 Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 144.

37 РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 52.

38 Там же.

2 ноября 1656 г. он получил царскую грамоту с изложением «государевой милости» и тогда же обратился к царю с первыми советами «о твоём государеве деле о зачатой войне с короли и с землями, с полским и швейским»³⁹. По его мнению, Карл Густав находится в трудном положении и при заключении мира «свее не много уступят тебе, государю». Но при этом Ордин-Нащокин предлагал и меры, которые побудили бы шведов согласиться на такой мир. Он предлагал, в частности, объявить о походе царя во Псков зимой 1656/7 г. и послать распоряжения в пограничные города о заготовке запасов для войск. «И услыша, — писал он, — немцы в большом страхе будут»⁴⁰.

Для представлений А.Л. Ордина-Нащокина о возможных условиях мира очень характерным является другой совет царю, содержащийся в его письме. Он советовал, заключив на «урошное время» перемирие со шведами, вступить в соглашение с курляндским герцогом, чтобы русская торговля с Западом пошла из Царевичева Дмитриева (так был назван Кокенгаузен после его взятия русскими войсками) через курляндские порты, минуя Ригу. Так как все земли, с которых шли в Ригу товары, находились в начале 1656 г. под русской властью, это поставило бы живших торговлей жителей города в трудное положение. «И рижаня, — писал Ордин-Нащокин, — такую тесноту видя, учнут свободы сыскивать, а бес торговли жить не учнут»⁴¹. По мысли русского политика принятые меры должны были привести к мирному переходу Риги под русскую власть. Сходные мысли он продолжал развивать в дальнейшем. Сохранился недатированный фрагмент письма, в котором он настаивал, что следует проявить милость к «мещанам» Юрьева Ливонского (Тарту), незадолго до этого занятого русскими войсками. Он с неудовлетворением писал о том, что после занятия города командующий кн. А.Н. Трубецкой, обещав мещанам царскую милость, не подтвердил их прав «и о ратушном суде не ведают, будет ли». Если их права будут подтверждены, — писал он, — «о свеенах, де, тужить тех городов лифляньские мещане не станут, для того что налоги от свеена великие». Еще более важно, что, если мещане Юрьева будут довольны русской властью, получают подтвержде-

39 РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных дел). № 128. Л. 164–165.

40 Там же. Л. 166–167.

41 Там же.

ние своих прав, «тому станут верить в Риге, и в Ругодиве, и в Колывани и в Вольмере мещане и, над тем уверяясь, тож мыслить учнут»⁴². Таким образом, по мнению воеводы, предоставление «прав» юрьевским мещанам способствовало бы переходу на русскую сторону таких городов, как Вольмар, Рига, в то время как русское правительство готово было отказаться от притязаний на эти города ради заключения мира со Швецией.

После соединения казацкого войска с армией Ракоци события стали развиваться быстро. Соединенная трансильвано-казацкая армия двинулась на север — целью похода было снятие осады с Кракова, в котором находился шведский гарнизон, и переход столицы Польского королевства под власть Ракоци. По пути армия не сталкивалась с серьезным сопротивлением. Правда, магнаты и шляхта не присоединились к трансильванскому князю, как он рассчитывал, но и сопротивления не оказывали, заявляя о своем нейтралитете. Так же повели себя власти крупных городов — Львова, Самбора, Перемышля. На реке Сан трансильванско-казацкая армия столкнулась с коронными войсками во главе с гетманом С. Потоцким, но тот отступил, не вступив в сражение. Осаждавший Краков корпус Е. Любомирского также отступил, сняв осаду, и 28 марта н. ст. произошел торжественный въезд Дьердя Ракоци в Краков, где был размещен большой трансильванский гарнизон (2500 чел.). Войска гетманов отступали, не препятствуя продвижению вражеской армии. На 30 марта был назначен сбор посполитого рушения под Сольцем, но шляхта в указанном месте не собралась. Во второй половине марта перешли в наступление и войска Карла Густава. 21 марта под Торунем к его войску присоединился 4-тысячный корпус, присланный курфюрстом. Войска Дьердя Ракоци и Карла Густава двинулись навстречу друг другу. Соединение сил союзников серьезно ухудшило бы положение противостоящих им войск коронных гетманов⁴³.

К этому времени в Москву стала поступать самая разнообразная информация о событиях, происходивших в Речи Посполитой. Одним из ее источников стали сообщения посланцев

42 Там же. Л. 4–5.

43 *Herbst S. Wojna obronna (1655–1660) // Polska w okresie drugiej wojny północnej. S. 103–105; Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1384–1392.*

Яна Казимира и сената, которые в различных числах марта достигли Москвы, другим — сообщения русских представителей при литовских гетманах — А.И. Нестерова и А.С. Матвеева, которые постоянно направляли царю свои «отписки». Кроме того, о происходящем в Речи Посполитой регулярно присылал донесения виленский воевода М. Шаховской и другие воеводы пограничных городов.

Уже в конце февраля — марте от них стали поступать сведения, что события в Речи Посполитой развиваются быстро и принимают угрожающий оборот для короля Яна Казимира и его сторонников. Уже к 17–18 февраля в распоряжении виленского воеводы оказался универсал Ракоци, говоривший о его притязаниях на польский трон, и письмо, адресованное вдове Януша Радзивилла, где говорилось, что войска Ракоци подходят к Люблину, а шляхта Дрогичинского повета выслала к трансильванскому князю послон, чтобы принести ему присягу⁴⁴. Войск Ракоци под Люблином еще не было, но это письмо является ярким отражением панических настроений, которые стали охватывать население на территории Великого княжества Литовского. В отписках гродненского воеводы Б. Апрелева, пришедших в Москву в самом конце марта, сообщалось, что по территории Речи Посполитой рассылают универсалы Ракоци с предложением избрать его на польский трон, Ян Казимир «осажен накрепко от шведов в Гданьске», а коронное войско отступило, бросив его на произвол судьбы. Сообщал Б. Апрелев и важные данные, касающиеся политики украинского гетмана. По его сведениям, в войске Ракоци находились «многие ратные... гетмана Хмельницкого». От него же узнали о задержанном в Слониме направлявшемся к Хмельницкому послон Карла Густава⁴⁵. А.С. Матвеев, направляясь во второй раз к гетману В. Госевскому, еще в дороге, 20 февраля получил письмо от А. Саковича, в котором говорилось о союзе Карла Густава, Ракоци и Хмельницкого, и один из экземпляров универсала трансильванского князя⁴⁶. 20 же февраля посланец гетмана Стефан Медекша, приехав в Вильно, сообщил о вступлении войска Ракоци в Краков⁴⁷.

44 Акты Московского государства (далее — АМГ). Т. II. № 948–949. С. 560–561.

45 Там же. № 957, 958. С. 565–566.

46 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 17, 22, 30–33 (перевод универсала).

47 Там же. Л. 101.

О настроениях в другом важном центре политической жизни магнатории и шляхты Великого княжества Литовского, где политическим лидером был великий гетман и воевода виленский Павел Сапега, царя подробно информировала отписка А.И. Нестерова, доставленная в Москву 9 марта. В январе литовское войско во главе с П. Сапегой активно действовало против шведов. 17 января был взят штурмом Тикоцин — важный пункт на путях, связывавших между собой Корону и Литву. Затем, стремясь оттянуть шведские силы от Гданьска, П. Сапега «литовское войско послал в Прусы войною»⁴⁸. Настроение, однако, изменилось, когда пришли сообщения о походе соединенного шведско-бранденбургского войска на Брест⁴⁹. По сообщению А.И. Нестерова, П. Сапега стал «от свейских немец вельми страшен» и приказал войскам «наспех» возвращаться в Брест, где, по оценке русского представителя, было «ратных людей добре немного и осады укрепить некем». О настроениях в Бресте говорят записанные гонцом слова гетмана, что «в Княжестве Литовском для обороны и собранья войска остался один город — Бресть Литовская», а его защищать некому, так как конное войско разошлось, пехоты мало, пороха и свинца — нет «и купить и взять негде». Если же шведы займут Брест, то Великое княжество Литовское будет не в состоянии противостоять шведам «и войску случения нигде не будет»⁵⁰. Правда, добившись ухода литовских войск с территории Восточной Пруссии, шведы прекратили преследование, но только потому, что должны были присоединиться к армии Карла Густава, двигавшейся на соединение с Ракоци.

В конце января в Бресте уже стало известно, что армия Ракоци вступила на земли Речи Посполитой и к ней присоединились войска Хмельницкого⁵¹. Позднее Сапега получил известия, что 15 февраля в Ченстохове королева соберет конвокацию сенаторов. Решения, которые сенаторы могли принять в сложившейся

48 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 44. Л. 113–114. Подробнее о военных действиях, предпринятых армией П. Сапеги в начале 1657 г., см.: *Majewski W. Potop szwedzki (1655–1659) // Z dziejów wojskowych ziem Północno-Wschodnich Polski. Białystok, 1986. S. 101–109.*

49 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 44. Л. 14. В действительности против литовцев был направлен корпус генерала Стенбока (*Majewski W. Potop... S. 101*).

50 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 44. Л. 115.

51 Там же. Л. 116.

ситуации, трудно было предвидеть. В беседе с русским представителем гетман говорил, что сенаторы могут согласиться на выбор Ракоци, чтобы такой ценой добиться прекращения войны со Швецией, могут неким «бунтовством» избрать королем кого-нибудь из своей среды вместо Яна Казимира, наконец, между ними могут вспыхнуть конфликты, и они не смогут прийти к единому решению.

Он просил, если конвокация не примет решения об избрании царя преемником Яна Казимира, прислать к нему царскую грамоту с «государевым милостивым словом», адресованную сенаторам и «всему поспольству». Под этой грамотой он, гетман, сенаторы и шляхта поставят свои подписи, что «Великому княжеству Литовскому быть под твою, великого государя, высокою рукою, а им, гетману, и сенаторем, и полковником и шляхте на Великое княжество Литовское опроче тебя, великого государя, иного никого не хотети и не обирати». Он просил также, чтобы «великие» послы, ожидающие в Смоленске созыва сейма, получив от него «весть», шли бы к нему «со всею полно-мочностью и Великое княжество Литовское и войско литовское под твою, великого государя, высокую руку приняли». А когда Великое княжество Литовское подчинится царю, то его примеру последуют Подляшье, Волынь, Подолия⁵². Очень существенно, что дело не ограничилось такого рода заявлениями и обещаниями. Гетман просил прислать в Брест «ратных людей пехоты салдацкого строю две тысячи человек или болши»⁵³, чтобы, как говорил он А.И. Нестерову, «твой государев указ послушен и страшен был»⁵⁴. Все эти высказывания показывают, что часть политической элиты Великого княжества Литовского, которая объединилась вокруг гетмана Павла Сапеги, оценивала сложившееся положение как катастрофическое и готова была искать выход из него, опираясь на поддержку царя. Такие оценки сложились здесь к середине февраля, когда А.И. Нестеров отправил свою отписку царю, а после 14 февраля положение продолжало ухудшаться.

Была еще одна важная причина, побуждавшая магнатов и шляхту, объединившихся вокруг Павла Сапеги, искать помощи

52 Там же. Л. 119–120, 123–124, 135.

53 Там же. Л. 121.

54 Там же. Л. 124.

и поддержки царя, это — опасения, которые вызывал у них союз Ракоци и Хмельницкого. У этой части правящего слоя Великого княжества Литовского уже давно вызывали серьезные опасения попытки казацких войск на территории Белоруссии расширить здесь свои владения. Союз с Ракоци открывал для Войска Запорожского в этом отношении новые возможности. Павел Сапега просил царя, чтобы тот послал «повеление» Хмельницкому, чтобы «черкас от Ракоци венгерского отлучил». Если, — доказывал он, — казаки «будут послушны твоему государеву указу, так, де, и Корона Польская и Великое княжество Литовское от тебя, государя, страшны и твоему государеву указу послушны будут». Как пессимистично в феврале 1657 г. оценивали в Бресте и перспективы будущих отношений с Запорожским Войском, показывает обращенная к царю просьба гетмана, чтобы, если Ракоци с помощью «черкас» утвердятся на польском троне, царь добился заключения договора, по которому бы России и Великому княжеству Литовскому «от запорожских черкас... измены какие и шкоды и войны не было»⁵⁵.

Нашло свое выражение в беседах с А.И. Нестеровым и острое соперничество между литовскими гетманами и группировками, во главе которых они стояли. П. Сапега жаловался, что В. Госевский пассивно стоит с войском в Жемайтии, «а промыслу и раденья над свейскими немцы от него... нет», не предпринимает он никаких действий и против союзника шведов — курфюрста. Он советовал не посылать на помощь Госевскому русские войска, так как они «при Гансевском будут без промыслу же», и призывал Госевскому «не верить»⁵⁶. Его сторонник К. Завиша также говорил гонцу, что он и другие сенаторы подозревают, что польный гетман ведет тайные переговоры с Карлом Густавом⁵⁷.

С открытыми обвинениями В. Госевского в соглашении с Ракоци и шведами выступил перед виленским воеводой Анджей Юшкевич, скарбник мозырский⁵⁸. Ссылаясь на то, что он узнал «с великие дружбы» у С. Медекши, он утверждал, что Госевский обманывает царя. Он просит у Алексея Михайловича денег, пороха и свинца, но на что пойдут деньги и запасы, выяснится, ког-

55 Там же. Л. 125–127.

56 Там же. Л. 129–132.

57 Там же. Л. 133.

58 АМГ. Т. III. № 963. С. 568.

да «Ракоци с войском подойдут поближе», а 27 февраля он уже прямо заявил, что В. Госевский вступил в союз с Хмельницким и шведами, чтобы «посадить на королевство Ракоцу», а затем идти войной «в города твоего царского величества». Его жена до сих пор находится у курфюрста, «потому что он с шведы заодно», а сам гетман опирается на таких людей, как А. Сакович, К. Жеромский, «которые преж сего были у шведов с Радивилом»⁵⁹.

Со своей стороны В. Госевский просил не верить посланцу П. Сапеги к царю Станиславу Масальскому⁶⁰, а А. Сакович говорил о связях виленского воеводы с противниками выбора царя в Короне⁶¹. Наконец, важные сведения привез с Украины 25 марта В.П. Кикин. Уже после его отъезда из Чигирина, 14 марта, гетман сообщал ему, что «про ляхов мало где слышать собраньем великим, все розно поразбегались», «не смеют поля дати». Войска Ракоци идут к Кракову⁶².

Все это позволяло русским политикам представить весь размах происходивших событий, цели, которые преследовали те, кто начал новую военную кампанию. Выступление Дьердя Ракоци с притязаниями на польский трон показывало, что речь идет не о конфликте из-за какой-то отдельной территории, а о стремлении поставить под свою власть все Польско-Литовское государство. Вместе с тем было очевидно, что в своих действиях Ракоци опирается на военную поддержку Карла Густава и Хмельницкого, то есть против Речи Посполитой выступает уже не только Швеция, но целая коалиция. Полученные сведения свидетельствовали также о том, что войска союзников продвигаются по стране, не сталкиваясь с серьезным сопротивлением. О достигнутых успехах говорил приход войск Ракоци к польской столице — Кракову. Подробные сообщения о положении в стране, поступившие из Бреста, говорили о настроениях безнадежности и отчаяния, охватывающих политическую элиту и более широкие круги шляхты, и все это живо напоминало положение, сложившееся в Речи Посполитой во время «Потопа», с той разницей, что теперь никто не возлагал надежд ни на шведского короля, ни на Ракоци.

59 РГАДА. Ф. 78. 1657 г. № 2. Л. 164–166.

60 Там же. Л. 239.

61 Там же. Л. 28 (письмо А. Саковича — А.С. Матвееву от 25 февраля н. ст.).

62 АЮЗР. Т. 3. № 379. С. 661.

На таком фоне в Москве начались переговоры с посланцами Яна Казимира и сенаторов. Посланец сенаторов Владислав Комар въехал в Москву 16 марта, посланец короля Игнатий Банковский еще раньше — он беседовал с дьяком Посольского приказа Ефимом Юрьевым уже 14 числа⁶³. Какую же позицию заняли в Москве по отношению к сообщениям и просьбам, исходившим от Яна Казимира и сенаторов?

Позиция эта была твердой и жесткой. Никаких обещаний оказать помощь дано не было. В «ответе» бояр сенаторам, врученном их посланцу В. Комару 22 марта, снова в резкой форме повторялись те обвинения польской стороны в нарушении условий перемирия, которые были ранее включены в грамоту, посланную с К. Иевлевым. С русской стороны, — говорилось в грамоте, — «не такие семена сеяны», чтобы «с ваши стороны кровавые цветы износить». В грамоте говорилось, что царь ходил в поход на шведов со всем своим войском, на помощь к П. Сапеге был послан отряд во главе с С. Масальским, который участвовал во взятии Тикоцина, В. Госевскому отправили порох и свинец, но никаких обещаний помощи в будущем в грамоте не было⁶⁴.

На встрече с посланцами 20 марта в ответ на просьбы о помощи бояре также резко заявили: «с королевского величества стороны только прошение о всяких послилках, а не о совершенье того начатого дела»⁶⁵. Тем самым посланцам четко давалось понять, что какая-либо помощь будет оказана только после того, как польско-литовская сторона выполнит обязательства, взятые на себя по Виленскому договору: будет созван сейм и на нем принято решение об избрании царя преемником Яна Казимира. Бояре разъяснили посланцам: если бы в Москву хотя бы привезли торжественное обязательство за подписями короля и сенаторов, «что добро начатое дело о обранье... в совершенье приведено будет на нынешнем пришлом сейме безо всякие проволоки», то можно было бы и оказать помощь — послать войска, «а то ныне верить стало нечему»⁶⁶.

Одновременно русская сторона четко дала понять, как она представляет себе характер будущего сейма. На встрече 20 мар-

63 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 10. Л. 64; Там же. № 11. Л. 77.

64 Текст грамоты см.: Там же. Л. 174–187. Аналогичный текст и в грамоте, врученной И. Банковскому: Там же. № 11. Л. 198–215.

65 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 11. Л. 171.

66 Там же. Л. 188–189.

та посланцам было разъяснено, что сейм должен собраться для решения только одного вопроса — о «обиранье царя на польский трон». Только для решения этого вопроса и приедут на сейм «великие» послы Алексея Михайловича. А если на сейме будут обсуждать вопрос «о границах и иных каких делах, которые были на съезде, и будет только те дела на сейме будут, и царского величества великим и полномочным послом и ехать будет не для чего»⁶⁷. По-видимому, предполагалось, что все эти вопросы должны решаться в соответствии с условиями, выставленными русской стороной на переговорах под Вильно. В пользу такого понимания позиции русской стороны говорит одна важная деталь переговоров. В «пунктах», переданных русской стороне посланцем Яна Казимира, король настаивал на том, чтобы за ним был признан титул «великого князя литовского». Это предложение аргументировалось тем, что царя для того и выбирают на польский трон, чтобы Польша могла бы, как и ранее, соединиться с Литвой⁶⁸. Когда в соответствии с инструкцией посланец поднял этот вопрос, его предложение было отклонено в крайне резкой форме — «чтоб он о том больши того и не говорил»⁶⁹.

В «инструкции» Ян Казимир возражал против созыва на территории Великого княжества Литовского, занятой русскими войсками, сеймиков, которые должны были выбрать послов на сейм. Король доказывал, что сеймики должны быть созваны по его «универсалам»⁷⁰. Излагая эти предложения, посланец Яна Казимира добавил: «А толко б, де, та присяжная шляхта были на сойме, и их бы корунная шляхта и в совет не приняли»⁷¹. Это предложение было также отклонено. Бояре расценили его как сделанное для «проволаки» — задержки созыва сейма⁷².

Очевидно, желая добиться смягчения позиции русской стороны, посланец Яна Казимира подробно говорил о предложениях французского и голландского послов, чтобы Ян Казимир, заключил мир со шведами, «и случась с татары и казаки», пошел походом на Россию. От имени своих государств послы обещали королю поддержку, а голландские послы заверили, что в этом

67 Там же. Л. 187.

68 Там же. Л. 118.

69 Там же. Л. 171.

70 Там же. Л. 118об.

71 Там же. Л. 163.

72 Там же. Л. 164.

случае «ис своих земель мушкетов и пушек и никакова воинского запаса в Российское государство отпускать не учнут»⁷³. Однако на русских представителей эти сообщения сильного влияния не оказали. Ход событий ясно показывал, что в ближайшее время никакого соглашения между Речью Посполитой и Швецией не предвидится, а другие высказывания посланца ясно показывали, что Речь Посполитая находится в тяжелом положении и крайне нуждается в помощи. Когда во время переговоров был поднят вопрос о помощи и о гарантиях выполнения Речью Посполитой своих обязательств, посланец заявил: пусть царь вышлет войска на границу, и если в течение 6 недель не придет сообщение о созыве сейма, то «вольно его царскому величеству в то время войска свои обратить на Коруну Польскую»⁷⁴. Стоит отметить в этой связи и просьбу посланца (повторенную во время переговоров дважды), чтобы царь прислал «ратных людей» для охраны участников сейма⁷⁵. Все это давало основание для того, чтобы диктовать польско-литовской стороне свои весьма жесткие условия.

Посланцы еще не успели вернуться с полученным ответом, как в Россию была отправлена еще одна дипломатическая миссия. Решение об этом было принято на съезде сенаторов, который Ян Казимир, сумевший в феврале с помощью С. Чарнецкого выбраться из заблокированного Гданьска, созвал в Ченстохове у границы с Силезией. Положение оставалось крайне неблагоприятным. Сохранялось и сознание того, что вмешательство России может привести к катастрофе, и потребность в русской военной и дипломатической поддержке. По-видимому, и король, и сенаторы пришли к заключению, что одних разъяснений того, почему оказалось невозможно созвать сейм зимой 1656/57 г., недостаточно для того, чтобы предотвратить вмешательство России и, напротив, обеспечить себе ее поддержку. Выполнение миссии, которая должна была добиться достижения этих целей, была возложена на известного дипломата Яна Шумовского.

Во врученной ему королевской грамоте⁷⁶ содержалось обещание созвать сейм 28 мая 1657 г. Одновременно король сно-

73 Там же. Л. 165–166.

74 Там же. Л. 190.

75 Там же. Л. 164, 171.

76 Перевод текста грамоты Яна Казимира, датированной 7 марта н. ст., см.: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 12. Л. 56–62.

ва просил, чтобы царь против Карла Густава и его союзников «людми и снарядом пристойную прислал помощь». Как представляется, участники съезда в Ченстохове понимали, что в сложившейся ситуации сейм созвать не удастся. Не случайно в грамоте не указывалось, в каком месте будет созван сейм, здесь лишь содержалось беспрецедентное заявление, что сейм будет созван там, «где на то время особою своею нашего королевского величества пребывать будем». Такое обещание, вероятно, по мысли собравшихся в Ченстохове политиков должно было лишить русскую сторону законного основания для вмешательства, успокоить царя и его советников и склонить их к сотрудничеству в Речью Посполитой.

Планы такого сотрудничества, лишь намеченные в королевской грамоте, были подробно изложены приехавшим в Москву посланцем. Как и раньше, речь шла о том, чтобы Речи Посполитой была оказана военная помощь против шведов и чтобы царь заставил казаков разорвать союз с Ракоци⁷⁷. Посланник должен был передать дьякам Посольского приказа перехваченное письмо шведского резидента в Чигирине Г. Велинга от 28 января 1657 г., в котором говорилось, что гетман верен своим обязательствам по отношению к шведам и Ракоци⁷⁸.

Этим теперь, однако, дело не ограничивалось. Ян Шумовский должен был просить, чтобы царь отправил послов к султану, которые добились бы, чтобы султан «Ракоце велел ис Польской земли выступить». Он должен был также предложить, чтобы царь вступил в союз с датским королем против Карла Густава⁷⁹.

Ян Шумовский въехал в Москву 20 апреля⁸⁰, 6 мая был принят царем и вручил ему королевскую грамоту⁸¹, но лишь 1 июня его пригласили, чтобы выслушать предложения Яна Казимира⁸². Русское правительство явно уклонялось от продолжения переговоров с польским королем, очевидно, выжидая, к чему

77 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 12. Л. 75, 77.

78 Перевод письма см.: Там же. Л. 89–93. О переговорах Я. Шумовского в Москве относительно политики Б. Хмельницкого см. подробнее: *Грушевський М.С. Історія... Т. ІХ/2. С. 1379–1380.*

79 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 12. Л. 79, 80.

80 Там же. Л. 24.

81 Там же. Л. 50.

82 Там же. Л. 70.

приведет война с Карлом Густавом и его союзниками. Это, однако, вовсе не было признаком пассивности. Наоборот, если в феврале-марте в Москве только наблюдали за развитием событий, то в апреле — начале мая здесь был предпринят ряд шагов, чтобы повлиять на их ход. Толчком к этому стала информация о положении в Речи Посполитой, которая из разных источников стала поступать в Москву в апреле 1657 г. Среди этой информации был ряд важных сообщений о планах и действиях Богдана Хмельницкого.

Так, 24 марта Посольский приказ поступил от А.Л. Ордина-Нащокина и были там переведены тексты писем Богдана Хмельницкого к И. Радзейовскому и Богдана Хмельницкого и писаря И. Выговского к Карлу Густаву от января 1656 г. — еще одно свидетельство самостоятельности политики гетмана, проводившейся им в нарушение взятых им обязательств⁸³. Впрочем, эти факты относились к прошлому, для царя и его советников гораздо больший интерес представляли сообщения о действиях гетмана в настоящем. Так, в тот же день 24 марта в Посольский приказ поступила и отписка А.Л. Ордина-Нащокина, в которой говорилось, что Хмельницкий послал на «помощь» Ракоци «на поляков полковника Онтоня с черкасы»⁸⁴.

Особый интерес для русского правительства представляли сведения о планах союзников, связанных с Хмельницким. Сообщения о них, правда, существенно расходились между собой. О разделе Речи Посполитой между союзниками с тем, чтобы к Хмельницкому отошли Волынь и Подолия, сообщал А.С. Матвееву староста ошмянский А. Сакович. По его словам, разделив Речь Посполитую, союзники намеревались «наступити на царя московского, чтоб у него то выдрать и до Инфлянт королю свейскому прилучить», что войска царя заняли во время войны 1654–1655 гг.⁸⁵ На встрече 19 марта о таких планах союзников говорил А.С. Матвееву и гетман В. Госевский⁸⁶. Наиболее подробно о планах союзников рассказал А.И. Нестерову гетман Павел Сапега на встрече 18 февраля. Его сообщения должны были представлять для русского правительства особый инте-

83 Переводы писем см.: РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 149–156.

84 Там же. Л. 140.

85 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 180–181.

86 Там же. Л. 236.

рес, так как за день до этого был задержан шведский резидент при Хмельницком Г. Велинг, который ехал к Карду Густаву в Пруссию⁸⁷. Поэтому можно было предполагать, что свои сведения П. Сапега почерпнул из весьма компетентного источника. В отличие от Госевского, он говорил, что союзники не стремятся к войне с Россией и готовы оставить под властью царя «Белую Русь». Великое княжество и Корона Польская должны отойти под власть Ракоци, Бранденбург и Курляндия должны находиться под верховной властью шведского короля, а к Хмельницкому, как указывалось и в других сообщениях, должны были отойти Волынь и Подолия. Вместе с тем Сапега указывал, что Хмельницкий будет признавать своим сюзереном царя, но характер их отношений должен измениться: гетман должен пребывать под властью царя «особно, не подданным, так же, как был у польского короля курфюрст бранденбургский»⁸⁸. П. Сапега сообщил также (об этом, очевидно, он тоже узнал от Г. Велинга), что еще в ноябре 1656 г. к Хмельницкому отправлены шведские «великие» послы для заключения договора о союзе, «а велено, де, им идти из Прус» через земли Империи в Молдавию⁸⁹. Ряд более конкретных сообщений говорил о проблемах, возникших в связи с заключением Хмельницким союзов со Швецией и Трансильванией.

25 февраля 1657 г. шляхтич Ошмянского повета Андрей Юшкевич информировал виленского воеводу М. Шаховского о положении, сложившемся в Полесье со вступлением туда войск Хмельницкого. Собравшаяся на сеймик шляхта Пинского повета не могла решить, кому она должна присягать: царю или Ракоци⁹⁰.

Еще более сложная ситуация стала складываться в Белоруссии. Здесь на территории, занятой русскими войсками, находилась не подчинявшаяся русской власти сильная крепость в Слуцке — владение Богуслава Радзивилла, главного сторонника шведов в Великом княжестве Литовском. Во время разговора с А.И. Нестеровым П. Сапега сообщил ему, что, как писали Хмельницкий и Выговский Богуславу Радзивиллу, Войско Запо-

87 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 3. Л. 4.

88 Запись высказываний П. Сапеги см.: Там же. Л. 2. О дате разговора см.: РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 44. Л. 159.

89 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 3. Л. 4–5.

90 Там же. № 2. Л. 164.

рожское берет Слуцк под свою защиту⁹¹ — при сложившемся к зиме 1656/57 г. положении это означало защиту Слуцка от русских войск. Но этим дело не ограничилось. 20 февраля в Вильно к воеводе М. Шаховскому «конный шляхтич» доставил письмо новогрудского воеводы П. Вяжевича о том, что «с Чигирина» движутся к Слуцку казацкие отряды, которые, взяв из Слуцка пушки, хотят напасть на Ляховичи — крепость, принадлежавшую П. Сапеге, а полковник Хмельницкого И. Нечай из Бобруйска намеревается ударить на Вильно и Минск⁹².

3 марта 1657 г. А.И. Нестеров получил сообщение, что созванное П. Вяжевичем дворянское ополчение Новогрудского воеводства вступило в войну с «черкасами» и побила их «с пятьсот человек»⁹³. Сообщения Вяжевича подкреплялись информацией из других источников. Так, захваченный в начале марта гонец из Слуцка сообщил на пытке, что собравшиеся в Пинске казацкие полки должны идти к Бресту против Павла Сапегы, а затем «под Ковну и под Гродно, и под Вильню». Предполагалось, что «черкасы будут под Вильна после Велика дня» (т. е. после Пасхи. — Б.Ф.). Такие сообщения не могли не вызвать беспокойства московских правящих кругов. Их внимание должно было привлечь и сообщение гонца, что к Павлу Сапеге приходил посол Хмельницкого в сопровождении большого отряда, «чтоб он, Павел Сапега, поддался Хмельницкому добровольно»⁹⁴.

К апрелю в Москве уже располагали ответом гетмана на грамоту, посланную к нему с В.П. Кикиным⁹⁵. Гетман снова убеждал царя, что не следует полагаться на поляков, которые не станут выполнять условий Виленского договора. Он ссылаясь при этом на высказывания польского посла Станислава Беневского, который добивался возвращения Войска Запорожского под королевскую власть. По его словам, соглашение под Вильно было заключено по необходимости и не будет выполнено, поляки и не думают избирать царя на польский трон. Тем самым гетман снова пытался повернуть русское правительство к политике, направленной против Речи Посполитой.

91 Там же. № 3. Л. 5.

92 Там же. № 2. Л. 148 (текст письма); Л. 112 (пересказ его содержания в воеводской отписке).

93 Там же. № 3. Л. 32.

94 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 272. Л. 417–419.

95 Перевод грамоты от 13 марта 1657 г. // АЮЗР. Т. III. С. 597–599.

Вместе с тем гетман писал, что выслал против Речи Посполитой войско лишь после того, как земли Запорожского Войска подверглись нападениям со стороны поляков и стало известно, что польские дипломаты побуждают к нападению на них крымского хана. Одновременно гетман утверждал, что принял решение о войне, не имея никаких соглашений с Ракоци, лишь случайно выступления казацких войск и Ракоци совпали по времени и гетман не намерен поддерживать его притязания на польский трон⁹⁶.

В Москве, конечно, не были столь наивны, чтобы принять заявления и декларации со стороны Речи Посполитой за чистую монету. Здесь, однако, полагали (на это указывает поведение русских представителей на переговорах с прибывшими в Москву польско-литовскими дипломатами), что в том критическом положении, в котором оказалось Польско-Литовское государство в первые месяцы 1657 г., оно будет вынуждено выполнять условия заключенного под Вильно соглашения. Правда, как увидим далее, есть основания полагать, что сведения, полученные от Хмельницкого, содействовали определенным переменам в русской внешней политике, но не в том направлении, как хотел Хмельницкий, — Россия не присоединилась к антипольской коалиции. Заверения гетмана, что выступление его войск никак не связано с выступлением Ракоци, как показал уже М.С. Грушевский⁹⁷, никак не могли быть убедительными для русского правительства, располагавшего целым рядом серьезных свидетельств о связях Хмельницкого не только с Ракоци, но и с Карлом Густавом. Поступавшие сообщения также достаточно определенно говорили о том, что казацкое войско соединилось с армией Ракоци и не предпринимает никаких мер для того, чтобы привести население занятых ею территорий к присяге на имя царя. Никаких обещаний на этот счет не содержала и грамота гетмана. Было очевидно, что гетман вопреки обязательствам, взятым на себя по Переяславским соглашениям, проводит самостоятельную политику, находящуюся в прямом противоречии с русским внешнеполитическим курсом. Вместе с тем стремление гетмана

96 Об ответе гетмана на царскую грамоту, присланную с В.П. Кикиным, см. подробнее: *Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1350–1351.*

97 Там же. С. 1352.

скрыть нежелательные факты от Москвы, представить свою политику в приемлемом для русского правительства свете говорило о том, что он не стремится к разрыву с Россией, не хочет порывать с отношениями, установившимися после Переяславской рады. Тем самым у русской стороны сохранялась возможность добиться от гетмана отказа от его внешнеполитических планов.

19 апреля 1657 г. из Москву на Украину было отправлено посольство во главе с окольным Ф.В. Бутурлиным. Высокий ранг посла говорит о важности, которую придавали в Москве его миссии. Грамота, направленная царем гетману, не сохранилась, не сохранился и посольский наказ, но о его содержании позволяют достаточно точно судить обращенные к гетману посольские «речи», которые читаются в статейном списке посольства. Уже на беседе с писарем И. Выговским посол заявил, что царь крайне удивлен, что гетман и Войско Запорожское ведут переговоры и заключили союз с врагом царя — шведским королем Карлом Густавом, Войско Запорожское без царской воли и повеления оказывает помощь врагам царя, нарушая свою присягу. От имени царя посол выражал возмущение тем, что казацкое войско разоряет «Коруну Польскую», когда на польский трон выбран царь, и грабит живущее здесь православное население, помогая еретикам — кальвинистам⁹⁸. Эти же высказывания послы повторили и на встрече с самим гетманом⁹⁹. Во время переговоров послы выдвинули и обвинения по адресу казаков Нечая, которые разоряют имения принесшей присягу царю шляхты и выгоняют из них владельцев, из-за чего шляхтичи боятся присягать царю¹⁰⁰.

Как отметил уже М.С. Грушевский, анализируя запись переговоров, уличая казацких политиков в сношениях с Карлом Густавом, русские послы ссылались на сообщения А.И. Нестерова о его беседах с П. Сапегой¹⁰¹. Отписка А.И. Нестерова с этими сообщениями поступила в Москву 5 апреля¹⁰². Эти сведения, очевидно, и послужили толчком к принятию решения оказать давление на Хмельницкого и заставить его подчиниться русскому внешнеполитическому курсу. Обеспокоено было русское правительство и тем, что происходит в Белоруссии, — не случайно, вернувшись

98 АЮ ЗР. Т. III. С. 563–564.

99 Там же. С. 568–569.

100 Там же. С. 579–580.

101 *Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1419.*

102 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 44. Л. 159.

в ходе переговоров к вопросу о действиях казаков Нечая, послы выражали беспокойство тем, что эти казаки говорят «смутные речи», будто они избрали польским королем Ракоци¹⁰³.

Принятое решение было первым шагом русского правительства, отражавшим его стремление оказать влияние на ход событий. Тем самым приобретала четкие формы его линия поведения по отношению к Войску Запорожскому, но необходимо было определить и линию поведения по отношению к быстро нараставшим переменам в жизни Речи Посполитой. А события развивались быстро. 24 марта в Посольский приказ от А.Л. Ордина-Нащокина поступили «немецкие печатные тетради» с сообщениями о событиях, происходивших в Речи Посполитой в первые месяцы 1657 г. Запись о появлении войск Ракоци в районе Львова сопровождалась сообщением: «бискуп львовский тако ж иные начальные люди все поутекали... и шляхта все животы свои к нам везут»¹⁰⁴. В другом сообщении, где упоминалось о подходе войск Ракоци к Замостью, также читалось: «А от того вся земля в великом страхованье, и не ведают куда утекать и что делать»¹⁰⁵. Чтение таких сообщений не могло не создать впечатления, что повторяется время шведского «Потопа», когда деморализованное общество готово капитулировать перед вторгшимся противником. В том же сообщении указывалось, что Куявы и Добжинская земля обратились к шведам, «чтоб они перемирье зделали и подати им обещали»¹⁰⁶.

В тот же день 24 марта был сделан перевод присланного А.Л. Ординым-Нащокиным польского «листа», написанного одним из слуг Богуслава Радзивилла. В нем говорилось о том, что войска Ракоци заняли Краков. Надежду на сохранение своих владений автор письма связывал с тем, чтобы его господин «к милости государеве мог быть припущен»¹⁰⁷. Так же, по-видимому, рассуждал и его патрон. При встрече А.С. Матвеева в Бовске с канцлером курляндского герцога Мельхиором Фелькерзамом 19 марта канцлер сообщил ему, что Богуслав Радзивилл хочет «быть под твоею, великого государя, высокою рукою»¹⁰⁸.

103 АЮЗР. Т. III. С. 581.

104 РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 145–146.

105 Там же. Л. 146.

106 Там же.

107 Там же. Л. 143–144.

108 Там же. Л. 229–230.

На состоявшейся в тот же день встрече А.С. Матвеева гетманом В. Госевским гетман, ранее избегавший говорить с русским посланцем о событиях, связанных с вторжением Ракоци, признал серьезность положения. С приходом войск Ракоци ко Львову «многая шляхта, которая живут близу Львове, Ракоцему присягали, и от того, де, у них в войске великое замешание»¹⁰⁹. Сообщение А.С. Матвеева об этом было получено в Москве 9 апреля¹¹⁰.

Наиболее важные для русского правительства сведения сохранились в отписке А.И. Нестерова, где описывались события, происходившие в одном из главных центров политической активности магнатов и шляхты Великого княжества — в Бресте Литовском. Приехавший в Брест русский посланник стал очевидцем и участником происходивших там важных событий. После того, как на съезде сенаторов в Ченстохове было принято решение о созыве сейма 18 (28) мая 1657 г. в Бресте, стали собираться сеймики сенаторов и шляхты Великого княжества Литовского. 6–7 марта ст. ст. такой сеймик собрался в Бресте. Как сообщал в Москву А.И. Нестеров, на сеймике «приговорили и обрали» Алексея Михайловича королем польским и великим князем литовским «по отшествии Яна Казимера короля». Сеймик направил к королю послов Яна Кароля Коптя и Петра Галинского, которые должны были просить короля и сенаторов, чтобы «сейм учинить вскоре для окончания того доброго дела»¹¹¹. Полученные от А.И. Нестерова сведения в Москве могли сравнить с текстом решений сеймика в Бресте, который привез в Москву гонец Иван Михайлов, ездивший к новгородскому воеводе П. Вяжевичу¹¹².

В своих решениях участники съезда называли его «конвокацией» сенаторов и шляхты Великого княжества Литовского потому, что в его работе участвовали жители Великого княжества, нашедшие приют на Подляшье. В работе «конвокации» участвовали как ее начальник — маршалок Великого княжества К. Завиша, великий гетман П. Сапега, генеральный староста жмудский Е. Глебович, воевода брестский М. Бжозовский, воевода витеб-

109 Там же. Л. 234–235.

110 Там же. Л. 229.

111 Там же. № 3. Л. 23–24.

112 Там же. № 7. Л. 84–103, 104–123 (другой список).

ский В. Волович, воевода мстиславский Е. Друцкий-Горский и ряд других сенаторов.

В 9 статье принятых решений действительно говорилось о том, что ее участники добиваются скорого созыва сейма, чтобы заключенные под Вильно соглашения «к счастливо приведены были совершенно», но большая часть принятых решений говорила о тяжелом положении Великого княжества и содержала отчаянные просьбы о помощи.

О себе участники «конвокации» писали: «пришли есмь до последнего разорения, волочась, яко бедные выгнанные, по чужим углам» (ст. 1.). Участники «конвокации» обращали внимание на плачевное состояние войска, которое давно не получает жалованья и после 9 мая готово бросить службу, «а коней и наряду у них не стало» (ст. 3–4). Говорилось в принятых решениях и о необходимости принять меры для завершения строительства крепости в Бресте (ст. 15–16). Сенаторы и шляхта требовали, чтобы им предоставили «на время где ни буди место на прожиток», в противном случае, — говорилось в решениях, — они будут вынуждены «поврашатца к разоренным маетностям своим» (ст. 8). Так как «маетности», хотя и разоренные, находились на территории, занятой русскими войсками, то это означало, что сенаторы и шляхта, если не получают материальной и военной помощи со стороны Короны, будут вынуждены подчиниться власти царя. Очевидно вместе с тем, что на такую поддержку трудно было рассчитывать, когда по землям Польского королевства перемещались войска Ракоци, Хмельницкого и Карла Густава¹¹³.

Важным дополнением к этим сведениям служило сообщение А.И. Нестерова состоявшейся у него 11 марта, т. е. через несколько дней после созыва сеймика, встрече с главными участниками съезда П. Сапегой, Е. Глебовичем и К. Завишей. Они просили прислать в Брест «пехоты салдацкого строю» для защиты участников сейма от войск Карла Густава и Ракоци. «А... бес пехоты в Бресте никак не мочно» находиться, — подчеркивали участники встречи. Они хотели бы кроме того, чтобы русский гарнизон разместился в только что отобранном у шведов Тикоцине¹¹⁴. Сам

113 Подробнее о съезде в Бресте см.: *Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa, 2002. S. 303–304.*

114 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 3. Л. 26–28.

А.И. Нестеров также сообщал царю, что П. Сапега боится прихода вражеских войск к Бресту, где «городовые крепости нет и ратных людей пехоты только с пятьсот человек, и пороху мушкетново и пушечново и свинцу мало»¹¹⁵.

Все эти сведения рисовали яркую картину тяжелого положения «остатков» Великого княжества, растерянности правящей элиты, ее сознания неспособности отразить противника своими силами, ее надежды на выход из тяжелой ситуации с помощью царя. Для отношений, складывавшихся к этому времени между представителями политической элиты Великого княжества и русским монархом, показательным можно считать эпизод, когда в Брест пришли сведения о смерти литовского канцлера А. Радзивилла. Встретившись с А.И. Нестеровым, Е. Глебович просил, чтобы царь добился предоставления ему должности литовского канцлера, а получив ее, литовский магнат будет «служить» царю и «ведоме о всем» к нему писать¹¹⁶.

Важные сведения о событиях, одновременно происходивших в Жемайтии, А.Л. Ордин-Нащокин получил от курляндского герцога. Сеймик жемайтской шляхты В. Госевский созвал в Упитском повете. Судя по тому, что было известно герцогу, выбранные послы на сейме в Бресте должны были добиваться выполнения Виленского договора и в случае отказа «король бы и Речь Посполитая им, поветам княжства Литовского, волю учинили, где их маетности, там в подданстве и самим быть»¹¹⁷. Отписка А.Л. Ордина-Нащокина с рассказом о решениях съезда поступила в Посольский приказ 29 апреля¹¹⁸. Судя по этим сообщениям, позиция обоих литовских съездов была идентичной – в решениях обоих достаточно определенно звучало утверждение, что если Корона не поможет Литве в ее тяжелой ситуации, то ей ничего другого не остается, как подчиниться власти царя. Немедленной реакции на эти сообщения не последовало, но развитие событий в Речи Посполитой все более принимало такой оборот, что русское правительство оказывалось перед необходимостью срочного принятия важных политических решений.

115 Там же. Л. 36.

116 Там же. Л. 37.

117 Там же. № 2. Л. 200–201.

118 Там же. Л. 199.

Если в конце марта на горизонте лишь зарисовывалась угроза соединения войск союзников, то к середине апреля эта угроза стала реальностью: трансильванско-казацкая и шведская армии соединились в районе Сандомира. На военном совете было принято решение перейти Вислу и идти походом к Люблину, куда отступила коронная армия во главе с С. Потоцким. Разбив это войско и заняв Люблин, союзники должны были идти к Бресту Литовскому, разбить литовское войско и овладеть этим городом. По планам Карла Густава город Брест должен был стать базой для новых военных операций, куда должны были прийти войска с Украины, продовольствие из Литвы и Мазовии, артиллерия из Пруссии.

Задуманный план начал затем осуществляться. Карл Густав накануне перехода войска через Вислу направил к Хмельницкому посольство, целью которого было добиться посылки к Бресту новых казацких войск для усиления корпуса А. Ждановича. В конце апреля — начале мая, перейдя Вислу, войска союзников заняли Люблин. Армия Потоцкого, не приняв боя, отступила. Во время отступления войско разделилось, часть его двинулась на сilesкую границу к Яну Казимиру, часть во главе с Потоцким отошла на восток, чтобы соединиться с литовским войском П. Сапеги. Вслед за ним двинулось на восток войско союзников. Карл Густав снова рассчитывал в сражении разбить соединенное войско противников, но гетманы отступили. Войско С. Потоцкого двинулось к Кобрюню, а оттуда пошло на юг, а войско П. Сапеги отошло к Каменцу Литовскому. Войска союзников двинулись к Бресту¹¹⁹.

Первые известия о происшедших переменах привез в Москву принятый царем 18 мая в селе Покровском королевский посланник Казимир Монтримович¹²⁰. Посланец был отправлен 6 мая н. ст. из Данкова близ сilesкой границы, где находился в то время Ян Казимир. Извещая царя, что из Австрии «войска нам немалые на помощь идут», король просил выслать русские войска против курфюрста — союзника шведов¹²¹. Во время предшествующих приеме «разговоров» посланец сообщил, что ко-

119 *Herbst S. Wojna obronna...* S. 105–106; *Грушевський М.С.* Історія... Т. IX/2. С. 1392–1393, 1397–1398.

120 О дате приема см.: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 15. Л. 12.

121 Там же. Л. 27–28.

ронные гетманы отошли к южной границе, чтобы «сходитца с ханом крымским», что войска Ракоци и шведов заняли Самбор, Люблин, Лович. Эти войска находятся в 6 милях от Бреста, под стенами которого уже появляются их «подъезды». Если эти войска подойдут к Бресту, то, по мнению посланника, «Брест от свейского и от Ракоцы не отсидитца»¹²². На встрече 20 мая с Н.И. Одоевским посланник, ехавший через земли Великого княжества и встречавшийся с Павлом Сапегой, передал его просьбу о срочной помощи. Он рассчитывал на поддержку С. Чарнецкого, но «меж их учинилась брань» и Чарнецкий увел свое войско¹²³.

Достоверность этих сообщений подтверждала отписка А.И. Нестерова, поступившая в Посольский приказ 20 мая¹²⁴. В ней сообщалось о соединении сил союзников, занятии их войсками Люблина и о том, что коронные гетманы, «не бився с Ракоцею, побежали», а войска союзников идут к Бресту. Нестерову великий гетман сказал, что он не в состоянии продолжать войну.

Ход событий показывал бессилие Речи Посполитой в борьбе с врагом и отчаянное положение, в котором оказались «остатки» Великого княжества Литовского. Вместе с тем в Москве не могли не быть обеспокоены вторжением войск союзников на территории, которые здесь относили к зоне своего влияния.

К каким решениям склонились в Москве под впечатлением полученных сообщений, показывает запись высказываний Н.И. Одоевского при его встрече с К. Монтримовичем 20 мая. В «разговорах» Монтримович сообщал и благоприятные для Речи Посполитой сведения. Так, он говорил, что к коронным гетманам на юге присоединится хан с 100-тысячным войском, а от императора уже прислан на помощь отряд рейтар и ждут новых подкреплений¹²⁵. В ответ Н.И. Одоевский сказал, что помощи Речь Посполитая не получит, «надеятца на цесарское войско нечево», т. к. в Вене заняты выбором нового императора после смерти Фердинанда III, а татары остаются в Крыму, «и та их надежда ни во что». Корона Польская уже разорена войсками шведов и Ракоци. Если Великое княжество Литовское хочет избе-

122 Там же. Л. 23–24.

123 Там же. Л. 37–38.

124 Отписка А.И. Нестерова не сохранилась, ее пересказ см. в наказе Д.И. Остафьеву: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 17. Л. 17–18.

125 Там же. № 15. Л. 23–24.

жать такой участи, следует «бить челом великому государю его царскому величеству под его высокую руку» и тогда царь станет его «от неприятеля боронить». Разговор закончился настоятельным предложением передать его слова гетману Павлу Сапеге и виленскому епископу¹²⁶. Во всем этом разговоре с королевским посланником о короле ничего не говорилось и никаких высказываний, адресованных королю, ближний боярин не сделал.

Под впечатлением полученных сообщений в Москве, очевидно, пришли к выводу, что Королевство Польское уже захвачено враждебной коалицией. В этих условиях добиваться исполнения условий Виленского договора не имело смысла, но можно было использовать сложившееся критическое положение для утверждения русской власти на тех землях Великого княжества Литовского, которые еще не вошли в состав Русского государства. Для осуществления этого решения в Москве приступили к подготовке ряда дипломатических миссий. Из сохранившейся записки Н.И. Одоевского видно, что одновременно подготавливались указы «Авраму и Артемону, и Денису, и Желябужскому». Документы подготавливались в Покровском, где их обсуждал царь вместе с боярской думой¹²⁷. 28 мая датированы и тексты грамот, и врученные посланцам указы. Очевидно, к этому времени работа была закончена.

Особое значение придавалось двум миссиям, которые должны были направиться в Великое княжество Литовское. Авраам Лопухин должен был направиться в Жемайтию к гетману В. Говсевскому, Денис Остафьев — к Павлу Сапеге. Им в качестве помощников — экспертов были приданы местные уроженцы: Лопухину — Миколай Тихановецкий, с которым консультировались при составлении наказов¹²⁸, а Остафьеву — Юрий Ермолич, который сообщил, что хорошо знает одного из главных офицеров войска Сапеги — Х. Полубенского¹²⁹.

О характере поручений, которые они должны были выполнить, ясно говорит такой документ, как грамота царя Алексея

126 Там же. Л. 41–42.

127 Там же. № 16. Л. 39–39об.

128 См. текст подававшихся им 23 мая «статей» с резолюциями царя: Там же. Л. 20 и сл.

129 Там же. Л. 61. М. Тихановецкий советовал не привлекать Ермолича — «человек он обычной и веры не их римской», к тому же «сидел он на веже (т. е. был в тюрьме. — Б.Ф.)» (Там же. Л. 60).

Михайловича, адресованная «Воиска Жемоицкого полковникам и ротмистром и всяким начальным людем и всему воиску жемоицкому и всем обывателем княжства Жемоицкого». Грамота начиналась с констатации, что царю «поручил Бог» Великое княжество Литовское, «а княжество Жмутцкое издавна присовокуплено» к этому государству. Теперь «неприятели» пришли под Брест, король и гетманы «от них убегают», П. Сапега от города отступил к Пружанам, «а войска при нем только с три тысячи да и те за незаплатною хотят идти в рознь». Войско во главе с В. Говсевским тоже не в состоянии дать отпор противнику. Поэтому жителям Жемайтии следовало бы, «не допускаячи маетностям своим конечного разоренья, от Великого княжества Литовского не отлучатися» и принести присягу царю. Царь защитит их от неприятеля, а за ними сохранятся все «вольности», владения и должности «по королевским привилеям»¹³⁰.

Хотя грамота адресовалась всем жителям, речь шла, как видно из содержания наказов, врученных посланцам, прежде всего о присяге царю гетманов и войска. Предполагалось, что присяга может быть принесена перед воеводой В.Б. Шереметевым в Борисове¹³¹, но в этом вопросе можно было пойти на уступки и договориться о другом месте присяги (например, в Вильно). При этом русская сторона принимала на себя обязательство выплачивать жалованье войску. Особой жалованной грамотой было обещано гарантировать шляхетские вольности, сохранение владений и «урядов»¹³². Следовало также обещать, что сразу после принесения присяги войску будет оказана военная помощь¹³³.

Посланцам были даны полномочия и для переговоров с войском, если его глава — гетман откажется присягать. В этом случае следовало письменно обещать, что войску сразу же после принесения присяги будет выплачено жалованье за четверть года¹³⁴. В Москве хорошо знали, что войску постоянно не выплачивают жалованье, и рассчитывали это использовать.

Были подготовлены образцы присяги «в вечное подданство», чтобы «в счастливых и несчастливых временах в подданстве веру додержат истинную безо всякие измены», и речи архиерея

130 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 16. Л. 66–71.

131 См. наказ А. Лопухину: Там же. Л. 79.

132 Там же. Л. 80, 84, 101–103.

133 Там же. Л. 81.

134 Там же. Л. 86–87.

(полоцкого епископа), который будет приводить к присяге «греческие веры людей»¹³⁵. Одновременно предпринимались меры для реального обеспечения обещаний. 5 июня царь распорядился отправить к В.Б. Шереметеву 110 000 «любских ефимков» для выплаты жалованья литовскому войску¹³⁶. Еще раньше, 30 мая, виленскому воеводе М. Шаховскому был послан приказ послать на помощь гетманам войска сразу после принесения присяги¹³⁷.

Это означало, что русское правительство было готово вступить в войну с союзниками из-за территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского. В этих условиях актуальной задачей становилось возможно более ослабить вражескую коалицию. Решению этой задачи должны были способствовать две другие дипломатические миссии. Важная миссия была поручена И.А. Желябужскому, отправившемуся в путь 9 июня. Он должен был направиться прямо в лагерь союзников и сообщить Антону Ждановичу, командующему казацким войском, что гетман Павел Сапега «бьет челом, что ему быть под... высокою рукою» царя «и с достальными городами Великого княжества Литовского». Одновременно от имени царя он должен был передать Ждановичу приказ «идти бы назад к гетману к Богдану Хмельницкому со всем войском»¹³⁸. Он должен был передать и грамоту царя Дьердю Ракоци. В ней указывалось, что князь обязался не заключать соглашений с врагами царя, а теперь он эти обязательства нарушил. Он вступил в союз с врагом царя — Карлом Густавом, а теперь напал «на Великое княжество Литовское, на те места, которые уже нам, великому государю, бьют челом в подданство». Трансильванскому князю, — указывалось далее, — следует «от шведского короля отстать и на гетмана Павла Сапегу и под иные города и места Великого княжества Литовского войной не ходить и ничем их не разорять»¹³⁹.

Одновременно с И.А. Желябужским А.С. Матвеев должен был направиться к Богдану Хмельницкому¹⁴⁰. Обращает на себя

135 Там же. Л. 127–137.

136 Там же. Л. 150–151. См. также: АМГ. Т. III. № 975. С. 575.

137 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 16. Л. 138–139.

138 Грамота царя от 28 мая. См.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 8. СПб., 1884. Стб. 1275–1276.

139 Грамота царя Дьердю Ракоци от 28 мая. См.: РИБ. Т. 8. Стб. 1271–1274.

140 Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1383.

внимание, что миссия была поручена одному из наиболее доверенных слуг царя, выполнявших наиболее ответственные поручения. Стоит отметить также, что решение было принято, когда в Москве еще не имели сведений о результатах переговоров, которые должно было вести в Чигирине посольство во главе с Ф.В. Бутурлиным. Материалы Посольского приказа, связанные с поездкой А.С. Матвеева, по-видимому, утрачены¹⁴¹, но все же можно высказать некоторые соображения о причинах такого решения и о характере данного посланцу поручения.

Во второй половине мая в руках русских властей оказались новые свидетельства того, что Хмельницкий ведет политику, находящуюся в резком противоречии с русским внешнеполитическим курсом. К. Монтримович передал в Посольский приказ текст соглашения о союзе между Хмельницким и Ракоци¹⁴², а вернувшийся в конце мая К. Иевлев привез полученные в королевской резиденции перехваченные шведские проекты соглашения о союзе с Хмельницким¹⁴³. Для царя и его советников было весьма существенно, что в этих проектах шла речь не только о заключении военно-политического союза, но и об установлении шведского протектората над Войском Запорожским. Условия предусматривали участие Войска Запорожского в «зацепной» — наступательной войне на стороне Карла Густава, сбор на его территории торговых пошлин в пользу шведского короля, передачу ему территорий «над Днепром, где его королевскому величеству крепости и города строить»¹⁴⁴. В одном из проектов особо и специально говорилось, что Хмельницкий должен добиться такого соглашения с Россией, чтобы ее западная граница проходила по Березине «и чтоб вся Литва королевскому величеству и государству свейскому досталась». «Тако же, — говорилось далее, — все, что на той стороне Березы есть, в Украине и на Волыни, чтоб

141 Сохранились лишь упоминания о поездке А.С. Матвеева в более поздних документах, отложившихся в архиве Посольского приказа.

142 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 15. Л. 71–73.

143 Тексты эти передал К. Иевлеву 28 апреля пристав с пояснением, что они привезены «из обозу короля шведского» (Документы эпохи Богдана Хмельницкого, извлеченные из Главного Московского Архива Министерства Иностранных дел. Сообщ. И.М. Каманин // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 1. Киев, 1911. С. 100).

144 Там же. С. 108, 110.

Москва отнюдь к тому дела не имела»¹⁴⁵. В Москве и ранее остро реагировали на переговоры Хмельницкого с Карлом Густавом. В ситуации, когда явно назревал конфликт с Карлом Густавом и его союзниками из-за «Литвы», соглашения и какие-либо совместные действия шведского короля и его союзников и украинского гетмана становились для царя и его советников крайне нежелательными. Представляется поэтому весьма вероятным предположение М.С. Грушевского, что А.С. Матвеев поехал в Чигирин с категорическим требованием разорвать все связи с Карлом Густавом и его союзниками.

После подготовки к отправлению этих посольств, которая завершилась в начале июня, в Москве был предпринят еще один шаг. 9 июня состоялся «отпуск» задержанного в Москве гонца курфюрста Фридриха Вильгельма¹⁴⁶. После заключения Виленского договора курфюрст оказался в сложном положении. Русско-польское сближение означало возможную перспективу войны, не только с Речью Посполитой, но и с Русским государством. Такой войны Фридрих Вильгельм старался избежать, стойко сопротивляясь попыткам шведских политиков добиться его вступления в такую войну. В сентябре 1656 г. шведский посол Шлиппенбах сообщил Карлу Густаву, что курфюрст решительно не желает разорения своей страны в войне с державой, владения которой расположены совсем недалеко от прусских границ¹⁴⁷. Такие доводы не находили понимания у Карла Густава, который полагал, что курфюрст укрепил бы безопасность своего государства, послав все свои войска в Литву и Жемайтию и разорив земли, лежащие между Пруссией и русскими владениями¹⁴⁸. Курфюрст отдавал себе отчет в реальном приближении угрозы войны после заключения Виленского договора, тем более что с польской стороны постоянно поступали слухи, что царь направляет крупные силы на помощь литовской армии¹⁴⁹. Фридрих Вильгельм не хотел войны, но и порывать с Карлом Густавом, которому удалось к концу 1656 г. сформировать антипольскую

145 Там же. С. 109.

146 РГАДА. Ф. 74. 1657 г. № 1. Л. 95.

147 *Urkunden und Actenstücke...* Т. 23. Th. 1. Berlin, 1929. S. 334.

148 *Ibid.* S. 431; *Hirsch T.* Die erste Anknüpfungen... S. 32.

149 Так, в декабре 1656 г. здесь стало известно, что на помощь В. Госевскому идет 8000 русской пехоты (*Urkunden und Actenstücke...* Т. 8. S. 140).

коалицию, он также не собирался. Выходом из положения представлялось выступить с предложением посредничества между Россией и Швецией.

После того как И. Эйленбург принял участие в русских переговорах с Магнусом Делагарди под стенами Риги, он был убежден, что бранденбургское предложение о посредничестве будет принято, и полагал, что уже русские представители, которые придут к курфюрсту для ратификации Рижского договора, привезут русские предложения о времени и месте мирных переговоров¹⁵⁰. Эти надежды, однако, не оправдались¹⁵¹. Курфюрсту не оставалось ничего другого, как самому выступить с такой инициативой. В грамоте, которую 20 ноября 1656 г. повез в Москву его гонец Иоганн Гутцлав, курфюрст предлагал свое посредничество на мирных переговорах между Россией и Швецией. Он сообщал, что король дал письменное согласие на проведение таких переговоров и со шведскими представителями в Кенигсберге достигнута договоренность о проведении таких переговоров на территории Прусского герцогства — в Клайпеде. Одновременно курфюрст просил, чтобы в соответствии с Рижским договором царь оказал ему помощь «людьми и снарядам» против нападающих на Пруссию войск В. Госевского¹⁵². Курфюрст, таким образом, использовал самые разные возможности, чтобы найти выход из создавшегося положения.

Положение курфюрста стало особенно сложным, когда к нему прибыл с русскими требованиями Ф. Обернибесов¹⁵³. Ко двору курфюрста поступали вызывавшие тревогу сообщения о планах нового похода царя на Ригу¹⁵⁴ и даже на Пруссию¹⁵⁵. Курфюрст боялся войны, но он не хотел и порывать с Карлом Густавом, особенно теперь, когда союзники добились в Польше столь значительных успехов. Не зная, по-видимому, как выйти из по-

150 *Urkunden und Actenstücke...* Т. 8. S. 25.

151 *Hirsch T. Die erste Anknüpfungen...* S. 28–29.

152 РГАДА. Ф. 74. 1657 г. № 1. Л. 54–60.

153 Фридрих Вильгельм принял его на тайной аудиенции 19 февраля 1657 г. (*Urkunden und Actenstücke...* Т. 8. S. 37).

154 Об этом сообщал резидент курфюрста в Копенгагене (*Ibid.* S. 178).

155 Так, в марте 1657 г. королева Людовика Мария писала жене курфюрста, что Алексей Михайлович находится в Смоленске с большой армией, направляющейся в Ливонию, которая начнет войну с курфюрстом, если он не порвет со шведами (*Ibid.* Т. 8. S. 203).

ложения, он задержал Ф. Обернибесова на несколько месяцев, не давая ответа на русские предложения¹⁵⁶. Одно из объяснений задержки состояло в том, что Фридрих Вильгельм не может отпустить гонца, не получив ответа на свои предложения, посланные в Москву¹⁵⁷.

Гонец курфюрста, как и Ф. Обернибесов, добрался до Москвы в начале февраля¹⁵⁸. Гонец был задержан в Москве на еще более долгий срок, чем Обернибесов в Пруссии. Документы дела о его приезде не содержат никаких объяснений о причинах его задержки. Можно лишь предположить, что в Москве, наблюдая за развитием событий, не могли решить, какова должна быть политика в отношении Бранденбурга. В начале июня это ожидание было прервано.

В грамоте, отправленной курфюрсту в ответ на его предложение о посредничестве, царь доводил до сведения будущего посредника, что Карл Густав «поступает к мирному постановлению неправдою и лестно». Царь дал согласие на мирные переговоры, наделив соответствующими полномочиями А.Л. Ордина-Нащокина, но переговоры были сорваны Магнусом Делагарди. Кроме того, шведские войска «пришли под Бресть и Бресть осадили, а гетман Павел Сапега наперед сего присылал и ныне бьет челом нам, великому государю, чтоб мы, великий государь, его пожаловали, приняли его под нашу царского величества высокую руку с достальными городами Великого княжества Литовского»¹⁵⁹. Тем самым через одного из членов коалиции царь доводил до сведения Карла Густава и его союзников, что они вторглись в зону его влияния и он не намерен этого терпеть. Одновременно в другой грамоте, врученной гонцу, царь подчеркивал, что он соблюдает мирный договор, заключенный под Ригой, и ждет того же от курфюрста¹⁶⁰. Тем самым указывалось, что

156 Принятый курфюрстом в начале февраля, Обернибесов получил «отпуск» 9 апреля (РГАДА. Ф. 74. 1656 г. № 10. Л. 52). Подробный анализ материалов, связанных с миссией Ф. Обернибесова см. в 5 главе кандидатской диссертации П.И. Прудовского «Дипломатические отношения России и Бранденбургско-Прусского государства в середине XVII в.».

157 Там же. Л. 50.

158 РГАДА. Ф. 74. 1657 г. № 1. Л. 19.

159 Там же. Л. 106–110.

160 Там же. Л. 117.

курфюрст не должен присоединяться к Карлу Густаву и Ракоци в случае их конфликта с царем. Вместе с тем это не означало, что в Москве непременно стремились открыть новый театр военных действий. В заключение своей первой грамоты царь заявлял, что, если Карл Густав «похочет миру впрямь», пусть сообщит курфюрсту свои условия мирного соглашения¹⁶¹.

Обращает на себя внимание выраженное в целом ряде документов в категорической форме утверждение, что гетман Павел Сапега с сенаторами и шляхтой «остатков» Великого княжества Литовского принес присягу царю, хотя в действительности подобное событие вовсе не имело места. Это утверждение отражало уверенность русских политиков, что в той безвыходной ситуации, в которой оказался гетман и другие жители Великого княжества, у них не остается другого выхода. В этом царя и его советников убеждали и сообщения К. Иевлева. Уже в апреле, когда Иевлев еще ехал к Яну Казимиру, сопровождавший его ротмистр сказал, оценивая силы противников: «воиско ныне за гетманы малое, а с шведом с Ракоцею идет войско потяжное, и я чаю, что уступать прочь, бою не дадут»¹⁶². В справедливости этих слов Иевлев убедился на обратном пути. 9 мая в Тикоцине гонец, ехавший от П. Сапеги к королю, сообщил ему, что войска союзников идут к Бресту, а гетман отступил. «И чаю, — говорил он, — Бресьть нынешнего дни или завтра здастся, потому что людей в ней всего 500 человек пехоты и тем боронитца нечем»¹⁶³. Сами официальные представители Речи Посполитой на переговорах с Иевлевым не скрывали, что нет возможности оказать сопротивление соединенной армии союзников: «ходят все громадою ни один без одного, а у нас послки не великие»¹⁶⁴. К. Иевлев привез с собой также документ — яркое свидетельство настроений среди литовской шляхты: Ян Тризна, староста волковыский, а с ним целая группа шляхтичей Волковыского повета просили у царя защиты от Карла Густава и Ракоци, войска которых, «перешед вдоль и поперег все Полшу, уже Великое княжество Литовское воюют»¹⁶⁵.

161 РГАДА. Ф. 74. 1657 г. № 1. Л. 110.

162 Документы... С. 85.

163 Там же. С. 105.

164 Там же. С. 96.

165 Текст письма, датированного 27 мая, см.: РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 8. Л. 94, 97–99.

На «распросе» в Вяземах 6 июня К. Иевлев сообщил последние известные ему новости. Брест сдался войскам союзников. П. Сапега с 6-тысячным войском отступил к Рожанам, но и туда пошли «загонные люди» из армии союзников «и села и деревни попалили и шляхту всю порубили»¹⁶⁶. Царя и его советников особенно должно было беспокоить сообщение К. Иевлева, что Карл Густав предложил, чтобы П. Сапега «поддался всеми своими людьми Ракоце венгерскому»¹⁶⁷.

События развивались так, что необходимо было скорее вступить в контакты с П. Сапегой, не дожидаясь того, когда отправятся в путь Д. Остафьев и Ю. Ермолич. 7 июня была составлена отправленная на следующий день В.Б. Шереметеву грамота, в которой воеводе предписывалось отправить к Сапеге «от себя» одного из дворян, предложить ему покровительство царя и обещать военную помощь, как только он принесет присягу. Он должен был также уведомить гетмана, что с ним в Борисове находятся «ратные люди многие», что означало, что русская сторона вполне в состоянии защитить «остатки» Великого княжества Литовского от войск союзников. С соответствующей грамотой к П. Сапеге 21 июня был отправлен капитан Иван Коротнев¹⁶⁸.

По-видимому, тогда же были подготовлены инструкции В.Б. Шереметеву. Текст их не сохранился, но их содержание излагается в его отписках царю. Грамоты с изложением этих инструкций он получил 18, а затем 24 июня. Содержавшиеся в этих инструкциях указания касались того, как следует действовать после того, как гетманы и войско дадут согласие принести присягу. Гетманов и их войска В.Б. Шереметев должен был привести к присяге сам, а в «войско Жемоицкое» следовало послать «к вере приводить... дворянина доброво». Одновременно Шереметев должен был сообщить гетманам, что им возвращаются их владения, «и они б послали в свои маетности урядников своих». Гетманам следовало подать «реестры», по которым войску будет выплачено жалованье «гусаром пятьдесят рублей, а рейтаром по девяти рублей на четь года». Вопрос о выделении войску «станции» должен был решаться на месте.

166 Там же. Л. 73.

167 Документы... С. 105.

168 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 16. Л. 158–160; № 17. Л. 43 и сл.

Инструкции предусматривали, что гетманы запросят военной помощи. В этом случае Шереметеву предписывалось обратиться за указаниями к царю. Если бы такая просьба последовала от войска в Жемайтии, то следовало послать туда «полковника да с ним же полк солдат». Однако при этом следовало выяснить, можно ли будет «теми людьми оборонятца от неприятеля». Если силы неприятеля окажутся значительными, то следует просить указаний у царя, а войск не посылать, «чтоб людей не потерять»¹⁶⁹.

Таким образом, в сложившемся положении русское правительство действовало осторожно. Как видно из инструкций В.Б. Шереметеву речь шла прежде всего о приеме на русскую территорию отступавших перед неприятелем литовских гетманов и их войск. Защищать Брест и прилегающие к нему земли от наступающих войск союзников царь и его советники явно не собирались. Сложившимся положением можно было воспользоваться, чтобы распространить русскую власть на Жемайтию, куда войска союзников пока не дошли. Но и от этого следовало отказаться, если бы такие действия были чреваты угрозой крупного вооруженного конфликта.

Однако и этот план, в котором, очевидно под впечатлением успехов союзников на территории Польши и Литвы, ставились цели гораздо более ограниченные, чем первоначально, не был реализован. События стали развиваться не в том направлении, как можно было судить по поступавшим в Москву известиям. Уже весной 1657 г. стали назревать перемены международной ситуации, неблагоприятные для союзников и выгодные для Речи Посполитой. Ряд сообщений о начале таких перемен привез из резиденции Яна Казимира Климент Иевлев. Так, Иевлев сообщил, что во время его пребывания в Данкове сюда прибыли послы от крымского хана, сообщившие, что он выступает на помощь королю со всем своим войском и что вместе с татарами в походе примет участие военный отряд силистрийского паши¹⁷⁰. Крым не был заинтересован в дальнейшем ослаблении Речи Посполитой, что способствовало бы нежелательному усилению

169 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 272. Л. 267–272, 282–283.

170 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 8. Л. 74 (распрос 6 июня); Документы... С. 98–99 (запись о встрече 26 апреля с литовским подканцлером Нарушевичем).

России и нарушению выгодного для ханства баланса сил в Восточной Европе. Османская империя не желала чрезмерного усиления своего вассала — трансильванского князя и поэтому охотно оказала поддержку своему другому вассалу — хану, готовому выступить против Ракоци.

Выступление трансильванского князя, обозначившаяся возможность его опасного усиления побудила к действиям Австрию, которая по иным причинам также не была заинтересована в превращении трансильванского князя в крупную политическую фигуру. Был не только заключен договор о союзе между Австрией и Речью Посполитой, но и на польскую территорию стали передвигаться, чтобы присоединиться к польской армии, австрийские войска. 25 апреля, как сообщал Иевлев, в Данков с визитом к Яну Казимиру прибыли командовавшие австрийскими войсками генералы¹⁷¹. На «распросе» 6 июня К. Иевлев сообщил еще одну важную новость: «А датцкой, де, король выступил против короля швецкого морем»¹⁷².

Абсолютной новостью эти сообщения для царя и его советников не были. Так, о намерениях датского короля начать войну со шведами сообщал на встрече 1 июня Ян Шумовский¹⁷³. Казимир Монтримович говорил уже о том, что «на Поморскую землю наступил датцкий король», о выступлении хана в поход, о приходе первых военных отрядов из Австрии, о том, что султан послал пашу Силистрии с войском в Трансильванию, предлагая местным сословиям, «чтоб они обрали иногю»¹⁷⁴. В Москве не могли игнорировать эти сообщения, тем более что они подтверждались той информацией, которую доставил Иевлев.

Некоторые соображения о том, как в Москве были восприняты эти сообщения, можно высказать, анализируя грамоту царя Яну Казимиру, которая была вручена Яну Шумовскому при его отпуске 9 июня¹⁷⁵. В грамоте констатировалось, что в сложившемся положении Ян Казимир не может в соответствии с договоренностью созвать сейм и царю своих послов «за наступленьем неприятельским послати некуды». Поэтому королю следует, чтобы выполнить заключенные соглашения, прислать в Москву

171 Документы... С. 97.

172 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 8. Л. 76.

173 Там же. № 12. Л. 80.

174 Там же. № 15. Л. 23–24.

175 Там же. № 12. Л. 106–119.

великих и полномочных послов, «дав им полную мочь» заключить договоры «о вечном мирном постановлении и о обрании».

Текст грамоты, как представляется, говорит о том, что в Москве пришли к выводу, что Ян Казимир все же останется на польском троне и с ним надо продолжать переговоры. Вместе с тем, чтобы удержать трон, ему предстояло вести долгую и тяжелую войну. Нуждаясь в этой войне в поддержке России, Ян Казимир и поддерживающие его магнаты и шляхта будут вынуждены принять русские условия. На это указывает сама предложенная русской стороной процедура переговоров. В Москве ожидали долгой и тяжелой войны между Речью Посполитой, ее союзниками и противниками, но события стали развиваться иначе.

Нападение датчан на шведские владения в Северной Германии побудило Карла Густава резко изменить свою политику. Конфликт с Данией шведский король решил использовать для того, чтобы, нанеся поражение противнику, утвердить свое господство на Скандинавском полуострове. На выполнение этого замысла он направил все свои силы, бросив трансильванского союзника в глубине Речи Посполитой на произвол судьбы. В конце июня Карл Густав стоял уже на Лабее, готовясь к походу в Голландию. С Ракоци он первоначально оставил часть своей армии во главе с генералом Г. Стенбоком. Покинув Брест, уменьшившаяся в размерах армия союзников двигалась к Варшаве. Польская столица, не оказавшая сопротивления, капитулировала 17 июня н. ст. 1657 г. Но это был последний успех союзников. 27 июня н. ст. по приказу Карла Густава армию оставил корпус Г. Стенбока. Казацко-семиградская армия, оставив Варшаву, стала уходить на юг. Вслед за этой армией двинулись на юг литовские войска во главе с П. Сапегой и коронные во главе с С. Потоцким и С. Чарнецким, догнавшие противника в районе Замостья. С боями, отражая нападения польско-литовских войск, трансильванско-казацкая армия уходила все дальше на юг. Под Межибожем войска Ракоци покинули казацкие полки. Окруженный войсками гетманов и присоединившимися к ним отрядами татар, трансильванский князь 24 июля н. ст. капитулировал, выдав противнику всю захваченную добычу, артиллерию и знамена и обязавшись выплатить значительную контрибуцию. Это, однако, не спасло трансильванского войска, которое уже после подписания капитуляции было атаковано ордой во

главе с ханом и разгромлено¹⁷⁶. В положении и Великого княжества Литовского, и Речи Посполитой в целом произошли радикальные перемены.

Между тем, отправка миссий в Великое княжество Литовское задерживалась. Авраам Лопухин был отправлен к гетману В. Госевскому из Борисова 27 июня¹⁷⁷. Д. Остафьев, миссия которого имела для русской стороны особо важное значение, выехал из Борисова лишь 6 июля¹⁷⁸.

Располагаем интересным свидетельством того, что, наблюдая за происходившими переменами, в Москве скоро поняли нереальность задуманного плана и попытались придать миссиям, отправленным в Великое княжество Литовское, другой характер. В деле о посылке А. Лопухина сохранился краткий документ под заголовком «Писать ко Овраму, к Денису Остафьеву». Текст содержал новые инструкции, которые следовало отправить русским посланцам. Они должны были заявить литовским гетманам, что они посланы с «милостивым словом» и должны сообщить, что царь не оставил без внимания их просьбы о помощи. Им на помощь был послан В.Б. Шереметев, «а с ним конные и пешие люди многие», помощь, правда, не удалось оказать из-за «морového поветрия», но «на неприятеля, на свейского короля, войска ото Пскова и от Полоцка готовые есть и Лифлянты воюют, и от Полотцка пойдут под Ригу» — все это должно было доказывать, что русская сторона выполняет обязательства по борьбе против шведов, которые она взяла на себя по Виленскому договору. «Память» заканчивалась словами — «А о призыванье под государеву руку не говорить»¹⁷⁹. Но указания опоздали. Русские посланцы уже находились на чужой территории.

А. Лопухин встретился с В. Госевским 4 августа в Вержболове¹⁸⁰. Д. Остафьеву удалось встретиться с П. Сапегой лишь 20 августа¹⁸¹, после возвращения великого гетмана с юга, где он участвовал в военной кампании против Ракоци. Однако задерж-

176 *Herbst S. Wojna obronna...* S. 106–108; *Грушевський М.С. Історія...* Т. IX/2. С. 1406–1410, 1455–1463, 1465–1467.

177 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 16. Л. 169.

178 Там же. № 17. Л. 59.

179 Там же. № 16. Л. 157.

180 Там же. Кн. 91. Л. 1 (начальная часть статейного списка посольства А. Лопухина утрачена).

181 Там же. Кн. 92. Л. 36 и сл.

ка с приемом гонца была связана не только с этим. Как сказал Д. Остафьеву виленский епископ, сбор русских войск в Борисове вызвал большие опасения литовских эмигрантов на Подляшье. Здесь подозревали, что Д. Остафьев со своим спутником приехали «разрывать задорными словами», т. е. спровоцировать начало войны. Поэтому Д. Остафьева задерживали, чтобы отсрочить начало возможных военных действий¹⁸².

Как и ожидали, наблюдая за ходом событий в Москве, гетманы после распада антишведской коалиции и разгрома Ракоци решительно отказались приносить присягу царю¹⁸³. Более откровенный и открытый П. Сапега пояснил посланцу, что, если бы «стала какая немера и прогнали б, де, меня в государевы города и я б, де, тогда по неволе и присягал», «когда многие неприятели нас до конца разорили, и я, б, де, в то число обеими руками принял, чаю б, де, такое дело и совершилось»¹⁸⁴, но одновременно подчеркивал; что теперь, когда Речь Посполитая взяла верх над своими «неприятелями», об этом не может быть и речи.

Отказ гетманов от присяги не означал отказа от договоренностей, достигнутых под Вильно. Виленский епископ, беседуя с Д. Остафьевым 7 августа, сообщил, что он намерен ехать к королю, «чтоб, де, скоро учинить сейму и совершить бы доброе дело»¹⁸⁵, т. е. добиться заключения соглашения об избрании царя преемником Яна Казимира. На встрече 20 августа с П. Сапегой гетман сообщил ему, что с епископом он посылает королю свои предложения, «чтоб, де, как летошняя камисея зачета, так бы, де, ныне ее вскоре совершить»¹⁸⁶. Гетман заверял его, что когда будет созван сейм, «и тогда, де, кто у вас тут будет, сами увидите, как ему, великому государю, служить буду»¹⁸⁷. О своей готовности служить царю и не принося присяги говорил в общем виде и гетман В. Госевский¹⁸⁸. Было ясно, однако, что, даже если литовские политики сумеют добиться того, чтобы вопрос об избрании царя был поставлен на сейме, вряд ли царю и его советникам удастся добиться заключения соглашения о мире и избрании царя на польский

182 Там же. Л. 27–27об.

183 РГАДА. Ф. 79. Кн. 91. Л. 12; Кн. 92. Л. 48об.

184 Там же. Кн. 92. Л. 46об.; 91.

185 Там же. Л. 25об.

186 Там же. Л. 47об.–48.

187 Там же.

188 Там же. Кн. 91. Л. 12.

трон на условиях, выгодных для русской стороны. В истории отношений России и Речи Посполитой начинался новый этап.

Вместе с тем распад антипольской коалиции и уход казачьего войска из лагеря Ракоци устраняли конкретные причины конфликта между русским правительством и Хмельницким. Однако прежде чем это произошло, русско-украинские отношения дошли до опасного обострения. Приезд в июне 1657 г. в Чигирин Ф.В. Бутурлина привел к открытым столкновениям между русским послом и гетманом. К этому времени о полном провале планов, связанных с походом Ракоци, не было оснований говорить. По сведениям, которыми располагали в Чигирине, поляки отступали перед войсками союзников «и нигде бою прямого не давали», и под Брестом Павел Сапега «не дал бою... побежал за реку Немон», а Ян Казимир «побежал» в Силезию во владения императора¹⁸⁹. Поэтому Богдан Хмельницкий стремился и далее действовать в союзе с Карлом Густавом и Дьердем Ракоци.

Вместе с тем уже к этому времени выявились отрицательные последствия решения о выдвижении Ракоци как кандидата на трон хотя бы и в урезанной Речи Посполитой. С таким усилением своего непокорного вассала не был согласен султан, который не только поддержал решение крымского хана двинуться ордой на помощь Яну Казимиру, но и приказал паше Силистрии поддержать его действия¹⁹⁰.

В мае хан выступил с ордой из Крыма на помощь Яну Казимиру. По сведениям, собранным позднее Ф.В. Бутурлиным, хан предложил Хмельницкому вместе с ним идти в поход на Ракоци, «а будет он, гетман, с войском на них не пойдет, и им, де, велено итить на него, гетмана», но гетман предложил татарам возвратиться в Крым¹⁹¹. На Днепровских перевалах шли бои орды с отрядами казаков, не дававшими татарам перейти Днепр¹⁹². В начале июня, преодолевая трудности, часть орды сумела форсировать Днепр у Очакова и возникла угроза соединения польских

189 См. записи «вестей», собранных Ф.В. Бутурлиным в Чигирине: АЮЗР. Т. 3. С. 595–596.

190 См.: Санин Г.А. Порты, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 46.

191 АЮЗР. Т. 3. С. 586.

192 Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 217–220.

и татарских войск и их нападения на земли гетманства. Не доезжая Чигирина, 3 июня, русское посольство встретило миргородского полковника Г. Лесницкого, который сообщил, что должен возглавить казацкое войско, направляющееся против татар¹⁹³. Через несколько дней в Чигирине, на переговорах с представителями Хмельницкого русским послам уже официально сообщили, что «стоят все орды по обе стороны Днепра против Чигирина» и к ним на помощь идут османские войска¹⁹⁴.

Все это заставляло Хмельницкого заниматься решением одновременно двух важных задач: с одной стороны, добиваться одобрения русским правительством его курса на союз с Ракоци и Карлом Густавом, с другой стороны, не доводить дело до разрыва с Россией, поддержка которой была необходима в случае масштабной войны с Крымом и Османской империей.

В разговорах перед прибытием послов в Чигирин и позднее собеседники русских дипломатов (прежде всего Выговский и его отец) старались изобразить политику гетмана в возможно более приемлемом для русской стороны свете. Решение гетмана вступить в союз с Ракоци объясняли дошедшими до него слухами, что по договору с Речью Посполитой царь уступил полякам Запорожское Войско. В Чигирине к этому времени хорошо знали, что подобного соглашения заключено не было, но ссылка на такое известие служила оправданием принятых решений. Одновременно посланца царя заверили, что казацкое войско вовсе не помогает Ракоци добывать польскую корону. Вместе с тем, очевидно, помня о предложениях, сделанных в свое время от имени гетмана В.П. Кикину, они старались убедить Ф.В. Бутурлина, что гетман в таком духе и действует: по соглашению с трансильванским князем «города по Вислу реку и в которых жили русские люди благочестивые веры и церкви были, и тем быти к городом его царского величества Запорожского Войска»¹⁹⁵.

Несмотря на благожелательный тон этих бесед, их содержание должно было показать русским дипломатам, что требования

193 АЮЗР. Т. 3. С. 558.

194 Там же. С. 565. См. также переданную послам И. Выговским копию письма к Хмельницкому молдавского господаря Георгия Стефана от 8 июня, в котором сообщалось, что хан «уж подлинно у Очакова переправился» (АЮЗР. Т. 11. СПб., 1879. Прил. № 1. Стб. 695–696).

195 Записи бесед см.: АЮЗР. Т. 3. С. 556–557, 562–563.

царя разорвать союз с Ракоци и увести войска не будут удовлетворены. Так и оказалось.

На встрече с Бутурлиным Богдан Хмельницкий подчеркивал свою верность царю и готовность «против неприятелей его царского величества битись», но подверг открытой критике действия советников царя, которые «коруною полскою еще не обладали и о миру в совершенье еще не привели, а с другим панством, шведы, войну всчали». На той же беседе гетман заявил, что «от свейского короля николи он отлучен не будет». Если он отказывался разорвать связи с Карлом Густавом, правителем государства, с которым Россия вела войну, тем более не могло быть речи об удовлетворении других требований царя¹⁹⁶.

На этом переговору прервались, так как 12 июня Хмельницкий принимал только что прибывших в Чигирин послов Карла Густава и Ракоци¹⁹⁷. Шведский посол Г. Лилиекрона был отправлен к Хмельницкому в апреле 1657 г., когда, столкнувшись с первыми трудностями, Карл Густав был заинтересован в усилении помощи со стороны своего союзника. Г. Лилиекрона вез проект соглашения о союзе, по которому к Запорожскому Войску как «сатисфакция» должна была отойти часть земель, входящих в состав Речи Посполитой. Хотя шведский посол предлагал, чтобы Ракоци и Хмельницкий сами решили, как поделить между собой южные области Речи Посполитой, и это не очень устраивало гетмана и его окружение, но привезенная Лилиекроной просьба выслать под Брест для соединения с шведским войском 20–30 тыс. казаков говорила о заинтересованности шведской стороны в помощи, а следовательно, и возможности изменении условий соглашения в соответствии с пожеланиями украинской стороны¹⁹⁸. Трансильванский посол Ф. Шебеш был отправлен с поручением оказать поддержку шведскому представителю. Кроме того, он вез гетману просьбу всеми силами, морскими и сухопутными, препятствовать выходу татар из Крыма¹⁹⁹. Ф. Шебеш был послан к Хмельницкому 25 мая из лагеря под Брестом²⁰⁰ и, очевидно, привез известия о взятии этого города и отступлении литовского войска за Неман.

196 Запись высказываний гетмана см.: АЮЗР. Т. 3. С. 569–570.

197 См.: АЮЗР. Т. 3. С. 573–574.

198 Анализ инструкций Г. Лилиекроне см.: *Грушевський М.С. Історія...* Т. IX/2. С. 1394–1397.

199 Там же. С. 1397.

200 См. копию его верительной грамоты: АЮЗР. Т. 11. Стб. 690.

Сообщения, привезенные послами, никак не могли побудить Хмельницкого изменить свой внешнеполитический курс. Для украинской стороны, как представляется, имело важное значение заявление Г. Лиликроны, что Карл Густав соглашается на то, чтобы гетман выступил в качестве посредника на мирных переговорах между ним и царем²⁰¹. Располагая этим соглашением, гетман предпринял еще одну попытку изменить русский внешнеполитический курс. На новой встрече с русскими послами, состоявшейся 13 июня, гетман выступил с предложением, чтобы царь начал мирные переговоры с Карлом Густавом, «а мы, — говорил он, — того чаем, что швед к мирному договору будет послушен», а затем предложил, чтобы царь и Карл Густав совместно «всеми великими потугами с обудву сторон» выступили против Речи Посполитой, «чтоб до конца выкоренити»²⁰². Гетман, конечно, не рассчитывал на одобрение своих предложений Ф.В. Бутурлиным, но он имел все основания ожидать, что его высказывания будут переданы царю.

18 июня Ф.В. Бутурлину на отдыхе была вручена грамота гетмана Алексею Михайловичу²⁰³. Содержание ее нам неизвестно, но вряд ли в ней содержались обещания разорвать связи с Карлом Густавом и Ракоци. Вскоре после этого в Чигирин прибыл А.С. Матвеев, лицо, пользующееся особым доверием царя, в миссии которого в Москве, очевидно, были особенно заинтересованы. Если сам факт пребывания А.С. Матвеева в Чигирине в июне 1657 г. сомнений не вызывает²⁰⁴, ясно и о чем он вел переговоры с гетманом, но что предлагал новому посланцу царя Богдан Хмельницкий, установить невозможно.

Материалы посольства А.С. Матвеева полностью отсутствуют, какое-то представление о переговорах, которые он вел в Чигирине, позволяют составить лишь записи в дневнике трансильванского посла Ф. Шебеши. Разумеется, следует учитывать, что трансильванский посол мог узнать о переговорах лишь то, что находили нужным сообщать ему приближенные гетмана. По сведениям Ф. Шебеши, А.С. Матвеев прибыл в Чигирин 24 июня

201 Грушевський М.С. Історія... Т. IX/2. С. 1429.

202 АЮЗР. Т. 3. Стб. 575.

203 АЮЗР. Т. 11. Стб. 685–686.

204 См. упоминания об этом в грамоте гетмана царю от 10 июля 1657 г. (АЮЗР. Т. 3. Стб. 713) и в письме И.О. Выговского — А.С. Матвееву (Там же. Стб. 738).

с повторным требованием разорвать союз с Карлом Густавом и Ракоци и это требование гетман снова отклонил²⁰⁵. Русская сторона, по-видимому, поставила этот вопрос в гораздо более острой форме, чем раньше, и это привело к ряду резких столкновений. Первое произошло, по-видимому, уже во время первого приема, когда А.С. Матвеев потребовал, чтобы больной гетман встал и, стоя, принял царскую грамоту, на что Хмельницкий ответил, что не встанет и перед Богом. Интересы сторон столкнулись и тогда, когда посланец царя потребовал, чтобы его познакомили с предложениями шведских и трансильванских послов, а самих послов передали ему, чтобы он отвез их в Москву²⁰⁶.

Переговоры с Матвеевым, однако, протекали уже в иных условиях, чем переговоры с Бутурлиным. Перед отъездом Ф.В. Бутурлина, стремясь сохранить хорошие отношения с русским правительством, Выговский передал посланцу целый ряд писем, содержащих сведения о действиях союзников и положении в Речи Посполитой. Сообщения эти были тревожными. В одном из «писем» говорилось о сборе польских войск под Перемышлем, о том, что туда же направляется Ян Казимир с пришедшим к нему на помощь австрийским войском, что к ним должно присоединиться посполитое рушение ряда воеводств²⁰⁷. В другом — донесении лисянского сотника корсунскому полковнику — говорилось о том, что посполитое рушение собирается у Каменца, а Ян Казимир с австрийским войском «идти имеет к Замостью на бой с войском нашим»²⁰⁸. Все это означало, что на пути достижения целей союзников возникают серьезные трудности и деятельность их противников на территории Речи Посполитой усиливается. Вместе с тем все более ясно становилось, что в южных областях Речи Посполитой образуется крупная военная группировка. Опасность военного нападения на земли гетманства становилась все более реальной и соответственно возрастала необходимость в поддержке со стороны России. В записях Шебеши неоднократно упоминается, что Хмельницкий просил царя прислать войска на Украину²⁰⁹. Развитие событий говорило в пользу того, что решающие бои должны развернуться в южных областях Речи Посполитой. Как

205 *Грушевський М.С.* Історія... Т. IX/2. С. 1438.

206 Там же. С. 1439–1440.

207 АЮЗР. Т. 11. Стб. 701.

208 Там же. Стб. 704.

209 *Грушевський М.С.* Історія... Т. IX/2. С. 1438, 1439.

отметил в своих записях Ф. Шебеши, 28 июня А. Ждановичу был послан приказ идти с войском к Каменцу²¹⁰. По-видимому, этот приказ был изображен А.С. Матвееву как мера по выполнению царского указа об отзыве казацкого войска из армии Ракоци²¹¹, и это обеспечило более или менее удовлетворительное окончание переговоров. В действительности, по-видимому, речь шла о другом — в связи с сосредоточением именно на юге Речи Посполитой польско-литовских и татарских войск предполагали, что туда передвинутся и войска союзников и здесь произойдут решающие сражения, в которых примут участие главные военные силы гетманства²¹². Очевидно, именно с этой целью было собрано войско, во главе которого встал сын гетмана Юрий Хмельницкий, с ним в качестве советника был отправлен в поход генеральный есаул Запорожского Войска Иван Ковалевский²¹³. 10 июля это войско встретил в походе И.А. Желябужский²¹⁴.

Разговоры казацких военачальников с Желябужским показывают, в каком сложном положении оказалось гетманство к середине лета 1657 г. Было собрано значительное войско (по оценке Желябужского, около 20 тыс. чел.), но принятию каких-либо решений препятствовало отсутствие какой-либо связи и с А. Ждановичем, и с Ракоци (что было связано, очевидно, с блокадой их войск польско-литовской армией): «вести, де, про них взять нелзе и посылки к ним послать не мочно». А одновременно фактически начинается война с Крымом («воинские, де, люди многие татарове воюют наши городы»)²¹⁵. В таком положении все более необходимой становилась поддержка России в случае возможного столкновения с соединенными польско-татарскими силами.

Именно в таких условиях было принято решение направить в Москву посольство, во главе которого был поставлен переяславский полковник Павел Тетеря, близкий родственник и доверен-

210 Там же. С. 1439.

211 Несколько позднее гетман так и поступил.

212 О том, что войска союзников могут встретиться с противниками в районе Каменца, сообщил царю уже Бутурлин (АЮЗР. Т. 11. Стб. 685), об этом же говорили в Стародубе казаки И.А. Желябужскому 24 июня (РИБ. Т. 8. СПб., 1884. Стб. 1239).

213 Еще 12 июня Ковалевский встречался в Чигирине с Ф.В. Бутурлиным (АЮЗР. Т. 3. Стб. 685).

214 РИБ. Т. 8. Стб. 1243.

215 Там же. Стб. 1245.

ное лицо гетмана, что указывает на особо важное значение, какое придавали в Чигирине его миссии. В грамоте царю, датированной 10 июля 1657 г., Хмельницкий писал, что, выполняя указ царя, он приказал А. Ждановичу «с войском отступить и под Каменец идти». Гетман ожидает приезда польского посла Казимира Бенековского, но он и ранее заявлял польским дипломатам и теперь готов заявить польскому послу, что Войско Запорожское желало и желает, чтобы магнаты и шляхта Речи Посполитой условия Виленского договора «не переменяли и не отменно держали». В той же грамоте гетман выражал пожелание, чтобы Алексей Михайлович, «как царь православный, под крепкую свою руку Корону Польскую принял». Все эти заявления должны были создать у царя и его советников впечатление, что гетман теперь во всем готов следовать политической линии, выработанной в Москве.

Какова был цель всех этих заявлений, выясняется из заключительной части документа, где, рисуя картину угрожающей опасности со стороны собирающихся в районе Каменца татарских и польских войск, он просил царя приказать Донскому и другим казачьим войскам идти вместе с запорожцами на Крым. В грамоте гетман упоминал и о том, что он просит помощи у князя Г.Г. Ромодановского, командующего войсками Белгородского разряда²¹⁶. Сообщения о росте опасности со стороны татар должны были подкрепить отправленные вместе с Тетерей сообщения полковников подольского и брацлавского о вторжении татар на территорию их полков²¹⁷.

Как представляется, этот важный шаг гетмана не только должен был способствовать защите гетманства от внешней опасности. В замаскированной форме Б. Хмельницкий пытался снова изменить русский внешнеполитический курс. Отказать в защите от татар русское правительство не могло, а поскольку гетманству могли угрожать соединенные польско-татарские силы, тем самым посланное на Украину войско могло быть вовлечено в войну с Речью Посполитой и Россия стала бы, наконец, частью антипольской коалиции. Совсем не случайно гетман обращал внимание царя на то, что шведский король желает мира и что он, гетман, для достижения этой цели готов отправить свое посольство в Швецию.

216 Текст грамоты Хмельницкого см.: АЮЗР. Т. 3. Стб. 713–715.

217 Там же. Стб. 759–760.

Посольство П. Тетери еще не доехало до Москвы, когда произошли события, приведшие к распаду антипольской коалиции. Очевидцем этих событий стал И.А. Желябужский, ожидавший в Корсуни «вестей» о местонахождении войска Ракоци, чтобы передать трансильванскому князю царскую грамоту. Войска Ракоци и Ждановича постепенно уходили на юг, постоянно подвергаясь нападениям следовавших за ними польско-литовских войск. Как рассказывали И.А. Желябужскому казаки из войска А. Ждановича, при их уходе на юг войско Ракоци «во многих местах побивали и наши, де, казачья войска поляки побили под Жолквою и обоз у нас отбили»²¹⁸. Положение все более ухудшалось по мере того, как к преследовавшим трансильванско-казацкую армию войскам С. Чарнецкого и П. Сапеги присоединялись отряды других польских военачальников²¹⁹. Под Межибожем казаки, не слушая приказов А. Ждановича, покинули армию Ракоци и отправились по домам. Первые беглецы появились в Корсуни, где находился Желябужский, 13 июля, а 14-го за ними последовали уже «многие козаки»²²⁰.

Командир корпуса А. Жданович, встретившийся позднее с Желябужским, так комментировал происшедшее: когда войско узнало, что оно пошло в поход, чтобы добыть для Ракоци польскую корону, то «всем войском» полковника «хотели убить», а затем оставили его, «отказали: нам, де, при Ракоце не бывать и короля нам не надобно, у нас есть государь»²²¹. М.С. Грушевский, анализируя эти сообщения, пришел к выводу, что такое объяснение действий казаков появилось позднее, после их ухода, когда с приездом Желябужского стало ясно, что царь не одобряет их похода. В действительности, по мнению историка, казаки торопились доставить домой захваченную в походе добычу²²². Сообщение М.С. Грушевского, однако, не объясняет того, почему вскоре, 22 июля, когда Ю. Хмельницкий приказал своему войску, стоявшему в 35 верстах от Межибожа, идти на помощь Ракоци, в этом войске начались волнения, во время которых казаки говорили то же самое, что и казаки из корпуса А. Ждановича. Очевидцем этих волнений стал пытавшийся проехать к Ракоци И.А. Же-

218 РИБ. Т. 8. Стб. 1251.

219 Подробнее об этом см.: *Грушевський М.С. Історія...* Т. IX/2. С. 1460–1462.

220 РИБ. Т. 8. Стб. 251.

221 Там же. Стб. 263.

222 *Грушевський М.С. Історія...* Т. IX/2. С. 1463–1465.

лябужский. По собранным им сведениям, казаки отказывались идти в поход потому, что во время долгого стояния в степи «запасы проели и оголодали». Дело этим, однако, не ограничилось. Казаки кричали, что не желают «короля искать, Ракоци от орды оберегать». Одновременно казаки «всем войском» выступали с резкими обвинениями против старшинской верхушки: «вы, де, нашими головами корысть получаете», «увидили себе простор и многое владенье и обогатились, так, де, хотите самовластными панами быть». «Многие» казаки приходили прямо к Желябужскому: «Извести, де, наши все нужи государю, как мы от старшин своих терпим»²²³. М.С. Грушевский видел в этих выступлениях результат агитации Желябужского²²⁴, однако это предположение никак не подтверждается текстом его статейного списка. Отмеченная там одна беседа царского посланца с протопопом явно не могла привести к таким результатам, да и сам И.А. Желябужский совсем не приписывал себе таких заслуг.

В недавнее время эти события привлекли к себе внимание Т.Г. Яковлевой, справедливо поставившей их в ряд известных и по другим источникам выступлений недовольных политикой гетмана и старшины масс «показаченных», не удовлетворенных своим непрочным социальным статусом в украинском обществе²²⁵. От ряда более ранних выступлений бунт казацкого войска отличался не только своими масштабами. Казаки не ограничились обвинениями полковников в том, что те облагают население поборами, а им не выплачивают жалованья за службу. Стремление старшин стать «самовластными панами» казаки связали с планами возведения Ракоци на польский трон: «хотите самовластными панами быть и обираете короля неверново». Очевидно, «показаченные» усмотрели в планах возведения Ракоци на польский трон прямую угрозу для себя: новый польский король должен был помочь полковникам стать «панами» и поставить рядовых казаков в зависимость от себя. Защиты от такой угрозы казаки готовы были искать у царя.

Поражение Ракоци и распад антипольской коалиции сняли с повестки дня главный источник напряженности в русско-

223 РИБ. Т. 8. Стб. 1255–1256.

224 *Грушевський М.С.* Історія... Т. IX/2. С. 1469–1470.

225 *Яковлева Т.Г.* Богдан Хмельницький і рядове козацтво // Український історичний журнал. 1995. № 4. С. 64–66.

украинских отношениях. Однако все происшедшее не могло не вызвать в Москве глубокого недоверия к политике гетмана и его окружения. Свидетельства, поступавшие в Москву с разных сторон, показывали, что в конце 1656 — первой половине 1657 г. Чигирин вел самостоятельную внешнюю политику, находившуюся в прямом противоречии с внешнеполитическими планами русского правительства. Миссия И.А. Желябужского принесла в этом плане ряд важных дополнительных доказательств.

Так, киевский полковник Антон Жданович говорил царскому посланцу, что гетман «велел» ему «доступать Ракоце королевства, а от государя хотел отступить». По его словам, «ведали, де, ту мысль мы с полковниками, а войско не ведало»²²⁶. Это свидетельство ставило под большое сомнение лояльность не только гетмана, но и старшины по отношению к их верховному сюзерену — царю. Имело значение и другое свидетельство Ждановича, что ему «гетман городов принимать не велел и залог пометывать»²²⁷. Это показывало ложность утверждений украинских политиков, что целью похода Ждановича было присоединение к Запорожскому Войску тех областей Польско-Литовского государства, где жили «православные». Наконец, А. Жданович ни словом не упомянул о каком-либо приказе гетмана оставить армию Ракоци в соответствии с указом царя.

Может быть, наиболее важным было то, что все попытки заставить гетмана Хмельницкого изменить свою политику оказались безрезультатными, пока сам ход событий не заставил верхушку Запорожского Войска отказаться от задуманных планов. Протекторат, установленный по соглашениям 1654 г. над Запорожским Войском, оказывался поверхностным, в какой-то мере формальным. Перед русским правительством объективно возникла задача обеспечить такие условия сосуществования России и Запорожского Войска, при которых события первой половины 1657 г. не могли бы повториться. Стремление рядового казачества искать у царя защиты от притеснений старшинской верхушки открывало определенные возможности для достижения такой цели.

226 РИБ. Т. 8. Стб. 1263.

227 Там же. Стб. 1261.

НА РУССКО-ШВЕДСКОЙ ГРАНИЦЕ. А.Л. Ордин-Нащокин и В. ГОСЕВСКИЙ

Отношения на границе с ливонскими владениями Швеции развивались своим чередом, и на это развитие сравнительно мало влияли события, происходившие на главном театре Второй Северной войны. Дав А.Л. Ордину-Нащокину полномочия для ведения мирных переговоров со Швецией и сообщив ему желательные условия мирного соглашения, царь и его советники не направляли ему в дальнейшем каких-либо новых инструкций или информации о происходящих переменах и связанных с этим русских планах. Такое поведение царя и его советников показывает, что Ливония рассматривалась в первой половине 1657 г. как второстепенный театр военных действий, значимые результаты предполагалось получить на других направлениях.

Представитель России на мирных переговорах и наместник ливонских городов на Западной Двине в эти месяцы действовал, в основном, по собственным соображениям и мог рассчитывать лишь на собственные силы.

Из царских грамот и других документов, исходивших из Москвы, видно, что главной целью русского правительства было возможно долгое сохранение мира на ливонской границе. Об этом красноречиво свидетельствует уже грамота, посланная царем А.Л. Ордину-Нащокину 25 февраля 1657 г., через два дня после составления инструкций об условиях мирного соглашения со Швецией. Царь рекомендовал своему представителю, если шведская сторона будет просить о прекращении военных действий, то, «смотря по их поступкам, буде к миру будут сходительны», заключить соглашение о продлении действующего соглашения до 1 апреля¹. Об этом же говорит и письмо Я.К. Чер-

1 РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 59–61.

касского М. Делагарди от 28 марта 1657 г. Письмо, как в нем было прямо указано, было результатом его совещаний с боярами и доклада царю. От имени царя Я.К. Черкасский предлагал заключить соглашение о «задержании войск» до 1 июля и созвать съезд представителей сторон для переговоров о мире «меж Юрьева Ливонского и Вольмера»². Сам царь хотел прежде всего получить от Ордина-Нащокина сведения о действиях литовских гетманов и их возможных контактах со шведами³. Понятно, что соглашение гетманов со шведами, если бы оно имело место, серьезно затруднило бы проведение русской политики на главном в то время для нее направлении.

Поведение М. Делагарди в первые месяцы 1657 г. также говорило как будто о желании шведской стороны прекратить военные действия и начать мирные переговоры. Уже через несколько дней после заключения соглашения о временном прекращении военных действий, 21 января 1657 г., М. Делагарди направил к А.Л. Ордину-Нащокину А. Бюлова «для подлинного договору перемирья нашего»⁴. 15 февраля М. Делагарди обратился к А.Л. Ордину-Нащокину с новым письмом, в котором просил сообщить предложения о возможном времени и месте проведения мирных переговоров⁵. Не довольствуясь этим, он обратился с письмом и к Я.К. Черкасскому, которому жаловался, что не получает от А.Л. Ордина-Нащокина ясного ответа на свои предложения⁶.

С началом весны, однако, положение изменилось. Получив из Москвы условия мирного соглашения со Швецией, А.Л. Ордин-Нащокин в ответ сообщил царю и его советникам, что М. Делагарди, собрав войско, выступил в поход из Риги⁷. В своей отписке он с огорчением писал, что псковский воевода

2 Там же. Л. 131–134.

3 Там же. Л. 65–66 (грамота царя А.Л. Ордину-Нащокину от 27 февраля 1657 г.).

4 Там же. Л. 31–32.

5 Там же. Л. 86–87.

6 Там же. Л. 106–107.

7 См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина от 9 марта 1657 г.: Там же. Л. 138. См. также и другую его отписку того же времени: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 353. По его сведениям, Делагарди выступил в поход, получив подкрепления «из Финские земли и из Лифляндских пограничных городов».

М.В. Шереметев не реагировал на его сообщения о надвигающейся опасности. «О твоих государевых порубежных делах, — писал он, — ведомость ставят себе в бесчестье». Вероятно, к своим сообщениям ливонский наместник присовокупил рекомендации о том, как М.В. Шереметеву следует вести войну со шведами, что знатный воевода оценил как вмешательство в его компетенцию и оскорбление его чести. Но все же его сигналы подействовали и 16 марта 1657 г. М.В. Шереметев выслал из Пскова отряд во главе с майором Беклемишевым, который должен был идти к Псково-Печерскому монастырю, а оттуда «на выручку от немецких людей» замка Адзель (Говье) на реке Аа⁸. На пути у Псково-Печерского монастыря в ночь с 16 на 17 марта отряд столкнулся со шведскими войсками во главе с М. Делагарди. Уже в январе М. Делагарди писал Карлу Густаву, что небольшая военная демонстрация может заставить русских заключить перемирие, а в феврале он получил сведения, что войска из Пскова переброшены к Западной Двине⁹. Очевидно, получение таких (ошибочных) сообщений и побудило шведского наместника Ливонии выступить с войском по направлению ко Пскову. После двухдневных боев в районе Псково-Печерского монастыря армия М. Делагарди отступила¹⁰.

Все это означало фактическое возобновление военных действий на шведской границе. Вступивший в конфликт с псковским воеводой А.Л. Ордин-Нащокин оказался в трудном и опасном положении. Но он сумел найти себе союзника в лице литовского войска в Жемайтии и его главы — польного литовского гетмана В. Госевского. Эти связи, однако, установились не сразу.

Для литовского войска, стоявшего в Жемайтии, главной обязанностью было защищать «остатки» Великого княжества Литовского от нападения шведских войск из Ливонии и бранденбургских войск из Восточной Пруссии. Правда, на границах с Восточной Пруссией военные действия прекратились и было заключено соглашение о перемирии, не ратифицированное, но

8 Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 4. СПб., 1884. С. 331.

9 Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю. М., 1998. С. 146–147.

10 Об этих боях по данным русских источников см.: Барсуков А.П. Род... Кн. 4. С. 332–336. См. также: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 353. Л. 73–76. Взятые пленные говорили, что войска Делагарди разъезжаются, не получая жалованья за службу.

соблюдавшееся¹¹, но оставался острый конфликт со шведами, войска которых продолжали занимать земли в Великом княжестве Литовском. Заключение Виленского договора В. Госевский и офицеры его войска стремились использовать, чтобы, опираясь на военное сотрудничество с Россией, вытеснить шведов с территории Великого княжества Литовского и атаковать их владения в Ливонии. К концу 1656 г. военные действия против шведских войск в Литве усилились. Войска В. Госевского сумели очистить от шведов такой крупный центр, как Биржи. В этих условиях могло быть очень полезно сотрудничество с воеводой, управлявшим землями, которые граничили и с шведской Ливонией, и с территорией, на которой действовало литовское войско, и В. Госевский это хорошо понимал. Уже 26 ноября н. ст. обратившись к виленскому воеводе с просьбой прислать ему свинца, он просил кн. Мих. Шаховского написать другим воеводам, и прежде всего воеводе Кокенгаузена (Царевичева Дмитриева), чтоб они «с ним ссылатися хотели и его послалковали»¹². Встретившись 5 декабря с А.С. Матвеевым, он выразил пожелание, чтобы царь приказал А.Л. Ордину-Нащокину, «чтоб з гетманом о всяких вестях ссылался»¹³. Однако до быстрого установления контактов дело не дошло, так как в конце января А. Бюлов, в очередной раз направленный М. Делагарди к А.Л. Ордину-Нащокину, был захвачен по пути солдатами В. Госевского. Расспросив его, в ставке гетмана узнали, что наместник ливонских городов заключил со шведами соглашение о временном прекращении военных действий, пока не начнутся мирные переговоры между государствами. На встрече 2 февраля 1657 г. с А.С. Матвеевым гетман указал ему, что такие действия противоречат Виленскому договору. «И оттого, де, государь, — сообщал А.С. Матвеев царю о настроениях в лагере В. Госевского, — «у них сумненье многое, шляхта чают, что не совершитца мир, как постановлен на комиссии виленской»¹⁴. Когда в середине февраля шведские войска напали на местечко Рокишки в Вилькомирском повете, гетман снова жаловался А.С. Матвееву, что они шли через рус-

11 *Szymczak B.* Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej. Warszawa, 2002. S. 231, 233.

12 РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 42. Л. 11.

13 Там же. № 37. Л. 139.

14 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 68–69.

ские владения, а «Афанасеи Нащокин против их твоих, великого государя, ратных людей не посылал»¹⁵. Тогда же гетман обратился к А.С. Матвееву с письмом, чтобы царь «пана Нащокина напомнить рачил, абы воевал шведов»¹⁶. Одновременно с повторением уже высказанных обвинений по адресу ливонского наместника выступил один из советников гетмана ошмянский староста Адам Сакович¹⁷.

С наступлением весны и возобновлением военных действий между русскими и шведскими войсками в Ливонии положение изменилось. Между двумя сторонами, ведущими войну с одним и тем же врагом, неизбежно возникал вопрос о сотрудничестве. Инициатива исходила от литовского гетмана. 7 марта к А.Л. Ордину-Нащокину приехал «порутчик» с грамотой от В. Госевского. Гетман предлагал воеводе встречу, чтобы говорить с ним «о великих делах»¹⁸. В письме из Бирж от 8 марта н. ст. он приглашал и А.С. Матвеева на встречу с ним и Нащокиным в Кокенгаузене, чтобы о «воинском деле снестись». Отписку А.Л. Ордина-Нащокина о встрече разыскать не удалось, но о ней рассказал А.С. Матвееву сам гетман во время их встречи 19 марта в Бовске в Курляндии. По его словам, на встрече, состоявшейся в 5 верстах от Кокенгаузена (Царевичева Дмитриева) он предлагал соединить войска, чтобы совместно выступить против М. Делагарди, но Афанасий отвечал: «что войска у него нет, а что оставлено, оставлено для обороны». Он заверял Госевского, что ведет переговоры со шведами, чтобы узнать, «что у них в Риге делаетца, а не для миру»¹⁹. Судя по его разговору с А.С. Матвеевым, гетман этому не поверил, но контакты были установлены.

20 марта А.Л. Ордину-Нащокину привезли письмо от В. Госевского, в котором тот предупреждал, что М. Делагарди провёл смотр войска и пошел «к рубежу московскому», и советовал

15 Там же. Л. 117 — запись беседы А.С. Матвеева с гонцом гетмана М. Гестором 17 февраля 1657 г.

16 Там же. Л. 118 — письмо В. Госевского А.С. Матвееву из Бирж от 25 февраля н. ст. 1657 г.

17 См. его письмо А.С. Матвееву: Там же. Л. 20–23.

18 См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина царю от 9 марта 1657 г.: РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 140. Письмо от 15 марта н. ст. из Бирж о желании В. Госевского встретиться с воеводой см.: Там же. Л. 147–148.

19 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 2. Л. 241–244.

укрепить Друю и Кокенгаузен²⁰. Предупреждение подтвердил последующий ход событий, и это способствовало установлению доверия.

О следующем этапе переговоров В. Госевского с А.Л. Ординым-Нащокиным важные сведения сохранились в «распросных речах» шляхтича Семена Мервинского, которого А.Л. Ордин-Нащокин посылал к курляндскому герцогу. С. Мервинский сообщил в Посольском приказе, что в апреле, после того как шведские войска напали на Псково-Печерский монастырь, гетман и воевода, встретившись²¹, выработали совместный план военных действий. Гетман должен был отрезать шведские войска от Риги, «а Офонасю послать было пехоты 1000 человек встречу и ударить на графа Магнуса с обеих сторон». План сорвался потому, что литовское войско, не получая платы, отказалось нести службу и В. Госевский был вынужден вернуться в Кейданы²². Это показывает, что сотрудничество с обеих сторон заметно продвинулось вперед.

Тем временем, несмотря на возобновление военных действий, между Магнусом Деллагарди и А.Л. Ординым-Нащокиным продолжались сношения, чтобы наметить время и место для проведения мирных переговоров. Шведская сторона поднимала даже вопрос о посредниках, которыми могли бы быть бранденбургский курфюрст, французский король и английский протектор Оливер Кромвель²³. Наконец, встреча представителей сторон была назначена на 7 мая в 30 верстах от Царевичева Дмитриева²⁴. Однако Ордин-Нащокин получил предостережения, что Магнус в действительности не желает вести переговоры, а

20 РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 180 (перевод письма).

21 Возможно, об этой встрече говорится в переводе сохранившегося фрагмента письма: «Нащокин виделся с ево милости паном гетманом в Моижи, одной мили — две от обозу дня 21 марта, целый день стравили собою на розмовах, аще в ночи розъехали» (РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 1. Л. 35).

22 РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 218.

23 Там же. Л. 193–194 (письмо М. Деллагарди А.Л. Ордину-Нащокину от 28 марта 1657 г.).

24 Изложение последующих событий см. в отписке А.Л. Ордина-Нащокина царю (Там же. Л. 238) и в грамоте царя Алексея Михайловича бранденбургскому курфюрсту: РГАДА. Ф. 74. 1657 г. № 1. Л. 106–108.

хочет «учинить всякое зло» над теми, кого вышлют на съезд. Когда воевода послал людей, чтобы проверить эти сообщения, они ему доложили, «что у съезжево места в скрыте стоят свейские многие люди». После этого А.Л. Ордин-Нащокин отказался выслать своих представителей на съезд.

Это вызвало резкий протест шведской стороны. В письме, обращенном к царю, Ордин-Нащокин был обвинен в том, что из-за его произвольных действий напрасно проходит время, а мирные переговоры не начинаются. Он сам не желает вести переговоры и не высылает на съезд своих представителей. Поэтому Нащокина следует заменить другим человеком²⁵. Правительство в Москве встало, однако, на сторону своего представителя. Мирные переговоры были прерваны. 15 мая произошло нападение шведских войск на Царевичев Дмитриев²⁶, а в июне 1657 г. на территории Ливонии развернулись масштабные военные действия. Понятно, что в этих условиях у А.Л. Ордина-Нащокина должен был сохраниться интерес к организации взаимодействия с литовским войском в Жемайтии. Следует отметить, что в первой половине 1657 г. у А.Л. Ордина-Нащокина появилась еще одна веская причина для поддержания контактов с литовским гетманом.

После того, как к началу 1657 г. литовское войско вытеснило шведов с территории Великого княжества Литовского, закономерно вставал вопрос о целях дальнейших военных операций на территории Ливонии. Уже в конце февраля 1657 г. стало ясно, что главной целью действий литовских войск станет Рига²⁷. О походе на Ригу войск В. Госевского говорилось и в печатных «курантах»-«вестях», полученных 8 февраля из Кенигсберга²⁸. Особый интерес у Ордина-Нащокина должно было вызвать сообщение от 3 февраля из Кейдан — в то время одной из резиденций гетмана В. Госевского. В нем говорилось, что горожане Риги находятся «в великом страхованье», так как не надеются на шведскую помощь и ждут появления русских войск вблизи от Риги. Если в это время к Риге подойдет польские войска, то ри-

25 Оригинал письма (на польском яз.) см.: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 1. Л. 64.

26 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 272. Л. 512, 514.

27 См. грамоту Алексея Михайловича А.Л. Ордину-Нащокину от 27 февраля 1657 г.: РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 65.

28 Там же. Л. 174 (текст «курантов» переведен 25 марта).

жане сдадут им город, об этом гетману Госевскому были тайные сообщения «от розных честных людей»²⁹.

Сообщения о таких сношениях поляков с Ригой поступали и из других источников. Так, шляхтич Ошмянского повета Анджей Юшкевич, ссылаясь на разговоры с таким близким к гетману лицом, как Стефан Медекша, рассказывал 19 марта виленскому воеводе, кн. М. Шаховскому, что В. Госевский просит у царя пороха и свинца, чтобы организовать поход на Ригу, «а Рига сдастся ему, Госевскому, по слову одному»³⁰.

Такие сведения не могли не привлечь внимания А.Л. Ордина-Нащокина, имевшего (о чем уже говорилось выше) в отношении Риги свои планы. Появление сообщений о польских планах относительно Риги должно было активизировать его действия. Они говорили прежде всего о том, что горожане Риги не рассчитывают на то, что шведам удастся сохранить этот город под своей властью. Наместнику ливонских городов было также хорошо известно о скромных размерах шведского гарнизона в Риге³¹. Поскольку А.Л. Ордин-Нащокин решительно не желал, чтобы эти польские планы осуществились, и вместе с тем хорошо видел трудности в положении Риги, он считал необходимым резко усилить русские силы в этом районе. В отписке, отправленной в Москву в начале апреля 1657 г., характеризуя положение в Риге, он писал, что «толко рижан он, Магнус, тем обнадеживает, што в Царевичеве Дмитриеве городе опричь осадных людей прибылых нет и хлебом беззапасно». Между тем все его попытки получить подкрепления из Пскова безуспешны. Там, — писал Нащокин, — «отпискам моим не верят»³². В таком положении, когда ливонский наместник не имел в своем распоряжении крупных военных сил, особенно настоятельной становилась необходимость быть в курсе намерений и планов литовского гетмана. Этого требовала и заинтересованность в борьбе против общего противника и обозначившееся скрытое соперничество сторон в борьбе за Ригу. Необходимость в поддержании контактов не стала меньшей, когда с лета 1657 г. на территории Ливонии развернулись уже достаточно крупные военные операции.

29 Там же.

30 АМГ. Т. III. № 963. С. 568.

31 См. расспросные речи С. Мервинского: РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 218–219.

32 Там же. Л. 182–183.

НА ПЕРЕПУТЬЕ (РУССКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1657 – НАЧАЛЕ 1658 Г.)

Разгром Ракоци, вступление Австрии в войну со Швецией, начало датско-шведской войны и уход главных шведских военных сил в Скандинавию создали во многом новую ситуацию в Восточной Европе, прежде всего в отношениях между Россией и Речью Посполитой.

После разгрома Ракоци и образования антишведской коалиции положение Польско-Литовского государства уже не было столь критическим, как тогда, когда был заключен Виленский договор. Станет ли в новых условиях польско-литовская сторона выполнять это соглашение? Даже если это произойдет и король созовет сейм, чтобы царь Алексей Михайлович был избран преемником Яна Казимира, то какие условия избиратели предложат царю? Если под Вильно комиссары Речи Посполитой отказались пойти на уступки по целому ряду важных вопросов (настаивая, в частности, на том, что вся Украина должна войти в состав Польско-Литовского государства), то какие были основания ожидать, что они теперь заключат соглашение о избрании царя на желательных для русской стороны условиях? Эти неприятные вопросы не могли не вставать перед царем и его советниками, вынуждая их к поискам политического курса, который соответствовал бы новой ситуации.

На его выработку должны были существенно повлиять сведения, доставленные из Речи Посполитой. Это были не только сообщения о разгроме Ракоци и отказе литовских гетманов и войска присягнуть царю (чего в Москве уже ожидали). Ряд важных сообщений касался приобретшего теперь особую актуальность вопроса об избрании царя. Гетман В. Госевский не обсуждал этого вопроса с А. Лопухиным, но посланец сумел узнать о приезде к нему австрийского посла Ф. Лизола, выступающего

как посредник («мировщик») при заключении мира с курфюрстом. Но, как стало известно Лопухину, Лизола предлагал избрать преемником Яна Казимира «цесарского сына». Он якобы даже сказал гетману: «Я, де, от короля к вам приехал, король и гетманы корунные то ведают»¹.

Вопрос об избрании царя занял весьма заметное место в беседах Д. Остафьева с гетманом П. Сапегой и его сторонниками. На встрече в Рожанах в начале августа 1657 г. виленский епископ Ян Завиша сообщил, что он направляется к королю и сенаторам, чтобы «скоро учинить сейму и совершить бы доброе дело»².

О стремлении добиться в скором времени выполнения Виленского соглашения сообщил Д. Остафьеву на встрече с ним 20 августа гетман П. Сапега³. Однако, по его собственным словам, (в беседе с Д. Остафьевым «наедине») этого добивались только литовцы. В беседе, состоявшейся сразу после разгрома Ракоци, коронные гетманы заявили ему, что хотят мира с Россией, «но великого государя обрать на Коруну Польскую не хотим, а обираем, де, себе королем цесарского сына». Разговор был бурный, по словам гетмана, дошло «не много не до сабель», но стороны остались при своем⁴. Одновременно гетман, как и ранее, призывал не доверять В. Госевскому: «мне, де, от него доброго мало, и вы, де, к себе его приятелем не ставьте, он нам на обе стороны неприятель и думает злое»⁵.

Сообщения о симпатиях коронных сенаторов и шляхты к австрийскому кандидату должны были привлечь к себе особое внимание царя и его советников. В переговорах с К. Иевлевым официальные представители Речи Посполитой энергично опровергали все сообщения о каких-либо соглашениях с Австрией, утверждая, что речь идет о намеренном распространении ложных сведений, так как «все иные окрестные государи хотят разорвать дружбу» между Яном Казимиром и царем⁶. Однако в Москве располагали

1 РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 91. Л. 36–37об. Отпускная гонца 2 сентября, гетман жаловался на «коронных»: «нас ... хотят ссорить с великим государем, чтоб, де, нам в конец погинуть» (Там же. Л. 77).

2 Там же. Кн. 92. Л. 25об.

3 Там же. Л. 47об.

4 Там же. Л. 54.

5 Там же. Л. 55.

6 Документы эпохи Хмельницкого 1656–1657 гг., извлеченные из

исходившим из польской среды свидетельством, рисовавшим положение дел в ином свете. Речь шла о письме польского шляхтича, который побывал вместе с Яном Казимиром в Гданьске, отправленном им неизвестному корреспонденту 15 февраля 1657 г. из Калиша. Письмо, присланное А.Л. Ордину-Нащокину курляндским герцогом, было переведено в Посольском приказе 14 апреля 1675 г.⁷ Из этого письма можно было узнать, что уже в сентябре 1655 г. король и сенаторы предлагали императору польскую корону. Позднее, когда король и сенаторы Великой и Малой Польши снова обратились с таким предложением, император Фердинанд III дал согласие сделать польским королем своего младшего сына, эрцгерцога Иосифа. Поэтому, — указывал автор письма, — комиссары Речи Посполитой под Вильно не имели права предлагать царю польскую корону⁸.

В том же письме говорилось, что именно император посоветовал предложить царю польскую корону, чтобы вовлечь его в войну со шведами, и следует поддерживать в царе эти надежды, чтобы Россия и Швеция продолжали войну, истощая друг друга⁹. Даже можно, по мнению автора письма, заключить договор с царем, чтобы побудить его продолжать войну. Это не помешает приходу Габсбурга на польский трон, так как соглашение «чрез святость и розгрешение» со стороны папы «может быть сломано и почернено»¹⁰. Автор письма выражал убеждение, что «лучше вольности своей искать, анижели московской неволи желать»¹¹. Судьба «вольностей» под властью Габсбурга также вызывала у автора письма опасения, но «сила австрийская» воспринималась им как единственная защита католической веры в Речи Посполитой от окружающих ее «еретиков»¹².

Письмо, как видим, давало пищу для самых невеселых размышлений, а новые сообщения убедительно подтверждали содрожавшиеся в нем известия о польско-австрийских соглашениях

Архива Министерства Иностранных дел. Собр. И. Каманин // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 1. СПб., 1911. С. 76, 99.

7 РГАДА. Ф. 63. 1657 г. № 1. Л. 14, 28.

8 Там же. Л. 31, 33.

9 Там же. Л. 32, 34.

10 Там же. Л. 35.

11 Там же. Л. 36.

12 Там же. Л. 30.

ях. В свете этих сообщений шансы на то, что царь будет избран на сейме преемником Яна Казимира, не выглядели особенно значительными.

Еще более тревожную картину рисовали сообщения, полученные от добровольных информаторов или передававшие слухи, ходившие среди шляхты. Ян Корсак, тайно посетивший Д. Остафьева 4 августа, говорил, что в Речи Посполитой хотят послать татар «на черкасские городы», желая «учинить войну большую», шляхте советуют «тихим обычаем» выезжать из мест, где начнутся военные действия. Корсак советовал усилить войска, находящиеся в Борисове¹³. Аналогичные «вести» сообщил в Каменце 15 августа «черной поп» Иезекииль из Воскресенского монастыря¹⁴.

Позднее Д. Остафьев узнал о рассылке по территории Великого княжества универсалов, о созыве посполитого рушения, неизвестно против кого, и сборе подымщины. Один из шляхтичей сообщил, что «с тотары конечно договор, что приходить в одних днях на казаков», а с русскими для виду будут вести мирные переговоры, пока не определится исход войны¹⁵. Позднее Д. Остафьев мог изложить и план военных действий, выработанный в Речи Посполитой. Войска В. Госевского должны наступать на Вильно, войска П. Сапеги — от Быхова к Могилеву, а король с коронным и австрийским войском и с татарами должен «приходить на казаков». По сведениям, которые собрал Д. Остафьев в начале сентября, магнаты и шляхта Короны хотят войны («Москва, де, нам и казаки всех грубнее») и готовы заключить мир со Швецией, чтобы «казаков... конечно разорить»¹⁶.

Информация о таком плане, собранная Д. Остафьевым, не соответствовала действительности. Напротив, литовские политики были напуганы планами коронных военачальников после разгрома Ракоци предпринять вместе с Крымской ордой поход во владения союзника Ракоци — гетмана Хмельницкого. Такие действия были чреваты войной с Россией, которой литовские магнаты и шляхта хотели избежать любой ценой. Такие настро-

13 Изложение «речей» Я. Корсака см. в отписке Д. Остафьева (РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 17. Л. 79) и в его статейном списке (РГАДА. Ф. 79. Кн. 92. Л. 21, 22об.).

14 Там же. Л. 30.

15 Там же. Л. 33об.–34; 65–65об.

16 Там же. Л. 95–95об.; 97об.

ения отразились в инструкциях, которые дал гетман Госевский своему доверенному человеку С. Медекше, которого он отправил в Москву в августе 1657 г. В случае, если бы война началась еще до приезда Медекши в Москву, ему следовало сразу заявить, что Литва не последует за Короной, что он соберет войско и не станет выполнять ведущих к войне приказов короля. Он даже был уполномочен заявить, что Великое княжество Литовское может разорвать унию с Польским королевством и соединиться с «Царством Московским»¹⁷.

Сообщения эти до русского правительства не дошли, так как, когда Медекша наконец добрался до Москвы, напряженная ситуация миновала и выступать с такими рискованными заявлениями не было необходимости.

Опровергая сообщения Д. Остафьева о причастности литовских политиков к планам войны с Россией, инструкции Медекши служат, однако, доказательством существования подобных планов у польских военачальников. До Москвы заявления литовского гетмана не дошли и опасность представлялась поэтому более значительной, чем в действительности.

В условиях возникшей угрозы возобновления войны приобрели значение собранные А. Лопухиным сведения о настроениях шляхты на территории Великого княжества Литовского, занятой русскими войсками. Так, он выяснил, что 16 августа на дворе у А. Саковича появился тайно войт Вильна, сообщивший, что в Вильно «государевых солдат толко с восьмьсот человек». Он же сообщал, что многие шляхтичи Ошмянского и Виленского поветов, присягнувшие царю, находятся в войске В. Госевского. Вызывало опасения и положение в Гродненском повете, где предводитель местной шляхты С. Масальский ведет переписку и «живет в совете» с П. Сапегой, женатым на его сестре. Гродненский воевода Богдан Апрелев жаловался, что «в Гродно и в деревнях» нападают на русских солдат, а от С. Масальского «ссылки и управы нет»¹⁸.

Сообщения от посланцев начали приходиться в октябрь-ноябре 1657 г., но еще до их получения в Москве приняли ре-

17 Stefana Franciszka z Proscza Medekszy księga pamiętnicza wydarzeń, zaszlych na Litwie. 1654–1668 // *Scriptores rerum polonicarum*. Т. III. Kraków, 1875 (далее — Medeksza). S. 158–159.

18 РГАДА. Ф. 79. Кн. 91. Л. 40–45.

шение для выяснения ситуации в Речи Посполитой направить гонца к Яну Казимиру. Первоначально речь шла почти исключительно о сборе информации. В грамоте, датированной 18 июля 1657 г., царь, главным образом, опровергал обвинения в том, что он не оказывал Яну Казимиру поддержки в войне со Швецией: царь послал против шведов войска из Пскова и Полоцка, послал на помощь П. Сапеге войско во главе с В.Б. Шереметевым, но оно вынуждено было остановиться в Борисове из-за «мирового поветрия». Хмельницкому было послано «крепкое повеленье», чтобы он отозвал свои войска¹⁹. Никакой необходимости в посылке такого документа не было, он должен был служить прикрытием истинной цели миссии.

Главная цель, достижения которой должен был добиваться гонец Назарий Алфимов, состояла в том, что «тайным обычаем» он должен был выяснить, намерена ли Речь Посполитая выполнять Виленский договор, будет ли созван сейм, каковы шансы на нем австрийского кандидата²⁰. В наказе, таким образом, ясно очерчен круг вопросов, интересовавших в первую очередь русских политиков в середине лета 1657 г.

Н. Алфимов уже находился в дороге, когда за ним вдогонку была отправлена еще одна грамота к Яну Казимиру, датированная 5 августа. В ней царь ставил короля в известность об обвинениях, выдвинутых против него Хмельницким: правительство Речи Посполитой побуждало султана и хана к нападению на Войско Запорожское, обещая им за это «все украинские города нашего царского величества». К этому в грамоте было добавлено, что после разгрома армии Ракоци «польские люди... соединясь с крымскими татарами, нашего царского величества черкаские города многие поимали». Царь требовал прекратить подобные действия и соблюдать Виленское соглашение. Очевидно, к этому времени до Москвы дошли сведения о планах совместного похода польско-татарских войск на украинские земли и это вызвало соответствующую реакцию русского правительства.

Царская грамота содержала и одно важное предложение. Теперь, когда неприятели, Карл Густав и Ракоци, ушли из Польши, царь предлагал прислать в Москву «великих» послов, «дав им полную мочь и наказав им подлинно, чтоб все те дела совер-

19 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 19. Л. 18–30.

20 Там же. Л. 74–76.

шита им у нашего царского величества безо всякие отволоки, а, заверша, и закрепитьи»²¹. Вряд ли в Москве могли рассчитывать, что польско-литовская сторона согласится с такой процедурой ведения переговоров, которая вовсе не предусматривалась Виленским соглашением, тем более не располагая на этот счет решениями сейма. Вероятно, в Москве рассматривали такое предложение как своеобразную «разведку боем». Реакция на него могла бы дать ответ на волновавший царя и его советников вопрос, будет ли и как польско-литовская сторона выполнять Виленский договор.

Возложенные на него задачи Н. Алфимов по объективным обстоятельствам выполнить не мог. У него не было связей с влиятельными людьми в правящих кругах Речи Посполитой, у которых он мог бы что-либо узнать «тайным обычаем», а на дворе в Варшаве, где Н. Алфимов находился в конце сентября — начале октября 1657 г., он был в полной изоляции «и у двора ево, Назарьева, была крепкая сторожа»²². О позиции правительства он мог узнать лишь из состоявшихся бесед с литовским канцлером К. Пацем и подканцлером коронным А. Тшебицким, однако содержание и характер этих бесед определяли, конечно, королевские советники.

Так как Н. Алфимов был простым гонцом и не имел никаких полномочий вести переговоры, то сам факт этих бесед говорит о заинтересованности правящих кругов Речи Посполитой в сохранении мирных отношений с Россией и о их желании таким способом повлиять на русскую внешнюю политику. Хотя положение Польско-Литовского государства заметно улучшилось, предстояло решить еще достаточно трудные задачи. Шведские войска продолжали занимать главные города Королевской Пруссии, блокируя путь, по которому шел экспорт хлеба в страны Западной Европы, что прямо и непосредственно отражалось на доходах магнатов и шляхты. В июле 1657 г. началась осада Торуня австрийскими войсками, туда же был направлен большой корпус польских войск во главе с Е. Любомирским. Под Торунь выехал руководить осадой сам Ян Казимир. Город сдался лишь в конце декабря 1657 г.²³.

21 Текст грамоты см.: Там же. Л. 88–96.

22 Там же. Л. 193.

23 Об осаде Торуня см.: *Kubala L. Wojny duńskie i pokój oliwski. 1657–1660. Lwów. 1922. S. 184–198.*

Война со Швецией стала складываться неудачно для датчан, шведские войска заняли Голштинию²⁴. Можно было опасаться, что, одержав быструю победу над Данией, Карл Густав вернется со своими главными силами в Пруссию. В этих условиях в Варшаве совсем не были заинтересованы в осложнении отношений с Россией.

Советники заверили гонца, что Речь Посполитая заинтересована в том, чтобы «был покой и у обоих великих государств соединение», в скором времени будет созван сейм, на который пригласят великих послов царя²⁵. Одновременно они энергично отвергали обвинения Хмельницкого: «татар, де, мы призвали на Ракоцу, не на казаков, и татаровя, де, ... казаком ничего не учинили»²⁶.

Судя по содержанию бесед, в Варшаве опасались заключения мира между Россией и Швецией, что серьезно затруднило бы кампанию по возвращению прусских портов. У гонца настойчиво спрашивали, правда ли, что в Москве находятся французский и английский послы, предлагающие посредничество на мирных переговорах со Швецией²⁷. Одновременно они постарались дать доказательства враждебности Карла Густава по отношению к России. Уже после «отпуска» гонца А. Тшебицкий сообщил, что австрийские дипломаты в Константинополе достали текст грамоты Карла Густава к султану, в которой шведский король призывал его к войне с Россией и Речью Посполитой. А. Тшебицкий обещал, что этот текст будет вскоре послан в Москву²⁸. Пристав, провожавший Н. Алфимова в обратную дорогу, говорил, что Карл Густав нанес поражение датским войскам и Ян Казимир опасается, что будет заключен мир, по которому Дания будет вынуждена стать союзником Карла Густава в войне с Речью Посполитой²⁹.

В грамоте, датированной 12 октября 1657 г., король, как и его советники, опровергал обвинения Хмельницкого и доказывал, что никаких враждебных действий против России польское правительство в Стамбуле не предпринимало. Как и следовало

24 О ходе войны с Данией см.: *Kubala L. Wojny... S. 12.*

25 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 19. Л. 186–187.

26 Там же. Л. 182.

27 Там же. Л. 185.

28 Там же. Л. 190–191.

29 Там же. Л. 212.

ожидать, король отклонил предложение отправить великих послов в Москву, так как дело о избрании царя может быть только «на соиме договорено и совершено», но обещал, что сейм будет собран в скором времени. Одновременно Ян Казимир выражал надежду на дальнейшее сближение двух государств и их успешные действия против шведов³⁰. Все это показывало, что «большой войны» с Речью Посполитой в ближайшее время можно не ожидать, но выяснилось это в полной мере лишь к началу 1658 г.³¹. До этого приходилось, следуя предупреждениям, держать войска на территории Литвы и Белоруссии, а это ограничивало размах военных операций в Ливонии, не давало в полной мере использовать ту трудную ситуацию, в которой оказалась Швеция, когда сложилась антишведская коалиция.

Военная кампания в Ливонии началась в июне 1657 г. с серьезной неудачи русских войск. В начале этого месяца псковский воевода Матвей Шереметев выступил с войском для освобождения осажденного шведами замка Анзля. Когда шведы отступили, воевода стал их преследовать, но развернувшееся сражение завершилось беспорядочным бегством дворянской конницы с поля боя. Сам командующий войском, М. Шереметев, попал в плен. Правда, при отступлении удалось сохранить обоз и пушки³².

После этой неудачи инициатива на театре военных действий перешла к шведам. 7 июля шведские войска во главе с Магнусом Делагарди подступили к Юрьеву Ливонскому (Тарту), одному из главных центров русской власти в Ливонии. Значительная часть Юрьевского уезда была занята шведскими войсками, и началась мобилизация местных крестьян в шведскую армию. Из Таллина и Нарвы шведский командующий ожидал артиллерию, чтобы штурмовать город. Лишь 10 августа он снял осаду, узнав о приближении из Пскова войск во главе с новым воеводой И.А. Хованским³³.

30 Перевод грамоты см.: Там же. Л. 123–152.

31 Перевод грамоты Яна Казимира был сделан 10 января 1658 г. (Там же. Л. 123).

32 Новосельский А.А. Город, как военно-служилая и как сословная организация дворянства в XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 179–180.

33 Об осаде Юрьева см. отписку воеводы И.А. Хилкова: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 165. Л. 69–77. О действиях швед-

Однако это не положило конца активности шведов. Вызвав подкрепления из Таллина и Нарвы, М. Делагарди осадил Гдов, «ис пушек по Гдову били и приступы к городу были жестокие»³⁴. Когда ко Гдову подошли войска И.А. Хованского, М. Делагарди снова отступил, но Хованский догнал его армию в трех верстах от города и в ночном бою 15 сентября шведские войска были разбиты. Как сообщал И.А. Хованский в Москву, погибло 2 генерала и несколько полковников, бóльшая часть пехоты, пушки М. Делагарди велел «пометать в Чюцкое озеро»³⁵. Это поражение шведской армии привело к переходу военной инициативы в руки русского воеводы. Преследуя отступающего к Таллину противника, И.А. Хованский 25 сентября перешел Нарову. Магнус Делагарди поспешно отступал к Таллину, и воевода не стал его преследовать, а двинулся «изгоном» к Нарве. Пришедшие неожиданно 5 октября к Нарве русские войска захватили посад и стоявшие на Нарве суда. Затем войска снова перешли Нарову и, разорив округу Ямы и Копорья, армия Хованского, так и не столкнувшись во время похода с серьезным сопротивлением, 19 октября вернулась во Псков³⁶.

Так как король предписывал Магнусу Делагарди вести мирные переговоры с Россией, чтобы хотя бы избежать опасности с ее стороны в той сложной ситуации, в которой оказалась Швеция³⁷, то активные действия со стороны шведов сопровождались попытками начать мирные переговоры. Так, 12 июля 1657 г. М. Делагарди обратился с письмом к Хованскому, предлагая прислать в Юрьев русских представителей для переговоров о мире. Он сообщал, что в Митаве, столице Курляндии, находится английский посол, который едет к царю для «мирного договору»³⁸.

ских властей в Юрьевском уезде см.: Там же. Л. 15, 18. О походе И.А. Хованского см.: Там же. Л. 106–108, 36–38.

34 См. отписку И.А. Хованского: Там же. Л. 140–141.

35 См. отписку И.А. Хованского: Там же. Л. 149–156; *Гадзяцкий С.С.* Борьба людей Ижорской земли против иноземного владычества // Исторические записки. Т. 16. М., 1945. С. 39–41.

36 См. отписку И.А. Хованского: Там же. Л. 118–128; *Гадзяцкий С.С.* Борьба... С. 41–43.

37 *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю. М., 1998. С. 177–178.

38 РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией), 1657 г. № 2. Л. 270–274.

1 августа он обратился с предложением начать переговоры о мире к сидевшему в Юрьеве в осаде воеводе И.А. Хилкову³⁹. На эти предложения русская сторона не реагировала.

Английский посол Р. Брэдшоу, ехавший в Москву с предложением посредничества на мирных переговорах со Швецией, провел осень 1657 г. в Курляндии и поехал обратно, так и не получив разрешение на проезд в Москву⁴⁰. Дружественный характер отношений между Швецией и Англией Кромвеля был в Москве хорошо известен, и в таком посреднике здесь не были заинтересованы.

За происходившим с неодобрением и даже раздражением наблюдал из Царевичева Дмитриева А.Л. Ордин-Нащокин. У него были свои представления о том, как и с какой целью должна вестись военная кампания и какими шагами она должна была сопровождаться. Свои соображения на этот счет он изложил в «статьях» и отписке, направленных в Москву в Приказ Тайных дел в начале июля 1657 г.

Главной целью русских действий в Ливонии должно было стать подчинение Риги. Он доказывал, что для этого сложились благоприятные условия. В Риге эпидемия — «мировое поветрие», из-за которого люди, покинув город, «живут по лесам и по островам», объявилась «болезнь» и в шведском войске. Он также упоминал «прошенье рижан о съезде и присылке частые в Царевичев Дмитриев город», во время которых «начальные люди и бурмистры... тайными ссылками к милости великого государя царского величества приведены»⁴¹. Курляндскому герцогу Якобу он предлагал содействовать переходу Риги под власть царя, «не дожидаясь последнего рижаном разоренья», в этом случае они «належащего страху избудут и до своих домов бес печали придут». На герцога, впрочем, воевода Царевичева Дмитриева не возлагал больших надежд. Герцог, — писал он в Москву, — «манит, дружа шведа». Вместе с тем, трезво оценивая положение дел, он полагал, что Рига не подчинится царю без «грозы» со стороны русских войск. Необходим, — доказывал он, — поход

39 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 165. Л. 82–84.

40 *Архангельский С.И.* Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Исторические записки. Т. 5. М.; Л., 1939. С. 131–136.

41 К сожалению, каких-либо других данных о тайных переговорах А.Л. Ордина-Нащокина с рижанами разыскать не удалось.

под Ригу войск не только из Царевичева Дмитриева, но и из Полоцка, Витебска и Пскова, но воеводы этих городов не направляют своих войск под Ригу.

В своих «статьях» воевода доказывал необходимость изменить политику по отношению к населению Ливонии. Он оценил как неверный, ошибочный шаг посылку в июне в Царевичев Дмитриев и Псков царских грамот с приказом «без остатку разорить» те земли в Ливонии, которые не подчинятся добровольно власти царя. Этим приказом, — доказывал он, — служилые люди воспользуются для того, чтобы и «не противных пленить без остатку». Такие действия сведут на нет все усилия воеводы Царевичева Дмитриева по привлечению местного населения на сторону русской власти. Это приведет к бегству населения в земли, занятые шведами, и к пополнению за счет местных крестьян шведской армии, «а пехота лутчая у свеян лифляньские люди». В крепостях, округа которых опустеет, будет «держатца нечем», «а в городех Лифляньских немецкие люди, видя разоренье над уездными людьми, к подданству будут непокорны»⁴².

К сожалению, не сохранился какой-либо ответ царя на предложение и соображения его советника. Имеется, однако, черновик царской грамоты, по которой воевода Царевичева Дмитриева получил полномочия вести переговоры с горожанами Риги и обещать им сохранение всех их «прав» и такое «жалованье» от царя «чево у них и на уме нет»⁴³. Важно было, чтобы соответствующие шаги были подкреплены «грозою». И эти соображения были приняты во внимание. 6 августа в Царевичев Дмитриев пришел из Полоцка отряд во главе с кн. О. Щербатым. Однако отряд пробыл здесь всего несколько дней, и 13 августа, ссылаясь на будто бы начавшееся в уезде «моровое поветрие», ратные люди «своим самовольством» оставили город и вернулись в Полоцк⁴⁴. По-видимому, вернуть эти войска обратно в дальнейшем не удалось.

В конце июля А.Л. Ордин-Нащокин снова обратился к царю, анализируя положение, сложившееся с началом войны между Да-

42 Отписка А.Л. Ордина-Нащокина // РГАДА. Ф. 96. 1657 г. № 2. Л. 253–259; «статьи» о ратных делах // Там же. Л. 264–269.

43 РГАДА. Ф. 210. Столбцы дополнительных столов. Стб. 80. Л. 45.

44 См. черновик грамоты Алексея Михайловича полоцкому воеводе И.П. Пронскому с резким выговором за такие действия: Там же. Л. 46–52.

нией и Швецией. Он отметил такой важный факт, как появление на Балтийском море (в частности, у острова Эзель//Сааремаа) враждебного шведам датского флота. Это затруднило положение Риги, но вместе с тем открывало для датчан возможности овладеть городом. Датские войска уже появились «близко Риги». Заключение мира между Яном Казимиром и курфюрстом также открывало возможности для активизации действий литовских войск в Ливонии. «Так у обоих королей, у польскаго и датскаго, ныне об Риге, как было у свейскаго короля о Вильне». Царь сумел занять Вильно раньше шведов, поэтому его власти подчинилось Великое княжество Литовское», как и Рига — ключ к господству над Ливонией⁴⁵.

А.Л. Ордин-Нащокин направил затем в Москву еще одно письмо, призывая к развертыванию широких военных операций по направлению к Риге. Письмо содержало острые выпады против воевод Полоцка и Пскова, которые словно прилагают все усилия к тому, «чтоб нынешнее лето докончалось без службы». Такая пассивность, — доказывал он, — приведет к самым нежелательным последствиям. Ведь и рижан, и гетмана В. Госевско-го, и курляндскаго герцога он убеждал в том, что русские войска вскоре появятся в Ливонии. Об этом же были осведомлены датский и польский короли. Если русские войска так и не появятся, то датский король станет искать мира с Карлом Густавом. К действиям против Риги должно было побуждать и его сообщение, что в укреплении, расположенном в устье Западной Двины, «свейские люди вымерли». Что касается английского посла, который хочет выступить посредником при заключении мира и за это будет добиваться «беспошлинного торгу» в России для английских купцов, то А.Л. Ордин-Нащокин советовал задержать его в Курляндии, «покаместа твои, великаго государя, рати из Пскова и с Полоцка придут в Лифлянты». Тогда этот посол может даже оказаться полезным. Рижане, «не ожидая от короля обороны, за посла аглинскаго возмутца» и при его участии будет заключено соглашение о переходе Риги под власть царя⁴⁶.

45 Акты Московскаго государства. Т. II. СПб, 1894. № 990. С. 586.

46 Отдельные фрагменты записки: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 279. Л. 137–139, 143, 145–149. См. также и другую его отписку с жалобами на бездеятельность воевод Полоцка, посланную после 12 сентября 1657 г. (Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. 3. СПб., 1854. Стб. 699–701).

Правда, в последующее время активность русских воевод возросла и под Гдовом шведская армия понесла серьезное поражение, но И.А. Хованский с победившей армией направился не к Риге, а на Нарову. Все это никак не могло удовлетворить А.Л. Ордина-Нащокина. Его внимание все более привлекала возрастающая активность литовской армии на сопредельных с его наместничеством территориях.

Связано это было с обозначившейся летом 1657 г. сменой внешнеполитической ориентации Бранденбурга. 11 августа н. ст. было подписано соглашение о выводе бранденбургских войск из Познани 28 августа н. ст. В. Госевский подписал с представителем курфюрста соглашение о перемирии. 19 сентября н. ст. он же подписал в Велаве соглашение о заключении мира и военного союза против шведов⁴⁷.

При этом вставал вопрос о взаимоотношениях с Россией, войска которой также действовали на территории шведской Ливонии. 1 августа н. ст. гетман В. Госевский составил инструкции для своего посланца в Россию, Стефана Медекши. Гетман напоминал царю, что он предостерегал его о существовании союза Карла Густава, казаков и Ракоци, а А.С. Матвеев не хотел ему верить. Сообщая о вступлении в войну Дании и Австрии, о намерениях короля перенести войну на территорию Королевской Пруссии, он призывал царя также выслать войска против шведов. В части инструкции отмечен личный мотив: о гетмане у короля и Речи Посполитой сложилось дурное мнение, так как Польско-Литовское государство так и не получило помощи, которую, как уверял гетман, пришлет Алексей Михайлович.

Вместе с тем, сообщая о разрыве курфюрста со шведами, он заверял, что хотел бы задержать переговоры до приезда представителя от царя, и очень советовал не принимать английского посла. Гетман жаловался на виленского воеводу кн. М. Шаховского и других воевод, которые в отличие от А.Л. Ордина-Нащокина не хотят поддерживать с ним переписку, особенно он подчеркивал свое желание поддерживать переписку с В.Б. Шереметевым⁴⁸. С. Медекша был задержан в Борисове и лишь в феврале

47 *Szymczak B.* Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej. Warszawa, 2002. S. 246–247, 250–251.

48 *Medeksza S.* Op. cit. S. 151–156.

1658 г. смог попасть в Москву⁴⁹. Попытка вступить в сношения с В.Б. Шереметевым успеха не имела. В разговоре с С. Медекшей воевода сказал, что гетман «изменил, ничего для государя не учинивши», отправил Лопухина. «Государя, — говорил разгневанный воевода, — не устрасит ни зима, ни груды (куски замерзшей земли. — Б.Ф.) — пойдет зараз сам головою своею против всякого неприятеля»⁵⁰. Иначе складывались контакты гетмана с А.Л. Ординым-Нащокиным. Уже 25 сентября н. ст. 1657 г. он сообщил воеводе Царевичева Дмитриева, что возвратился в свой лагерь после заключения мира с курфюрстом и теперь направляется с войском против шведов. Он выражал надежду, что общими силами «обчии нам неприятель звоеван будет»⁵¹. Через несколько дней, не получив ответа на свое послание, 1 октября н. ст. он сообщил А.Л. Ордину-Нащокину о том, что идет «для обереженья рубежов жмудийских», намерен перейти Двину и начать военные действия против шведов⁵². 15 октября недалеко от Царевичева Дмитриева состоялась встреча гетмана и воеводы, о которой А.Л. Ордин-Нащокин подробно сообщал царю.

В. Госевский сообщил воеводе о заключении договора с курфюрстом и ознакомил его с текстом этого документа. Он заверил, что войска курфюрста будут действовать против шведов. Он сообщил, что разворачивает военные действия против шведов, «исполняя Виленский договор», и сетовал на пассивность воевод Полоцка и Пскова⁵³. 8 октября В. Госевский обратился с письмом и к полоцкому воеводе И.П. Пронскому, сообщая, что он перешел Западную Двину, чтобы вести военные действия против шведов, и выражал надежду на сотрудничество с русскими войсками, «чтоб неприятель за наступлением нашим истеснен был»⁵⁴. В. Госевский, как представляется, хорошо понимал, какая благоприятная ситуация сложилась для действий его войск в условиях, когда главная военная сила в шведской Ливонии — армия Магнуса Делагарди — потерпела поражение и отступила к Таллину. Как показал дальнейший ход событий, расчеты эти оказались правильными. 24 октября войска В. Госевского оса-

49 Ibid. S. 116.

50 Ibid. S. 64.

51 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 26. Л. 7–9.

52 Там же. Л. 11–13.

53 АМГ. Т. II. № 1005. С. 594–595.

54 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 26. Л. 1–2.

дили Вальмиеру (Вольмар), и через два дня город капитулировал. Были заняты и другие крепости⁵⁵. Приходили сведения к русским властям и о блокаде литовскими войсками Риги⁵⁶. За первыми успехами последовали и другие. К февралю 1658 г., когда литовское войско ушло из Ливонии, литовские гарнизоны появились в Цесисе (Венден) и Вильянди (Феллин)⁵⁷. В декабре 1657 г. войско В. Госевского осадило Пярну⁵⁸ и ожидали скорого падения города⁵⁹.

Успехи В. Госевского убеждали А.Л. Ордина-Нащокина в слабости шведской власти в Ливонии и реальности выдвигаемых им планов. Вместе с тем усиление литовского присутствия в регионе вызывало его беспокойство. Он предупредил царя, что отправившийся к королю гетман В. Госевский по возвращении к своей армии «пеших людей для промыслу над городами прибавит»⁶⁰. В этих условиях А.Л. Ордин-Нащокин предпринял еще одну попытку убедить царя организовать большой поход на Ригу.

Он убеждал царя, что в сложившихся условиях «поход твой, великого государя, под Ригу» будет «лутче летнево». Рижане не могут рассчитывать на помощь из Таллина, так как на сухопутном пути от Таллина к Риге стоит «обоз литовской ... а водяным путем зимою суды не пройдут». Нужно только, чтобы в войске, посланном под Ригу для «приступного промыслу», было «пеших людей десять тысяч». А «вся земля, государь, Лифлянская, — обращался он к царю, — о Риге стоит»⁶¹. Письмо содержало резкие выпады против псковского воеводы И.А. Хованского, для которого, по убеждению воеводы Царевичева Дмитриева, он и его

55 См. отписку И.А. Хованского от начала ноября: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 165. Л. 163.

56 Там же. Л. 179.

57 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 279. Л. 75.

58 См. письмо гетмана А.Л. Ордину-Нащокину от 27 декабря «из обозу под Пернавой», в котором говорится о его намерении «добыть крепости»: РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 26. Л. 20–21.

59 А.Л. Ордин-Нащокин сообщал царю, что «договор с мещаны пернавскими к подданству есть» (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 279. Л. 161).

60 Там же.

61 Там же. Л. 131–132.

ратные люди «ненавидимее шведов»⁶². Эти выпады были связаны с тем, что псковский воевода действовал в Ливонии не так, как считал правильным А.Л. Ордин-Нащокин.

Как увидим далее, он ошибался — ход событий определяли не личные предпочтения псковского воеводы. Правильность наблюдений А.Л. Ордина-Нащокина о слабости шведских войск в Ливонии подтверждали и отписки И.А. Хованского. Так, он сообщал в Москву, что, когда Магнус Делагарди просил Карла Густава о помощи, то король ответил, «что людей на помощь прислать неково»⁶³. Для развертывания военных действий в Ливонии складывались благоприятные условия, и в Москве приняли это во внимание, направив в декабре 1657 г. И.А. Хованскому приказ начать поход в «Немецкую землю». Однако целью похода должна была стать отнюдь не Рига. Войско И.А. Хованского должно было идти «под Ругодив и под Ивангород и под Яму и под Копорье». Одновременно из Новгорода отряд во главе с Ф. Лодыженским должен был идти «под Орешек и под Канцы»⁶⁴. Таким образом, военные действия должны были развернуться не в устье Западной Двины, а на побережье Финского залива. Вероятно, вопреки оптимистическим прогнозам А.Л. Ордина-Нащокина в Москве не очень верили в успех похода на Ригу и считали более реальным делом добиться выхода к морю на побережье Финского залива. Обращает на себя внимание, что в походе армию Хованского должны были усилить два приказа московских стрельцов из Новгорода, 1000 солдат с Олонца, солдаты Сумерской волости⁶⁵. Таким образом, на театр военных действий не направлялось каких-либо дополнительных подкреплений, здесь должны были действовать лишь те войска, которые уже и так находились в пограничных областях.

А.Л. Ордин-Нащокин, поддерживавший связи с гетманом В. Госевским, рассчитывал при продолжении военных действий на сотрудничество с литовским войском против шведов. В Москве, напротив, считались с возможностью серьезных осложнений в будущих отношениях с Речью Посполитой и берегли на этот случай основные военные силы.

62 Там же. Л. 129.

63 РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 165. Л. 133.

64 См. пересказ царской грамоты, полученной И.А. Хованским 23 декабря 1657 г., в его отписке: Там же. Л. 181–182.

65 Там же. Л. 197–198.

Получив царскую грамоту, И.А. Хованский запрашивал дьяков Разрядного приказа: если окажется, что в тех городах, к которым он пойдет походом, «малоллюдно и приступом над теми городами промысл учинить мочно», то «к тем немецким городом приступать ли или нет»⁶⁶. Очевидно, что царская грамота не содержала точных указаний на этот счет. Это заставляет предполагать, что в Москве, возможно, не ожидали от похода И.А. Хованского каких-то территориальных приобретений, рассматривая его, прежде всего, как меру давления, которая заставила бы шведское правительство заключить мир.

Как представляли себе царь и его советники дальнейшее развитие событий, показывает сохранившийся, к сожалению, лишь во фрагментах, наказ Б.М. Хитрово, направленный в самом конце 1657 г. с важной миссией к И. Выговскому, который стал новым украинским гетманом после смерти Богдана Хмельницкого⁶⁷. Он должен был поставить гетмана в известность, что польско-литовская сторона не выполняет условия Виленского договора, и поэтому царь «неправдам их терпети не учнет, а хочет на весну посылать на корунные города своих царского величества бояр и воевод». Для участия в таком походе гетман должен был выделить часть полков Войска Запорожского⁶⁸. Таким образом, по плану русского правительства весной 1658 г. должен был начаться совместный поход русских и украинских войск на Речь Посполитую, который, очевидно, и должен был привести к заключению мира на желательных для русской стороны условиях. При такой установке поиски выхода к Балтийскому морю отодвигались на задний план, а главное внимание русских политиков стал привлекать вопрос, сможет ли Войско Запорожское выполнить ту роль, которую они ему отводили в своих планах.

Новый гетман, генеральный писарь Войска Запорожского Иван Выговский, был избран без какого-либо участия русских представителей, но, как убедительно показала Т.Г. Яковлева⁶⁹, был кандидатом вполне приемлемым для Москвы. Он еще задолго до Переяславской рады установил контакты с русским пра-

66 Там же. Л. 182.

67 14 января 1658 г. Б.М. Хитрово находился в Прилуках на пути к гетману (АЮЗР. Т. 4. С. 100).

68 Там же. № 58. С. 95.

69 Яковлева Т.Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII столеття. Київ, 1988. С. 231 и сл.

вительством и оказывал услуги русским дипломатам, передавая им копии документов и сообщая различные важные сведения. Во время обострения отношений в связи с участием казацких полков в походе Ракоци он сумел своевременно дать понять, что не одобряет действий гетмана, и сохранил доверие московских политиков.

В первые месяцы пребывания у власти И. Выговский продолжал внешнюю политику Богдана Хмельницкого. Были подтверждены соглашения с Трансильванией, заключен договор о союзе со Швецией. Как и Хмельницкий, Выговский видел в этих государствах полезных союзников в борьбе с Речью Посполитой. Однако он должен был учитывать те новые условия, которые сложились в последние месяцы гетманства Хмельницкого и которые уже покойный гетман должен был принять во внимание. Несмотря на заключенные соглашения, в сложившейся ситуации от возможных союзников нельзя было ожидать реальной помощи. Вступивший из-за самовольного похода в Речь Посполитую в конфликт с султаном Дьердь II Ракоци с трудом удерживал трон в борьбе с османскими войсками, а Карл Густав увел свою армию из Польши на север. Между тем возникала после поражения Ракоци реальная опасность совместного похода польских и татарских войск на «черкасские города». Выше уже цитировались сообщения царских посланцев из Речи Посполитой о планах такого похода. Аналогичные известия приходили в Москву и из Крыма. Выехавший из Крыма 23 сентября толмач Терентий Фролов сообщал, что хан, вернувшийся из похода в Трансильванию, «велел ратным людям лошадей кормить, а хочет, де, идти на войну в черкасы»⁷⁰. По сведениям, собранным русскими посланниками, хан предлагал Яну Казимиру начать военные действия уже зимой⁷¹.

Подобные сообщения, несомненно, приходили и к Выговскому. 25 августа 1657 г. он говорил посланцу царя В. Кикину, что «хан со всею ордою... шодчись с ляцкими войсками, хотят приходить воиною на Украину»⁷². 31 августа он снова говорил Кикину, что хан «послал... по последних татар, велел выгонять

70 РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). 1657 г. № 15. Л. 2.

71 Там же. Л. 5.

72 АЮЗР. Т. 11. СПб., 1879. Стб. 799.

всех за собой на войну»⁷³. Новый гетман, несомненно, пытался предотвратить опасность. Он попытался вступить в сношения с крымским ханом, извещая его о своем избрании, и предлагал вернуться к «дружбе», которая существовала между ханом и Хмельницким⁷⁴. Был предпринят и другой шаг. И. Выговский продолжил переговоры с султаном, начатые еще при Хмельницком. На этих переговорах была достигнута договоренность, что гетман не допустит нападений казаков на османские владения, а султан прикажет крымскому хану не нападать на «черкасские города»⁷⁵. Это, однако, не давало полной гарантии безопасности. Поэтому И. Выговский не только не возражал против прихода в Переяслав русских войск во главе с Г.Г. Ромодановским, посланных туда еще по просьбе Хмельницкого, но и на встрече, состоявшейся 28 октября, просил русского командующего не распускать войска, обещая снабдить их всеми необходимыми запасами⁷⁶.

В отношениях с русским правительством И. Выговский следовал линии, намеченной после Виленских переговоров Хмельницким. Это ясно показывают записи его бесед с В. Кикиным в конце августа 1657 г. Через посланца он, как и Хмельницкий, убеждал царя и его советников, что следует отказаться от поиска соглашений с Речью Посполитой, которая не выполняет своих обязательств и не будет делать этого в будущем. Эти положения, выдвигавшиеся уже покойным гетманом, Выговский подкрепил новыми серьезными доводами. По его словам, поляки уже заключили договор с Леопольдом, сыном Фердинанда III, что именно он (а не царь) будет преемником Яна Казимира на польском троне. Между Австрией и Речью Посполитой заключено соглашение, «что под царским величеством и под Московским государством и под нами промышлять заодно»⁷⁷. Позднее, другому посланцу царя А.С. Матвееву он обещал даже послать в Москву «список» с изложением условий, «на которых статиях поляки с Леопольдом договорились»⁷⁸. Сведений о посылке такого текста не сохранилось, так как договора, подобного тому,

73 Там же. Стб. 810. См. и ряд сообщений последующего времени.

74 Такие письма были отправлены хану и везиру 10 сентября. — Грушевський М.С. Історія України — Руси. Т. X. Київ, 1936. С. 56–57.

75 Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 236–237.

76 АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. № 38. С. 49.

77 АЮЗР. Т. 11. Стб. 800, 803, 808–809.

78 АЮЗР. Т. 4. С. 25.

о котором говорил Выговский, не существовало в природе: не было заключено соглашения об избрании Леопольда, а договор о союзе предусматривал военные действия против Швеции, а не против Русского государства. Однако очевидны усилия Выговского, направленные на то, чтобы добиться аннулирования Виленского договора. Через его посланца Иван Выговский настоятельно просил царя, если Ян Казимир и Леопольд пришлют в Москву послов «бити челом о миру», чтобы он «ни в чем бы им, яко лукавым прелстителям, не верил»⁷⁹.

Гетман привел и другой важный аргумент в пользу того, что не следует рассчитывать на искренность и лояльность польской стороны: «Ян Казимер... пишет в листах своих, а называет... нас по прежнему своими подданными»⁸⁰. Этот аргумент гетман мог подкрепить и конкретным свидетельством: он передал В. Кикину письмо Яна Казимира С. Беневскому, в котором говорилось о его поездке «до урожного гетмана Войска нашего Запорожского»⁸¹. Это и последовавшие за ним другие сообщения гетмана о попытках правящих кругов Речи Посполитой вернуть Войско Запорожское под свою власть, несомненно, способствовали принятию в Москве решения о войне с Польско-Литовским государством.

Как и Хмельницкий, Выговский советовал разорвать мирные отношения с Речью Посполитой и заключить мир со Швецией⁸². К замыслам покойного гетмана восходило и высказанное Выговским пожелание, чтобы после победы над польским королем заключить союз с Венецией и начать «промышлять над бусурманами»⁸³. Очевидно, гетман, как и его предшественник, размышлял над тем, чем занять массу людей, привыкшую жить войной, после установления мира в Восточной Европе.

На этот раз к советам из Чигирина отнеслись с гораздо большей серьезностью, чем ранее. Когда в сентябре 1657 г. Чигирин снова посетил близкий и доверенный человек царя, А. С. Матвеев, он передал Выговскому просьбу царя отправить к Карлу Густаву послов Войска Запорожского, чтобы шведский король

79 АЮЗР. Т. 11. Стб. 804.

80 Там же. Стб. 809.

81 Там же. Стб. 816.

82 Там же. Стб. 807.

83 Там же. Стб. 810.

«мира поискал правдою»⁸⁴. В Москве и позднее сохраняли серьезную заинтересованность в заключении мира со Швецией при участии украинских послов. Когда в конце 1657 г. в Москву прибыло украинское посольство во главе с Ю. Миневским, его настойчиво спрашивали, отправил ли гетман к Карлу Густаву своих послов⁸⁵. Тем самым в значительной мере оказались устраненными источники напряженности в отношениях между Москвой и Чигирином, возникшие после заключения Виленского договора, складывалась определенная основа для формирования общей политики Русского государства и гетманства по отношению к соседям.

Вместе с тем источники напряженности возникли в сфере собственно украинско-русских отношений. Связано это было с появлением и распространением на территории Украины неких «пунктов». В них говорилось о реформах, которые русское правительство якобы собиралось провести на Украине. Речь шла о фактической ликвидации автономии гетманства, размещении на его территории русской армии, которая содержалась бы за счет местного населения, обложении этого населения податями, которые ранее «имали на короля и панов», и, наконец, размер казацкого войска должен был сократиться до 10 тыс. чел. и оно могло находиться только за днепровскими порогами, все остальные казаки должны были стать крестьянами и мещанами. Вопросу о происхождении этих «пунктов» уделила особое внимание петербургский исследователь Т.Г. Яковлева. Ее соображения, что к появлению этих «пунктов» был причастен Ежи Немирич, представляются убедительными⁸⁶.

Опасность положения состояла в том, что русское правительство, планы которого, разумеется, не шли так далеко, реагируя на проведение Богданом Хмельницким внешней политики, которая противоречила его планам, действительно, предполагало осуществить ряд мер, которые бы усилили зависимость гетманства от Русского государства. Для решения этой задачи должен был выехать на Украину с особыми полномочиями кн. А.Н. Трубецкой. Он, в частности, должен был добиваться назначения воевод (очевидно, вместе с гарнизонами) в некоторые

84 АЮЗР. Т. 4. С. 22.

85 АЮЗР. Т. 4. № 40. С. 53, 58.

86 О «пунктах» см.: Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 240–247.

украинские города: Чернигов, Переяслав, Нежин, Белую Церковь, Корсунь и Прилуки⁸⁷. Известия о миссии А.Н. Трубецкого были восприняты на Украине как свидетельство о достоверности указанных выше «пунктов», что привело к волнениям⁸⁸. Однако намечавшийся кризис не получил развития. Столкнувшись с перспективой ухудшения русско-украинских отношений, русское правительство, заинтересованное, как показано выше, в военной поддержке Войска Запорожского, уступило — Выговский, избранный без участия русской стороны, был признан гетманом, решение о посылке на Украину А.Н. Трубецкого было отменено⁸⁹. Позднее русское правительство решительно опровергло аутентичность «пунктов»⁹⁰.

Гораздо более серьезным по своим последствиям оказался внутренний кризис в самом украинском обществе, вылившийся в острые формы уже в конце осени 1657 г. М.С. Грушевскому принадлежит и реконструкция событий начального этапа кризиса и анализ его причин. Речь должна идти о конфликте между Выговским и казацкой верхушкой, на которую он опирался в своей политике, и той частью казачества, которая находилась на Запорожье и продолжала жить там по старым, традиционным порядкам, установившимся еще до восстания Хмельницкого и образования гетманства.

Первым проявлением кризиса стал отказ собравшихся на Запорожье казаков признать гетманом Выговского, избранного без их участия. Запорожцы выступили при этом не только от своего имени, но и от имени всей «черни», т. е. рядового казачества, находящегося не только на Запорожье, но и на «волости». Так, с самого начала кризис приобрел характер конфликта между верхами и низами казачества. Глава запорожцев — кошевой «атаман» принял титул «кошевого гетмана», как бы противостоящего гетману, избранному казацкой верхушкой без участия «черни». На эти действия Выговский ответил установлением блокады Запорожья, запретив возить туда запасы «с волости». Когда И. Выговский встречался в конце октября с Г.Г. Ромодановским, конфликт был в полном разгаре. Затем в развитии со-

87 См. подробнее: *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1.* Київ, 1936. С. 11–12, 13, 15, 27–28, 43–44.

88 Там же. С. 47 и сл.

89 Там же. С. 77–79.

90 АЮЗР. Т. 4. № 39. С. 53–54.

бытий наметился спад. Очевидно, испытывая тяжелые последствия блокады, Запорожская Сечь стала искать соглашения с властями гетманства. Запорожские атаманы 14 ноября обратились с письмом к Выговскому, доказывая, что они не начинают никаких бунтов, а «своевольников» сами задержали и посадили в тюрьму. Они не хотят начинать усобицы и проливать христианскую кровь и, напротив, охотно пойдут по приказу гетмана на неприятелей, прежде всего на «ляхов»⁹¹. 29 ноября уже уезжавший из Чигирина посланец царя Д. Рагозин узнал о приезде запорожских послов, просивших гетмана снять блокаду, «а которых, де, были воры, заводчики, и они, де, все розбежались». Гетман, однако, занял жесткую позицию, потребовав выдать ему главу запорожцев — Барабаша⁹². Как видно из записи в статейном списке Д. Рагозина под 16 ноября, такая жесткая позиция сложилась у гетмана еще до приезда запорожского посольства. Как рассказывали царскому посланцу, гетман намерен, если его требования не будут удовлетворены, «идти в Запороги на них и хочет высечь», и в этом его поддерживает вся казацкая верхушка («а полковники, и сотники, и есаулы с ним, гетманом, в одном совете»)⁹³. Жесткая позиция, занятая гетманом, была связана с тем, что к этому времени уже было известно о важном шаге, предпринятом Сечью, — посылке запорожских казаков в Москву с жалобами на Выговского⁹⁴. Это показывало, что запорожцы не намерены подчиняться Выговскому, а хотят лишь получить передышку, чтобы обеспечить себе поддержку русского правительства.

Запорожское посольство во главе с Михаилом Стринджей добралось до Москвы к концу ноября месяца. Текст врученного послам наказа, записи жалоб и предложений послов, сделанные в Посольском приказе 23 и 26 ноября, позволяют выяснить причины недовольства запорожцев и связанной с ними «городовой» черни и установить, с помощью каких мер они рассчитывали исправить положение⁹⁵. Об оценке, которую дал М.С. Грушевский предложениям запорожских послов, речь пойдет ниже. Однако

91 *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 102–105.*

92 АЮЗР. Т. 4. № 44. Стб. 67.

93 Там же. Стб. 64.

94 Там же.

95 Изложение документов и их анализ см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 106–118.*

сразу следует отметить, что в тексте М.С. Грушевского мы не находим характеристики тех причин недовольства запорожцев и «черни», которые побудили их выступить против Выговского и казацкой старшины и искать поддержки у русского правительства. Этому вопросу уделила серьезное внимание в своей книге Т.Г. Яковлева. Следует согласиться с исследовательницей, что главной проблемой внутренней жизни гетманства стала невозможность массы «показавшихся» и тем самым получивших привилегированный социальный статус в ходе непрерывной войны людей найти себе источники средств существования в условиях мирного времени⁹⁶. Традиционно главным источником получения военной добычи были для запорожцев походы на Крым и владения Османской империи. Однако уже осенью 1655 г. Б. Хмельницкий запретил запорожцам совершать морские походы, а затем запреты предпринимать походы на Крым и османские владения последовали со стороны нового гетмана, Ивана Выговского. В среде запорожцев они были восприняты особенно остро, так как после поражения Ракоци военные походы войск гетманства прекратились и иных источников добычи тоже не стало. В наказе, врученном запорожским послам, специально говорилось о том, что гетман и вся старшина гневаются на чернь за то, что та ходит «водою и полем под татарские городы», так как это мешает им заключить мир с Крымом⁹⁷. Имеем свидетельства, что запорожцы не считались с установленными запретами. Осенью 1657 г. их отряды приходили к Перекопу «и многие ногайские улусы погромили»⁹⁸, но позиция гетмана и старшины не позволяла рассчитывать на продолжение таких действий в дальнейшем.

Однако на встречах запорожских посланцев с дьяками Посольского приказа вопрос о походах запорожцев на «бусурман» не обсуждался. Посланцам, вероятно, объяснили, что они не встретят понимания русского правительства, заинтересованного в сохранении мира на южных границах. На первый план выдвинулся вопрос об обеспечении рядового казачества благодаря выплате жалованья за службу. Вопрос о жалованье стал за-

96 Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 80, 96.

97 АЮЗР. Т. 7. № 66. С. 185. См. также Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 83, 93–94.

98 См. об этом в статейном списке посольства Я. Якушкина и Г. Михайлова: РГАДА. Ф. 123. 1657 г. № 14. Л. 135, 139.

нимать важное место в сознании казачества со времени заключения переяславских соглашений. «Статьи Богдана Хмельницкого» предусматривали, что Войску Запорожскому будет царем выплачиваться жалованье за участие в походах, а деньги на выплату жалованья к царю должны были поступать за счет сбора доходов с неказацкого населения гетманства. Один раз деньги на выплату жалованья — 60 000 золотых — были посланы гетману, но войску они не раздавались. А затем посылка жалованья прекратилась, так как никаких средств в царскую казну не поступало⁹⁹. Предполагалось, что Хмельницкий будет сам выплачивать из них жалованье войску, но этого не произошло. В сознании рядового казачества складывалось представление, что в его тяжелом положении виноваты гетман и полковники, которые распоряжаются собранными с населения поборами и ничего из них не дают войску. «А что, де, каких поборов в Войске Запорожском собираетца, и то все собирает к себе гетман же, а в войско ничего не дает», — говорили на переговорах в Посольском приказе запорожские посланцы. Они предлагали царю провести следствие, куда делось все то, что в течение 4 лет «в казну царского величества не доходило и до рук Войску Запорожскому по привилею царскому на жалованье не давано». Эти люди должны были вернуть полученные деньги, которые должны были быть розданы войску как жалованье за прошлые годы¹⁰⁰. Чтобы не допустить повторения прежней практики, запорожцы были готовы согласиться на приход в «черкасские города» русских воевод, они, вероятно, должны были взять в свои руки сбор доходов, которые бы собирались в Киеве и в определенное время раздавались Войску Запорожскому.

В этих предложениях М.С. Грушевский не без основания увидел опасный удар по нарождающимся институтам украинской государственности, но одновременно «сервілізм, необмежене служальство, підпорядкованне всяких інтересів українського життя планам московського бюрократизму і централізму». По убеждению исследователя, такие взгляды приносили наибольший ущерб самим их носителям, так как они оказывались

99 См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина. История и культура. 2004. М.. 2005. С. 14–16, 24–25.

100 АЮЗР. Т. 7. № 70. С. 193.

под властью московской бюрократии «в своей политике цілком безоглядної, а для інтересів українського життя як такого — цілком байдужої»¹⁰¹. Однако исследователь не дает ответа на возникающий вопрос, откуда могли появиться «сервілізм» и «служальство» у запорожских казаков, существование которых вплоть до этого времени протекало вне какого-либо контакта с русским правительством или русской администрацией. В таких качествах украинской «черни» справедливо усомнилась Т.Г. Яковлева, показавшая, что последующие действия участников начинавшегося восстания (о чем речь пойдет ниже) мало соответствуют такой характеристике¹⁰². Не «сервілізм», а отчаянное стремление получить какие-нибудь средства к существованию и полное неверие в то, что такие средства она сможет получить от казацкой элиты, — вот что толкало казацкую «чернь» к поискам поддержки у русского правительства, и для такого выбора были определенные объективные основания. Московская «бюрократия» отличалась многими пороками, но в отличие, например, от власти Речи Посполитой она регулярно выплачивала жалованье за службу. Сами запорожские посланцы упоминали, что, подготавливая свое обращение в Москву, в Сечи советовались с находившимися там донскими казаками¹⁰³. От этих казаков запорожцы вполне могли узнать, что в отличие от них донцы регулярно получают из Москвы жалованье и запасы. Все это давало основание надеяться, что, когда вместо казацких полковников доходы станут собирать русские воеводы, они, наконец, станут получать установленное для них жалованье.

Чего же ожидали запорожские посланцы от русского правительства? Они добивались того, чтобы царь, как верховный сюзерен, созвал раду в месте, по возможности, близком к Сечи, в которой приняла бы участие вся «чернь», как из Сечи, так и с «волости». На этой раде гетман и полковники должны были положить свои знаки власти, чтобы войско могло бы выбрать на их место других людей. Выговского и его советников следовало не только отстранить от власти, но и заключить в тюрьму и даже выслать из страны¹⁰⁴.

101 *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 118.

102 *Яковлева Т.Г.* Гетьманщина... С. 130–131, 135–136.

103 АЮЗР. Т. 7. № 68. С. 188.

104 АЮЗР. Т. 7. № 69. С. 188; № 70. С. 192–193; *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. С. 111, 114–115.

Разумеется, запорожцы понимали, что русское правительство не станет выступать против Выговского только ради защиты интересов «черни». Поэтому против Выговского и всей казачьей верхушки были выдвинуты обвинения в том, что она в нарушение заключенных договоров проводит не согласованную с царем внешнюю политику. Уже при жизни Хмельницкого гетман и полковники заключили договор с Ракоци и правителями Дунайских княжеств, а теперь новый гетман и полковники обновили соглашение с Трансильванией и воеводами, заключили союз со Швецией и вступили в сношения с Крымом «без ведома и без указа царского величества». В доказательство справедливости своих обвинений посланцы представили перехваченные запорожцами письма Выговского от 10 сентября 1657 г. хану и его везиру Сефер-гази. «И по тем его тайным посылкам, — утверждали они, — надеятца от него всякие измены»¹⁰⁵.

Аналогичным образом, впрочем, поступал и Выговский. В своих беседах с Г.Г. Ромодановским в Переяславе он убеждал русского военачальника, что запорожцы «старшин своих ... хотят побить и поддатца крымскому хану»¹⁰⁶. Если запорожцы добились от русского правительства созыва рады для низложения Выговского, то Выговский стремился обеспечить себе содействие русского правительства в борьбе с «чернью». Гетман отдавал себе отчет в опасности создавшегося положения: внутренний конфликт в украинском обществе мог побудить крымских татар и поляков предпринять нападение на территорию гетманства. На беседах в Переяславе в конце октября 1657 г. он постоянно просил Г.Г. Ромодановского не распускать войска и не выводить их с территории гетманства. Напротив, он хотел бы, чтобы Ромодановский со своими полками перешел Днепр, чтобы вместе с Уманским, Белоцерковским и Браславским полками заслонять территорию гетманства от нападения поляков, пока сам гетман не положит конец волнению¹⁰⁷. Из Переяслава же гетман со своим посланцем Почановским отправил письма царю и его советникам, в которых призывал не верить доносам на него, а запорожских посланцев за их самовольные действия задержать и покарать¹⁰⁸.

105 АЮЗР. Т. 7. С. 187, 192. Тексты писем см.: Там же. № 63. С. 180–181; № 67. С. 186.

106 АЮЗР. Т. 4. № 38. С. 49.

107 Там же. С. 48–50.

108 Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 75–76.

Создавшееся положение ставило русское правительство перед необходимостью принятия важного политического решения, от которого во многом зависела судьба русско-украинских отношений. Действовать следовало быстро, и решение действительно было быстро принято.

Было решено, что на Украину с важной миссией отправится такое близкое к царю, пользующееся его особым доверием лицо, как Б.М. Хитрово. В грамоте, врученной 30 ноября послам Войска Запорожского во главе с Ю. Миневским, царь извещал, что посылает к ним и Войску Запорожскому своего «ближнего» человека, который примет присягу у избранного Войском гетмана с подтверждением прав и вольностей Войска. В грамоте указывалось, что Б. Хитрово едет и для обсуждения разных вопросов¹⁰⁹.

Содержание этого документа ясно показывает, что обвинения гетмана и полковников в «измене» не произвели серьезного впечатления на царя и его советников. Характерно, что во время бесед с запорожскими посланцами в Посольском приказе дьяки главное внимание уделили выяснению причин недовольства «черни» политикой Выговского, совсем не пытаясь узнать какие-либо новые подробности о его «измене». Русский полномочный представитель ехал не для того, чтобы добиваться низложения Выговского, а чтобы принять от него присягу на верность царю, что должно было способствовать легитимации его власти. Вместе с тем царь и не стал полностью и безоговорочно на сторону казацкой верхушки. Он не задержал и не наказал запорожских послов, как просил Выговский. Вместе с ними 29 ноября он отправил в Сечь грамоту, в которой, обходя молчанием обвинения запорожцев по адресу гетмана и старшины, он ставил «всю чернь Запорожскую» в известность о своем решении созвать раду в Переяславе, куда должен прибыть его полномочный представитель, и предлагал запорожцам прибыть на эту раду, чтобы там «советом всего Запорожского Войска все дела успокоить, чтоб впредь меж вами... был совет и соединение, а розни меж вами никакие не было»¹¹⁰. О своих пожеланиях на раде в Переяславе добиться «успокоения», «чтоб впредь меж вами... были совет и

109 АЮЗР. Т. 4. № 48. С. 78–79.

110 Публ. документа см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 119.*

соединение, и бунтов, и междоусобия не было»¹¹¹, царь писал и Выговскому.

Очевидно, что в соответствии с планами русского правительства Б.М. Хитрово должен был выступить на раде в Переяславе в качестве посредника между казацкой верхушкой и «чернью» и добиться мирного решения конфликта. Как он должен был добиться решения этой задачи и к каким важным для русского правительства результатам должна была привести его миссия, позволяет судить датированный 30 ноября 1657 г. наказ Б.М. Хитрово, к сожалению сохранившийся лишь в отдельных фрагментах. Запись переговоров, которые вел Б.М. Хитрово по дороге в Переяслав и в самом Переяславе, не сохранилась. Все это не позволяет в полной мере осветить этот важный момент в истории русско-украинских отношений.

Одной из важных задач миссии Хитрово было подтвердить авторитетом царя, как верховного сюзерена, законность власти Выговского, что должно было привести к прекращению выступлений против него¹¹². Вместе с тем Б.М. Хитрово должен был добиваться, чтобы в главных городах гетманства для их охраны от возможного нападения противника были размещены русские гарнизоны во главе с воеводами, на их содержание должны были собираться доходы с территории гетманства¹¹³.

Эти положения наказа дали основание М.С. Грушевскому сделать вывод, что царь постарался использовать требования «черни» для того, чтобы добиться ограничения автономии гетманства, его более сильного подчинения своей верховной власти¹¹⁴. Вывод исследователя является правильным, но он не дает представления о всех аспектах той политической линии, которой стало придерживаться русское правительство к началу 1658 г. Следует отметить, что в наказе шла речь не только об установлении воеводского управления, но и о сборе с территории гетманства всех доходов в войсковую казну, откуда следовало бы черпать средства не только на содержание русских гарнизонов, но и на выплату жалованья казакам, которые пойдут на военную службу¹¹⁵. Тем самым принимались во внимание требова-

111 АЮЗР. Т. 7. № 71. С. 194.

112 *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 120–121.*

113 АЮЗР. Т. 4. № 58. С. 94.

114 *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 117, 123.*

115 АЮЗР. Т. 4. № 58. С. 94–95.

ния «черни» и должен был быть снят источник напряженности в украинском обществе.

Важно отметить еще один важный аспект русской позиции. Войско Запорожское занимало важное место в русских планах войны с Речью Посполитой, одна из целей миссии Б.М. Хитрово состояла в том, чтобы достичь на эту тему принципиальной договоренности с гетманом Выговским. Русское правительство поэтому было крайне не заинтересовано в том, чтобы казачество подрывало свои силы в междоусобной войне вместо того, чтобы солидарно, всеми своими силами выступить на русской стороне против Речи Посполитой. Отсюда — стремление добиться мирного прекращения конфликта. Царь полагал, что, опираясь на свой авторитет, он сможет принудить враждебные стороны договориться между собой. Как бы то ни было, соответствующий интересам русского правительства план решения украинской проблемы был намечен и в течение некоторого времени в Москве полагали, что облеченному особым доверием посланцу царя удастся его успешно реализовать.

К концу января 1658 г. в Москву прибыли одновременно сразу несколько дипломатических миссий. 25 января царь принял послов венгерского короля Леопольда (будущего императора), датского посланника Ганса Ольделанда, посланца бранденбургского курфюрста Йоахима фон Борентина¹¹⁶, а 27 января дьяки Посольского приказа беседовали с посланцем гетмана В. Госевского Яном Лосовским¹¹⁷.

Все это были посольства стран — участников антишведской коалиции, и главная их цель состояла в том, чтобы побудить русское правительство продолжать войну со Швецией. Официальной целью австрийской миссии во главе с Иоганном Фрагштейном, бывшим австрийским резидентом в Речи Посполитой, было известить царя о смерти императора Фердинанда III и вступлении на трон его сына Леопольда¹¹⁸. Однако во время состоявшихся позднее бесед с советниками царя во главе с Ю.А. Долгоруким австрийские дипломаты выражали надежду, что Речь Посполитая и Россия станут «общих неприятели... совокупленными общими войски воевать», и предлагали посредничество на перегово-

116 ПДС. Т. 3. СПб, 1854. Стб. 781.

117 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 25. Л. 35.

118 См. речь послов на приеме: ПДС. Т. 3. Стб. 793–796.

ворах о заключении «вечного мира»¹¹⁹. Послы передали русской стороне ряд документов, которые должны были склонить ее к принятию нужного решения. Это были добытые австрийскими резидентами в Константинополе тексты грамоты Карла Густава султану от 19 апреля 1657 г. и записки, поданной шведским резидентом в Стамбуле, очевидно, при передаче грамоты¹²⁰. В обоих документах речь шла о заключении союза между Швецией и Османской империей, направленного против Австрии, Речи Посполитой и России. Эти документы должны были убедить царя во враждебности шведов по отношению к России и побудить его продолжать войну и искать сближения с государствами — членами антишведской коалиции.

Послы передали советникам царя еще один документ — письмо польского резидента в Дании Т. Морштина от августа 1657 г.¹²¹. Резидент извещал австрийских корреспондентов о заключении союза между Данией и Польско-Литовским государством и об успехах датчан в войне со шведами (в частности, о том, что «на море шведам великая обида»). Вместе с тем резидент выражал свое удивление тем, что русские войска в Ливонии не ведут активных военных действий. Австрийские дипломаты должны побуждать их к активности, «чтоб граф Магнус в Риге от поветрия сдох или его в поле убить или чтоб Динумунд взять». Таким образом, побуждая русских к активности в Ливонии, они могли указать и желательный объект активности — Ригу: взятие Динамюнде, укрепления в устье Западной Двины, привело бы к блокаде крепости со стороны моря. Подобные предложения могли бы вызвать живой интерес у А.Л. Ордина-Нащокина, но не у царя и его ближайших советников, ориентировавшихся на перспективу близкого конфликта с Речью Посполитой. Такие свои взгляды русские дипломаты не нашли нужным скрывать от австрийских собеседников. Как сообщал австрийский посланник посланцу гетмана В. Госевского С. Медекше, он видит у русских политиков «*offensum inimicum*» (враждебную неприязнь) по отношению к полякам и они ему постоянно говорят, что поляки не будут соблюдать условий Виленского соглашения¹²².

119 ПДС. Т. 3. Стб. 806–807.

120 Там же. Стб. 839 и сл.

121 Там же. Стб. 820–822.

122 *Medeksza S. Op. cit. S. 136.*

Неудивительно, что в грамоте будущему императору Леопольду от 17 февраля 1658 г. предложения о сотрудничестве против шведов были обойдены молчанием. Наоборот, царь с ударением указывал на то, что поляки не выполняют условий соглашения, не созывая сейм. Он настоятельно просил Леопольда убедить короля в том, что следует, «отложит хитростные проволочки», прислать своих представителей «на съезд в Вильне... нынешнего 166 году первым летним путем»¹²³. Таким образом, в Москве хотели уже в первой половине лета получить ответ на вопрос, будет ли заключен мир на желательных для русской стороны условиях или придется начинать войну с Польско-Литовским государством.

В сведениях, находившихся к этому времени в распоряжении русского правительства, Австрия выступала как ближайший союзник Польско-Литовского государства, оказывающий ему военную помощь в борьбе со шведами, и как прямой соперник в борьбе за польский трон. Как уже отмечалось выше, с Украины неоднократно приходили сообщения, что военная помощь Речи Посполитой оказывается потому, что магнаты и шляхта проявили готовность избрать преемником Яна Казимира не царя, а Леопольда. Такой посредник на мирных переговорах русским политикам был не нужен. Отправленные в Вену в начале 1658 г. русские посланцы Яков Лихачев и Иван Песков должны были сообщить, что будущие мирные переговоры будут проходить без участия австрийских посредников, так как «в договорных записях того не написано»¹²⁴. Цели отправленной в австрийскую столицу миссии ограничивались сбором информации, которая дала бы возможность точнее судить о международной ситуации и о намерениях Габсбургов.

С далеко заходящими предложениями сотрудничества против шведов прибыло в Москву датское посольство во главе с Гансом Ольделандом. Датское правительство начало войну, рассчитывая на то, что война Дании с Речью Посполитой, Австрией и Москвой задержит армию Карла Густава в Польше и Дании удастся довольно легко вернуть утраченные в последние годы Тридцатилетней войны владения. Однако дела не пошли так, как рассчитывали в Копенгагене. Достигнутые первона-

123 ПДС. Т. 3. Стб. 851–853.

124 Там же. Стб. 915.

чально успехи оказались не слишком значительными, а когда в августе 1657 г. армия Карла Густава пришла в Голштинию, сами датские земли стали объектом нападения шведских войск¹²⁵. В этих условиях 20 сентября 1657 г. из Копенгагена вместе с покидавшим город Д. Мышецким в Москву отправилось датское посольство¹²⁶. Посланник должен был заявить в Москве, что датский король выступил против шведов в ответ на привезенные Д. Мышецким русские предложения «на общего неприятеля на свейского короля стояти заодин»¹²⁷. Он должен был также сообщить, что Фредерик III затратил большие средства на снаряжение флота, который не позволит шведам «водяным путем никакие помочи... чинить» своим прибалтийским владениям. Кроме того, он подчеркивал, что Карл Густав двинулся в Данию «со всею своею силою», не оставив значительных войск на других фронтах военных действий. Он должен был призывать царя использовать сложившееся положение и направить против шведов свои войска. Этим пожелания датской стороны далеко не ограничивались. Ссылаясь на то, что снаряжение флота потребовало больших средств, датский король просил прислать ему на помощь несколько бочек золота, а также ржи и других товаров, нужных для королевского войска и королевского флота. И такую помощь следовало «ежегод давати, покамест война стоит»¹²⁸.

Соглашение о союзе против шведов датская сторона хотела бы скрепить специальным договором. Некоторые его возможные условия были названы уже на первом этапе переговоров. Так, стороны должны были взять на себя обязательство не заключать сепаратного мира со Швецией. Другое условие предусматривало, что, если русские войска в ходе войны займут остров Сааремаа и Таллин, они должны передать их Дании «волно и бес помешки», «безо всяких отговоров и ответов»¹²⁹. Запись переговоров с датским посольством сохранилась лишь в начальной части, но уже в самом начале переговоров фиксируется очень

125 См. *Kubala L. Wojny... S. 11–12.*

126 О времени отъезда см.: РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). 1657 г. № 1. Л. 28.

127 См. текст «статей», поданных Г. Ольделандом 19 января 1658 г.: Там же. Л. 247.

128 Там же. Л. 254–255.

129 Там же. Л. 256–257.

сдержанное отношение русской стороны к датским просьбам о помощи. Датскому дипломату указали, что русские войска начали войну ранее датчан и уже успели нанести большой ущерб шведам, и датскому королю эту «многую дружбу и большое против неприятелей вспоможенье надобно памятовать и воздать такими ж мерами»¹³⁰. 11 февраля Г. Ольделанд еще находился в Москве, добиваясь ответа на свои предложения¹³¹.

Ответ на свои предложения датский посланник получил лишь поздней весной¹³², и он был более чем сдержанным¹³³. В ответ на предложения о союзе от имени царя было заявлено, что он и так все время ведет войну со шведами, а датскому королю следовало «учинить помощь под Ригу на кораблех и морской путь у свейских людей к Риге отнять», но он этого не сделал. Эти слова показывают, что весной 1658 г. в Москве живо переживали неудачу русской армии под Ригой, ответственность за которую здесь возлагали на датчан. Царь отказался и предоставить Дании денежные субсидии, согласившись лишь передать «безденежно» 10 тыс. четвертей хлеба.

В ответ на просьбу не заключать сепаратного мира со Швецией в «ответе» указывалось, что Карл Густав «присылает беспрестанно, чтоб война унять и учинить с ним покой», а послы из Дании появились только теперь. «И только то дело (заключение союза с Россией. — Б.Ф.) со стороны королевского величества позамешкаетца и свейскому королю от миру отказать нелзе». Тем самым датскому посланцу почти неприкрыто давали понять, что в Москве вовсе не исключают мирного соглашения со Швецией.

Отказывая датскому королю в субсидиях, в Москве ссылались, в частности, на то, что «с полским королем о миру згоды никакие еще не учинено», и царь должен нести большие расходы на содержание войск на границе с Польско-Литовским государством. Нельзя не видеть в этом намек на то, что именно отношения с этим государством представляют для русских политиков главную проблему, а не отношения со Швецией. Когда составлялся окончательный текст «ответа», в Москве уже было извест-

130 Там же. Л 239.

131 Там же. Л. 291–292.

132 Грамота об отпуске Г. Ольделанда датируется 25 апреля 1658 г. (РИБ. Т. XVI. № 157. Стб. 811–814).

133 Текст ответа см.: Там же. № 158.

но о выходе Дании из войны¹³⁴ и переговоры, которые вел Г. Ольделанд, как будто утратили смысл, но все же в Москве решили отправить в Копенгаген свой ответ на датские предложения о союзе. Очевидно, здесь хотели дать понять датским политикам, что и в будущем им не следует рассчитывать на активное участие России в войне со Швецией.

Те же цели, что и представители Австрии и Дании, преследовал принятый царем также 25 января 1658 г. посланник курфюрста Фридриха Вильгельма Фридрих Иоахим фон Борентин. Бранденбургский дипломат, однако, не мог действовать так, как представители других государств — противников Швеции. Хотя заключенный в сентябре 1657 г. Велавский договор предусматривал заключение военного союза Речи Посполитой и Бранденбурга, направленного против Швеции, курфюрст, опасаясь нападения шведских войск на Восточную Пруссию, в течение нескольких месяцев скрывал эту часть заключенного договора¹³⁵. В соответствии с этим посланник курфюрста заявил в Москве, что, хотя курфюрст, следуя якобы советам царя, разорвал союз со шведами и заключил мир с Речью Посполитой, между Фридрихом Вильгельмом и Карлом Густавом «недружбы никакие нет»¹³⁶. Посланец поэтому не мог предлагать советникам царя заключить с курфюрстом союз против шведов. Своей цели — побудить русское правительство продолжать войну со Швецией — посланец пытался добиться другими способами. Во-первых, он постарался представить в самом благоприятном свете успехи союзников в борьбе со шведами. Он сообщал, что у Карла Густава мало войска, он с этим войском «толко уезды разоряет, а городов теми людьми осаживать ему некем», а, напротив, в распоряжении датского короля находятся «люди многие». Он также заверял, что Карл Густав не получит помощи ни от Франции, ни от Англии

134 В конце «ответа», отмечая, что Фредерик III не известил царя о заключении мира со Швецией, царь заявлял, что он не порицает короля за это, так как тот был вынужден так поступить «по большому принуждению».

135 *Szymczak B. Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej. Warszawa, 2002. S. 231–232.*

136 РГАДА. Ф. 74. 1658 г. № 1. Л. 98, 118; *Hirsch F. Die ersten Anknüpfungen... S. 14.*

флот которой датчане не пропустят через Зунд¹³⁷. Кроме того, по его словам, Карл Густав неоднократно говорил курфюрсту, что хотел бы заключить мир с Россией, чтобы потом, взяв верх над другими противниками, «обиды свои... отыскивать всею своею силою». Поэтому не надо заключать мир со Швецией, тем более теперь, когда «свейскому королю со все стороны упадок, и люди его истомлены»¹³⁸.

Заслуживает особого внимания реакция советников царя (кн. Ф.Ф. Волконского и Алмаза Иванова) на приезд в Москву бранденбургского дипломата. Советники царя напомнили ему, что ранее курфюрст неоднократно сообщал, что Карл Густав «миру желает», и просил переслать ему русские условия мира для их передачи шведскому королю, и поинтересовались, передал ли он Карлу Густаву эти условия¹³⁹. Вопрос этот вовсе не был случайным. Когда вскоре было принято решение отправить в Бранденбург русского посланника, в составленном наказе ему поручалось выяснить, какие условия мира готов был предложить Алексею Михайловичу Карл Густав при посредничестве курфюрста. Правда, при этом пояснялось, что царь хочет это узнать «не для миру с свейским королем, а для ведома»¹⁴⁰, но ясно, что в вопросе об отношении к Швеции политика России и Бранденбурга с зимы 1658 г. стала резко расходиться.

В ряду дипломатических миссий, посетивших Москву в конце зимы 1658 г., особое место заняла миссия посланца гетмана В. Госевского Яна Лосовского. Не получая долгое время каких-либо известий от С. Медекши, он в октябре 1657 г. отправил в Москву нового посланца, который, посетив в Царевичеве Дмитриеве А.Л. Ордина-Нащокина, сумел проехать с датским посольством в Смоленск, а в конце января 1658 г. беседовал в Москве с дьяками Посольского приказа¹⁴¹. Посылка Я. Лосовского была связана с желанием сохранить и обеспечить те позиции, которые литовское войско завоевало в Ливонии во время успеш-

137 РГАДА. Ф. 74. 1658 г. № 1. Л. 103–104.

138 Там же. Л. 114–115. Как отмечено в дневнике Борентина, он выразил надежду, что в таких условиях царь легко сможет занять Орешек (Нотебург) и Выборг (Urkunden und Actenstücke... Т. 8. Berlin, 1884. S. 51).

139 РГАДА. Ф. 74. 1658 г. № 1. Л. 115–116.

140 Там же. № 2. Л. 15–16.

141 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 25. Л. 11, 20–21, 35.

ной военной кампании осени 1657 г. О достигнутых успехах Я. Лосовский подробно говорил в Витебске с возвращавшимся из Дании Д. Мышецким, а позднее уже в Москве писал своему коллеге С. Медекше¹⁴². Он говорил о более чем 20 городах и городках, занятых литовским войском, которому ливонские немцы сдавали их без сопротивления (по выражению Лосовского — «оне нам города с поясами отворяют»). Попытка М. Делагарди с помощью подкреплений добиться снятия осады Пярну не увенчалась успехом и город вскоре после отъезда Лосовского капитулировал, — так литовское войско овладело важным портом на морском побережье. Но если Т. Морштин призывал царя направить войско к Риге, то у литовских военачальников были на этот счет другие планы. Как рассказывал Лосовский, литовскому войску удалось занять «шанцы, которые стоят за Ригою подле моря» (в их числе и Динамюнде) и отрезать город от шведского флота. Гетман ждет подкреплений — пехоты, а когда пехота подойдет и Западная Двина замерзнет, «и гетман, де, ... учнет над Ригою, не мотчав, чинить промысл».

Подобно другим иностранным представителям и Я. Лосовский добивался усиления действий русских войск против шведов. Гетман через своего посланца благодарил царя за то, что А.Л. Ордин-Нащокин предоставил ему суда для перевоза войск через Двину и готов соединить с ним войска для военных действий против шведов¹⁴³. Но вместе с тем он жаловался на то, что в отличие от Нащокина другие русские воеводы не сотрудничают с ним. От его имени посланец просил, чтобы царь «указал бы» И.А. Хованскому, чтобы «шведов с ним воевал же»¹⁴⁴. Вместе с тем посланец настойчиво доказывал, что после успехов, достигнутых В. Госевским, русские владения на Западной Двине находятся в безопасности, «в тамошних свейских городех никаких ныне в зборе служилых людей нет», поэтому нужно, чтобы царь «войска свои изволил ныне до Финские земли послать»¹⁴⁵. В «статьях», присланных гетманом, также выражалось пожелание, чтобы Хованский «там от Ругодива (т. е. — Нарвы) беспрестанно промысл над неприятелем чинил»¹⁴⁶.

142 Там же. Л. 1–2, 5–9; *Medeksza S. ... S.* 124.

143 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 25. Л. 51–52.

144 Там же. Л. 47.

145 Там же. Л. 1, 5, 53.

146 Там же. Л. 54.

В этой же связи гетман поднимал вопрос о заключении соглашения, которое обеспечило бы каждой из сторон спокойное обладание занятыми землями в Ливонии «до съезду великих послов»¹⁴⁷. Все эти предложения и высказывания служили веским подтверждением опасений А.Л. Ордина-Нащокина относительно планов литовских политиков и давали аргументы в пользу реальности планов похода русских войск на Ригу. Однако в Москве не нашли нужным менять план действий, намеченный в наказе И.А. Хованскому. На предложения посланца последовал лишь ответ, что А.Л. Ордину-Нащокину «велено... з гетманом о всяких воинских делех сноситца»¹⁴⁸.

Другая цель миссии Лосовского состояла в том, чтобы помешать заключению мирного договора между Россией и Швецией. В статьях, поданных дьякам Посольского приказа от имени гетмана, сообщалось, что в Москву едут хлопотать о мире со Швецией французский и английский послы, и выражалось пожелание, чтобы царь их «дум и советов не принял». Мир со шведами, — доказывал гетман, — их противники должны заключать совместно, а не «поединком»¹⁴⁹. На переговорах Я. Лосовский также хлопотал о том, чтобы царь не заключал соглашения со шведами «без совету королевского величества»¹⁵⁰. И эта часть миссии Я. Лосовского не привела к желаемому результату. Дьяки дипломатично ответили, что не принять французского и английского послов царь не может, а что касается всего остального, «того ныне преж времени ведать не мочно, с чем они идут». Они также обратили внимание посланца на то, что ведь и Ян Казимир принимал французских и голландских послов с предложениями о мире с Карлом Густавом¹⁵¹.

Рассмотрение записей переговоров с разными дипломатическими миссиями, посетившими Москву в середине зимы 1658 г., приводит к однозначному выводу — русское правительство не проявило никакой склонности активизировать военные действия против шведов вместе с членами антишведской коалиции, напротив, явно обозначилась тенденция к поискам мира со Швецией.

147 Там же. Л. 38, 54–55.

148 Там же. Л. 47.

149 Там же. Л. 57.

150 Там же. Л. 40.

151 Там же. Л. 41.

Такая же тенденция нашла свое выражение в ходе контактов русских дипломатов с задержанными в Москве шведскими послами, начало которым в феврале 1658 г. положила инициатива Карла Густава.

10 декабря 1657 г. Карл Густав обратился с «письмом» к своим послам в Москве. Как видно из его содержания, в действительности оно было адресовано царю и его советникам и послы поступили правильно, передав его в Посольский приказ. Перевод документа был сделан 13 февраля 1658 г. На тексте перевода имеется помета: «Государю чтено и бояром»¹⁵². В «письме» Карл Густав подчеркивал свое желание сохранить мир с Россией. Возникший конфликт он, как и ранее, считал результатом интриг австрийских дипломатов, хотя все споры «мочно было в добром совете успокоить». Он с негодованием говорил о поляках, которые под Вильно «не устыдились царя обмануть», предлагая ему польскую корону, одновременно обещали ее и императору Фердинанду III, и Ракоци.

Когда царь заключит мир со Швецией, он сможет «отомстить неправду, бесчестье и обман, которые поляки и с подущенья Дому Аустрейского ему учинили». Карл Густав также доказывал, что поляки царю «земель не поступятца, которые он хочет, се есть Белой Руси, Воыни, Подолии, а еще менши того — Литвы», а Карл Густав готов согласиться на то, чтобы в полномочных грамотах для его представителей на мирных переговорах в титул царя были включены названия этих земель. Когда будет заключен мир со Швецией, поляки скорее согласятся на русские условия. Карл Густав давал своим послам полномочия договориться «о месте и сроке» проведения мирных переговоров. В качестве посредников на них могли бы выступить английские и французские дипломаты. Английский представитель уже находится в Курляндии, скоро к нему может присоединиться французский.

«Письмо» Карла Густава оказалось первым (но далеко не последним в истории русско-шведских контактов) документом, исходившим от главы шведского государства, который содержал резкие нападки на А.Л. Ордина-Нащокина. На воеводу король возлагал всю ответственность за неудачу мирных переговоров с Делагарди. Король полагал, что царю следует «жестоко при-

152 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 3.

казать воеводе Нащокину, чтобы он какими-нибудь затейками и ненадобными вымыслами не помешал возобновлению мирных переговоров¹⁵³.

В деле о пребывании в Москве шведских «великих» послов не сохранилось текстов, которые отражали бы прямую реакцию русского правительства на сделанные предложения. Однако в составе дела обнаруживаются данные, позволяющие об этой реакции судить. Шведская сторона настаивала на том, чтобы находящиеся в Москве шведские послы были освобождены и отправлены на границу для проведения мирных переговоров. В Москве на это не ответили. Но в деле после перевода грамоты Карла Густава помещена роспись поденного корма, который следовало давать этим послам «от Москвы до Великого Новгорода». Тогда же послам вручили подарки от царя (соболя и др.)¹⁵⁴. Эти факты ясно указывают на то, что в Москве совсем не прошли мимо предложений Карла Густава о проведении мирных переговоров.

Однако и возможный конфликт с Речью Посполитой и заключение мирного соглашения со Швецией были еще делом будущего. В настоящем на первый план выдвинулся вопрос о выполнении условий Виленского договора. Чего зимой 1658 г. ожидали в Москве от польско-литовской стороны, показывает текст грамоты Алексея Михайловича Яну Казимиру от 24 января 1658 г.¹⁵⁵. В грамоте была сформулирована новая принципиальная позиция русской стороны на этом этапе польско-русских контактов. Констатируя, что сейм до сих пор не созван и тем самым условия Виленского договора нарушены, царь заявил, что «за проволокою с ваши королевские стороны» он не намерен (как это предусматривалось договором) отправлять своих «великих» послов на сейм. Действительные мотивы такого решения лежали в иной плоскости. В сложившейся ситуации у русских политиков не могло быть уверенности, что сейм действительно завершится избранием Алексея Михайловича польским королем. В Москве хотели избежать возможного удара по престижу царя, если бы предложения его «великих» послов были

153 Перевод грамоты Карла Густава см.: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 3–29.

154 Там же. Л. 31–45.

155 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 3. Л. 1–5.

бы отклонены. Вместо этого царь предлагал, «отложив хитростные проволоки», прислать в Москву послов Речи Посполитой, наделив их всеми необходимыми полномочиями для решения вопросов «без обсылки». Вместе с тем, очевидно понимая, что Речь Посполитая на такое предложение не даст согласия, царь предлагал и другой вариант — созыв нового съезда под Вильно, «в нынешнем лете, не откладывая». Царь, — говорилось в грамоте, — вышлет на такой съезд своих представителей «летным первым путем», так чтобы можно было бы начать переговоры «в июне месяце или июле в первых числах».

Русское правительство, как видно из этого документа, стремилось как можно скорее провести мирные переговоры с Речью Посполитой. Тот или иной их исход прояснил бы ситуацию и позволил бы принять решения о будущей политике по отношению к Польско-Литовскому государству.

Материалы сношений с Бранденбургом показывают, что в Москве вовсе не рассматривали такие переговоры как простую формальность, а рассчитывали на то, что при определенных условиях на них можно будет добиться успеха. На переговорах в Москве посланец курфюрста от имени своего государя обещал, что тот будет содействовать успешному завершению мирных переговоров¹⁵⁶. После этого было принято решение обратиться к курфюрсту с рядом просьб. В тексте наказа, подготовленного для посланника, отправленного в Бранденбург, содержалась просьба, чтобы он добился созыва во время переговоров под Вильно сейма, «и о том, как утвердят на сейме, на Виленской же б комиссии, то и совершить». Успеху переговоров должны были содействовать и послы курфюрста на сейме¹⁵⁷. О надеждах на успешное завершение переговоров говорит и эпизод русско-бранденбургских переговоров, связанный с Богуславом Радзивиллом. В особой грамоте, врученной Борентину, курфюрст ходатайствовал о возвращении его близкому родственнику и наместнику в Восточной Пруссии его владений и владений его покойного брата Януша¹⁵⁸. Поддерживая это ходатайство, посланец курфюрста обосновывал это тем, что Б. Радзивилл на сейме будет способствовать принятию решений о избрании

156 РГАДА. Ф. 74. 1658 г. № 1. Л. 110.

157 Там же. № 2. Л. 11, 23, 30–31.

158 Там же. № 1. Л. 79–81.

царя. В этом «ручаетца по нем курфюрст и князь курлянской»¹⁵⁹. Эти аргументы подействовали. В тексте наказа для посланника в Бранденбург было внесено сообщение, что «грамоты на те маетности посланы к нему, Бугуславу Радивилу, за красными большими печатями»¹⁶⁰.

Вместе с тем в Москве считали вполне реальной перспективой, что мирные переговоры окажутся безрезультатными и, чтобы добиться заключения мира, который закрепил бы за Россией благоприятные результаты русско-польской войны 1654–1655 гг., придется вести войну с Польско-Литовским государством. Об этом достаточно ясно говорит, как уже отмечалось выше, содержание наказа, врученного Б.М. Хитрово при его отправлении на Украину. Новые свидетельства в пользу такого вывода дает запись переговоров с послами бранденбургского курфюрста. У Фридриха фон Борентина настойчиво интересовались, «если нечто какими мерами содержанье не учинитца Виленской комиссии с королевские стороны... учинитца какая ссора», станет ли в этом случае Фридрих Вильгельм помогать польскому королю¹⁶¹. Этот вопрос занял свое место и в наказе русскому посланнику в Бранденбург. Ему следовало добиваться, чтобы, если между Россией и Речью Посполитой «какая учинитца ссора и дойдет до войны», курфюрст «польскому вспоможенья никакова не чинил»¹⁶².

Сведения, полученные во время переговоров от послов курфюрста, как представляется, стали для русских политиков еще одним свидетельством реальности такого развития событий.

Задачи, которые поставил перед своим дипломатом, посланным в Москву, курфюрст, не ограничивались стремлением добиваться того, чтобы Русское государство продолжало войну со Швецией. Важной задачей было сохранить не только мирные, но и дружественные отношения с Русским государством, границы

159 Там же. Л. 100–102.

160 Там же. № 2. Л. 22.

161 Там же. № 1. Л. 95–96.

162 Там же. № 2. Л. 9. Характерно появление такого раздела в наказе, хотя Борентин на переговорах в ответ на подобный вопрос заявил, что курфюрст будет соблюдать Рижский договор (*Hirsch F. Die ersten Anknüpfungen... Th. II. S. 13.*). Очевидно, не удовлетворяясь этим, хотели получить подтверждение такого заявления со стороны самого курфюрста.

которого подошли теперь совсем близко к Восточной Пруссии. С этой целью бранденбургским дипломатом был сделан ряд ответственных заявлений. Дело не ограничивалось сообщением о том, что курфюрст разорвал союз со Швецией и заключил мир с Речью Посполитой, следуя советам царя. Посланник курфюрста заверял, что Фридрих Вильгельм будет добиваться того, чтобы именно Алексей Михайлович стал преемником Яна Казимира¹⁶³. Он заверил, что одно из условий мирного договора между Польско-Литовским государством и Бранденбургом предусматривает, чтобы «договорные статьи, что учинены под Вильнею, ни в чем были не нарушены»¹⁶⁴. Более того, в дальнейшем посланник заявил, что если в Речи Посполитой «того дела совершить не похотят», то и курфюрст «не должен им своих статей додерживать»¹⁶⁵. Эти сообщения никак не соответствовали реальным фактам, но их появление ясно говорит о стремлении курфюрста добиться установления дружеских отношений с царем.

Добиться этого было необходимо для решения двух других важных задач. Фридрих Вильгельм хорошо представлял себе, какие серьезные противоречия налицо в отношениях между Польско-Литовским государством и Россией. Он понимал, что эти противоречия могут привести к войне, которая затруднила бы направленные против Швеции действия ее противников. Поэтому он стремился приобрести влияние на царя, убедив его в своей дружбе, чтобы воспользоваться им для ослабления русско-польского конфликта, для отсрочки момента возможного столкновения. Посланец курфюрста настойчиво предлагал советникам царя посредничество своего государя в регулировании споров между сторонами, чтобы «те ссоры, которые учинились после Виленской комиссии с королевские стороны» при его участии «были успокоены, а до развратья за те ссоры не допустить»¹⁶⁶. Такое посредничество, — заверял посол, — будет успешным, так как «сенаторы, де, польские и литовские многие х курфистру добры и от его мысли не отстанут»¹⁶⁷.

Уверяя царя, что он готов способствовать выполнению Виленского соглашения, курфюрст, конечно, вводил его в заблуж-

163 РГАДА. Ф. 74. 1658 г. № 1. Л. 94.

164 Там же. Л. 93.

165 Там же. Л. 113.

166 Там же. Л. 97.

167 Там же. Л. 111.

дение. Утверждение русского политического влияния в Речи Посполитой совсем не соответствовало его интересам. Однако курфюрста пугала и возможная перспектива утверждения в Речи Посполитой австрийского политического влияния, которая как будто становилась реальной после заключения военного союза между Речью Посполитой и Австрией. Интересам курфюрста, как представляется, соответствовало бы столкновение интересов обоих претендентов, что привело бы к неудаче планов того и другого. С этой целью курфюрст готов был содействовать формированию в Речи Посполитой партии сторонников царя, которую бы царь поддерживал, а направлял ее действия курфюрст.

Первые шаги, чтобы добиться соответствующего соглашения с царем, предпринял близкий родственник и союзник курфюрста курляндский герцог Якоб, воспользовавшийся тем, что в октябре 1657 г. через Курляндию проезжал возвращавшийся из Дании Д. Мышецкий. В состоявшихся 15 октября беседах герцог и его канцлер М. Фелькерзам внушали своему собеседнику, что следует скорее добиваться избрания царя, «не испуская времени», пока поляки стоят ныне в «изнеможении», и, чтобы не зависеть во всем от польских «вольностей», царю следует «быти обраным, яко дедичом», т. е. с обеспечением наследственных прав на польский трон¹⁶⁸.

В борьбе за польский трон царю следует опираться на «евангеликов» — протестантов. В первую очередь имелся в виду один из главных протестантских магнатов в Речи Посполитой — Б. Радзивилл, которому царь должен был вернуть его владения. Когда с помощью царя он станет «потезным (т. е. могущественным. — Б.Ф.) паном», то он сможет нанять войско и с ним на сейм придут «тысячи три-четыре служалого люду». Кроме того, следует просить о поддержке курфюрста и городские власти Гданьска и Кенигсберга¹⁶⁹.

Думается, собеседники посланника хорошо понимали, что, опираясь на протестантов, царь Алексей Михайлович вряд ли сможет добиться своего избрания, но сформированная таким образом партия могла бы оказаться достаточно сильной, чтобы помешать избранию Габсбурга.

168 См. запись беседы Д. Мышецкого с герцогом: РГАДА. Ф. 63 (Сношения России с Курляндией). 1657 г. № 3. Л. 2–3.

169 Запись беседы с М. Фелькерзамом см.: Там же. Л. 7–10.

Шаги, предпринятые курляндским герцогом и его канцлером, получили продолжение в выступлениях Йоахима фон Борентина. Хотя курфюрст предписывал посланцу проявлять осторожность и говорить об Австрии «*nur bei Privat-Conferenzen*» (только в частных беседах)¹⁷⁰, вопрос о притязаниях Габсбургов на польскую корону занял на официальных переговорах заметное место. Уже на первой встрече с советниками царя посланец курфюрста сообщил, что «слух носителя» будто король и сенаторы в обмен за военную помощь обещали эрцгерцогу Леопольду избрать его преемником Яна Казимира, но курфюрст постарается «того дела в совершенье не допустить»¹⁷¹. Подробнее он коснулся этой темы на следующей встрече 29 января, сообщив, что вместе с курфюрстом против избрания Габсбурга будут выступать «все иноверцы, которые не римские веры, а в Полше русской, литовской и кальвинской веры людей много»¹⁷². Особенно резко посланец курфюрста выступил против Габсбургов на встрече, состоявшейся 10 февраля 1658 г. Габсбург, подчиняя себе соседние государства, — говорил он, — стремится превратить свою выборную власть в наследственную, а затем «не токмо телеса человеческие, но и души их в неволю приводить и от всяких вер людей учнет принуждать в свою веру римскую»¹⁷³. И далее посланец снова возвращался к этой теме, утверждая, что, став польским королем, Габсбург станет «во всяких костелех властвование римское заводить»¹⁷⁴. Было еще одно важное обстоятельство, побуждавшее курфюрста обратить внимание русских политиков на эту сторону дела. Посланец курфюрста доказывал, что война с Речью Посполитой не приведет царя к утверждению на польском троне. Наоборот, результат будет противоположным, так как тогда «поляки и поневоле из дому Аустрейского поищут себе государя, будет и противно правам их»¹⁷⁵.

170 Urkunden und Actenstücke... Т. 8. S. 43.

171 РГАДА. Ф. 74. 1658 г. № 1. Л. 99–100.

172 Там же. Л. 112–113.

173 Там же. Л. 136.

174 Там же. Л. 138.

175 Там же. Л. 137. Подробнее о переговорах фон Борентина в Москве см. главу в кандидатской диссертации П.И. Прудовского «Дипломатические отношения России и Бранденбургско-Прусского государства в середине XVII в. М., 2008».

Сложные маневры курфюрста привели к результату, на который он явно не рассчитывал. Высказывания, рисовавшие курфюрста как решительного противника политики насильственного насаждения католицизма, привели русских политиков к мысли, что, используя этот фактор, удастся сделать курфюрста своим союзником в борьбе с Речью Посполитой, руководящие круги которой в середине XVII в. сами все более определенно вступали на путь проведения такой политики. Посланец, который должен был отправиться в Бранденбург, должен был передать курфюрсту важное сообщение, что на сейме, который должен собраться в скором времени, будет принято решение о закрытии в стране всех протестантских «зборов» «не токмо в болших местех и по меньшим местечком и в маестностях шляхетских». Посланец должен был убеждать курфюрста, что такие намерения правящих кругов Речи Посполитой свидетельствуют, что договор о мире с курфюрстом был заключен «лестью» и Речь Посполитая не будет его соблюдать, как не выполнила она своих соглашений с Хмельницким. Царь устами посланца обещал взять курфюрста под свое покровительство и «людеи в помощь давать, как и Хмельницкому»¹⁷⁶.

В ответ на сообщения курфюрста, что в мирный договор с Речью Посполитой он внес условие о выполнении польско-литовской стороной Виленского соглашения, царь сообщил, что и он на переговорах под Вильно будет требовать через своих послов, чтобы в договор были внесены «статьи», касающиеся курфюрста. Это заявление, как представляется, служило прелюдией к тому главному предложению, которое должен был сделать посланец. От имени царя он должен был призвать Фридриха Вильгельма, «соединяясь» с Алексеем Михайловичем, «идти на польского короля и над его городами и землями... промысл чинить... и который город кому подаст Бог, и тому тем городом и владеть». Поскольку в Москве воспринимали курфюрста (в соответствии с его заявлениями) как защитника «иноверцев» в Речи Посполитой, то посланец от имени царя обещал, что царь готов дать приют людям «разных вер» в своих владениях на территории Великого княжества Литовского, где никто не будет принуждать их к смене конфессии¹⁷⁷. Прямое предложение курфюрсту воен-

176 Там же. № 2. Л. 24, 26, 36.

177 Там же. Л. 40–42.

ного союза, направленного против Речи Посполитой, показывает, что к концу зимы 1658 г. возобновление военного конфликта с Польско-Литовским государством представлялось царю и его советникам все более вероятным.

Помимо соглашения о военном союзе от курфюрста ожидали содействия в решении серьезной проблемы, которая выдвинулась на первый план после посещения Москвы Я. Лосовским. Помимо поисков договоренности о совместных военных действиях против шведов посланец В. Госевского получил и другое, секретное поручение. То, что ему было поручено, Я. Лосовский изложил в беседе с дьяками Посольского приказа 2 февраля 1658 г. На беседе посланец коснулся тех трудностей, с которыми столкнутся на сейме литовские сенаторы — сторонники царя. Он сообщил, что коронные сенаторы не склонны избрать царя и готовы отдать предпочтение кандидатуре Леопольда Габсбурга, «что у корунных сенатореи маетности прилегли к цесарским границам». Кроме того, они не согласятся на избрание царя, если к Речи Посполитой не будет присоединена «Малая Россия» и сенаторы не получат обратно свои земли на этой территории. Учитывая все это, — заключал посланец, — русским «великим» послам «на сойм ехать не для чево»¹⁷⁸. В этих сведениях для русского правительства не было ничего нового. Именно располагая такими сведениями о позиции коронных сенаторов, царь еще до встречи Я. Лосовского с дьяками принял решение (о чем уже говорилось выше) не отправлять своих послов на сейм. Но первостепенное значение имело заявление Лосовского, что, если «у коронных сенаторов с литовским «згоды» не будет, и он, де, чает, что придет к тому, что Литва от Коруну будет оторвана»¹⁷⁹. Хотя эти высказывания Лосовский излагал как свое личное мнение, крисовавшейся в них возможности сепаратного русско-литовского соглашения в Москве отнеслись со всей серьезностью. Отпуская 15 февраля Лосовского из Москвы, глава Посольского приказа Алмаз Иванов обещал вернуть гетману все его владения и пожаловать новые, если гетман, когда не удастся договориться с коронными сенаторами, сумеет «Великое княжество Литовское от Коруну Польские отлучить». Разные милости и сохранение всех «прав» и «вольностей» были обещаны и другим литовским

178 РГАДА. Ф. 79. 1657 г. № 25. Л. 78–79.

179 Там же. Л. 78–79.

сенаторам и шляхтичам. В ответ на эти обещания посланец заверил дьяка, что «гетман тем промышлять учнет всею мочью, чтоб Великое княжество Литовское от Коруны Польские оторвать и прилучить к Московскому государству»¹⁸⁰.

Во время переговоров посланец предложил от имени гетмана, чтобы царь «указал быти у него, гетмана, для верности своего царского величества дворянину и что, де, у него, гетмана, учнетца делать, и о том бы он писал к великому государю»¹⁸¹. В Москве, однако, нашли другое решение. В царской грамоте, адресованной гетману, ему было рекомендовано «о всяких тамошних делех сноситца и съезжатца» с А.Л. Ординым-Нащокиным¹⁸². Так этому советнику царя было фактически поручено обсуждать с гетманом В. Госевским возможные планы русско-литовского сепаратного соглашения. При этом, как представляется, учитывались установившиеся в предшествующее время достаточно тесные контакты этих двух политиков.

При выработке сепаратного русско-литовского соглашения в Москве рассчитывали на содействие бранденбургского курфюрста. Перед отъездом посланца в Бранденбург в его наказ была внесена просьба, обращенная к Фридриху Вильгельму, чтобы он «раденье свое показал совершенно, Великого княжства Литовского сенатореи на то привел, чтобы они от Коруны Польские отлучились и были под высокою рукою» Алексея Михайловича¹⁸³. С этим и другими поручениями в марте 1658 г. к бранденбургскому курфюрсту был отправлен А.И. Нестеров¹⁸⁴.

Пока в Москве шли эти сложные дипломатические переговоры, на Украине Б.М. Хитрово прилагал усилия к тому, чтобы стабилизировать положение в беспокойном регионе и добиться того, чтобы Войско Запорожское выступило на русской стороне в надвигающейся войне с Речью Посполитой.

Б.М. Хитрово не успел еще доехать до Чигирина, когда на пути к осуществлению его миссии возникли новые серьезные трудности. Правда, блокада Сечи дала свои результаты. Кошевой атаман Барабаш был смещен, а новый кошевой Пашко со-

180 Там же. Л. 101–102.

181 Там же. Л. 39.

182 Там же. Л. 82–84.

183 РГАДА. Ф. 74. 1658 г. № 3. Л. 46.

184 Распоряжения об его отъезде датированы 14 и 23 марта (Там же. Л. 1, 6об.).

общил в Чигирин, что Сечь подчиняется Выговскому¹⁸⁵. Сечь даже приняла к себе каких-то представителей гетмана¹⁸⁶. Однако новые волнения вспыхнули на территории Полтавского полка. Главную причину волнений исследователи справедливо усматривают в исторически сложившейся связи между Полтавским полком и Запорожьем, где многие казаки полка находились длительное время. То, что вызывало недовольство запорожцев, вызывало и недовольство казаков Полтавского полка. Конкретным толчком к выступлению послужили действия возвращавшихся из Москвы запорожских послов. Хотя вопреки пожеланиям Выговского послы не были задержаны в Москве и переданы гетману, поддержки против Выговского они там не получили. Не смущаясь этим, запорожские послы, среди которых главную роль играли Михаил Стринджа и Иван Донец, решили дать свое толкование предложению царя выслать своих представителей на раду, которая будет созвана в Переяславе. Они распространяли сведения, что Москва не признает Выговского законным гетманом, разрешила созвать на Солонице раду для выбора нового гетмана и полковников, а чтобы поддержать участников рады, на Украину будут посланы русские войска. По-видимому, в подтверждение своих слов они рассылали соответствующим образом препарированные тексты царских грамот. Возможно, именно убеждение в том, что русское правительство поддержит его выступление против Выговского, сыграло свою роль в том, что долголетний глава Полтавского полка Мартын Пушкарь решил возглавить восстание¹⁸⁷. Восстание создало серьезные трудности для Выговского и поддерживавшей его казацкой верхушки. Так как земли Полтавского полка граничили с русскими территориями, то в данном случае нельзя было прибегнуть к блокаде, оставалось попытаться подавить восстание силой. К Полтаве было послано войско во главе с Иваном Богуном, но под Полтавой 25 января 1658 г. это войско потерпело неудачу и отступило¹⁸⁸. Так

185 *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 125–126.*

186 15 марта 1658 г. русские посланники в Крыму узнали, что Выговский прислал к «низовым черкасом» «полковника нового», с которым приказал им жить в мире и «совете» с Крымом (РГАДА. Ф. 123. 1657 г. № 14. Л. 178).

187 См. об этом подробнее: *Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 132–134.*

188 *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 136–137.*

обстояло дело, когда 28 января 1658 г. Б.М. Хитрово прибыл в Переяслав.

Все происшедшее, несомненно, серьезно осложнило выполнение стоявших перед доверенным лицом царя задач. Как уже отмечалось, выступая против Выговского, участники восстания ссылались на распоряжения русского правительства и ожидали поддержки русских войск¹⁸⁹. Все это не могло самым серьезным образом не беспокоить Выговского, и это беспокойство нашло свое отражение в беседах гетмана с путивльским воеводой Н. Зюзиным, состоявшихся 17 января, когда Б.М. Хитрово уже находился на территории гетманства. О значении, которое придавалось этим беседам, говорит присутствие на них таких влиятельных в Войске Запорожском людей, как Г. Лесницкий и И. Богун. Беспокойство гетмана выражалось в жалобах на то, что царь, «не розыскав», отпустил из Москвы запорожских послов, дав им свою грамоту и не известив об этом гетмана и Запорожское Войско. В течение беседы он несколько раз высказывал опасение, что, если он поедет в Москву, то Алексей Михайлович может его «сослати в Сибирь». Вместе с тем он настойчиво заявлял, что нет никаких причин для того, чтобы царь гневался на Выговского, который оставался ему верным ранее и верен теперь. Во время его поездки в Москву могли бы быть решены многие важные вопросы, в частности, была бы достигнута договоренность, как вести войну с неприятелями. Он обещал, что во время посещения Москвы он даст тайные советы царю и патриарху, как подчинить Войско Запорожское. Наконец, он приглашал царя и патриарха посетить Киев «на обрадование и на потверженье всему Войску Запорожскому». Он обещал также склонить шведского короля заключить мир с Россией¹⁹⁰. Эти особенности бесед ясно указывают на желание гетмана, несмотря на возникшие осложнения, добиваться соглашения с русским правительством¹⁹¹. Это давало миссии Б.М. Хитрово серьезные шансы на успех. Вместе с тем на Украине налицо был внутренний конфликт, еще более

189 После сражения под Полтавой Пушкарь писал путивльскому воеводе, предлагая соединить свои силы с войском, которое приведет на Украину Хитрово (АЮЗР. Т. 4. С. 93).

190 Подробное изложение бесед см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 132–135*. Сам документ в настоящее время недоступен для изучения.

191 *Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 250–251*.

серьезный, чем ранее, находившийся в остром противоречии с планами русского правительства, и Б.М. Хитрово должен был добиться его прекращения, лишь опираясь на свой авторитет доверенного лица царя. В этом состояла одна из главных сложностей его миссии.

Первой важной задачей, стоявшей перед Б.М. Хитрово, было провести процедуру официального утверждения гетмана в сане его верховным сюзереном — царем и одновременно добиться принятия гетманом таких условий, которые обеспечили бы лояльность Запорожского Войска и укрепили его связь с Россией. Цель эта была достигнута на раде в Переяславе, куда 7 февраля с судьями, полковниками и большим количеством казаков прибыли Иван Выговский а также киевский митрополит Дионисий Балабан, приводивший гетмана к присяге на верность царю. В присутствии всех полковников Выговский отдал булаву посланцу царя, а тот вернул ее обратно, публично заявив, что царь жалует булавой и гетманством Ивана Выговского. Тогда же была выдана новая жалованная грамота Войску Запорожскому¹⁹². Тем самым право Выговского на власть получило необходимое подтверждение.

К сожалению, текст заключенного при этом соглашения сохранился лишь во фрагментах, но, к счастью, ряд из них содержит прямые указания на то, как были решены те вопросы, которые зимой — в начале весны 1658 г. находились в центре внимания русского правительства. Гетман заявил, что Запорожское Войско готово участвовать в войне с Речью Посполитой и он уже приказал рассылать «универсалы», чтобы казаки готовились к этой войне. Запорожское Войско готово также принять участие в войне со Швецией и с каждым «неприятелем» царя. Кроме того Выговский обещал отправить послов к Карлу Густаву, чтобы склонить его к заключению мира с Россией¹⁹³. Тем самым обеспечивалась поддержка Войска Запорожского в случае нового конфликта между Россией и Речью Посполитой (или Швецией). Это было несомненным успехом русской дипломатии.

На переговорах было дано принципиальное согласие на присылку в города «Малой Росии» воевод. Конкретные решения

192 Об этой части деятельности рады см.: *Грушевський М.С. Історія...* Т. X. Ч. 1. С. 138, 141–142.

193 АЮЗР. Т. 4. № 58. С. 99.

на этот счет должны были быть приняты во время посещения Выговским Москвы. Поездка гетмана в Москву была одним из условий заключенного соглашения и упоминалась в нескольких его пунктах¹⁹⁴. Основные цели, которые преследовала миссия Б.М. Хитрово, тем самым были достигнуты. Однако, идя на важные уступки русскому правительству, гетман и поддерживавшая его казацкая верхушка ожидали от царской власти, что она, опираясь на свой престиж и свою силу, добьется прекращения волнений и утверждения на Украине порядка, угодного верхам украинского общества. Приступив к решению этой задачи, Б.М. Хитрово столкнулся с серьезными трудностями.

Хотя участников восстания во главе с Пушкарем приглашали прибыть на раду и изложить там свои претензии к гетману, они несмотря на неоднократные приглашения (о чем говорят и московские и украинские источники) на раду не прибыли. Участники рады разошлись после избрания Выговского и после того, как Б.М. Хитрово заверил, что сам направится к Пушкарю и добьется его подчинения, если понадобится, то и с применением силы¹⁹⁵. Положение еще больше осложнилось, когда М. Пушкарь сообщил окольному, что он не признает решений Переяславской рады и созывает для выбора гетмана раду в Лубнах. С этой целью полтавский полковник и запорожские послы во главе с М. Стринджей стали рассылать по полкам «листы» с призывом ехать на раду.

О шагах, предпринятых в этой ситуации Б.М. Хитрово, мы осведомлены совершенно недостаточно. Едва ли не единственный источник сведений — записи об уплате поминков различным лицам. Из этого списка можно узнать, что 18 февраля было выплачено жалованье лубенскому сотнику, чтобы тот, «приехав в Лубны к Пушкаревым бунтам не приставал и людей бы наговаривал, чтоб они указу великого государя были послушны»¹⁹⁶. 25 февраля сам Б.М. Хитрово находился уже в Лубнах, где прилуцкий полковник Петр Дорошенко, вероятно не участвовавший в раде, принес новую присягу царю¹⁹⁷. Прибыв в Лубны, Б.М. Хитрово сорвал план созыва там новой рады. Присутствие в Лубнах

194 Там же.

195 См. об этом подробнее: *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 139, 140–141.

196 АЮЗР. Т. 4. С. 101.

197 Там же. С. 102.

Петра Дорошенко, принадлежавшего к числу полковников – сторонников Выговского, было, очевидно, связано с тем, что Прилукский полк сопровождал Б.М. Хитрово в походе. Определенно это можно утверждать относительно ирклиевского полковника, который, как отмечено в том же списке, «с товарищи стоял в Лубнах для осторожности от полтавского полковника от Мартына Пушкаря»¹⁹⁸. Таким образом, для прекращения волнений были приняты достаточно энергичные меры, но Б.М. Хитрово по соображениям, о которых выше была речь, стремился погасить конфликт мирным путем. И ему удалось этого добиться 5 марта, как отмечено в списке, М. Пушкарь приехал в Лубны, принес присягу царю и «своевольное войско распустил»¹⁹⁹. Что Пушкарь после встречи с Б.М. Хитрово «сотников и весь полк свои распустил» — сообщал позднее и попавший в русский плен полковник Иван Сербин. Выговский стал готовиться к поездке в Москву, для чего приказал прислать от каждого полка по двадцати человек... самых лутчих людей»²⁰⁰. Цели, которые преследовала русская политика на Украине, были успешно достигнуты. 22 марта 1658 г. возвращавшегося посла встретил в Калуге стольник Г. Кафтанов с «милостивым словом»²⁰¹. Г.Г. Ромодановскому, стоявшему со своим корпусом в районе Переяслава, был послан приказ уйти с территории гетманства²⁰².

Но вскоре стала выясняться непрочность достигнутых успехов. Пушкарь действительно распустил войско²⁰³, но гетману не подчинился и удерживал за собой занятые ранее земли Чигиринского полка, а главное, волнения охватили соседний с Полтавским Миргородский полк. Еще до отъезда Б.М. Хитрово с Украины, 8 марта, казаки полка, создав полковую раду, отстранили наказного полковника Леонтия Козла, постановили не подчиняться своему полковнику Григорию Лесницкому и избрали нового полковника Степана Довгала²⁰⁴.

198 Там же.

199 Там же. С. 102.

200 АЮЗР. Т. 15. Стб. 270.

201 Там же. Т. 4. С. 102.

202 *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 131.

203 Это признавали и находившиеся в апреле в Москве послы Выговского (АЮЗР. Т. 4. С. 111).

204 См. об этом подробнее: *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 153.

Еще до получения сообщений об этом, получив от Б.М. Хитрово известие об отказе М. Пушкаря приехать на раду, царь направил на Украину 6 марта подьячего Фирса Байбакова с грамотой, адресованной М. Пушкарю «и всему полтавскому полку»²⁰⁵. Царь сурово порицал полтавского полковника за отказ приехать на Переяславскую раду, за попытки созвать новую раду в Лубнах, за отказ встретиться с Б.М. Хитрово. Полтавскому полковнику одновременно ясно давалось понять, что в Москве считают законным гетманом Ивана Выговского, избранного «по... единогласному обранью всего войска». Царь требовал, чтобы Пушкарь «войско все роспустил по домом и бунтов никаких чинить не велел». Общий тон грамоты был твердым и решительным, но обращает на себя внимание отсутствие в грамоте части, обычной для царских грамот такого типа, — угрозы суровых наказаний за невыполнение предписаний. В грамоте, напротив, указывалось, что, если Пушкарь подчинится гетману, он не подвергнется никакому наказанию. В Москве продолжали ориентироваться на примирение разных частей Войска Запорожского с тем, чтобы оно как единое целое вступило в войну с Речью Посполитой. Ход событий, однако, делал возможность такого примирения все более иллюзорной.

Приехавший на Украину в середине марта Ф. Байбаков стал свидетелем начавшихся военных действий между обоими лагерями. Нежинский, Прилуцкий и Черниговский полки во главе с Г. Гуляницким осадили Лохвицу²⁰⁶, и Пушкарь объявил мобилизацию казаков. О примирении с гетманом, о подчинении ему не было и речи. В конце марта в Путивль прибыло посольство М. Пушкаря к царю во главе с Иваном Искрой²⁰⁷ и сыном Пушкаря Марком с новыми обвинениями по адресу Выговского²⁰⁸. На этот раз эти обвинения можно было подкрепить конкретными данными. Иван Искра говорил Ф. Байбакову, что под Канев уже пришли татары — союзники Выговского, а к польскому королю он направил Павла Тетерю, «чтоб дал ему на помощь ляхов»²⁰⁹.

Военная кампания развивалась неудачно для сторонников Выговского. Г. Гуляницкий 18 марта был вынужден отступить

205 Текст грамоты см.: АЮЗР. Т. 15. Стб. 15–19.

206 Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 154.

207 Об этом сподвижнике М. Пушкаря см.: Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 128–130.

208 АЮЗР. Т. 15. Стб. 19–20, 35.

209 Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 154.

от Лохвицы, ничего не добившись. Казаки не хотели воевать с казаками. Даже часть сотен Нежинского полка, во главе которого стоял сам командующий Г. Гуляницкий, пыталась перейти на сторону Пушкаря²¹⁰. В таких условиях, как правильно отметил М.С. Грушевский, казацкая верхушка остро нуждалась во внешней поддержке. Такая поддержка была найдена в лице Крымского ханства.

Главным источником, позволяющим судить о том, как происходило сближение Ивана Выговского с Крымом, является статейный список посольства Я. Якушкина и Г. Михайлова в Крым. На ряд содержащихся в нем свидетельств обращали внимание М.С. Грушевский²¹¹, а затем А.А. Новосельский²¹², но они использовали не всю содержащуюся в нем информацию.

Посланники прибыли в Крым в декабре 1657 г. Их задачей было добиться подтверждения «шертной грамоты» в новой редакции, где титул царя был бы дополнен новыми титулами — «Малыя и Белыя России», а обязательство хана не нападать на русские земли было бы распространено на «запорожских черкас».

Приступив к решению этой задачи, русские послы сразу же столкнулись с отказом крымской стороны сделать это. Еще на дороге к Крым 29 ноября 1657 г. сопровождавший послов Батырша Сулешев сказал, что хан готов сохранить мир с Россией, но «на запорожских черкас войною не ходить нельзя». «Напрасно, де, государь за таких воров стоит»²¹³. Однако уже 14 декабря на пути к Перекопу посланники узнали, что в Крым пришли послы «от запорожских черкас», которые находятся у хана в Бахчисарае²¹⁴. Что было предметом переговоров, посланникам удалось выяснить лишь в конце февраля. Выговский, по собранным ими сведениям, предлагал возобновить отношения, существовавшие между Крымским ханством и гетманством при Хмельниц-

210 Там же.

211 Там же. С. 148–150. Украинскому исследователю были известны лишь извлечения из статейного списка, сохранившиеся в: РГАДА. Ф. 123. 1658 г. № 5.

212 Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 35–36.

213 РГАДА. Ф. 123. 1657 г. № 14. Л. 25.

214 Там же. Л. 28.

ком, чтобы, «договорясь, идти им сопча на нижние их черкаские коши, чтобы их разорить»²¹⁵. Сообщивший об этом послам Маметша Сулешев добавил, что царь посылает запорожцам жалованье, чтоб им «промысл учинить над» Выговским «и над его черкасы», чтобы «под государеву руку в поданье подвесь»²¹⁶.

Посольство в Крым, очевидно, отражало реакцию Выговского и поддерживавшей его казацкой верхушки на выступление запорожцев и поездку их послов в Москву. В Чигирине, очевидно, опасались, что за выступлением запорожцев стоит Москва, и старались заручиться поддержкой Крыма. Попытка оказалась удачной. Вместе с посланцами Выговского к гетману отправился посланец хана кегья Селим. Он должен был договориться о встрече гетмана с перекопским беем Карашем, на которой было бы заключено соглашение о союзе, после чего и гетман, и бей выступили бы совместно против запорожцев.

В конце февраля 1658 г. в Крыму уже располагали сведениями о поездке Караш-бея к гетману и результатах их переговоров. Как удалось узнать посланникам, гетману удалось обеспечить себе помощь против тех «черкас», которые захотели бы выбрать гетманом Юрия Хмельницкого, сына Богдана «и будет которые черкасы от него, гетмана, отложатца»²¹⁷. До посланников дошли слова Выговского, сказанные бею, о его недовольстве действиями царя, который посылает «к ним в черкаские города воевод», а он «хочет теми черкасскими города владеть сам»²¹⁸. Эти сообщения, принесенные в Крым посланцами бея, заставляют согласиться с предположением М.С. Грушевского²¹⁹, что с Караш-беем Выговский встретился после встречи с Б.М. Хитрово. Перспектива появления на Украине русских воевод стала дополнительным фактором, толкавшим Выговского к сближению с Крымом.

В марте 1658 г. в Крым приехало с новой просьбой о помощи посольство во главе с сотником Дементием. Толмач Н. Понарьин встретил его 12 марта на дороге в Бахчисарай²²⁰. Когда этот же толмач, посланный в Москву, в конце марта — начале апреля, находился у Перекопа, здесь местные татары во главе с

215 Там же. Л. 156.

216 Там же.

217 Там же. Л. 159–160.

218 Там же. Л. 161.

219 *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 148–149.*

220 РГАДА. Ф. 123. 1657 г. № 14. Л. 175–176.

Караш-беем по приказу хана снаряжались идти в поход на помощь гетману против Мартына Пушкаря²²¹. Прогрессирующее сближение Войска Запорожского с Крымом было налицо, но на пути к достижению окончательной договоренности имелся ряд препятствий. Прежде всего, зимой-весной 1658 г. возможности хана были ограничены и он не мог оказать значительную военную помощь Выговскому. Русские посланники в начале февраля 1658 г. узнали, что по приказу султана второе лицо в ханстве калга Казы-Гирей должен «итить с ратными людьми на Мутьян войною»²²². В Бахчисарае в конце февраля 1658 г. «биричи кликали по многие дни», созывая татар для участия в походе. Лишь в апреле калга вернулся из похода «з добычею и с ясырем»²²³. Поэтому на помощь Выговскому с Караш-беем был отправлен лишь 3-тысячный отряд.

Еще более важно было, что татары не доверяли своему союзнику. Было неясно, насколько далеко может зайти Выговский в своем противостоянии русскому правительству. Неслучайно, как узнали посланники, хан обещал Выговскому помощь, если тот придет в Крым «для веры московского государя ратных людей, которые у нево... ныне есть»²²⁴. Такой шаг действительно означал бы полный и окончательный разрыв гетмана с Москвой, но на такой шаг гетман не пошел. Он ограничился тем, что послал «пять знамен» казаков для участия в походе калги²²⁵. Сомнения, как узнал на Перекопе Н. Понарьин, беспокоили и перекопского бей. «Нечто, де, будут, — записал толмач его высказывания, — того полковника Пушкаря отдадут гетману Ивану Выговскому, ино, де, и ссоры не будет»²²⁶. В каком положении окажется тогда татарское войско? Сами посланцы Выговского в Крыму вовсе не считали, что обращение за помощью к хану означает разрыв с Россией. Именно они сообщили Н. Понарьину, что с приездом Б.М. Хитрово Запорожское Войско принесло новую присягу на верность царю²²⁷.

221 Там же. 1658 г. № 5. Л. 1.

222 РГАДА. Ф. 123. 1657 г. № 14. Л. 110.

223 Там же. 1658 г. № 5. Л. 4.

224 Там же. 1657 г. № 14. Л. 177.

225 Там же. Л. 178.

226 Там же. 1658 г. № 5. Л. 2.

227 Там же. 1657 г. № 14. Л. 176.

Все эти важные сведения стали известны русскому правительству лишь 25 апреля, когда Н. Понарьин передал выписки из статейного списка в Посольский приказ²²⁸. Однако сообщения о соглашении гетмана с татарами, достаточно конкретные, приходили в Москву и раньше. Так, Пушкарь в грамоте, адресованной царю, еще в феврале сообщал, что Выговский после рады в Переяславе встречался в Чигирине с Караш-беем и заключил с ним соглашение²²⁹. В Москве, однако, этим сообщениям не придали значения. Возможно, здесь рассуждали, как перекопский бей, что единственной причиной сближения казацкой верхушки с Крымом является внутренний конфликт на Украине, а на его скорое окончание царь и его советники очень рассчитывали. Была, однако, и другая причина. Как уже указывалось, хан мог оказать Выговскому лишь ограниченную военную помощь. Кроме того, в Чигирине должны были опасаться того, что приглашение татар для войны с собственными собратьями может быть воспринято отрицательно украинским обществом. Как представляется, этими соображениями следует объяснить тот факт, что, уже заключив соглашение с татарами, Выговский добивался вооруженной помощи от русского правительства для борьбы с бунтовщиками. 20 марта киевский воевода А. Бутурлин встретился с отцом гетмана Остафием. Остафий сообщил ему, что созванная его сыном рада постановила просить царя, чтобы тот «прислал в Малую Россию... ратных людей для укрепления казацких шатостей»²³⁰. Следующим важным шагом в этом направлении стало посольство во главе с Г. Лесницким, которое прибыло в Москву во второй половине апреля. Еще до приезда послов Войска Запорожского в Москве сложился новый план решения украинского кризиса.

О избранном в Москве плане действий дают понятие два важных документа. Это – датированный 6 апреля наказ В.Б. Шереметеву, который должен был направиться воеводой в Киев, и

228 Там же. 1658 г. № 5. Л. 1.

229 АЮЗР. Т. 15. Стб. 5.

230 АЮЗР. Т. 4. № 59. С. 103. Позднее и сам гетман говорил царскому посланцу П.Д. Скуратову, что он просил царя «прислать тысячу человек драгунов да тысячу человек солдат... чтоб бунтовщиков смирить» (АЮЗР. Т. 4. С. 128). Утверждая, что у нас нет свидетельств о том, что Иван Выговский просил у русского правительства военной помощи, Т.Г. Яковлева ошибается (Гетьманщина... С. 261).

датированные 5 апреля наказ Ивану Апухтину и грамота, посланная с ним к гетману И. Выговскому²³¹.

Наказ В.Б. Шереметеву дает представление о том, какие меры предполагало русское правительство провести на Украине, чтобы положить конец внутренним конфликтам. Во-первых, следовало добиваться составления реестра в 60 тыс. человек, в который были бы внесены потомственные казаки или люди, отличившиеся на войне. Только на людей, внесенных в реестр, распространялись бы права и привилегии, которыми располагало казачество, остальные должны были вернуться в прежнее состояние, стать мещанами и крестьянами. Составление реестра должно было стать делом гетмана и полковников, и В.Б. Шереметеву не следовало принимать жалобы на их действия при составлении реестра.

С этой мерой была неразрывно связана другая: организация сбора доходов для выплаты жалованья войску, когда оно пойдет на службу. Для этого должна была быть произведена перепись всех возможных источников доходов, которую должны были проводить совместно дворяне воеводы и представители гетмана и полковников. Затем в соответствии с данными переписи следовало организовать сбор доходов. Они должны были передаваться в особый «скарб», которым заведовали бы люди, выбранные «по совету всех», т. е., очевидно, на войсковой раде. Собранные доходы должны были храниться в определенном месте и из них следовало выплачивать жалованье войску в случае начала военных действий. На той же раде, по-видимому, предполагалось рассмотреть претензии мещан на отобранные у них «в смутное время» земли и доходы²³². Так вырисовываются пути выхода из украинского кризиса в представлении русского правительства. Выделение из общества особого казацкого сословия (достаточно многочисленного) и обеспечение его жалованьем, дававшим возможность поддерживать привилегированный социальный статус, дало бы и казацкой верхушке, и поддерживающей ее русской администрации необходимую опору для сохранения сложившегося общественного порядка.

231 О дате последних документов см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 182.*

232 АЮЗР. Т. 7. № 75. Подробный анализ документа см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 177–181.*

Одновременно предпринимались и другие меры для прекращения волнений на Украине. Вместе с И. Апухтиным были направлены царские грамоты во все полки с приказом жить между собой в согласии, повиноваться гетману, не устраивать бунтов, а бунтовщиков карать по «войсковому праву»²³³. Прекращению волнений должна была способствовать посылка русских воевод в ряд городов не только Левобережной (Нежин, Полтава, Чернигов, Миргород), но и Правобережной (Белая Церковь, Корсунь) Украины²³⁴. Посылка воевод в главные центры восстания — Миргород и Полтаву — должна была поставить действия восставших под контроль русских властей и заставить их искать соглашения с Выговским.

Целью всех этих мер было, разумеется, не только прекращение волнений на Украине, но и подчинение гетманства более сильному контролю русской власти. Если составление реестра должно было быть делом гетмана и полковников, которые (согласно наказу) одни могли судить о заслугах того или иного из казаков, то в проведении переписи и решении всех спорных вопросов, связанных со сбором доходов, В.Б. Шереметев, как облеченный особыми полномочиями представитель царя на Украине, должен был участвовать совместно с гетманом и полковниками. Тем самым он становился своего рода верховным арбитром в возможных спорах между разными группами украинского общества. Этой же цели служила, конечно, и посылка воевод, которых сопровождали военные отряды и которые должны были взять в свои руки организацию обороны городов²³⁵.

На данном этапе осуществление всех этих мер должно было способствовать достижению главной, наиболее важной для русского правительства в данный момент цели — обеспечить участие Войска Запорожского в конфликте с Речью Посполитой на русской стороне. В ближайшее время речь должна была идти об участии украинских представителей в русско-польских мирных переговорах, которые по расчетам русских политиков должны были состояться в конце мая — начале июня. Информировав о таких усилиях русской стороны гетмана, И. Апухтин должен

233 АЮЗР. Т. 7. С. 200, 228.

234 Соответствующие решения были приняты 3–4 апреля (АЮЗР. Т. 15. С. 149–150).

235 Об их полномочиях см. подробнее: *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 175–177.*

был предложить ему выслать для участия в переговорах «знающих и умных людей», таких, как Павел Тетеря. Гетмана следовало убеждать, что его послам «заказу, что с ними на съезд ездить, не будет, и в съезжие шатры входить им за собою велят»²³⁶. Царь и его советники явно хотели избежать тех осложнений в русско-украинских отношениях, которые возникли после переговоров под Вильно в 1656 году.

Особо следовало обсудить с гетманом вопрос, поднятый при приезде в марте 1658 г. в Москву посланца гетмана — нежинского протопопа Максима Филимоновича. Речь шла об определении возможной пограничной линии между Войском Запорожским и Речью Посполитой. В связи с этим Апухтин должен был предложить гетману прислать в Москву «чертеж» с обозначением пограничной линии — «за что устоять было мочно и впредь бы было прочно и постоянно и от поляков было бы безсорно».

Вместе с тем гетмана следовало поставить в известность, что в Москве считают вполне возможным, что переговоры закончатся безрезультатно, и тогда начнется война. Гетман и Войско Запорожское должны заранее мобилизовать свои силы, чтобы быть «наготове», когда придет соответствующий «указ» от царя²³⁷. На этот раз царь и его советники не ограничились сообщением гетману этих сведений, которые повторяли то, о чем говорил ему ранее Б.М. Хитрово. В грамотах, посланных в полки, прямо указывалось, что полковник должен готовить свой полк к военному походу в Польшу²³⁸. Это показывает, что русское правительство все более решительно брало курс на войну с Речью Посполитой.

Наказы Апухтину и Шереметеву показывают, какие черты внешней политики гетманства вызывали беспокойство русского правительства весной 1658 г. И. Апухтину предписывалось выяснить, на каких условиях заключено соглашение со Швецией, находится ли у гетмана посланник шведского короля Ю. Немирич «и на какие меры его, гетмана, наговаривают»²³⁹, а В.Б. Шереметев должен был добиваться, чтобы Выговский Немирича «из войска выслал»²⁴⁰. Таким образом, царя и его советников

236 АЮЗР. Т. 7. № 79. С. 226–227.

237 Там же. С. 226.

238 См. экземпляр грамоты нежинскому полковнику: Там же. № 73.

239 АЮЗР. Т. 7. С. 229.

240 Там же. С. 204–205. Царя и его советников, по-видимому, обеспо-

больше всего беспокоили шведские связи Выговского. Разумеется, не упускались из виду и отношения с другими странами. Так, Апухтин должен был собирать сведения «про неприятельские лятцкие и татарские всякие замыслы», но это не говорит о недоверии к Выговскому, так как в наказе ему одновременно предписывалось «советовать о всем с ним, гетманом»²⁴¹.

Ивану Апухтину, очевидно, в соответствии с его рангом, не было поручено критически оценивать разные внешнеполитические шаги Выговского. Такая обязанность была возложена на В.Б. Шереметева. Он должен был выговаривать гетману, что тот ведет переговоры с Польшей, Турцией, Крымом, не спрашивая на это «указа» от царя²⁴². Таким образом, одной из важных частей задуманного плана действий должно было стать прекращение не санкционированной дипломатической деятельности Выговского. Особенно недопустимо было вести переговоры с Яном Казимиром, так как «полской король царского величества ведомой неприятель». Из последующего текста наказа ясно, почему именно переговоры с Польшей вызывали особое недовольство. Отметив, что гетман заключил перемирие с Речью Посполитой до «Троицына дня», В.Б. Шереметев должен был настаивать, чтобы Выговский «впредь без указа великого государя перемирья с польскими людьми не чинил, а ждал бы того, что учинитца на съезде»²⁴³. Соглашение о продлении перемирия могло помешать участию Войска Запорожского в войне с Речью Посполитой.

Апухтин отправился к Выговскому лишь 17–18 апреля 1658 г.²⁴⁴, оставался в Москве и уже получивший свой воеводский наказ В.Б. Шереметев. Тем временем в Москву стали приходить известия о сношениях Выговского с поляками — на этот раз они исходили не от украинских противников гетмана, а от виленского воеводы кн. М. Шаховского. Первые рассказы о сношениях Выговского с поляками исходили от «присяжных» шляхтичей, ездивших на съезд сенаторов в Варшаву. Так, А. Юшкевич, по-

коили полученные от Пушкаря сведения о возвращении Немиричу его имений на территории Полтавского полка. Рассматривая Немирича как шведского представителя в Чигирине, в этом могли видеть свидетельство расположения гетмана к Карлу Густаву.

241 Там же. С. 227.

242 АЮЗР. Т. 7. С. 204.

243 Там же. С. 205.

244 *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 186.

сланный на съезд шляхтой Ошмянского повета, сообщил воеводе 28 марта, что у короля был посол Выговского, «греченин родом», а теперь к гетману направляются «комисары великие», которые должны «по траве съехаться на Волыне в месте Дубно с Выговским самим»²⁴⁵. Сам ранг представителей Речи Посполитой ясно говорит, что речь должна была идти о переговорах особого значения. Хотя А. Юшкевич ничего не сообщил о возможном содержании переговоров, их цель становится ясной из последующих слов отписки: «надежу, де, полской король имеет большую на казаков и на татар»²⁴⁶.

Более конкретные сведения привез 3 апреля посланный в Речь Посполитую «для вестей» поручик И. Коровин, которому удалось побеседовать со смоленским каштеляном К. Евлашевским. Каштелян не только подтвердил сообщения о встрече «комисаров» Польско-Литовского государства с Выговским «на Волыне, в апреле месяце», но и рассказал, чего ждут от этих переговоров «черкасы». Они желают получить такие же «вольности», как Польское королевство и Великое княжество Литовское, на территории гетманства все «урядники» (каштеляны, воеводы и др.) должны назначаться только из казаков, 6 тыс. «лучших» казаков должны «застать шляхтою»²⁴⁷. Тогда же какие-то «пункты» соглашения короля с казаками прислал воеводе игумен монастыря в Евье²⁴⁸. Так определился и предмет переговоров — выработка условий, на которых Войско Запорожское вернулось бы в состав Польско-Литовского государства.

Последующие дни принесли ряд новых сообщений о съезде в Дубне, куда «комонником» (т. е. наскоро на конях, без обозов) двинулось все коронное войско²⁴⁹. 21 апреля к воеводе приехал ездивший в Варшаву «для вестей» майор Яков Мейн. Он сообщил, что король удовлетворил все пожелания казаков, и тем самым препятствий к их соглашению с Речью Посполитой нет, а на съезде сенаторов «ханова посла хотели с тем отпустить», чтобы «татарове, сто тысяч, случая с казаками, шли войной» на русские земли²⁵⁰.

245 Акты исторические. Т. 4. СПб., 1842. № 114. С. 259.

246 Там же. С. 260.

247 Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ). Т. 4. СПб., 1851. № 50. С. 135.

248 Там же. С. 136.

249 Там же. С. 137, 139.

250 Там же. С. 138.

Сообщения такого рода, достаточно конкретные по содержанию и исходившие не от украинских противников Выговского, должны были бы привести к пересмотру задуманного плана действий и вообще всей политики по отношению к гетманству и Речи Посполитой, но этого не произошло. Можно отметить ряд обстоятельств, которые, как представляется, способствовали тому, что эти сообщения не вызвали в Москве той реакции, которой они заслуживали.

Во-первых, следует учитывать, что сообщения о том, что Войско Запорожское возвращается под власть Речи Посполитой, поступали от разных лиц в Польско-Литовском государстве, начиная со второй половины 1657 г., и не получили в дальнейшем никакого подтверждения. Поэтому и новые сообщения на эту тему могли быть восприняты в Москве как вымыслы, направленные на то, чтобы осложнить отношения между Россией и Войском Запорожским. Имело свое значение и то, что никакой встречи Выговского с комиссарами Речи Посполитой в г. Дубно в апреле 1658 г. не состоялось. Однако главное — стремление осуществлять ранее намеченный план действий — определили результаты переговоров с прибывшим в Москву незадолго перед 20 апреля посольством из Чигирина во главе с Григорием Лесницким.

Решение об отправке посольства было принято в середине марта на раде в Чигирине. О задачах, поставленных перед посольством, говорит сохранившийся (в русском переводе) текст наказа Лесницкому²⁵¹. Одной из главных целей посольства было дать приемлемое для русского правительства объяснение соглашениям, которые заключил Выговский, не ставя о них в известность Москву. Другая, еще более важная, чем первая, состояла в том, чтобы добиться поддержки русского правительства в борьбе с участниками восстания. С развитием событий эта задача становилась все более важной.

Уже в то время, когда посольство находилось в Москве, к нему прибыл от гетмана гонец Прокоп Бережецкий, сообщивший о жестоких «нехристианских» расправах сторонников Пушкаря с приверженцами Выговского и о перевороте на Запорожье, где был избран новый кошевой атаман и на раде, созванной 20 мар-

251 АЮЗР. Т. 7. С. 210–212.

та, приняли решение идти на соединение с Пушкарем²⁵². Выбор для решения этой задачи Лесницкого, которого на раде в Чигирине не было²⁵³ как представителя, не был случайностью. Лесницкий, которого особенно ненавидели участники восстания, выгнавшие полковника из его Миргородского полка, должен был приложить максимум усилий для решения этой задачи.

Г. Лесницкий должен был убеждать царя, что, «хотя есмь себе приговорили приятство подлинное» с татарами, но лишь при том условии, «чтоб никогда на царя его милость руки не поднимали». Тем самым удалось помешать заключению крымско-польского союза, направленного против России. Что касается перемирия с Речью Посполитой, то оно было заключено лишь чтобы выиграть время, чтобы «лутче уготовались на войну, как царское величество пойдет против ляхов». Лесницкий также должен был сообщить, что в соответствии с пожеланиями царя гетман посылает в Швецию Федора Коробку склонять Карла Густава к миру с Россией.

Убедив царя в лояльности гетмана, Лесницкий должен был подробно изложить обвинения против сторонников Пушкаря, особенно подчеркивая, что они распространяют «небылые речи» о том, что царь одобряет их действия. От имени гетмана он должен был настоятельно просить, чтобы царь не верил их клевете и приказал клеветников «карать на месте». В новых инструкциях, присланных с П. Бережецким, гетман еще более настоятельно ходатайствовал, чтобы послов от бунтовщиков царь «к нам отсылал или там же на месте карать по заслуге их»²⁵⁴. Первым так для примера должен был быть наказан глава присланного Пушкарем посольства — Иван Искра. После переворота на Запорожье гетман поручил Лесницкому добиваться посылки на Запорожье царской грамоты, разоблачавшей утверждения М. Стринджи, что царь поддерживает бунтовщиков.

Но, несомненно, самой важной частью наказа было ходатайство собравшейся в Чигирине казацкой верхушки, чтобы царь приказал составить «реестр». Отсутствие «реестра» — главная причина волнений в войске, его необходимо составить, чтобы те,

252 См. об этом подробнее: *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 194 и сл.

253 См.: Там же. С. 160.

254 АЮЗР. Т. 7. С. 216.

кто в него не войдет, «не уступались в непотребные вольности». Реестр должны были составить совместно гетман с представителем царя, наделенным соответствующими полномочиями. Таким образом, был поставлен вопрос о проведении на Украине реформ, которые укрепили бы положение казацкой верхушки в обществе, с санкции и при поддержке русского правительства.

Важные подробности насчет того, как должно было протекать составление реестра в представлении казацкой верхушки, содержат записи переговоров, которые, начиная с 20 апреля, вели с Г. Лесницким В.Б. Шереметев, Б.М. Хитрово и дьяки Посольского приказа. Когда посланцев спрашивали, не вызовет ли составление «реестра» волнения в войске, они ходатайствовали, чтобы представители царя, которые будут участвовать в составлении «реестра», пришли с войском, «чтоб в Войску (Запорожском. — Б.Ф.) было страшно и бунтов бы никто всчинать не дерзал и не смел»²⁵⁵. Посланцы также выразили согласие на перепись имеющихся источников доходов и определение по усмотрению царя нормы обложения, с тем, чтобы реестровым казакам выплачивалось жалованье в размерах, установленных Переяславскими статьями 1654 г.²⁵⁶ Таким образом, представления казацкой верхушки и русского правительства о том, какие следует провести реформы, чтобы найти выход из внутривойскового кризиса в гетманстве, совпали.

Когда во время переговоров посланцам сообщили о решении царя послать в ряд украинских городов своих воевод, посланцы не только выразили свое убеждение, что «тем в войску бунты усмирятца», но и высказали пожелание, чтобы царь прислал воевод и в другие города, и тогда «у них бы, де, в Войску и гораздо было лутчее и смирнее»²⁵⁷. Очевидно, в представлении посланцев воеводы должны были прийти также с войском, чтобы подавить восстание и утвердить новый порядок, который должен был сложиться с установлением «реестра». К вопросу о посылке на Украину войск для усмирения «бунтов» посланцы по собственной инициативе вернулись еще раз: «Изволил бы великий государь послать в войско своих царского величества воевод и ратных людей, и то им будет досталь на искоренение своеволства».

255 АЮЗР. Т. 4. С. 108.

256 Там же. Т. 7. С. 206–207.

257 АЮЗР. Т. 4. С. 110.

Поскольку ни в наказе Лесницкому, ни в дополнительных инструкциях, присланных с П. Бережецким, о посылке на Украину воевод с войском не говорилось, Т.Г. Яковлева, анализируя материалы переговоров, пришла к выводу, что речь должна идти о личной инициативе Г. Лесницкого, стремившегося любой ценой добиться усмирения волнений²⁵⁸. Однако, как указывалось выше, Выговский просил через своего отца о военной помощи еще 20 марта. Кроме того, заслуживает внимания то место в письме Выговского Г. Лесницкому (письмо привез П. Бережецкий), где высказывалась просьба, чтобы царь вместе с грамотой, осуждавшей действия «бунтовщиков», прислал «боярина», который бы их «сурово наказал за бунты»²⁵⁹. Ясно, что боярин мог это сделать, лишь опираясь на приведенное с собой войско.

Как бы то ни было, Г. Лесницкий выступал в Москве как официальный посол гетмана, наделенный соответствующими полномочиями, никаких оснований сомневаться в том, что его высказывания отражают взгляды гетмана и казацкой верхушки, у царя и его советников не было, а эти высказывания говорили о том, что задуманный в Москве план действий по выходу из кризиса встречает в этой среде понимание и поддержку. В этих условиях ни сообщения виленского воеводы, ни гораздо менее конкретные обвинения посланцев Пушкиря не могли оказать влияния на русское правительство. Дьяки Посольского приказа, разговаривавшие с Искрой и его товарищами, прямо заявили, что от гетмана «к измене причины никакие не объявилось», а если П. Тетерю он «куды и послал, то не для измены»²⁶⁰.

Сразу по окончании переговоров в Москве стали принимать меры, чтобы положить конец затянувшемуся кризису. Еще до их окончания, 22 апреля, царь приказал послать Ивана Алфимова с царской грамотой к Пушкирю²⁶¹. Сохранился черновик этого документа²⁶². В нем действия восставших определялись как «нехристианское дело», а полтавскому полковнику строго предписывалось «из нашего царского повеленья не выступати и бунты все успокоить, а о новой раде никого не возмущати» и подчиниться гетману Выговскому, которого хотят сместить «без вся-

258 Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 260–262.

259 АЮЗР. Т. 7. С. 219.

260 АЮЗР. Т. 15. Стб. 50–51.

261 АЮЗР. Т. 7. № 78. С. 221.

262 АЮЗР. Т. 4. № 62.

кие слушные причины». Конец документа не сохранился, но может быть восстановлен по обращенной к Пушкарю речи Алфимова, сохранившейся в его статейном списке. Пушкарь ставился в известность, что царь посылает в Полтаву своего воеводу²⁶³. Он, очевидно, должен был проследить за тем, чтобы приказания царя были исполнены. Наказ И. Алфимову не сохранился, но о его содержании позволяют судить высказывания посланца при встречах с политическими противниками Выговского. Казаков Полтавского полка он обвинил в том, что «все злочинные дела начались от вас», и потребовал, чтобы они обратились к гетману «со всяким покорением»²⁶⁴. Степану Довгалю, новому миргородскому полковнику, он заявил, что тот «за свое воровство в рядовых казаках быть негоден»²⁶⁵. Запорожскому кошевому Якову Барабашу, который к этому времени прибыл к Пушкарю, он также дал ясно понять, как в Москве оценивают его поведение: он хочет без «указа» царя «гетмана выбрать мимо всего войска», «сложся с плутами и бунтовщики разных полков»²⁶⁶. Таким образом, И. Алфимов должен был в самой резкой форме предложить противникам Выговского прекратить междоусобицу и подчиниться гетману.

При окончании переговоров, 25 апреля, В.Б. Шереметев сообщил украинским послам, что в соответствии с просьбой гетмана посылает на Запорожье дворянина Никифора Волкова²⁶⁷. Материалы, связанные с этой миссией, не сохранились, но о содержании данных ему поручений позволяют судить высказывания В.Б. Шереметева и текст грамоты, отправленной 25 апреля к гетману Выговскому. Гетман ставился в известность, что на Запорожье отправлена грамота «с великим запрещеньем, чтоб они от самоволства отстали и бунтовать перестали»²⁶⁸. В.Б. Шереметев сообщил посланцам гетмана, что на раде после прочтения царской грамоты дворянин должен добиваться, чтобы зачинщики волнений были наказаны по «войскому праву»²⁶⁹.

263 АЮЗР. Т. 7. № 78. С. 222.

264 Там же. С. 224.

265 Там же. С. 222.

266 Там же. С. 224.

267 Имя посланца указано в статейном списке И. Алфимова (АЮЗР. Т. 7. С. 225).

268 АЮЗР. Т. 4. № 63. С. 113.

269 АЮЗР. Т. 7. № 76. С. 214.

Главную роль в выходе из кризиса и проведении намеченных реформ должен был сыграть В.Б. Шереметев. О его посылке на Украину для составления «реестра» было официально объявлено посланцам гетмана. Вместе с Шереметевым в Киев был направлен большой военный отряд — 1159 драгун и 413 московских стрельцов²⁷⁰. Таким образом, при проведении преобразований представитель царя должен был опираться не только на авторитет царского имени, но и на пришедшую с ним военную силу. Этот шаг вполне отвечал тем пожеланиям, которые высказывал во время переговоров Г. Лесницкий.

И переговоры с посольством во главе с Г. Лесницким, и принятые в результате переговоров меры давали царю и его советникам в конце апреля 1658 г. основания надеяться на скорое окончание внутривосточного кризиса на Украине, после чего Войско Запорожское сможет на русской стороне принять участие в надвигавшемся конфликте с Речью Посполитой.

В марте–апреле 1658 г. в Москве еще не имели никакого ответа из Варшавы на сделанные предложения и должны были строить свою политику по отношению к Польско-Литовскому государству на основании информации, поступавшей от воевод пограничных городов. Одним из таких информаторов был виленский воевода кн. М. Шаховской, отписки которого уже упоминались выше, другим — А.Л. Ордин-Нащокин, которому, как уже указывалось, было поручено вести переговоры по разным вопросам с польным гетманом литовским В. Госевским.

Первоначально сообщения А.Л. Ордина-Нащокина носили такой характер, что могли бы вызвать в Москве надежды на благополучный исход мирных переговоров. Объяснялось это тем, что он поддерживал связи с теми литовскими политиками, которые (как гетман В. Госевский) были заинтересованы в заключении мира с Россией и совместных действиях против шведов в Ливонии.

Так, 9 января н. ст. из обоза под Пярну гетман писал А.Л. Ордину-Нащокину, чтобы тот скорее шел с войском в Ливонию, обещая «общаго воевать неприятеля, не дая ему седеги в Истонию»²⁷¹. От него же воевода Царевичева Дмитриева узнал в январе, что в Варшаве собирается съезд сенаторов для опре-

270 АЮЗР. Т. 15. Стб. 174.

271 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 2. Л. 6.

деления повестки дня будущего сейма²⁷². В связи с этим гетман хотел бы узнать, чем он мог бы «служить» царю на сейме. 30 января наместника ливонских городов посетило доверенное лицо гетмана ошмянский староста Адам Сакович. Он сообщил, что на съезде в Варшаве будут обсуждать, «на чем сеиму быть и докончание учинить» с русскими «полномочными послы». Он заверял, что и он, и гетман будут стремиться «к вечному миру и утвержению по Виленскому договору от царской высокой руки быти неотступным»²⁷³. Получалось, что польско-литовская сторона готова выполнять условия Виленского договора, а кандидатура царя имеет шансы на успех.

В начале февраля А.Л. Ордин-Нащокин получил от царя полномочия для обсуждения с гетманом вопросов, поднятых во время пребывания Я. Лосовского в Москве. Однако сообщение об этом застало В. Госевского уже на дороге в Варшаву и встреча двух политиков не состоялась²⁷⁴. Извещая о своем отъезде, гетман одновременно предложил: «изволь кого от своих верных послать, что мне о всем ведомо учинил». Ордин-Нащокин воспользовался этим и послал к гетману своего сына Воина, чтобы узнать на месте о решениях Варшавского съезда. Он повез В. Госевскому царскую грамоту, удостоверявшую полномочия отца²⁷⁵.

Когда Воин вернулся к отцу 10 апреля, он привез сведения, которые не могли не вызвать тревогу. Он сообщил, что собравшиеся в Варшаве сенаторы «преж с шведом укрепленье хотят тайно учинить», а на сейме русским послам предъявят такие «запросы», что «миру не сбысться», а в будущей войне хотят «в помощь... к себе принять татар и казаков»²⁷⁶. Правда, вернувшийся во второй половине апреля в Жемайтию В. Госевский заверял А.Л. Ордина-Нащокина, что «у них тайно мир со шведом не будет»²⁷⁷, но можно ли было полагаться на его слова?

272 Гонец гетмана Суходольский посетил А.Л. Ордина-Нащокина 12 января 1658 г. (Там же. Л. 1).

273 АМГ. Т. 2. № 1009. С. 598–599.

274 См.: письмо В. Госевского А.Л. Ордину-Нащокину от 14 февраля н. ст. // РГАДА. Ф 79. 1658 г. № 2. Л. 29–30.

275 См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 279. Л. 168.

276 См. пересказ сообщений Воина в отписке отца (получена в Москве 28 апреля): АМГ. Т. 2. № 1022. С. 605.

277 См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина, полученную в Москве 11 мая:

Сообщения Воина в главном находили подтверждения в отписках виленского воеводы кн. М. Шаховского, который спрашивал ездивших на съезд посланцев литовской шляхты и людей, посылавшихся им в Речь Посполитую для сбора «вестей». Они кое в чем существенно дополняли сообщения Воина. Так, уже в конце марта виленский воевода мог сообщить, что для ведения мирных переговоров со шведами назначены познанский воевода Ян Лещинский и подканцлер литовский Александр Нарушевич. Одновременно выяснилось и конкретное содержание «запросов», которые могут ожидать русских представителей на переговорах о мире: «Будет ты, государь, — писал кн. М. Шаховской царю, — поступиши всеи земли Литовския..., и тебе, де, великому государю, быть королем полским». Сообщал виленский воевода и о том, что сотрудничавший со шведами Богуслав Радзивилл получил прощение на том условии, чтобы «ему прусаков проводить и доставать с ними тех литовских городов», которые заняты русскими войсками²⁷⁸. 21 апреля в Вильно приехал майор Яков Мейн, который также был в Варшаве и подтвердил сообщения Воина²⁷⁹.

В свете всех этих свидетельств становилось ясно, что, если мирные переговоры с представителями Польско-Литовского государства и состоятся, то мало оснований рассчитывать на их благоприятный исход и следует готовиться к войне.

К началу мая у царя и его советников сложился определенный план действий на этот случай. 3 мая царь дал указания направляемому на Украину В.Б. Шереметеву составить «реестр» прежде всего на территории тех полков, которые «к польским и литовским городам и к Слуцку близки». Сделать это необходимо для того, чтобы казацкие полки с этих территорий подошли в район Слуцка, когда туда придет из Белгорода кн. Г.Г. Ромодановский «с ратными людьми». Здесь им следовало ожидать, когда закончатся переговоры под Вильно и «взочнут войну»²⁸⁰. Это свидетельство ясно показывает, что на благоприятный исход мирных переговоров в Москве не очень рассчитывали и на случай войны стремились создать на территории Белоруссии мощную военную группировку, которая была бы в состоянии

Там же. № 1023. С. 606.

278 См. отписку М. Шаховского: Акты исторические. Т. 4. № 114. С. 259.

279 ДАИ. Т. 4. № 50. С. 138.

280 АЮЗР. Т. 4. Л. 111.

нанести решительное поражение войскам противника. Вместе с тем оно косвенно, но убедительно показывает, как оценивали в Москве некоторые важные элементы международной обстановки весной 1658 г. Здесь были убеждены, что Войско Запорожское выступит в войне с Речью Посполитой на русской стороне, а крымские татары, занятые войной в Трансильвании, не смогут помочь Польско-Литовскому государству. Только при такой оценке положения можно было принять решение снять войска с Белгородской черты и перебросить их в Белоруссию.

Происходившие перемены налагали свой отпечаток на положение дел на ливонском фронте. В первые месяцы 1658 г. А.Л. Ордин-Нащокин, не ориентируясь в переменах, происходивших в русской внешней политике, продолжал убеждать царя в необходимости похода на Ригу. При этом он рассчитывал на сотрудничество против шведов с литовскими войсками в Ливонии.

В январе 1658 г. он убеждал царя скорее прислать в Ливонию войска, чтобы до отъезда В. Госевского в Варшаву «договор учинить с обеих сторон к промыслу над неприятелем»²⁸¹. Одновременно он доказывал реальность своих планов относительно Риги. В письме, написанном в начале февраля, он убеждал: «А вперед к сговору с рижаны промысл чинить мне есть кем», но рижане не согласятся перейти под власть царя, пока к Риге не подойдут русские войска²⁸². К этой теме воевода Царевичева Дмитриева вернулся в новом письме, написанном через несколько дней. Он убеждал царя, что шведы не в состоянии оказать помощь Риге. Магнус Делгарди «ратных людей из Лифлянт к себе собрать не может болши дву тысяч; многие... лифлянтские люди к Магнусу не идут»²⁸³. В конце февраля 1658 г. он снова убеждал царя в реальности своих планов относительно Риги. «Да из Риги мне, — писал он, — от многих людей ведомо и мещане рижские тайно приказывают, хотят к подданству приступить» и время для похода самое благоприятное, пока море замерзло «и с моря кораблям пристани нет»²⁸⁴. А.Л. Ордин-Нащокин резко порицал воевод Пскова и Полоцка, которые не только не ведут действий против шведов, но и не прислали в Царевичев Дмитриев «хлеб-

281 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 2. Л. 2.

282 АМГ. Т. II. № 1009. С. 598.

283 Там же. № 1010. С. 599.

284 Там же. № 1014. С. 601.

ных и полковых запасов». «Такими, государь, удержании, — писал он царю, — во весь год из Пскова и с Полоцка Рига отведена от твоей, великого государя, высокой руки»²⁸⁵.

Обвинения эти были несправедливы. Воеводы выполняли приказания царя. В частности, воевода Пскова кн. И.А. Хованский следовал указаниям, полученным им в январе, когда ему предписывалось развернуть военные действия совсем в ином районе — на побережье Финского залива. Военачальники отнюдь не бездействовали. 20 января началась осада Копорья, 21 января был занят город Ям (без замка), а 7 февраля предпринят штурм крепости. В начале марта отряд Ф. Лодыженского штурмовал Ниеншанц, а армия И.А. Хованского начала осаду Нарвы²⁸⁶. Действия шведов ограничились нападением на осаждавший крепость в Яме отряд В.А. Солнцева²⁸⁷. Объяснялось это отсутствием в Ливонии крупных военных сил, которые нужны были Карлу-Густаву на других фронтах²⁸⁸. Неслучайно сначала М. Делагарди, а затем новый наместник Ливонии Густав Горн в феврале–марте неоднократно предлагали заключить соглашение о прекращении военных действий. Положение в осажденной Нарве было тяжелым, в городе начался голод, горожане были готовы сдать²⁸⁹. Хотя положение на театре военных действий складывалось удачно для русской стороны, И.А. Хованский жаловался, что ему не присылают обещанных подкреплений²⁹⁰. В Москве явно склонялись к тому, чтобы скорее закончить военную кампанию и начать мирные переговоры со Швецией. Мир с этим государством становился настоящей необходимостью, по мере того как все яснее обрисовывалась перспектива надвигающегося конфликта с Речью Посполитой.

В апреле 1658 г. был сделан решительный шаг на пути к организации мирных переговоров со Швецией. Толчком стал при-

285 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 279. Л. 175.

286 *Гадзяцкий С.С.* Борьба... С. 47–48, 50.

287 Там же. С. 49.

288 Уже после окончания военных действий, как узнал И.А. Хованский, от короля пришло распоряжение все войска, находившиеся в Нарве, Таллине и других крепостях, отправить «за море к нему на помощь» (РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 165. Л. 244).

289 См. показания выехавшего из Нарвы польского капрала Яна Гансевского: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 165. Л. 242–243.

290 Там же. Л. 210.

езд в Москву королевского гонца Конрада фон Барнера с новыми, уже конкретными предложениями Карла Густава о проведении мирных переговоров «на границе в Ливонской земле, не доехав Ругодива за 5 верст». Вместе с тем Карл Густав сообщал, что отправил М. Делагарди в Пруссию вести мирные переговоры с Речью Посполитой и указывал, что если царь не согласится начать мирные переговоры, то он «поневоле велит граф Магнусу с поляки о миру договор чинить»²⁹¹. Перспектива надвигавшегося конфликта с Речью Посполитой заставляла отнестись к этим высказываниям шведского короля с самым серьезным вниманием.

Характерно, что еще только узнав о приезде Конрада фон Барнера в Новгород и еще не имея представления о том, какие предложения он с собой везет, царь нашел нужным сделать еще один любезный жест по адресу шведских послов. 11 апреля, на Пасху, им было послано угощение с царского стола²⁹². Это показывает степень заинтересованности русской стороны в налаживании мирного диалога со Швецией. 18 апреля Алмаз Иванов начал переговоры со шведскими послами о месте и времени проведения мирных переговоров²⁹³, но еще до этого И.А. Хованскому был послан приказ заключить со шведскими военачальниками соглашение о прекращении военных действий. 21 апреля под Нарвой И.А. Хованский получил царскую грамоту, 22 апреля соответствующее соглашение было заключено, 24 апреля русские войска двинулись от стен Нарвы ко Пскову²⁹⁴.

Переговоры в Москве не заняли много времени. На встрече со шведскими послами советников царя во главе с Н.И. Одоевским и П.В. Шереметевым было объявлено, что царь принимает предложение о созыве съезда в 5 верстах от Нарвы. Была достигнута договоренность о начале переговоров 12 июня²⁹⁵. Таким образом, русские политики стремились к тому, чтобы мирные переговоры и с Речью Посполитой и со Швецией состоялись одновременно в начале лета 1658 г.

291 См. изложение предложений Карла Густава в «речи» шведских послов: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 96–100.

292 *Форстен Г.В.* Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. № 2. С. 269. О дате см.: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 66.

293 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 89 и сл.

294 См. отписку И.А. Хованского: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 165. Л. 231–235.

295 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 196 и сл.

На встрече 26 апреля шведские послы попытались выяснить, даст ли царь своим послам полномочия «договор чинить о соединении на польского короля». В случае утвердительного ответа, — поясняли они, — Карл Густав направит свои войска, уходящие из Дании, в Померанию и Пруссию²⁹⁶. Этот вопрос очень интересен, так как проливает определенный свет на планы, обсуждавшиеся в шведских правящих кругах после победы над Данией и ее выхода из состава антишведской коалиции. Один из таких планов, по-видимому, предусматривал продолжение войны против Речи Посполитой в союзе с Россией.

Ответ советников царя был осторожным: послы получают «указ» говорить о таком «соединении» после того, как между Россией и Швецией будет заключен мирный договор²⁹⁷. Осторожность этого ответа вполне понятна, так как на вопросы о возможных условиях мира послы ответили, что ничего об этом не знают, так как соответствующие инструкции получают лишь по прибытии на место переговоров²⁹⁸. При отъезде из Москвы шведские послы были пожалованы соболями стоимостью в 1000 рублей²⁹⁹. Это ясно показывает заинтересованность царя в успешном завершении переговоров, но не зная шведских условий в Москве не могли быть уверены, что удастся добиться такого результата.

В отношении Речи Посполитой ситуация выглядела более ясной. В Москве были готовы к разным вариантам развития событий, но какой из них придется предпочесть, зависело от результата намеченных на начало лета 1658 г. мирных переговоров.

296 Там же. Л. 144–145.

297 Там же. Л. 146.

298 Там же. Л. 101–105.

299 Форстен Г.В. Сношения... С. 270.

ДВОЙНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

В Москве так торопились начать переговоры с Речью Посполитой, что наказ посольству, которое должно было отправиться под Вильно на переговоры с польско-литовскими комиссарами, был составлен уже к 10 мая 1658 г., когда здесь еще не имели ответа на свои предложения о созыве съезда¹. На съезд должны были отправиться «великие» послы, среди которых главную роль должны были играть, как и ранее, кн. Н.И. Одоевский и глава Посольского приказа думный дьяк Алмаз Иванов. Подготовленный для послов наказ не включал в себя почти ничего нового по главному вопросу — об условиях, на которых могло бы состояться заключение мира. Не случайно в нем указывалось, что следует руководствоваться наказом, подготовленным для переговоров 1656 г. Крайний предел уступок, на которые могли пойти русские представители, это — возвращение Речи Посполитой земель Великого княжества Литовского к западу от реки Березины с тем, чтобы «Малая» и «Белая» России вошли бы в состав Русского государства². Единственным существенным дополнением к этой части наказа было указание, что граница между «Малой Россией» и Речью Посполитой должна быть установлена в соответствии с пожеланиями гетмана и Войска Запорожского («по которые места гетман и все Войско Запорожское отпишут»)³.

1 Текст наказа см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 94.

2 Там же. Л. 45об.–46. В наказе специально разъяснялось, что получить «уряды» в Витебском, Полоцком и Мстиславском воеводствах и сохранить свои владения смогут лишь те магнаты и шляхта, которые «переедут на царского величества имя» (Там же. Л. 68–69об.).

3 Там же. Л. 49–49об.

Важные дополнения касались прежде всего двух вопросов — мирных переговоров со Швецией и порядка ведения переговоров. В ответ на возможные упреки комиссаров, что царь отказался по приглашению короля выслать своих представителей на мирные переговоры со шведами, следовало отвечать, что король пригласил представителей царя, «уже згоду начав делати», поэтому царь не нашел нужным отправлять послов, «была б им напрасная волокита и убытки, а дело уж и без них совершено»⁴. Эта часть наказа явно свидетельствует о том, что в Москве твердо решили добиваться именно сепаратного мирного соглашения со Швецией независимо от Речи Посполитой.

Согласно наказу послы должны были прибыть в Вильно 22–23 июня⁵. Польско-литовских комиссаров следовало ждать в Вильно только месяц — до 22 июля. Если комиссары «учнут писать, чтоб съехатца в августе или в сентябре», то такое предложение следует отклонить. Если комиссары прибудут вовремя, «великим» послам рекомендовалось два возможных варианта действий. Если удастся достичь договоренности и лишь «за немногими статьями не сойдется», можно было бы продлить переговоры до 30 июля, «а болши того не продолжать». Если же с польско-литовской стороны «сходства никакого не будет», то следует переговоры разорвать «и к бояром и к воеводом отписать, чтоб они... промышляли, как у них о том в наказе написано»⁶. Одновременно с послами под Вильно и на сопредельные территории должна была выдвинуться армия во главе с лучшим из русских полководцев — кн. Ю.А. Долгоруким. Наказ предписывал послам выделить «служилым людям» из его армии «приставства» на территории Виленского и Троцкого воеводств и Ковенского и Ошмянского поветов, «чтоб ратным людям нужи никакие в кормех не было»⁷.

Наказ четко рисует отношение русского правительства к Речи Посполитой. Мирные переговоры должны были быть проведены в сжатые сроки, до конца июля 1658 г. Если бы польско-литовская сторона не согласилась заключить договор на условиях, которые предлагались осенью 1656 г. под Вильно, следовало

4 Там же. Л. 60 об–63.

5 Там же. Л. 78 об.

6 Там же. Л. 79–81.

7 Там же. Л. 78 об–79.

переговоры прервать и начать военные действия. Шаги по подготовке военных сил к кампании, которая должна была начаться не позднее августа 1658 г., начали предпринимать еще до завершения работы над текстом посольского наказа.

Одновременно велась работа по подготовке документов для ведения мирных переговоров со Швецией. Договоренность о проведении таких переговоров была достигнута 21 мая со все еще находившимися в Москве шведскими великими послами, получившими у Карла Густава все необходимые полномочия для заключения такого соглашения. С 21 мая должны были прекратиться все военные действия, а не позднее 12 июня должны были начаться мирные переговоры «у реки Наровы или Плюсы»⁸. Русскую делегацию возглавил боярин кн. И.С. Прозоровский. Но главную роль на переговорах должен был сыграть А.Л. Ордин-Нащокин, которому 27 апреля 1658 г. был пожалован чин думного дворянина⁹. 7 мая датированы верительная грамота для послов¹⁰ и текст посольского наказа. В тексте наказа были сформулированы условия, которые следовало предложить шведским послам. Условия эти предусматривали возвращение России русских земель (Яма, Ивангорода, Копорья, Карелы), захваченных шведами в годы Смуты, а также признание русских прав на земли Польско-Литовского государства, занятые русскими войсками («за великим государем нашим»)¹¹. Кроме того, в возмещение убытков, которые понес царь, ведя войну, начавшуюся по вине шведской стороны, Алексею Михайловичу следовало уступить Ригу, Таллин, Нарву¹².

Вряд ли в Москве надеялись на то, что Карл Густав согласится на такие условия мира. В наказе были изложены так называемые «запросы» — максимальные требования, которые следовало выдвигать в начале мирных переговоров. Те условия мира,

8 Текст соглашения см.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 228. С. 451–454.

9 Грамоту от 27 апреля 1658 г. о пожаловании чина и включении А.Л. Ордина-Нащокина в состав русских представителей на переговорах со шведами см.: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 3. Л. 8–9. Грамоту о самом пожаловании чина от 28 апреля см.: АИ. Т. 4. СПб., 1842. № 118.

10 Там же. Л. 45–50.

11 Там же. Л. 57 и сл.

12 Там же. Л. 105. Ср.: Кобзарева Е.И. Борьба... С. 205.

которых реально следовало добиваться, были изложены в «тайном наказе», работа над которым была закончена 25 июня¹³, уже после того, как члены посольства (кн. И.С. Прозоровский, дьяки Герасим Дохтуров и Ефим Юрьев) выехали 9 июня из Москвы, направляясь к месту переговоров¹⁴.

К сожалению, этот важный документ сохранился лишь во фрагментах и в версии, посланной А.Л. Ордину-Нащокину, включавшей в себя поручения, которые ему давал царь втайне от других членов посольства¹⁵. В этом документе предписывалось «выговорить» на переговорах для русских право устроить «в Канцах и под Ругодивом корабельные пристани для проезде». Таким образом, предпринималась попытка добиться доступа к балтийской морской торговле на побережье Финского залива. Овладеть соответствующими территориями (Нарвой, Ниеншанцем) русские войска пытались зимой-весной 1658 г. Теперь следовало этого добиваться средствами дипломатии. Так как и Канцы, и Ругодив (Нарва) должны были оставаться под шведской властью, очевидно, речь шла об обязательстве шведской стороны устроить в этих местах пристани, где русские купцы могли бы встречаться с европейскими и заключать с ними сделки.

Одновременно следовало добиваться того, чтобы по мирному договору в состав России вошли Карела, г. Орешек в устье Невы и Куконос (Царевичев Дмитриев). Возвращение Карелы и Орешка было вопросом престижа — речь шла о возвращении части русских земель, захваченных в годы Смуты. Обладание Куконосом позволяло контролировать речной путь по Западной Двине в Ригу, по которому шли разнообразные товары из Великого княжества Литовского на западный рынок. Чтобы убедить шведских комиссаров принять предложенные условия, А.Л. Ордин-Нащокин должен был тайно предложить кому-либо из них взятку «ефимками или соболми» на 20 тыс. руб.¹⁶. Появление такого поручения ясно говорит о заинтересованности

13 О времени составления наказа см.: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 5. Л. 14–15.

14 О дате отъезда см.: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 3. Л. 223–224.

15 Указание, что документ написан «в селе Покровском в наших царских хоромах», показывает, что сам Алексей Михайлович принимал участие в его составлении (Там же. 1658 г. № 5. Л. 20).

16 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 5. Л. 18–20.

царя в успешном завершении мирных переговоров. Об этом же говорит готовность русского правительства уступить Швеции в обмен на Карелу, Орешек и Царевичев Дмитриев те ливонские территории, а в их числе такой крупный центр, как Юрьев Ливонский (Тарту), которые были заняты русскими войсками в 1656–1658 гг.

Русский план действий только сложился и начал осуществляться, как на пути к его осуществлению стали возникать трудности: Швеция и Польшо-Литовское государство не хотели вести себя так, как желало русское правительство.

В Москве рассчитывали быстро провести и тем или иным образом завершить мирные переговоры к августу 1658 г. Где-то в самом конце мая в Москву вернулся И. Телепнев с ответом Яна Казимира на русские предложения о созыве съезда под Вильно¹⁷. Король дал согласие на организацию съезда, но не согласился прислать своих представителей к указанному в грамоте царя сроку, так как сейм начнет работу лишь 24 июня, а только по его окончании комиссары Речи Посполитой смогут получить все необходимые полномочия для заключения соглашения с русскими послами¹⁸. Так стало ясно, что мирные переговоры под Вильно не смогут состояться в желательный для русского правительства срок. Впрочем, это в тот момент не было столь важно для царя и его советников. Отсутствие комиссаров под Вильно могло стать хорошим предлогом для разрыва отношений и начала военных действий. В конце мая продолжали предприниматься шаги для реализации намеченного ранее плана. 23 мая из Москвы был послан приказ Г.Г. Ромодановскому известить о своем скором прибытии гродненского воеводу Б. Апрелева, чтобы тот успел своевременно собрать корм для войска. Первые отряды его армии должны были прибыть в Гродно 30 июня, главные силы — 15 июля¹⁹. Таким образом, к 22 июля — сроку, дальше которого великие послы не могли вести переговоры с комиссарами Речи Посполитой, на западной границе должна была стоять помимо войск Ю.А. Долгорукого вторая, готовая к ведению войны армия, усиленная войсками, подошедшими с юга.

17 Еще 13 мая он находился на литовской территории (РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 3. Л. 30).

18 Там же. Л. 20–21.

19 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 12–18.

Другое затруднение было гораздо более досадным. В Москве исходили из того, что мирный договор со Швецией будет заключен еще до окончания переговоров с комиссарами Речи Посполитой²⁰. Однако, как увидим далее, русские послы лишь в августе начали переговоры со шведами о месте проведения посольского съезда. Однако главным, что объективно поставило под сомнение все задуманные в Москве планы, стал поворот руководства Войска Запорожского к сближению с Речью Посполитой.

Причины такого поворота достаточно выяснены усилиями М.С. Грушевского и других исследователей. Как показано в предшествующем разделе работы, с началом глубокого внутреннего кризиса в украинском обществе гетман Выговский и казацкая верхушка, на которую он опирался, пытались найти выход из кризиса, укрепить свои позиции в украинском обществе, опираясь на поддержку русского правительства. Ради этой цели гетман и полковники готовы были пойти на существенные уступки, допустив значительное расширение вмешательства верховной власти царя в украинские дела. При этом от царя ожидали суровых и решительных мер, направленных против бунтовщиков, вплоть до использования вооруженной силы.

С самого начала кризиса царь встал на сторону Выговского и его сторонников. Он торжественно подтвердил гетманские полномочия Выговского, а от его противников неоднократно требовал подчиниться законному гетману. Однако этим все и ограничилось. Царь скорее увещевал, а не угрожал, и поэтому его заявления не оказывали соответствующего действия на бунтовщиков, а от противной стороны — казацких властей он добивался обязательства простить противникам все предпринятые ими в прошлом действия, если они подчинятся гетману. Объективно такая политика была бесперспективной, так как не учитывала глубокую остроту противоречий в украинском обществе. Два обстоятельства побуждали царя и его советников придерживаться такой политической линии. Одно из них неоднократно отмечалось в научной литературе. Выступая в качестве посредника и верховного арбитра в разразившемся конфликте,

20 В посольском наказе предписывалось объявить об отказе царя участвовать в мирных переговорах Швеции с ее противниками, «как от государевых послов будет весть, что на съезде с свейскими послы договор учинят» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 94. Л. 64об.).

царь рассчитывал поставить обе стороны в определенную зависимость от себя, что способствовало бы усилению его власти и влияния на Украине. Однако имело значение и другое обстоятельство. В Москве добивались примирения сторон для того, чтобы Войско Запорожское, не растратившее силы во внутренних смутах, могло обратить их на войну с Речью Посполитой.

Позиция, занятая русским правительством, не могла удовлетворить казацкую верхушку. Идя на важные уступки верховной власти, соглашаясь на участие представителей царя в составлении реестра и переписи доходов, она не получила взамен надежных гарантий своей безопасности, закрепления своей руководящей роли в украинском обществе. Положение дополнительно осложняли постоянные заявления противников Выговского, что они предпринимают свои действия с одобрения и при поддержке царя, ссылаясь на некие присланные из Москвы «грамоты». В таких условиях Выговский стал настойчиво выдвигать требования не принимать послов его противников — Пушкаря и запорожцев и, напротив, подвергнуть их, как бунтовщиков, суровому наказанию. Такое наказание было бы для Выговского и его сторонников ощутимым свидетельством того, что в развернувшемся конфликте царь стоит на их стороне. Однако, следуя своей линии на «примирение» сторон, царь постоянно отказывался это сделать. Такое поведение носителя верховной власти вело к зарождению в сознании казацкой верхушки представления, что в заявлениях сторонников Пушкаря, что их поддерживает царь, есть какой-то элемент истины.

Инструкции посольству Г. Лесницкого, отправленные с П. Бережецким²¹, отражают и рост недовольства гетмана русской политикой на Украине, и его поиски объяснения происходящего, и попытки окончательно выяснить ситуацию. В этом документе встречаются прямые жалобы на воевод пограничных городов (Белгорода и других), которые, по его сведениям, побуждали Пушкаря действовать и обещали ему помощь. Выговский добивался, чтобы они были наказаны за это. Характерно, что Выговский добивался и того, чтобы его послы могли вести переговоры непосредственно с царем, чтобы выяснилась недостоверность фальшивых сообщений и слухов о его намерениях. Еще сильнее, чем ранее, гетман настаивал на том, чтобы царь не

21 АЮЗР. Т. 7. СПб., 1872. С. 215–217.

принимал посланцев его противников и подвергал их наказаниям, конкретно речь шла о суровом наказании посла от Пушкаря — Ивана Искры, которого гетман считал одним из главных бунтовщиков. Этому требованию он придавал столь большое значение, что снова повторил его в письме к Г. Лесницкому²².

Однако личные переговоры послов с царем не состоялись, на просьбу о наказании воевод царь не ответил, подвергнуть наказанию Искру он не пожелал, «хотя междоусобие успокоить и привести на то без крове», как было сказано Г. Лесницкому²³. Неудивительно, что, как увидим далее, результаты переговоров вызвали раздражение Выговского и определили его решение искать внешней поддержки в другом месте.

Первым шагом в этом направлении было соглашение с Крымом, которое было окончательно оформлено, когда выяснилась безрезультатность (с точки зрения гетмана) миссии Б.М. Хитрово. Возможно, первоначально, заключая такое соглашение, Выговский руководствовался теми соображениями, которыми он объяснял необходимость его заключения русским политикам, но он явно лукавил, утверждая, что по соглашению татары обязывались не вести войны с Россией. После вхождения Войска Запорожского в состав Русского государства Крым считал Россию главным противником, угрожающим самому существованию ханства, и последовательно поддерживал Речь Посполитую, видя в ней союзника в борьбе с Россией. Таким образом, соглашение с Крымом неизбежно вовлекало Войско Запорожское в орбиту польской политики²⁴. Дополнительным толчком послужили все более четко обозначившиеся попытки русского правительства ограничить автономию гетманства. Отсюда появление расчетов на то, что эту автономию удастся сохранить, вступив в соглашение с разоренным, ослабленным многолетней войной Польско-Литовским государством. В этом плане характерно свидетельство, записанное со слов участника начавшихся украино-польских переговоров каштеляна смоленского К. Евлашевского, что казаки требуют, чтобы на территории гетманства «всяким высоким урядникам

22 АЮЗР. Т. 7. С. 219.

23 Там же. С. 214–215.

24 См. об этом подробнее: *Горобець В.М.* Еліта козацької України в пошуках політичної легітимації: стосунки з Москвою та Варшавою. Київ, 2001. С. 187–188.

быть у них из них из черкас»²⁵. В этом нельзя не видеть реакцию на планы посылки воевод в украинские города.

Уже М.С. Грушевский, анализируя разнообразные источники, пришел к выводу, что до марта 1658 г. гетман Выговский (и власти гетманства в целом) не предпринимали каких-либо серьезных шагов по пути сближения с Польско-Литовским государством²⁶. К аналогичным заключениям пришли и современные исследователи²⁷. В пользу этой точки зрения можно привести некоторые дополнительные данные. Так, еще 11 марта 1658 г. Ян Казимир жаловался на нападения казаков на земли Короны и Литвы, на то, что, несмотря на заключение перемирия, они разоряют Пинский повет. Король заявлял, что литовское войско будет вынуждено дать отпор, и просил, чтобы царь заставил казаков соблюдать мир и уйти с этой территории²⁸.

Для понимания общей ситуации, в которой начались первые польско-украинские переговоры, важно отметить, что возвращение Войска Запорожского в состав Польско-Литовского государства в первые месяцы 1658 г. рассматривалось как одна из главных задач его внешней политики. В Запорожском Войске видели важного союзника в случае начала войны с Россией. Путь к этому в планах и королевского двора, и ведущих представителей политической элиты шел через заключение соглашения с Войском Запорожским. На заседаниях конвокации сенаторов в Варшаве в феврале-марте 1658 г. большинство ее участников высказалось за поиски соглашения с казаками²⁹. В таких условиях предпринятые украинскими политиками поиски контактов должны были встретиться с самой живой реакцией польско-литовской стороны.

Серьезные переговоры о соглашении, которое определяло бы условия возвращения Войска Запорожского в состав Речи Посполитой, начались с приездом в марте 1658 г. на западную границу гетманства полномочного представителя гетмана, переяславского полковника Павла Тетери. К сожалению, глав-

25 ДАИ. Т. 4. СПб., 1851. № 50. С. 135.

26 Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 286.

27 Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 237–240, 249–254; Горобець В.М. Еліта... С. 182–184, 188.

28 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 11. Л. 82–85.

29 *Dąbrowski J.* Polsko-moskiewskie rokowania pokojowe w 1658 roku // *Rzeczpospolita w latach Potopu.* Kielce, 1996. S. 92–93.

ным (едва ли не единственным) источником по истории переговоров служат донесения и другие письма контрагента Тетери — Станислава Казимира Беневского, каштеляна волынского. Официальной целью миссии П. Тетери было урегулирование пограничных конфликтов, но в действительности речь пошла о гораздо более важных вещах. О том, что обсуждалось на первом этапе переговоров, дает понятие донесение С.К. Беневского, относящееся, по-видимому, к марту 1658 г.³⁰ Судя по содержанию письма, на переговорах обсуждался, прежде всего, план совместных действий против России. План этот, исходивший, по словам Беневского, от украинской стороны, предусматривал скорое заключение мира между Речью Посполитой и Швецией, хотя бы с ущербом для первой, обеспечение сотрудничества с ханом, который должен был выслать войска в поле, не дожидаясь выступления союзников, наконец, Речь Посполитая должна была вывести в поле значительные военные силы, в связи с этим Беневский просил короля уже теперь разослать универсалы о созые посполитого рушения.

Из письма также видно, что Тетери приложил немалые усилия, чтобы побудить польско-литовских политиков к войне с Россией. Он не только рассказал о тех планах войны с Польско-Литовским государством, о которых сообщал участникам рады в Переяславе Б.М. Хитрово, но и добавил к этому явно не соответствующие истине утверждения, что царь стремится заключить не только мир, но и союз со Швецией, чтобы разделить между союзниками Речь Посполитую так, чтобы разграничительная линия проходила по Висле.

Все это создает впечатление очень далеко зашедшего польско-украинского политического сближения, направленного против России. Однако следует отметить, что эти предложения и высказывания исходили от Павла Тетери, главы пропольского течения в рядах казацкой верхушки, готового, как отмечал в свое время М.С. Грушевский, идти по пути сближения с Польшей подчас гораздо дальше, чем того хотели бы другие полковники и гетман Выговский³¹. В письме обращает на себя

30 Оpubл.: *Kubala L. Wojny duńskie i pokój Oliwski. 1657–1660. Lwów, 1922. Dodatek, № 14. S. 538–540.*

31 *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 324–325. О роли Тетери, как представителя пропольской ориентации, в 1657–1658 гг. см.: Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 121–123.*

внимание, что, ручаясь за «верность» Тетери, Беневский не решился высказать ту же уверенность относительно гетмана. Не ручался за то, что гетман будет следовать предложенному плану, и сам Тетеря.

В апреле предполагался созыв «комиссии» в Дубно на Волини. Помимо приведенных выше свидетельств русских источников об этом говорит и текст письма С.К. Беневского П. Сапеге³². Король даже приказал идти туда не только коронному, но и литовскому войску³³. Однако это вызвало резкие возражения с украинской стороны и до созыва «комиссии» в Дубно дело не дошло³⁴. Никаких крупных военных сил на границе с гетманством не было сконцентрировано. Е. Любомирский с неудовольствием писал С.К. Беневскому 16 мая н. ст., что двор решил направить все войска отвоевывать у шведов крепости в Пруссии, а на Украине остается только легкая кавалерия без пушек, которая не сможет сражаться с «огнистым» русским войском³⁵. Возможно, отказ от предложенного в марте плана действий был связан с тем, что украинская сторона при последующих контактах не проявила желаний вести войну с Россией. В том же письме Е. Любомирского читаем, что представители украинской стороны предлагают Речи Посполитой заключить мир и со Швецией, и с Россией³⁶. В этой связи следует отметить, что в первой редакции польско-украинского соглашения, составленной в Гадяче в сентябре 1658 г., предусматривалось, что в случае войны между Россией и Речью Посполитой Войско Запорожское в ней участвовать не будет³⁷.

Еще в середине мая великому гетману литовскому П. Сапеге было неясно, привели ли переговоры с Выговским к какому-либо определенному результату. Лишь 20 мая из военного лагеря под

32 Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденной при киевском, военном, подольском и волынском генерал-губернаторе (далее — ПКК). Т. III. Киев, 1859. № LIV. S. 237–238.

33 См. об этом в письме С. Потоцкого С.К. Беневскому от 7 апреля (ПКК. Т. III. С. 232).

34 См. подробнее об этом: *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1.* С. 310.

35 ПКК. Т. III. № LX. S. 258.

36 Там же. С. 257.

37 См.: *Яковлева Т.Г. Гетьманщина... С. 310, 433, 440–441.*

Полтавой Иван Выговский написал Беневскому, что старшина выражает готовность подчиниться своему «природному пану», что он дал Тетере все полномочия для заключения соглашения и что никакие возможные обещания с русской стороны не приведут к изменению его позиции³⁸. Тогда же грек Феодосий Томкевич, выполнявший важные дипломатические поручения гетмана, был направлен к Карлу Густаву предложить ему заключить мир с Речью Посполитой и заявить, что в противном случае Войско Запорожское примет участие в войне на польско-литовской стороне³⁹. С этого момента все русские планы, связанные с участием Войска Запорожского в войне с Речью Посполитой, стали нереальными.

Письма Беневского содержат объяснение, почему продолжавшиеся столь долго важные переговоры остались фактически неизвестными русскому правительству. Переговоры протекали в обстановке большой секретности, когда сведениями о них на обеих сторонах располагал лишь узкий круг политиков. Для сохранения секретности были две важные причины. Одна из них была связана со стремлением скрыть факт ведения таких переговоров от русского правительства, чтобы оно не могло помешать заключению соглашения⁴⁰. Другая состояла в том, что момент был неподходящим, чтобы объявлять о намерениях казацкой верхушки вернуться в состав Речи Посполитой. Хотя гетман Выговский и поддерживавшая его старшина сильно нуждались во внешней поддержке для борьбы с противниками, они не могли использовать для этого польские войска. В апреле 1658 г. Выговский объяснял С.К. Беневскому, что не следует посылать войска к реке Горыни, являвшейся одной из разграничительных линий между Войском Запорожским и Речью Посполитой, так как это обязательно вызвало бы возмущение народа⁴¹. В той напряженной ситуации, которая сложилась на Украине весной 1658 г., сообщения о переговорах гетмана с «ляхами» могли вызвать массовый переход казачества на сторону полтавского полковника.

38 *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 313.*

39 См. об этом в письме С.К. Беневского Яну Казимиру от 7 июня н. ст.: ПКК. Т. III. № LXIII. S. 268.

40 См. об этом в «Информации», отправленной С. Беневским Яну Казимиру ок. 15 июня н. ст.: ПКК. Т. III. № LXIV. S. 270.

41 См. изложение этих соображений гетмана в письме С.К. Беневского П. Сапеге: ПКК. Т. III. № LIV. S. 238.

Хотя перемены в украинской политике были, как видим, весьма значительными, русское правительство весной — в начале лета 1658 г. о них не знало и в своих планах продолжало исходить из того, что с началом военных действий казацкие полки присоединятся к русской армии. Объяснялось это, в первую очередь, секретностью, которой были окружены польско-украинские переговоры.

Иной оказалась судьба возникшего весной 1658 г. проекта сепаратного русско-литовского соглашения. Его авторы постарались поскорее поставить в известность о его существовании русское правительство.

В политической жизни Польско-Литовского государства большое значение придавалось съезду сенаторов, собравшемуся в Варшаве в феврале — начале марта 1658 г. На нем должны были быть определены дальнейшие пути не только внутренней, но и внешней политики страны. Значение съезда сами его организаторы подчеркивали тем, что призывали к участию в его работе и выборных шляхетских послов. Особое значение придавали съезду и его решениям в Великом княжестве Литовском. Неслучайно в работе съезда приняли участие представители шляхты даже от целого ряда поветов, занятых русскими войсками⁴².

Для литовских магнатов и шляхты главным было возвращение их владений, занятых русскими войсками во время военных кампаний 1654–1655 гг. Конечно, можно было бы пытаться вернуть их силой, но это не обещало гарантированного успеха, война была бы длительной⁴³ и привела бы к полному опустошению их и без того разоренных земель. Гораздо более предпочтительным было бы получить их обратно мирным путем в обмен на избрание Алексея Михайловича будущим польским королем, преемником Яна Казимира. Если королевская пара к началу 1658 г. поставила крест на планах соглашения с Росси-

42 В конце марта 1658 г. виленский воевода кн. М. Шаховской сообщил царю: «А из поветов..., государь, из твоих государевых присяжной шляхты много в [В]аршаве на конвокации» (АИ. Т. 4. № 114. С. 259).

43 Как говорил позднее гетман В. Госевский, «нам ... долго войною выручать свои владения у великого государя» (РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 9. Л. 122–123). К. Пац также считал, что «armis nie recuperujemy Litwy» (см. его письмо К. Бжостовскому: *Kubala L. Wojny duńskie... Dodatki. ...XXXIX. S. 583*).

ей, то среди политической элиты Речи Посполитой было достаточно много людей, полагавших, что можно добиться избрания царя на польский трон на условиях польско-литовской стороны. В этом убеждает содержание брошюр, изданных сторонниками избрания царя в начале 1658 г. В одной из них говорилось о том, что избрание царя приведет к восстановлению связи между Польским королевством и Литвой и казаки вернуться к повиновению. В другой говорилось о том, что царь готов вернуть Речи Посполитой завоеванные земли, согласен на переход его сына в католицизм и готов отдать его на воспитание в Польшу⁴⁴. Подобные взгляды, по-видимому, были особенно характерны для магнатов и шляхты Великого княжества Литовского.

От съезда ожидали решений, которые обеспечили бы заключение такого соглашения. Однако эти ожидания не оправдались. Правда, было принято решение о созыве 24 июня 1658 г. сейма, на котором был бы рассмотрен вопрос об избрании Алексея Михайловича на польский трон, но у литовских политиков были серьезные основания для сомнений в том, что сейм примет по этому вопросу положительное решение. На съезде целый ряд коронных сенаторов выступали за заключение мира со Швецией и возобновление войны с Россией и воеводе познанскому и некоторым другим сенаторам было поручено подготовить инструкции для мирных переговоров с Карлом Густавом. Обращение послов Жемайтии и Троцкого воеводства с просьбой скорее заключить мир с Россией осталось без ответа. Наконец, 14 марта н. ст. на съезде было принято решение вступить в переговоры с гетманом Выговским и направить к нему представителей с проектами соглашения о возвращении Войска Запорожского под власть Речи Посполитой. Чтобы оказать Выговскому поддержку, было также решено направить к границам гетманства коронные и часть литовского войска во главе с П. Сапегой⁴⁵.

Все это было проявлением политического курса, предполагавшего в сравнительно близком будущем войну с Россией. По отношению к этому государству были приняты решения тянуть

44 *Dąbrowski J.* Polsko-moskiewskie rokowania... S. 97.

45 *Kubala L.* Wojny duńskie... S. 67–68, 433; *Dąbrowski J.* Polsko-moskiewskie rokowania... S. 92–93. Послом от занятого русскими войсками Троцкого воеводства был троцкий земский писарь М. Россохацкий, «урядник» гетмана Госевского (АМГ. Т. 2. СПб., 1894. № 1015. С. 601).

время, обещая царю его избрание на польский трон, пока не будет заключен мир со Швецией и не будет обеспечено участие в будущей войне Войска Запорожского. Вскоре по окончании конвокации стало известно о капитуляции Дании в феврале 1658 г. Шведская армия приобрела свободу действий, и можно было ожидать ее нового появления в Пруссии. В этих условиях было сомнительно, что в близком будущем удастся заключить мир со Швецией на условиях, приемлемых для Речи Посполитой. В возможность же прочного соглашения с казаками литовские политики не верили. Отсюда их резкое недовольство принятыми решениями. Сохранилось свидетельство, что на самом съезде литовские гетманы П. Сапега и В. Госевский, выступая, очевидно, от имени всех представителей Великого княжества, выразили несогласие с такой политической линией⁴⁶.

Недовольство литовских политиков сложившимся положением оказалось столь сильным, что было принято решение искать сепаратного соглашения с Русским государством. По свидетельству активного участника событий А. Саковича, литовские сенаторы, «не розъехався», направились из Варшавы в Брест, где должен был собраться сеймик с участием представителей той литовской армии, которую возглавлял П. Сапега⁴⁷. Однако решение начать переговоры с Россией гетманы приняли еще до созыва сеймика. 19 апреля н. ст. великий гетман литовский Павел Сапега предоставил своему коллеге гетману польному Винценту Госевскому полномочия для ведения переговоров о мире⁴⁸, а 23 апреля уже от имени обоих гетманов была составлена верительная грамота, уполномочивавшая от их имени старосту ошмянского Адама Саковича вести переговоры о мире с Рос-

46 Об этом говорил 13 июня ехавшим в Вильно русским великим послам «присяжной шляхтич Адам Котел». По его словам, «гетманы литовские на конвокации королю выговаривали о несодержании Виленской комиссии... и что они от маетности своих отлучены и им Виленской комиссии не отступать и великого государя его царское величество за государя себе иметь» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 54об.-55). Об этом ему сообщил брат Самойло Ярошевич Котел, «писарь скарбовый» Великого княжества Литовского (Там же. Л. 56).

47 См. запись «речей» А. Саковича перед русским гонцом Д. Остафьевым в июне 1658 г.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 63-63об.

48 Текст письма см.: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 2. Л. 43-44 (перевод).

сией⁴⁹. Инициатива гетманов получила поддержку на сеймике шляхты Брестского воеводства, который особым актом, датированным 1 мая, предоставил гетманам полномочия предпринимать все необходимые для «общественного блага» действия «с помощью переговоров или войны». Вместе с гетманами участники сеймика обязывались «стоять до последнего и их не оставить». 29 апреля аналогичное решение принял сеймик шляхты Ковенского повета⁵⁰. Правда, по словам Саковича, решения сеймика в Бресте «не подписал... бискуп», но «за то, де, взялся Сапега, что и он подпишет»⁵¹. Затем А. Сакович посетил еще один сеймик, в работе которого участвовали представители войска Госевского, очевидно, сеймик Браславского, Вилькомирского, Упитского поветов, которые также предоставили гетманам соответствующие полномочия⁵². Сеймик Жемайтии предоставил гетманам соответствующие полномочия 21 июня н. ст.⁵³, когда А. Сакович уже находился на пути в Россию.

Еще до того, как посланец отправился в дорогу, литовские политики постарались поставить в известность Москву о целях его миссии. Они воспользовались проездом через Литву возвращавшегося из Варшавы Ивана Телепнева. 11 мая при встрече в Рясне Павел Сапега просил его передать царю, что «корунные гетманы и поляки великому государю манят и нарочно срока волочат». Он сообщил, что, видя такие их действия, литовцы намерены заявить корунным, «что мы от них отделитца хотим». Сапега откровенно говорил, что заставляет магнатов и шляхту Великого княжества занять такую позицию: «мы за их проволокою безо всево, а за ними, де, маетности все и им потому не больно». От своего имени и от имени Госевского он просил, чтобы их царь «не выдал, как, де, мы отделимся, пожаловал бы нам своих ратных людей», а еще лучше, чтобы Алексей Михайлович «изволил, для славы из Москвы выступил сам»⁵⁴. Так в истории русско-литовских дипломатических контактов был впервые по-

49 Там же. 1658. № 12. Л. 103–105 (перевод).

50 Там же. № 2. Л. 66 (польский текст решения Брестского сеймика с подписями участников), 77 (текст решений сеймика шляхты Ковенского повета).

51 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 64.

52 Там же. См. также: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 2. Л. 61.

53 Там же. Л. 71 (польский текст решений).

54 Там же. № 3. Л. 28–29.

ставлен вопрос о заключении русско-литовского соглашения, по которому Великое княжество Литовское, разорвав свои отношения с Польским королевством, соединилось бы с Русским государством. Так мирным путем магнаты и шляхта могли бы вернуть свои «маетности», а царь защитил бы их от мести со стороны поляков.

В разговорах с П. Сапегой определилась и особая позиция литовских феодалов по вопросу об Украине, расходившаяся со взглядами польских политиков. «Велел бы, де, великий государь, — советовал он через Телепнева царю, — х королю отписать, чтоб казаков не принимал, которые государю изменяют для ссоры»⁵⁵. В отличие от польских магнатов и шляхты литовские политики готовы были согласиться на присоединение Украины к Русскому государству.

13 мая гонец встречался с другим литовским магнатом — жемайтйским старостой Ежи Каролем Глебовичем. Тот подтвердил, что литовцы желают отделиться от «корунных». По его словам, он так прямо и заявил королю на съезде: «буде ныне с царским величеством згоды не будет, и на нас бы, де, гневу не положил, нам, де, будет искать себе государя». Он просил царя пожаловать ему Могилевское староство и Шклов⁵⁶. 13 мая н. ст. в Кейданах гетман В. Госевский вручил Адаму Саковичу посольский наказ⁵⁷, а на следующий день еще одну верительную грамоту⁵⁸. Отправился в путь он, видимо, не сразу, так как лишь 3 июня ст. ст., переехав на русскую территорию, встретился в Царевичеве Дмитриеве с А.Л. Ординым-Нащокиным. Как сообщил сам А. Сакович, гетман приказал ему «преж видетца с ним, Афонасьем», и подробно изложить ему условия русско-литовского соглашения⁵⁹. Речь шла о том, чтобы Великое княжество Литовское перешло под власть Алексея Михайловича, «не дожидаясь соиму Коруны Полской». Сакович изложил Ордину-Нащокину

55 Там же.

56 Там же. Л. 30.

57 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 126.

58 Там же. Л. 106–107.

59 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 381–382. По вине автора книги в его статье «Русско-шведские мирные переговоры в Валиесаре и Речь Посполитая» номер и фондовая принадлежность дела, содержащего запись бесед А.Л. Ордина-Нащокина и А. Саковича, указаны неправильно.

не только условия соглашения, но и план действий, если царь примет эти условия. Предполагалось, что в этом случае гетманы должны были встретиться «меж Дисны и Икажна» с представителями царя, которые должны были вручить им утвержденный Алексеем Михайловичем текст соглашения. Затем от имени Великого княжества текст соглашения следовало предложить на сейме сенаторам и послам Польского королевства. Если коронные сенаторы «для великих своих пожитков», которые они получают от французского и шведского королей, «княжеству Литовскому и Жмоицкому откажут», то, — пояснял Сакович Ордину-Нащокину, — «от корунных на том, де, соиме впрямь Литва отлучитца»⁶⁰. Запись бесед с А. Саковичем А.Л. Ордин-Нащокин отослал в Москву⁶¹. Она содержит важные сведения о некоторых особенностях литовского проекта.

Одновременно А. Сакович попытался вступить в контакт с ехавшими в Вильно русскими «великими» послами, предлагая встретиться с ними «от Полоцка где ближе»⁶². Послы от встречи отказались, но послали в Полоцк Д. Остафьева⁶³. О целях своей миссии А. Сакович говорил гонцу примерно то же, что и Ордину-Нащокину. Он заверял, что «покаместа от него с Москвы... ведама не будет, и они, гетманы литовские, на сейм не поедут», а, наоборот, готовы встретиться с великими послами для заключения соглашения⁶⁴. В письме великим послам А. Сакович просил их не вести переговоров до его возвращения из Москвы и присылки к ним нового «указа» от царя, а пока вместе с гетманами позаботиться о сохранении мира с Великим княжеством Литовским⁶⁵.

До Москвы Сакович добрался лишь к началу июня и здесь 9 числа состоялась его беседа с советниками царя — Богданом Матвеевичем Хитрово и думным дьяком Ларионом Лопухиным. Записи бесед Саковича с ними и с Ординым-Нащокиным, а также тексты привезенных А. Саковичем документов⁶⁶ позво-

60 Там же. Л. 381, 384–385.

61 Получена там 18 июня (Там же. Л. 380).

62 См. письмо А. Саковича от 3 июня н. ст. Н.И. Одоевскому и «речи» его посланца (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 28об.–35).

63 Там же. Л. 35об. и сл.

64 См. запись «речей» А. Саковича: Там же. Л. 62об. и сл.

65 Письмо, отправленное из Полоцка 23 июня н. ст., см.: Там же. Л. 60об.–61об.

66 Таких документов два — это «тайные статьи» врученного Сакови-

ляют реконструировать литовский проект русско-литовского соглашения.

Ряд условий проекта определял положение Великого княжества Литовского под властью Алексея Михайловича. Царь должен был править Великим княжеством, основываясь на «привилеях» его предшественников — польских королей и великих князей литовских, «прав, урядов, чинов и звычаев не отменяя». Соответствующие обязательства со стороны царя должны были зафиксированы не только в тексте договора, но и в особых грамотах, которые царь должен был выдать шляхте каждого из поветов Великого княжества⁶⁷. Магнатам и шляхте должны были быть возвращены их владения. «Урядники» — лица, занимавшие «уряды» — административные должности в Великом княжестве Литовском, должны были получить в свое распоряжение прежние «замки, уряды и дозорства», в их руках должна быть сосредоточена вся полнота власти на его территории, царь, «остерегая прав», должен решать все дела по совету литовских сенаторов⁶⁸. Наконец, с территории Великого княжества должны быть выведены русские войска⁶⁹. Таким образом, согласно условиям соглашения Великое княжество Литовское оставалось бы особым государством, связанным с Россией лишь персональной унией.

Что касается отношений с Польским королевством в будущем, на этот счет в проектах соглашения было зафиксировано два условия. Во-первых, царь обязывался защищать своими войсками Великое княжество от нападения со стороны поляков⁷⁰. В Литве опасались, что в случае разрыва последует нападение татар на земли Великого княжества, и Сакович просил царя не допустить этого⁷¹. Во-вторых, царь должен был обеспечить возвращение Великому княжеству Волыни, Подляшья и Подо-

чу наказа (РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 146–155) и поданное Саковичем «письмо», в котором статьи наказа были изложены в более развернутой форме и приведен ряд дополнительных условий (Там же. Л. 158–173).

67 Там же. Л. 148, 152, 159–160.

68 Там же. Л. 148, 160–161.

69 «Залоги войск, чтоб были сведены» (Там же. Л. 160).

70 «Своими государскими войски велел их от Коруны Полские оборонить, изволил царское величество рати послать на Коруны Полскую» (Там же. Л. 149).

71 Там же. Л. 90.

лии — земель, утраченных этим государством при заключении Люблинской унии 1569 г.⁷². А. Сакович заверял советников царя, что со шляхтой Волыни и Подляшья заключены уже соответствующие соглашения («с ними договорились»)⁷³.

Определенное место занял в проекте соглашения и вопрос об Украине. Здесь предусматривалось, что Войско Запорожское будет находиться под властью царя и «в соединении» с Великим княжеством Литовским⁷⁴. Об этих планах литовцы поставили в известность гетмана Выговского, отправив к нему смоленского хорунжего Храповицкого. Копии соответствующих писем гетманов А. Сакович показывал А.Л. Ордину-Нащокину⁷⁵. Он же сообщил, что гетман В. Госевский советовал П. Сапеге, «чтоб с Украины ближился к Кейданам»⁷⁶, не выполняя, таким образом, соответствующие распоряжения короля. Таким образом, литовцы проявили готовность пожертвовать интересами польских магнатов при решении вопроса о судьбе Украины. В беседе с советниками царя Сакович говорил, что ранее запорожские казаки «ко всему посольству Великого княжства Литовского присылали ж, что они с ними случитца хотят же, а с Коруною, де, Полскою они, черкасы, соединитца отнюдь не хотят, потому что они им ни в чем не верят»⁷⁷.

Для темы данной работы особенно важно установить, решением каких внешнеполитических задач должны были заняться соединенные между собой Россия и Великое княжество Литовское. Тексты проектов соглашения дают однозначный ответ на этот вопрос. Особым пунктом в проектах соглашения предусматривалось, чтобы «в соединении» с Россией и Великим княжеством Литовским были «курфистр брандбургский и князь

72 Там же. Л. 149–150, 162–163.

73 Там же. Л. 88–89. В беседе с Д. Остафьевым на пути в Москву он даже утверждал: «А Подляшье, и Волынь, и Мазуры по самую Вислу реку все от них не отстанут» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 65).

74 Там же. Л. 89, 151, 165–166.

75 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 384.

76 Там же.

77 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 89. Еще более острые суждения были высказаны им в беседе с А.Л. Ординым-Нащокиным: «те черкасы будут нам приятели, а над поляки учнут их отступление вечно мстити» (РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 386).

курлянский»⁷⁸. Уже этот пункт показывает, что важной задачей внешней политики двух государств, объединенных под властью царя, должно было стать укрепление их позиций в бассейне Балтийского моря. Характерно, что в беседе с А.Л. Ординым-Нащокиным А. Сакович предлагал «промысл учинить ссылкой во Гданеск и отлучить бы от Короны», т. е. добиться отделения города от Польского королевства. Это вполне возможно, если царь гарантирует городу сохранение всех его привилегий и убедит курфюрста, чтобы тот «их в совет к себе принял». Ведь Польское королевство не в состоянии защитить город от шведов и обеспечить ему свободную торговлю со странами Западной Европы, а шведы никогда не согласятся дать городу такие привилегии, какие он получил некогда от польских королей⁷⁹.

Эти планы относительно Гданьска, находившегося в шведской блокаде, ясно показывают, что укрепление позиций России и Литвы в Прибалтике должно было происходить в борьбе со Швецией. Такое заключение может быть подкреплено прямыми указаниями в проектах соглашения. В них говорилось, что царь должен «Ригу доступить к Великому княжеству Литовскому», «из Риги шведа выгнать»⁸⁰. Другие условия говорят о том, что планы литовских политиков не ограничивались одной Ригой. Так, в «письме», поданном Саковичем, говорилось, что желательно дать во владение гетману Госевскому, «покаместа жив», Пярну, Вильянди и ряд других ливонских замков⁸¹. В беседе с А.Л. Ординым-Нащокиным посланец высказывал пожелание, чтобы царь «пожаловал ево, гетмана, лифлянским губернаторством»⁸². Такие пожелания можно было выдвигать

78 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 151; ср. л. 165.

79 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 386–387.

80 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 150–151, 164. В этой связи заслуживает внимания сообщение И. Телепнева, что 31 марта соратник Госевского канцлер К. Пац предлагал через него Алексею Михайловичу послать войска в Ливонию. «А то, де, я подлинно ведаю, — говорил канцлер, — как будут люди царского величества в Вифлянтех, и Рига, де, царскому величеству здастся, и как Рига будет за царским величеством, и мы, де, Коруюню Полскою и Великим княжеством Литовским великому государю... ударим челом» (Там же. № 3. Л. 28).

81 Там же. Л. 170.

82 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 390.

лишь исходя из того, что в результате совместных действий русских и литовских войск если не вся Ливония, то ее большая часть будет отобрана у шведов. Вручая советникам царя проект соглашения, А. Сакович просил на переговорах со шведами не торопиться заключать мирный договор, так как, если Россия и Литва договорятся между собой, царь сможет «отыскать Лифлянты под свою высокую государскую руку»⁸³.

Оценивая внешнеполитическую часть литовского проекта, следует отметить, что в XVII в. это был первый крупный документ, в котором отразилась антишведская ориентация литовских политиков, их стремление в борьбе со Швецией добиться выхода к Балтийскому морю. Он стал у истоков той антишведской политики, которую проводили руководящие круги Великого княжества Литовского в последующие десятилетия XVII в.

И высказывания Саковича, и текст представленных им проектов соглашения содержат ряд ясных указаний на то, какие силы в Литве в первую очередь стояли за проектом русско-литовского соглашения. Хотя Сакович представил на переговорах грамоту с полномочиями от обоих гетманов, отправил его в путь из Кейдан и дал ему «наказ», как уже отмечалось выше, гетман В. Госевский и сам посланец принадлежал к его близкому окружению. «Наказ» не содержал каких-либо просьб, которые исходили бы от Павла Сапеги, напротив, в нем предлагалось, чтобы польному гетману В. Госевскому была обещана передача «уряда» великого гетмана после смерти Павла Сапеги, обеспечена передача его владений после смерти жене и детям⁸⁴. В «письме», поданном А. Саковичем, говорилось о пожаловании Госевскому помимо ливонских замков еще города Могилева, а также каких-то земель, «хоти в государстве Московском, толко б не блиско шведов»⁸⁵. Из других литовских политиков в «наказе» говорилось только о литовском канцлере К. Паце, который действует совместно с гетманами и которого следует «обнадежить... государскою милостью»⁸⁶. В конфликтах, вспыхивавших в кругах литовской знати, К. Пац выступал как близкий союзник польного гетмана.

83 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 92.

84 Там же. № 12. Л. 153.

85 Там же. Л. 170–171.

86 Там же. Л. 152, 155.

Все это позволяет утверждать, что проект соглашения с Россией был составлен при участии, прежде всего, той части политической элиты Великого княжества Литовского, во главе которой стоял польный гетман В. Госевский. Другая группировка, во главе которой стоял первый сенатор Великого княжества воевода виленский и великий гетман Павел Сапега, хотя и участвовала в принятии главных решений, в составлении самого проекта соглашения, по-видимому, не участвовала.

Еще до того, как литовский проект стал предметом обсуждения в кругу советников царя, он стал оказывать воздействие на характер русской внешней политики. Произошло это потому, что еще до того, как этот проект попал в Москву, с ним, о чем уже говорилось выше, ознакомился А.Л. Ордин-Нащокин, человек, которому царь предназначал главную роль при ведении мирных переговоров со шведами.

Свои первые соображения относительно соглашения со Швецией воевода Царевичева Дмитриева изложил в записках, посланных царю в апреле 1658 г.⁸⁷ В этих записках дипломат выступал как сторонник скорого заключения мира со Швецией («не откладывая промыслу, шведа укрепить договором»). По его мнению, шведы заинтересованы в заключении мира с Россией («к миру... безотступно искателны шведы») и готовы ради этого пойти на уступки («столько, государь, уступит бес крови, чево мною кровью доходить»). А.Л. Ордин-Нащокин предлагал разные варианты действий в зависимости от того, каковы будут планы шведского монарха, после того как зимой 1657/8 г. он нанес поражение Дании и она вышла из антишведской коалиции. Весной 1658 г. были достаточно широко распространены слухи, что после вступления Австрии в войну Карл Густав намерен перенести военные действия на территорию Империи. Такую возможность А.Л. Ордин-Нащокин считал реальной. В этом случае следовало бы постараться заключить мирный договор со Швецией раньше, чем она заключит мир с Речью Посполитой. Положение Польши он оценивал как все еще тяжелое. Главные города Пруссии (Торунь, Эльблонг, Мальборк) находятся в шведских руках и это позволяет им блокировать Гданьск и контролировать «водяной путь», по которому в Речь Посполитую поступа-

87 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 279. Л. 41–42; РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 212–215; № 3. Л. 39–40.

ют и из нее уходят «все товары». «И польские, государь, люди, — предупреждал он царя, — видя себя от тех земель отлученных, смирятца вскоре». Заключение мирного договора предотвратило бы осуществление враждебных планов польско-литовских политиков, которые желают заключения союза между Польшей и Швецией, чтобы попытаться вернуть земли Великого княжества Литовского⁸⁸.

Обсуждал А.Л. Ордин-Нащокин и другой вариант действий, если Карл Густав примет решение вернуться со своей армией в Польшу. Он был убежден, что, даже если Карлу Густаву и удастся снова занять Польшу, шведская власть не будет там прочной («рознятца люди, а вера и язык от них чужой»), но полагал, что это положение следует использовать, чтобы утвердить русскую власть на тех землях Великого княжества Литовского, которые еще не вошли в состав Русского государства. Он сообщал царю, что, по его сведениям, здесь «договоры чинят в поветех», что, если шведы снова овладеют Польшей, то они станут «от многово насилья свеян» проситься под «высокую руку» царя. Некоторые высказывания А.Л. Ордина-Нащокина позволяют предполагать, что под словами «крепкой договор» он имел в виду не только мир, но и союз со Швецией. «А Корона, государь, Польская, — писал он, — за соединением с шведом будет вечно к Великой России».

Взгляды дипломата заметно изменились, когда А. Сакович в начале июня 1658 г. познакомил его с проектом русско-литовского соглашения. Этот проект встретил с его стороны горячую поддержку, так как его реализация открывала широкие возможности для осуществления планов укрепления позиций России в бассейне Балтийского моря, с которыми воевода Царевичева Дмитриева выступал в предшествующие годы. Важно отметить, что в записи бесед с А. Саковичем сам дипломат отметил, что в Литве решения о поиске соглашения с Россией были приняты «по прежним съездам Афанасьевым з гетманом и по многим отсылкам»⁸⁹. Очевидно, отразившиеся в литовском проекте внешнеполитические планы были сформулированы в ходе контактов двух политиков — русского воеводы и литовско-

88 На эти опасения А.Л. Ордина-Нащокина указала Е.И. Кобзарева в кн.: *Дипломатическая борьба...* С. 205.

89 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 381.

го гетмана. Возможно, именно потому, что в литовском проекте нашли отражение его собственные планы, А.Л. Ордин-Нащокин поверил в его реальность и в возможность заключения такого соглашения в близком будущем. Более того, он стал выдвигать свои соображения об организации переговоров со шведами, исходя из того, что такое соглашение будет скоро заключено. Он предложил царю отложить начало переговоров со шведами, «дожидаясь с княжеством Литовским совершения», а когда затем об этом соглашении сообщат шведам, то «шведы будут страшны, два государства в крепком соединении будут на одних на них»⁹⁰. Однако полного единства между взглядами литовских политиков и А.Л. Ордина-Нащокина не было. Если В. Госевский явно полагал, что русско-литовское соглашение приведет к войне со шведами в Ливонии, то А.Л. Ордин-Нащокин надеялся, что оно поможет заключить выгодный для России мир со Швецией. Его записка заканчивалась словами: «с тем, государь, промыслом и строем подасть Господь Бог без большие крови мир с королем свейским на чем тебе, великому государю, годно»⁹¹.

А.Л. Ордин-Нащокин убеждал царя и готовившихся выехать на переговоры русских представителей, что переговоры со шведами следует вести на Западной Двине «меж Царевичева Дмитриева города и Риги», в месте, где сходятся границы Курляндии, Жемайтии и «Прусской земли»⁹². К этому месту переговоров он предлагал направить русские войска с двух сторон — с запада — из Вильно и с востока — из Пскова⁹³. В пользу такого решения А.Л. Ордин-Нащокин приводил ряд доводов: концентрация в этом районе русских войск, выступающих в роли посольского «конвоя», окажет давление на шведов и заставит их прекратить нападения на соседние литовские поветы, что укрепит авторитет царя в глазах литовской шляхты. Это будет способствовать и укреплению позиций сторонников прорусской ориентации в Ве-

90 Записка, посланная, видимо, в конце июня (получена в Москве 10 июля) (Там же. Л. 391).

91 Получив текст посольского «наказа», А.Л. Ордин-Нащокин также писал царю: когда литовцы «по утверждению княжества Литовского под твою, великого государя, руку, будут в соединении с московским войском, по тем статьям не тяжело с шведы зговорчинить» (Там же. Л. 400).

92 Там же. № 5. Л. 7.

93 Там же. № 1. Л. 391, 447.

ликом княжестве Литовском. Одновременно обозначится и неприятная для шведов перспектива совместных действий русских и литовских войск⁹⁴. К этому воевода Царевичева Дмитриева добавил еще один аргумент: концентрация русских войск в этом районе заставит курфюрста бранденбургского и курляндского герцога присоединиться к русско-литовскому соглашению⁹⁵.

Позднее в беседе с доверенным лицом царя подьячим Приказа Тайных дел Протасием Никифоровым он резко критиковал главу Посольского приказа думного дьяка Алмаза Иванова за то, что тот при заключении со шведскими послами соглашения о перемирии и проведении мирных переговоров не добился распространения его действия на Великое княжество Литовское, которое теперь подчинилось верховной власти царя, и дал согласие провести переговоры на реке Нарове на «Ижерской земле»⁹⁶. Если согласиться на проведение переговоров на Нарове, то, — доказывал он, — будут утрачены дополнительные возможности влиять на положение дел в Великом княжестве Литовском, удерживать его в сфере русского влияния и совместно с ним противостоять шведам.

На протяжении июня–июля 1658 г. А.Л. Ордин-Нащокин настаивал на проведении переговоров со шведами на Двине и отказывался покидать свою резиденцию в Царевичеве Дмитриеве, чтобы присоединиться к другим членам посольства. Он даже ссылаясь на то, что ранее, следуя указаниям царя, он заключил соглашение с литовским гетманом, «покаместа утвердитца Княжество Литовское под твоей, великого государя, высокою рукою, и мне, холопу твоему, из Царевичева Дмитриева города не отдалитца и по Виленскому договору в тайне з шведом зговор не чинить»⁹⁷.

На этом этапе, когда еще не начались контакты между делегациями, единственным заметным событием стала попытка французского посредничества.

Когда определилась неудача английской миссии, Карлу Густаву попытался оказать поддержку его другой союзник — Людовик XIV. В ноябре 1657 г. грамота Людовика XIV с предложением

94 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 391, 448; № 5. Л. 7–8, 92–93, 106, 123.

95 Там же. Л. 8.

96 РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных дел). № 128. Л. 74.

97 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 403.

посреднических услуг была отправлена французскому послу в Стокгольм, который на месте должен был подобрать человека, способного выступить в качестве посредника. В своей деятельности ему следовало руководствоваться указаниями шведского короля⁹⁸. Выбранный для роли посредника Жак Деминье, бывший французский офицер на шведской службе, в начале июля приехал в Нарву и уведомил о своем прибытии новгородских воевод. Им был передан перевод грамоты Людовика XIV от 9 мая 1658 г. с предложением о посредничестве⁹⁹. Об этом предложении стало известно польским политикам, и это вызвало их беспокойство. Они опасались, что французский дипломат, заинтересованный в том, чтобы Карл Густав направил свои силы на войну с Австрией, может убедить шведских политиков заключить мир с Россией, уступив ей новгородские пригороды на побережье Финского залива¹⁰⁰. Из Нарвы в конце июля дипломат направился в Юрьев Ливонский, чтобы оттуда ехать в Москву, однако юрьевскому воеводе уже были посланы указания, чтобы он не пропускал посланника к царю и «отказал ему во всем»¹⁰¹. Дипломат был вынужден вернуться, не выполнив своей миссии¹⁰². В услугах посредника, так тесно связанного со Швецией, русская сторона не была заинтересована.

Начало мирных переговоров все откладывалось¹⁰³, а это никак не устраивало царя и его советников. В начале августа воеводе Царевичева Дмитриева был послан приказ присоединиться к другим членам посольства и ехать с ними на Нарову, и он должен был подчиниться¹⁰⁴. Его советам в Москве не последовали. Единственным результатом его усилий стала грамота от Алексея Михайловича к великим послам от 8 августа, в которой им предпри-

98 *Grönebaum F.* Frankreich im Ost und Nordeuropa. Die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 24–25.

99 *Ibid.* S. 26. Отписка новгородских воевод о приезде дипломата в Нарву // РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 407–408. Перевод грамоты Людовика XIV см.: Там же. Л. 411–412.

100 *Kubala L.* Wojny duńskie... S. 82.

101 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 533–534.

102 *Grönebaum F.* *Op. cit.* S. 26–27.

103 Послы сообщали Алексею Михайловичу в июле: «не дождався его, Офонася Лаврентьевича, на свейской съезд к Ругодиву ехати не смеем» (РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 5. Л. 121).

104 Там же. Л. 189, 225.

сывалось: «А Княжество б Литовское отговаривать от Свейские коруны к Московскому государству и стоять о том накрепко»¹⁰⁵.

Вопреки расчетам русских политиков мирный договор со Швецией летом 1658 г. не был заключен. Не удалось и провести мирные переговоры с Речью Посполитой в запланированные в Москве сроки. Царь так торопился выслать представителей под Вильно, что они отправились в путь без наказа и верительных грамот, и лишь 10 июня их нагнал в пути гонец с соответствующими документами¹⁰⁶. Сразу после отправки послов 12 мая в Варшаву был отправлен гонец Ларион Иванов с сообщением, что послы уже находятся в дороге и следует скорее прислать под Вильно представителей Речи Посполитой¹⁰⁷. Тем самым царь давал понять, что сделал все, чтобы переговоры начались в положенные сроки, и ответственность за то, что они не состоятся, ляжет на польско-литовскую сторону.

15 июня, как и следовало ожидать, виленский воевода кн. М. Шаховской сообщил великим послам, что про комиссаров Речи Посполитой «ведома нет»¹⁰⁸. 20 июня послы прибыли в Вильно¹⁰⁹, тогда же Ю.А. Долгорукий сообщил им, что идет с войском из Полоцка к Вильно¹¹⁰. Не имея каких-либо новых известий, послы 23 июня отправили гонцов к гетманам П. Сапеге и В. Госевскому с просьбой сообщить, когда могут прибыть польско-литовские комиссары¹¹¹. Лишь 30 июня от кн. Семена Огинского послы узнали, что комиссары, которые должны вести переговоры, как будто назначены¹¹².

2 июля возвратился И.А. Желябужский с грамотой от гетмана В. Госевского. Гетман сообщал послам, что отправляет к

105 Там же. Л. 222–223.

106 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 41об.–42.

107 О дате царской грамоты и ее содержании см. в ответной грамоте Яна Казимира: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 6. Л. 2–3. Он догнал послов 26 мая в двух верстах от Смоленска (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 24об.)

108 Там же. Л. 58об.

109 Там же. Л. 66.

110 Там же.

111 См. текст грамоты П. Сапеге, посланной с Д. Остафьевым (Там же. Л. 69–70), и тексты наказов ему (Там же. Л. 70об.–72) и И.А. Желябужскому, посланному к В. Госевскому (Там же. Л. 73–74).

112 Там же. Л. 82об.

ним гонца Мих. Скорульского, который сообщит им, кто назначен комиссарами на переговоры, и ответит на другие вопросы¹¹³. Так как вопрос о проведении переговоров стал приобретать реальные очертания, то послы 3 июля обратились к царю за указаниями, следует ли разрывать отношения и начинать войну, «буде польские комиссары на указные сроки... не приедут, а буде и приедут, а делу учнут чинить проволоку»¹¹⁴. Такое обращение представляется неоправданным, так как соответствующие четкие указания содержались в переданном послам наказе. Однако для этого обращения к царю была важная причина — корпус Г.Г. Ромодановского не присоединился в указанные сроки к армии Ю.А. Долгорукого¹¹⁵. Отсутствие корпуса Ромодановского не было случайностью. Осложнявшееся положение на Украине заставляло вносить изменения в разработанный план действий.

На Украине дело все более и более шло к открытому конфликту между враждующими сторонами. Пушкарь и Барабаш открыто призывали казацкие полки перейти на их сторону, идти войной на гетмана и старшину и убивать их. Одновременно они распространяли слухи, что они идут в поход по приказу царя, который дал им пушки и знамена и посылает на помощь войско. В этих условиях приезд И. Апухтина (Выговский принял его в Чигирине 1 мая) с грамотами, содержащими очередные призывы подчиниться законному гетману, не мог удовлетворить казацкую верхушку. Гетман с неудовольствием констатировал, что царь его «не пожаловал, тех бунтовщиков и самоволцов сокrotить не велел»¹¹⁶. К этому времени в Чигирине окончательно пришли к решению подавить восстание, опираясь на поддержку Орды, о чем гетман прямо заявил царскому гонцу. Выговский дольше ждать не мог, не только в связи с обострением конфликта, но и потому, что в дальнейшем он мог лишиться татарской помощи. Хан снова получил приказ султана идти походом в Трансильванию. Как узнал в конце июня И. Апухтин, в Чигирине находился крымский посланец Мустафа-ага, добивавшийся, чтобы гетман выслал отряд для участия в походе¹¹⁷. 4 мая

113 Там же. Л. 110об.–112об.

114 Там же. Л. 115–115об.

115 «Окольничей князь Григорей Григорьевич Ромодановской с ратными людьми... в Вильну не бывал» (Там же).

116 АЮЗР. Т. 7. С. 234.

117 АЮЗР. Т. 7. С. 240–241.

Выговский выступил в поход, приказав задержать Апухтина в Чигирине до своего возвращения¹¹⁸. Задержанный в Чигирине Апухтин не смог сообщить о произошедших переменах своему правительству, но о выступлении в поход Выговского и татар с конца апреля стали постоянно сообщать русским пограничным воеводам Мартын Пушкарь и его сторонники¹¹⁹.

Если Выговский принял решение расправиться с противниками, по существу отклоняя посредничество представителей царя, то и эти противники не желали следовать идущим из Москвы предписаниям. Миссия Алфимова, посетившего лагерь Пушкаря в середине мая, закончилась, по существу, неудачей. Хотя в своем обращении к царю восставшие подчеркивали свою покорность царской воле, но одновременно заявляли, что будут «до смерти» воевать с войском Выговского¹²⁰. Возникла опасность, что события на Украине будут развиваться помимо воли и без участия русского правительства. Становилось также очевидно, что политика «примирения» враждующих лагерей не привела к успеху и это ставило русские правящие круги перед необходимостью поиска новых решений. К этому следует добавить, что в Москве не могли не быть обеспокоены растущим вмешательством татар в борьбу, развернувшуюся на Украине. 4 июня в Москву попало присланное киевским воеводой А.В. Бутурлиным письмо Ивана Выговского отцу, где говорилось, что хан прислал к гетману подтвержденный «подписом рук власных» текст договора о союзе Войска Запорожского с Крымом, а прибывшие к нему с Караш-беем татары от него «не пойдуть хоть целыи рок»¹²¹. В этих условиях в Москве было принято решение вмешаться в конфликт, уже не ограничиваясь чисто дипломатическим воздействием, чтобы добиться его разрешения в соответствии со своими интересами.

Первым шагом в этом направлении стала посылка на Украину В.Б. Шереметева, как нового киевского воеводы, с крупным военным отрядом. Его скорое выступление в поход было ответом на обращение Г. Лесницкого, который, возвращаясь из Москвы, 16 мая просил царя скорее выслать В.Б. Шереметева, «дав

118 *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 208.*

119 Там же. С. 210–211.

120 О поездке И. Алфимова см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 213–221.*

121 АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. № 65. С. 117.

ему власть на тех своевольников великую», а 22 мая в пути на Украину и сам Шереметев получил письмо полковника с настоятельной просьбой поторопиться¹²². Эти письма давали основания надеяться, что, если русское правительство использует силу для подавления бунтовщиков, ему удастся провести на Украине намеченную в ходе переговоров с посольством Лесницкого программу преобразований, что позволит укрепить связь Войска Запорожского с Русским государством и обеспечит его участие в войне с Речью Посполитой. В начале июня было принято решение предпринять еще один, гораздо более серьезный шаг в этом направлении. 12 июня Г.Г. Ромодановский, уже подготовивший свое войско к походу в район Гродна, получил грамоту из Приказа Тайных дел (т. е. лично от царя) «идти в черкаские города на помочь к гетману к Ивану Выговскому для успокоенья своевольников». Часть из собранных войск следовало отправить к В.Б. Шереметеву в Киев¹²³.

Задачи, решения которых должны добиваться оба военачальника на Украине, были определены в наказах, отправленных им 6 июня¹²⁴. Первоочередной задачей было добиться разрыва союза между Выговским и татарами. Гетману следовало заявить, что лишь при этом условии присланное на Украину русское войско окажет ему помощь в борьбе с «своевольниками». Если гетман согласится на это и отпустит татар, то в Москве рассчитывали, что в условиях, когда положение сторонников Пушкаря станет безвыходным, они сами без боя выдадут своих предводителей Г.Г. Ромодановскому. Воеводе следовало ходатайствовать о их помиловании, но, если бы их наказания потребовало все войско, следовало отдать их войсковому суду. Если бы гетман расправился с недовольными еще до прихода войска Ромодановского, то нужно было бы добиваться, чтобы гетман отослал татар, а сам с войском направился в район Гродна (очевидно, вместе с корпусом Г.Г. Ромодановского). Тем самым задуманный в Москве план действий был бы все же выполнен, хотя и с некоторым опозданием по времени.

122 Письма Г. Лесницкого см.: АЮЗР. Т. 4. № 67. С. 121; АЮЗР. Т. 15. СПб., 1892. Стб. 113.

123 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 75–76.

124 Подробная характеристика наказа Г.Г. Ромодановскому — Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 250. Документ в настоящее время недоступен для изучения в связи с плохой сохранностью.

Вместе с тем в наказе получило отражение и сильное беспокойство, которое вызвали в Москве известия о приходе на помощь Выговскому татарских войск. Приверженцы Пушкаря постоянно сообщали в Москву, что гетман вместе с татарами хочет напасть на пограничные русские города. Если до этого дойдет, Г.Г. Ромодановский должен был организовать оборону от татар, призвать казачьи полки к выступлению против гетмана и способствовать созыву рады для выбора нового главы Войска Запорожского. С точки зрения этого, совсем плохого сценария посылка корпуса Г.Г. Ромодановского также была достаточно продуманным актом.

Обращает на себя внимание одна важная особенность этого документа. На десятки упоминаний о татарах приходится лишь два упоминания поляков в тех разделах наказа, где говорится, что Г.Г. Ромодановский послан в Малую Россию для ее защиты от польских и татарских войск. Очевидно, что царя и его советников беспокоил только союз Выговского с татарами. Его отношения с Речью Посполитой явно не вызывали в Москве серьезных опасений. Поэтому здесь имели основания рассчитывать, что, подавив с помощью татар восстание, Выговский останется лояльным к русскому правительству и примет участие в его войне с Речью Посполитой.

Попытка царской власти выступить в роли вооруженного арбитра на заключительном этапе внутривосточного кризиса на Украине запоздала. В.Б. Шереметев со своим отрядом пришел на реку Сейм 8 июня¹²⁵, Г.Г. Ромодановский обещал царю выступить в поход 14 июня¹²⁶, а уже 30 мая в столкновении с войском Выговского войско Пушкаря потерпело поражение, а сам он погиб. В Полтаве Выговским был поставлен новый полковник. Уцелевшие участники восстания бежали в пограничные русские уезды¹²⁷.

Поражение Пушкаря укрепило позиции украинской верхушки в обществе и позволило ей занять гораздо более твердую позицию по отношению к России. Если в разгар восстания послы Выговского не только соглашались на приход в украинские города воевод, но даже и приветствовали их присылку, то

125 АЮЗР. Т. 15. Стб. 173.

126 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 77.

127 Опоражении восстания М. Пушкаря см.: *Грушевський М.С. Історія...* Т. X. Ч. 1. С. 229–241.

теперь, узнав о приезде в Киев воеводы, присланного царем в Белую Церковь, гетман в самой резкой форме заявил посланцу царя стольнику П.Д. Скуратову, что, «как, де, воевода приехал, так и поедет». Дав волю своим чувствам, он говорил: «вам, де, надобен таков гетман, чтоб, взяв за хохол, водить»¹²⁸.

Однако, несмотря на подавление восстания Пушкаря, гетман был в достаточно сложном положении. Переговоры с Речью Посполитой, которые должны были обеспечить защиту казацкой верхушки от попыток ограничить ее власть над населением гетманства, не были завершены, крупных польских военных соединений на Украине не было. Кроме того, должен был собраться сейм, а Выговский не мог не знать о стараниях литовцев добиться избрания царя преемником Яна Казимира. Крымский же хан, как уже было отмечено в иной связи, должен был идти по приказу султана в поход на Трансильванию и сам просил помощи у Выговского. 25 июня молдавский господарь сообщал ему из Ясс, что хан с ордой переходит Днепр. Он намерен праздновать байрам в Очакове, а затем отправится в поход «противко Венкгром»¹²⁹.

В таких условиях гетман не мог вступать в открытый конфликт с царем. Поэтому, отказываясь принять воевод, он поспешил заверить И. Апухтина, с которым встретился 20 июня, что Войско Запорожское готово принять участие в войне с Речью Посполитой, что он предпримет усилия, чтобы склонить Карла Густава к миру с Россией, что послами Войска Запорожского на съезд под Вильно поедут Павел Тетеря и бывший киевский полковник Антон Жданович¹³⁰.

Той же линии гетман придерживался в своей грамоте царю, доставленной в Москву 7 июля. Жалуясь на якобы самовольные действия В.Б. Шереметева, который «воевод без совету с нами городам насылает», он одновременно сообщал, что посылает послов на съезд под Вильно, а решение вопроса о границах передает на усмотрение царя. Что касается татар, то Выговский заверял царя: «А мы орду тотчас отпустим». Он благодарил царя за присылку Г.Г. Ромодановского с войском, но теперь «своей воли нигде не слышать и всюду смирно, и те войска не надобно утруждать»¹³¹.

128 АЮЗР. Т. 4. С. 128.

129 АЮЗР. Т. 15. С. 214–215.

130 АЮЗР. Т. 7. С. 242.

131 Там же. С. 245–246.

Отказ И. Выговского принять воевод, конечно, никак не мог обрадовать царя и его советников, но в данной ситуации было важно, что гетман готов был выполнить свои обязательства по отношению к Речи Посполитой, поэтому в Москве не стали настаивать на своем.

О новых решениях, принятых в Москве, дает понятие царская грамота Г.Г. Ромодановскому, подготовленная 11, но отправленная 13 июля. Г.Г. Ромодановскому предписывалось, чтобы он «ис черкасских городов отступил в Белгород». Одновременно он должен был направить в район Гродно часть своих войск во главе с кн. Андреем Дашковым — полк солдат, два полка драгун, пять рот рейтар. Они должны были идти к Гродно «з большим поспешеньем, безо всякого могчанья»¹³². Эти указания показывают, что в середине июля в Москве еще считали возможным осуществить задуманный ранее план действий и, следовательно, рассчитывали на участие Войска Запорожского в войне с Речью Посполитой. Вместе с тем обращает на себя внимание, что большая часть корпуса во главе с Г.Г. Ромодановским должна была остаться в Белгороде. В условиях, когда сам хан во главе всей орды отправился походом в Трансильванию, такое решение явно диктовалось не опасением крупного набега татар на южные границы. Очевидно, несмотря на заверения о своей лояльности, Выговский перестал пользоваться полным доверием русских политиков. Он, правда, обещал отослать татар, но И. Апухтин сообщал, что гетман разрешил «охочим людям» участвовать в походе хана, а, как узнал другой посланец царя П.Д. Скуратов, гетман намерен послать для участия в этом походе двух полковников «с ратными людьми»¹³³. Все это показывало, что, несмотря на то, что восстание подавлено, Выговский не собирается разрывать свои связи с Крымом.

В Москве, надо думать, обратили внимание на то, что обоим воеводам, В.Б. Шереметеву и Г.Г. Ромодановскому, несмотря на полученные ими инструкции, так и не удалось встретиться с Выговским. Когда Шереметев, приехавший в Киев 17 июня, предложил гетману «с полковниками и с начальными людьми»

132 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 61–62.

133 АЮЗР. Т. 7. С. 243; т. 4. С.130. Позднее стало известно, что в походе принял участие уманский полковник со своим полком (см.: допрос Василия Выговского // АЮЗР. Т. 15. Стб. 267).

приехать к нему «для договору», Выговский ответил, что вынужден ехать на южную границу, так как опасается нападения османских войск¹³⁴, а Ромодановский с неудовольствием докладывал царю, что он обращается «беспрестани» к гетману с предложением о встрече, но гетман «пишет о малых своих делах, а о твоих, великого государя, делах и ни о каких вестях ничего не пишет»¹³⁵. Доверие к Выговскому было серьезно ослаблено, но все же в Москве, судя по распоряжениям, посланным Г.Г. Ромодановскому, надеялись на лучшее.

В начале июля завязались первые дипломатические контакты между представителями России и Речи Посполитой. Хотя было ясно, что до принятия сеймом соответствующих решений комиссары Речи Посполитой не будут в состоянии вести серьезных переговоров, Ян Казимир и его советники хорошо понимали, что не следует дать возможности русским политикам обвинить другую сторону в срыве мирных переговоров. Поэтому, не дожидаясь созыва сейма и его решений, он назначил 22 мая н. ст. представителями Речи Посполитой на переговорах епископа виленского Яна Завишу, гетманов Павла Сапегу и Винцента Госевского, плоцкого воеводу Яна Красинского, референдаря и писаря Великого княжества Литовского К. Бжостовского и старосту грабовецкого Станислава Сарбевского¹³⁶. В составе делегации, как и в конце 1656 г., преобладали представители Великого княжества. Они должны были направиться на место переговоров и завязать переговоры с русскими послами еще до того, как получат соответствующие инструкции от сейма.

Понимая, что снаряжение в дорогу такой представительной делегации потребует времени, Ян Казимир предпринял другой важный шаг. 18 июня н. ст. он дал полномочия для переговоров с Россией о мире и союзе против шведов В. Госевскому¹³⁷. Находясь недалеко от Вильно, он мог начать переговоры с русскими

134 АЮЗР. Т. 15. Стб. 206–207.

135 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 71.

136 *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 127.

137 Перевод грамоты Яна Казимира, написанной в Познани 18 июня 1658 г., см.: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 2. Л. 40–42. Любопытно, что в грамоте предусматривалась возможность его личной встречи с царем, если бы Алексей Михайлович «до панств Великого княжества Литовского приблизился».

великими послами еще до того, как к месту переговоров смогут прибыть комиссары.

Действительно, 5 июля к великим послам прибыл гонец от комиссаров с сообщением, что они находятся в Бресте, где ждут приезда С. Сарбевского¹³⁸, но в тот же день послов посетил и гонец В. Госевского М. Скорульский с важными предложениями от гетмана¹³⁹. Гетман предлагал великим послам встретиться с ним под Ковно, в 70 верстах от Вильно¹⁴⁰. Одновременно гонец обратился к великим послам от имени гетмана с целым рядом просьб. Просьбы эти были связаны с трудным положением литовских войск в Ливонии.

Заключение перемирия с Россией о прекращении военных действий шведские власти в Ливонии стремились использовать, чтобы вытеснить литовские войска из занятых ими ливонских замков. А.Л. Ордин-Нащокин пытался помешать этому. Извещая шведские власти в Риге о заключении перемирия, воевода написал, что действие перемирия распространяется и на литовцев, так как они «ныне царского величества под высокою рукою стоят»¹⁴¹. Однако шведские власти с такой интерпретацией соглашения о перемирии не согласились. 2 июня 1658 г. М. Делагарди сообщил воеводе, что шведские военачальники намерены изгнать со своей территории литовские войска и уже осадили Вольмар и Рунеборг. М. Делагарди требовал от воеводы, «чтоб в том от тебя помощи не было». М. Делагарди обратился и прямо к царю, жалуясь на то, что Ордин-Нащокин «ищет того, чтоб ему помочь учинить полским людем»¹⁴². Пересылая «лист» графа Магнуса в Москву и предлагая сообщить о нем литовским послам, чтобы они у царя «от шведов обороны искали», Ордин-Нащокин одновременно сообщал, что он прилагает старания, чтобы «частыми ссылками» удерживать «свейских людей от войны»¹⁴³. Об этом «безпрестанно» просил воеводу, по его словам, и гетман Госевский¹⁴⁴. По-видимому, воевода был готов, не

138 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 118–119.

139 Там же. Л. 131–131об.

140 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 82.

141 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 340 (изложение письма Ордина-Нащокина в ответной грамоте из Риги).

142 Там же. Л. 322–323; РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 2. Л. 472–475.

143 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 1. Л. 338.

144 См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина: Там же. Л. 437.

ограничиваясь дипломатическими шагами, оказать и прямое содействие литовским военачальникам. Во всяком случае, гетман Госевский в своем письме благодарил его за то, что Ордин-Нащокин «людми и хлебом Волмерскую восхотел вспомочь»¹⁴⁵. Представляется поэтому совершенно неслучайным, что 19 июня губернатор Риги потребовал от Ордина-Нащокина, чтоб тот «через Двину в Лифлянты литовским людем переходить не дал, в Волмер и иные города... помочи им не чинил»¹⁴⁶. Такие шаги воеводы, как увидим далее, создали ему в глазах шведов репутацию политика пропольской ориентации, что, конечно, затрудняло для него ведение мирных переговоров со шведами.

Гетману Госевскому было недостаточно благожелательного отношения Ордина-Нащокина. Более серьезного содействия он рассчитывал добиться от великих послов. Его посланец просил послов от имени гетмана, чтобы они «против шведа учинили помощь, послали ратных людей на посилок» и чтобы они приказали А.Л. Ордину-Нащокину снабдить города, занятые литовскими войсками в Ливонии, «хлебными запасами». Одновременно гетман принес жалобу на то, что «Офонасеи Нащокин» «письмом своим обнадежил», что действие соглашения о перемирии распространяется и на Литву, а тем временем шведские войска, пройдя через Курляндию, вторглись в Жемайтию¹⁴⁷. Предпринимая такие шаги, гетман добивался не только облегчения положения своих войск в Ливонии. Он явно стремился также вызвать конфликт между Россией и Швецией и помешать заключению мирного соглашения между ними. В переговорах с великими послами он, однако, потерпел неудачу.

Если А.Л. Ордин-Нащокин вел себя так, как, если бы русско-литовское соглашение уже было заключено, то великие послы держались другой точки зрения. Они заявили посланцу гетмана, что, когда литовцы «Великим княжеством Литовским всем учинятца под государевою высокою рукою в подданстве», тогда «их» царь «от неприятелей боронить учнет»¹⁴⁸. Действия А.Л. Ордина-Нащокина вызвали у них удивление и они просили

145 См. перевод письма гетмана от 19 июня н. ст.: Там же. Л. 442.

146 См. об этом обращении губернатора в отписке А.Л. Ордина-Нащокина: Там же. Л. 447.

147 Текст «статей», присланных гетманом, см.: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 85об.–87.

148 Там же. Л. 85об.–86.

передать им «письмо», в котором воевода Царевичева Дмитриева сообщал литовцам, что перемирие со шведами распространяется и на них¹⁴⁹. Для встречи с Госевским ехать под Ковно великие послы отказались, предложив встретиться недалеко от Вильно¹⁵⁰.

Так как на гетмана была возложена обязанность начать переговоры о мире до приезда комиссаров, то, добиваясь встречи, он проявил настойчивость. 12 июля его новый посланец С. Венславский предложил послам встретиться в Мусниках, в 6 милях от Вильно. Посланец объяснял, что гетман не может удалиться от войска, так как шведские войска высадились с кораблей в Жемайтии и бои со шведским десантом идут в 12 милях от резиденции гетмана — Кейдан, «а другое войско от Риги готовитца»¹⁵¹. Послы, однако, снова предложили встретиться под Вильно¹⁵². Гетман Госевский расценил это как проявление пренебрежения и жаловался на поведение послов и А.Л. Ордину-Нащокину и самому царю Алексею Михайловичу¹⁵³.

Одновременно начались сношения между великими послами и собиравшимися в дорогу комиссарами. После того, как гонец Ян Пацына прибыл к ним с грамотой от комиссаров, великие послы некоторое время обдумывали ответ, и 16 июля с этим ответом к комиссарам был отправлен гонец Федор Отраслев. Послы, действуя в соответствии с наказом, настоятельно просили комиссаров прибыть под Вильно к 20 июля, «и дале тово проволочи не учинить»¹⁵⁴. Еще до того, как Ф. Отраслев вернулся, 23 июля от комиссаров прибыл новый гонец Ян Шебель. Комиссары заверяли, что отправляются в дорогу («за несколько дней отсюда выехав, поспешатца будем»), и просили их подождать¹⁵⁵. Ответ послов был очень жестким. Они соглашались ждать лишь «немногие дни июля месяца». «А буде вы к Вильне, — говори-

149 Там же. Л. 86об.

150 Там же. Л. 83.

151 О миссии С. Венславского см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 182–193об.; 1658 г. № 8. Л. 294 и сл.

152 Ответ послов см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 194 и сл.

153 См. переводы его писем А.Л. Ордину-Нащокину (РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 2. Л. 45–46) и письмо царю от 27 июля н. ст. (Там же. Л. 89–90).

154 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 166–167.

155 Перевод «листа» комиссаров: РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 213об.–214.

лось в грамоте, — вскоре на съезд не будете, и мы ждать и описываться с вами не учнем и из Вильны поедем»¹⁵⁶. Из пояснений гонца было известно, что отпускаявшие его с грамотой комиссары Ян Завиша и Киприан Бжостовский находятся еще в Варшаве¹⁵⁷. Ясно было, что к 30 июля они не смогут приехать к Вильно. Тем самым, руководствуясь наказом, послы вели дело к срыву мирных переговоров. Они, однако, не были вполне уверены в правильности такого решения. На следующий день, 24 июля, они обратились к царю за указаниями — «о числех по наказу ли делать». Они также хотели узнать, если Великое княжество Литовское перейдет под русский протекторат, «на которых статьях им в подданстве быти»¹⁵⁸.

Вопрос об отношении к литовскому проекту встал прямо и непосредственно перед царем и его советниками с приездом в Москву Адама Саковича. Он был принят царем 6 июля и на встречах 9 и 11 июля подробно изложил Б.М. Хитрово и думному дьяку Лариону Лопухину литовские предложения¹⁵⁹. Затем в переговорах наступил перерыв, продолжавшийся до 23 числа. Вопрос был непростым и нуждался в серьезном обдумывании. Если А.Л. Ордин-Нащокин приветствовал проект соглашения с энтузиазмом, то отношение советников царя было гораздо более сдержанным.

Отчасти это объяснялось тем, что представления А.Л. Ордина-Нащокина о проекте формировались в условиях его постоянных, достаточно доверительных и дружеских контактов с главным инициатором проекта — гетманом В. Госевским. В Москву же поступала и иная информация, содержавшая негативные оценки литовской инициативы.

Так, полковник Марциан Огинский говорил, что вся миссия Саковича предпринята только для того, чтобы выиграть время, пока Речь Посполитая не заключит соглашений со шведами и с казаками. Адам Сакович послан в Москву по приказу короля, «а наказано ему, чтоб он про то не объявлял»¹⁶⁰. Другой член этого рода, кн. Семен Огинский, также предостерегал, что миссию

156 Там же. Л. 220–220об.

157 Там же. Л. 210об.–211.

158 Там же. Л. 220об.–221.

159 См. дело о приезде А. Саковича: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 53, 78, 143.

160 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 75–76.

Саковича литовцы организовали «с королевского ведома, а не одни»¹⁶¹. Аналогичные предостережения адресовал патриарху Никону полоцкий епископ Калист. Он писал, что послы гетманов «идут с лестию», «чтоб которое время нужное чем продлить». Сам А. Сакович неоднократно нарушал присягу, присягал то царю, то шведскому королю. Это — «лукавый и злохитреной, лстивой человек»¹⁶².

Этим обвинениям, впрочем, в Москве могли и не придавать значения, так как Сакович не скрывал, что поездка в Москву предпринята им с разрешения короля после обращения к нему литовских сенаторов, «чтоб поволил им послать к царскому величеству бить челом о своем разоренье»¹⁶³. В соответствии с этим ему был вручен и официальный наказ, в котором ему поручалось обсудить с советниками царя, как лучше организовать мирные переговоры¹⁶⁴.

Гораздо более серьезным было то обстоятельство, что выдвинутый проект соглашения, как выяснилось, не пользовался единодушной поддержкой магнатов и шляхты Великого княжества Литовского. Это выяснилось, когда 12 июля вернулся гонец великих послов Д. Остафьев¹⁶⁵, посетивший Павла Сапегу и ряд других литовских политиков. Великий гетман фактически дезавуировал сообщения А. Саковича о поддержке его миссии сенаторами и «поветной шляхтой», сообщив, что предложенный царю проект соглашения был обдуман в узком кругу политиков («сенаторей и великих человек з десять»), «а то, де, ништо, никакой человек не ведает у нас, с чем Адам Сакович послан». О главных инициаторах проекта — Госевском и Паце он отзывался не лестно («тот, де, помутил, да и канцлер Пац такой же»)¹⁶⁶. Хотя он и подтвердил, что Сакович послан в Москву с его «повеленья»¹⁶⁷, ясно было, что проект соглашения он одобрил с большими коле-

161 Там же. Л. 84об.

162 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 174–175 (грамота доставлена в Москву 21 июля).

163 Так говорил А. Сакович гонцу великих послов Д. Остафьеву (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 63).

164 Текст этого официального наказа см.: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 12. Л. 126–140.

165 О дате возвращения см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 169об.

166 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 185.

167 Там же. Л. 181.

баниями и готов был взять назад свое согласие. 7 июля на встрече с гонцом другой влиятельный человек — виленский епископ Ян Завиша сказал, что он ничего не знает о посольстве Саковича, а о Паце и Госевском также дал крайне неблагоприятный отзыв: «Госевской и канцлер Пац такие великие франты, пуще их у нас во всей Литве нет, никак тому верить нечему», они «к царскому величеству и ко всем вам никак не приятны»¹⁶⁸. Наконец, к 9 июля в руках великих послов оказалась копия письма В. Госевскому еще одного литовского магната — Богуслава Радзивилла, полученная от одного из шляхтичей Новогрудского воеводства. Он доказывал, что война со шведами не принесет Речи Посполитой никаких выгод, так как «нас до Лифлянт Москва не пустить, а за море трудно». Он предлагал добиться мира со Швецией и заключения с ней союза против России. Это позволит вывести из страны на вражескую территорию и свои, и чужие войска и сохранить союз с татарами. Русские земли, — писал он, — гораздо больше «нежели неприступные свейские каменные горы корысти обещают»¹⁶⁹. Все эти сведения, в течение июля постепенно поступавшие в Москву, не могли не вызвать сомнений в том, будет ли способен литовский партнер на переговорах осуществить то соглашение, которое он предлагает.

Серьезные проблемы возникали и в случае реализации польско-литовского соглашения на практике. Его условия, как уже было отмечено выше, предусматривали возвращение Великому княжеству всех утраченных в ходе русско-польской войны 1654–1655 гг. земель и вывод с его территории русских войск. Какая же была гарантия, что, получив все это, литовская сторона станет соблюдать другие условия соглашения? Единственной гарантией мог бы быть разрыв связей между Литвой и Польшей и подчинение Великому княжеству власти царя тотчас, а не после смерти короля Яна Казимира. Так понимал смысл соглашения А.Л. Ордин-Нащокин. Однако Сакович говорил об этом на переговорах лишь как об одной из возможностей, которая будет реа-

168 Там же. Л. 197–198.

169 Переводы письма Б. Радзивилла см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 159об.–167 об.; 1658 г. № 8. Л. 282–292. Любопытно, что в письме Б. Радзивилл порицал тех католических духовных лиц («ксензов»), которые поддерживают кандидатуру царя, рассчитывая, что с его избранием в Речи Посполитой будет только две «веры» — католицизм и православие.

лизована, если на сейме сенаторы и послы Польского королевства не захотят присоединиться к русско-литовскому соглашению и изберут преемником Яна Казимира не Алексея Михайловича, а другого кандидата. Однако в свете тех сообщений, которые привез Д. Остафьев, возможность такого развития событий также стала выглядеть как сомнительная. Так как русскую сторону интересовало прежде всего сепаратное русско-литовское соглашение, то Д. Остафьев в разговоре с первым сенатором Литвы П. Сапегой настойчиво пытался выяснить, «отступятся» ли литовцы от Короны, если их предложения поляками не будут приняты. Гетман, пояснявший ранее гонцу, что литовцы и жители Короны «смешались... и верою, и поженались, и маетности помешались», на так поставленный вопрос, «молчал много», в конце концов ответил: «никак отступить от них не мочно»¹⁷⁰. Отпуская гонца, великий гетман снова повторил: «А от Короны не отлучаемся»¹⁷¹.

Переговоры не привели к какому-либо определенному результату. 23 июля А. Саковичу объявили, что царь, ознакомившись со «статьями», дал все необходимые указания своим великим послам, но каковы эти указания, Саковичу не сообщили и 27 числа состоялся его официальный «отпуск»¹⁷². Молчание советников царя было не случайным, так как в действительности никаких указаний великим послам отправлено не было. Лишь 4 сентября царь отослал к ним привезенные Саковичем «статьи», не сопроводив их какими-либо комментариями¹⁷³.

Причины такого поведения русской стороны, вероятно, следует связывать с тем, что к концу июля в Москве уже имели первые неофициальные известия о том, что сейм принял решение начать мирные переговоры с Россией и избрал Алексея Михайловича преемником Яна Казимира, т. е. удовлетворил главные пожелания литовцев. В этих условиях исчезал сам предмет сепаратных русско-литовских переговоров.

Вопрос о мире с Россией и избрании Алексея Михайловича был внесен в повестку работы сейма еще весной при рассылке универсалов на сеймики¹⁷⁴. Как пояснял Д. Остафьеву П. Сапе-

170 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 183.

171 Там же. Л. 190–191.

172 Там же. № 12. Л. 177 и сл.; л. 203 и сл.

173 Там же. № 8. Л. 29–30 (сопроводительная грамота).

174 См. текст универсала Яна Казимира, адресованный шляхте Во-

га, послы, избранные на литовских сеймиках, направились на сейм «говорить» «о покое с великим государем и постановить бы так, как стала олекцея (т. е. выборы) на комиссии»¹⁷⁵, т. е. добиться избрания царя преемником Яна Казимира, как это было предусмотрено Виленским соглашением. И это заявление соответствовало истине. Литовцы прилагали усилия, чтобы их представительство на сейме было возможно более значительно. Выборы послов были проведены даже в тех поветах, которые были заняты русскими войсками. Русские власти в проведение выборов не вмешивались. Когда шляхта Ошмянского повета, получив королевский универсал о выборе послов, обратилась к «великим» послам за «указом», никаких указаний не последовало¹⁷⁶. Некоторые сеймики послали Н.И. Одоевскому инструкции своим послам¹⁷⁷. Снова избранный послом от Троцкого воеводства М. Россухацкий просил Н.И. Одоевского об охране его владений во время пребывания на сейме¹⁷⁸.

На сейме, который начал работу 10 июля н. ст., уже через несколько дней после начала заседаний, 16–17 июля литовские послы во главе с Яном Антонием Храповицким, потребовали организации депутации для подготовки инструкций для комиссаров, которые высланы под Вильно, и на следующий день такая депутация была образована¹⁷⁹. Решения, принятые сеймом, состояли в следующем. Сейм (несмотря на протест епископов) принял решение об избрании Алексея Михайловича преемником Яна Казимира, если он примет предложенные условия. Соответствующие инструкции были посланы комиссарам 25 июля н. ст. Они получили полномочия в случае успеха переговоров выдать представителям царя соответствующий «диплом». Из числа участников сейма была сформирована депутация, которой сейм дал право заключить соответствующий договор. Избрание царя участниками сейма было актом, противоречащим традицион-

льнского воеводства (РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8 А. Л. 23–24), шляхте Ошмянского повета (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 98–101об.).

175 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8 А. Л. 180–181.

176 См. обращение шляхты Ошмянского повета (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 87–88об.) и ответ великих послов (Там же. Л. 102об. и сл.).

177 Так поступил, например, сеймик Браславского повета (РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 233–238).

178 Там же. Л. 365.

179 *Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania... S. 99–100.*

ным нормам права Речи Посполитой, которые предусматривали право на участие в выборах всех представителей дворянского сословия. Это давало основания для того, чтобы оспаривать законность такого решения в будущем.

В основе посланных комиссарам инструкций лежали инструкции, врученные польским комиссарам перед переговорами 1656 г. Можно говорить лишь о двух небольших новшествах. На царя налагалось обязательство вскоре после своего избрания организовать переговоры о воссоединении церквей. Внесение этого условия должно было ослабить оппозицию со стороны католической иерархии. Кроме того, Смоленская земля до коронации и вступления Алексея Михайловича на польский трон могла остаться в руках царя с тем, чтобы шляхтичи — граждане Речи Посполитой и католическая церковь сохранили бы здесь свои владения. Это установление должно было быть определенной гарантией для царя, что Речь Посполитая после смерти Яна Казимира выполнит условия соглашения¹⁸⁰.

Царю, следовательно, снова предлагалось в обмен за возведение в будущем на польский трон вернуть Речи Посполитой все земли в Великом княжестве Литовском и отказаться от патроната над Войском Запорожским. Это была попытка мирным путем вернуть магнатам и шляхте Великого княжества их земли, что соответствовало пожеланиям литовцев. Познанский воевода Ян Лещинский писал 7 августа С.К. Беневскому — представителю Речи Посполитой на переговорах с Выговским, что он предпочел бы заключить сначала соглашение с казаками, а не с Россией, но литовцы угрожали, если не будут начаты мирные переговоры, заключить сепаратное соглашение с царем, и в этом их поддержало литовское войско¹⁸¹. Миссия Саковича сыграла, по крайней мере, ту роль, что благодаря ей литовцы добились на сейме благоприятных для себя решений.

Было еще две важных причины, по которым послы и сенаторы из Короны нашли нужным пойти навстречу представителям Великого княжества. Во-первых, не обрисовывались перспективы приемлемого для Речи Посполитой мирного соглашения

180 *Kubala L. Wojny duńskie... S. 130–133; Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania... S. 101–107.* Текст инструкций см.: *Kubala L. Wojny duńskie... Dodatek. № XXVI. S. 554–560.*

181 *Kubala L. Wojny duńskie... S. 128.*

со Швецией. Карл Густав требовал признания за ним прав на Ливонию и Курляндию и на этих условиях соглашался вернуть Речи Посполитой занятые шведами прусские города. Однако при этом Речь Посполитая должна была выплатить 4 миллиона талеров контрибуции, а до ее выплаты такие прусские города, как Мальборк, Эльблонг, Глова в устье Вислы, позволявшая блокировать Гданьск, должны были оставаться под шведской властью¹⁸². «Я думаю, что мы заключим договор с царем, потому что король Швеции отстаивает твердым в своих неразумных предложениях», — писал 18 августа н. ст. из Варшавы секретарь королевы Пьер де Нуайе¹⁸³. Во-вторых, сообщения возвращавшихся из Москвы польских гонцов убеждали политиков Речи Посполитой в том, что царь согласится заключить мир на тех условиях, которые предлагают литовцы. Первый такой гонец, С. Халецкий, находился в Москве во второй половине марта 1658 г.¹⁸⁴. С какими сведениями он вернулся, позволяет судить письмо П. де Нуайе из королевской ставки от 2 июня н. ст. Царь, — сообщал гонец, — очень желает мира и, если его изберут преемником польского короля, готов отдать все, что он занял, и завоевать для Речи Посполитой Ливонию¹⁸⁵. Другой гонец, Е. Беницкий, побывал в Москве в середине июня 1658 г.¹⁸⁶. Он привез еще более обнадеживающие сведения. По его сообщениям, войска, стоящие под Вильно, не могут рассчитывать на подкрепления, так как идет большая война с татарами и калмыки, соединившись с ними, уже разбили немалую часть русской армии; царь хочет мира и уже готов уступить Смоленск¹⁸⁷. Отнесясь с доверием к этим сообщениям, король и его советники полагали, что на мирных переговорах удастся заключить мирное соглашение на условиях, предложенных польско-литовской стороной, а также договориться о совместных действиях против шведов¹⁸⁸. Все это

182 Ibid. S. 81.

183 *Lettres de Pierre de Noyers pour servir à l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 à 1659*. Berlin, 1859. S. 430.

184 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 4. Л. 24, 39.

185 *Lettres de Pierre de Noyers...* S. 413.

186 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 11. Л. 67, 109. 11 июня он принят царем, 16 июня датирована ответная грамота Алексея Михайловича.

187 См. так называемые «*Punkta od Bienickiego*»: *Kubala L. Wojny duńskie... Dodatki*. № XXXI. S. 565.

188 См. письмо короля комиссарам из Варшавы от 8 августа н. ст. и

делало возможным и мирное установление польско-литовского протектората над Войском Запорожским с согласия царя¹⁸⁹. Реальная позиция русской стороны, как показано выше, была совсем другой, и задуманный план основывался, по существу, на ложных предпосылках, но как бы то ни было, решение сейма об избрании Алексея Михайловича польским королем было принято и это не могло не оказать влияния на развитие отношений между Россией и Польско-Литовским государством.

Первые известия о решениях сейма доставил великим послам возвращавшийся из Варшавы гонец Л. Иванов 29 июля¹⁹⁰. Так как он был отпущен королем еще до принятия сеймом соответствующих решений, о них и не говорилось ничего в королевской грамоте, которую вез гонец. Однако уже в дороге ему удалось собрать некоторые сведения¹⁹¹. Он выяснил, что сейм принял решение об избрании Алексея Михайловича, узнал и некоторые условия, которые будут ему предлагать: «Прав и вольностей ни в чем не нарушить и в вере никакой тесноты не чинить, а войску всему... заплату дать на год». Особенно важным было сообщение: «А Смоленск и иные литовские города по смерти владеть Яну Казимиру королю». Это сообщение никак не могло вызвать у «великих» послов надежды на благоприятный исход мирных переговоров.

По сообщениям гонца, решения об избрании царя добились литовцы, «а корунные... хотели было помиритца с шведом». В Варшаве, по его словам, все хотят мира с Россией и носятся с планами войны со Швецией, чтобы «идти посполу (вместе) царского величества ратным людем от Риги, а королю морем». Некоторые из собеседников говорили гонцу, что «буде государь Смоленск отдать не укажет, и королю б достигнуть Риги и владеть Ригую». Эти сообщения указывают на среду, с которой гонец общался, — круг людей, связанных с гетманом Госевским. К этой же среде ведет и его утверждение, что «толко б не

письмо канцлера К. Паца К. Бжостовскому от 14 августа н. ст.: *Kubala L. Wojny duńskie... Dodatki. № XXVIII–XXIX. S. 562–564.*

189 Таково было мнение Яна Лещинского (*Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 321–323*).

190 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 427.

191 Тексты записки, поданной Л. Ивановым об исполнении им своей миссии, см.: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 6. Л. 14–29; № 8. Л. 427–436; Кн. 95. Л. 229об.–242об.

канцлер Патц и у них бы сейму и долго не было». Гораздо более неопределенными были сообщения, которые привез 2 августа ездивший к комиссарам гонец Федор Отраслев. Гетман Сапега сообщил ему, что комиссарам даны все необходимые полномочия для заключения договора, а на сейме «положили на том, что на Коруну Полскую обрать великого государя и государя царевича», нужно только заключить договор о «межах»¹⁹². Еще одно сообщение от князя Яна Огинского принес послам 4 августа наместник Виленского Духова монастыря Данило Дорофеев: на сейме приняли решение заключить мир с Россией при условии, чтобы царь «изволил поступитца по Ивату реку»¹⁹³. И это сообщение не могло вызвать надежд на благоприятный исход переговоров.

Тем временем прошел назначенный в наказе срок для начала мирных переговоров — 30 июля. В письме комиссаров, которое привез Ф. Отраслев, указывалось, что они получили все необходимые полномочия и выезжают под Вильно, но не указывалось, к какому времени следует ожидать их прибытия¹⁹⁴.

4 августа послов посетил кн. Ю.А. Долгорукий, сообщивший, что у собравшихся под Вильно ратных людей кончаются запасы и есть опасность, «чтоб не побрели в рознь». Если войско и дальше будет стоять без дела, то «великого государя делу поруха учинитца от них, великих и полномочных послов», так как «осеннее время наступит, и ему в войну идти будет поздно»¹⁹⁵. В итоге было принято решение «с полскими комиссары не съезжатца» и начать военные действия¹⁹⁶. К комиссарам была отправлена грамота, в которой констатировалось, что комиссары и к 5 августа не прибыли и тем самым нанесли «бесчестье» отправившему послов царю, и Алексей Михайлович «терпети за то не будет». «И что за то учинитца, — писали они комиссарам, — и то будет с вашия проволоки»¹⁹⁷. По-видимому, еще ранее, используя свои полномочия, послы разослали в воеводства и поветы грамоты о созыве «посполитого рушения» —

192 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 409.

193 Там же. Л. 403.

194 Перевод письма см.: Там же. Л. 398–402. Письмо датировано 4 августа н. ст.

195 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 259–261.

196 Там же. Л. 263.

197 Там же. Л. 272–272об.

дворянского ополчения, которое должно было присоединиться к армии Ю.А. Долгорукого¹⁹⁸.

Как докладывал позднее царю Ю.А. Долгорукий, 7 августа войско двинулось из-под Вильно к Ковно, чтобы идти оттуда в Жемайтию¹⁹⁹. Так определилась цель военной кампании — занятие Жемайтии. Тем самым задача подчинения русской власти всего Великого княжества Литовского была бы решена и на будущих мирных переговорах пришлось бы иметь дело только с представителями Польского королевства. Вместе с тем задуманный в Москве план был выполнен не полностью. Как показывает переписка с гетманом Выговским и Г.Г. Ромодановским, одновременно с наступлением Ю.А. Долгорукого на севере — в Жемайтии планировался удар русских и казацких войск на юге в районе Гродна. Этот удар должен был связать действия армии Павла Сапеги и не дать ей оказать помощь войску В. Госевского в Жемайтии. От организации наступления из района Гродно в Москве не отказывались, но планировали осуществить его в более позднее время. В этом плане начало военных действий, на котором настоял Долгорукий, в начале августа не вполне соответствовало планам правительства. За день до выступления армии Ю.А. Долгорукого в поход, 6 августа, выехали из Вильно великие послы²⁰⁰. Ехавшие к Вильно комиссары Речи Посполитой уже не застали там русских великих послов, их попытка в отсутствие послов вступить в переговоры с Ю.А. Долгоруким не привела к успеху. Ю.А. Долгорукий предложил встретиться в Ковно, если они согласны уступить царю оставшиеся земли Великого княжества Литовского. Комиссары были вынуждены вернуться в Слоним²⁰¹.

Разрыв переговоров совпал по времени с активизацией деятельности шведских войск в Ливонии, где они осадили польский гарнизон в Вальмиере, и это вынудило Госевского искать поддержки против шведов на русской стороне. 2 августа сын

198 Протестуя против такого решения, Павел Сапега писал: «не желаем того, чтоб шляхта, в воеводствах и поветах будучая, универсалами на посполитое рушенье заимана была» (Грамота Павла Сапеги великим послам от 4 августа н. ст. // РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 248).

199 АМГ. Т. 2. № 1030. С. 610.

200 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 275.

201 *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 138.

А.Л. Ордина-Нащокина Воин сообщил отцу, что к нему приехал посланец гетмана с просьбой дать ему «струбы» для переправы войска через Западную Двину, «чтоб от свейских людей выручить Волмер»²⁰². Тогда же гетман отправил к «великим» послам другого посланца, ковенского стольника Яна Игнатовича. Посланец должен был просить помощи против шведов и чтобы великие послы предложили А.Л. Ордину-Нащокину помочь литовскому войску перейти Двину²⁰³. В сложившихся условиях миссия закончилась полной неудачей, великие послы отказались принять Игнатовича.

Положение литовского войска в Жемайтии стало опасным. С одной стороны ему угрожали шведы, с другой — войска Ю.А. Долгорукого. Когда русская армия пришла в район Ковна, местная шляхта во главе с хорунжим М. Скорульским, недавним посланцем гетмана В. Госевского к великим послам, принесла присягу царю. 20 августа армия перешла реку Вилею, Ю.А. Долгорукий сообщал царю о своем намерении идти к Кейданам, резиденции Госевского²⁰⁴. Гетман пытался избежать опасности, прибегая к дипломатии. 20 августа н. ст. он обратился к царю с письмом, отосланным к Воину Нащокину, жалуясь на действия великих послов, без всяких причин разорвавших переговоры. Он убеждал царя, что планы его возведения на польский трон реальны, так как претендовавший ранее на польский трон император «от того предсезятия своего уступил», не выступают против его избрания и другие европейские правители²⁰⁵. 15 августа посланец гетмана Ю. Суходольский обратился к самому Долгорукому. Он убеждал от имени гетмана русского главнокомандующего, что именно соглашение с Речью Посполитой, когда царь вступит на польский трон, принесет России гораздо больше выгод, чем мир со Швецией. Госевский выражал готовность начать с русским командующим переговоры о мире²⁰⁶.

Вместе с тем в Речи Посполитой не ограничивались дипломатическими средствами. Задуманный здесь план военных действий канцлер К. Пац изложил в письме к комиссарам от 10 сен-

202 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 88.

203 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 461–469.

204 АМГ. Т. 2. № 1030. С. 610.

205 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 2. Л. 98–102.

206 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 1. Л. 37–44.

тября н. ст.²⁰⁷. На помощь Госевскому должен был направиться со своей армией Павел Сапега, и ему были посланы универсалы о созыве дворянского ополчения — «посполитого рушения» «в завоеванных и не завоеванных краях». Предполагали, что войска Сапеги смогут зайти в тыл армии Долгорукого, так что она окажется зажатой между двумя литовскими армиями. В Варшаве рассчитывали, что поражение, нанесенное армии Долгорукого, заставит русских представителей сесть за стол переговоров.

Важная особенность посланного комиссарам документа заключалась в том, что при ведении военных действий против русских вооруженных сил важное место отводилось Войску Запорожскому. В Варшаве даже считали, что гетман Выговский с казацкими полками уже начал на Украине военные действия против Г.Г. Ромодановского и В.Б. Шереметева. На территории Великого княжества Литовского важную роль должен был сыграть располагавшийся на территории Юго-Восточной Белоруссии полк Нечая. Нечай должен был занять переправы и помешать идущим из России войскам присоединиться к армии Долгорукого.

Таким образом, во внешней политике Речи Посполитой в начале сентября 1658 г. обозначился резкий переход от поисков мирного соглашения к поискам силовых решений. Такие перемены лишь отчасти были связаны с поведением русской стороны, прервавшей мирные переговоры, большее значение имело влияние других факторов. Так, к началу сентября 1658 г. закончился период неопределенности в польско-шведских отношениях. В середине августа 1658 г. Карл Густав напал на Данию, поставив своей целью полное завоевание этой страны. После успешного исхода первой военной кампании против Дании зимой 1657/8 г. такая перспектива казалась совсем реальной, и это вызывало серьезные опасения у польских политиков. Королева Людовика Мария писала курфюрсту, что нападение на Данию доказывает, что шведы продолжают осуществлять свой замысел создания империи на Балтийском море, власть которой распространялась бы на все порты на Балтийском побережье. Став хозяином Дании, Карл Густав, по ее мнению, должен был вернуть-

207 *Kubala L. Wojny duńskie... Dodatek. № XXXVI. S. 571–576. К. Пац излагал комиссарам решения, принятые на раде сената 8 сентября н. ст. (Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania... S. 102).*

ся, чтобы утвердить свою власть над прусскими портами²⁰⁸. Эти опасения относились все же к будущему, а в настоящем начало новой датско-шведской войны означало, что в ближайшие месяцы можно не опасаться неожиданного появления главных сил шведской армии ни в Пруссии, ни в Ливонии. Играли определенную роль и надежды на восстание шляхты, недовольной русской властью. В том же письме Людовика Мария выражала свое убеждение, что с приходом армии Сапеги вся литовская шляхта восстанет против «москвитов»²⁰⁹.

Однако, как видно из содержания разработанного в Варшаве плана военных действий, на позицию польского правительства главное влияние оказали те неблагоприятные для русских внешнеполитических планов перемены в русско-украинских отношениях, которые пока еще оставались неизвестными для русского правительства.

Как было показано выше, в поведении казацкой верхушки в конце мая 1658 г. обозначился резкий поворот, она проявила готовность перейти под протекторат Речи Посполитой и выступить на ее стороне против России. Начатые весной 1658 г. переговоры о заключении польско-украинского соглашения были продолжены на новой встрече С.К. Беневского с Тетерей²¹⁰. Результатом переговоров стал проект соглашения, подготовленный к началу июля 1658 г.²¹¹. Вопрос об отношениях с Войском Запорожским обсуждался на сейме 1658 г. Из числа сенаторов и послов была образована комиссия, которая должна была дать инструкции польско-литовским комиссарам, С.К. Беневскому и К. Евлашевскому, которые должны были выехать к Выговскому для выработки окончательного соглашения. Находившийся в Варшаве К. Евлашевский направился с этими инструкциями к С.К. Беневскому в начале августа²¹². 4 августа гетман снова писал Яну Казимиру о своем желании и стремлении привести Войско Запорожское под власть короля. Одновременно он заявлял о своей готовности сесть на коня и вести войну против «неприятеле-

208 *Urkunden und Actenstücke...* Т. 8. S. 291 (письмо от 1 сентября н. ст. 1658 г.).

209 *Ibidem*.

210 Об этой встрече см.: *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 444–445.

211 Об этом соглашении см.: *Грушевський М.С. Історія...* Т. X. Ч. 1. С. 325–327.

212 Там же. С. 329.

лей» Речи Посполитой, «особенно Москвы»²¹³. Такие заявления давали серьезные основания для надежд, что в случае войны Войско Запорожское выступит на польско-литовской стороне. К началу сентября, когда К. Пац писал свое письмо комиссарам, в Чигирин прибыли комиссары Речи Посполитой уже для заключения предварительного договора между Польско-Литовским государством и Войском Запорожским²¹⁴.

Параллельно с контактами между Чигирином и Варшавой шли непосредственные переговоры между польскими властями и «белорусским» полковником Нечаем. 27 августа н. ст. 1658 г. королева Людовика Мария сообщала своему союзнику курфюрсту, что «другой предводитель казаков», который занимает земли на территории Великого княжества Литовского, предложил королю свою службу против всех врагов без исключения²¹⁵. Он обещал вывести в поле 20-тысячное войско²¹⁶. На раде сената 31 августа было принято решение взять войско Нечая на королевскую службу²¹⁷. В письме, отправленном своим знакомым секретарем королевы Пьером де Нуайе 8 сентября н. ст., уточняется, что накануне он подписал распоряжение казакам выступить в поход против русских войск²¹⁸.

Хотя, как уже отмечалось выше, переговоры носили секретный характер и в них был посвящен достаточно узкий круг участников, полностью сохранить их в тайне не удалось, тем более, что литовцы, которым это соглашение не нравилось, не считали нужным сохранять в тайне то, что им было известно.

Так, посетивший 30 июня «великих» послов кн. Семен Огинский говорил, что Выговский с реестровыми казаками «хотят пристать к королю»²¹⁹. Ряд важных сведений 11 июля привез ездивший к П. Сапеге Д. Остафьев. Гетман, называвший в разговоре с гонцом казаков «ворами» и «вероломцами», «не такие люди, что на правде стоять», в доказательство ссылался на письмо Выговского, который сообщал гетману, что он

213 *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 107.

214 Об отъезде комиссаров и их путешествии в Чигирин см.: *Грушевский М.С. Історія...* Т. X. Ч. 1. С. 331–332.

215 *Urkunden und Actenstücke ...* Т. 8. S. 290.

216 *Lettres de Pierre de Noyers...* S. 435.

217 *Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania...* S. 102.

218 *Lettres de Pierre de Noyers...* S. 437.

219 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 85об.

«во многих местех леса позасекал, мосты попортил», так как на него идет русское войско²²⁰. Тогда же Д. Остафьев узнал, что к гетману приехал гонец от Выговского, и он, — как сообщал гонец, — его «поставил в ином селе и накрепко приказал, чтоб нам его не видеть»²²¹. Однако через несколько дней ему удалось выяснить, что Выговский договаривается с Сапегой, «чтоб татар от себя не отпустить, идти бы воевать государевы украинские городы». Для заключения соглашения гетмана приглашают приехать в Луцк «не на великие дни». Д. Остафьеву даже удалось раздобыть копию грамоты Выговского Сапеге, где излагались некоторые условия польско-украинского соглашения: 60-тысячный реестр, казацкие послы в сейме, «ляхом николи не быть» «урядниками» в «казацких городех»²²². Важные сведения привез и вернувшийся от Сапеги 2 августа Ф. Отраслев. Сообщая гонцу о решении сейма избрать преемником Яна Казимира Алексея Михайловича, гетман жаловался, что «проволака... большая тому делу чинилась от гетмана Ивана Выговского, потому что он манил, а хотел учинитца у королевского величества в подданстве, а царскому величеству воровал»²²³. Все эти сведения, однако, не оказали влияния на русское правительство. По-видимому, в Москве продолжали рассматривать такие сообщения как очередную попытку испортить отношения между русской властью и Войском Запорожским.

Выговский не выполнил обещаний, данных Апухтину. К Карлу Густаву посла он отправил, но, как показано выше, совсем не с поручением добиваться мира с Россией. Павел Тетеря поехал не в Вильно, а на новую встречу с С.К. Беневским. Нет и каких-либо данных о том, чтобы казацкие полки готовились к походу в Белоруссию. Однако и польские политики, радуя друга друга сообщениями о том, что Выговский уже начал на Украине военные действия против русских войск, выдавали желаемое за действительное. Несмотря на свои заявления, гетман вовсе не стремился по собственной инициативе начинать войну с Россией, не располагая значительной татарской и польской военной помощью. Те военные меры, которые он предпринял и которые

220 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 187.

221 Там же.

222 Там же. Л. 201–202, 205, 208.

223 Там же. Л. 409.

дали основание для слухов о начавшейся войне, носили, как увидим далее, оборонительный характер.

Напряженность в русско-украинских отношениях, вызвавшая к жизни эти меры, была связана с действиями Г.Г. Ромодановского. Г.Г. Ромодановский был отправлен в поход для того, чтобы оказать помощь в борьбе с восставшими. Задача эта отпала, так как еще до того, как русские войска подошли к восточной границе гетманства и Г.Г. Ромодановский стал лагерем в Прилуках, восстание было подавлено. Но оставалась сложная проблема, как относиться к спасающимся бегством сторонникам Пушкаря. В наказе, врученном воеводе, поименно указывались предводители бунтовщиков, которых следовало арестовать и, если этого потребует Запорожское Войско, передать на войсковой суд. Перечень предводителей бунтовщиков Г.Г. Ромодановский разослал воеводам пограничных городов с предписанием их арестовать, если они появятся на русской территории. Так был арестован и доставлен к воеводе писарь Пушкаря Степан Лях. Сам воевода арестовал явившегося к нему миргородского полковника Степана Довгаля. 15 июня с отрядом своих сторонников к Г.Г. Ромодановскому явился один из главных руководителей восстания запорожский кошевой атаман Яков Барабаш. Он и сопровождавшие его лица заявили, что лучше им умереть по приказу царя, чем от рук «поганных», то есть татар²²⁴. Барабаш Г.Г. Ромодановский арестовывать не стал. «Яков, государь, Барабаш, — писал он царю, — ныне со мною... в полку»²²⁵. Никаких пояснений о причинах принятого им решения воевода не сделал, и о них можно только догадываться. Вероятно, воевода относился к Выговскому с гораздо большим недоверием, чем царь и его советники в Москве. Как человека, отвечавшего за оборону южных границ, его не могли не волновать сообщения о союзе Выговского с татарами и приходе на Украину татарских войск. Как увидим далее, Г.Г. Ромодановский настойчиво обращал внимание царя на опасность украинско-татарского союза. Очевидно, в этих условиях ему представлялось целесообразным усилить свою армию за счет «черкас» — противников Выговского. Включенный в состав «полка» Ромодановского Барабаш не вел себя пассивно. Уже в конце июня он стал рассылать

224 Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 256–257.

225 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 53.

универсалы, называя себя гетманом и обещая скорый приход на Украину с русским войском и выборы нового гетмана. На территории, охваченной ранее восстанием, стали собираться отряды сторонников Барабаша, которые начали нападать на сторонников Выговского. В ответ Выговский в начале июля провел мобилизацию ряда левобережных полков, собравшихся около Нежина, чтобы защищать территорию гетманства от возможного нападения²²⁶. Если сторонники Барабаша ободряли друг друга известиями, что к ним идут на помощь русские войска, то сторонники Выговского ободряли себя слухами о скором приходе орды. Так, путивльский воевода кн. Григорий Долгорукий сообщал 11 июля о «листе» Выговского миргородскому полковнику, что хан по просьбе Выговского прервал поход в «Венгерскую землю» и скоро придет на помощь Выговскому²²⁷. Затем, к середине июля, стали распространяться слухи, что гетман «посылал в Крым по всю орду» и теперь «крымский хан со всеми силами при нем, гетмане, и кочуют около Чигирина». Обеспокоенный такими сообщениями Ромодановский писал царю, что, если татары перейдут Днепр, он намерен «писать во все полки». «чтоб они... шли на помочь» к его войску²²⁸. Следует согласиться с мнением исследователей, что этот, разразившийся в июне–июле конфликт ускорил решение Выговского добиться соглашения с Речью Посполитой²²⁹.

Однако, вопреки надеждам польских политиков, до военных действий на Украине дело не дошло. Обозначившаяся напряженность пошла на убыль, 23 июля Г.Г. Ромодановский получил «указ» царя вернуться с войском в Белгород и 30 числа двинулся туда²³⁰. Выговский также не стремился к обострению конфликта. Посланцу В.Б. Шереметева, Рафаилу Корсаку, отправившемуся в Чигирин, чтобы в очередной раз пригласить гетмана в Киев, Выговский сообщил, что намерен прислать к воеводе «лутчих людей дву человек», чтобы узнать у него, «о чем... будет съезд и

226 Грушевський М.С. Історія... Т. Х.Ч. 1. С. 257–259.

227 АЮЗР. Т. 4. № 71. С. 132.

228 См. отписку Г.Г. Ромодановского царю (отправлена после 13 июля): РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 71.

229 См., например: *Горобець В. Еліта...* С. 193.

230 См. отписку Г.Г. Ромодановского царю: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 107.

договор»²³¹. Посланцу Г.Г. Ромодановского, стряпчему Г. Косагову, вернувшемуся к воеводе 30 июля, он, очевидно, понимая опасения русского военачальника, рассказал, что хан, предотвратив попытки бывшего молдавского воеводы Стефана с помощью Ракоци вернуть себе трон, «пошел на венгерско-Ракоцу войною с турскими людьми». В беседе с Косаговым гетман читал ему «лист», якобы полученный из Швеции, о том, что Карл Густав с большим войском «идет к Варшаве войною», и называл шведского короля своим «болшим приятелем»²³². Гетман не только не выступал с войском в поход против России, но и явно стремился скрыть от русской стороны свои переговоры с представителями Речи Посполитой. Другому посланцу В.Б. Шереметева, капитану С. Яблонскому, гетман говорил, что, если царь прикажет своим ратным людям отступить и выдать Барабаша и его товарищей, то гетман и войско «и дальше рады стоять за его царское величество против неприятеля, где он укажет»²³³. Такие высказывания гетмана давали царю и его советникам основания рассчитывать на участие Войска Запорожского в возможной войне с Речью Посполитой. Одно из пожеланий гетмана уже было удовлетворено с посылкой «указа» Г.Г. Ромодановскому о возвращении его в Белгород²³⁴. В Москве были готовы удовлетворить и другое его пожелание. 4 августа царь предписал Ромодановскому «Барабаша... держать с великим береженьем, чтоб не ушел» и «дурна какова над собою не учинил»²³⁵. Позднее Г.Г. Ромодановскому было послано приказание отправить Барабаша в Киев, чтобы В.Б. Шереметев передал его Выговскому на войсковой суд²³⁶.

В Москве, по-видимому, склонны были считать наступившие осложнения во многом результатом недоразумений, вызванных присылкой из Речи Посполитой «прелестных листов», в которых утверждалось, что В.Б. Шереметев и Г.Г. Ромодановский по-

231 АЮЗР. Т. 15. Стб. 250–251.

232 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 118–119.

233 *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 266 (Документ из Белгородского стола Разряда, стб. 602, в настоящее время недоступен для изучения).

234 Г.Г. Ромодановский докладывал царю, что сразу по получении 23 июля царской грамоты он немедленно известил об этом Выговского (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 399. Л. 109–110).

235 Там же. Л. 105.

236 *Грушевський М.С.* Історія... Т. X. Ч. 1. С. 266.

сланы на Украину, чтобы вести войну с Войском Запорожским. В особой грамоте, адресованной гетману, Алексей Михайлович в категорической форме опровергал эти утверждения и предлагал гетману созвать свою казацкую старшину и объявить ей об этом²³⁷. С грамотой 26 июля был отправлен подьячий Яков Портомоин, который на приеме должен был сказать гетману и полковникам, что царь доволен их службой, жалует и милостиво похвалает²³⁸. Тогда же в начале августа гетмана посетил игумен Мгарского монастыря Виктор Загоровский, который передал ему благословение патриарха Никона и от имени патриарха просил сообщить, чем гетман недоволен²³⁹.

В Москве полагали, что принятые меры приведут к желаемым результатам и возникшие осложнения будут успешно устранены. По-видимому, в середине августа с важной миссией к гетману был отправлен Василий Петр. Кикин²⁴⁰. Царь приказывал выслать двух полковников «в украинные городы» и ждать там «вестей» от Ю.А. Долгорукого, чтобы, когда «великие и полномочные послы с польскими комиссары разъедутца без дела», «полковники б с полки своими царского величества к боярам и воеводам шли в сход»²⁴¹.

Почти в то же самое время, 13 августа царь приказал «великим» послам вернуться в Вильно и вступить в переговоры с комиссарами Речи Посполитой²⁴². Тогда же, по-видимому, Ю.А. Долгорукому было «в войну ходить и людей посылать не велено»²⁴³. Военная кампания в Жемайтии была прервана. В грамоте великим послам царь никак не объяснял мотивы такого решения и они могут быть установлены лишь предположительно. Представляется, что, когда стало известно, что сейм избрал Алексея Михайловича преемником Яна Казимира, стало совершенно невозможно разрывать переговоры, даже не выслушав предложений польско-

237 Текст грамоты см.: АЮЗР. Т. 4. № 72. С. 134.

238 См. наказ Портомоину: Там же. № 73. Л. 135.

239 О миссии В. Загоровского см.: *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 271–272.*

240 Точная дата его отъезда неизвестна, так как начальная часть дела утрачена, гетман принимал его в Чигирине 1 сентября.

241 См. текст «речи» Кикина перед гетманом: АЮЗР. Т. 4. № 79. С. 147.

242 См.: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8. Л. 479 и сл.; 489.

243 Ю.А. Долгорукий получил царскую грамоту 28 августа (АМГ. Т. 2. № 1044. С. 620).

литовской стороны. Свое значение имели и два других обстоятельства. Хотя мирные переговоры со Швецией в августе месяце начались, до их окончания было еще очень далеко: стороны пока договаривались о месте встречи. Наконец, не было обеспечено участие Войска Запорожского в новой кампании в случае начала военных действий. Этого рассчитывали добиться, посылая к гетману В.П. Кикина. Впрочем, на этом этапе переговоров к возможности заключения мирного соглашения с Речью Посполитой в Москве отнеслись более серьезно, чем ранее. 4 сентября царь предписал великим послам вести переговоры, «проволачивая до тех мест», когда им будет прислан «тайный наказ», который должен был содержать окончательные условия мира²⁴⁴.

Великие послы получили грамоту царя 19 августа в Минске²⁴⁵ и сразу обратились к комиссарам, предлагая им «ехати к Вильне, не мешкая»²⁴⁶. Это обращение положило начало сношениям между великими послами и комиссарами. 31 августа к великим послам прибыли посланцы комиссаров Владислав Комар и Степан Пацына, чтобы договориться об условиях ведения переговоров²⁴⁷. 6 сентября достигнутая договоренность была скреплена присягой представителей обеих сторон²⁴⁸. 16 сентября с приездом комиссаров под Вильно начались и сами переговоры²⁴⁹.

В ожидании начала переговоров великие послы старались выяснить «на чем сеим кончился и кунклюзия стала»²⁵⁰. В начале сентября послы получили отписку от воеводы Гродна Б. Апрелева, которому о решениях сейма рассказал кн. Станислав Масальский. Комиссары, — как он сообщал, — «отпущены... на том, чтобы великий государь изволил отдать польскому королю все литовские города, которые ныне за великим государем». В этом случае будет заключен мир, «а будет великий государь не изволит городов отдать польскому королю, и о том... будут битца тотчас»²⁵¹. 6 сентября о решениях сейма послам

244 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8 А. Л. 30–31.

245 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 280.

246 Там же. Л. 280об.–283.

247 Там же. Л. 306 и сл.

248 Там же. Л. 341–341об. Текст присяги см.: Там же. Л. 342 и сл.

249 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 9 Б. Л. 20 и сл.

250 Предписание собирать «вести» на эту тему воеводе Новогрудка Д. Ильфову см.: РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 8 А. Л. 67.

251 Там же. Л. 96.

сообщил Миколай Россохацкий, который был на нем послом от Троцкого воеводства. Земский писарь сообщил, что на сейме представители Великого княжества, угрожая заключением сепаратного русско-литовского соглашения, добились избрания царя. Затем в посольской избе были зачитаны «статьи», предложенные на виленских переговорах 1656 г., после чего их «подтвердили и в-ынструкцию попрержнему, как они договорены, внесли»²⁵².

Тем самым еще до начала переговоров великие послы достаточно точно представляли себе, какие условия предложит на переговорах польско-литовская сторона, и должны были отдавать себе отчет в том, что условия мира, изложенные в их наказе, никак не устроят комиссаров Речи Посполитой. Вместе с тем, сведения, поступавшие к ним из пограничных городов, показывали, что сообщения С. Масальского о неизбежности войны в случае неудачи переговоров соответствуют истине. Гродненский воевода Б. Апрелев сообщал, что в Бельске Павел Сапега собирал полковников и там было установлено, «где которым полкам... поступать». Войска Сапеги уже стали переходить Неман и располагаться на территории Гродненского повета²⁵³. Тогда же, в начале сентября, воевода Новогрудка Данило Ильфов сообщал, что к городу движутся войска Сапеги, новогрудский хорунжий Стефан Францкевич «выбирает из мужиков драгунов и похваляетца на Новогрудской замок». «А мы, — писал воевода, — от тех желнырей сидим в осаде»²⁵⁴. 10 сентября кн. Самуил Огинский писал одному из великих послов, П.В. Шереметеву, что, перейдя Вилею, «великие загоны» из войск В. Госевского вторгаются на занятую русскими территорию²⁵⁵.

Так как в сложившейся ситуации возможности для каких-либо маневров у «великих» послов, по существу, отсутствовали, то они просили у царя нового «указа»²⁵⁶. Однако, в грамоте, полученной 17 сентября, царь лишь повторил свои прежние указания: на переговорах тянуть время и «дождитати великого государя тайного наказа»²⁵⁷.

252 Там же. Л. 103–104.

253 Там же. Л. 38–39, 95.

254 Там же. Л. 135–136.

255 Там же. Л. 164.

256 Там же. Л. 187–188.

257 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 445.

На польско-литовской стороне накануне переговоров продолжало сохраняться представление, что Русское государство — слабый противник, который находится в трудном положении и поэтому его удастся заставить заключить соглашения, выработанные в Варшаве. Разрыв мирных переговоров по инициативе русской стороны и поход Ю.А. Долгорукого в Жемайтию должны были показать ошибочность таких расчетов, но этим фактам не придали значения. При королевском дворе разрыв переговоров даже воспринимали как хороший предлог для начала успешной войны. Свое сообщение о разрыве мирных переговоров секретарь королевы Пьер де Нуайе сопроводил следующим комментарием: «Мы полагаем, что это — фанфаронство, так они слабы и находятся в довольно плохом состоянии. Теперь против них посланы две армии из Литвы, которые могут их несомненно разбить»²⁵⁸. Предложение вернуться за стол переговоров укрепило короля и его окружение во мнении, что поведение русских всего лишь «бравлада»²⁵⁹.

Когда комиссары заключили соглашение о прекращении военных действий на время переговоров, это вызвало резкое неудовольствие короля. Он утверждал, что это было сделано вопреки его указаниям и что поведение «великих» послов, разорвавших переговоры, и поход Долгорукого давали достаточное основание для того, чтобы начать военные действия и не прекращать их на время переговоров. Гетманы могли бы нанести поражение Долгорукому или отогнать его к Смоленску, и можно было бы заключить мир «*sine infamibus conditionibus tutam honestam*» (весь честный, без позорных условий). Король предписывал комиссарам требовать возвращения всех утраченных земель, но не предлагать царю право наследовать польский трон. Такие обещания были даны, когда Россия была могущественной, а теперь с ней следует поступать иначе²⁶⁰. Литовские политики не разделяли воинственных настроений короля и готовы были заключить с великими послами мир на условиях, выработанных на сейме²⁶¹,

258 Письмо от 1 сентября н. ст.: *Lettres de Pierre de Noyers...* P. 434.

259 *Ibid.* P. 438.

260 См. письмо короля комиссарам от 5 октября н. ст.: *Kubala L. Wojny duńskie... Dodatki. № XXXVII. S. 577–579.* Письмо отражало и мнение большинства участников рады сената, собиравшейся 3 октября н. ст. (*Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania... S. 105*).

261 *Kubala L. Wojny duńskie... S. 145–146.*

но о каком-либо смягчении польско-литовских условий мира в сложившемся положении не могло быть и речи.

Таким образом, на начавшиеся переговоры обе договаривающиеся стороны пришли со взаимно исключающими условиями мира, которые они не имели права менять, каких-либо новых компромиссных предложений, которые могли бы удовлетворить обе стороны, в их распоряжении не было.

Начало мирных переговоров полностью подтвердило правильность тех сообщений, которыми уже располагали великие послы. На встрече 18 сентября комиссары Речи Посполитой снова подали условия, которые польско-литовская сторона представляла на «прежней комиссии», и заявили, что уступок никаких не будет «и им сверх инструкции прибавить ничего не уметь»²⁶². 20 сентября послы отправили сообщение об этом царю²⁶³.

Царь и его советники оказались перед необходимостью принятия новых серьезных решений. К этому толкали и очень неблагоприятные для русских политических планов перемены, обозначившиеся на Украине.

Пауза в русско-украинских отношениях длилась недолго. М.С. Грушевский привел ряд аргументов в пользу того, что около 20 июля в Чигирине собралась казацкая старшина и на этом собрании было решено не принимать воевод из Москвы и дать отпор войскам Ромодановского, который поддерживает «своевольников». Это был важный шаг на пути к соглашению с Речью Посполитой²⁶⁴.

9 августа, когда в Чигирин прибыл с царской грамотой Я. Портомоин, гетман встретил его резкими упреками в адрес В.Б. Шереметева и Г.Г. Ромодановского, которые по сведениям, которые к нему приходят, поддерживают «своевольников» и хотят его погубить. Он заявил, что идет за Днепр с войсками и татарами, чтобы наказать «своевольников», а если царские ратные люди станут их поддерживать, он будет сражаться и с ними. После этого Я. Портомоин был задержан в Чигирине²⁶⁵, а Выговский с войском направился на Левобережную Украину. Здесь у города Гадяча в его лагерь прибыли комиссары Речи Посполитой во гла-

262 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 9 Б. Л. 137, 141, 147.

263 Там же. Л. 149.

264 *Грушевський М.С. Історія... Т. X. Ч. 1. С. 269–271.*

265 См. статейный список Я. Портомоина: АЮЗР. Т. 4. С. 189–191.

ве с С.К. Беневским для заключения соглашения о возвращении Войска Запорожского в состав Речи Посполитой. Переговоры не обошлись без трудностей: чтобы добиться окончательного решения, потребовалось вмешательство перекопского Караш-бея, сопровождавшего со своим отрядом войско Выговского²⁶⁶, однако 7 сентября договор был подписан²⁶⁷. Теперь уже речь шла не о декларациях, хотя бы и важных по содержанию, гетмана или кого-либо другого из представителей казацкой верхушки, а о соглашении, участником которого было все Запорожское Войско. Россия в случае войны с Речью Посполитой не могла больше рассчитывать на его поддержку, а Польско-Литовское государство получало веские основания такой помощи ожидать.

В этих условиях миссия В.П. Кикина была обречена на неудачу. Гетман отказался послать казацкие полки в Белоруссию²⁶⁸. Отослать татар гетман также отказался, а незадолго до отпуска Кикина прямо заявил русскому гонцу, что ждет к себе калгу с татарами, которые уже перешли Днепр, и обратился к хану с просьбой, чтобы, вернувшись из похода в Трансильванию, он тоже направился на Украину²⁶⁹.

С заключением договора в Варшаве связывали большие надежды на вступление Войска Запорожского в войну с Россией. Сообщая комиссарам в письме от 9 октября н. ст. об этом соглашении, Ян Казимир выражал надежду, что в скором времени казацкие войска дойдут до самой Москвы²⁷⁰. Однако от таких планов наступательной войны, в которой Войско Запорожское сыграло бы роль главного орудия Речи Посполитой, Выговский был далек²⁷¹. Характерно, что он постарался скрыть от московского посланца свои переговоры с польско-литовскими комис-

266 Роль крымских представителей в заключении соглашения правильно подчеркивал В. Горобец (*Горобець В. Еліта...* С. 188–189).

267 Подробный очерк истории переговоров см.: *Грушевський М.С. Історія...* Т. X. Ч. 1. С. 331–353. Ряд интересных соображений о том, какими способами пропольские представители казацкой верхушки склоняли гетмана к подписанию договора, см.: *Яковлева Т.Г. Гетьманщина...* С. 273–274.

268 АЮЗР. Т. 4. № 79. С. 147.

269 Там же. С. 162.

270 *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 144–145, 457.

271 На это справедливо указывает Т.Г. Яковлева (*Яковлева Т.Г. Гетьманщина...* С. 275–277).

сарамы, и Кикин так и уехал в Москву, не зная ни о содержании этих переговоров, ни о заключенном соглашении. В разговорах с ним гетман, обрушиваясь с нападками на Ромодановского и Шереметева, которые поддерживают «своевольников», обвиняя Алмаза Иванова, что тот при чтении Алексею Михайловичу искажает содержание его «листов», одновременно просил царя, чтобы он поручил читать его грамоты «ближнему человеку», подчеркивал свою преданность царю, которому гонец должен рассказать о его «кривдах». Он направлялся в поход только против Г.Г. Ромодановского и «своевольников», которые после поражения восстания укрылись «в новых городах». При этом он обещал ждать четыре недели ответа царя на свои жалобы²⁷².

Как представляется, ближайшей целью политики Выговского было добиться с помощью этих мер удовлетворения требования, которое он выдвигал с самого момента подавления восстания: выдать ему зачинщиков и заставить вернуться на территорию гетманства всех, кто бежал на русскую территорию. В сложившейся сложной ситуации Выговскому, возможно, удалось бы добиться своей цели, если бы не события, связанные с Киевом.

Для гетмана и поддерживающей его казацкой верхушки, их планов укрепления автономии гетманства путем соглашения с Речью Посполитой большим препятствием на пути к достижению этой цели было присутствие русских войск в самом центре гетманства — в Киеве. Это была, по существу, целая армия. Когда по приказу царя Г.Г. Ромодановский в начале июля прислал в город 1000 рейтар и драгунский полк, корпус под командованием Шереметева насчитывал 7000 чел.²⁷³. О своих планах относительно Киева гетман высказывался в беседе с Портомоиным 9 августа. Он сообщил о намерении послать к Киеву своего брата Данилу с войском, чтобы выслать из города русских воевод и разрушить поставленную ими крепость. Если они откажутся добровольно оставить город, он будет блокирован²⁷⁴.

Как эти намерения выполнялись, выяснил М.С. Грушевский, анализируя донесения В.Б. Шереметева царю²⁷⁵. 5 августа

272 АЮЗР. Т. 4. С. 160–164.

273 АЮЗР. Т. 15. Стб. 215, 220.

274 АЮЗР. Т. 4. № 95. С. 189–190.

275 *Грушевський М.С. Історія... Т. Х. Ч. 1. С. 275–285.*

наказной киевский полковник Василий Дворецкий предостерег воеводу, что гетман хочет русские войска в Киеве «осадить и голодом выморить и воду отнять», а жителям велено увозить членов семей и имущество, «чтоб татаровья и казаки их не разорили»²⁷⁶. 12 августа в окрестностях Киева стали появляться первые казацкие отряды²⁷⁷. 16 августа к Киеву пришли Белоцерковский, Брацлавский и Подольский полки, за которыми последовали новые отряды²⁷⁸. Хотя, как говорили позднее попавшие в плен полковники, Выговский предписывал блокировать город и тем самым вынудить русское войско покинуть его, его брат Данило, стоявший во главе собравшегося под Киевом войска, 23 августа попытался штурмовать крепость. Нападение было отбито. Попавших в плен казаков Шереметев послал с грамотами к казакам и мещанам киевской округи, призывая их не присоединяться к изменнику Выговскому и обещая им защиту²⁷⁹. 4 сентября Данило Выговский снова подступил к Киеву, чтобы блокировать город. В конце сентября у Василькова произошло сражение, в котором часть казацкого войска была разбита, двое полковников — Василий Выговский и Иван Сербин — попали в плен.

Первое крупное столкновение под Киевом произошло еще до того, как В.М. Кикин приехал к Выговскому. В разговорах с царским посланцем гетман возлагал ответственность за все происшедшее на Шереметева. Он без всяких причин напал на конвой, сопровождавший Данила Выговского, который приехал к Киеву, чтобы вести с ним переговоры²⁸⁰. В Москве, однако, располагали и иным источником информации о событиях, так как 30 августа В.Б. Шереметев послал царю отписку с подробным описанием того, что произошло под Киевом²⁸¹. Так как воевода не был уверен, что его сообщение дойдет до Москвы, он повторил его в новом сообщении от 7 октября²⁸², в котором описывалась и

276 АЮЗР. Т. 15. Стб. 252.

277 Там же. Стб. 253.

278 Там же. Стб. 254.

279 Текст одной из таких грамот, адресованной жителям Триполья, см. в статейном списке посольства В.М. Кикина: АЮЗР. Т. 4. № 79. С. 159–160.

280 Там же. С. 149.

281 АЮЗР. Т. 7. № 86.

282 АЮЗР. Т. 15. Стб. 253–266.

повторная попытка овладеть Киевом. Однако и первая отписка Шереметева дошла до адресата²⁸³.

Это важное сообщение пришло почти в одно время с другим, не менее важным. Воевода С. Змеев сообщал в Москву, что казацкий полковник в Белоруссии Нечай «бунты великие завел и дороги отнял круг Могилева и велит, чтоб русских людей везде побивали до смерти»²⁸⁴. В Москве не могли не увидеть связи между двумя событиями. Неслучайно в грамоте, посланной воеводе 14 сентября, ему предписывалось выяснить «нет ли у Нечая вести от Выговского или какого тайново приказу»²⁸⁵.

О произошедших переменах и принятых решениях следовало уведомить «великих» послов, что и было сделано грамотой, отправленной им 30 сентября с Д. Остафьевым. Официально речь шла об опровержении слухов, «будто Киев сожгли». Послы должны были не только опровергнуть эти утверждения, но и объявить, что к Киеву приходили «воровские черкасы» и татары, но В.Б. Шереметев нанес им поражение, «и обозы, и пушки, и знамена, и порох — все взяли»²⁸⁶. Однако одновременно Д. Остафьев должен был «тайно» сообщить послам, что «Ивашко Выговской с своими советники» и Нечай «с товарищи своими», «забыв Бога и к великому государю присяги свои, учинились в-ызмене»²⁸⁷. Послов также извещали, что посланный Г.Г. Ромодановским в Гродно отряд А. Дашкова подвергся нападению «черкас» на пути к Трубчевску и царь принял решение о его возвращении на юг²⁸⁸. Это означало, что русская армия в Белоруссии не получит подкреплений из Белгорода.

Вместе с тем в Москве рассчитывали, что не все Войско Запорожское последует за Выговским. Послам сообщали, что нарушил присягу Выговский «с начальными немногими людми», а казаки, «мало не все» не хотят его поддерживать. По-видимому, борьбу против Выговского должен был возглавить находившийся в Москве посол Пушкаря — Искра. Неслучайно послам сооб-

283 О нападении войск Выговского на Киев говорилось уже в царской грамоте, отправленной 23 сентября казакам Полтавского полка (ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 236).

284 РГАДА. Ф. 79. 1658 г. № 1. Л. 65.

285 Там же. Л. 70.

286 Там же. 1656 г. № 44. Л. 244–245.

287 Там же. Л. 247.

288 Там же. Л. 248–249.

щили, что царь отпускает на Украину «полковника» Искру вместе с отрядом А. Дашкова²⁸⁹. Против «изменников» посылались войска — в Севск во главе с кн. Ф.Ф. Куракиным, в Могилев — во главе с кн. И.И. Лобановым-Ростовским²⁹⁰.

Вместе с этими сообщениями царь отправил великим послам «тайный наказ», который они давно ждали. Условия мира, которые предлагал царь Речи Посполитой, мало отличались от тех, которые были сформулированы в большом наказе. В случае избрания царя на польский трон (это следовало «надежною крепостию укрепить» — ст. 8 наказа)²⁹¹ между государствами был бы заключен «вечный мир», граница прошла по Березине и по Бугу (между Речью Посполитой и Войском Запорожским). Таким образом, в трудной ситуации, сложившейся осенью 1658 г., Алексей Михайлович не шел на уступки. Между «большим» и «тайным» наказами было налицо одно важное различие. В текст «тайного» наказа был внесен раздел, посвященный характеристике отношений между Россией, Речью Посполитой и Швецией (ст. 11–14 этого документа)²⁹². В нем подчеркивались заслуги царя, который пришел на помощь Польско-Литовскому государству в трудное время и нанес тяжелые удары шведам, когда «и славный их город Ригу великим разореньем не во многи дни разорили». Поэтому королю следовало бы заключить мирный договор «со всякою доброю уступкою». Хотя Ян Казимир и обещал действовать совместно с царем против шведов, он «не токмо не сносил свейского короля войска, и вести о том не присылывал, где бы поиск над свейскими людьми учинили». «И вы, — должны были заявить великие послы комиссарам, — все сенатори с великим собраньем не хаживали и нигде над свейским королем и над его ратными людьми поиску не чинивали».

Теперь король снова предлагает «соединение» против шведов, но уже «то дело ушло». Сенаторы обвинялись в том, что «нарочно умысля, то дело пропустили» «своих ради гордых замыслов», а затем «обоих великих государей» «привели на всякую ссору ... своею лестною, а не истинною проволокою великие убытки и нелюбовь учинили». «Ведая б такие неправды», царь

289 Там же. Л. 250.

290 Там же. Л. 251.

291 Там же. Л. 188.

292 Там же. Л. 190–201.

был бы вправе вступить в союз с Карлом Густавом и направить все свои войска на Речь Посполитую, тогда бы король и сенаторы «и в неволю мир совершили, как нам ... годно». Шведские послы в Москве постоянно предлагали заключить такой союз, но Алексей Михайлович не пошел на это, желая мира и дружбы с Речью Посполитой. Но как ему быть, если комиссары «час от часу неправедные и лукавые дела поставляют и гордостные и злые советы умышляют». Несмотря на это Бог поможет царю, «а их сокрушит и разорит до конца».

Формулировки, использованные в этой части наказа для характеристики действий польско-литовских комиссаров, отражают глубокую неудовлетворенность царя и его советников позицией польско-литовской стороны на мирных переговорах. Как представляется, помещенные в этой части наказа замечания и характеристики должны были служить одновременно двум целям. Во-первых, угроза заключения русско-шведского союза должна была побудить польско-литовскую сторону пойти на уступки и принять русские мирные предложения. Во-вторых, если бы эта угроза не подействовала, они могли бы служить обоснованием решения о разрыве мирных переговоров и сближении со Швецией. Анализ заключительных разделов наказа позволяет прийти к выводу, что второй вариант представляется в Москве гораздо более вероятным. В 12 статье наказа расходы на войну со Швецией, начатую «по прошенью» польского короля, оценивались суммой в 1 млн. 400 тыс. руб.²⁹³. В 15 статье наказа послам предписывалось добиваться от Речи Посполитой возмещения убытков, а если она не в состоянии их выплатить, пусть уступит Брест, Слуцк, Жемайтию. Это требование сопровождалось в наказе комментарием: «которые уж из них осажены и быть под нашею государскою рукою вскоре имеют»²⁹⁴. Как представляется, в этих высказываниях налицо ясное указание на ближайшие цели новой военной кампании — установление русской власти на всей территории Великого княжества Литовского.

Другой список «тайного наказа» должен был быть послан Ю.А. Долгорукому, которому давались полномочия вести мирные переговоры во время военных действий²⁹⁵. Ю.А. Долгоруко-

293 Там же. Л. 196.

294 Там же. Л. 204.

295 Там же. Л. 239, 243.

му давались также полномочия заключить соглашение с литовскими гетманами: «будет гетманы учнут склонятца к доброму делу, и их велено принимать»²⁹⁶. При этом особые надежды возлагались на гетмана Госевского. Инструкции Ю.А. Долгорукому предусматривали возможность возникновения такой ситуации, когда «по розъезде посольском», т. е. окончании мирных переговоров, Сапега «впрям откажет, а Госевский придет и учне[т] давать веру, что ему служ[ить] великому государю». В этом случае Ю.А. Долгорукий, приведя его и войско к присяге, должен был объявить, что царь назначает его великим гетманом²⁹⁷. Гетманов предписывалось «принять», даже если они приедут служить царю «без людей»²⁹⁸. Эти особенности инструкций Ю.А. Долгорукому показывают, что сепаратные русско-литовские переговоры оставили заметный след в сознании русских политиков. Особое русско-литовское соглашение представлялось им реальным делом, если военные действия будут развиваться успешно.

Разобранные документы представляют собой важное свидетельство того, какие решения были приняты в Москве в конце сентября 1658 г. и какие указания царь Алексей Михайлович направил своим великим послам. Однако на ход переговоров эти новые инструкции уже повлиять не могли. Когда к 12 октября Д. Остафьев «с великою нужею» доехал до Полоцка²⁹⁹, мирные переговоры были уже прерваны и началась война.

Так как условия мира, привезенные представителями обеих сторон, были, по существу, противоположными, а никаких компромиссных вариантов не предусматривалось, то, когда стороны огласили содержание своих предложений, в переговорах наступил тупик³⁰⁰. Русские «великие» послы не могли идти на уступки, не имея новых инструкций от царя. В еще более сложном положении находились польско-литовские комиссары, от которых Ян Казимир требовал, чтобы они предлагали русской стороне условия мира гораздо более суровые, чем те, которые были одобрены сеймом. Узнав из донесений комиссаров, что они согласились обсуждать с великими послами вопрос об избрании царя на польский трон, король в письме от 15 октября

296 Там же. Л. 242–243.

297 РГАДА. Ф. 27. № 3. Л. 36.

298 Там же. Л. 37.

299 См. донесение Д. Остафьева (РГАДА. Ф. 27. № 126. Л. 1).

300 *Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania...* S. 103.

н. ст. с неудовольствием отмечал, что они отступили от данных королем инструкций, и настаивал, чтобы комиссары следовали во всем решениям сейма и требовали возврата всех утраченных земель³⁰¹.

Если русская сторона ориентировалась в том, какие требования предъявят комиссары, еще до начала переговоров, то поведение русских «великих» послов, упорно отказывающихся согласиться на возвращение Речи Посполитой утраченных земель, было, несомненно, неприятной неожиданностью для литовских политиков. План «мирного» возвращения утраченных «маетностей» оказывался нереальным и дело стало клониться к войне. Происходившие перемены находили свое отражение в действиях литовских войск, которые, несмотря на соглашение о перемирии, стали двигаться на восток, на земли Великого княжества, находившиеся под властью царя. С одной стороны, это были определенные меры давления на «великих» послов, с другой, так подготавливались наилучшие исходные позиции для военных действий в случае неудачи переговоров.

22–25 сентября виленский воевода кн. Мих. Шаховской подробно сообщал послам о нападении на русских солдат и офицеров в Волковыском, Слонимском, Виленском, Троцком поветах, о блокаде Гродна и Новогрудка войсками П. Сапеги, о приходе в Ковенский повет трех полков армии П. Сапеги, которые «хотят приходить под Ковну», о переходе Немана войсками В. Госевского³⁰². По-видимому, понимая, к чему идет дело, «великие» послы на встрече 27 сентября предложили прервать переговоры на три недели для получения новых инструкций, но комиссары «в обсылке отказали»³⁰³. Отказ аргументировался, в частности, тем, что «желныри долго ждать и без промыслу стоять не хотят»³⁰⁴. «Великие» послы добивались, чтобы движение литовских войск на восток было прекращено, но получили ответ, что комиссары не могут запретить гетманам двигаться к Вильно, потому что они «с ними написаны в товарищех» (т. е. входят в состав польско-литовской делегации на переговорах. — Б.Ф.), «а без

301 *Kubala L. Wojny duńskie... Dodatki. № XXXVIII. S. 580–581.*

302 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 469 об и сл.; 496 об–500 об. См. также отписку М. Шаховского царю: АМГ. Т. 2. № 1036. С. 616.

303 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 514 об.–515.

304 Там же. Л. 516 об.

войск гетманы николи не ходят»³⁰⁵. В ответ на прямое обращение «великих» послов к Сапеге гетман обещал удерживать войско «от всяких зацепок», но одновременно заявил, что «войско без промыслу быти не хочет», и потребовал вывести русский гарнизон из Новогрудка, где его не было осенью 1656 г.³⁰⁶. Несмотря на данные обещания, армия П. Сапеге продолжала двигаться к столице Великого княжества. 29 сентября в 25 верстах от Вильно войска Сапеге окружили драгунский полк Семена Брынка, посланный в город Ю.А. Долгоруким, и напали на него³⁰⁷. После вмешательства комиссаров бой был прекращен, но драгун «с порохом и свинцом» в Вильно не пропустили³⁰⁸. К тому времени, когда 4 октября состоялась новая встреча послов и комиссаров, войска П. Сапеге стояли уже в 2 милях от Вильно³⁰⁹. Эти войска перерезали дороги, ведущие к Новогрудку, Гродно и Минску³¹⁰. В начале октября на территорию Виленского повета пришло и войско во главе с В. Госевским³¹¹. Позднее Ю.А. Долгорукий докладывал царю, что к этому времени «весь Виленской уезд по обе стороны реки Вилеи гетманы Павел Сапега и Гонсевский заступили». Войска гетманов быстро увеличивались, так как к ним стала присоединяться «присяжная (т. е. принесшая ранее присягу царю. — Б.Ф.) шляхта всех поветов»³¹².

Эти сведения, поступавшие в Москву в конце сентября — начале октября, говорили о том, что благоприятное окончание мирных переговоров маловероятно, скорее начнется война и в неблагоприятной для русской стороны ситуации. Мирное соглашение со Швецией становилось все более необходимым. Хотя Алексей Михайлович пытался угрожать представителям Речи Посполитой заключением русско-шведского союза, ему и его советникам было достаточно хорошо известно, что мирные переговоры со шведами, по существу, еще и не начинались. Август–сентябрь прошли в длительных и бесплодных спорах русских и шведских представителей о том, в каком месте, на На-

305 Там же. Л. 521об.

306 Там же. Л. 534, 535об.

307 См. отписку Ю.А. Долгорукого царю: АМГ. Т. 2. № 1035. С. 613.

308 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 552об.–553.

309 Там же. Л. 554об.

310 Там же. 1658 г. № 9 Б. Л. 247.

311 Там же. № 9 А. Л. 165.

312 АМГ. Т. 2. № 1035. С. 613.

рове или на Плюсе они должны встретиться. Обе стороны сознательно затягивали переговоры³¹³. Мотивы действий у обеих сторон были, разумеется, разными. Поведение шведских дипломатов определялось военными планами Карла Густава, ближайшей целью для которого было завоевание Дании и объединение трех скандинавских стран под его властью. 18 августа шведские войска высадились в Зеландии. 21-го осадили Копенгаген. После быстрого и победоносного завершения войны не исключалась возможность возвращения его армии на южное побережье Балтийского моря для укрепления шведских позиций в регионе. В пользу существования таких планов говорит захват шведскими войсками Курляндии в конце сентября – начале октября 1658 г. В таких условиях Карл Густав был заинтересован в том, чтобы на время обеспечить себе спокойствие со стороны России, не связывая себя какими-либо обязательствами. Соглашение о прекращении военных действий на время переговоров идеально отвечало этой цели.

Иными мотивами определялось поведение А.Л. Ордина-Нащокина, оказывавшего определяющее воздействие на ход переговоров со шведами. Дело было не только в том, что, по оценке главы посольства кн. И.С. Прозоровского, думный дворянин «немецкое дело знает и их немецкие нравы ведает»³¹⁴. Члены посольства хорошо знали, что именно Нащокину царь поручил добиваться выгодных условий мира со Швецией. Некоторые соображения о мотивах действий Ордина-Нащокина позволяет выяснить запись беседы царского посланца, подьячего Приказа Тайных дел Протасия Никифорова с князем И.С. Прозоровским от 28 сентября 1658 г. У посланца князь пытался выяснить «про польский съезд, что делаетца». Свой интерес он объяснил тем, что Нащокин «о поляках (не) сомневатца и говорит, что Гансевской и Литва великому государю верны», а когда боярин стал ему говорить, «что полякам верить еще нельзя, потому что на них крепости никакие не взято», то Нащокин даже сказал, что «Литва под государевою высокою рукою», ссылаясь на какие-то грамоты, полученные им из Москвы³¹⁵. Таким образом, и в конце

313 См. об этом подробнее: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 206–207.

314 РГАДА. Ф. 27. № 128. Л. 69.

315 РГАДА. Ф. 27. № 128. Л. 72. Это свидетельство подкрепляет соображение Е.И. Кобзаревой о мотивах действий А.Л. Ордина-

сентября А.Л. Ордин-Нащокин продолжал считать заключение русско-литовского соглашения делом реальным. Очевидно, он и затягивал переговоры до «завершения литовского дела», что позволило бы выступать в дальнейшем по отношению к шведам с более выгодной позиции.

Позиция А.Л. Ордина-Нащокина станет понятной, если учесть, что русские послы на ливонской границе не имели представления о тех неблагоприятных переменах в международном положении России, которые вызывали все более серьезное беспокойство советников царя и дьяков Посольского приказа. К ним не поступало сведений на этот счет ни из Москвы, ни от «великих» послов из Вильно. Как справедливо отметила Е.И. Кобзарева, отсутствие связи между одновременно действующими дипломатическими миссиями в Вильно и на шведской границе мешало участникам переговоров со шведами в поисках правильной политической линии³¹⁶. Главным источником информации о международной ситуации стали для членов посольства, и прежде всего для А.Л. Ордина-Нащокина, письма гетмана В. Госевского, которые пересылал Нащокину его сын Воин, замещавший отца в Царевичеве Дмитриеве.

Выше уже отмечалось, что наряду с главной задачей, решения которой добивались на переговорах под Вильно комиссары Речи Посполитой — вернуть утраченные в 1654–1655 гг. земли, перед ними стояла и другая задача — помешать заключению мира между Россией и Швецией и, наоборот, добиться заключения союза, направленного против Швеции. Неслучайно комиссарам были переданы перехваченные письма Карла Густава, в которых царь назывался «тираном» — «правителем варварского народа»³¹⁷. Потребность в заключении «*coniunctio armorum*» (военного союза) против шведов стала особенно настоятельной, когда шведские войска в Ливонии во главе с новым командующим Робертом Дугласом развернули наступление, отбирая занятые ранее литовцами замки. Армия Госевского оказалась неспособной дать им отпор³¹⁸.

Нащокина (Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 206, 208–209).

316 Там же. С. 211–212.

317 Kubala L. Wojny duńskie... S. 143; Dodatki. № XXX. S. 564.

318 См. письма короля и канцлера К. Паца комиссарам от 20 августа н. ст. 1658 г. (Ibid. Dodatki. № XXXII–XXXIII. S. 566–567).

В заключении такого соглашения был заинтересован прежде всего сам В. Госевский. Несмотря на тревожное положение дел в Ливонии, он готов был направиться к Вильно, чтобы вступить в переговоры с «великими» послами и добиться заключения союза³¹⁹. 29 сентября, передав командование армией С. Коморовскому, он с частью войска пришел под Вильно³²⁰, но послы отказались с ним встретиться, так как в нарушение предварительной договоренности он пришел с войском³²¹. По-видимому, под его воздействием на встрече 27 сентября в ответ на просьбу «великих» послов прервать переговоры до получения новых инструкций комиссары выразили готовность дать свое согласие, если «великие» послы «царского величества ратным людям велют, случая з гетманы с Павлом Сапегою и з Гансевским итти на Лифлянты воевать шведа»³²².

Как и другие литовские политики, гетман был убежден, что, оказавшись в тяжелом положении, царь уступит завоеванные земли, а перспектива приобретений в Ливонии позволит ему примириться с их утратой. Он был уверен, что в скором времени будет заключен мир и союз против шведов, и эту уверенность он стремился передать А.Л. Ордину-Нащокину до своего отъезда под Вильно. В своих письмах воеводе Царевича Дмитриева гетман писал, что ожидает «скорого совершенья миру меж обоими нашими великими государи и над тем неприятелем (Карлом Густавом. — Б.Ф.), даст Бог одоление». «И до отца своего учини ведомо, — обращался он к Воину, — чтоб не спешил в миру со шведы, а то истинным словом обещаюсь, что с нами мир»³²³.

319 О его намерении встретиться с послами сообщили 25 сентября посланцы комиссаров (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 502).

320 См. о времени его прихода в отписке Ю.А. Долгорукого: АМГ. Т. 2. № 1035. С. 613. См. также: РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 538.

321 Там же. Л. 523об.-524, 536об.-537.

322 Там же. Л. 518.

323 Сохранились переводы двух писем гетмана, относящихся к этому времени (РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 173-176). Одно из писем датировано 24 сентября н. ст., другое — точной даты не имеет. Тогда же в сентябре В. Госевский писал Б. Радзивиллу: «Надеюсь на Бога, что *iunctus* (вместе) с их войском на будущей неделе вернусь» (Archiwum Główny Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Listy Gosiewskiego). На это свидетельство мне указал К. Косаржецкий.

Письма гетмана содержали также важную информацию о ходе войны Швеции со своими противниками. Если шведские «дворяне» хвастались перед своими русскими коллегами успехами Карла Густава в Дании (Копенгаген взят приступом, датский король убит, члены его семьи попали в плен)³²⁴, то письма Госевского рисовали ситуацию в ином свете. Шведская армия завязла под Копенгагеном, не в состоянии взять датскую столицу, а к ней на помощь идут войска союзников: по морю — голландская эскадра, по суше — войска австрийского генерала Монтекукколи, бранденбургские во главе с курфюрстом, польские во главе с С. Чарнецким. «А ныне время на шведа, — писал В. Госевский, — со всех сторон утеснен». Одновременно он выражал надежду, что сразу после заключения мира между Россией и Речью Посполитой начнется совместный поход в Ливонию против шведов литовских войск, войск бранденбургского курфюрста во главе с Б. Радзивиллом и армии Ю.А. Долгорукого.

Располагая такими сообщениями, А.Л. Ордин-Нащокин имел основания затягивать переговоры, ожидая дальнейшего ухудшения международного положения Швеции и заключения союза против нее с Речью Посполитой или Великим княжеством Литовским.

Переговоры А.Л. Ордина-Нащокина с В. Госевским не были тайной для шведских дипломатов, и они предприняли в середине сентября попытку дискредитировать А.Л. Ордина-Нащокина, чтобы он был отстранен от участия в переговорах. Ездившему к шведам переводчику Ивану Адамову один из королевских «дворян» Конрад фон Барнер сказал, что достижению соглашения между русскими и шведами мешает А.Л. Ордин-Нащокин, который с Госевским «всегда в великой дружбе и в ссылке пребывал и что братья меж себя жили», «с польской стороны ему немалые подарки были». По словам Борнера, в Варшаве на сейме «чесные люди» говорили, что у них есть «такой друг», который помешает заключению мира между Россией и Швецией. Свои слова К. фон Барнер просил передать И.С. Прозоровскому³²⁵. Попытки приписать А.Л. Ордину-Нащокину роль своего рода польского «агента влияния» не увенчались успехом. Царь не утратил своего доверия к думному

324 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 163.

325 Там же. № 5. Л. 371–373 («распросные речи» переводчика). См. также: Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 209.

дворянину и не отстранил его от участия в переговорах. Однако в сложившейся ситуации он никак не мог одобрить избранную А.Л. Ординым-Нащокиным линию поведения на переговорах. 5 октября Алексей Михайлович предписал послам согласиться вести переговоры в том месте, которое предлагают шведы — Валиесаре, «а за места б, съезду не учиня, не разъехатца»³²⁶. Через несколько дней после посылки этой грамоты началась война между Россией и Речью Посполитой.

Встреча великих послов и комиссаров 4 октября снова закончилась безрезультатно. Комиссары сказали, что они готовы еще раз встретиться с послами, но «тот... съезд будет последней»³²⁷. Основания для надежд, что русская сторона пойдет на уступки, давали полученные комиссарами известия о заключении Гадячского договора. Неслучайно накануне этой встречи посланцы комиссаров сообщили послам, что «гетман Иван Выговский с черкасы королевскому величеству добили челом, и учинились попрежнему в подданстве и присягу учинили»³²⁸. К этому времени комиссары получили письмо Яна Казимира от 5 октября н. ст., и это не могло не повлиять на их позицию³²⁹. На встрече, состоявшейся 8 октября, великие послы попытались предотвратить угрозу войны. Они предложили прервать переговоры до получения новых инструкций от обоих государей, заключить соглашение о перемирии до получения инструкций и «развести» войска. Они проявляли в связи с этим готовность отвести армию Ю.А. Долгорукого к Полоцку³³⁰. Такие предложения не были предусмотрены царским наказом, но великие послы объясняли царю, что выступили с таким предложением, так как «ратным людем учало быть утеснение, и дороги все отняты» и нет продовольствия ни для людей, ни для лошадей³³¹. Однако польско-литовские комиссары не согласились на отсрочку. Они откровенно поясняли, что если теперь войска «розвести», то и войску, и потерявшей свои владения шляхте «без промыслу где будет живитца, и так, де,

326 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 5. Л. 95.

327 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 565.

328 Там же. Л. 596. Ср.: *Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania...* S. 104–105.

329 *Ibid.* S. 105.

330 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 603–605.

331 Там же. Л. 605об.–606.

они войско и шляхту кормили в Коруне три года, а ныне, де, их болши того кормить не хотят»³³².

Когда на следующей встрече, 9 октября, великие послы снова отказались уступить «завоєванных городов всех», комиссары заявили, что они переговоры «розрывают», а гетманы «хотят... со князем Юрьем Алексеевичем Долгоруково с товарищи переведатца»³³³. Как докладывал позднее Ю.А. Долгорукий царю, на следующий день другая сторона предлагала «бою не чинить и отсрочить до завтра», но на следующий день ничего не произошло. Тогда же захваченный язык сообщил, что гетманы хотят соединить силы для нападения на армию Ю.А. Долгорукого. Стремясь опередить противника, воевода атаковал более слабую армию В. Госевского 11 октября у с. Верки. Она была разбита, гетман и ряд офицеров его штаба попали в плен³³⁴. Павел Сапега пытался занять Вильно, но хоругви, ворвавшиеся в город через остробрамские ворота, были отбиты³³⁵. Узнав о поражении Госевского, гетман «от Вильны пошел прочь по Новгородской дороге к реке к Неману»³³⁶. Комиссары, переехавшие в Слоним, 23 октября н. ст. обратились к «великим» послам с письмом, в котором спрашивали, следует ли им ожидать каких-либо сообщений («ссылок») ³³⁷. Это было предложение возобновить переговоры, но в письме ничего не говорилось о прекращении военных действий. Война между Россией и Речью Посполитой стала фактом, и это не могло не наложить отпечаток на ход русско-шведских переговоров.

После получения 17 октября грамоты царя с приказом согласиться вести переговоры в том месте, где предлагают шведы³³⁸, в контактах наступил перелом, но лишь 17 ноября в Валиесаре начались переговоры между делегациями обеих сторон. Такая отсрочка с началом переговоров в конечном итоге оказалась не в интересах шведов. Военный план Карла Густава основывался

332 Там же. Л. 606–606об. Ср.: *Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania... S. 104.*

333 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 610 об–611. Ср.: *Dąbrowski J. Polsko-moskiewskie rokowania... S. 105–106.*

334 См. отписку Ю.А. Долгорукого царю: АМГ. Т. 2. № 1035. С. 614.

335 *Kubala L. Wojny duńskie... S. 147.*

336 См. отписку Ю.А. Долгорукого: АМГ. Т. 2. № 1035. С. 614.

337 РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 621–621об.

338 О дате получения см.: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 95.

на том, что он сможет быстро, не встречая серьезного сопротивления, овладеть главными центрами датского королевства, поставив другие европейские государства перед совершившимся фактом. Однако под стенами Копенгагена шведы натолкнулись на упорное сопротивление, и это определило провал всего задуманного плана. Планы Карла Густава захватить главный путь, ведущий из стран Западной Европы на Балтику — Зундский пролив, и установить шведское господство на Балтийском море вызвали враждебную реакцию морских держав, прежде всего Голландии. На помощь осажденной датской столице направился большой голландский флот, который в ноябре 1658 г. после битвы со шведскими кораблями прорвал блокаду и снабдил город продовольствием и снаряжением. Затем подоспели войска союзников — Австрии, Бранденбурга и Речи Посполитой и в декабре вступили в войну со шведами на территории Дании. С приходом этих войск союзник Карла Густава герцог голштинский заявил о выходе из войны.

Сведения о происходивших переменах стали известны и русским представителям на переговорах. Предпринятые расспросы «купецких людей» показали, что шведам так и не удалось поставить под свой контроль Зундский пролив³³⁹. Позднее пришли известия о неудачных штурмах Копенгагена, вступлении войск союзников на территорию Голштинии и приходе в Зундский пролив на помощь защитникам Копенгагена голландской эскадры³⁴⁰. Одновременно русским представителям стало известно, что в Ливонии нет значительных шведских войск и шведские военачальники не рассчитывают на приход подкреплений³⁴¹. Когда к середине ноября для русских представителей стало ясно, в каком трудном положении оказалась Швеция, то к тому же времени стало ясно, что нет возможности использовать это, чтобы добиться заключения выгодного мира, так как к этому времени и русская сторона стала сталкиваться с серьезными трудностями.

Начавшаяся война с Речью Посполитой с самого начала стала протекать не так, как рассчитывали в Москве. Хотя гетман

339 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 147 (письмо Воина Нащокина от 15 октября).

340 Там же. Л. 203 (письмо Воина Нащокина после 27 октября), Л. 383 (письмо Воина Нащокина царю).

341 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 7. Л. 23–24 (сообщения перебежчиков).

В. Госевский потерпел поражение и попал в плен, а Павел Сапега не сумел захватить Вильно, Ю.А. Долгорукий 19 октября двинулся со своей армией из-под Вильно на восток. В своей отписке царю он обосновывал свое решение тем, что армия оказалась без хлеба и конских кормов. Это решение в действительности лишь отчасти объяснялось тем, что армия несколько месяцев стояла на одной территории и успела ее опустошить. Главное было в том, что армия с приходом к Вильно литовского войска и присоединением к нему «присяжной шляхты» оказалась во вражеском окружении, что и затрудняло задачу добывания продовольствия. Положение усугубляло массовое бегство со службы детей боярских и солдат. Многих беглецов «по Смоленской и Полоцкой дорогам побили» литовские отряды. 7 ноября армия находилась в районе Шклова, но Ю.А. Долгорукий сообщал царю, что эта местность разорена и находится здесь армия не может³⁴². К середине месяца армия пришла в Смоленск³⁴³.

Уводя армию из-под Вильно, Ю.А. Долгорукий спас ее от серьезных неприятностей, но и отрицательные последствия такого решения не заставили себя ждать. С явной тревогой воспринял известие об отходе войск к Смоленску царь Алексей Михайлович, порицавший Ю.А. Долгорукого за такое решение («и то зделалось добре худо»). «Какая тебе честь будет, — писал он воеводе, — как возмут Ковно или Гродно»³⁴⁴. Русская власть в западных областях Великого княжества Литовского фактически перестала существовать. Русские гарнизоны в таких городах как Вильно, Ковно, Новогрудок, Гродно оказались в осаде. Эти перемены, как увидим далее, не могли не сказаться и на положении русских крепостей на Западной Двине. Первые вызывающие беспокойство сообщения пришли от сидевшего в

342 См. отписку Ю.А. Долгорукого: АМГ. Т. 2. № 1035. Л. 614–615. 12 октября Д. Остафьев писал царю, что доехал до Полоцка «с великою нужею, потому што во многих местях изменяют... присяжная шляхта». Он не мог проехать из Полоцка в Вильно, так как «по всей... виленской дороге по местечко Глубокое поставлены у литовских людей караулы» (РГАДА. Ф. 27. № 126. Л. 1–2, 5).

343 13 ноября в город прибыли ехавшие с армией «великие» послы (РГАДА. Ф. 79. Кн. 95. Л. 626).

344 См. грамоту царя Ю.А. Долгорукому от 17 ноября 1658 г.: Записки отделения русской и славянской археологии Имп. Археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 754.

Царевичеве Дмитриеве Воина Нащокина 15 октября. Возвратившиеся из Полоцка солдаты сообщали о нападениях «черкас» на «московских людей» в Бешенковичах, Лукомле, Черее, от чего «в Полоцке страхи великие»³⁴⁵. Положение окончательно прояснилось к концу месяца. В начале ноября Воин мог сообщить отцу о сражении под Верками, что Ю.А. Долгорукий «от полских и литовских людей осажен», что в Полоцком и Витебском поветах шляхта «ослушны воевод», что запорожские казаки «около Киева в зборе и промышляют над государевы города»³⁴⁶. Происходившие перемены сказались и на территории, прилегавшей к Царевичеву Дмитриеву. 28 октября большой отряд шляхты из Браслава и Икажна, около 700 человек, занял город Друю и захватил находившиеся там хлебные запасы. Лишь 11 ноября этот отряд удалось выбить из города³⁴⁷. Воин сообщал отцу, что собирает продовольствие и готовит Царевичев Дмитриев к осаде³⁴⁸.

Русские послы оказались в сложной ситуации, так как не имели новых инструкций, которые бы соответствовали изменившейся ситуации³⁴⁹. В начале ноября по собственной инициативе они обратились к царю с просьбой дать указания на случай, если теперь после возобновления военных действий между Россией и Речью Посполитой шведы поднимут вопрос о «соединении на общего неприятеля на польского короля»³⁵⁰.

По-видимому, в ответ на это обращение послов к ним были отправлены новые инструкции. Инструкции эти, по-видимому, повторяли «тайный наказ» от 20 июня. Во всяком случае, последний, предельный вариант мирных условий, который предусматривали эти инструкции, совпадал с тем, который был изложен в «тайном наказе». Русскому государству должны были быть возвращены захваченные шведами во время Смуты новгородские пригороды (Канцы, Ивангород, Копорье, Ям, Карела) в обмен на земли в Ливонии, занятые русскими войсками. За собой царь хотел оставить лишь Кокнезе — Царевичев Дмитриев,

345 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 143.

346 Там же. Л. 200–203.

347 Там же. Л. 384–387.

348 Там же. Л. 425.

349 Они писали царю 23 октября, что после присылки к ним 3 июля тайного наказа они не получили от него никаких новых указаний (РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 223 и сл.).

350 Там же. Л. 357.

крепость на Западной Двине. По-видимому, и осенью 1658 г. в Москве не оставляли мысли о приобретении «корабельных пристанищ» на побережье Финского залива. Инструкции включали, однако, и одно новое положение. «А будет они, швейские комиссары, и того не похотят», — указывалось в них, — следовало договариваться о заключении перемирия на длительный срок не менее 12 лет³⁵¹.

К середине ноября 1658 г. положение Швеции стало настолько трудным, что вряд ли шведские дипломаты могли добиться выгодного для себя мирного соглашения, но, зная о возникших у русской стороны осложнениях³⁵², они не собирались идти на уступки. Это показал уже первый этап переговоров, когда обсуждался вопрос об условиях «вечного мира» между Россией и Швецией. Русская запись переговоров в Валиесаре позволяет составить четкое представление о позиции, занятой шведскими комиссарами. Они категорически настаивали на том, что «вечный мир» может быть заключен лишь на условиях Столбовского договора 1617 г. и одним из его пунктов должен стать полный отказ русской стороны от всяких притязаний на Ливонию³⁵³. Вместе с тем они заявляли, что для войны между Россией и Швецией никаких причин не было, все это — «наших неприятелей злые хитрости» (в качестве конкретных лиц, способствовавших разжиганию конфликтов, снова упоминались австрийские посредники на переговорах под Вильно в 1656 г. и «ведомый бездельник гетман Гасевской»)³⁵⁴. Шведские послы предлагали заключить не только мир, но и союз между Россией и Швецией, «чтобы мстить собча убытки над общим недругом над польским королем»³⁵⁵. Такой союз должен был обеспечить положение Швеции в борьбе со враждебной коалицией и примирить Россию с потерей ее завоеваний в Ливонии, так как одним из усло-

351 Текст инструкций см.: РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 547–552.

352 См. упоминания в отписке русских представителей, что одним из источников информации о сражении при Верках стали для них «дворяне» шведского посольства: Там же. Л. 117.

353 См. в «речи» шведских послов, переданной русским представителям 21 ноября: «Российскому государству во веки веков никакие права над Ливонскою землею не иметь» (РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 8. Л. 410).

354 Там же. Л. 396–397, 406, 421.

355 Там же. Л. 395, 431.

вий такого союза должно было стать возвращение Швеции всех утраченных ею земель. Для этих переговоров, как и для других переговоров подобного типа, было характерно выдвижение взаимных обвинений в том, что именно противная сторона своими действиями развязала войну, и связанных с этим требований о возмещении за понесенные убытки в виде контрибуции или территориальных уступок³⁵⁶.

На этом достаточно стандартном фоне выделяется эпизод, не имевший прямого отношения к предмету переговоров, но ярко характеризующий попытки А.Л. Ордина-Нащокина добиться благоприятного для России решения «балтийского вопроса». На встрече 24 ноября русские представители обратили внимание своих партнеров на то, что Великое княжество Литовское находится «под царского величества высокою рукою» и, таким образом, все товары, которые идут «Двиною рекою к Риге», будут поступать туда из владений царя. В этой связи они предложили установить в Риге «губернаторов» с русской и шведской стороны, которые совместно собирали бы здесь торговые пошлины, «и в то время на обе стороны будут прибыли большие»³⁵⁷. Так, А.Л. Ордин-Нащокин, указывая на то, что торговля Риги теперь целиком зависит от расположения русской стороны, попытался добиться для русской казны доступа к тем доходам, которые извлекала Швеция из своей роли посредника в торговле между Востоком и Западом Европы. Вместе с тем это предложение еще раз показывает, что, если царь и его советники добивались выхода на побережье Финского залива, то А.Л. Ордин-Нащокин продолжал связывать решение балтийского вопроса с судьбой Риги.

Русские послы не имели полномочий ни принять условия «вечного мира», на которых настаивала шведская сторона, ни заключить соглашение о союзе на ее условиях. К 25 ноября переговоры о заключении «вечного мира» зашли в тупик. Русские представители сообщили прямо царю в Приказ Тайных дел, что шведские послы «стоят упорно и не в какую меру не поддаются». Они готовы заключить «вечный мир» лишь на условиях Столбовского договора, в противном случае «им лучше война, анежели мир». В той же отписке указывалось, что шведы «и до урочных

356 Подробнее о спорах, имевших место на этом этапе переговоров, см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 225–228.

357 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 8. Л. 432.

лет миру не хотят», то есть не соглашаются на заключение перемирия. В связи с этим они просили у царя указаний, «чтобы швейские послы без дела вскоре не розъехались»³⁵⁸.

Царь и его советники оказались перед трудным решением. Как оно вырабатывалось и каким в конечном счете оказалось, позволяет судить текст трех грамот, отправленных к послам 7 декабря 1658 г. одна за другой.

В первой из этих грамот³⁵⁹ предлагалось заключить «вечный мир» со Швецией, удовлетворившись минимальными уступками с шведской стороны: два небольших пограничных городка и рыбные ловли по обеим сторонам реки Наровы. Одновременно русские представители должны были поднять вопрос о заключении соглашения, «как нам, великому государю, и королю их в соединении на общего неприятеля стоять». При этом, правда, подчеркивалось, что следует вести переговоры «не скорым обычаем, малыми поступками» и соглашаться на такие условия «по самой конечной мере»³⁶⁰. Уже после ее написания текст грамоты был дополнен припиской, которую сделал глава Посольского приказа Алмаз Иванов «по государеву имянному указу и по боярскому приговору». В ней говорилось, что, если не удастся добиться уступки двух пограничных городков, то следует и их уступить, чтобы «розрыву не учинить и без дела не разъехатца»³⁶¹.

Вторая из грамот, датированная тем же числом, давала русским послам полномочия для ведения переговоров со Швецией о союзе против Речи Посполитой, чтобы компенсировать «поступки», которые сделает шведская сторона, за счет «общего неприятеля». В грамоте намечались и возможные зоны действий будущих союзников: объектом действия русских войск должны были стать «Великого княжества Литовского города и места по старые рубежи», а шведские войска должны были действовать на территории Польского королевства. При этом Алексей Михайлович не хотел заходить в сближении со Швецией слишком далеко и не хотел связывать себя обязательством не заключать сепаратного мира с Речью Посполитой³⁶².

358 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 6. Л. 566–567.

359 Информация, помещенная в ее начальной части, показывает, что она была ответом на донесения послов от 25 ноября.

360 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 7. Л. 56–64.

361 Там же. Л. 65.

362 Там же. Л. 67–68.

Более конкретно возможные условия союза были изложены в третьей из грамот, отправленных 7 декабря. Следовало в обмен за заключение союза добиваться передачи новгородских пригородов и крепостей на Западной Двине. Если бы это не удалось, послы «для соединения на польского короля» должны были требовать уступить «Царевичев Дмитреев да Борисоглебов на урочные лета». Однако, если бы и этого добиться не удалось, царь приказывал послам: «и вы б по самой по последней мере с швейскими послы помирились по Столбовскому договору»³⁶³.

Положение Русского государства к концу 1658 г. было сложным и трудным. С Речью Посполитой началась война, которая приобрела неблагоприятный для русской стороны характер. Надежды на скорое отстранение Выговского от власти также не оправдались, на южной границе уже начинались военные действия, в которых гетман мог рассчитывать на помощь Крыма. Разрыв мирных переговоров в Валиесаре мог привести и к войне со Швецией. Перспектива одновременной войны на трех фронтах поставила с большой остротой вопрос о выборе приоритетов при решении стоявших перед страной внешнеполитических проблем. Содержание грамот, датированных 7 декабря, показывает, какой был сделан выбор. В Москве приняли решение заключить «вечный мир» со Швецией на условиях, предложенных шведской стороной, и отказаться от борьбы за выход к Балтийскому морю, чтобы сосредоточить все силы на борьбе с Речью Посполитой за украинские и белорусские земли. Этой цели должен был служить и возможный военно-политический союз со Швецией.

Если это решение не было осуществлено, то потому, что русские дипломаты первоначально переоценили упорство шведских послов. В сложившихся условиях для Швеции возобновление войны с Россией было также нежелательно ³⁶⁴. Поэтому они согласились начать переговоры о перемирии. Шведские представители пытались добиться возвращения части утраченных территорий, но русская сторона проявила твердость. Рус-

363 Там же. Л. 69–70.

364 Характерно, что Карл Густав позднее оценивал заключение перемирия с Россией как крупный успех шведской дипломатии (Форстен Г.В. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. № 5. С. 57).

ским представителям, однако, не удалось, как им предписывалось, заключить соглашение о перемирии на длительный срок. Основные условия договора о перемирии к тому времени, когда 11 декабря послы получили царские грамоты³⁶⁵, были уже согласованы³⁶⁶. 20 декабря договор о перемирии был скреплен присягами представителей сторон³⁶⁷. По договору предусматривалось прекращение военных действий между Россией и Швецией сроком на 3 года, все земли, занятые русскими войсками во время войны 1656–1657 гг., оставались на это время в составе Русского государства. В договоре предусматривалось, что во время перемирия стороны обсудят между собой вопросы об условиях вечного мира и о союзе против Речи Посполитой³⁶⁸.

Предписание царского наказа произвести обмен части русских владений в Ливонии на новгородские пригороды, чтобы получить доступ к морю в районе Финского залива, не было выполнено. В особой отписке, посланной в Приказ Тайных дел, А.Л. Ордин-Нащокин доказывал, что «тово никакими мерами учинить невозможно», так как шведы не желают уступать что-либо из «незавоеванных мест». Одновременно он подчеркивал выгоды, которые получит Русское государство «задержанием городов в Лифлянской земле по Двине реке». Это будет способствовать укреплению власти царя над Великим княжеством Литовским, создаст барьер между Псковской землей и враждебными соседями. К тому же русская казна обогатится, взимая пошлины с товаров, которые повезут по Двине в Ригу. В Царевичеве Дмитриеве таким путем можно получить доходы не меньшие, чем те, которые шведская казна получает в Риге³⁶⁹. В центре размышлений политика продолжал оставаться торговый путь по Двине, выходящий к морю из Риги. Вероятно поэтому предложение об обмене территориями даже не было предложено шведской стороне.

365 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 8. Л. 488 и сл.

366 Подробную характеристику переговоров об условиях перемирия см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 228–230.

367 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 8. Л. 503 и сл.

368 Текст договора см.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 240. С. 468–478.

369 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 226–230 (записка послана после 14 декабря 1658 г. — в этот день Воин прислал отцу письма Магдалены Госевской к попавшему в русский плен мужу, которые упоминаются в записке).

В том положении, в котором находилось Русское государство в конце 1658 г., заключение перемирия со Швецией без территориальных уступок с русской стороны было справедливо расценено как успех русских дипломатов. 30 декабря возвращавшимся в Москву русским представителям была вручена грамота с «милостивым словом» от царя³⁷⁰. За этим последовали щедрые пожалования — шубы, кубки, крупные суммы денег. И.С. Прозоровский получил 6000 ефимков «на вотчину», А.Л. Ордин-Нащокин — 5000³⁷¹.

В чем видели, прежде всего, значение соглашения, можно установить, анализируя речи, прочитанные на торжественном приеме у царя 7 января 1659 г. В них читаем, что теперь «полунощный лев (эмблема Швеции. — Б.Ф.) зубы свои на орла белого (эмблема Речи Посполитой. — Б.Ф.) обращает», а сам орел «от льва уязвленного страшен... и лев к гнезду его припущен»³⁷². Действительно, в то время как между Россией и Швецией был заключен мир, война между Швецией и Речью Посполитой продолжалась, и это создавало более благоприятные условия для продолжения борьбы за белорусские и украинские земли. Вместе с тем упорное нежелание шведов заключить перемирие на длительный срок показывало, что шведские политики рассматривают сложившееся положение как временное и не желают согласиться с утратой своих владений в Ливонии. Какова будет судьба этих земель, зависело от того, какое соотношение сил сложится между договаривающимися сторонами к окончанию срока перемирия.

370 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 8. Л. 515.

371 Там же. Л. 528 и сл.

372 Там же. Л. 519–522.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И КОЛЕБАНИЯ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Несмотря на поражение армии В. Госевского под Варками, положение на занятых русскими войсками землях Великого княжества Литовского поздней осенью 1658 г. и в январе 1659 г. продолжало ухудшаться. На наиболее западных землях Великого княжества Литовского русская власть фактически прекратилась. Шляхта перешла на сторону Речи Посполитой, присоединившись к войскам армии Сапеги. Русские гарнизоны в Гродно и в Ковно оказались в осаде¹. О том, как протекала осада Ковно, важная информация сохранилась в отписке посланника А.И. Нестерова, возвращавшегося через Ковно из поездки к бранденбургскому курфюрсту. Проехать через Ковно он уже не смог, так как 28 октября город оказался в осаде. Первоначально город блокировала шляхта Ковенского повета во главе с хорунжим М. Скорульским и старостой Я. Гейштором, но в начале ноября подошло войско во главе с старостой жемайтийским Е.К. Глебовичем. Это войско привезло с собой «пушки и гранаты» и вскоре после этого начался обстрел города. 17, 19, 24 ноября литовское войско трижды штурмовало город. На встрече с А.И. Нестеровым 26 ноября Е. Глебович заявил: «не взяв, де, Ковны прочь не отступим», требовал сдачи города, осажденным «претил многими страхами и смертью». 16 и 19 января 1659 г. последовали новые приступы. Правда, все приступы были отбиты, и осаждающие понесли серьезные потери (по сведениям А.И. Нестерова «на приступах побили девятьсот человек опричь раненых»)², но

1 *Kossarzecki K.* Kampania roku 1660 na Litwie. Zabrze, 2005. S. 23.

2 См. текст отписки А.И. Нестерова, доставленной в Москву его сыном Михаилом 17 марта 1659 г.: РГАДА. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). 1658 г. № 3. Л. 83–87.

фактом остается, что гарнизон Ковна находился в осаде около трех месяцев, не получая помощи от своего командования.

Не лучше было положение в юго-западной части Великого княжества, где литовским войскам удалось занять такие центры, как Новогрудок и Минск³. На юго-востоке как главный организатор выступлений против русской власти продолжал выступать казачий полковник И. Нечай. Поздней осенью 1658 г. в королевской ставке под Торунем на него возлагали большие надежды и просили И.М. Выговского оказать ему помощь⁴. По сведениям, полученным витебским воеводой от захваченных пленными, 1 октября И. Нечай предлагал оставившим русскую службу полковникам собраться около Бельничей, чтобы «ити обозом промышлять над Могилевым», но лишь некоторые из полковников (в их числе Д. Мурашко) присоединились к Нечаю, другие заявили, что будут ждать, «как полское войско подойдет». Первая попытка занять Могилев окончилась неудачей, и, потеряв в столкновении с русскими войсками «наряд», Нечай возвратился в Быхов⁵.

В конце ноября против Нечая к его ставке — Чаусам был направлен корпус во главе с кн. Г. Козловским. 27 октября под Чаусами развернулось сражение с войском И. Нечая, который собрал здесь все свои силы. Сражение продолжалось «два дни и две ночи», и корпус Г. Козловского отступил к Могилеву. Хотя воеводы сообщали в Москву о взятых в бою знаменах и пищалях, их отписка заканчивалась тревожным сообщением, что «Ивашка Нечай собрался с многими людьми ... похваляетца, чтоб обойти кругом и побить всех»⁶.

Последующие военные действия принесли казацкому полковнику заметные успехи. 6 ноября н. ст. Я. Меженский сообщил Б. Радзивиллу, что И. Нечай занял Шклов, Головчин, Быхов Новый, Борисов. Войска его осадили русский гарнизон в Могилеве⁷. Об активности войск Нечая говорит и сообщение оршанско-

3 По сведениям, которыми располагали в Москве, Новогрудок заняла изменившая шляхта разных поветов, а Минск взял штурмом отряд Х. Полубенского (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Белгородский стол. Стб. 429. Л. 492–493).

4 *Kossarzecki K.* Op. cit. S. 25.

5 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 92–93.

6 Отписку воевод см.: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 357–360.

7 *Kossarzecki K.* Op. cit. S. 26.

го воеводы Ф. Полуехтова о неоднократных попытках отрядов Нечая в первой половине ноября «изгоном» захватить Могилев⁸. Благодаря действиям этих войск оказался фактически перерезан днепровский путь и русское правительство лишилось возможности направлять водным путем войска для пополнения русского гарнизона в Киеве. В середине ноября к Нечаю подошли подкрепления с Украины. 14 ноября к нему приехал брат Выговского Самуил, который пришел в Чаусы с 2-тысячным отрядом казаков⁹. Получив «листы» Нечая, восстали мещане и шляхта в Кричеве и перебили русский гарнизон. Войска Нечая, двигаясь на северо-восток, вступили на территорию Смоленщины и заняли Мстиславль¹⁰. В Мстиславле обосновался полковник И. Ридель, с которым находилась мстиславская шляхта и «новоприборные казаки»¹¹. К Риделю присоединилась и группа смоленских шляхтичей¹². Отсюда его отряды предпринимали нападения на округу Смоленска. Самуил Выговский обосновался в Рославле¹³. Среди смоленской шляхты начались волнения¹⁴.

Неспокойным стало и положение на территории Полоцкого и Витебского воеводств. Правда, здесь не произошло всеобщего перехода шляхты на сторону Речи Посполитой. Так, в отписках витебского воеводы Н. Боборыкина неоднократно упоминаются отряды «присяжной» витебской шляхты, которая ходила в походы против «изменников»¹⁵. Позднее витебская шляхта участвовала в осаде русскими войсками Старого Быхова, получив за это после сдачи города благодарность от царя¹⁶. Особое беспокойство вызвало то, что непосредственно у границ обоих воеводств стали располагаться отряды полковников армии

8 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 171–174.

9 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 93.

10 *Kossarzecki* K. Op. cit. S. 27.

11 РГАДА. Ф. 79. 1659. № 1. Л. 10, 12.

12 Их перечень см. в списке лиц, приносящих присягу царю после капитуляции Мстиславля (РГАДА. Ф. 145 (Приказ Великого княжества Смоленского). Оп. 1. Кн. 3. Л. 555 об и сл.).

13 АМГ. Т. 2. № 1115, 1125.

14 См. сообщения одного из шляхтичей, что «съехалась смоленская многая шляхта ... и почали звать его с собою в Быхов, грозя смертью» (РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 10).

15 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 90, 96.

16 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 418. Л. 787.

П. Сапеги, которые не скрывали своих намерений. По сведениям, которыми располагали в начале декабря в Витебске, один из полковников армии П. Сапеги, Х. Полубенский, стоял «под Игуменом», другой отряд во главе с Оскеркой — «за Борисовым», третий — отряд полковника В. Воловича — занял Глубокое, лежавшее на западной границе Полоцкого воеводства у дороги, ведущей на Полоцк¹⁷. Особое беспокойство вызывал отряд полковника С. Кмитича, разместившийся в Лукомле у стыка южных границ Полоцкого и Витебского воеводств. Именно к нему присоединились такие оставившие русскую службу полковники, как Ф. Слонский, К. Лосовский, С. Лукомский¹⁸. В пяти верстах от Лукомли расположился отряд П. Галинского, разославшего приказы витебской, шкловской и оршанской шляхте идти к Обольцам¹⁹. Еще ближе к Витебску, в 40 верстах от города, находился отряд местной шляхты во главе с ротмистром А. Юндзиллом. В конце ноября от захваченных пленных стало известно, что «по зимнему пути» противник намерен идти к Витебску «с нарядом»²⁰. Обеспокоенный воевода просил подкреплений, так как «послать» ему «на тех воров неково и оборонитца от них неким». Положение усугублялось тем, что «уездные всяких чинов люди» возят всякие запасы в Лукомль, а в Витебск ничего не доставляют.

В конце ноября — начале декабря в Москве был предпринят ряд мер, чтобы исправить положение. Ю.А. Долгорукому, еще находившемуся в Смоленске, было приказано 30 ноября направить отряд во главе с О. Сукиным, чтобы очистить от «воров» Полоцкий и Витебский уезды, а отряд во главе с В. Волынским, направленный в Брянск для пополнения армии Г.Г. Ромодановского, должен был по дороге выгнать изменников из Мстиславля, Кричева и Рославля²¹. Одновременно И.И. Лобанов-Ростовский должен был собрать войска для похода против Нечая к Быхову. Перед выступлением в поход он должен был писать к «черкасам» в Быхов и другие города, чтобы добились «челом»²². В дальнейшем,

17 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 94; *Kossarzecki K.* Op. cit. S. 27.

18 АМГ. Т. II. С. 638. Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 95.

19 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 95.

20 Там же. С. 96; АМГ. Т. II. С. 638.

21 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 126–127, 129, 175, 182.

22 Там же. Л. 9–11.

однако, более важным, первоочередным делом было признано предотвращение опасности, грозящей Полоцку и Витебску. В начале декабря И.И. Лобанову-Ростовскому были посланы приказы направить корпус Г. Козловского против литовских войск, стоявших в Лукомле и Глубокой²³.

Первые предпринятые меры не дали результатов, на которые рассчитывали. «Нечай повиновения своего не принес», но разделивший свои войска по указу царя И.И. Лобанов-Ростовский не решился предпринять против него решительные действия, ограничившись разорением округа Быхова²⁴. В. Волынский, выступивший в поход 10 декабря, «за малолюдством» не решился атаковать Мстиславль и Кричев и повел свой отряд прямо в Брянск²⁵. О. Сукин, также выступивший в поход 10 декабря с двумя полками рейтар²⁶, успел вовремя, когда высланный против изменившей витебской шляхты отряд головы московских стрельцов В. Пушечникова 17 декабря под Бешенковичами столкнулся с отрядом С. Кмитича и попал в окружение. Кмитич отступил, когда на выручку осажденным пришел отряд во главе с О. Сукиным. Русские военачальники сообщали, что успешно дали отпор Кмитичу, но стоит отметить, что С. Кмитич отступил от Бешенковичей всего на 10 верст, а В. Пушечников и О. Сукин поспешили отвести свои отряды в Смоленск²⁷.

Очень сложным было и положение на Украине. Казалось бы, в отношениях между Россией и Запорожским Войском к осени 1658 г. наступил открытый разрыв, перешедший в войну. Секретарь королевы Людовики Марии П. де Нуайе, сообщая в письме от 8 октября н. ст. о заключении соглашения с казаками, писал, что они «выгнали Московитов из всей своей страны» и желают вести с ними войну²⁸. 5 ноября он сообщал, что Нечай, «один из казацких генералов, снова отобрал у московитов Могилев и все

23 См. царские грамоты И.И. Лобанову-Ростовскому от 7 и 11 декабря (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 37, 90 и сл.).

24 См. отписку И.И. Лобанова-Ростовского: Там же. Л. 219–222.

25 Там же. Л. 189–191.

26 Там же. Л. 182–183.

27 Витебская старина. Т 4. Ч. 2. С. 98–99; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 327–330.

28 *Lettres de Pierre des Noyers pour servir à l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 à 1659*. Berlin, 1859. P. 450–451.

города Белой России»²⁹, а 12 ноября писал о том, что Выговский «с большой армией казаков вступил на русскую территорию»³⁰. Эти письма, несомненно, отражали настроения при королевском дворе, где рассчитывали, что Войско Запорожское станет главной силой при возобновлении войны с Россией³¹, но содержащиеся в них сведения далеко не во всем соответствовали действительности. Если по отношению к Нечаяу они были верными (хотя достигнутые им успехи сильно преувеличивались), то по отношению к Выговскому они совсем не соответствовали реальным фактам. Правда, И. Выговский со своим войском и отрядами татарских мурз в сентябре–октябре 1658 г. действительно вышел к русской границе и целый ряд пунктов, лежавших на границе (Каменное, Олешня и др.), и окружавшие их территории подверглись нападению «черкас» и татар³². 26 октября гетман просил Б. Радзивилла прислать к нему из Слуцка немецкие войска против *communes hostes* (общих врагов)³³. Но эти столкновения не переросли в масштабную войну. В относящихся к этому времени грамотах И. Выговского путивльскому воеводе кн. Г.Д. Долгорукому и самому царю И. Выговский, называя себя «гетманом с Войском его царского величества Запорожским», старательно подчеркивал, что его поход направлен только против «самовольников» — противников гетмана в среде казачества Левобережной Украины, что он не хочет наносить ущерба владениям царя и запрещает нападать на них. Жалуясь на «обиды» со стороны В.Б. Шереметева, он подчеркивал свою «верность» царю и надежду на получение «милости» от царя³⁴. Новые меры для на-

29 Ibid. P. 462.

30 Ibid. P. 464.

31 См. в одном из писем П. де Нуайе по поводу заключения соглашения с казаками: «Это спасение для этого королевства, так как теперь мы сможем иметь столько пехоты, сколько захотим» (*Lettres... S. 451*).

32 См. об этом: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 62–63.

33 Коссаржецький К. Джерела Архіву Радзивілів (АГАД) про стосунки князя Богуслава Радзивіла з козацькою Україною в 1655–1659 роках // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 6. Київ, 2006. С. 554–555.

34 АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. № 81. С. 167–168; № 83. С. 170; № 87/1 и II. С. 178–179; № 88. С. 179–180.

лаживания отношений с царем он предпринял по возвращении в Чигирин в середине октября 1658 г. Находившиеся в резиденции гетмана царские гонцы Я. Портомоин и Ф. Тюлюбаев были 30 августа закованы в кандалы, «всякую нужу и голод терпели», но через три недели их «расковали», а после возвращения гетмана в Чигирин им вернули «ружье» и «платье»³⁵. В грамоте, отправленной с Я. Портомоиным в Москву, гетман снова убеждал царя в своей верности, а появившиеся обвинения его в том, что он изменил присяге и хочет «Войско Запорожское на веру латиньскую приводити», называл клеветой. То, что произошло под Киевом, — заверял гетман, — «без моей учинилося ведомости и указу от меня на то не было, чтоб войною идти». Он снова подчеркивал, что ждет «указа» и «милости» от царя. В заключение он просил царя, чтобы тот Выговского, «которого Бог от рук ляцких оборонил, не предавал в руки каковые, но милость верному подданному показал»³⁶. Вместе с грамотой гетмана Я. Портомоин повез и письмо отца гетмана, Остафия, бывшему киевскому воеводе А.В. Бутурлину. Все происшедшие столкновения Остафий Выговский объяснял тем, что В.Б. Шереметев и Г.Г. Ромодановский, «не памятуючи» на заслуги гетмана, верного слуги царя, хотели его «поймать и убить», что вынудило его защищаться, но и гетман и Войско Запорожское верны царю. «А если б твоя милость, — писал Остафий Выговский А.В. Бутурлину, — с нами был на том воеводстве, все б было добро»³⁷. Гонец вез с собой еще одно письмо к А.В. Бутурлину от Прокопа Верещаки, одного из близких к гетману представителей православной шляхты (в грамоте он называл себя по должности, полученной еще в Речи Посполитой, — «коморник граничный черниговский»). П. Верещака сообщал, что Выговский, верный слуга царя, посылает его, Прокопа, к царю для ведения переговоров. В этой связи он просил А.В. Бутурлина написать воеводам, чтобы те не вели военных действий «до совершенья того посольства моего»³⁸.

Все изложенные факты позволяют сделать определенный вывод: в первые месяцы после заключения Гадячского договора политика Ивана Выговского совсем не отвечала тем ожидани-

35 См. статейный список Я. Портомоина (АЮЗР. Т. 4. № 95. С. 191–192).

36 АЮЗР. Т. 4. № 91. С. 184–185.

37 Там же. № 93/І. С. 186.

38 Там же. № 93/ІІ. С. 187.

ям, которые связывали с заключением этого соглашения политики Речи Посполитой. И. Выговский не только не предпринял крупных наступательных действий против России, но даже не обнародовал свой переход на сторону Речи Посполитой и, наоборот, стал прилагать усилия в поисках соглашения с русским правительством³⁹. Какие же планы и расчеты стояли за этими действиями гетмана?

Исследователь внешней политики И. Выговского В. Горобец обратил внимание на серьезные противоречия между планами союзников, которые обнаружились после заключения Гадячского договора. Если для И. Выговского важнейшей задачей было укрепление своего положения на Украине и по отношению к России, а соответственно как можно более быстрое заключение мира со Швецией и переброска военных сил Речи Посполитой на Украину, то для политической элиты Речи Посполитой в конце 1658–1659 гг. первоочередной задачей было продолжение войны со Швецией⁴⁰.

Исследователь видит причины такого положения в том, что в Варшаве неверно оценивали положение в регионе, в руководстве Речи Посполитой отсутствовало единство и оно должно было считаться со своими обязательствами по отношению к другим членам антишведской коалиции⁴¹. Дело, как представляется, было в другом. Разумеется, возвращение Украины в состав Речи Посполитой было, с точки зрения польско-литовских политиков, очень важным делом, жизненно необходимым для тех кругов магнатории и шляхты, владения которых находились на Украине, но возвращение занятых шведами прусских портов было жизненно необходимым для всех группировок магнатории и шляхты, по крайней мере, в Короне. В условиях, когда Речь Посполитая стала участником антишведской коалиции, а главные силы Карла Густава переместились на территорию Дании, достижение такой цели становилось реальной задачей. Австрийские войска вместе с польской армией летом 1658 г. начали осаду Торуня. Сложившееся положение диктовало необходимость

39 См. подробнее об этом: *Яковлева Т.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998. С. 275–278.

40 *Горобець В.* Еліта козацької України в пошуках політичної легітимачії: стосунки з Москвою та Варшавою. Київ, 2001. С. 202–205.

41 Там же. С. 205.

соблюдать обязательства по отношению к союзникам. Одно из наиболее боеспособных подразделений польской армии, «дивизия» С. Чарнецкого, в сентябре 1658 г. приняла участие в походе войск курфюрста бранденбургского на помощь датчанам, сражавшимся с войсками Карла Густава. После долгой и упорной осады Торунь капитулировала в декабре 1658 г. Но на этом военная кампания прервалась. Одной из причин ее прекращения стало нежелание не получавшего жалованья коронного войска нести службу. Возникший конфликт удалось на время урегулировать лишь к лету 1659 г. Тем самым другие крепости и города, как в Пруссии, так и на Поморье, продолжали оставаться в руках шведов, и чтобы изменить это положение, нужна была новая военная кампания, так как шведская сторона не желала пойти на уступки. В таких условиях Речь Посполитая не могла оказать Выговскому серьезной военной помощи. Напротив, политики Речи Посполитой рассчитывали, что Запорожское Войско не только примет на себя тяжесть войны с Россией, но и окажет помощь Польско-Литовскому государству против шведов⁴². Отсутствие поддержки со стороны Речи Посполитой серьезно ослабляло положение Выговского, и заставляло искать какого-то *modus vivendi* с русским правительством.

Имел значение и ряд других обстоятельств. Возможно, поход гетмана с татарским войском на Левобережье представлял собой своеобразную «разведку боем», предпринятую после заключения Гадячского договора в ожидании большой войны с Русским государством. Однако результаты такой разведки, судя по сведениям, собранным путивльскими воеводами, оказались не наилучшими. Во-первых, появление на Левобережье татар привело к трениям между гетманом и местным казачеством. В лагере под Каменным «полковники и сотники» приходили к гетману «с большим шумом», жалуясь на то, что «татаровя ... побивают их братью и в загонех грабят и в полон емлют». Еще более важно, что они спрашивали гетмана: «против ково он войною шол и татар призывал, а им, де, черкасом, неприятеля никово нет»⁴³. В этих высказываниях отразилось нежелание казачества по своей инициативе развязывать войну с Россией. По другому свидетельству, казаки Нежинского полка говорили, что гетман

42 Горобець В. Еліта... С. 202–203, 205–206.

43 АЮЗР. Т. 4. № 86/V. С. 176.

«зачал войну» с царем «неведомо для чего», и о том «шум и свар был большой»⁴⁴. Казаки ряда городов стали уклоняться от прихода в войско, и гетман приказывал «высылать их к себе в табар в неволю»⁴⁵. Перевозившие в Путивль «листы» Выговского казаки из Смелой говорили, что война «всчинаетца не от них, от их старшин»⁴⁶. Настроения в войске сказывались, очевидно, на результативности военных действий. «Приступы» к русским пограничным крепостям были успешно отбиты⁴⁷. Положение не улучшилось и после ухода Выговского на Правобережье. Когда на созванной «по сю... сторону Днепра» раде «начальные люди» спрашивали собравшихся, готовы ли те идти на русские города «войною», ответом было молчание⁴⁸. При таких настроениях войска начинать войну с Россией было рискованно.

Кроме того, в самом центре Запорожского Войска, в Киеве, находился русский гарнизон, который не был пассивным, а после нападения на Киев предпринимал активные действия против сторонников Выговского. Так, во второй половине октября путивльские воеводы сообщали в Москву, что русские войска из Киева ходили к Белой Церкви, «черкас многих побили и белоцерковского полковника взяли и привели в Киев»⁴⁹. Неслучайно в направленном 8 октября письме к царю И. Выговский добивался от него «указа» В.Б. Шереметеву прекратить военные действия⁵⁰.

Наконец, И. Выговский отдавал себе отчет в том, что его двукратные походы за Днепр не привели к устранению «своевольников» из политической жизни Запорожского Войска. Беспокойство, связанное с их действиями, ясно выступает в письмах Выговского середины октября. Путивльскому воеводе он с тревогой писал, что некий Искра, «гетмана именуючи себя», собирает недовольных и рассылает «листы» «до своеволии побуждаючи», а от царя он одновременно добивался приказа войску, собранному Искрой, «назад отступить»⁵¹. Было, очевидно, что

44 Там же. С. 176.

45 Там же. № 86/II. С. 173.

46 Там же. № 82. С. 169; № 86/II. С. 173.

47 Там же. № 86/V. С. 177.

48 Там же. № 96. С. 194.

49 Там же. С. 193.

50 Там же. № 88. С. 190.

51 Там же. № 92. С. 185.

лишь царь мог бы положить конец выступлениям «своевольников» против гетмана.

Какова же была политика царя Алексея Михайловича, который не отвечал на неоднократные обращения гетмана? Важнейшим документом, проливающим свет на курс, избранный русским правительством после нападения на Киев, является грамота, отправленная В.Б. Шереметеву после получения известий об этом событии⁵². Грамотой воевода ставился в известность, что в России готовятся к войне с Запорожским Войском и царь приказал с этой целью направить в «многие места» войска, которые «стоят в сборе». Война будет начата, если гетман «в винах своих не добьет челом и татар от себя прочь не отошлет и ... учинитца непослушен». Таким образом, соглашение с гетманом не исключалось, некоторые его возможные условия прямо названы в царской грамоте. Вместе с тем следует отметить, что в этом документе говорится лишь о нападении войск Выговского вместе с татарами, — очевидно, о соглашении гетмана с Речью Посполитой в Москве еще не знали.

Тогда же был предпринят новый важный шаг. 19 сентября 1658 г. в типографию была взята бумага, чтобы печатать «грамоты в черкасские города к Запорожскому Войску»⁵³. О содержании этих документов дает представление грамота от 23 сентября, адресованная казакам Полтавского полка⁵⁴. Сообщая о нападении войск Выговского на Киев и об измене гетмана, царь призывал казаков «от изменника нашего от Ивана Выговского и от татар отстати» и «обрати всем Войском Запорожским единоголосно иного гетмана». Это был прямой призыв недовольным Выговским выступить против него. У царя и его советников были основания рассчитывать, что именно у казаков Полтавского полка, недавно так пострадавших от жестоких репрессий со стороны Выговского, этот призыв найдет отклик. Означало ли это, что этим поступком, как полагает Т.Г. Яковлева, «царский уряд спалив мости» и отказывался от поисков соглашения с гетманом⁵⁵. Сохранившийся проект царской грамоты Выгов-

52 АЮЗР. Т. 7. СПб., 1872. № 88. С. 258.

53 Московские кириллические издания в собрании РГАДА. Вып. 3. 1657–1675 гг. М., 2003. С. 204.

54 Полное собрание законов Российской империи. Собр. Первое (далее — ПСЗ). Т. I. СПб., 1830. № 236.

55 Яковлева Т. Гетьманщина... С. 276.

скому, относящийся к октябрю 1658 г., говорит о другом⁵⁶. В ней указывается, что гетман может рассчитывать на прощение и сохранение своей власти, если он разорвет отношения с татарами, выведет войска с русской территории и, главное, не станет «послов и посланников без нашего царского величества повеленья ни откуда принимать и от себя не посылать»⁵⁷. Таким образом, соглашение с Выговским не исключалось, но на условиях, продиктованных из Москвы, которые должны были положить конец самостоятельным, не согласованным с русским правительством военно-дипломатическим действиям украинских гетманов. Судя по всему, подобная грамота так и не была отправлена к Выговскому (об этом говорит отсутствие откликов на нее в сохранившихся грамотах гетмана). В Москве, по-видимому, отдавали себе отчет, что Выговский не согласится добровольно на такие условия. От русских политиков не могло укрыться то обстоятельство, что, постоянно заявляя о своей «верности» царю и готовности «служить», гетман одновременно подчеркивал, что на силу будет отвечать силой и «вольностей наших боронить готовы есмя», «будем есмя промышлять о здоровье своем и о вольностях, чтоб есмя не отпали их»⁵⁸. Было очевидно, что без военно-политического давления на гетмана нужного результата вряд ли удастся добиться.

Обращение к казакам Полтавского и других полков с призывом выступить против Выговского было первым шагом в этом направлении. Второй был предпринят 14 октября, когда кн. Ф.Ф. Куракину с войском было приказано идти из Севска в Ахтырское на соединение со стоявшей на украинской границе армией Г.Г. Ромодановского⁵⁹. Эта военная сила могла оказать поддержку противникам Выговского.

Особенность сложившегося поздней осенью 1658 г. положения состояла в том, что обе стороны, и царь, и Выговский, не доверяли друг другу и, понимая необходимость поиска соглашения, стремились перед началом возможных переговоров укрепить свои позиции. Для Выговского особенно важным было

56 В ней говорится о нападении Д. Выговского на Киев и содержится требование отпустить гонца Я. Портомоина, возвратившегося в Москву 30 октября.

57 АЮЗР. Т. 4. № 80. С. 166–167.

58 Там же. № 87/I. С. 178; № 87/II. С. 178; № 92. С. 185.

59 ПСЗ. Собр. 1. Т. I. № 238. С. 467–469.

овладеть Киевом, чтобы лишить русское правительство одного из наиболее важных рычагов давления. Установление власти гетмана над Киевом оказывалось необходимым и в том случае, если бы гетман получил внешнюю поддержку для разрешения своего конфликта с Россией. Подготовку к захвату Киева гетман начал в середине октября 1658 г. С этой целью по его приказу к Киеву стали двигаться Каневский, Переяславский и другие полки⁶⁰. 26 октября Д. Выговский пришел снова под Киев, «собрался с многими черкасскими полками и с татарами». Бои продолжались в течение двух дней — 26–27 октября и русские войска «многих людей побили и в обоз погнали»⁶¹. Отпуская 18 октября русского гонца Я. Портомоина, Иван Выговский сказал, что «сам пойдет под Киев и учнет Киев добывать»⁶². 29 октября он, действительно, сам пришел под Киев и «бой был великой у обозу гетмана с утра весь день до ночи»⁶³, но и на этот раз нападение было отбито. Повторная неудача под Киевом, где были собраны значительные силы, не могла не стать для Выговского серьезным предостережением, к чему может привести конфликт с Россией при отсутствии серьезной внешней поддержки. Неудивительно, что на следующий день посланцы гетмана, переяславский полковник Т. Цюцюра и есаул Иван Скоробогатко, стали просить В.Б. Шереметева о встрече с ним. На встрече гетман через Шереметева обратился к царю с просьбой «всему Войску Запорожскому вину их отдать и кровь и войну унять». Происшедшее гетман объяснил происками «изменников с обе стороны». Их действия он изъяснял готовность разоблачить перед царем, когда ему будет оказана милость⁶⁴. Налицо — его новые попытки искать соглашения с русским правительством. События, развернувшиеся на территории Левобережной Украины, заставили его пойти еще дальше по этому пути.

Обращение царя к казакам Полтавского полка имело определенный успех. Часть казаков полка избрала своим полковником Кирилла, сына Мартына Пушкаря, а тот обратился за помощью к Г.Г. Ромодановскому, дав ему повод для вмешательства. На по-

60 АЮЗР. Т. 4. № 96. С. 193.

61 См. отписку В.Б. Шереметева царю: АЮЗР. Т. 15. СПб., 1892. № 6/III. С. 282–283.

62 АЮЗР. Т. 4. № 95. С. 193.

63 АЮЗР. Т. 15. № 6/III. С. 283.

64 Там же. С. 195–196.

мощь Кириллу был отправлен русский отряд во главе с Г. Кошаговым и отряд казаков — противников Выговского во главе с И. Донцом. 21 октября Ромодановский получил известия, что эти войска заняли Голтву и привели население к присяге на имя царя. 23 октября он же получил известие о боях другого отряда казаков — противников Выговского — С. Довгалья с отрядами миргородского полковника Л. Козла. Миргород к этому времени стал главной целью действий казацких «своевольников». К Миргороду подошли отряды Ивана Донца, Андрея Покушелова, Остафия Ворыпаева, которые заняли Миргород еще до подхода войск Г.Г. Ромодановского. Новым полковником Миргородского полка стал С. Довгаль⁶⁵.

Затем начались столкновения шедших в авангарде армии казацких отрядов с казаками Лубенского полка, покинувшими свой город при подходе главных сил. Вступившие в город «черкасы» стали «жечь и до конца разорять» брошенные жителями дворы. Казаки — противники Выговского объясняли Г.Г. Ромодановскому, что казаки из Лубен «пуще всех их разорjali, дома пожгли, жены и детей их татары побрали». В этом эпизоде нашли яркое отражение черты гражданской войны, разрывававшей украинское общество. Г.Г. Ромодановский сообщал, что после занятия Лубен он выслал гонцов в Переяслав, чтобы его жители «от Выговского отстали»⁶⁶. В конце ноября один из выбранных «своевольниками» полковников — Никифор Ковалевский осадил Конотоп, на помощь ему отправил свои войска Ф.Ф. Куракин⁶⁷.

Как видно из приведенных фактов, военная кампания развивалась успешно. Ряд важных центров на Левобережье без серьезных боев перешел под власть русского командования и противников Выговского из среды казачества, а в развернувшихся военных действиях главную роль играли враждебные Выговскому казацкие отряды. Количество казаков в рядах русской армии постоянно увеличивалось. «И во всех, государь, полках, — писал Г.Г. Ромодановский царю, — ... конных и пеших с тридцать тысяч человек». Цифра эта, конечно, сильно преувеличена, но, как представляется, все же показывает масштаб явления.

65 См. отписку Г.Г. Ромодановского, доставленную в Москву 5 ноября: АЮЗР. Т. 7. № 89/І. С. 259–260.

66 См. отписку Г.Г. Ромодановского: Там же. № 89/ІІ. С. 260–261.

67 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 161.

Сохранились письма одного из наиболее близких к Выговскому людей, Г. Гуляницкого, «наказного гетмана» — командующего войсками на Левобережье⁶⁸, из которых видно, с какой тревогой он следил за успехами Г.Г. Ромодановского. В письмах, адресованных нежинскому наказному полковнику, он требовал, так как «Москва наступает безбожная с своевольники», срочно укрепить город Нежин и согнать туда население сельской округи, хотя бы и с помощью суровых мер⁶⁹. Положение в Нежине, однако, не было очень благоприятным для сторонников Выговского. Протопоп Максим Филимонович, не последнее лицо в городе, находился в тайной переписке с Г.Г. Ромодановским и В.Б. Шереметевым. Другая видная фигура местного общества, близкий родственник покойного Хмельницкого В.Н. Золотаренко, нашел нужным через протопопа дать знать, что участвует в войне лишь по принуждению⁷⁰. По словам протопопа, и нежинские мещане не проявляли желания сражаться.

По свидетельству Выговского, после занятия Лубен войска Г.Г. Ромодановского вступили на земли Нежинского, Черниговского и Прилуцкого полков. Дать им отпор было делом Г. Гуляницкого. Как он сообщал 2 ноября в Нежин, он нанес поражение отряду Донца и идет «вскоре за Ромодановским»⁷¹. Однако события стали развиваться иначе. Г. Гуляницкий был окружен войсками Г.Г. Ромодановского в своей резиденции — Варве⁷². Здесь оказались окружены казаки Нежинского, Прилуцкого и Черниговского полков⁷³. На помощь Г. Гуляницкому были посланы войска во главе с Т. Цюцюррой и И. Skorобогатко. В районе Варвы «были бои большие беспрестанно»⁷⁴.

68 Письма переслал Г.Г. Ромодановскому нежинский протопоп Максим Филимонович (АЮЗР. Т. 4. № 101/І. С. 198).

69 АЮЗР. Т. 4. № 99/І, ІІІ.

70 См. в письме Максима Филимоновича путивльскому воеводе Г.Д. Долгорукому: «якож и Василя Никифоровича Золотаренка насиліем в войско погналі» (АЮЗР. Т. 4. № 101/ІІ. С. 199).

71 АЮЗР. Т. 4. № 99/ІІ.

72 См. признания самого Г. Гуляницкого: АЮЗР. Т. 7. С. 265 и Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 79.

73 *Петровський М.* Нариси історії України XVII — початку XVIII століття. Т. І. Харків, 1930. С. 247.

74 Там же. С. 248.

В этих условиях И. Выговский предпринял новые шаги для соглашения с русским правительством. 9 ноября в Киев прибыли полковники подольский — Гоголь, кальницкий — Бештанка, наказной корсунский Привицкий и другие казаки, которые принесли присягу на верность царю в Софийском соборе. Принес присягу царю и белоцерковский полковник Иван Кровченко, который возглавил посольство Запорожского Войска к царю. Гетман выслал «листы» к «заднепровским» полковникам и к Нечаяу, чтобы они прекратили военные действия против русских войск⁷⁵. Одним из условий соглашения стало снятие блокады с Киева, «и из городов и из уездов запасы на продажу почели ... в Киев возити»⁷⁶. 28 ноября послы Запорожского Войска во главе с И. Кровченко приехали в Севск и просили готовившегося к походу на Украину воеводу кн. Ф.Ф. Куракина прекратить военные действия до окончания их переговоров в Москве⁷⁷. 23 ноября Г.Г. Ромодановского в лагере под Варвой посетил Т. Цюцюра, заявивший, что казаки готовы прекратить военные действия, отослать татар и принести присягу царю. Особенно важным было его заявление, что казаки просят царя, чтобы он изволил «прислать к ним бояр и учинил им суполную раду о гетьмане и о своих, великого государя, делах»⁷⁸. Тем самым давалось понять, что казаки готовы согласиться на предложения царских грамот о созыве рады для выбора нового гетмана. 29 ноября переяславский полковник Яким Сомко сообщил Г.Г. Ромодановскому, что на следующий день казаки принесут присягу, и действительно, 30 ноября повторную присягу на верность царю принесли полковники и сотники из войск, стоявших в Варве и под Варвой. 1 декабря армия Г.Г. Ромодановского двинулась на русскую территорию⁷⁹. Таким образом, война на южной границе прекратилась и можно было ожидать и улучшения положения в Белоруссии, когда Нечай станет выполнять приказы гетмана.

К сожалению, не сохранились (или пока не найдены) записи переговоров послов Запорожского Войска в Москве. Сохранились сведения об этих переговорах, которые нашли нужным сообщить посланцу казаков — противников Выговского — сотни-

75 См. отписку В.Б. Шереметева царю: АЮЗР. Т. 15. № 6/III. С. 287.

76 Там же. С. 295.

77 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 1.

78 *Петровський М.* Нариси... Т. I. С. 259.

79 Там же; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 14–16.

ку К. Войтенко Б.М. Хитрово и глава Посольского приказа Алмаз Иванов. По их словам, послы сообщили от имени «черни», что не хотят, чтобы Выговский был гетманом, и желали бы его «переменить». Послы добавили, что Выговский об этом знает и выразил готовность «положить булаву» перед царскими послами. Казацкие послы просили, чтобы царь дал согласие «для успокоенья междоусобья и для обранья нового гетмана» созвать раду «нынешние зимы»⁸⁰. Другое важное свидетельство о том, с чем приехали послы, содержится в наказе А.Н. Трубецкому, которого вскоре Алексей Михайлович направил на Украину. Здесь читаем, что послы просили, «когда будет на раде все попольство», чтобы на ней было принято решение («вечной пункт»), что полковников должны избирать на раде, «кого всем войском выберут». Гетманы же не должны «без рады» назначать, смещать или «карать» полковников⁸¹.

Все эти свидетельства позволяют согласиться с Т.Г. Яковлевой⁸², что положение гетмана сделалось непрочным и под давлением «черни» он вынужден был согласиться начать переговоры с русским правительством и созвать раду, на которой его полномочия были бы ограничены в пользу войска. Очевидно, что после ряда военных неудач последних недель недовольство рядового казачества и начавшейся войной с Россией, и политикой гетмана проявилось в военном лагере под Киевом с еще большей силой, чем в лагере под Каменным. Ряд важных сведений о том, что происходило на созванной раде, содержится в сохранившемся фрагменте «расспросных речей» неизвестного лица. Как он узнал в Чигирине, на созванной раде полковники уманский и белоцерковский заявили Выговскому, что «болши того кровопролитья чинить не учнут». Выговский «на них кричал» и даже приказал их «порубить», но «чернь» не позволила это сделать. Выговский, как он слышал, даже «на раде покинул булаву», но его уговорили вернуться и снова занять свой пост⁸³. Эти сообщения позволяют объяснить, почему во главе посольства оказался белоцерковский полковник.

80 См.: АЮЗР. Т. 4. № 105. Налицо очевидное сходство между высказываниями послов и заявлением Т. Цюцюры Г.Г. Ромодановскому под Варвой.

81 АЮЗР. Т. 15. № 7. С. 328.

82 Яковлева Т. Гетьманщина... С. 280.

83 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 372.

Созыв рады открывал для русского правительства широкие возможности для того, чтобы добиться закрепления уже достигнутых успехов и подчинения Запорожского Войска своему политическому руководству. Не исключалась совсем при этом и возможность соглашения с Выговским, столкнувшимся со столь многочисленными и серьезными трудностями. Неслучайно 21 декабря царь Алексей Михайлович предложил В.Б. Шереметеву «всякими мерами» добиться встречи с гетманом, чтобы обсудить с ним, «какими бы мерами межоусобие успокоить»⁸⁴. Как бы то ни было, в украинских делах, несмотря на имевшие место серьезные осложнения русско-украинских отношений, обозначилась благоприятная перспектива, а это должно было благоприятно сказаться и на положении на белорусских землях.

В этих благоприятно складывающихся условиях в Москве сочли нужным возобновить переговоры о мире с Речью Посполитой. Необходимые документы — наказ и текст грамоты королю — были подготовлены к 20 декабря⁸⁵. Передать грамоту должен был А.И. Нестеров, хотя и было известно, что он находится в осажденном Ковно. Так как кроме передачи грамоты никаких поручений гонцу не давалось, очевидно, что выбор для этой миссии опытного дипломата был связан с тем, что царь и его советники крайне нуждались в информации о положении в Речи Посполитой и планах польско-литовских политиков. Он должен был собрать сведения о том, как идет война со Швецией и какую помощь Речь Посполитая получает от своих союзников. Он также должен был выяснить, желают ли польско-литовские политики мира с Россией и на каких условиях⁸⁶. Особо следовало узнать, какие решения принял в 1658 г. сейм о «обранье» царя «и кто о том радел болши и не было ль от сенатореи корунных тому делу помешки»⁸⁷. Эти слова наказа показывают, что, несмотря на все происшедшее, в Москве все еще считали реальным продолжение переговоров о избрании Алексея Михайловича преемником Яна Казимира. Неудивительно, что у составителей наказа вызвал особый интерес вопрос об отношениях Речи Посполитой с Войском Запорожским. Следовало выяснить, «к Выговскому

84 АЮЗР. Т. 4. № 106.

85 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 5. Л. 64 (дата наказа), 63 (первоначальная дата в черновике грамоты).

86 Там же. Л. 83–84, 96.

87 Там же. Л. 83–84.

на помощь от короля ратные люди не посланы ль» и какие между ним и королем идут переговоры⁸⁸. Все это говорит о том, что хотели узнать царь и его советники, посылая А.И. Нестерова в Речь Посполитую. Что они намерены были предложить королю и его советникам, позволяет выяснить проект царской грамоты Яну Казимиру. В грамоте подробно излагалась русская версия событий, которые привели к разрыву переговоров, и ответственность за все происшедшее возлагалась на комиссаров Речи Посполитой и литовских гетманов. Комиссары и гетманы, — говорилось в грамоте, — «учинили ссору, а не покой, також и нашему царскому величеству безчестье». Царь предлагал королю привлечь их к ответственности, «чтоб впредь ... за такие их ссоры кровь христианская не проливалась». Вместе с тем царь заявлял, что желает мира, и настойчиво предлагал Яну Казимиру прислать «великих» послов в Москву, «дав им полную мочь говорить и становить и укрепить без обсылки, не продолживая нынешняго зимняго времени»⁸⁹. Выбор такой процедуры ведения переговоров говорит о том, что в Москве решили занять твердую позицию. Предложения эти представляли своего рода ультиматум, хотя и выраженный в мягкой форме. Альтернативой сделанным предложениям была война. В Москве, очевидно, полагали, что в масштабном возобновлении военных действий в Речи Посполитой не заинтересованы и пойдут на уступки.

Подготовленные материалы довольно длительное время лежали без движения, возможно потому, что Ковно, где находился А.И. Нестеров, было окружено литовскими войсками.

Тем временем в Москве стали предпринимать шаги для решения украинской проблемы. Царь назначил созыв рады на 1 февраля в Переяславе. Как чрезвычайный представитель царя на раду должен был направиться ближний боярин князь А.Н. Трубецкой. Его должны были сопровождать В.Б. Шереметев и Г.Г. Ромодановский, а также дьяки Л. Лопухин и Ф. Грибоедов⁹⁰.

Какой в Москве был выработан план действий для решения украинской проблемы, позволяют судить сохранившиеся фрагменты черновика наказа А.Н. Трубецкому⁹¹. Текст этот состав-

88 Там же. Л. 96.

89 Текст грамоты см.: РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 5. Л. 14–63.

90 АЮЗР. Т. 4. № 105; АЮЗР. Т. 7. № 90/III (грамота Алексея Михайловича И. Выговскому от 27 декабря).

91 АЮЗР. Т. 15. № 7.

лялся под впечатлением сообщений послов Запорожского Войска. Некоторые фрагменты наказа позволяют полагать, что царь и его советники рассчитывали при поддержке «черни» провести нужные изменения на раде, не прибегая к военному вмешательству⁹². На раде русские представители должны были выступить с атакой на Выговского. Речь должна была идти и о призыве им татар для расправы с недовольными им казаками, и о том, что гетман «с ляхами учал ссылатца и умышлять злое». Участникам рады следовало также зачитать тексты «прелестных и устранных универсалов», которые рассылали гетман и его советники, и «объявить войску измены полковника Ивашки Нечая»⁹³. Следует отметить при этом, что Выговского обвиняли в том, что он посылал на переговоры «с ляхами для згоды» П. Тетерю, затем Ковалевского и принимал у себя польского посла С. Беневско-го⁹⁴. Очевидно, в это время в Москве еще не знали о заключении Гадячского договора.

Как видно из царской грамоты И. Выговскому, в Переяслав для участия в раде должны были отправиться В.Б. Шереметев и Г.Г. Ромодановский⁹⁵. Очевидно, они должны были подкрепить обвинения против гетмана своими свидетельствами. Посылку на раду людей, которых гетман считал зачинщиками «междоусобия» и своими личными врагами, следует рассматривать как свидетельство того, что в Москве считали, что Выговский будет вынужден согласиться на их участие.

В Москве рассчитывали, что после предпринятых шагов Выговский будет вынужден отдать булаву и во главе Войска Запорожского встанет новый гетман⁹⁶. После этого должны были быть осуществлены изменения, которые обеспечили бы подчинение Запорожского Войска власти царя. Новый гетман после избрания должен был поехать в Москву «челом ударить» и здесь ему должны были вручить грамоту на гетманство, булаву и знамя⁹⁷. Гетман должен был принести присягу царю, которая,

92 В одном из фрагментов наказа говорится о возможном недовольстве участников рады тем, что «присланы оне... люди великие, а ратных людей при них нет» (Там же. С. 319).

93 Там же. С. 312–313.

94 Там же.

95 АЮЗР. Т. 7. № 90/III. С. 275.

96 АЮЗР. Т. 15. № 7. Стб. 315–316.

97 Там же. Стб. 316, 328.

в частности, включала его обязательство без царского «указа» не вести переговоров с соседними государствами⁹⁸. В Чигирине и других городах должны были разместиться русские гарнизоны и с участниками рады следовало заключить договор, «чтоб ... царского величества воеводам на прокормленье дали деревни»⁹⁹. Наконец, следовало поставить вопрос о возвращении в состав России тех земель, которые до Смутного времени входили в состав Русского государства¹⁰⁰. Кроме того, следовало вывести из Старого Быхова отряды казаков во главе с И. Нечаем «и за их злые дела велеть по войсковому праву казнить»¹⁰¹.

Вместе с тем А.Н. Трубецкой должен был убеждать участников рады, что царь не намерен пересматривать установившиеся нормы отношений с Войском Запорожским и они должны были основываться на текстах «статей», которые в 1654 г. вручили послам Хмельницкого — Самойлу Богданову и Павлу Тетере, «и новых никаких статей не всчинывано и с ними не посылывано». Тексты «статей» были переданы А.Н. Трубецкому и он должен был зачитать их на раде¹⁰². Это означало, что гарантированный этими статьями социальный статус разных слоев украинского общества остается без изменений. В этой связи в наказе неоднократно подчеркивалось, что в состав Запорожского Войска и впредь будет входить 60 000 человек (как это предусматривалось в «статьях»)¹⁰³.

Опираясь на поддержку «черни», русское правительство должно было добиваться удовлетворения хотя бы части ее требований. Так, А.Н. Трубецкой должен был добиваться, чтобы на раде были приняты решения, лишавшие гетмана права «качать», назначать и смещать полковников своей единоличной властью «без рады»¹⁰⁴. Вместе с тем русское правительство стремилось к стабилизации отношений в украинском обществе. А.Н. Трубецкому следовало «на то привести, чтоб казаков разобрать и учинить реестр» «и в списки казацкие мещан и пашенных крестьян не писать». В составлении

98 АЮЗР. Т. 15. № 7. Стб. 329–330.

99 Там же. Стб. 323–324.

100 Там же. Стб. 324–325.

101 Там же. Стб. 325–326.

102 Там же. Стб. 318, 322, 331–332.

103 Там же. Стб. 315, 319.

104 Там же. Стб. 328.

реестра наряду с казацкой старшиной должны были участвовать присланные А.Н. Трубецким «дворяне»¹⁰⁵. Очевидно, в Москве понимали, что составление реестра может вызвать недовольство, тем более, что царь рекомендовал воздержаться от изготовления челнов и походов за море, «покаместа у царского величества с неприятелем война успокоитца»¹⁰⁶. По-видимому, именно поэтому наказ предусматривал ряд мер, направленных на улучшение материального положения тех 60 000 казаков, которые войдут в реестр. Так, А.Н. Трубецкой должен был «говорить войску», чтобы казаков, вошедших в реестр, «устроить землями»¹⁰⁷. Еще более важна была другая мера — обеспечение выплаты жалованья казакам, когда они пойдут на «государеву службу». Вопрос о выплате жалованья был источником постоянной напряженности в отношениях между казацкой верхушкой и рядовыми казаками, обвинявшими полковников в том, что собранные доходы они используют на свои нужды. При решении этого вопроса составители наказа попытались одновременно удовлетворить интересы «черни» и обеспечить присутствие русской власти на Украине. Как указывалось в наказе, русские воеводы, стоящие во главе гарнизонов в украинских городах, «будут збирать в тех городех войсковую казну и давать на Войско Запорожское, как на службу пойдут»¹⁰⁸. Русские воеводы приобрели бы на украинской территории важные полномочия, а получавшие жалованье рядовые казаки были бы заинтересованы в их присутствии. Выдвигая такие предложения, русское правительство опиралось на опыт своей политики по отношению к служилому казачеству на территории Русского государства.

Предложения, изложенные в наказе А.Н. Трубецкому, есть основания оценить как программу — максимум русской политики на Украине, которую предполагалось осуществить в тех благоприятных условиях, которые, как полагали в Москве, сложились на территории Запорожского Войска.

24 декабря 1658 г. к гетману были направлены гонцы Г. Булгаков и Ф. Байбаков, которые должны были известить его о

105 Там же. Стб. 315, 319.

106 Там же. Стб. 326–327.

107 Там же. Стб. 315.

108 Там же. Стб. 323.

принятом царем решении созвать в феврале 1659 г. раду в Переяславе. Однако уже к этому времени на пути к осуществлению задуманного плана действий стали возникать трудности. Уже в момент отправления гонцов стало известно, что под Лохвицу, где стояла русская армия, «пришли черкасы многие люди и татаровя». Поэтому, извещая гетмана о принятых решениях, царь одновременно требовал от него прекратить военные действия «и татар из Малой Росии ... вывестъ»¹⁰⁹.

Гетман Выговский не желал пассивно ждать, когда на раде его отстранят от власти, и приложил большие усилия, чтобы обеспечить себе внешнюю поддержку. Одного из наиболее близких своих соратников, писаря Грушу, он отправил с просьбой о помощи к крымскому хану¹¹⁰. Неоднократно он просил о помощи и Яна Казимира¹¹¹. И ему удалось добиться определенных результатов. К концу 1658 г. к гетману прибыло на помощь крымское войско во главе с Селим-Гиреем султаном¹¹². «За неделю до Рождества» пришло 4,5 тыс. солдат из Польши во главе с обозным А. Потоцким, и это войско стало размещаться в округе Киева–Барышполе, Барышовке и других местах¹¹³. Одним из ближайших последствий этих перемен стало возобновление блокады Киева¹¹⁴. Первым узнал о приходе польского войска оказавшийся в центре событий киевский воевода В.Б. Шереметев. Приход польского войска и распоряжения гетмана о сборе средств на его содержание не оставили у него сомнений в политической ориентации И. Выговского и, не дожидаясь указа царя, он разослал «во все полки» письма, адресованные «черни и всему войску», в которых призывал «к полякам не приставать и в черкасских

109 См. текст царской грамоты И. Выговскому: АЮЗР. Т. 7. № 90/III. С. 274–275.

110 См. об этом в отписке В.Б. Шереметева: АЮЗР. Т. 15. № 6/IV. Стб. 295.

111 О его обращениях к Яну Казимиру см.: Яковлева Т. Гетьманщина... С. 280–281.

112 Об этом войске см. в показаниях пленного полковника М. Шемберка: АЮЗР. Т. 15. № 6/IV. Стб. 305.

113 АЮЗР. Т. 15. Стб. 298, 303–304. По сообщениям позднее попавших в русский плен офицеров этого войска, его значительная часть была нанята Выговским за собственные деньги (РГАДА. Ф. 210. Столбцы безгласного стола. Стб. 94. Л. 27, 31).

114 Там же. Стб. 295.

городех жить им не дать»¹¹⁵. 6 января 1659 г. польские войска «приходили» к Киеву¹¹⁶.

Как менялось положение на русско-украинской границе, позволяет выяснить серия отписок находившегося в Севске Ф.Ф. Куракина. 9 декабря из Глухова «полковник нежинский Данила Гуляницкой да стародубской Кирилл Гуляницкой» — посаженные в этих городах родственники наказного гетмана — сообщили ему о соглашении, заключенном под Варвой. 10 декабря в Глухов был послан майор А. Покотиллов, чтобы привести жителей города к присяге. 13 декабря майор вернулся с глуховскими сотниками, которые просили прислать в город для приведения к присяге «священника и начальново человека доброво». В Глухов был послан стрелецкий голова Авраам Лопухин со священником. Однако 20 декабря стало известно, что А. Лопухин арестован и отослан в Нежин¹¹⁷. Вскоре Ф.Ф. Куракин получил сообщение от Г.Г. Ромодановского, что его армию, стоявшую под Лохвицей, атаковали стоявшие ранее под Варвой войска во главе с И. Скоробогатко¹¹⁸.

В Москве быстро реагировали на начавшиеся перемены. 30 декабря Ф.Ф. Куракину был отправлен приказ идти к Лохвице на соединение с армией Г.Г. Ромодановского. «А будет (далее зачеркнуто: изменник) Выговской вскоре рады не учинит и учнет радю поволакивать», то казакам следует сообщить, что в этом случае царь «за ваше крестопреступление» отправит против них «бояр своих и воевод со многими ратми»¹¹⁹. В Москве в тот момент еще рассчитывали, что заключенное соглашение будет исполнено, но события развивались так, что 10 января было отдано распоряжение о выделении 20 тыс. руб. на выплату жалованья ратным людям, которые пойдут в поход с А.Н. Трубецким¹²⁰. Для сбора войска в Севске был установлен срок — 1 февраля¹²¹. В Москве вступили на путь военного решения проблемы. Поездка А.Н. Трубецкого на раду превращалась в военный поход против «изменников». После того, как только что заключенное соглашение было без каких-либо

115 АЮЗР. Т. 7. С. 271–272 (текст письма датирован 2 января).

116 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 426. Л. 188.

117 Там же. Стб. 429. Л. 263–267.

118 Там же. Л. 269–270.

119 Там же. Л. 208.

120 Там же. Л. 313.

121 Там же. Л. 300 и сл.

причин сорвано, другого выбора у царя и его советников, если они хотели удержать Украину, не оставалось.

В этих условиях протекала с самого начала обреченная на неудачу миссия царских гонцов к Выговскому. Русские гонцы, приехав в Путивль 4 января, узнали, что под Лохвицей и под Ромнами «бои бывают частые»¹²², а 6 января пришедшее на помощь Выговскому польское войско атаковало Киев. Нападение было отбито, но оно стало еще одним доказательством резкого поворота в политике Выговского и тех сил, на которые он опирался.

С первым проявлением перемен русские гонцы столкнулись уже 5 января в Конотопе. Здесь Г. Гуляницкий, один из ближайших соратников Выговского, командующий войсками, которые вели бои на границе, встретил их «всякою неподобною бранью», обвиняя их в том, что «приехали, де, они нарочно бунт вчинять». От Гуляницкого гонцы узнали, что мир возможен лишь при условии, что царь выведет все свои войска «из черкасских городов»¹²³. Тем временем отряды польских войск стали размещаться в городах Левобережной Украины. Когда 8 января гонцы прибыли в Переяслав, в городе уже находились «драгуны немцы»¹²⁴. Здесь 13 января состоялась их встреча с Выговским.

На встрече гетман заявил, что он не желает встречаться с «боярами», так как они хотят «поймать его, гетмана, и голова отсечь». Тем самым о созыве рады для решения спорных вопросов уже не было и речи. Гетман также заявил, что он, правда, присягал царю, но «не на том, чтоб быть московским воеводам в городах» и задавал риторический вопрос: «почто, де, было Василью Борисовичю с ратными людьми в Киеве быть?». Тем самым вслед за Гуляницким и гетман фактически заявил, что мир возможен лишь при условии вывода русских войск с территории Украины.

Аудиенция закончилась заявлением гетмана, что он идет походом против «своевольников», «а кто за них учнет стоять, и с теми, де, он, гетман, будет битца». Если учесть, что к этому времени уже достаточно долгое время шли бои между сторонниками Выговского и «своевольниками», которых поддержива-

122 АЮЗР. Т. 7. С. 264.

123 Там же. С. 266–267.

124 Там же. Стб. 268.

ли русские войска, то эти слова были ничем иным, как объявлением войны. По словам гонцов, на встрече «обозной, судьи и полковники говорили те ж речи, что и гетман». Таким образом, И. Выговский опирался на поддержку всей верхушки Запорожского Войска. В своем отчете гонцы отметили и слова гетмана, что «лутчи, де, быть в подданстве или в полону у турка, а нежели у москалей»¹²⁵. Столь резкие слова в устах такого осторожного и осмотрительного политика, как И. Выговский, говорят о его желании демонстративно подчеркнуть разрыв отношений с Россией. Возможно, эти слова были адресованы А. Потоцкому и другим польским офицерам, находившимся в Переяславе.

На встрече о соглашениях Запорожского Войска с Речью Посполитой, как и ранее, не упоминалось, но об этом определенно шла речь в грамоте гетмана царю, врученной гонцам 22 января. Здесь уже прямо говорилось, что «принуждены есмя ... до короля Польского, яко прежнего пана, приклонитися». Правда, одновременно Выговский заявлял, что не хочет кровопролития и что соглашение, заключенное им с Речью Посполитой, предусматривает заключение «мира» между Россией и Речью Посполитой, но это был совсем не тот мир, которого желали бы в Москве¹²⁶. 17 января из Переяслава Выговский двинулся к Лохвице, к тому месту, где происходили бои¹²⁷.

Здесь на русско-украинской границе военные действия все более разгорались. 13 января произошло большое сражение у Песков, где посланные Г.Г. Ромодановским воеводы, кн. С.П. Львов и П. Скуратов, пытались выручить атакованного войсками И. Скоробогатко одного из главных противников Выговского после смерти Пушкаря, Искру. Искра погиб, у противника удалось отбить лишь его обоз. В сражении, продолжавшемся «с обеда до вечера», участвовали казаки Чигиринского, Переяславского, Каневского, Черкасского, Лубенского полков. Таким образом, еще до прихода И. Выговского на границе были собраны полки и с Право- и с Левобережной Украины. Вместе с ними действовали татары во главе с царевичем Селим-Гиреем¹²⁸.

125 Запись переговоров с И. Выговским см.: Там же. С. 270–272.

126 Текст грамоты гетмана царю от 21 января см.: АЮЗР. Т. 7. С. 279.

127 Там же. С. 273.

128 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 469–472. Разбор кратких сообщений украинских летописцев см.: Яковлева Т. Гетьманщина... С. 130.

Правда, в своей деятельности Выговский встречался с определенными трудностями, сохранялись опасения возможного недовольства со стороны рядового казачества. Свидетельством этому может служить следующий эпизод. Находившиеся в Москве послы Запорожского Войска, узнав о начавшихся боях под Лохвицей, обратились к гетману и «в полки» Нежинский, Переяславский, Каневский, которые принимали участие в боях, с призывом прекратить военные действия и прислать «повинную» с послами «за каждого полковника и всей старшины и черни Войска Запорожского»¹²⁹. Письма были отправлены с русскими гонцами, но не дошли до адресатов, так как были отобраны у гонцов «силой» по приказу Выговского¹³⁰. Очевидно, в Чигирине опасались реакции казаков на эти письма. Не удалось также ни овладеть Киевом, ни положить конец активности русского гарнизона в этом городе: перед их отъездом 24 января гонцов укоряли, что В.Б. Шереметев сделал вылазку из Киева и осадил Барышполь¹³¹.

Однако, по сведениям, собранным гонцами, внешняя поддержка способствовала серьезному укреплению положения Выговского в украинском обществе. Такой видный деятель московской ориентации, как нежинский протопоп Максим Филимонович, тайно говорил гонцам, что хотя многие казаки и недовольны гетманом, но «ныне отстать от Выговского не смеют, для того, что овладел гетман ляхами и татарами и многих разстреливает и казнит». Протопоп подчеркивал, что надежды на соглашение с гетманом не имеют под собой оснований: Выговский «конечно великому государю изменил и обращенья от него не будет»¹³². К аналогичному выводу пришли и русские гонцы¹³³. Протопоп Максим писал, что, лишь когда царь пошлет войска, казаки оставят Выговского¹³⁴. В.Б. Шереметев в отписке, отправленной царю 21 января, советовал начать военные действия на Украине уже зимой, так как «к весне чают помочи гетману от многих государств»¹³⁵.

129 АЮЗР. Т. 7. С. 277–279.

130 Там же. С. 269.

131 Там же. С. 274.

132 Там же. С. 267.

133 Там же. С. 272.

134 Там же. С. 267.

135 АЮЗР. Т. 15. № 6/IV. Стб. 296.

Неясно, когда и эти факты, и оценки стали известны в Москве. Гонцы 1 февраля выехали из Конотопа¹³⁶. На отписке Шереметева имеется помета: «выдана из хором марта в 22 день»¹³⁷. Помета свидетельствует о том, что документ привлек особое внимание царя, но не дает ответа на вопрос, когда он попал в руки Алексея Михайловича. Однако эти сообщения могли дать царю и его советникам лишь дополнительные доказательства в пользу уже принятого решения. Выехавший из Москвы 15 января, А.Н. Трубецкой к 30 января приехал в Севск¹³⁸, куда к нему должны были собраться предназначенные для похода войска. 31 января 1659 г. давно подготовленный текст грамоты Яну Казимиру был зачитан узкому кругу ближайших советников царя (Б.И. Морозов, Я.К. Черкасский, Н.И. Одоевский, И.А. Милославский)¹³⁹. Что же заставило прибегнуть к этой процедуре?

На землях Великого княжества Литовского положение к концу января 1659 г. заметно изменилось к лучшему. Посылка на театр военных действий новых военных сил привела к перелому в ходе военных действий. Посланный к Лукомлю в конце декабря отряд во главе с Г. Козловским нанес поражение войску С. Кмитича, взяв знамена и захватив обоз¹⁴⁰. По сведениям польских источников, позднее отряд Кмитича понес серьезные потери в бою с О. Сукиным и отступил за Березину¹⁴¹. Отряд В. Воловича попытался из Глубокой начать военные действия против Дисны, но 12 января потерпел неудачу в бою с войсками, высланными из Полоцка¹⁴². После этого его отряд отошел от Глубокой на запад к Мядзеле¹⁴³. Планы похода литовских войск на Полоцк и Витебск становились нереальными. 31 января н. ст. один из корреспондентов Б. Радзивилла сообщал ему, что для Ивана Нечая военные действия также складывались неудачно и он был вынужден отступить к Быхову¹⁴⁴. Полковник Ридель также в середине ян-

136 АЮЗР. Т. 7. С. 278.

137 АЮЗР. Т. 15. № 6/IV. Стб. 306.

138 См. статейный список посольства А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 220; РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 25.

139 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 5. Л. 63.

140 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 355–358.

141 *Kossarzecki K.* Op. cit. S. 29.

142 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 756–757.

143 *Kossarzecki K.* Op. cit. S. 29.

144 *Ibid.*

варя потерпел поражение в бою с русскими войсками и отступил в Мстиславль, который в конце месяца был осажден войсками И.И. Лобанова-Ростовского¹⁴⁵. Все это происходило в условиях, когда литовское войско волновалось и отказывалось нести службу, не получая жалованья. Пленные солдаты из полка В. Воловича сообщали, что, правда, ранее гетман П. Сапега «полковник и шляхту уговорил служит на четверть году из одного хлеба», но «четверть» уже кончается. Солдаты ссылались при этом на то, что царь платит своим служилым людям «на четверть года по двадцать рублей», и даже угрожали, «если не дадут им грошей», перейти на русскую службу¹⁴⁶. Сам гетман П. Сапега, по сообщениям пленных, оставил театр военных действий и находился «в Соколове за Слонимом» со своими «дворовыми людьми». Позднее он и целый ряд полковников его войска направились в Варшаву на сейм, чтобы добиться выплаты жалованья¹⁴⁷.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что именно осложнения, возникшие на Украине, заставляли советников царя вернуться к тексту документа. По прочтении текст документа был одобрен и 2 февраля отправлен к А.И. Нестерову¹⁴⁸. Таким образом, было решено придерживаться твердой позиции по отношению к Речи Посполитой. Очевидно, в Москве полагали, что, несмотря на трудности, все же удастся оперативно урегулировать разногласия с Войском Запорожским.

Принимаемые в Москве решения изменялись с изменением положения и поступлением новых сведений. Первоначально здесь, по-видимому опираясь на результаты бесед с послами Запорожского Войска, рассчитывали при поддержке «черни» отстранить Выговского от власти. 2 февраля из Москвы к Трубецкому были посланы грамоты, которые он должен был разослать «в полки» — очевидно, с призывом отстранить гетмана от власти¹⁴⁹. Однако прошло всего несколько дней и в Москве пришли к решению искать соглашения с Выговским. 7 февраля в том же кругу «комнатных бояр» — ближайших советников царя были

145 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 647–650.

146 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 106–107.

147 Там же. С. 107; *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska i Związek braterski wojska litewskiego w latach 1660–1663.* Warszawa, 1989. S. 16–17.

148 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 5. Л. 63.

149 О посылке грамот см.: АЮЗР. Т. 4. № 115. Стб. 333–334.

зачитаны «статьи», которые при встрече А.Н. Трубецкой должен был предложить гетману¹⁵⁰. Из текста этих «статей» ясно, что к этому времени в Москве не только знали о переходе И. Выговского под власть польского короля, но советникам царя были известны и условия соглашения, на которых Запорожское Войско возвращалось в состав Речи Посполитой¹⁵¹. Но, по-видимому, в Москве считали, что речь идет о проекте соглашения, от которого гетман и полковники могли и отказаться. Трубецкому предписывалось, если в этих условиях «не будет самых высоких и затейных статей», заключать договор с гетманом на этих условиях. Царь соглашался на то, чтобы Выговский был «воеводой киевским», а также на предоставление его родственникам и полковникам «урядов», «каштелянств» и «староств». Речь шла и о предоставлении «на гетманскую булаву города в прибавку». О каких-либо ограничениях автономии гетманства в этом варианте соглашения речи не было. Что касается «своевольников» — противников Выговского, то боярин должен был обещать, что он их «по указу великого государя учнет в мир приводить» и царь «за своевольников вступатца не велит». В статьях выражалось согласие на уход В.Б. Шереметева из Киева («другому воеводе в Киеве быти нечего») и готовность обсудить вопрос о выводе из города русского гарнизона¹⁵². От всего намеченного в предшествующее время курса в «статьях» остался только пункт, чтобы при принесении присяги, которая скрепила бы новый договор, следовало гетмана и полковников «на то привести, чтоб крест целовать и черни». При этом неременным условием соглашения должно было стать обязательство гетмана «ратных людей развесть без крови и татар вывесть». Получив «статьи», А.Н. Трубецкой должен был действовать быстро; «а чтоб учинить, не измотчав».

Одновременно был предпринят ряд шагов, которые должны были облегчить заключение соглашения. Так, Трубецкому было приказано не рассылать грамот «в полки», «чтоб теми грамотами болши ссоры не учинить»¹⁵³. Затем для участия в «съезде»

150 Текст «статей» см.: АЮЗР. Т. 4. № 107.

151 См. упоминание в этом документе «статей польского короля».

152 К сожалению, текст в этом месте испорчен и нельзя установить, насколько далеко царь и его советники были готовы идти навстречу требованиям гетмана.

153 АЮЗР. Т. 15. Стб. 334.

с И. Выговским вместо В.Б. Шереметева и Г.Г. Ромодановского был послан А.В. Бутурлин, которого Остафий Выговский хвалил, противопоставляя его Шереметеву. 23 февраля А.В. Бутурлин прибыл в ставку Трубецкого¹⁵⁴. Еще ранее, 20 февраля, в ставку Трубецкого прибыл гонец Г. Старков, который вез грамоту царя Выговскому с новым предложением вступить в переговоры¹⁵⁵. Следует согласиться с Т. Яковлевой¹⁵⁶, что все эти факты говорят о новых усилиях, приложенных русским правительством, чтобы добиться соглашения с Выговским. Вся намеченная ранее внешнеполитическая линия была решительно пересмотрена. Ход событий, как увидим далее, развивался таким образом, что до обсуждения русских предложений Выговским и полковниками дело не дошло. Могли ли удовлетворить их русские предложения, если бы они стали им известны? Царь и его советники пытались предложить гетману и старшине те же условия, которые предлагал польский король, но в контексте отношений, характерных для Русского государства, эти предложения приобретали иной характер. Царь готов был предложить Выговскому пост киевского воеводы (и убрать своего воеводу из Киева), но в Речи Посполитой пост киевского воеводы делал Выговского членом высшего органа власти — сената, он становился участником принятия всех важных решений, касавшихся всего Польско-Литовского государства, в Русском же государстве этот титул не давал гетману каких-либо политических преимуществ. То же касается и разного рода «урядов», которые царь готов был пожаловать полковникам.

Пока в Москве предпринимали шаги в поисках соглашения с Выговским, у юго-западной границы Русского государства разгорались военные действия. Во второй половине января на территорию Левобережной Украины пришел Выговский с казацким войском и татарскими отрядами. Гетман направился на территорию Миргородского и Полтавского полков, которые после похода Г.Г. Ромодановского перестали признавать его власть, и ему удалось добиться заметного успеха. Когда 4 февраля гетман И. Выговский подступил к Миргороду, город после трехдневной осады сдался, русских «ратных людей», находив-

154 АЮЗР. Т. 15. Стб. 335; Т. 4. № 115. С. 225.

155 АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 224.

156 Яковлева Т. Гетьманщина... С. 284–285.

шихся в городе, гетман, «ограбив», отпустил к русским войскам в Лохвицу. Казаки Миргородского полка во главе с С. Довгалем присоединились к его войску. Затем войско Выговского двинулось «в Полтавский полк, к Полтаве и к Гадече»¹⁵⁷. К Выговскому подошли подкрепления: новые отряды татар во главе с одним из царевичей и «Северский гетман» Г. Гуляницкий с Нежинским полком¹⁵⁸. Выговский снова добился успехов. Как сообщал в Москву А.Н. Трубецкой, «которые ... черкасы сидели в Гадече и в ыных городах и местечках, и те, де, государь, черкасы все ... изменили, здались изменнику Ивашку Выговскому»¹⁵⁹. Затем военные действия сконцентрировались вокруг Зинкова, где в осаде оказались целый ряд противников Выговского — «Кирик Пушкаренко да полковники Иван Донец да Иван Силка». Предпринятый 24 февраля приступ был отбит. Осажденные взяли «три знамя да девять пушек да приступные приметы пожгли»¹⁶⁰. Выговский был вынужден отступить, не взяв города¹⁶¹. В Ромнах, куда 19 апреля А.Н. Трубецкой отправил подкрепления — 600 драгун¹⁶², продолжал находиться гетман Иван Беспалый. Не подчинялась И. Выговскому и Полтава, куда Г.Г. Ромодановский прислал полковника Я. Иволта с половиной драгунского полка¹⁶³. Тем самым главная цель похода — окончательная расправа со «своевольниками» — не была достигнута.

4 марта под Зиньковом состоялась встреча с гетманом гонца Г. Старкова¹⁶⁴. О том, что произошло на этой встрече, известно из отписки Г. Старкова А.Н. Трубецкому и из речей сопровождавших Старкова путивльских детей боярских. Оба сообщения по содержанию совпадают между собой, расходясь лишь в отдельных деталях¹⁶⁵. И. Выговский принимал гонца в присут-

157 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 222; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 702–706.

158 Там же. Л. 795–796.

159 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 98.

160 Отписка А.Н. Трубецкого // Там же. Л. 142.

161 Літопис Самовидця... С. 79.

162 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 429. Л. 705.

163 Статьиный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 224; РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 93 и сл.

164 АЮЗР. Т. 15. Стб. 347.

165 Отписка Г. Старкова: АЮЗР. Т. 15. Стб. 347–348. Рассказы путивльских детей боярских см.: Там же. Стб. 348–352.

ствии А. Потоцкого, что уже не предвещало никакого успеха его миссии. Познакомившись с царской грамотой, гетман сразу же заявил, что отказывается распустить войско и отослать татар. Он готов это сделать и прекратить военные действия, если предварительно русские войска будут выведены из Киева и других «черкасских городов». После того, как это будет сделано, он готов встретиться с А.Н. Трубецким. Из всего, что говорил гетман, ясно следовало, что на этой встрече речь может идти лишь о мирном соглашении между Россией и Запорожским Войском, а не о договоре, который определил бы условия существования гетманства под верховной властью царя. Но в таких условиях для русской стороны встреча Трубецкого с гетманом теряла всякий смысл.

Ряд сведений, сообщенных путивльскими детьми боярскими, могли только подкрепить заключение о бесполезности дальнейших переговоров с Выговским. В пути они встретили ехавшего к гетману посланца трансильванского князя и в выданной ему проезжей грамоте Иван Выговский был назван гетманом короля Яна Казимира. Они же сообщили и об усилении дипломатических контактов между Войском Запорожским и Речью Посполитой: к королю поехали полковники Г. Лесницкий и Я. Сомко, а в то время, когда дети боярские находились в лагере под Зиньковом, к королю отправился один из главных руководителей Запорожского Войска — обозный Т. Носач. Все это показывало, что под руководством Выговского гетманство все более решительно брало курс на сближение с Польско-Литовским государством. Дети боярские сообщили также, что Выговский «ждет ... к себе крымского хана вскоре». Об этом говорил и сам гетман в разговоре с Г. Старковым.

Особую тревогу, как представляется, должны были вызвать сообщения детей боярских, что казакам Полтавского и Миргородского полков приказано оставить места проживания и с семьями «и со всеми животы» перейти за Днепр до 16 марта. По дороге они встречали людей, грузивших на возы рухлядь, чтобы отправиться в дорогу¹⁶⁶. Все это очень походило на меры, предпринимавшиеся перед началом большой военной кампании.

Дети боярские с отпиской Г. Старкова прибыли в ставку А.Н. Трубецкого 16 марта. К этому времени сбор ратных людей закончился и А.Н. Трубецкой со своей армией двинулся из Севска

166 АЮЗР. Т. 15. Стб. 351–352.

к украинской границе — в Путивль, куда он прибыл 10 марта¹⁶⁷. Еще до возвращения Старкова А.Н. Трубецкой 19 марта послал Выговскому грамоту, в которой снова предлагал назначить время и место встречи, где «с тобою съехатца и договор учинить», а также «татар всех отпустить в Крым и война задержать»¹⁶⁸. Однако Выговский не дал на грамоту ответа и задержал гонцов. Одновременно выяснилось, что он покинул Левобережную Украину и, поставив в городах польские гарнизоны, ушел в Чигирин¹⁶⁹. Судя по грамотам, посылавшимся из Москвы А.Н. Трубецкому, царь и его советники в течение некоторого времени рассчитывали, что «съезд» все же состоится¹⁷⁰.

Тем временем армия А.Н. Трубецкого к 29 марта пришла к Константинову и вступила на территорию «черкасских городов». Тогда же стало известно, что у границы в Конотопе стоит наказной гетман Г. Гуляницкий с Нежинским, Прилуцким, Черниговским и Подольским («Гоголевским») полками¹⁷¹. Таким образом, отказываясь от переговоров, Выговский одновременно организовал у границы военную группировку, которая задержала бы возможное наступление русской армии до того времени, когда гетман сможет получить помощь от своих союзников.

Дело все более определенно склонялось к войне. Открытию военных действий предшествовали шаги, направленные на то, чтобы убедить казачество отказаться от поддержки Выговского. 30 марта в Константинове состоялась встреча А.Н. Трубецкого с И. Беспалым и полковниками его войска. Боярин просил их писать в «черкасские города и места», которые «ныне в измене», чтобы они «от неправд своих отстали». В этом случае им обещалась полная безопасность со стороны русских войск и казаков Беспалого¹⁷². С этой же целью из Москвы были отпущены все еще находившиеся там послы Войска Запорожского во главе с И. Кровченко. Они также должны были предлагать

167 АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 225.

168 АЮЗР. Т. 15. Стб. 353–354.

169 Літопис Самовидця... С. 79.

170 См. грамоты от 31 марта (АЮЗР. Т. 15. Стб. 358), 2 апреля (Там же. Стб. 360).

171 См. статейный список А.Н. Трубецкого (АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 226) и отписку А.Н. Трубецкого (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 179–180).

172 АЮЗР. Т. 15. № 8. Стб. 361–364.

жителям «черкасских городов», чтобы они «от неправд своих отстали», но к этому уже добавлялась угроза, что, если они «в сознание не придут», то «что над ними учинитца, и то им будет самим от себя»¹⁷³. Одновременно шла подготовка к началу военных действий. На встрече в Константинове казаки Беспалого получили приказ, «чтоб они на ... великого государя службу были готовы»¹⁷⁴. 5 апреля в Константинов была доставлена отписка от В.Б. Шереметева. Он сообщал о том, что вокруг Киева стоят Уманский, Паволоцкий, Браславский, Корсунский, Переяславский полки, и о столкновениях казаков с выходящими на вылазки русскими ратными людьми. В этом районе, таким образом, война шла полным ходом. Воевода сообщал о планах Выговского «приходить под Киев, покамест воды большие будут». Важное значение имело и его сообщение, что «ныне в великий пост» к Яну Казимиру отправились послы «просить людей на помощь»¹⁷⁵. По-видимому, именно под впечатлением от этой отписки, и не получая известий от гетмана, А.Н. Трубецкой и другие воеводы пришли к заключению, что «съезду у нас с ним, Ивашком, не чаять»¹⁷⁶.

Военные действия обе стороны начали почти одновременно в начале апреля. 5 апреля в Серебряное «со многими черкасы» пришел прилуцкий полковник Петр Дорошенко. По сведениям, полученным от пленных, он должен был «приходить наездом» на русские войска, стоявшие у Лохвицы. В сражении под Серебряным 13 апреля отряд П. Дорошенко был разбит. Победители взяли 15 знамен, бунчук, пушки¹⁷⁷. Одновременно военные действия начали казаки И. Беспалого, которые 7 апреля отправили в Москву вместе с посланцами Полтавского полка взятые знамена¹⁷⁸. 10 апреля двинулась к Конотопу армия А.Н. Трубецко-

173 Статейный список А.Н. Трубецкого // АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 230.

174 АЮЗР. Т. 15. № 8. Стб. 364.

175 Там же. № 8/II. Стб. 365–370. Столкновения войск В.Б. Шереметева с польскими и казацкими отрядами в округе Киева имели место 5, 18 и 27 марта (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 426. Л. 188–189).

176 АЮЗР. Т. 4. № 115. Стб. 355–356.

177 См. отписку Ф.Ф. Куракина и показания пленных: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 343–346.

178 АЮЗР. Т. 7. № 94/10. С. 287.

го¹⁷⁹. Толкая царя и его советников к военному вмешательству на Украине, Максим Филимонович убеждал, что власть гетмана держится только на силе и с приходом русских войск казаки и мещане оставят Выговского. Ход событий, однако, этого не подтверждал. Правда, уже в начале апреля в Москву направились посланцы Полтавского полка во главе с Марком, сыном Мартына Пушкаря, которые просили прислать в Полтаву пушки, ядра и порох, помочь укрепить полтавскую крепость, а также дать средства на содержание размещившегося в городе драгунского полка¹⁸⁰, однако Полтавский полк и ранее не подчинялся власти Выговского. Совсем иначе пошли дела под Конотопом. На предложение сдаться защитники города не реагировали. Под городом развернулись бои, «черкас» оттеснили в город, но предпринятый 28 апреля штурм крепости закончился неудачей. Пришлось перейти к длительной осаде. А неподалеку от Конотопа в Борзне собрались казацкие войска во главе с В.Н. Золотаренко, которые нападали на русский лагерь и мешали вести осаду¹⁸¹.

Имеющиеся материалы не позволяют установить, как и когда было принято окончательное решение о войне. Правда, в нашем распоряжении нет полного текста наказа А.Н. Трубецкому, поэтому нельзя исключить, что он получил соответствующие полномочия, но гораздо более вероятным представляется, что решение о войне было все же принято в Москве.

Основанием для этого решения послужили, конечно, сведения, которые приходили в Москву от Г. Старкова; А.Н. Трубецкого, В.Б. Шереметева. Дело, однако, этим не ограничилось. Следует отметить еще одно важное обстоятельство, которое могло способствовать принятию такого решения. В распоряжении русских властей оказались важные сведения о деятельности казацких дипломатов, исходившие от находившегося в русском плену польного гетмана литовского В. Госевского. В своих записках,

179 АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 231.

180 Письмо полтавского полковника Кирилла, запись «речей» посланцев, обращение Марка Пушкаренка к царю см.: АЮЗР. Т. 7. № 92–94. С. 281–287.

181 О начале осады Конотопа см. статейный список А.Н. Трубецкого (АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 233–234), а также его отписку (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 422–424). В составе армии было 3 тыс. казаков во главе с И. Беспалым и 2 тыс. казаков во главе с Силкой и Ковалевским.

адресованных царю и его советникам, гетман доказывал, что интересам России соответствует заключение мира с Речью Посполитой (на условиях, для нее приемлемых) и заключение союза, направленного против Швеции, в противном случае Русское государство может столкнуться с враждебной коалицией Речи Посполитой, Швеции и Украины. В этой связи Госевский писал, что, когда начались переговоры о возвращении Войска Запорожского под верховную власть Речи Посполитой, казацкие послы добивались, чтобы «прежде сего король его милость помирился со шведами и перенес войну до Москвы», тогда шведский король вернет себе Ливонию, Речь Посполитая — Литву, «Украина — казакom, от рук московских освободитца». Под Торунью в конце 1658 г. послы Запорожского Войска, которые прибыли туда вместе с послами хана, совместно с крымскими дипломатами просили, «чтоб с шведами, а не Москвой утвердили покой»¹⁸². В свете этих данных враждебность политики Выговского по отношению к России становилась очевидной.

Военная кампания на Украине, требовавшая все больше войск, не могла не отразиться на положении в Великом княжестве Литовском, где первоначально положение складывалось благоприятно для русских воевод. За достигнутыми военными успехами здесь последовали новые. Заключение мира со Швецией позволило направить в Белоруссию войска Новгородского разряда во главе с кн. И.А. Хованским. 6 февраля н. ст. в сражении на льду озера Нароч им были разбиты соединившиеся к этому времени отряды В. Воловича и М. Юдицкого. Войска И.А. Хованского заняли Браслав и Икажнь. Русская власть была установлена в Браславском и Ошмянском поветах. В том же феврале войска во главе с А.Л. Ординым-Нащокиным заняли Чадосы — важный пункт, лежавший на дороге, ведущей через Вилькомир в Жемайтию¹⁸³. Виленский воевода кн. М. Шаховской не только принимал меры для восстановления русской власти в Виленском, Ошмянском и Трощком поветах, где шляхта оказалась вынужденной повторно приносить присягу на верность царю¹⁸⁴. В начале февраля, узнав, что «из-под Ковны Глебович и полковни-

182 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 9. Л. 142–145. Сведения эти в основном соответствовали действительности. См.: *Горобець В.* Еліта... С. 195.

183 *Kossarzecki K.* Op. cit. S. 29–30.

184 См. челобитную кн. М. Шаховского с перечислением своих заслуг: АМГ. Т. III. СПб., 1901. № 36. С. 38.

ки отошли по разным местам на хлеб для кормленья», он выслал отряд в 1000 чел. во главе с полковником Яковом Урвиным. Он освободил город от осады¹⁸⁵ и А.И. Нестеров мог приступить к выполнению своего поручения. Пытаясь воспрепятствовать наступлению, Ян Казимир и Павел Сапега в феврале 1659 г. стали рассылать универсалы о созыве посполитого рушения¹⁸⁶, но мер этих было явно недостаточно, тем более, что сам гетман вскоре отправился на сейм в Варшаву. Наступили перемены и в настроениях шляхты. Уже в начале февраля большая группа местных шляхтичей во главе с полковником Яном Лазовским прибыла в Полоцк «в винах своих добити челом»¹⁸⁷.

Вместе с тем обращает на себя внимание ограниченный характер этих успехов, за которыми не последовало значительного продолжения. Осада Ковно через некоторое время возобновилась¹⁸⁸. Гродненская шляхта во главе с С. Масальским продолжала осаждать Гродно. Приступы были успешно отбиты, но в крепости стало «водою и хлебом гораздо нужно» и 9 марта гарнизон капитулировал¹⁸⁹. Такие центры, как Минск и Новогрудок, продолжали оставаться под литовской властью¹⁹⁰. Показательны в этом плане события, происходившие в конце зимы–весной 1659 г. в районе Чадос. 23 февраля русский гарнизон в этом городе во главе с сыном А.Л. Ордина-Нащокина — Воином оказался осажден литовским войском в Курляндии во главе с С. Комаровским¹⁹¹. Осада крепости продолжалась около 2 месяцев. Лишь 7 апреля к А.Л. Ордину-Нащокину прибыл посланец С. Комаровского войсковой судья М. Руцкий с предложением начать переговоры о перемирии¹⁹². 10 апреля соглашение о перемирии

185 Там же. С. 41.

186 См. переводы универсалов Яна Казимира от 19 февраля н. ст. и П. Сапеги от 8 и 19 февраля, адресованных шляхте Ковенского повета (РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 92–99).

187 Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 100.

188 *Kossarzecki* К. *Op. cit.* S. 31.

189 *Ibid.*; АМГ. Т. III. № 37. С. 42; Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 107; РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 87–88.

190 По русским сведениям, весной 1659 г. П. Сапега прислал в Новогрудок «четыре хорунги поветной шляхты и четыре хорунги полских людей» (РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 88).

191 Там же. № 2. Л. 17.

192 Там же. Л. 4.

было подписано. Чадосы остались под русской властью. Перемирие было заключено на 4 месяца, но предусматривалась возможность его продления «до съезду великих послов»¹⁹³. Когда срок перемирия истек, С. Комаровский 1 августа предложил так и поступить¹⁹⁴. Однако отступление литовских военачальников от Чадос было связано прежде всего с их стремлением продолжить действия по очищению от шведов Курляндии, где литовское войско рассчитывало в дальнейшем кормиться. А.Л. Ордину-Нащокину за все время осады так и не удалось собрать военные силы, достаточные для того, чтобы оттеснить литовское войско и освободить город¹⁹⁵. Все это было, несомненно, связано с тем, что войска во все больших размерах требовались на Украине, где постепенно разгоралась настоящая большая война. Русские войска весной-летом 1659 г. вели достаточно масштабные действия лишь на территории юго-восточной Белоруссии, где в апреле 1659 г. в Мстиславле полковник Ридель был вынужден сдаться войскам кн. И.И. Лобанова-Ростовского¹⁹⁶. Военные столкновения между этими войсками и казацкими отрядами И. Нечая были частью военной кампании, которую вели русские воеводы против Выговского. Связь между этими событиями была совершенно ясной для современников¹⁹⁷.

Война на Украине разгоралась, а это означало возникновение перед русскими политиками все новых серьезных трудностей. Вставал вопрос о том, как в этих условиях строить свои отношения с западными соседями. В первую очередь необходимо было выяснить отношения с Польско-Литовским государством.

193 Текст записи о перемирии см.: Там же. Л. 26–27.

194 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 234.

195 Об осаде Чадос см.: *Kossarzecki K.* Op. cit. S. 31.

196 АМГ. Т. II. № 1160. С. 683. О военных действиях в районе Мстиславля см. подробнее: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006. С. 430–432. О присяге царю казаков, шляхты и мещан, находившихся в Мстиславле, см.: РГАДА. Ф. 145 (Приказ Велико-го княжества Смоленского). Кн. 3. Л. 543 и сл.

197 Примером могут служить инструкции Алексея Михайловича И.И. Лобанову-Ростовскому, в которых предписывалось овладеть Быховом «в самые скорые дни, чтоб им от Выговского не дождатца к себе присылки на вырубку» (РГАДА. Ф. 27. № 166. Л. 202). Об осаде Нечая в Старом Быхове см.: *Малов А.В.* Московские выборные полки... С. 437–438).

Этого, однако, добиться не удавалось. А.И. Нестеров, по сведениям, поступившим в Москву в начале апреля, был задержан литовским гетманом П. Сапегой, который был намерен направиться с ним к королю на собиравшийся в Варшаве сейм¹⁹⁸. Не оставалось ничего другого, как ожидать ответа на свои предложения, а ответ в немалой мере зависел от того, какие решения примет сейм — верховный орган власти в Речи Посполитой. Однако сами события последних месяцев (приход польского войска на Украину и одновременный открытый разрыв отношений между Запорожским Войском и Россией) указывали на то, что дело идет к новому серьезному конфликту между государствами. В этих условиях закономерно встал вопрос о будущих отношениях с противником Речи Посполитой — Швецией. Валиесарский договор предусматривал, что Россия и Швеция будут вести переговоры о заключении не только «вечного мира», но и союза. Не следовало ли искать выход из возникших трудностей на путях сближения со Швецией?

Вопрос об отношениях со Швецией рассматривался в те же дни, когда решался вопрос о посылке грамоты А.И. Нестерову. Уже в конце января 1659 г. было принято решение отправить гонца к Карлу Густаву¹⁹⁹. В грамоте, текст которой был зачитан кругу ближайших советников царя²⁰⁰, королю предлагалось сообщить, «в которое время и на которое место» Карл Густав пришлет послов для переговоров о «вечном мире»²⁰¹. Тем самым подчеркивалась заинтересованность русской стороны в проведении таких переговоров. 6 февраля А.Л. Ордин-Нащокин был назначен главой русской делегации на мирных переговорах²⁰². Все это указывает на стремления русской стороны к возобновлению контактов со Швецией. Вместе с тем обращает на себя внимание, что с грамотой Карлу Густаву в нарушение обычной практики был направлен немецкий офицер на русской службе — поручик Михаил Маиров. Такой выбор человека, ехавшего в полевую ставку Карла Густава под Копенгагеном, как представляется, был связан с желанием получить как можно больше

198 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 87.

199 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 3. Л. 1.

200 Там же. Л. 60.

201 Текст грамоты от 7 февраля 1659 г. см.: Там же. Л. 51–59.

202 Там же. Л. 50.

информации о ходе военных действий на территории Дании²⁰³. Очевидно, что прежде чем принимать какие-либо решения, в Москве хотели оценить военно-политические возможности будущего союзника.

Если в Москве царь и его советники пока только размышляли над такой возможностью, как горячий сторонник такого решения стал выступать с начала 1659 г. А.Л. Ордин-Нащокин. Его переходу к такой ориентации, вероятно, способствовали сообщения о намерениях шведов развернуть военные действия против Речи Посполитой в Прибалтике. В феврале 1659 г. М. Маиров сообщал в Москву из пограничной Нарвы, что в Пярну собираются все шведские генералы «по сю сторону моря», чтобы договориться, как «им зготовитца на полского короля»²⁰⁴. О созыве такого съезда от своих агентов должен был знать, конечно, и А.Л. Ордин-Нащокин.

Как представляется, именно основанное на таких сообщениях убеждение, что скоро начнется масштабная польско-шведская война, побудила воеводу Царевичева Дмитриева к одному из самых нестандартных поступков в его изобилующей нестандартными действиями карьере. 17 февраля 1659 г. им была отправлена грамота в Гданьск. В ней Нащокин ставил жителей города в известность, что в скором времени к городу могут приблизиться русские и шведские войска, выступающие против «общего врага». От имени царя он обещал им мир и безопасность, если они не станут принимать участия в войне²⁰⁵. Этот документ показывает, что в новой политической ситуации А.Л. Ордин-Нащокин продолжал искать возможности для завоевания Россией тех позиций на Балтике, о которых речь шла ранее при подготовке русско-литовского соглашения. По его представлениям, такой документ должен был положить начало установлению постоянных контактов между русскими властями (в его лице) и Гданьском.

В документе ярко отразилось убеждение политика, что заключение русско-шведского союза — дело близкого будущего и оно приведет к резкому изменению соотношения сил в регионе в пользу союзников.

203 Именно такая задача ставилась перед гонцом во врученном ему наказе (Там же. Л. 39 и сл.).

204 Там же. Л. 75.

205 Urkunden und Actenstücke... Т. 8. S. 75.

Пока этого не произошло, воевода прилагал усилия к установлению сотрудничества с шведскими генералами на местном, локальном уровне. Обращаясь к царю в начале апреля, он писал: «пять лет я в том краю, а все обороняюсь чужих земель войски». Ранее он вел войну со шведами совместно с войсками В. Госевского, а теперь намерен воевать против поляков со шведскими войсками²⁰⁶. Предпринятые шаги способствовали тому, что во время военных действий, развернувшихся вокруг Чадос, командующий шведскими войсками в Ливонии Р. Дуглас стал предпринимать нападения на идущие на помощь С. Комаровскому литовские отряды²⁰⁷. Одновременно он оказал любезность воеводе, согласившись через Ригу отослать царские грамоты в Гданьск и к курфюрсту. А.Л. Ордин-Нащокин предлагал даже Р. Дугласу соединить войска для совместного похода против С. Комаровского²⁰⁸. С этой целью 30 марта он выслал отряд во главе с Б. Неклюдовым из 1200 пеших и конных рейтар и 300 человек лифляндских дворян²⁰⁹. Р. Дуглас, правда, отклонил такое предложение, ссылаясь на то, что «случение» войск не предусмотрено Валиесарским договором, но, пересылая его письмо царю, А.Л. Ордин-Нащокин писал, что Дуглас «послушен в деле к помочи»²¹⁰. Тем самым он давал понять, что военное сотрудничество со шведами вполне реально. Однако после заключения перемирия с С. Комаровским предпринимать и далее подобные шаги на локальном уровне А.Л. Ордин-Нащокин не мог. Положение могло бы измениться в случае заключения какого-либо общего соглашения между Россией и Швецией, когда локальное соглашение с С. Комаровским потеряло бы свое значение. А.Л. Ордин-Нащокин получил полномочия для ведения мирных переговоров со Швецией, однако в его распоряжении не было инструкций, из которых он мог бы понять, чего следует добиваться на переговорах. Молчание Посольского приказа говорит о том, что царь и его советники не приняли решения, следует ли искать союза с Карлом Густавом, ожидая (прежде всего от

206 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 1. Л. 151.

207 См. об этом в переводе письма Р. Дугласа А.Л. Ордину-Нащокину от 31 марта: РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 2. Л. 9.

208 Там же. Л. 10–11.

209 Там же. Л. 6.

210 Там же. Л. 5. В письме он с горечью писал, что получил от Р. Дугласа помощь, которой он не дождался от московских воевод.

Михаила Маирова) достоверной информации о положении на военных фронтах и об отношениях Швеции с другими государствами (в частности, с ее возможными союзниками — Англией и Францией).

В первой половине 1659 г. главное внимание русского правительства привлекали к себе события на Украине. С ними был связан важный дипломатический шаг, предпринятый в начале этого года. В Москве вполне ценили значение татарской помощи для Выговского и реальность опасности, которая угрожала русской власти над Украиной со стороны Крыма. Поэтому была предпринята попытка лишить гетмана поддержки со стороны хана. Подьячий Ф. Байбаков, только что вернувшийся из поездки к Выговскому, был отправлен в Крым вместе с сыном боярским Иваном Апухтиным. Посланники прибыли в Крым в апреле 1659 г. Им были даны значительные средства для поднесения подарков хану и вельможам, они должны были обещать выплату увеличенных «поминков». С помощью таких достаточно стандартных приемов в Москве рассчитывали разорвать союз Войска Запорожского с Крымом.

Этот шаг не привел к желаемому результату. К русским предложениям крымцы не проявили никакого интереса. «Ближний человек» хана Сефер-Гази-ага заявил посланникам, что «только-де от царского величества уступки черкасских городов не будет, и тех ссор без того не рознять», так как черкасские города «учинились у них в подданстве». В конце апреля русские посланцы были арестованы и помещены в тюрьму в Мангупе, а в мае хан вместе с ордой выступил в поход на помощь Выговскому²¹¹.

В мае 1659 г. армия А.Н. Трубецкого продолжала осаждать Конотоп, шли упорные бои с защитниками города. Нападения казацких и татарских отрядов из Борзны заставили командуящего русской армии направить к городу войска во главе с Г.Г. Ромодановским. 14 мая город был взят штурмом, а вражеская группировка рассеяна. Русские ратные люди «обоз казацкой и татарской кош взяли», взятых в плен «казацких и мещанских жон и детей» передали казакам Беспалого²¹². Внешняя угроза русскому

211 Новосельский А.А. Указ. соч. С. 37–40.

212 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 234–235. См. также показания пленных, захваченных 2 мая. Эти пленные были казаками правобережных полков (Киевского, Каневского) (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 365–366).

лагерю была устранена, но это не заставило защитников Конотопа капитулировать.

21 мая А.Н. Трубецкому было доставлено письмо сидевшего в Киеве в осаде киевского полковника В. Дворецкого. Написанное полковником письмо содержало важные сообщения и предложения киевского воеводы В.Б. Шереметева главнокомандующему. Некоторые из сообщений были положительными. Хотя продолжалось сближение Запорожского Войска с Речью Посполитой и гетман «ныне на сейм всю старшину послал», нет никаких известий «о новом лятцком войску, чтоб на помощь шло». Однако серьезная опасность угрожала со стороны татар — Выговский «ожидает хана крымского». Поэтому киевский воевода настойчиво советовал, оставив часть войска под Конотопом, занять Нежин и идти к Киеву на соединение с русским гарнизоном, чтобы соединенными силами встретить войска Выговского и его татарских союзников на Днестре и не допустить их перехода через реку. Письмо заканчивалось словами: «тогда и мы вас встретим, и никто не задержит, понеже все устрашились, утекают»²¹³. Переславший в лагерь А.Н. Трубецкого письмо В. Дворецкого Максим Филимонович присоединил к нему свои сообщения и советы. Он подтверждал сообщения из Киева, что гетману «от ляхов малая помощь», так как войско требует жалованья, и также сообщал, что на сейм в Варшаву отправились не только полковники («шляхетства себе просят и маетностей»), но и митрополит и все епископы. М. Филимонович горячо поддержал план действий, исходивший от киевского воеводы. Он утверждал, что русские войска легко овладеют Нежином, так как «чернь зело ропшет и желает чтоб здатися». Он заверял, что в городе находится не названный им по имени полковник, который с приходом русских войск «тотчас имеет чернь в раду призвать и поклониться его царскому величеству». Казаки Переяславского и Корсунского полков, «что здесь (т. е. в Нежине. — Б.Ф.) есть», «хотят бежать». Вместе с тем в приписке к уже написанному письму протопоп Максим сообщал тревожную новость, что

213 Письмо В. Дворецкого от 6 мая 1659 г. см.: АЮЗР. Т. 15. № 8/4. Стб. 374. 13 мая под Киевом был разбит присланный А. Потоцким отряд во главе с полковником Рожичем. Пленные сообщали, что ждут на помощь полковника Маховского, но пока «и слуху про него нет» (Отписка В.Б. Шереметева А.Н. Трубецкому, полученная 16 августа // РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 426. Лл. 70–71).

хан вышел из Крыма и «в Кобыляку переправляется». Таким образом, с реализацией предложенного плана действий следовало поторопиться²¹⁴.

Тем временем И. Выговский предпринимал срочные меры для оказания помощи Конотопу. О предпринятых усилиях дают достаточно ясное представление показания захваченных в плен казаков. Нежин должен был стать пунктом сбора войск для военных действий против русской армии под Конотопом. Перед «Троицыным днем» в Нежин прибыл Т. Цюцюра с казаками разных полков, а 23 мая в город пришел один из ближайших сподвижников Выговского И. Скоробогатко с двумя правобережными полками²¹⁵.

Уже это делало задуманный в русском лагере план действий маловыполнимым. 25 мая А.Н. Трубецкой направил к Нежину войска во главе с Г.Г. Ромодановским и отряд казаков во главе с полковником Г. Донцом. Следуя полученным советам, он отправил письмо жителям Нежина, призывая их прекратить кровопролитие и сдать город²¹⁶. Однако события стали развиваться не так, как предполагали. Под Нежином 27 мая развернулись упорные бои. Хотя во время этих боев «изменников черкас многих побили и в город вбили», но овладеть Нежином не удалось²¹⁷. Вопреки предшествующим заверениям казаки не бежали, а мещане — «чернь» не предпринимали попыток сдать город. В таких условиях план похода русской армии к Киеву становился нереальным. Нереальными становились и расчеты задержать на Днестре двигавшееся на Украину татарское войско. Правда, была предпринята попытка задержать поход орды. 4 июня 1659 г. И. Беспалый из ставки Трубецкого обратился к «черни братии нашей кошевому войску в Запорогах», чтобы запорожцы «бусур-

214 Текст письма протопопа Максима см.: АЮЗР. Т. 15. № 8/V. Стб. 375–380.

215 См. РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 314, 316, 319, 444. Все пленные сходятся на том, что с И. Скоробогатко пришел Каневский полк, названия другого в показаниях расходятся.

216 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 434 и сл. Протопопу Максиму А.Н. Трубецкой также отправил письмо, предлагая продолжать предпринятые усилия.

217 О походе к Нежину см. в статейном списке А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 236–238. См. также его отписку: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 441–443.

ман, как могучи, на переправах громили»²¹⁸, но шаг этот запоздал. Орда уже давно находилась в походе.

В таких условиях возобновились дипломатические контакты между правительствами России и Речи Посполитой. Сейм, на который П. Сапега повез А.И. Нестерова, открылся в Варшаве 22 марта н. ст. 1659 г. Здесь наряду с рассмотрением других вопросов должны были приниматься решения о будущей политике Польско-Литовского государства по отношению к России и Швеции. На сейме сталкивались между собой две группировки в правящих кругах Польского королевства — профранцузская, во главе с самой королевой Людовикой Марией, и проавстрийская, к которой принадлежала значительная часть польского епископата. Разногласия были связаны с тем, что профранцузская партия готова была заключить сепаратный мир со Швецией, пожертвовав интересами союзников, а проавстрийская выступала за продолжение войны в составе антишведской коалиции. В конце концов решение о переговорах со шведами было принято и назначены представители на переговорах (целый ряд из них были сторонниками королевы). Однако это не означало, что сторонники профранцузской партии были готовы заключать мир любой ценой. Инструкции польским представителям на переговорах предусматривали вывод шведских войск из городов Королевской Пруссии и с территории Курляндии²¹⁹. Так как было ясно, что на такие уступки Карл Густав добровольно не пойдет, необходимо было готовиться к новым военным действиям в Пруссии и Курляндии.

В этих условиях особую остроту приобретал вопрос о выплате жалованья коронному войску, которое отказывалось нести службу, так как «bez wojska dobrego pokoju nie będzie» (без войска доброго мира не будет). Переговоры с войском начались во Львове, куда назначенные сеймом депутаты во главе с гетманом Потоцким прибыли в июле 1659 г. Благодаря займам под залог коронных имений и принудительному побору с населения Львова удалось добиться того, что в сентябре войско, чьи претензии были частично удовлетворены, согласилось идти на войну²²⁰.

218 РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. № 127а. Л. 1–1об.

219 *Kubala L. Wojny duńskie i pokój oliwski. 1657–1660. Lwów, 1922. S. 226–227, 230.*

220 *Ibid. S. 232–235.*

Вопрос о выплате жалованья войску приобрел значение также потому, что на одном из последних заседаний сейма 12 мая н. ст. был ратифицирован сеймом Гадячский договор²²¹ и Войско Запорожское стало окончательно частью Речи Посполитой, на которую ложилось обязательство по его защите. Гетман Выговский не только просил помощи у короля и сенаторов, но и отправил своих послов к войску, убеждая его вернуться на службу²²².

В конце марта 1659 г. было принято решение и о возобновлении мирных переговоров с Россией, а затем назначены и представители, которые должны были вести переговоры. Австрийские послы, сообщая в Вену об этом решении, отметили, что оно было принято по настоянию сенаторов и послов Великого княжества Литовского²²³. Литовские магнаты и шляхта, вероятно, надеялись, что теперь, утратив власть над Украиной, царь проявит большую готовность к уступкам и они все же смогут мирным путем получить назад свои владения без войны, которая могла бы привести к их окончательному разорению. Мог иметь значение и другой мотив. В условиях, когда главные силы коронной армии должны были продолжать войну в Пруссии, мирные переговоры могли быть определенной гарантией того, что Великое княжество в это время не подвергнется нападению с русской стороны.

Еще до окончания сейма 30 апреля н. ст. в Москву был отправлен королевский гонец Ян Лосовский²²⁴. В грамоте снова содержались резкие обвинения по адресу русской стороны, которая привела к срыву мирных переговоров осенью 1658 г., но вместе с тем король сообщал, что Речь Посполитая желает мира и для ведения переговоров назначены комиссары «с полною мочью». Русское предложение вести переговоры в Москве Ян Казимир решительно отклонил и предложил провести встречу представителей сторон в Минске. Он готов был отправить комиссаров в Минск уже в начале июля. Ян Казимир предлагал также на время переговоров прекратить военные действия²²⁵. Ян Лосовский был принят царем и вручил ему королевскую грамоту 15 июня²²⁶.

221 О подтверждении договора см.: Ibid. S. 243–244.

222 Ibid. S. 233.

223 Ibid. S. 227.

224 30 апреля н. ст. датирована грамота Яна Казимира Алексею Михайловичу (РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 10. Л. 134).

225 См. перевод грамоты Яна Казимира: Там же. Л. 123–134.

226 Там же. Л. 76.

Отношение русского правительства к этому предложению определилось, как представляется, теми сведениями об итогах работы сейма, которыми располагали в Москве летом 1659 г. Для русского правительства первостепенную важность представляло не столько согласие правительства Речи Посполитой на переговоры, сколько то, какие условия мира могут предложить на переговорах польско-литовские комиссары. Очень важные сведения на этот счет содержало «польское письмо», которое прислал 17 июня виленский воевода Мих. Шаховской. В нем говорилось, что комиссары предложат те же условия, которые предлагали «на первой комиссии», т. е. осенью 1656 г. под Вильно, «с тою толко прибавкою, чтобы Смоленск был приворочен по прежнему»²²⁷. Таким образом, если ранее польско-литовская сторона соглашалась уступить России земли, захваченные Речью Посполитой в годы Смуты, то теперь она отказывалась от этой уступки.

Достоверность этих сообщений авторитетно подтвердил находившийся в русском плену гетман В. Госевский. Речь Посполитая, по его словам, хочет, «чтоб рубежу быть попрежнему по Поляновку, потому что ныне курфистр бранденбургской и черкасы при них ... а с шведом договариваютца, и время стало не прежнее»²²⁸. Само поведение гонца подтверждало правильность сообщений. На приеме у царя гонец, перечисляя титулы короля, назвал среди них «те города, которые ныне за царским величеством»²²⁹. Он же еще до приезда в Москву заявил, что «черкасы, де, ныне учинились под королевскою рукою»²³⁰. 28 июня Я. Лосовский с разрешения советников царя встретился с В. Госевским²³¹, а 30 июня с гетманом встретились Б.М. Хитрово и думный дьяк Алмаз Иванов, чтобы узнать, что рассказал ему гонец о положении в Речи Посполитой²³². Сообщения В. Госевского вряд ли могли успокоить русское правительство. Он сообщал о приезде на сейм послов Запорожского Войска и о том, что на сейм приехали послы хана, которые «говорили чтоб с царским величеством не миритца да говорили о черкасах, что они про-

227 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 197.

228 Там же. 1659 г. № 9. Л. 27.

229 Там же. № 1. Л. 85.

230 Там же. Л. 15.

231 Там же. № 9. Л. 9.

232 Там же. Л. 86.

тив царского величества ратных людей стоят некрепко и чтоб им учинить посилки»²³³. После беседы с Лосовским гетман снова подтвердил, что на будущих переговорах речь пойдет об уступке земель «по Поляновку»²³⁴. Наконец, ссылаясь на то, что он слышал от Лосовского, гетман сообщил, что комиссары Речи Посполитой не согласятся ехать в Москву, особенно «корунные»²³⁵.

На следующий день, 4 июля, царь «указал», какой ответ дать на предложения Яна Казимира. Ответ должен был содержать «прежние речи»²³⁶, т. е. царь повторял свое предложение, чтобы представители Речи Посполитой приехали для переговоров в Москву. На время их путешествия в Москву и переговоров там царь выражал готовность прекратить военные действия. Комиссарам была послана «опасная грамота»²³⁷. Повторяя свое предложение, царь, конечно, знал, что польско-литовская сторона его не примет. Очевидно, в начале июля 1659 г. царь и его советники не были намерены вести мирные переговоры с Речью Посполитой. По-видимому, по их представлениям отсрочка должна была привести к тому, что переговоры возобновились бы при более благоприятных для русской стороны условиях. Некоторые сведения, проливающие свет на планы русского правительства по отношению к Речи Посполитой, содержит грамота, отправленная 29 мая 1659 г. в Новгород в связи с приездом туда шведского гонца Адриана Мюллера²³⁸. В ответ на возможные вопросы гонца «для чего ... ратные люди в Великии Новгород збираютца», следовало объяснять, что готовится поход армии во главе с кн. И.А. Хованским «на неприятеля нашего польского короля». Таким образом, паузу в мирных переговорах, по-видимому, предполагали использовать, чтобы снова направить войска Новгородского разряда на земли Великого княжества Литовского. В той же грамоте предписывалось сообщить гонцу о победе, одержанной Хованским над литовским войском прошедшей зимой, когда были захвачены «бунчюк и знамена и пушки мно-

233 Там же. Л. 91.

234 Там же. Л. 88.

235 Там же. Л. 86.

236 Там же. № 10. Л. 139.

237 См. грамоты Алексея Михайловича Яну Казимиру от 5 июня 1659 г.: Там же. Л. 145–155, 176–178.

238 Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 109 («Порубежные акты»). № 324.

гие и обоз». С возобновлением военных действий от полководца ждали новых успехов.

Адриан Мюллер прибыл в Москву в июне 1659 г. одновременно с Яном Лосовским. Гонец сообщил, что король предлагает провести мирные переговоры в сентябре месяце «меж Царевичева Дмитреева города и Колывани», назначенные королем послы Бенгт Горн и Густав Банер ждут в Таллине его возвращения из Москвы²³⁹. Это говорило о заинтересованности шведской стороны в поисках мирного соглашения с Россией. Для определения позиции русской стороны имели значение приходившие в Москву информации о ходе войны Карла Густава с его противниками. Так, в апреле новгородские воеводы сообщали, что шведские войска трижды безуспешно штурмовали Копенгаген «и на тех ... приступех многих свейских людей побили». В их же отписке говорилось, что на помощь датчанам идет голландская эскадра из 30 кораблей²⁴⁰. В главном эта информация получила подтверждение вернувшегося в конце июня из ставки Карла Густава Михаила Маирова²⁴¹. Хотя шведские собеседники гонца говорили о том, что в ближайшее время последует капитуляция Дании²⁴², его собственные наблюдения говорили о другом. Так, он сообщал, что шведские войска не только понесли большие потери при штурме Копенгагена, но датчане их и «из шанец вон выбили» и шведские войска отступили на 1,5 версты от города²⁴³. Он же отметил, что 25 мая в Копенгаген пришла новая голландская эскадра, значительно усилившая уже находившийся там голландский флот²⁴⁴. Правда, М. Маиров сообщал и о приходе на помощь к шведам в конце апреля английской эскадры²⁴⁵ (а это означало, что союзники не оставляют Карла Густава без поддержки), но положение шведского короля было трудным и он был явно заинтересован в сохранении мирных отношений с Россией²⁴⁶. Можно было воспользоваться этими трудностями,

239 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 4. Л. 58, 62, 94.

240 Там же. № 1. Л. 166–167.

241 23 июня был в Новгороде (Там же. № 3. Л. 84).

242 Там же. Л. 76, 130.

243 Там же. Л. 134.

244 Там же. Л. 174.

245 Там же. Л. 132.

246 В статейном списке М. Маирова читаем: «о нынешнем посолском договоре они, свейские люди, ради и говорят о том с Михаилом в

чтобы добиться заключения соглашений, выгодных для русской стороны. Во время переговоров А. Мюллеру дали понять²⁴⁷, что Алексей Михайлович готов обменять занятые русскими войсками земли в Ливонии на Ингрию и Карелию²⁴⁸. В Москве, очевидно, предполагали на новых переговорах добиться того, чего не удавалось добиться в Валиесаре.

Окончательного решения о характере возможных соглашений со Швецией в Москве еще не было принято. Хотя представители на переговоры были назначены, но инструкций они не получили. А.Л. Ордин-Нащокин запрашивал у царя, какие условия «вечного мира» следует предлагать шведской стороне и какие могут быть условия соглашения о союзе против Яна Казимира²⁴⁹. Как бы то ни было, грамота, врученная А. Мюллеру 5 июля, содержала сообщение, что русские представители на мирные переговоры назначены «давно и с Москвы они отпущены» и они должны договориться со шведскими представителями о времени и месте проведения переговоров²⁵⁰. Это означало, что русское правительство откладывало начало переговоров с Речью Посполитой в ожидании результатов русско-шведских переговоров, которые могли бы принести России усиление ее позиций.

Частью задуманного плана действий стало решение о развертывании крупных военных действий на территории Великого княжества Литовского. Здесь и летом 1659 г. удалось добиться определенных успехов. Так, в начале июля посланный П.А. Долгоруким полк А. Траурнихта занял Минск и нанес поражение войскам полковника Мурашки²⁵¹. Это был важный шаг по пути восстановления русских позиций на восток от Березины. За ним должны были последовать и другие. В начале августа ожидался поход войск Новгородского разряда во главе с И.А. Хованским в западные уезды Великого княжества «меж Вильно и Ковно»²⁵².

розговорех» (Там же. Л. 131).

247 Очевидно, неофициально, так как в русской записи переговоров об этом не говорится.

248 Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 236.

249 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 5. Л. 7–13.

250 Там же. № 4. Л. 140–145.

251 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 209–210, 215.

252 См. об этом в письме А.Л. Ордина-Нащокина Р. Дугласу: РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 24.

Планы эти встретили горячую поддержку А.Л. Ордина-Нащокина. В своей записке царю он советовал не заключать перемирия с Речью Посполитой, которое предлагают Ян Казимир и Павел Сапега. Они хотят лишь выиграть время, так как литовское войско не хочет воевать, не получая жалованья. Следует поэтому не только отправить в поход войска И.А. Хованского, но и заключить со шведскими послами соглашение о совместном походе русских войск из Полоцка и армии Дугласа на польского короля и начать войну «нынешним летом». Это приведет к тому, что перейдут в наступление и шведские войска на территории Пруссии²⁵³. Так рисовались А.Л. Ордину-Нащокину летом 1659 г. перспективы русско-шведского сближения. Ход переговоров со Швецией должен был показать, реальны ли эти возможности.

Кроме того, в Москве ожидали благоприятного перелома в развитии событий на Украине. Победа русской армии над Выговским и его сторонниками привела бы к восстановлению русского протектората над Войском Запорожским, а это позволило бы на будущих переговорах с Речью Посполитой занять гораздо более твердую позицию. События на Украине приняли, однако, другой оборот.

С первых месяцев 1659 г. крымский хан Мухаммед-Гирей стремился оказывать всякую поддержку Выговскому. Уже в письме от 16 марта 1659 г. хан добивался от Яна Казимира, чтобы на помощь казакам, выступающим против русских войск, была послана пехота и пушки²⁵⁴. Тогда же хан посылал послов к коронному войску, убеждая его вернуться на службу²⁵⁵. Весной было достигнуто и соглашение о совместных действиях войск Выговского и орды, о чем хан извещал короля в своем письме. 19 мая Мухаммед-Гирей выступил в поход с главными силами орды. Орда и войска Выговского соединились за Днепром, недалеко от Конотопа²⁵⁶. Приход на Украину главных сил орды во главе с самим ханом Мухаммедом-Гиреем привел к перемене в соотношении сил. После соединения орды с войском И. Выговского союзники перешли в наступление и 29 июня под Конотопом произошло сражение с армией А.Н. Трубецкого. Сообщения, поступившие в

253 Вести-куранты. 1651–1652 гг. 1654–1656 гг. 1658–1660 гг. М., 1996. № 41. С. 133–134.

254 Kubala L. *Wojny duńskie...* S. 460.

255 Ibid. S. 233.

256 Новосельский А.А. Указ. соч. С. 40, 64.

Посольский приказ, позволяют составить довольно точное представление о ходе сражения. Авангард армии («передовой полк») во главе с воеводами С.П. Львовым и С.Р. Пожарским смело атаковал противника, но попал в засаду и был окружен. Оказавшиеся в окружении ратные люди были «смертно побиты». После этого главные силы армии «табором» стали отступать к Путивлю, отражая огнем атаки противника, стремившегося «разорвать» обоз. Этого добиться не удалось, и А.Н. Трубецкой смог привести свое войско на русскую границу²⁵⁷.

Отрицательные для русской стороны последствия того, что произошло под Конотопом, не ограничивались тем, что русская армия понесла серьезные потери и была вынуждена отступить, что означало полную неудачу военной кампании на Украине. Достигнутый успех Выговский использовал, чтобы снова попытаться подчинить «своевольников». Его войска заняли Ромны, Константинов, Глинск, Лохвицу²⁵⁸. Под Гадячем гетман натолкнулся на сильный отпор и после трехнедельной безуспешной осады был вынужден отступить, и 2 августа Выговский «со всеми людьми от Гадеча пошел к Днепру»²⁵⁹. Одна из главных целей его похода, тем самым, не была достигнута. Главный центр недовольных, Полтава, по-прежнему не подчинялась Выговскому. Хотя после Конотопа полковник Кирилл Пушкаренко стал колебаться, вступив в сношения со сторонниками Выговского, он был смещен и казаки избрали нового полковника — Федора Жученко²⁶⁰. Однако отошедшие к Путивлю русские войска были не в состоянии воспользоваться уходом Выговского и оказать помощь его противникам.

257 Там же. С. 64–68. Здесь приведены точные данные от потерях русской армии. См. также: Малов А.В. Московские выборные полки... С. 443–450. Как сообщал позднее попавший в русский плен один из офицеров польского войска Выговского, во время атак на отступавшую «табором» русскую армию «казацкого войска и татар побито много и ляцково, де, их войска убит маер и хорунжие и капитаны и иные начальные многие люди». Другой пленный офицер подтвердил, что во время этих боев «черкасом и татаром урон был большой» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы безгласного стола. № 94. Л. 26, 34).

258 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. Л 240, 244.

259 Об осаде Гадяча см.: Там же. С. 242, 244.

260 Там же. С. 241.

Отступление Выговского было связано с тем, что его планы разошлись с планами его крымских союзников. Выговский хотел продолжать войну против «своевольников» и русской армии, но у татар были другие планы. Отступление армии А.Н. Трубецкого — главной русской военной группировки на юге России — открывало для орды возможность для вторжения с фланга на территорию южных уездов Русского государства, прикрытых с юга таким серьезным рубежом обороны, как Белгородская черта. Уже в начале августа татарские загоны появились на землях Курского уезда²⁶¹. Вторжение татар продолжалось почти весь август месяц, захватив территории 18 уездов, и лишь в сентябре орда с захваченным полоном двинулась в Крым. Было сожжено около 5 тыс. крестьянских дворов, угнано в полон 25 тыс. чел.²⁶². Было необходимо срочно направить на юг войска для защиты населения от татар. Уже 3 августа часть войск, входивших в состав армии А.Н. Трубецкого, во главе с Г.Г. Ромодановским, была отправлена в города на Белгородской черте²⁶³. Но этих войск оказалось недостаточно. 16 августа А.Н. Трубецкой получил приказ идти к Севску «промышлять над крымскими людьми». С этой целью на юг была отправлена и часть войск из Белоруссии. На соединение с армией А.Н. Трубецкого был послан корпус во главе с П.А. Долгоруким из Кричева²⁶⁴.

Положение усугубляли тревожные известия о намерениях Речи Посполитой. 12 июня в Москву наконец вернулся А.И. Нестеров²⁶⁵. Статейный список посольства А.И. Нестерова не сохранился, но о впечатлении, которое произвел этот документ на царя и его советников, можно судить по тем сообщениям о положении дел, которые были посланы из Москвы А.Л. Ордину-Нащокину, как русскому представителю на переговорах со шведами. Ему сообщали не только о поражении русского войска под Конотопом, но и о том, что Афанасию Нестерову в Польше «было всякое бесчестье и неволя» и в Варшаве стремятся «не к миру, к войне»²⁶⁶.

261 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 242.

262 Новосельский А.А. Указ. соч. С. 69–70.

263 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 242.

264 Там же. С. 245.

265 10 июня был в Вяземах, 12 июня датирован перевод грамоты Яна Казимира, привезенной Нестеровым (РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 5. Л. 118, 120).

266 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 7. Л. 50–51.

Таким образом, вырисовывалась опасность войны с польско-крымско-украинской коалицией. Одной из важнейших задач стало при этом добиться хотя бы временного перерыва военных действий. С этой целью в Речь Посполитую в конце июля 1659 г. был отправлен И.А. Желябужский. Формальной целью его миссии было достичь договоренности о времени и месте мирных переговоров с представителями Польско-Литовского государства. В грамоте, адресованной Яну Казимиру, царь Алексей Михайлович настаивал, как и раньше, на приезде комиссаров для переговоров в Москву²⁶⁷. И.А. Желябужскому даже был вручен текст «опасной грамоты», гарантировавшей комиссарам Речи Посполитой полную безопасность в русской столице²⁶⁸. Однако, как видно из посольского наказа, в новых условиях было решено на этом не настаивать, а договариваться о проведении переговоров в октябре месяце под Борисовом²⁶⁹.

Главная цель миссии состояла, однако, в другом. И.А. Желябужский должен был добиться соглашения о прекращении военных действий на время переговоров. Неслучайно уже в грамоте царя Яну Казимиру говорилось, что царь, «поверя вашему королевскому слову ... велел войска все от войны задержать» и ждет того же от короля²⁷⁰. И.А. Желябужский должен был добиваться перемирия на срок с 1 октября 1659 г. до 1 апреля 1660 г. В его наказе подчеркивалось, что действие перемирия должно распространяться на «корунные войска», которые находятся «при Выговском», и на войска самого Выговского²⁷¹. Посланцу были вручены проекты соглашений о созыве съезда представителей России и Речи Посполитой и о «задержании войск»²⁷². О том, насколько в Москве были заинтересованы в заключении такого соглашения, говорит предписание И.А. Желябужскому ехать к королю даже в том случае, если он поедет в Белую Церковь для встречи с Выговским и полковниками²⁷³.

И.А. Желябужский вернулся лишь в конце сентября, но, не дожидаясь его возвращения, в Москве стали предпринимать

267 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 13. Л. 31–32.

268 Текст грамоты см.: Там же. Л. 37–40.

269 Там же. Л. 75–76.

270 Там же. Л. 33–34.

271 Там же. Л. 76–79, 88, 92об., 98об.

272 Там же. Л. 125 и сл.

273 Там же. Л. 49.

меры, чтобы добиться хотя бы локального соглашения о прекращении военных действий на территории Великого княжества Литовского. Уже в августе воеводам городов на территории Белоруссии стали направлять предписания «учинить бы наказ крепкий, чтоб с поляки задору ништо никакова отнюдь не чинили»²⁷⁴. 16 августа царь предписал И.А. Хованскому начать переговоры с П. Сапегой, чтобы заключить с ним соглашение о «задержании войск»²⁷⁵. В начале сентября ему снова предписывалось сноситься с гетманом, «чтоб ... на обе стороны война задержать»²⁷⁶.

Новая ситуация диктовала необходимость изменения политики по отношению к Швеции. Новые подходы четко обозначились в инструкциях, которые А.Л. Ордин-Нащокин получил 3 августа 1659 г.²⁷⁷. В них русскому представителю на переговорах предписывалось «миру со шведы чтоб ему искать скорее всякими промыслы»²⁷⁸. Мирное соглашение следовало заключить до весны, в крайнем случае весной²⁷⁹. Если ранее, на переговорах 1658 г., послам предписывалось добиваться выхода к Балтийскому морю, то теперь речь шла прежде всего о сохранении русской власти над крепостями на Западной Двине — Царевичевым Дмитриевым и Борисоглебовым, которые могли стать для русской армии важным опорным пунктом при возобновлении военных действий против Речи Посполитой. Однако в крайнем случае можно было заключить мир, вернув Швеции все утраченные ею в ходе войны территории, оговорив лишь право собирать с них доходы до истечения срока 3-летнего перемирия²⁸⁰. В этих указаниях линия, четко обозначившаяся уже в конце 1658 г., отказаться от решения балтийского вопроса, чтобы направить силы и средства на решение других, более важных, с точки зре-

274 См. такую грамоту воеводе Борисова: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 110.

275 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 240 и сл.

276 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 87–87об.

277 Эти инструкции обнаружила среди материалов русско-шведских переговоров 1658 г. и установила дату их получения Е.И. Кобзарева (*Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 242–243, 252*).

278 РГАДА. Ф. 96. 1658 г. № 7. Л. 50.

279 Там же. Л. 53, 55.

280 Там же. Л. 53–54. Подробнее об условиях мира см.: *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 243–244*.

ния русского правительства, проблем, нашла свое новое яркое воплощение.

Вместе с тем в той неблагоприятной ситуации, которая сложилась в июле-августе 1659 г., русское правительство нуждалось не только в мире, но и в сотрудничестве со Швецией. Так, А.Л. Ордин-Нащокин, как «воевода ливонских городов», должен был вступить в переговоры с Р. Дугласом, чтобы, «случа войски», действовать совместно против литовских войск в Курляндии²⁸¹. Вместе с тем, для того чтобы побудить возможного союзника к совместным действиям, нужно было заинтересовать его в продолжении войны, тем более, что к лету 1659 г. в Москве уже знали о намечающихся мирных переговорах между Речью Посполитой и Швецией. В этой связи царь спрашивал своего советника: «О Жмоицком княжестве сопча промыслять войсками или уступить»²⁸². Очевидно, в Москве обсуждался вопрос о возможности совместных русско-шведских военных операций в Жемайтии, чтобы разделить ее между союзниками или даже уступить ее Карлу Густаву. Перспектива приобретения Жемайтии могла бы побудить шведского правителя продолжать войну. Вместе с шведскими владениями в Ливонии и Курляндии образовался бы единый комплекс земель под шведской властью, границы которого доходили бы до владений такого противника шведов, как бранденбургский курфюрст.

Первым откликом на полученные предложения стала отписка А.Л. Ордина-Нащокина Алексею Михайловичу, в которой он извещал царя, что шведские послы, прибывшие для ведения переговоров о мире, и Р. Дуглас выражают желание вести переговоры о заключении «вечного мира» и союза против Речи Посполитой²⁸³. В другой отписке, доставленной в Москву 19 августа, А.Л. Ордин-Нащокин поддержал наметившийся политический курс. «С таким полским злым народом николи покой не будет», а шведский король, отделенный от России морем, «задоров не покажет и всегда будет рад против сторонних недругов стоять». Вместе с тем он предупреждал царя, что без соглашения о союзе заключить мирный договор со Швецией не удастся²⁸⁴.

281 Там же. Л. 52

282 Там же. Л. 50.

283 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 5. Л. 15-16.

284 Там же. Л. 21. Ср.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 245.

Ордин-Нащокин приступил к выполнению указаний, полученных от царя. О принятых им мерах важные сведения сохранились в переводе письма генерала Дугласа к воеводе²⁸⁵. 5 августа А.Л. Ордин-Нащокин сообщал Дугласу, что русские войска готовятся к войне с Речью Посполитой. В ответ шведский военачальник передал важные сведения о конфедерации польского войска, которое отказывается нести службу. Дуглас предлагал использовать благоприятный момент для совместных действий против общего противника. Для достижения договоренности на этот счет в Ригу должен был приехать сын воеводы — Воин.

28 августа А.Л. Ордину-Нащокину были направлены из Москвы новые инструкции²⁸⁶. Он был поставлен в известность о миссии И.А. Желябужского и о прекращении в связи с этим активных военных действий на территории Великого княжества Литовского. А.Л. Ордину-Нащокину было снова поручено вести переговоры о союзе со Швецией, но с рядом существенных оговорок. Так, следовало избегать обязательства не заключать сепаратного мира: «чтоб нам, великому государю, с польским королем в миру быти вольну». Следовало уклоняться и от предложений о соединении войск для совместных действий: «А будет свейские послы учнут говорить о случении войск на польского короля упорно, и тебе у них то отговаривать всякими мерами». Давая согласие на уступку Жемайтии шведам, царь одновременно желал, чтобы соответствующая договоренность не оформлялась письменно, «чтоб от полского короля в миру тем повреждения не учинить». Такие особенности документа показывают, что в Москве надеялись на успех миссии И.А. Желябужского и опасались поставить его под сомнение какими-либо своими шагами. Переговоры о союзе должны были вестись, но достижение цели становилось проблематичным.

А.Л. Ордин-Нащокин получил эти инструкции 8 сентября, незадолго до встречи со шведскими представителями на Западной Двине²⁸⁷. 13 сентября глава шведской делегации Б. Горн выразил желание встретиться с русским представителем еще до начала переговоров и заверял, что это свидание «к общему делу

285 Письмо от 9 августа 1659 г. // РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 5. Л. 24–28.

286 Там же. Л. 30–43.

287 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 33.

велми прибыльно будет»²⁸⁸, но А.Л. Ордин-Нащокин уклонился от свидания²⁸⁹, очевидно потому, что не мог предложить шведскому дипломату ничего привлекательного.

Полученные инструкции А.Л. Ордин-Нащокин подверг резкой критике в «тетрадке», посланной в Приказ Тайных дел для передачи царю²⁹⁰. Во-первых, он считал иллюзорными расчеты на заключение приемлемого мира с Речью Посполитой. Это государство вовсе не стремится к миру, о чем говорят решения сейма: «государство свое им ратми боронить, а миру не именовано». Правда, и король, и гетманы заявляют о желании заключить мир и «перемирья емлют», но полученную передышку они используют для организации враждебных действий против Русского государства: Ян Казимир «наводил сторонние крови от черкас и от крымского на Великую Россию». Мир с Речью Посполитой не может быть прочным и потому, что она опирается на поддержку «окольных государств» (членов антишведской коалиции?), и «народ полской неударжателны, надеяся на соединение, Великой России многие посторонние задоры учнут чинить». Лишь союз между Россией и Швецией мог бы принудить Речь Посполитую к выгодному для союзников миру: «к двема государством военными страхами и третье приневолить». Так «Великая Россия» сохранит свою власть над «Литвою и над Малою Русью».

Что касается Швеции, то ход событий показывает, что она не в состоянии овладеть всем Польско-Литовским государством, и шведские правящие круги будут ценить, что с помощью «Великой России» они смогут присоединить «ис Польши и из Литвы смежные места». Подчеркивая, что только союз со Швецией может быть гарантией прочного мира с Речью Посполитой, он писал: «А толко не поставит такова крепкова сторожа над Полшею и над Литвою, что на них швед, и в миру Полше и Литве задержанным не быть и от таких кровопролитных помощников своих, как черкасы и татары, николи не отстанут». Союз со Швецией, по мнению А.Л. Ордина-Нащокина, был бы выгоднее для России даже в том случае, если «часть поляков и Литвы» в ответ на заключение русско-шведского союза «к турку будут ближе и от крымского не отстанут». От этого будет хуже

288 Там же. Л. 45об.–46.

289 Там же. Л. 64–64об.

290 Там же. № 5. Л. 46–51.

только Речи Посполитой, которую до конца разорят ее мусульманские союзники.

Одновременно А.Л. Ордин-Нащокин доказывал, что союз со Швецией не может быть заключен на тех условиях, которые предлагают в Москве. Особенно резкие возражения с его стороны вызвало предложение не оформлять письменно предложение о передаче шведам Жемайтии. Такой способ действий, — утверждал он, — приведет лишь к тому, что шведы не только не пойдут на уступки в Ливонии, но и «учнут промысл чинить к миру с полским королем», а это имело бы для Русского государства самые неблагоприятные последствия.

Наиболее полно свои планы, связанные с заключением русско-шведского союза, А.Л. Ордин-Нащокин изложил в недатированной записке, сохранившейся среди документов 1660 г.²⁹¹. Записка начиналась указанием на то, что шведы неоднократно предлагали русской стороне «соединение учинить против общего неприятеля». Далее дипломат излагал возможные условия того союзного договора, который следовало предложить шведским политикам. По этому договору должны быть признаны права России на Великое княжество Литовское «для того, что Русь и Княжество Литовское смежно к Великой России». Со своей стороны русское правительство должно признать за Швецией право на обладание Гданьском и такими городами, как Торунь, Эльблонг, Мальборк. «А поляки, — писал он, — будут от того соединения страшны и утеснены и Княжество Литовское от Великой России будет неотлучно». Более того, он полагал, что в этом случае «ближние места к руским городам и к Вильне от дальних мест, которые к Польше, отложатца». В этой связи дипломат указывал, что «есть много добрых людей в народе литовском, и тех бы милостиво обнадежить, чтоб добрые от злых отлучены были». Союз со Швецией мог бы иметь и еще одно важное последствие. В случае его заключения «и черкасы от русских городов отступят».

При осуществлении намеченного территориального передела непосредственными соседями России и Швеции должны

291 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 355–359. Дата составления записки определяется тем, что в ней упоминается июль «прошлого» «66», т. е. 1658 г., из ее содержания следует, что в момент ее составления шла война между Речью Посполитой и Швецией и имели место военные действия между Войском Запорожским и Россией.

были стать Восточная Пруссия и Курляндия. В связи с этим А.Л. Ордин-Нащокин обращал внимание царя на то, что в союзном договоре должен быть затронут вопрос о статусе этих территорий. Что касается Восточной Пруссии, дипломат указывал лишь на необходимость какого-то решения этого вопроса, так как «Прусская ... земля смежна с Княжеством Литовским и со Гданским и с полскими городами, которые ныне за шведом», но герцог курляндский должен быть освобожден из шведского плена, и Курляндия не должна находиться в зависимости ни от Речи Посполитой, ни от Швеции.

Первым шагом к заключению такого соглашения он считал посылку войск из Пскова в Ливонию. Тогда «шведы учнут надеяться о соединении на польских людей».

Свои мысли о необходимости союза со шведами А.Л. Ордин-Нащокин излагал и своему непосредственному начальнику — Ф.М. Ртищеву. «А всякими мерами, — писал он, — на тот злой народ полской надобен швед в соединении»²⁹². Таким образом, А.Л. Ордин-Нащокин предложил царю и его советникам целый план преодоления возникших трудностей благодаря заключению союза со Швецией. Как представляется, в расчетах дипломата присутствовал еще один аспект, о котором он избегал говорить. Заключение союза, открывавшее для Швеции перспективы сохранения (и приобретения) стратегически важных территорий на южном побережье Балтийского моря, могло способствовать тому, что занятые русскими войсками земли в Ливонии останутся в составе Русского государства.

Полагая, что в Стокгольме придадут значение заключению союза с Россией, А.Л. Ордин-Нащокин ошибался. Послы, отправленные на переговоры в 1659 г., везли с собой прежние условия мира, предусматривавшие возвращение всех утраченных во время войны земель и территориальные уступки за счет как собственно русских земель, так и занятых русскими войсками земель Великого княжества Литовского. Кроме того, Карл Густав требовал возмещения убытков²⁹³. Такие требования, конечно, не предъявляют будущему союзнику. Возможно, позиция Стокгольма могла бы измениться, если бы русское правительство одобрило предложения А.Л. Ордина-Нащокина и передало их шведской стороне.

292 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 2. Л. 101.

293 См.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 238.

Реакция в Москве на эти предложения должна была зависеть от того, как в ближайшие месяцы будет меняться международное положение Русского государства. Предпринимавшиеся русским правительством после Конотопа дипломатические шаги вовсе не означали, что русское правительство готово отказаться от продолжения борьбы за Украину. Характерно, что несмотря на всю заинтересованность русской стороны в заключении перемирия, И.А. Желябужскому предписывалось не заключать такого соглашения, если потребуют, «чтоб царское величество бояром своим и воеводам и ратным людям из Малые Росии велел уступить и Киев очистить»²⁹⁴. В начале августа царь приказал И.И. Лобанову-Ростовскому, стоявшему с полками под Старым Быховом, любым способом доставить царские грамоты в Киев к В.Б. Шереметеву²⁹⁵. В них речь шла, конечно, не о капитуляции гарнизона. Какую политику предполагалось вести по отношению к Запорожскому Войску, какие планы политических и военных акций обсуждались в московских политических кругах, позволяет судить сохранившаяся (к сожалению, без начала) обширная записка, автором которой был, по-видимому, А.Л. Ордин-Нащокин. Поражение под Конотопом оценивалось как серьезная неудача, но не как катастрофа. Автор записки отмечал, что, несмотря на все усилия, противники «обозу не разорвали», а при отступлении русские войска «многих татар побили»²⁹⁶. Вместе с тем он считал несостоятельными надежды (высказывавшиеся, вероятно, в адресованных ему письмах) на то, что союз Выговского с ханом удастся разорвать «скупом» или удастся их «какими писмами (с)сорить». Союз с Выговским для хана выгоден, благодаря ему «хан всякими достатками от черкасских городов и полоном полон». Единственный способ удержать хана от поддержки Выговского — это угроза нападения на Крым с Дона, куда следует доставить для морского нападения на ханство суда и «запасы»²⁹⁷.

Несмотря на то, что разрыв союза между Крымом и Выговским оказывался проблематичным, автор записки считал необходимым продолжать борьбу за Украину, тем более, что «на сей

294 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 13. Л. 80 и сл.

295 РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 150. Л. 12–17.

296 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 2. Л. 87.

297 Там же. Л. 87–89.

стороне Днепра» далеко не все поддерживают Выговского. «И ныне многие тысячи черкас, — писал он, — пошли в вашего царского величества города украинные на житье»²⁹⁸. Особо важное значение автор записки придавал тому, что в русских руках продолжал оставаться Киев. Он предлагал как можно скорее направить в Киев к воеводе В.Б. Шереметеву водным путем по Днепру «конных и пеших людей з запасы» и одновременно послать ему приказ «промышлять осенью и зимою»²⁹⁹. Эти действия, однако, могли иметь лишь локальный характер, ослабляя положение Выговского, показывая ему непрочность его тыла и побуждая к активности его противников. Призывая скорее послать в Киев войска, автор записки одновременно предостерегал против немедленного начала масштабных военных действий против Запорожского Войска.

Такие действия, по его мнению, следовало бы вести лишь в том случае, если бы хан и Выговский стали бы продолжать военную кампанию и вторглись на русскую территорию. Если бы этого не произошло, то следовало бы, по его мнению, войскам «не зимовать» на границе, так как от этого они «на многое время к службе будут неисправны». Пехоту следовало разместить на зимовку по городам, а «конницу ... отпустить до весны»³⁰⁰. Он приводил и другие важные соображения против ведения крупных военных действий зимой. Зимой нельзя успешно вести осаду городов («шанцы и всякия промыслы вещь нельзя») и территория Левобережной Украины, где пришлось бы вести войну, вся разорена военными действиями, а кроме того, часть населения уведена в Крым татарами, «а иных» Выговский «за Днепр погнал» и собрать здесь продовольствие для войска будет невозможно³⁰¹.

Зиму, по его мнению, следовало использовать для того, чтобы «всяких запасов людцких и ратных наготовить и войску разбор и устрой учинить» Для пополнения армии он предлагал провести сбор даточных людей «за одново три человека». К

298 Там же. Л. 87. В другом месте записки он предлагал обсудить, «как устроить черкас», «которые были на отходе» (Там же. Л. 85), т. е. очевидно, тех, которые отступили вместе с армией А.Н. Трубецкого.

299 Там же. Л. 83, 86, 92–93.

300 Там же. Л. 83–84, 90.

301 Там же. Л. 83–85.

весне могли бы закончиться и приготовления к нападению на Крым с Дона³⁰². Успех должны были обеспечить одновременные действия усиленной подкреплениями армии В.Б. Шереметева «за Киевом» и армии А.Н. Трубецкого «с сей стороны»³⁰³. Таким образом, А.Л. Ордин-Нащокин предлагал не отказываться от борьбы за Украину, но серьезно готовиться к большой военной кампании весной 1660 г.

В кругу советников царя были и другие оценки ситуации, опиравшиеся на сведения, полученные еще от А.Н. Трубецкого в конце весны — начале лета 1659 г. Они указывали на то, что положение Выговского на Украине не является столь прочным, как можно было заключить по удачному для него ходу военной кампании. Взятые в плен казаки говорили о трудностях, на которые наталкивался сбор казаков в войско. Одному из них говорили, что в поход «опричь охочих людей никто не пойдет, для того, что, де, и так дома их от татар и от ляхов разорены»³⁰⁴. Уже после сражения под Конотопом один из пленных рассказал, что многие «черкасы» разошлись из войска, так как «запасов им себе от татар нигде взять нельзя, хто, де, пойдет в загоны для кормов и у тех, де, татаровя отнимают, а их самих секут»³⁰⁵. Писарь Захар Шийкевич, взятый в плен под Нежином, сообщал, что в полках, которые идут с Выговским, «казаки небольшие люди», так как все уклоняются от участия в войне³⁰⁶.

Для русского правительства особый интерес представляли сообщения писаря о настроениях казаков Левобережной Украины. Хотя З. Шийкевич был писарем при Иване Скоробогатко, одном из ближайших советников Выговского, ему удалось вступить в довольно близкие контакты с переяславским полковником Т. Цюцюрой и с Максимом Филимоновичем. От него воеводы узнали, что полковника тревожит «испустошенье земли через Выговского от орды и от ляхов» и что он считает, что Выговский «от его царского величества отступил без всякие крепкие причины». По его словам, Т. Цюцюра хотел созвать «раду чернецкую» и обратиться за помощью к Г.Г. Ромодановскому, но его планам помешал приход И. Скоробогатко с правобереж-

302 Там же. Л. 84, 89–90.

303 Там же. Л. 84.

304 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 314.

305 Там же. Л. 373.

306 Там же. Л. 445.

ными полками³⁰⁷. Т. Цюцюра ранее выступал неоднократно, как активный помощник Выговского. Перемена его взглядов отражала, очевидно, изменение настроений в среде левобережного казачества, земли которого стали театром непрекращавшихся военных действий. Не прошло мимо внимания московских политиков и другое сообщение писаря, что «вся чернь, как казаки, так же и мещане нежинские хотят под рукою его царского величества быти, толко гетманиха Северская (жена Г. Гуляницкого. — Б.Ф.) через своих людей всякого постерегает на сторону Выговского»³⁰⁸.

Что к сообщениям писаря о недовольстве в Переяславе и Нежине политикой Выговского советники царя отнеслись со всей серьезностью и с казаками этих полков здесь стали связывать надежду на благоприятные перемены на Украине, показывает текст грамоты, отправленной из Москвы А.Н. Трубецкому 3 августа 1659 г.³⁰⁹. Воевода должен был обратиться к жителям тех городов, которые сдались Выговскому после Конотопа, обещая им «милость» со стороны царя, «а что они здались, и то учинили по неволе и того им будет в вину не поставлено». Но главное, он должен был вступить в сношения с жителями Нежина и Переяслава и «объявить» им, что у Выговского «с полским королем и сенатори ссылка беспрестанная о том, что их, черкас, разорить и отдать поляком, а иных татарам». А.Н. Трубецкому предписывалось «призывать их всякими мерами и в писмах к ним от себя пи[сать]». На этот раз надежды царя и его советников на выступление жителей Нежина и Переяслава против Выговского скоро оправдались.

Вторая половина августа 1659 г. принесла неожиданные резкие перемены в положении дел на Украине. Положение Выговского не было легким. Из Речи Посполитой помощь не приходила³¹⁰, а орда ушла с полоном в Крым. Утратив ее поддержку, И. Выговский не мог вести масштабных действий против русских войск. В этих условиях он снова вступил в переговоры с А.Н. Трубецким, заверяя его в своем стремлении к миру. Ини-

307 РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 308. Л. 420.

308 Там же. Л. 427.

309 Там же. Л. 400–404.

310 Посланцы И. Беспалого, приехавшие в Москву в конце августа, сообщали, что «про ляхов они нигде не слыхали» (АЮЗР. Т. 7. № 98. С. 297).

циатива эта встретила положительный отклик, так как и русский главнокомандующий находился в достаточно сложном и неблагоприятном положении. В переговорах обе стороны видели некоторую гарантию сохранения мира, по разным причинам выгодного для них в тот момент, но вели их, совершенно не веря в их успех³¹¹.

Гетман сталкивался с определенными трудностями и на территории гетманства. Несмотря на все усилия подавить сопротивление «своевольников» так и не удалось — Полтава по-прежнему не подчинялась Выговскому. Сохранялся антагонизм между гетманской властью и Запорожьем, который стремилось использовать в своих интересах русское правительство. Так, во время военных действий под Конотопом А.Н. Трубецкой отправил на Запорожье царскую грамоту³¹². Текст ее неизвестен, но в отправленной одновременно с ней грамоте И. Беспалого содержится призыв, чтобы они «татар бусурман, как могучи, по переправом громили и к нам вскоре из Запорожья... выходили за Днепр»³¹³. А.Н. Трубецкой в своей грамоте к запорожцам призывал их «идти с войском к нам в полки вскоре»³¹⁴. После Конотопа вопрос о присоединении запорожцев к русской армии отпал, но остро необходимой стала диверсия, которая лишила бы Выговского татарской помощи. Из Путивля, куда отступила русская армия, снова писали кошевому атаману Серко, чтобы тот «над крымскими улусы чинил промысл»³¹⁵. Серко, вероятно, еще до получения этих посланий предпринял нападение на кочевья ногайцев около Аккермана, где «взял дву мурз со всеми людьми и з животом»³¹⁶. Некоторые исследователи склонны придавать этому нападению большое значение, полагая, что именно оно заста-

311 АЮЗР. Т. 7. С. 292–296. Вскоре после битвы под Конотопом И. Выговский освободил попавших к нему в плен донских казаков и через них сообщил Г.Г. Ромодановскому, что он желает прекратить кровопролитие и не будет нападать на «государевы городы» (РГА-ДА. Ф. 210. Оп. 21. № 127а. Л. 21–22).

312 См. об этом отписку А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 15. № 8/V. Стб. 383.

313 Там же. Стб. 389.

314 Там же. Стб. 390–391.

315 См. сообщения посланцев И. Беспалого: АЮЗР. Т. 7. № 98. С. 298.

316 Там же. С. 297.

вило хана оставить Выговского и поспешно вернуться в Крым³¹⁷. Это, конечно, преувеличение. Правда, по сообщениям пленных татар, взятых под Гадячем, «крымской хан на Выговского сердитовал гораздо», он помогает гетману, «а без него черкасы ногайские улусы разоряют»³¹⁸, но после этих неприятных объяснений орда целый месяц разоряла южные русские уезды и ушла лишь тогда, когда надо было доставить в Крым захваченный полон.

Большой интерес представляет другое сообщение посланцев И. Беспалого, что Серко пошел к Киеву «на помочь» В.Б. Шереметеву и произошло сражение его войска с войском, которое послал Выговский, чтобы ему помешать³¹⁹. А. Потоцкий также сообщал королю, что войско Серко угрожает столице гетманства — Чигирину³²⁰. Это означало, что Запорожье было готово воевать против Выговского вместе с русскими войсками. Все это было не так страшно для гетмана, пока недовольство его политикой не вышло за пределы Запорожья и тесно связанных с ним полков южной части Левобережья — Полтавского и Миргородского.

Однако в августе 1659 г. недовольство стало охватывать и другие группы казачества. Так, посланцы Беспалого сообщали о белоцерковском полковнике Иване Кровченко, возглавлявшем в свое время посольство от «черни» в Москву, что Выговский велел ему «быть к себе ... опасаясь в нем измены»³²¹. Однако беспокойство вызывал не только полковник. А. Потоцкий сообщал королю, что Выговский не решается уехать в Чигирин из Белой Церкви, так как местный полк не надежен³²². Как известно, выступления против Выговского начались на Левобережной Украине. Однако главные в прошлом противники Выговского — казаки Полтавского и Миргородского полков — в развернувшихся событиях никакой роли не играли. Миргородский полк оставил Выговского одним из последних. Главную роль в событиях сыграли другие люди и другие полки.

19-го августа, уже выступив в поход против татар, А.Н. Трубецкой получил «листы» из Нежина от протопопа Максима и

317 См., например: *Дорошенко Д.І. Нарис історії України. Львів, 1991. С. 294.*

318 АЮЗР. Т. 7. № 98. С. 298.

319 Там же. С. 297.

320 *Яковлева Т. Гетьманщина... С. 330.*

321 АЮЗР. Т. 7. № 98. С. 298.

322 *Яковлева Т. Гетьманщина... С. 330.*

В.Н. Золотаренко. Тексты этих «листов» нам неизвестны, но их содержание было таково, что главнокомандующий «по тем нежинским вестям» отменил решение о походе³²³. Очевидно, речь шла о разрыве казаков Нежинского полка с Выговским.

Еще более важные события произошли в тот же день в Переяславе. Казаки Переяславского полка во главе с полковником Т. Цюцурой и родственником Хмельницкого Якимом Сомко уничтожили оставленный Выговским в городе гарнизон. Находившиеся в городе русские пленные были освобождены и получили оружие. Вслед за тем Т. Цюцюра поспешил вступить в контакт с киевским воеводой В.Б. Шереметевым. Тот прислал в город майора В. Логовчина, который 24 августа привел жителей города к присяге на верность царю. Вместе с ними принесли присягу черниговский полковник Аникей Силич и сотники его полка³²⁴. 23 августа гонцы Цюцюры и Сомка известили о разрыве с Выговским А.Н. Трубецкого. Они же доставили ему отписку В.Б. Шереметева. Так была установлена связь между русской армией и гарнизоном Киева³²⁵. После восстания в Переяславе Т. Цюцюра послал в Нежин своих казаков, которые вместе с нежинскими казаками во главе с В.Н. Золотаренко перебили оставленный Выговским в городе польский гарнизон. 23-го августа гонцы В.Н. Золотаренко известили об этом В.Б. Шереметева, 24-го — А.Н. Трубецкого³²⁶. Таким образом, к 25 августа вся северная часть Левобережной Украины отпала от Выговского. Сыгравшие главную роль в событиях переяславский полковник Т. Цюцюра и ставший нежинским полковником В.Н. Золотаренко ранее вовсе не принадлежали к числу противников Выговского и сторонников промосковской ориентации. Т. Цюцюра выполнял ряд важных поручений Выговского и совсем недавно вместе с казаками своего полка участвовал в осаде Киева, а В.Н. Золотаренко вел активные действия против войск А.Н. Трубецкого во время осады Конотопа. Очевидно, в настроениях и полковников, и полков наступил резкий перелом. В общем виде ответ на вопрос о причинах этого перелома хорошо известен.

323 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 245.

324 См. отписку В.Б. Шереметева царю от 30 августа: АЮЗР. Т. 7. № 100. С. 312.

325 Статьиный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 246.

326 Літопис Самовидця... С. 81; АЮЗР. Т. 15. Стб. 444; Статьиный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 247.

Планы, которые преследовала казацкая верхушка, заключая Гадячский договор, не были осуществлены. Уже после подписания соглашения текст его стал подвергаться изменениям, невыгодным для украинской стороны³²⁷. Еще более значительным изменениям договор подвергся при его ратификации сеймом в мае 1659 г. По этому соглашению гетманство становилось третьей составной частью Польско-Литовского государства со своими высшими органами управления, но при этом магнаты, шляхта и католическая церковь должны были получить обратно свои владения, на свои места должны были вернуться держатели государственных земель — старосты, должна была быть восстановлена традиционная система управления, а на должности — «уряды» должны были вернуться люди, ранее назначенные на них королем. Следует согласиться с Т.Г. Яковлевой, что договор в таком виде был не нужен не только рядовому казачеству, но и казацкой верхушке³²⁸. Именно в конце июля текст договора стал известен на Украине³²⁹ и в августе последовала реакция.

Однако все эти правильные наблюдения и выводы не дают ответа на вопрос, почему раньше всего и острее всего реакция на эти соглашения проявилась в северной части Левобережной Украины. Ответ на этот вопрос, думается, следует искать в особенностях прошлого этих территорий, значительная часть которых до Деулинского перемирия 1618 г. входила в состав Русского государства. Опорой Выговского в украинском обществе была та часть казацкой верхушки, которая была связана по своему происхождению с местной православной шляхтой. Это был круг людей, заинтересованных в приобретении (в новой форме) прав и вольностей, аналогичных шляхетским, пользовавшихся традиционно престижем в глазах местного населения и убежденных, что с ними в Польско-Литовском государстве будут считаться. С земель, отошедших к Речи Посполитой по перемирию 1618 г., русские помещики ушли и земли здесь раздавали солдатам и офицерам коронной армии в вознаграждение за военные заслуги и как компенсацию за невыплаченное жалованье. С местным населением новые землевладельцы ни-

327 См. об этом: *Яковлева Т.* Гетьманщина... С. 305 и сл.

328 Там же. С. 319.

329 В распоряжении киевского воеводы В.Б. Шереметева текст договора оказался 24 июля, см. отписку В.Б. Шереметева А.Н. Трубецкому (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 426. Л. 74).

каких традиционных связей не имели и покинули свои земли с началом восстания.

«Реестровое казачество», тесно связанное с казацкой верхушкой и располагавшее в Польско-Литовском государстве определенными правами, и связанная с ним полковая организация казацкого войска также сформировались еще до того, как эти земли вошли в состав Речи Посполитой. Казацкие полки образовались на Черниговщине лишь после начала восстания Хмельницкого. Таким образом, в местном обществе отсутствовали те группы, на которые опирался в своей политике Выговский, и именно его наиболее чувствительным образом должна была затронуть реализация условий Гадячского договора в том виде, как он утвержден был сеймом. Все местные казаки должны были стать подданными прежних господ. Неудивительно, что реакция местного населения оказалась столь быстрой и решительной.

В начале сентября 1659 г. сведения о том, что происходит на Украине, достигли Москвы. В грамоте, отправленной 8 сентября А.Л. Ордину-Нащокину, воеводу ставили в известность о восстании на левобережной Украине, об уничтожении размещенных там польских гарнизонов, о том, что многие казаки во главе с Т. Цюцюрой и В.Н. Золотаренко «добили челом» перед А.Н. Трубецким. Далее сообщалось, что армия А.Н. Трубецкого двинулась в «черкасские города», чтобы местное население «приводить к вере». По этому случаю воевода должен был устроить благодарственный молебен³³⁰. Последний пункт показывает, как оценены были происшедшие перемены в Москве. Это был значительный успех, достигнутый (что было особенно ценно) без всякого давления с русской стороны, и была благоприятная перспектива, что начавшиеся перемены приведут к коренному изменению положения вещей на Украине в целом.

Известия о происходивших переменах еще не дошли до Варшавы, когда там в начале сентября начались переговоры И.А. Желябужского с сенаторами. Здесь настроения определялись сообщениями о битве под Конотопом. Какого рода сообщения об этом событии поступали в Варшаву от Выговского, дает представление пересказ полученных известий в одном из писем французского секретаря королевы Людовики Марии Пьера де

330 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 5. Л. 52–65.

Нуайе. 16 августа 1659 г. он писал, что под Конотопом потерпела поражение 150-тысячная русская армия, на поле боя осталось 17 тыс. убитых, остальное войско разбежалось, лишь 20 тыс. укрылось в «таборе», окруженном противником, войска союзников преследуют беглецов, чтобы не дать им собраться³³¹. Все эти сообщения, мало соответствующие действительным фактам, создавали впечатление катастрофы, в которой погибли основные военные силы Русского государства. Тем самым создавались благоприятные условия для совместных действий против России польско-крымско-украинской коалиции. Неслучайно письмо П. де Нуайе заканчивалось словами, что армия скоро возобновит военные действия.

Неудивительно, что на переговорах с Желябужским сенаторы заняли очень жесткую позицию. На встрече 5 сентября они сразу же заявили, что комиссары Речи Посполитой в Москву не поедут, и, если русская сторона не согласится на созыв съезда, «то болши того о том деле» говорить они не станут³³². Когда в конце концов была достигнута договоренность о встрече представителей сторон под Борисовом³³³, И.А. Желябужский, следуя наказу, поднял вопрос об «удержании войск». Перемирие, как он предлагал, должно было носить общий характер, распространяясь и на «черкас», находящихся под властью И. Выговского, но на это сенаторы заявили, что «черкасы, де, люди самовольные, от крымскова хана не отступят, а крымскова, де, нам задержать нельзя»³³⁴. Тогда И.А. Желябужский предложил заключить перемирие «опричь черкас», но и это предложение было отклонено. Сенаторы заявили, что войск во время комиссии «никоим делом задержать невозможно»³³⁵. Они лишь обещали, что король войскам «к тому месту, где будут съезды, приходить не велит»³³⁶. Решительные заявления сенаторов встретились с не менее решительным заявлением И.А. Желябужского: «не задержав войска, посольским съездам никоими мерами

331 *Lettres de Pierre des Noyers pour servir à l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 à 1659*. Berlin, 1859. P. 537.

332 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 13. Л. 196, 205.

333 Там же. Л. 218.

334 Там же. Л. 232.

335 Там же. Л. 234–235.

336 Там же. Л. 229.

быть не мочно»³³⁷. 10 сентября русский посланник выехал из Варшавы³³⁸.

Таким образом, никакой договоренности о «задержании войск», ни о проведении переговоров не было достигнуто и, следовательно, не было никаких формальных препятствий для возобновления военных действий. Сенаторы и король были довольны достигнутым результатом: противник не получил передышки, которой он добивался. В тот момент они явно не знали о переменах на Украине, которые делали разрыв переговоров выгодным для русской, а не польско-литовской стороны. В Москве об этих переменах знали. На Левобережье налицо был очевидный успех, но позиция «заднепровских полков» оставалась неясной, а следовательно, оставался неясным и возможный итог борьбы за Украину.

12 сентября кругу ближайших советников царя, боярам Н.И. Одоевскому, Ф.Б. Карпову, окольничим Б.М. Хитрово и Ф.М. Ртищеву был зачитан текст грамоты, которую Алексей Михайлович был намерен направить Яну Казимиру³³⁹. Эта процедура показывает то значение, которое придавалось этому документу. Царь извещал Яна Казимира, что он задержал уже готовые к военным действиям войска, находящиеся в Вильно и в Полоцке, и предлагал Яну Казимиру «учинить заказ крепкой, чтоб гетманы войски своими наших царского величества завоеванных земель не заезжали» и договориться о проведении мирных переговоров³⁴⁰. В наказе жильцу Ф. Отраслеву, который повез в Варшаву царскую грамоту, ему предписывалось собрать сведения о том, какие действия предпринимает Выговский, «помочи у короля просит или хочет к королю сам быть»³⁴¹. В Москве, следовательно, не исключали, что на Украине может развернуться серьезная борьба между Выговским, которого поддержит Речь Посполитая, и его противниками.

К тому времени, когда в начале октября в Москву вернулся И.А. Желябужский, положение в значительной мере прояснилось. В конце августа — начале сентября территория, охваченная восстанием, продолжала расширяться, захватывая полки,

337 Там же. Л. 237.

338 Там же. Л. 243.

339 Там же. № 14. Л. 18.

340 Там же. Л. 12–18.

341 Там же. Л. 35об. (вставки в черновик наказа).

соседствовавшие с мятежными территориями. В начале сентября были закреплены отношения восставших левобережных полков с русскими властями. К этому времени царю принесли присягу казаки Черниговского, Нежинского и Переяславского полков. О принесении присяги известила А.Н. Трубецкого представительная делегация во главе с протопопом Максимом. Когда 2 сентября отряд С.Д. Змеева пришел к Лоеву, жители встретили его хлебом и солью. Черниговский полковник Аникей Силич прислал в русский лагерь под Старым Быховом «лист», в котором предлагал И. Нечаю сдать город³⁴². Одновременно В.Б. Шереметев уже 30 августа мог сообщить царю, что от Выговского отложились казаки Киевского полка и он послал детей боярских приводить их к присяге. Сидевший в Остре киевский полковник передал киевскому воеводе находившихся в городе «ляхов»³⁴³. 2 сентября в Киев приехал из Переяслава лубенский полковник Я. Засадка «с товарищи» и принес присягу царю. 4 сентября воевода послал в Лубны сына боярского приводить население к присяге³⁴⁴. 6 сентября к А.Н. Трубецкому прибыли и принесли присягу посланцы Прилуцкого полка³⁴⁵, а 6 сентября и сам прилуцкий полковник Лазарь Горленко «со многими казаки» принес присягу в Переяславе³⁴⁶. Восстание постепенно охватывало всю Левобережную Украину, и происходило это без всякого участия русских войск. Лишь 31 августа «по письму ... всех нежинских жителей» к Нежину двинулся отряд во главе с А.В. Бутурлиным, а вслед за ним 5 сентября двинулась «в государевы черкасские города» армия А.Н. Трубецкого³⁴⁷.

С самого начала руководители восстания не намерены были ограничиваться локальными рамками. Уже в отписке В.Б. Шереметева царю указано, что, как сообщил ему Т. Цюцюра, «обрали, де, они Войском Запорожским гетмана Юрия Хмельницко-

342 См. отписки царю И.И. Лобанова-Ростовского (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 10–11), Ф.Ф. Куракина (Там же. Л. 16).

343 АЮЗР. Т. 7. № 100. С. 312.

344 АЮЗР. Т. 15. № 11/II. Стб. 434–436.

345 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 249.

346 АЮЗР. Т. 15. № 11/III. Стб. 438.

347 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 247, 249.

го, а Ивашку Выговскому гетманом не быть»³⁴⁸. Это сообщение показывает, что руководители восстания считали его началом политического переворота в жизни всего Запорожского Войска. Выдвижение кандидатуры Юрия Хмельницкого как нового гетмана вполне понятно, действовало имя его отца, имелось, вероятно, в виду, что решение о его избрании гетманом было принято уже при жизни Богдана, кроме того, в глазах местного общества он воспринимался как противник Выговского³⁴⁹. По сведениям, которыми располагал В.Б. Шереметев, Ю. Хмельницкий собирал войско в Василькове. Киевский воевода обратился к нему, предлагая принести присягу царю.

В конце августа начались переговоры между левобережными и заднепровскими полковниками, 30 августа В.Б. Шереметев мог уже сообщить царю, что левобережные полковники договорились с рядом полковников правобережных, «чтоб тебе, великому государю, служить и быть в соединении на изменника Ивашку Выговского и на поляков». В этой связи назывались уманский полковник М. Ханенко, паволоцкий полковник И. Богун, каневский полковник И. Лизогуб, белоцерковский наказной полковник Семен Половец³⁵⁰. Лидером в этой группе был, по-видимому, Иван Богун³⁵¹.

Выговский оказался в беспомощном положении, не в состоянии влиять на ход событий. Он не мог направить против мятежников заднепровские полки и одновременно утратил внешнюю поддержку. Его главный союзник, выручавший гетмана в критических ситуациях, — крымский хан — вынужден был послать войска в Трансильванию против непокорного вассала султана князя Дьердя II Ракоци. От короля Яна Казимира, несмотря на многократные просьбы, помощи также не поступало. Отпуская послов Запорожского Войска 19 августа н. ст. 1659 г., король официально заявил, что не может послать на Украину ни денег, ни войска. Послам было предложено самим ехать во Львов к коронному войску, чтобы уговорить его

348 АЮЗР. Т. 7. № 100. С. 312.

349 Так, вышедший из Запорожья полтавский казак рассказывал А.Н. Грубецкому 4 июня 1659 г., что запорожские казаки не присоединились к войску Выговского, так как им это не советовал Ю. Хмельницкий (АЮЗР. Т. 15. № 8/V. Стб. 384).

350 АЮЗР. Т. 7. № 100. С. 313.

351 Яковлева Т. Гетьманщина... С. 340–341.

направиться на Украину³⁵². Из писем и самого И. Выговского и А. Потоцкого видно, что вплоть до октября никакой помощи из Речи Посполитой гетман так и не получил. Письма коронного обозного позволяют также судить о том, каково в конце лета — начале осени было состояние того войска, которое пришло с ним на Украину. Уже в начале августа А. Потоцкий писал королю, что у него под командой осталось лишь 1500 чел., готовых к бою³⁵³. В том же письме он сообщал, что войско хочет оставить службу. После восстания на Левобережье армия А. Потоцкого должна была заметно уменьшиться в размерах. Настроения в войске тоже не изменились к лучшему. 17 сентября н. ст. А. Потоцкий писал коронному гетману С. Потоцкому, что он еще удерживает войско под своей командой, но побудить его к действиям не может³⁵⁴. 7 октября он писал, что войско «*żadną miarą nie chce tu więcej w Ukrainie zostawać*» (ни в какой мере не хочет здесь больше на Украине оставаться) и ему удалось его уговорить остаться на службе еще на две недели³⁵⁵, а из его письма, датированного 25 октября н. ст., видно, что войско привело угрозу в исполнение: «*sieła ich ugwało u rozšli swuwolnie do Polski*» (много их сорвалось и пошло своевольно в Польшу)³⁵⁶. Такое войско могло лишь обеспечить личную безопасность Выговского, но не удержать его на своем посту.

Статейный список А.Н. Трубецкого содержит важные сведения о том, как в Москве реагировали на сообщения о событиях, происходивших на Украине в конце августа — начале сентября 1659 г. 15 сентября А.Н. Трубецкой, вступивший с армией в этот день в Нежин, получил «указ» царя — «войсковой раде быти ... в Нежине или в Переясловле». Вместе с А.Н. Трубецким в ней должны были участвовать В.Б. Шереметев, Г.Г. Ромодановский, дьяки Л. Лопухин и Ф. Грибоедов³⁵⁷, т. е. те лица, которые были

352 ПКК. Т. 3. № LXXVIII. С. 340–342, 345.

353 Там же. № LXXVII. С. 336. В.Б. Шереметев в августе также писал А.Н. Трубецкому, что А. Потоцкий не получает подкреплений, а в его войске «многие побиты и в языках пойманы» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 426. Л. 70).

354 ПКК. Т.3. № LXXIX. С. 350.

355 Там же. № LXXXVI. С. 384.

356 Там же. № LXXXIV. С. 370.

357 Статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 252.

предназначены для участия в раде еще в начале 1659 г. Русское правительство явно обращалось снова к тому плану действий, который был намечен в январе 1659 г., но не был тогда реализован. Посланец привез также жалованные грамоты — одну Юрию Хмельницкому, другую — полковникам, которую следовало «отдать в то время, как они к боярину и к воеводе съедутца»³⁵⁸. Содержание грамот нам, к сожалению, неизвестно, но сам факт их посылки говорит о том, что царь и его советники исходили из того, что Юрий Хмельницкий уже стал гетманом и под его властью соединились разные части Запорожского Войска, но в то время, когда из Москвы посылали жалованные грамоты, до этого было еще далеко.

Хотя уже 30 августа В.Б. Шереметев сообщал царю о договоренности между полковниками Правобережной и Левобережной Украины, в последующие дни эта договоренность не была осуществлена и в отношениях между сторонами возникли трения. Т.Г. Яковлева, совсем недавно специально рассматривавшая этот сюжет, видит причину трений в амбициях Т. Цюцюры, который, по ее мнению, сам хотел стать гетманом и поэтому старался дискредитировать в глазах русских воевод Юрия Хмельницкого и «Заднепровских полковников»³⁵⁹. Однако эта гипотеза противоречит ряду показаний источников. Как уже отмечалось выше, кандидатура Ю. Хмельницкого была выдвинута на Левобережье уже в начале восстания. Именно Т. Цюцюра сообщил об этом В.Б. Шереметеву. Известно также, что Цюцюра писал к Ю. Хмельницкому, предлагая ему перейти на сторону восставших. Прямое свидетельство об этом, известное и Т.Г. Яковлевой, находится в письме к Т. Цюцюре самого Выговского³⁶⁰. Из того же письма следует, что Ю. Хмельницкий отдал «лист» Цюцюры гетману. В отписках В.Б. Шереметева также встречаем указания, что к Ю. Хмельницкому постоянно обращаются и Т. Цюцюра, и воевода, но он на их письма не отвечает³⁶¹. Уже такое поведение Ю. Хмельницкого (и стоявших за ним «Заднепровских полковников») указывало на появление расхождений в позиции право- и левобережного казачества.

358 Там же.

359 Яковлева Т. Гетьманщина... С. 333–334, 339.

360 АЮЗР. Т. 7. № 99. С. 310.

361 АЮЗР Т. 15. № 11/III. Стб. 441; Т. 7. № 99. С. 308.

Наблюдая за ходом последующих событий, хорошо освещенных источниками разного происхождения, можно предположительно сформулировать, в чем эти расхождения состояли. Во-первых, полковники Правобережной Украины не желали свергнуть Выговского с помощью восстания, а хотели придать смене гетманов «законный» характер. Во-вторых, обе группировки разделяла разная позиция в вопросе о том, как сохранить казацкие «права» и «вольности» под московской властью. В сохранении того и другого были заинтересованы обе группировки казачества. Так, именно Т. Цюцюра 7 сентября первым поднял перед В.Б. Шереметевым вопрос, чтобы царь «прав и вольностей нарушить не велел по прежнему, как ... великого государя милость была при гетмане Богдане Хмельницком»³⁶². Но, по-видимому, левобережная старшина считала, что приобретение «прав» и «вольностей» обеспечит верная служба царю, а правобережные полковники рассчитывали получить определенные гарантии, прежде чем они признают царя своим верховным сюзереном.

Первым симптомом желательных для русской стороны перемен стал приезд к В.Б. Шереметеву 5 сентября посланца от Юрия Хмельницкого, старца Феодосия Никольского Пустынского монастыря. От имени Хмельницкого посланец сообщил, что «он и все Войско Запорожское хочет ... великому государю служить», «и битца с государевыми людьми не хочет, а хочет битца с ляхами». Располагая такими сведениями, В.Б. Шереметев заключил, что на раде в Германовке, куда к Ю. Хмельницкому собираются казаки, он «хочет соединитца с переяславским и со всеми заднепровскими полковниками»³⁶³. Однако события, происходившие на раде, приняли другой оборот.

О том, с чего началась рада, сообщения содержатся в двух источниках — отписке В.Б. Шереметева царю (записаны рассказы «торговых людей», бывших в Германовке) и в письме А. Потоц-

362 АЮЗР. Т. 15. № 11/III. Стб. 438. В начале октября в Москву прибыли посланцы Переяславского и Нежинского полков — наказной полковник Богдан Калющенко и полковой судья Роман Ракушка, ходатайствовавшие, чтобы и далее могли жить «при всех тех статьях, чем ... пожалован был гетман Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское» (РГАДА. Ф 210. Столбцы безгласного стола. № 94. Л. 1, 3, 11).

363 Там же. Стб. 441.

кого Яну Казимиру³⁶⁴. 11 сентября под Германовкой собралась «чернецкая рада», т. е. рада, на которой присутствовали не только казаки, но и «чернь». На раде, по свидетельству А. Потоцкого, читали «привилеи», выданные Яном Казимиром, то есть, очевидно, документы, врученные послам Запорожского Войска при ратификации сеймом Гадячского договора. Вероятно, это имели в виду информаторы В.Б. Шереметева, говоря, что на раде Выговский предложил служить королю. Оба источника сходятся на том, что Выговский, столкнувшись с резким недовольством участников рады, поспешно удалился под защиту А. Потоцкого.

Подробное сообщение о последующем находится только в письме А. Потоцкого. Между казацкими полковниками и Выговским начались переговоры, которые завершились следующей договоренностью: Выговский согласился отказаться от гетманства и передать участникам рады знаки власти (булаву и бунчук), а новый гетман и Войско Запорожское принесут присягу польскому королю. Это и было сделано на раде, собравшейся в середине сентября³⁶⁵. Отданные Выговским знаки власти были переданы Ю. Хмельницкому и новый гетман с войском принесли присягу польскому королю. В конце сентября А. Потоцкий сообщал королю, что Ю. Хмельницкий идет с войском к Ржищеву, чтобы положить конец «Заднепровским бунтам». Сам новый гетман писал королю, что намерен подавить «своеволие» за Днепром, не останавливаясь перед смертной казнью мятежников³⁶⁶. В Речи Посполитой избрание Ю. Хмельницкого и его присяга были восприняты как «угашение» разгоревшегося на Украине пожара. 4 октября н. ст. П. Сапега просил Ю. Хмельницкого послать войска, чтобы освободить осажденного русскими воеводами в Старом Быхове И. Нечая³⁶⁷.

Означало ли это, что казацкая верхушка на Правобережье была намерена держаться ориентации на сохранение зависимости от Речи Посполитой? И И. Выговский, и А.Потоцкий имели на этот счет большие сомнения³⁶⁸. Недовольство заключенным

364 АЮЗР. Т. 7. № 99. С. 307; Памятники... Т. 3. С. 377.

365 13 сентября Ю. Хмельницкий и казаки отправились на Росаву, где позднее состоялась рада (АЮЗР. Т. 7. № 99. С. 307).

366 Яковлева Т. Гетьманщина... С. 339–340.

367 Перевод письма П. Сапеги см.: РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки). Оп. 2. № 368. Л. 8–11.

368 См. письмо И. Выговского Яну Казимиру от 26 сентября (Памят-

договором, так остро проявившееся на «чернецкой раде» под Германовкой, было налицо и с этим нельзя было не считаться. К тому же недовольные могли встретить поддержку со стороны Запорожья. В те дни, когда войско двигалось к Ржищеву, И. Брюховецкий, ставший кошевым атаманом на Запорожье, предпринял нападение на Чигирин. К тому же ориентация на Речь Посполитую в сложившемся положении означала конфликт с Левобережьем, гражданскую войну между разными частями Запорожского Войска, в которой Левобережье поддерживала бы русская армия, а Правобережье не имело бы никакой поддержки.

Неслучайно в событиях осени 1659 г. совсем не упоминаются какие-либо действия хана. Это было связано с важными переменами, произошедшими к этому времени на севере Балканского полуострова. Непокорный вассал османов Дьердь II Ракоци к концу октября 1659 г. восстановил свою власть на территории Трансильванского княжества, вытеснив оттуда османские войска³⁶⁹. На сторону Ракоци перешел валашский господарь Михня III, атаковавший направлявшиеся в Трансильванию османские войска³⁷⁰. В Молдавии при поддержке Ракоци утвердился противник османов Константин Шербан. 1 ноября 1659 г. Ракоци обратился к Алексею Михайловичу. Извещая его о происшедших переменах, он предлагал соединить силы «против обчего недруга» — султана³⁷¹. Военная помощь хана была срочно необходима султану и его советникам, чтобы подавить антиосманское восстание, охватившее Трансильванию и Дунайские княжества. 25 октября н. ст. А. Потоцкий советовал Яну Казимиру искать мира с Россией, так как нельзя рассчитывать на помощь хана, занятого «войнами венгерскими и мунтянскими». Калга, второе лицо в ханстве, — сообщал он, — уже отправился с войском в Ва-

ники... Т. 3. № LXXX. С. 353) и А. Потоцкого от 7 октября н. ст. (Там же. № LXXVI. С. 381).

369 *Медведева К.* Внешнеполитическое положение Трансильванского княжества в 50–60-е гг. XVII в. // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч. 2. М., 2001. С. 196.

370 *Семенова Л.Е.* Молдавия и Валахия в международных отношениях в Восточной и Юго-Восточной Европе (50–70-е гг. XVII в.) // Там же. С. 207.

371 *Исторические связи народов СССР и Румынии.* Т. II. 1633–1673. М., 1968. № 103. С. 313–314.

лахию³⁷². Таким образом, в случае конфликта с Россией гетман и полковники не могли рассчитывать ни на поддержку татар, ни на коронное войско, которое так и не прибыло на Украину. А главное — Гадячский договор вовсе не давал казацкой верхушке Правобережья таких преимуществ, ради которых имело бы смысл идти на подобный риск.

Чем же были вызваны решения рады? Представляется, что, сохраняя формальную зависимость от Речи Посполитой, правобережные полковники рассчитывали добиться от полномочных представителей царя своих «прав» и «вольностей» в обмен на разрыв этой зависимости.

Как бы то ни было, решения, принятые на раде, находились в резком противоречии с теми обещаниями, которые ранее дал киевскому воеводе Ю. Хмельницкий. Вызвали эти решения и враждебную реакцию левобережных полковников. На встрече 15 сентября в Нежине левобережные полковники В. Золотаренко, А. Силич, Ф. Терешенко предложили А.Н. Трубецкому идти с войском к Переяславу, чтобы оттуда совместными силами «идти бы им на ляхов и на Заднепрские полки, которые великому государю непослушны», но очевидно, они рассматривали такой поход как меру давления, так как в записи разговора отмечено, что они «чают», что правобережные полки тоже подчинятся царю³⁷³. Задуманный план действий был выполнен. 27 сентября А.Н. Трубецкой с войском вступил в Переяслав. Два войска стояли друг против друга, разделенные 20 верстами³⁷⁴.

Позиция, занятая левобережными полками, лишила правобережную старшину возможностей маневра. 28 сентября Т. Цюцюра передал А.Н. Трубецкому адресованные ему и И. Беспалому письма Ю. Хмельницкого и полковников с сообщением о том, что Ю. Хмельницкий избран гетманом, А. Потоцкого с войском выслали в Польшу и туда же едет И. Выговский³⁷⁵.

С этого момента начались длительные переговоры об условиях, на которых Войско Запорожское возвратится под власть царя. Они завершились решениями, принятыми на раде, открывшейся в Переяславе 17 октября 1659 г. История этих переговоров

372 Памятники... Т. 3. С. 370.

373 См. статейный список А.Н. Трубецкого: АЮЗР Т. 4. № 115. С. 252–253.

374 Там же. С. 253.

375 Там же.

и характер принятых решений неоднократно подробно анализировались в научной литературе, в том числе и в недавнее время (например, в исследованиях В.М. Горобца и Т.Г. Яковлевой). Исследователи разных направлений сходятся в том, что попытки казацкой верхушки Правобережья добиться расширения автономии гетманства закончились неудачей. Напротив, русской стороне удалось добиться одобрения радой целого ряда мер, намеченных еще в зимнем наказе А.Н. Трубецкому. В соответствии с темой данной работы отметим те из них, которые должны были предотвратить возможность проведения гетманством самостоятельной, расходящейся с интересами России внешней политики. Так, сношения с другими государствами разрешались лишь с санкции царя, при этом особенно запрещались «ссылки» с крымским ханом. Гетман должен был с войском ходить в походы по указу царя, а участников «самовольных» военных действий следовало карать смертью. В Москве, конечно, понимали, что установления таких запретов для достижения поставленной цели недостаточно. Как показала последующая практика, запрет сношений с другими государствами фактически не соблюдается. Поэтому определенной гарантией того, что Запорожское Войско в будущем не отложится от России, стало размещение русских гарнизонов в Переяславе, Нежине, Чернигове, Браสลаве и Умани³⁷⁶. Вместе с тем, сопоставляя зимний наказ со «статьями», следует отметить, что намеченный в более раннем документе план урегулирования положения «показаченных» при активном участии русской власти не был осуществлен. В таком ее вмешательстве во внутреннюю жизнь в гетманстве не была заинтересована ни право-, ни левобережная старшина.

Разумеется, о принятых в Переяславе решениях царь и его советники могли узнать лишь в самом конце октября — начале ноября, но уже в первой половине октября стало ясно, что вопрос о внешнеполитической ориентации Запорожского Войска решен в интересах России. Сообщения о восстании на Левобережье и истреблении там польских гарнизонов создавали впечатление полного и окончательного разрыва украинских казаков с Польско-Литовским государством, укрепляли убеждение, что новое соглашение между ними невозможно, что в случае возоб-

376 См. текст соответствующих положений «Переяславских статей» в статейном списке А.Н. Трубецкого: АЮЗР. Т. 4. № 115. С. 264–265.

новления войны Войско Запорожское станет той силой, которая будет наиболее активно воевать против Речи Посполитой. С завершением борьбы за Украину соотношение сил в Восточной Европе резко менялось в пользу России, и это не могло не оказать влияния на решения, которые принимались в Москве.

Для определения русского внешнеполитического курса имели значение и привезенные И.А. Желябужским сведения о внутреннем положении Польско-Литовского государства. Правда, во время пребывания в Варшаве посланник находился под строгим караулом («з двора ни для какова дела, ни на двор никого не пускали») ³⁷⁷, но он многое мог узнать, проезжая через западные области Великого княжества Литовского. Собранные сведения подтверждали более ранние сообщения об отказе коронного войска нести службу и о трудностях приехавших во Львов комиссаров, не имеющих средств, чтобы выплатить жалованье. 30 августа И.А. Желябужский записал сообщение, что войско не подчинилось приказу гетмана Потоцкого «и на Украину без грошей не пошло» ³⁷⁸. В свете этих сообщений становилась ясной причина пассивности Выговского, его неспособности продолжать борьбу, не получив поддержки, на которую он рассчитывал. И.А. Желябужский выяснил также, что Выговский обращался дважды за помощью к П. Сапеге, но тот «на помочь людей к Выговскому не посылавал для того, что черкасом... не доверявают» ³⁷⁹.

Что касается положения в самом Великом княжестве Литовском, то И.А. Желябужский сообщил, что главные военные силы — бывшая армия Госевского во главе с С. Комаровским и значительная часть армии Сапегы во главе с Х. Полубенским — ведут военные действия в Курляндии против шведов ³⁸⁰. Сам П. Сапега, по сведениям, собранным И.А. Желябужским, носился с планами похода на Вильно, собрав войско в Троках, но план этот не был осуществлен. И.А. Желябужский указал две причины, почему этого не произошло. Во-первых, на помощь Сапеге не пришло «корунное войско», на которое он рассчитывал, а во-вторых, подчиненное ему войско, не получая жалованья, отказывалось нести службу ³⁸¹. В своем «вестовом списке» И.А. Желябужский

377 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 13. Л. 245.

378 Там же. Л. 253–254, 257.

379 Там же. Л. 251.

380 Там же. Л. 256.

381 Там же. Л. 258 (запись под 4 сентября).

неоднократно сообщал о волнениях не получавшего жалованья литовского войска. По его словам, солдаты, обращаясь к присланным комиссарам, заявляли: «А толко, де, платить гроши нечем, а они б, де, чинили мир с великим государем»³⁸². Сообщения о волнениях не получавшего жалованья войска соответствовали действительности³⁸³. В свете этих сообщений страна, отказавшаяся от соглашения о прекращении военных действий, выступала как неспособная вести войну. В Москве, вероятно, принимали во внимание и то, что в сложившейся ситуации Речь Посполитая не может рассчитывать на поддержку крымского хана. Воздействие всех этих сообщений определило решение, принятое в Москве в середине октября 1659 г. (о мерах по его реализации см. в последующем разделе). Решение это состояло в том, чтобы, широко развернув военные действия, принудить Речь Посполитую к миру, пока она не заключила мир со Швецией.

Происходившие перемены определили и отношение русского правительства к выдвинутым А.Л. Ординым-Нащокиным планам союза со Швецией. С улучшением положения дел на Украине необходимость союза со Швецией отпадала. В Москве сохраняли определенную заинтересованность в сотрудничестве со Швецией, но не хотели при этом связать себя такими обязательствами, которые бы могли затруднить в будущем заключение сепаратного мира с Речью Посполитой. В «указных статьях», отправленных дипломату 8 октября, ему предписывалось «договариватца, как писано наперед сего», то есть избегать оформлять обещания уступок письменно, избегать «случения» (соединения) войск, не давать обязательства не заключать сепаратного мира. В условия возможного соглашения было внесено лишь одно существенное изменение: если представители шведской стороны станут настаивать на соединении войск, то, чтобы «в случении и на время не быть», можно было обещать шведам крупные суммы денег³⁸⁴. Соображения А.Л. Ордина-Нащокина, что в таком виде соглашение вряд ли заинтересует шведов, были оставлены без внимания. 23 октября инструкции были доставлены по назначению³⁸⁵.

382 Там же. Л. 248–249, 251.

383 *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska i Związek braterski wojska litewskiego w latach 1660–1663. Warszawa, 1989. S. 26, 30–31.*

384 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 5. Л. 96–106.

385 Там же. № 7. Л. 105–107об.

Ответом на это стала новая «тетрадь», отправленная царю, в которой дипломат продолжал развивать свои соображения о необходимости русско-шведского союза³⁸⁶. Наряду с предостережениями не верить Речи Посполитой, которая хочет только выиграть время, и предложениями «скорое обнадежение ... шведу учинить, псковский полк в Вильно привести», А.Л. Ордин-Нащокин привел и новые аргументы, основанные на наблюдениях над отношениями между Швецией и европейскими государствами. Он доказывал, что, поддерживая Карла Густава, один из самых могущественных европейских государей, французский король, выступает против Голландии «по заводу шведа» и посылает войска в Германию «шведу к помочи». В результате австрийский император окажется не в состоянии оказывать военную помощь Яну Казимиру. Перед Карлом Густавом откроются новые перспективы «ко овладению на цисарские и на полские крае». Вместе с тем он будет нуждаться в деньгах для ведения войны. В таких условиях, если ему дать крупную денежную ссуду, «будет поступен швед в городах вечного миру к Великой России». Так с выгодой для русской стороны может быть заключен и «вечный мир», и союз со Швецией. Ответа на эту записку не последовало. Одна из причин, несомненно, состояла в том, что распространявшиеся слухи о вмешательстве Франции во Вторую Северную войну так и остались слухами.

К концу октября А.Л. Ордин-Нащокин уже знал о возобновлении военных действий между Россией и Речью Посполитой. Известия об этом он пытался использовать, чтобы помешать быстрому заключению мира между Речью Посполитой и Швецией. 26 октября на встрече со шведскими комиссарами он не только сообщил им, что польский король «в правде не стоит» и между Россией и Польско-Литовским государством началась война, но и просил сообщить об этом Магнусу Делагарди, главе шведской делегации на мирных переговорах с польско-литовскими представителями, чтобы он и его коллеги «городов польских королю не уступали». Он также просил сообщить об этом Роберту Дугласу, чтобы тот «над общим неприятелем промысл чинил»³⁸⁷.

386 «Выписано из тетради, что прислал думной дворянин Афанасей Лаврентьевич Нащокин. Вести из заморья и из разных мест нынешнего 168-го октября по 21 день» (Вести — куранты... № 42. С. 134–136).

387 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 117 об–118, 120.

Как уже отмечалось выше, инструкции, полученные шведскими комиссарами, не открывали каких-либо возможностей для заключения «вечного мира» или союза, и на такую позицию шведской делегации А.Л. Ордин-Нащокин после получения инструкций воздействовать не мог. Однако шведы были заинтересованы в соглашении о совместных военных действиях против Речи Посполитой в Прибалтике. Объяснялось это тем трудным для шведской армии положением, которое сложилось на территории оккупированной шведами Курляндии. В августе 1659 г. для военных действий против Дугласа здесь сосредоточилась едва ли не половина военных сил Великого княжества Литовского. Одной из причин такого положения было стремление литовских военачальников «кормить» войско в этой мало разоренной войной земле³⁸⁸. Кроме того, в Курляндию вступили, соединившись с польской армией, войска курфюрста во главе с Б. Радзивиллом. Под натиском превосходящих сил противника армия Дугласа стала отступать, а войска союзников стали одну за другой занимать курляндские крепости³⁸⁹. Армия Дугласа нуждалась в поддержке, и неудивительно, что в начале ноября шведские комиссары предложили, «чтоб подлинной договор учинен был, как войскам итить, так и для ссылок, которые меж обеих сторон генералам быть имеют»³⁹⁰. Так как инструкции запрещали А.Л. Ордину-Нащокину заключать какие-либо соглашения о «случении» войск, то он мог лишь ответить, что такое соглашение возможно лишь после заключения «вечного мира» между Россией и Швецией³⁹¹. Не получив помощи, Дуглас увел войска за Западную Двину и на территории Курляндии осталось лишь две крепости, занятые шведами, — столица герцогства Митава и Бовск. В конце года Митава капитулировала³⁹².

В начале 1660 г., уже после того, как безрезультатно закончились русско-шведские мирные переговоры³⁹³, А.Л. Ордин-Нащокин предпринял еще одну попытку направить свое правительство на путь сотрудничества со Швецией. Так как его предложения были недвусмысленно отклонены, а указания, как сле-

388 *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska...* S. 28–30.

389 *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 259–260.

390 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 173.

391 Там же. Л. 176.

392 *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 260.

393 О них см.: *Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба...* С. 248–249.

дует вести переговоры, были повторены дважды, свои соображения на этот раз он был вынужден изложить в завуалированном виде в форме передачи сообщений («вестей») «из литовские и из немецкие стороны»³⁹⁴. Материал был специально подобран по двум основным темам. Во-первых, Ордин-Нащокин снова доказывал, что и король, и правящие круги Речи Посполитой не стремятся к миру и если и заключат перемирие, то только для того, чтобы добиться передышки «в нынешнее их беспомощное время». «А такой народ злой, — писал он, — к миру не придет, ино им попустить, то у них будут силы больши». Поскольку, как следовало из этих слов, на скорый и прочный мир с Речью Посполитой нет оснований рассчитывать, то читателю тем самым подсказывался вывод, что в войне с этим государством следует искать союзников. Кто мог быть таким союзником, выясняется из последующего текста, где говорится, что если русские войска развернут военные действия по всей западной границе Речи Посполитой, то Карл Густав «рати свои в Прусы пошлет и миру с польским королем ... не учинит».

Другая поднятая в отписке тема касалась положения, сложившегося в районах пограничных с ливонским воеводством А.Л. Ордина-Нащокина. Как он сообщал царю, командовавшие литовским войском в Ливонии Х. Полубенский и М. Пац, с войском которых у воеводы было заключено перемирие, обратились к нему с просьбой указать им границы русских владений в Ливонии, чтобы они знали, где именно им продолжать военные действия против шведов. На это А.Л. Ордин-Нащокин ответил, что, если литовское войско вступит в Ливонию, то «и ратные люди ево царского величества и свейского короля оборонять Инфлянт учнут». После этого, как сообщал он далее, когда стало известно о его ответе, в литовском войске в Курляндии начались волнения. К королю и сенату были отправлены депутаты с требованием или скорее заключить мир с Россией, «или бы Княжество Литовское свободно учинили от Коруны Польские». Таким образом, получалось, что один намек на возможность соединения русских и шведских войск мог привести противника в отчаяние. Так читателю подсказывалась мысль, что именно союз со Швецией может поставить Речь Посполитую в критическое положение и заставить ее согласиться на русские условия мира.

394 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 1–6.

В заключительной части отписки воевода попытался перевести вопрос о русско-шведском военном сотрудничестве в практическую плоскость. Р. Дуглас, — сообщал он, — «беспристани присылает, чтобы ему помочь была блиско литовских людей», а он, не имея подкреплений, не может оказать Дугласу эту помощь. Получалось, что русско-шведское военное сотрудничество уже существует и надо только его развивать, выслав наместнику ливонских городов необходимые подкрепления.

Уже форма, которую избрал А.Л. Ордин-Нащокин для изложения своих взглядов, показывает, что он отдавал себе отчет в их несоответствии избранному в Москве внешнеполитическому курсу. Сведения, поступившие в Посольский приказ из разных источников в декабре 1659 г., еще до того, как Ордин-Нащокин отправил в Москву свою отписку, способствовали тому, что его обращение и на этот раз не привело к желательному для дипломата результату. Именно в декабре царю доставили переводы с двух немецких «печатных тетрадей»³⁹⁵, содержащих важные сведения о ходе войны Швеции с ее противниками. В одной из них говорилось об успехах польских войск в Пруссии, освободивших от власти шведов целый ряд городов. Особенно важно было, что жители Гданьска взяли штурмом крепость в устье Вислы и шведы больше не могли блокировать морской путь из Польши на Запад. В другой говорилось о крупном поражении шведской армии в Дании в битве под Ньюборгом 24 ноября 1659 г. Важным дополнением к этим сведениям служили «вести», присланные новгородскими воеводами, что «в Свейской земли изо всяких чинов выбирают лутчих людей на думу, посылать х королю в полки, чтоб ему помиритца и з датцким и з галанским и з цысарем и польскими людми вечным миром»³⁹⁶.

Военные неудачи на разных фронтах и вызванный этим внутривосточный кризис — так обрисовывалось перед царем и его советниками положение Швеции на рубеже 1659/60 г. Очевидно, что союз с государством, находящимся в таком состоянии, ничего не мог дать русской стороне, и именно поэтому предложения А.Л. Ордина-Нащокина не вызвали позитивной реакции в Москве. Когда в начале 1660 г. Р. Дуглас предпринял

395 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 1. Л. 407–427. На обоих тетрадях пометы: «снесена та тетрадь из Приказу Тайных дел ... декабря в 22 день».

396 Там же. Л. 405 (запись «вестей» сделана 12 декабря).

попытку освободить заблокированный литовскими войсками Бовск в Курляндии и пригласил воеводу Царевичева Дмитриева принять участие в походе, тот ответил отказом³⁹⁷. Так был положен конец поискам военно-политического союза со Швецией. Поступавшие в Москву сообщения ясно говорили о том, что несущая поражения на разных фронтах Швеция будет искать мира с противниками (в их числе и с Польско-Литовским государством). Желая добиться выгодного мира, русское правительство должно было развернуть военные действия против Речи Посполитой, чтобы нанести ей поражение до того, как та заключит мир со Швецией.

397 *Hirsch T.* Die ersten Anknüpfungen... Th. II. S. 33.

ТЯЖЕЛЫЙ 1660 ГОД

Восстание на Украине, которое привело к низложению Выговского и переходу Запорожского Войска на русскую сторону, снова привело к перемене всей международной ситуации. Вынашивавшиеся в Варшаве планы наступления на Россию, в которой главной силой должно было стать казачество, оказались нереальными, а Русское государство усилилось благодаря присоединению Запорожского Войска. Напротив, отказ заключить перемирие поставил теперь Речь Посполитую в опасное положение. В Варшаве это поняли, узнав о переменах на Украине. 1 октября н. ст. Ян Казимир спешно отправил гонца Яна Корсака, предлагая провести встречу представителей сторон 16 ноября под Минском и заключить соглашение о «задержании войск»¹, однако эта инициатива запоздала. Еще до того, как Корсак мог доехать до Москвы, здесь было принято решение воспользоваться благоприятно сложившейся ситуацией и возобновить военные действия.

Грамотой от 16 октября 1659 г. Алексей Михайлович одобрил предложения кн. И.А. Хованского идти из Полоцка в Вильно для военных действий против армии гетмана Павла Сапеги². Ближайшей целью похода должно было стать укрепление русской власти в западных поветах Великого княжества. Положение, сложившееся в этом районе, вызывало тревогу, требовало вмешательства. Виленский воевода Д.Е. Мышецкий сообщал в Москву, что недалеко от Вильно стоят полковники Ермолович и Улан, к которым присоединилась «поветная и присяжная вилен-

1 Перевод грамоты Яна Казимира см.: РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 16. Л. 73–83.

2 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 115–118.

ская многая шляхта». В поветы П. Сапега рассылает «универсалы» о созыве посполитого рушения³. Сходным образом характеризовал положение И.А. Хованский. Он сообщал, что отряды солдат армии Сапеги стоят не только под Вильно, но и под Ковно и «многие шляхта побежали за Немон», чтобы присоединиться к армии гетмана⁴. Когда Д. Мышецкий потребовал от местной шляхты доставить в Вильно продовольствие, П. Сапега через своего посланца Яна Быковского заявил, что будет защищать «волную шляхту» от «всяких тяжаров (всяких тягот)»⁵.

Поскольку в Москве было принято решение о войне, угрозы Павла Сапеги не имели для русской стороны значения. Реакцией на полученные сведения стали указания царя Хованскому о подавлении сопротивления местной шляхты. Царь предписывал конфисковывать «маетности» изменников, а их крестьяне не должны были давать им какие-либо доходы и слушать их «урядников»⁶. Это не означало, однако, что в Москве рассматривали всю шляхту Великого княжества Литовского как враждебную России силу. Напротив, этой шляхте отводилось важное место в русских военных планах. 20 октября в воеводства и поветы Великого княжества Литовского, находившиеся под русской властью, были направлены грамоты, сообщавшие о решении царя начать войну. В грамотах говорилось, что царь, желая мира, направил к королю своего посланника И. Желябужского, но король и сенаторы его отпустили «без дела» и «в задержании войск от войны... отказали», надеясь на помощь со стороны Выговского, «но злые их замысли разорились». Теперь царю, «видя с его королевские стороны многую проволоку и непостоянство и миром погордение, болши того терпети не мошно». Далее подчеркивалось, что, если в дальнейшем король «к мирному постановлению склонности не учинит», то царь выступит в поход «нашего царского величества особою со многими ратми». Возможно, в действительности Алексей Михайлович и не собирался лично участвовать в войне, но такое заявление подчеркивало важность принятого решения. Шляхте, принесшей присягу царю, предписывалось идти на службу, «где вам боярин наш и

3 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 338–339.

4 Там же. Л. 325–326.

5 Там же. Л. 326, 385.

6 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 117–118.

воевода князь Иван Ондреевич Хованской с товарищи велят быть на нашей, великого государя, службе». Одновременно в грамоте указывалось, что у «изменников» будут отобраны их «маетности»⁷. 26 октября к Хованскому была отправлена еще одна грамота царя. Он предписывал пропускать в Москву послов и гонцов Речи Посполитой, но отклонять возможные просьбы о «задержании войск»⁸.

Все это означало, что русское правительство взяло решительный курс на возобновление войны. Прямых свидетельств о мотивах такого решения в нашем распоряжении нет, они могут быть лишь реконструированы на основе ряда косвенных свидетельств. Так, серьезное влияние на такое решение могли оказать разговоры с находившимся в русском плену гетманом В. Госевским. Во время этих разговоров В. Госевский неоднократно говорил, что на будущих мирных переговорах не следует ждать от польско-литовской стороны уступок. Правда, ранее комиссары Речи Посполитой соглашались уступить ряд городов, но теперь «и тех городов не уступят, потому что им стало свободнее и неприятельского наступления нет», «время стало не прежнее»⁹. По вопросу, особенно волновавшему русских политиков, о «обращении» царя на польский трон, гетман также определенно заявил, что о избрании царя не может быть и речи. Избран мог бы быть лишь царевич, да и то в том случае, если бы он был прислан в Речь Посполитую «в молодых летех», «чтоб он, государь, скорее приобитчялся к нашим людям»¹⁰. Это показывало, что только новые военные успехи могли бы заставить Речь Посполитую заключить мир на приемлемых для русской стороны условиях.

Помимо разговоров с В. Госевским советников царя убеждали в этом и другие сообщения. Так, наместник Виленского Духова монастыря, чье мнение передал в Москву Д.Е. Мышецкий, убеждал царя: «буде, де, твои, великого государя, ратные люди на польских людей ныне не наступят и миру, де, с тобою у

7 См. экземпляр грамоты, адресованный шляхте Виленского воеводства: РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 280–290. Распоряжение о рассылке грамот см.: Там же. Л. 291–293. Экземпляр грамоты, адресованный шляхте Полоцкого воеводства, см.: Витебская старина. Т. 4. Витебск, 1885. № 53. С. 114–116.

8 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 132–136.

9 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 9. Л. 22, 27.

10 Там же. Л. 132.

польского короля не будет и правдою к доброму делу поляки не приступят». Поездка Я. Корсака — не свидетельство склонности к миру. Он послан только для того, чтобы русские войска «задержать в Полоцку»¹¹.

Ряд важных сведений, оказавшихся в распоряжении русских властей, дал возможность наметить направление главного удара. 15 октября к И.А. Хованскому вернулся его гонец В. Челищев, ездивший к П. Сапеге в Слоним для переговоров о заключении перемирия¹². Ни в продолжении таких переговоров, ни в заключении перемирия в Москве больше не были заинтересованы. Гонца Быковского, приехавшего с предложениями на этот счет от гетмана, И.А. Хованский приказал задержать в Вильно, «покаместа с ратными людьми собератца»¹³. В подготовленном в Москве тексте ответа гетману от имени И.А. Хованского гетман ставился в известность о результатах миссии И.А. Желябужского, и ему заявляли: «А что королевское величество миром погардели и в задержанье войск отказали, и буде от того взочнетца какое кровопролитие, и то взыщет Бог на вас»¹⁴.

Значение поездки В. Челищева состояло в том, что он привез важные сведения о состоянии военных сил Великого княжества Литовского. Он сообщил, что значительная часть литовской армии во главе с Х. Полубенским ушла в Курляндию вести военные действия против шведов, а другие войска отказываются нести службу. Во время пребывания гонца в Слониме сюда прибыли солдатские депутаты (по два человека от хоругви), требовавшие жалованья. Гетман, у которого не было денег, просил их подождать «до другои камисеи», но депутаты заявили, что уже три раза приезжали за жалованьем, но ничего не получили, теперь они отказываются подчиняться гетману «и хочет учинить конфедарацыю»¹⁵. Как воспринял И.А. Хованский эти сообщения, показывает текст его отписки царю¹⁶, что, по его убеждению, политики Речи Посполитой хотят вести переговоры о перемирии, чтобы не допустить возобновления войны, «видя

11 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 327–328.

12 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 294.

13 Там же. Л. 314.

14 Там же. Л. 325, 330.

15 См. расспросные речи В. Челищева: РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 298, 288а.

16 Там же. Л. 294–295.

свое безсилие и непослушание от своих, что ни в чем гетмана не слушают и самовольствуют». Следует поэтому «скорее учинити над ними промысл». Судя по последующему ходу событий, эти соображения И.А. Хованского были одобрены и определилось главное направление его похода против деморализованных войск гетмана П. Сапеги.

Решение о войне горячо поддержал в своей отписке, отправленной 25 декабря 1659 г. его начальнику — Ф.М. Ртищеву, А.Л. Ордин-Нащокин¹⁷. Он настойчиво советовал продолжать войну и не соглашаться на просьбы о заключении перемирия: «А такой народ злой к миру в меру не придет, што им попустить». Военные действия, по его мнению, следовало развернуть по всей границе: «От Быхова и от Могилева и от черкасских городов Литве утеснение отовсюду учинить, чтоб на боярин полк Ивана Андреевича литовским ратем приход измешать». Положение в Польше тяжелое. У «корунных» нет денег, чтобы нанять хана, нет денег и чтобы платить своему войску. А кроме того, украинские казаки, после того как «нехристиански засылкою поляков Выговской и Немиричь бусурманы их губили», будут готовы «многими ратьми» идти в Польшу.

Одним из важных последствий возобновления войны может стать срыв начавшихся мирных переговоров между Польско-Литовским государством и Швецией. Карл Густав «рати свои в Прусы пошлет и миру с польским королем... не учинит».

По-видимому, сходными соображениями руководствовались и в Посольском приказе. 23 октября А.Л. Ордин-Нащокин получил оттуда грамоту с предложением информировать шведских послов о возвращении Запорожского Войска под русскую власть и о начале войны с Речью Посполитой. Послы должны были также через шведских представителей побудить Роберта Дугласа, командующего шведскими войсками в Ливонии, чтобы тот «промысл чинил, не упуская времени»¹⁸. На встрече со шведскими послами А.Л. Ордин-Нащокин не ограничился этим, но и просил шведских дипломатов известить о происшедших переменах Магнуса Делагарди — главу шведской делегации на польско-шведских мирных переговорах¹⁹.

17 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 1–6.

18 Там же. 1659 г. № 7. Л. 105–106.

19 Там же. Л. 120об.–121.

В походе И.А. Хованского приняли участие войска Новгородского Разряда и присоединившаяся к ним «присяжная» полоцкая шляхта. Армия выступила из Вильно в первой половине ноября 1659 г. Ближайшей задачей было восстановление русской власти над утраченными в конце 1658–1659 гг. Гродненским, Новогрудским и Минским поветами Великого княжества Литовского²⁰. В декабре в Москве получили известие о первых успехах Хованского — поражении, нанесенном им отряду Я. Кунцевича под Лидой²¹. Тогда же были получены сообщения от киевского воеводы В.Б. Шереметева о его походе на Украину. Вернувшись с рады в Переяславе, В.Б. Шереметев 4 ноября выступил в поход против собиравшихся в районе Котелвы войск во главе с гетманом С. Потоцким, к которым присоединился со своими «дворовыми людьми» И. Выговский²². В походе приняли участие часть армии А.Н. Трубецкого и казаки Киевского и «Паволоцкого Багунова» полков²³. 18 ноября после крупного военного столкновения под Хмельником, по сообщению Шереметева, польские военачальники, «покиня обозы свои, побежали за реку Бог». Войска Шереметева взяли и разорили Корец, Хмельник, Синявки большие и малые, владение И. Выговского — Полонов²⁴.

Одновременно крупного успеха добилось казацкое войско во главе с наказным гетманом М. Ханенко. Благодаря переходу на их сторону мещан казаки заняли Бар — один из опорных пунктов польской власти в Подолии²⁵. Казацкое войско развернуло военные действия и в Южной Белоруссии. Уже в конце ноября отряды казаков появились в районе Турова²⁶. 19 декабря 1659 г.

20 Курбатов О.А. «Литовский поход 7168 года» князя И.А. Хованского и битва при Полонке // Славяноведение. № 4. 2003. С. 27–28.

21 См. об этом подробнее: *Kossarzecki K. Kampania roku 1660 na Litwie. Warszawa, 2005. S. 92–93.*

22 См. отписку В.Б. Шереметева царю: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 806. Л. 5–7.

23 Там же. Л. 8, 95–96.

24 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Л. 95–97, 131–132; Ф. 96, 1659. № 1. Л. 481–486об.; Акты Московского государства (далее — АМГ). Т. 3. СПб., 1901. № 6. С. 18, № 33. С. 36. См. также: *Яковлева Т. Руїна гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003. С. 30–31* (характеристика событий по данным источников другой стороны).

25 *Яковлева Т. Руїна... С. 51.*

26 Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией (да-

казаки заняли Пинск, где находились в течение 5 дней²⁷. Тогда же участвовавшие в походе Нежинский и Черниговский полки заняли Туров²⁸. Как видно из последующих сообщений о событиях в этом районе, мещане Турова присоединились к казакам и в дальнейшем участвовали вместе с ними во враждебных действиях против Речи Посполитой²⁹.

В декабре 1659 г. пришли также известия о взятии полком кн. И.И. Лобанова-Ростовского 4 декабря 1659 г. Старого Быхова, который защищали сидевшие там сторонники Ивана Выговского — Иван Нечай и Самуил Выговский³⁰. Таким образом, зимой 1659/1660 гг. военные действия развернулись на всем протяжении линии, разделявшей владения России и Речи Посполитой, и были достигнуты определенные успехи. Армия Хованского двигалась вперед и в начале декабря 1659 г. достигла Гродно. Великое княжество Литовское, не имевшее военных сил для отражения наступления, оказалось в крайне тяжелом положении. О том, что положение оценивалось как почти безнадежное, красноречиво свидетельствует поведение королевского гонца в Москве. 10 декабря Ян Корсак подал «письмо» в Посольский приказ, сообщая от имени «урядников» и шляхты Полоцкого воеводства, покинувших ранее свои имения, о их готовности вернуться и подчиниться власти царя. Он лишь просил, чтобы царь освободил их от уплаты долгов, «понеже маетности наши позжены»³¹.

Особо острое беспокойство вызвали происходившие события у литовских комиссаров Е. Глебовича, К. Завиши и К. Бжостовского, которые ожидали в Сельцах в Брест-Литовском воеводстве своих коллег из Короны. Они предприняли отчаянную попытку остановить русское наступление средствами дипломатии. 13 декабря в Шерешево И.А. Хованского посетил гонец

лее — АВАК). Т. 34. Вильно, 1909. № 121. С. 137.

27 Там же. № 124. С. 139.

28 См. об этом в письме И. Выговского Яну Казимиру: Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при киевском военном, подольском и вольинском генерал-губернаторе (далее — ПКК). Т. III. Киев, 1852. № XCI. С. 411.

29 АВАК. Т. 34. № 142. С. 156.

30 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 1. Л. 489–491.

31 РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 16. Л. 172–175.

комиссаров Ян Василевский. Во врученной воеводе грамоте за подписью Е. Глебовича говорилось, что представители Речи Посполитой готовы вести мирные переговоры, в нем одновременно содержалось обещание, что если переговоры не начнутся в назначенное время, то он дает «*assecuracją, że o Xięstwo Litewskie z całym JM tractować będziemy*» (гарантии, что будем вести переговоры с царем о Великом княжестве Литовском)³². Смысл этого обещания разъяснил в разговоре с воеводой Ян Василевский³³. Он объяснял, что, если представители Литвы увидят «какую мешкоту или проволочку о мирном договоре... от корунных комиссаров», то они «трактовать о себе начнут, что им быть под» царя «высокою самодержавною рукою со всем княжеством Литовским». Он же заверял, что на переговорах представители Литвы не станут поддерживать «больших запросов» коронных комиссаров. Они только предлагали дожидаться возвращения из Москвы королевского гонца Яна Корсака, «с чем он будет отпущон»³⁴. Последние слова указывают на то, что комиссары стремились прежде всего отсрочить начало военных действий, но, как представляется, они не исключали и соглашения с царем в случае создания действительно критической ситуации.

Инициатива комиссаров, по-видимому, не встретила одобрения Павла Сапеги и, видимо, привела к столкновению между ними и гетманом, судя по резким высказываниям Я. Василевского, записанным в канцелярии Хованского: «А будет, де, Сопега не похочет быть под твоею, великого государя, рукою, и он поди, куды у него замышлено, а у Великого княжества Литовского на том положено и переменено не будет»³⁵.

Отчаянный шаг комиссаров не мог привести и не привел к успеху. Хованский увидел в нем проявление слабости противника, его неспособности дать отпор русской армии и реагировал соответственно. Он не только отказался заключать перемирие без «указа» царя, но и потребовал от комиссаров вывести литовский

32 Оригинал грамоты, датированной 21 декабря н. ст., см.: Там же. № 1. Л. 317.

33 Как отметил в своей отписке царю И.А. Хованский, он «сидел с Яном Василевским многое время и говорил с ним всякими мерами»: Там же. Л. 315–316.

34 См. запись высказываний Я. Василевского в отписке И.А. Хованского: Там же. № 1. Л. 315.

35 Там же.

гарнизон из Гродно³⁶. Как сообщал Я. Василевский И.А. Хованскому, реакция гетмана П. Сапеги на эти заявления была очень острой. Он заявил, что готов соединиться с турками и татарами, чтобы «огнем и мечом» разорять земли царя. Однако предпринять он ничего не может, так как «войска Княжества Литовского не имеет в послушании, ни шляхты поветовой»³⁷. От сознания своего бессилия гетман, по словам Василевского, «плакал ... сидя в карете»³⁸. Такие сообщения, несомненно, должны были подталкивать и Хованского под Гродно и царя в Москве ко все более решительным действиям.

23 декабря из Москвы И.А. Хованскому предписывали, «чтоб воевал около Брести, а будет мочно и над Брестью промысл чинил»³⁹. Вместе с тем в Москве не отказывались и от переговоров. И.А. Хованский получил полномочия вступить в переговоры с комиссарами Речи Посполитой и в случае необходимости для обеспечения их безопасности дать им «в оманаты (заложники) дворян и детей боярских»⁴⁰.

Вместе с тем Алексея Михайловича и его советников беспокоили известия, что в Курляндии под г. Грубином соединились литовские войска во главе с Х. Полубенским, действовавшие здесь против шведов, с войсками курфюрста во главе с Б. Радзивиллом⁴¹. Поэтому в тот же день, когда были отправлены царские грамоты И.А. Хованскому, к А.Л. Ордину-Нащокину был отправлен с важным поручением подьячий Артамон Афанасьев. А.Л. Ордин-Нащокин должен был потребовать и от Радзивилла, а в случае необходимости и от бранденбургского курфюрста, вывода прусских войск из Курляндии⁴².

Пока в Москве готовили эти указания, армия Хованского, разбив отряд Я. Кунцевича, двинулась вперед. 8 декабря капитулировало Гродно, ближайшая цель похода была достигнута и войско Хованского вступило на территорию Подляшья. В сра-

36 *Kossarzewski K.* Kampania... S. 95 и «речи» Я. Василевского (РГАДА. Ф. 79. 1659 г. № 1. Л. 319).

37 См. перевод не сохранившейся заключительной части «речей» Я. Василевского: Там же. Л. 322.

38 Там же. Л. 319.

39 Там же. Л. 465–466.

40 Там же. Л. 467 и сл.

41 Там же. Л. 435.

42 Там же. Л. 433, 437–439.

жении при Крынках 18 декабря были разбиты хоругви гетмана Павла Сапеги во главе с Я. Огинским. Были взяты Заблудово, Тикоцин, Кнышин, Бельск, Орле. П. Сапега с семьей спешно выехал в Замостье. 29 декабря 1659 г. армия подошла к Бресту и 3 января эта сильная крепость была взята штурмом. Оттуда открывался прямой путь к Варшаве⁴³.

Положение складывалось тем более благоприятное, что совместного удара литовско-прусских войск из Курляндии, которого опасались в Москве, не последовало. В конце декабря А.Л. Ордин-Нащокин сообщал в Москву о волнениях в литовском войске в Курляндии, «в полках ... под Митавою и под Бовском». По его сведениям, они отправили послов к королю и сенату, требуя, чтобы король «не дал Княжеству Литовскому последнего изгубления». Пусть будет как можно скорее заключен мир с царем «или бы Княжество Литовское свободно учинили от Коруны Полской»⁴⁴. В начале января он же сообщал, что литовское войско стоит в Курляндии и не идет против Хованского, опасаясь, чтобы русские войска, соединясь со шведами, не вступили в Жемайтию. А других войск в Великом княжестве Литовском нет, шляхта бежит в Восточную Пруссию, во владения курфюрста, так как «во всем Великом княжестве Литовском города крепково нет»⁴⁵. В новой отписке, доставленной в Москву 22 января 1660 г.⁴⁶, он сообщал, что литовское войско в Курляндии организовало конфедерацию: «королю и гетману Сапеге не послушны», и постоянно собираются «воисковые соимы». От курфюрста и Радзивилла А.Л. Ордин-Нащокин получил заверения, что прусские войска в Курляндии ограничатся осадой шведского гарнизона в Бовске «и с литовскими людьми ... стоять не учнут». Даже в литовские владения Б. Радзивилла были посланы «универсалы» курфюрста, что он «о миру непорушимо держит и за Радзивилла обещаетца»⁴⁷.

43 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 28–29. См. также «перевод с польского письма» о походе Хованского: РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 8.

44 Там же. Л. 6.

45 Там же. № 2. Л. 40.

46 Там же. Л. 56–58.

47 Для позиции курфюрста и его властей в Пруссии характерно, что его наместник Б. Радзивилл не давал шляхте, бежавшей сюда из Подляшья, «keine schriftliche Pässe» (никаких письменных про-

Ордин-Нащокин выражал надежду, что кампания закончится взятием Варшавы, так как там «полских людей ратных нет и при короле во Гданьске мало. А Новгородскому полку Варшавы засесть мошно, толко бы пешими людьми не скудно было, а хлеба около Варшавы много». Возможно, под впечатлением этих сообщений И.А. Хованскому из Приказа Тайных дел были посланы указания «стоять в Бресте до весны и весновать, и ... ратных людей войной посылать к Аршаве и чтоб промысел учинить над Аршавою нынешним зимним временем до весны». Одновременно ему предписывалось собирать в Бресте хлеб и корм для лошадей⁴⁸. По-видимому, предполагалось, что Брест может стать базой для нового похода Хованского на польские земли.

Действительно, армия Хованского двигалась на запад. Отряды русской конницы доходили до Люблина и Холма, передовые русские подьезды были в 20 верстах от Варшавы⁴⁹. Как сообщал своим друзьям 27 декабря 1659 г. французский секретарь королевы Людовики Марии Пьер де Нуайе, между армией Хованского и Варшавой действительно не было никаких войск и королева послала туда повозки, чтобы вывезти свою мебель⁵⁰. И все же марш на Варшаву не состоялся. И.А. Хованский отдал себе отчет в том, что армия утомлена длившимся уже несколько месяцев походом, понесла потери и удалилась далеко от своих баз и других русских войск. Кроме того, во второй половине января он уже располагал сведениями, что из Курляндии на территорию Великого княжества Литовского двинулась часть литовских войск во главе с Х. Полубенским. Шляхтичи Виленского

езжих грамот), чтобы не вызвать недовольство русской стороны (Urkunden und Actenstücke... Т. 8. Berlin, 1884. S. 78). 8 января 1660 г. Б. Радзивилл писал своим наместникам в Слуцке — «Moskwy szkodę iritować» (опасно раздражать Москву) (*Коссаржецкий К. Джерела Архіву Радзивілів (АГАД) про стосунки князя Богуслава Радзивіла з козацькою Україною в 1655–1669 роках // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 6. Київ, 2006. С. 563*).

48 См. пересказ этих указаний в ответной грамоте кн. И.А. Хованского: АМГ. Т. III. С. 57.

49 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 29–30. Стоявшим в этом районе австрийским войскам И.А. Хованский предлагал отойти за Вислу (*Walewski A. Historia wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza (1655–1660). Т. III. Kraków, 1866. S. XLVII*).

50 *Lettres de Pierre des Noyers pour servir à l'histoire de Pologne et de Suède de 1655 à 1659. Berlin, 1859. P. 569.*

и соседних поветов, обещавшие дать войску Хованского хлеб и деньги, с появлением войска Полубенского «учали быть во всем непослушны». Отряды из этой армии дороги, ведущие к армии Хованского, «все позалегли»⁵¹. К Варшаве спешно двигались войска во главе с С. Чарнецким. 26 января армия Хованского, оставив в Бресте гарнизон, двинулась назад⁵².

Достигнутые успехи не ограничивались военными действиями армии И.А. Хованского. Так, в январе 1659 г. отряд, посланный Д.Е. Мышецким, занял Новогрудок⁵³. В целом ряде западных поветов Великого княжества шляхта снова начала приносить присягу царю⁵⁴. На всей территории Великого княжества Литовского кроме Жемайтии разместились русские войска. С взятием Бреста в руках русских военачальников оказался удобный опорный пункт для наступления на Варшаву. Для магнатов и шляхты Великого княжества, не признававших власти царя и укрывшихся на Подляшье, поход Хованского стал настоящей катастрофой. Многие из них хранили имущество в Бресте и оно попало в руки победителей. Но значение этих успехов не следует переоценивать. Хованский победил потому, что быстро и неожиданно атаковал литовские войска, располагавшиеся на Подляшье на зимние стоянки⁵⁵. Он скорее рассеял их, чем разбил. Армия, стоявшая в Курляндии, была совсем не затронута военными действиями, тем более главные силы Речи Посполитой, стоявшие в Пруссии. Противник понес чувствительную неудачу, но не такую, которая заставила бы его прекратить борьбу.

В конце января в руки русских властей попал документ, свидетельствовавший об этом. Захваченный хорунжий Ошмян-

51 См. отписки виленского воеводы от января — начала февраля 1660 г.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 532–537, 575–577.

52 *Kossarzecki K.* Walki z wojskami moskiewskimi kniazia Iwana Chowańskiego na Podlasiu w lutym–marcu 1660 roku // *Świat pogranicza*. Warszawa, 2003. S. 165–166.

53 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 544.

54 См. текст «крестоприводных» книг, составленных в Минске 26 января 1660 г.: РГАДА. Ф. 145 (Приказ Великого княжества Смоленского). Кн. 3. Л. 619–630 (на л. 625–630 — перечень присягнувших шляхтичей). В том же деле см. список шляхты, которая «била челом» в Борисове в январе-феврале 1660 г. (л. 631 и сл.).

55 *Курбатов О.А.* «Литовский поход»... С. 28–29.

ского повета Казимир Девялтовский говорил, что король миру не хочет «да и коронная, де, шляхта на то не позволит». После заключения мира со шведами польская шляхта хочет идти на Россию «всем посольством»⁵⁶. Развертывая военные действия, в Москве серьезно рассчитывали, что успехи русских войск побудят шведов не идти на уступки на переговорах с Речью Посполитой и мирное соглашение между Польско-Литовским государством и Швецией не будет заключено. Именно с этой целью А.Л. Ордин-Нащокин специально сообщал шведским дипломатам о начале войны с Речью Посполитой⁵⁷, а затем об успехах русских войск⁵⁸.

Однако эти расчеты не оправдались. В борьбе с коалицией союзников Швеция терпела неудачи на разных фронтах. Так, австрийские войска и войска курфюрста бранденбургского осенью 1659 г. заняли значительную часть шведской Померании и пытались организовать блокаду Щецина. Во время осенней кампании на территории Королевской Пруссии шведы утратили ряд важных опорных пунктов и к началу 1660 г. удерживали под своей властью только два города — Мальборк и Эльблонг. Курляндия была почти вся очищена от шведов и литовское войско блокировало шведский гарнизон в Бовске. К этому надо добавить и серьезное поражение шведской армии в Дании, о котором уже говорилось. Когда в январе 1660 г. под Гданьском начались мирные переговоры, довольно скоро шведские представители дали понять, что готовы заключить мир, если Ян Казимир откажется от притязаний на шведский трон, а Речь Посполитая откажется от претензий на Ливонию⁵⁹. Напротив, развернутое И.А. Хованским наступление привело к тому, что представители Речи Посполитой на переговорах поспешили принять шведские условия и отказались от притязаний на Ливонию, не дожидаясь мирного соглашения между Данией и Швецией⁶⁰. Польско-

56 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 418. Л. 513.

57 РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 7. Л. 117об.-120об.

58 Там же. 1660 г. № 2. Л. 43.

59 *Kubala L. Wojny duńskie i pokój oliwski. 1657–1660. Lwów, 1922. S. 282–283.*

60 В начале февраля 1660 г. познанский воевода Ян Лещинский заявил бранденбургским представителям на переговорах, что Московит «*der gefährliche Feind*» (самый опасный враг), что Польша не станет ждать заключения мира с Данией, так как не

шведское мирное соглашение становилось делом реальным, а это означало, что война будет продолжаться на невыгодных для русской стороны условиях.

С возобновлением военных действий между Россией и Речью Посполитой актуальным снова (хотя и несколько иначе, чем ранее) становился вопрос о заключении мирного договора со Швецией, который пришел бы на смену временному соглашению о перемирии. В 1659 г. мирные переговоры закончились безуспешно 23 ноября, когда стороны обменялись текстами так называемого «разъезжего письма», где констатировалось, что им не удалось договориться и они вынуждены прервать переговоры «при замерзанию Двины реки и польского войска переправленью». Вместе с тем в нем констатировалось, что мирные переговоры будут продолжены⁶¹. Шведские представители во главе с Б. Горном не уехали в Швецию, а остались в Таллине. 13 декабря 1659 г. они сообщили А.Л. Ордину-Нащокину, что получили от короля новые полномочия для ведения переговоров⁶², а 9 января 1660 г. царь назначил своих представителей на переговорах: А.Л. Ордина-Нащокина, Б. Нащокина, дьяков Г. Дохтурова и Е. Юрьева⁶³.

Становился снова актуальным вопрос об условиях соглашения со Швецией. В грамоте царя указаний на этот счет не было, они были получены позднее. Многое здесь зависело от того, как будут развиваться военные действия. Новые крупные успехи русских войск могли бы привести к срыву мирных переговоров между Швецией и Речью Посполитой, и тогда по отношению к шведам можно было бы занять твердую позицию. Именно поэтому А.Л. Ордин-Нащокин так призывал царя к усилению военных действий. Если бы таких перемен не произошло, правительство в Москве пошло бы на уступки шведам, и это поставило бы под угрозу и личную карьеру А.Л. Ордина-Нащокина и его планы, связанные с обладанием крепостями на Западной Двине.

Военные действия прекратились, когда армия Хованского двинулась к Новогрудку, куда воевода прибыл 15 февраля⁶⁴. В

хочет утратить Литву и Украину (Urkunden und Acktenstücke... Т. 8. S. 720).

61 Текст «разъезжего письма» см.: РГАДА. Ф. 96. 1659 г. № 8. Л. 242–252.

62 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 18 и сл.

63 Там же. Л. 32–34.

64 Kubala L. Wojny duńskie... S. 357.

Бресте был оставлен сильный гарнизон, а округа его была опустошена, чтобы неприятельское войско не могло здесь собрать продовольствия. Одной из целей похода в Новогрудок было утверждение русской власти в юго-западных поветах Великого княжества Литовского, и эта цель была достигнута⁶⁵.

Однако с приходом на Подляшье литовского войска во главе с Х. Полубенским и уходом в Новогрудок войск И.А. Хованского начались волнения в западных поветах Великого княжества Литовского, куда стали вторгаться отряды войска Полубенского и жемайтйского «посполитого рушенья». Они, в частности, блокировали дороги между Вильно, Ковно и Гродно, нападая на «всяких чинов людей», идущих из полков Хованского «в московские города»⁶⁶. Однако к каким-либо существенным переменам все эти действия не привели. Во второй половине февраля И.А. Хованский, взяв с собой только конницу без пушек и обоза, неожиданно атаковал отряды Х. Полубенского, расположенные на берегах Западного Буга, которые, захваченные врасплох, поспешно бежали за реку⁶⁷. Таким образом, русские воеводы удержали под русской властью западные поветы Великого княжества Литовского. Однако о продолжении русского наступления не могло быть речи. Вернувшись со своим конным отрядом в Брест, И.А. Хованский 1 марта двинулся на восток⁶⁸.

К этому времени на территории Великого княжества Литовского, занятой русскими войсками, оставались как опорные пункты литовской власти Несвиж и Слуцк — владения Радзивиллов и Ляховичи — владение гетмана Сапеги. Скоро должны были начаться русско-польские мирные переговоры, и важно было ликвидировать эти опорные пункты, что могло резко усилить позиции русской стороны на переговорах. Но статус Слуцка и Несвижа был неясным. Богуслав Радзивилл был не только литовским магнатом, но и наместником бранденбургского курфюрста в Восточной Пруссии. Как выше отмечалось, от имени курфюрста русским властям были даны заверения, что никакие

65 Ibid. S. 357; Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 30–31. См. также тексты коллективных обращений шляхты Слонимского и Новогрудского поветов к И.А. Хованскому с заверениями в своей лояльности: РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 1. Л. 9–17.

66 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 30.

67 Там же. С. 31; Kossarzecki K. Walki... S. 175–176.

68 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 31.

нападения оттуда предприниматься не будут. Несвиж принадлежал представителю другой ветви рода — Михаилу Казимиру, но в предшествующие годы Богуслав Радзивилл неоднократно заявлял о своих правах на этот город, и в Москве могли считать его также владением этого литовского магната. Относительно статуса Ляховичей таких сомнений не было и, вероятно, именно поэтому армия Хованского направилась к Ляховичам. С уходом войска Хованского на восток военные действия на западной границе Великого княжества Литовского прекратились.

Х. Полубенскому довольно скоро удалось собрать свои бежавшие за Буг, но не разбитые хоругви. В марте к ним присоединились коронные войска во главе с С. Чарнецким, которые находились на Волыни, но были перебросены на Буг по приказу короля Яна Казимира⁶⁹. Войска эти были достаточно серьезной защитой для лежавших на запад от них польских поветов, но каких-либо активных военных действий в течение нескольких месяцев не предпринимали. Установилось неустойчивое равновесие.

На Украине король добивался, чтобы войска великого гетмана С. Потоцкого, уже размещенные на зимних квартирах на Волыни и в Подолии, предприняли активные военные действия против Войска Запорожского. В феврале 1660 г. армия С. Потоцкого, к которой присоединились казаки — сторонники И. Выговского и мурза с отрядом татар, осадила в Могилеве на Днестре полковника Остафия Гоголя. Находившийся в польском «таборе» Выговский рассылал письма, призывая казаков вернуться под власть Речи Посполитой⁷⁰. С такими же предложениями обращался к защитникам Могилева гетман С. Потоцкий⁷¹. Письма эти никаких последствий не имели. После нескольких безуспешных штурмов, когда к Могилеву двинулись из Умани воевода Г. Козловский и полковник М. Ханенко, коронная армия отступила от города⁷². И здесь наступил достаточно длительный перерыв в военных действиях, нарушавшийся только локальными пограничными столкновениями.

69 *Kossarzecki K. Walki... S. 170–171, 178.*

70 Переводы писем от 7, 9 и 17 февраля см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 806. Л. 166–171.

71 Там же. Л. 172–175.

72 Там же. Л. 480–481; *Kubala L. Wojny duńskie... S. 384–385; Яковлева Т. Руїна... С. 56–58.*

Когда 9 марта 1660 г. кн. К. Щербатов доставил И.А. Хованскому указания из Приказа Тайных дел, войско И.А. Хованского уже стояло под Ляховичами. Однако в своем ответе князь заверил царя и его советников, что после взятия Ляховичей он будет «весновать» в занятом городе, а затем предпримет поход на Варшаву. Он также выражал надежду на то, что сможет существенно пополнить войско за счет принятия на службу местной шляхты. Он рассчитывал, что не только эта шляхта, но и «многие от Полубенского и от Чернецкого от полков» пойдут на царскую службу, так как в Речи Посполитой «пятой год им заплата нет»⁷³.

Последние высказывания Хованского позволяют понять, на чем основывались обещания его нового похода на Варшаву в условиях, когда на Западном Буге, на пути к польской столице стояли крупные военные силы не только из Великого княжества, но и из Короны. Для таких расчетов были определенные основания. Войско в Речи Посполитой действительно постоянно не получало жалованья. В связи с этим уже весной-летом 1659 г. в разных частях литовского войска происходили волнения, войска угрожали оставить службу, а некоторые хоругви привели свою угрозу в исполнение⁷⁴. Несмотря на это деньги так и не были выплачены⁷⁵. Из-за ухода части войска со службы неудачей закончилась попытка оказать помощь Старому Быхову⁷⁶. Несмотря на все это, в конечном итоге войска продолжали нести службу. Войско во главе с Х. Полубенским в январе 1660 г. действительно угрожало оставить службу и перейти под власть царя⁷⁷. Но вряд ли следовало бы видеть в таких заявлениях что-либо большее, чем простые угрозы. Люди, готовые пойти на службу к царю, имелись, но в среде шляхтичей на землях под русской властью. Из таких людей, действительно, был набран на царскую службу отряд шляхты с помощью кн. Ф. Горского, воеводича мстиславского, но, как показали последующие события, шляхтичи, завербованные таким образом, не горели желанием воевать и часто отъезжали на другую сторону⁷⁸.

73 АМГ. Т. III. С. 58.

74 *Rachuba* A. *Konfederacja Kmicicowska i Związek Braterski wojska litewskiego w latach 1660–1663*. Warszawa, 1989. S. 21–23.

75 *Ibid.* S. 26, 30–31.

76 *Ibid.* S. 37.

77 *Ibid.* S. 42.

78 *Курбатов* О.А. «Литовский поход»... С. 32–33.

В Москве, по-видимому, поверили в реальность расчетов Хованского и пришли к заключению, что весной-летом 1660 г. войну с Речью Посполитой можно будет успешно продолжать достаточно ограниченными военными силами. Не было принято мер для самой широкой мобилизации военных сил, чтобы вести войну на территории Великого княжества Литовского. Это оказало свое влияние на ход дальнейших событий.

К началу весны определилась и позиция царя и его советников в отношении Швеции. С соответствующими указаниями к А.Л. Ордину-Нащокину 14 марта 1660 г. был отправлен подьячий Приказа Тайных дел Ю. Никифоров⁷⁹. Указания были очень четкими⁸⁰. На переговорах русская делегация должна была добиваться того, чтобы часть территорий, занятых во время войны 1656–1657 гг. — Юрьев, Царевичев Дмитриев, Борисоглебов, — остались в составе Русского государства. Особое значение царь придавал удержанию Борисоглебова. Однако не это было главное. Царь предписывал, если шведы не пойдут на уступки, «за тем не стоять» и заключить мир на том единственном условии, чтобы занятые русскими войсками территории оставались за Россией до окончания срока перемирия. Главное, — подчеркивал царь, — мир должен быть заключен как можно скорее: «Дале маяя не откладывать, чтобы одноконечно помиритца», «миритца ныне или в мае или кончая в июне месяце». Ради скорого заключения мира царь готов был выплатить шведам за уступки отдельных территорий крупные денежные суммы — от 100 до 200 тыс. руб.

Характер указаний царя ясно показывает, что к весне 1660 г. внешнеполитический курс русского правительства полностью определился. Как правильно отметила Е.И. Кобзарева⁸¹, в Москве рассчитывали, что к лету 1660 г. будет заключен мир со Швецией с тем, чтобы все силы можно было направить на ведение войны с Речью Посполитой.

24 марта Ю. Никифоров передал указания царя А.Л. Ордину-Нащокину⁸². Дипломат не мог прямо возражать против так определенно и в категорической форме выраженных указаний царя.

79 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 106.

80 Их текст см.: Там же. Л. 107–108. Подробнее об этом документе см.: Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 257–258.

81 Там же. С. 257.

82 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 169.

В своем ответе⁸³ он заверил, что переговоры со шведами скоро начнутся, «и, не соверша миру, они не разъедутца». И все же, несогласный с принятым решением, он попытался привести доводы, которые заставили бы монарха усомниться в его правильности. Так, он предостерегал, что уступки «городов» шведам могут привести к росту их претензий по отношению к России — тогда они «сверх того учнут просить за разоренье земли денег».

Другой довод, к которому прибег Ордин-Нащокин, был связан с тем преимуществом, тем козырем, которым он обладал в отношениях с царем и его советниками. Он имел широкий круг заграничных корреспондентов (в числе которых были влиятельные и осведомленные люди), благодаря чему в его распоряжении часто оказывалась информация, которой не было у Посольского приказа. Зная об этих связях, царь неоднократно пытался использовать их в своих интересах⁸⁴. А.Л. Ордин-Нащокин пользовался этим для передачи царю «вестей», которые показывали бы правильность его точки зрения. Так, он сообщил Алексею Михайловичу о «вестовом листе» из Гданьска («и тому, де, листу верить мочно, потому что он к нему шол через крепкие руки»), где говорилось, что «поляки тружуются около Ливонские земли, а шведы ту землю хотят им отдать». В такой ситуации крепости, уступленные шведам, могут оказаться в руках поляков и «поляки ту землю засядут людьми и псковским, де, местам будет от них большое утеснение». Таким образом, — доказывал он, — уступки шведам могут затруднить в будущем ведение войны с Речью Посполитой.

Вместе с тем в том же письме Ордин-Нащокин высказывал и свое мнение, что следует «в свейскую сторону поступитца, что небольшое из чести». К этому времени уже полным ходом шли русско-шведские мирные переговоры, и знакомство с ними должно было показать русскому представителю, что, занимая такую позицию, он не сможет добиться быстрого заключения «вечного мира». На первом этапе переговоров снова на первое место выдвинулся вопрос о землях, занятых русскими войсками в Ливонии. А.Л. Ордин-Нащокин убеждал шведских предста-

83 Текст ответа см.: РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 173 и сл.

84 Так, в то же самое время через Ю. Никифорова царь предлагал А.Л. Ордину-Нащокину «писать к друзьям своим», чтобы они побудили английского короля Карла II прислать в Москву послов с сообщением о своем вступлении на престол (Там же. Л. 117).

вителей в том, что русские крепости на Западной Двине будут надежным заслоном от нападений польско-литовских войск на шведские владения в Ливонии («царского величества люди в здешних краях всегда будут»), за уступку «городов» царь выплатит деньги, между государствами установится мир и дружба, «и в торгу прибыль большая», «а в то число Господь Бог нагородит королевскому величеству с-ыных неприятельских краев». Одновременно он предостерегал шведских дипломатов от заключения мира с Польско-Литовским государством: поляки постоянно нарушают мирные соглашения, кроме того, в их стране много «своевольных людей», которые не будут с ними считаться⁸⁵. Однако эти доводы не произвели впечатления на шведских комиссаров, настаивавших на возвращении утраченных земель («то наша последняя речь, чтоб наша земля опять нам в руку взять») и заявлявших, что иначе «вечный мир» между Россией и Швецией заключен не будет⁸⁶. В переговорах назревал кризис, который мог разрешиться отставкой А.Л. Ордина-Нащокина, фактически отказавшегося следовать указаниям царя, но 2 апреля пришли официальные известия о смерти Карла Густава и переговоры были прерваны в связи с необходимостью для шведских представителей получить официальные полномочия от нового правителя государства⁸⁷.

Наступившей паузой Ордин-Нащокин воспользовался, чтобы снова попытаться убедить царя в своей правоте. Одновременно он делился своими впечатлениями от хода переговоров и прогнозами на будущее⁸⁸. Сообщая царю об «упорстве» шведов, не желающих идти на уступки, он объяснял это «упорство» тем, что шведы знают о настроениях в Москве, о готовности советников царя отказаться от ненужных ливонских крепостей («А

85 См. запись переговоров со шведами: РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 3. Л. 73–74, 98–99, 106–107.

86 Там же. Л. 74–75, 84–85, 87.

87 Там же. Л. 114–115. См. также отписку русских представителей царю (Там же. № 2. Л. 209–210) о заявлении шведов, что переговоры будут прерваны до тех пор, пока новый король официально известит Алексея Михайловича о своем вступлении на трон.

88 Там же. Л. 585–597. Недатированная отписка помещена среди документов второй половины 1660 г. Время ее написания определяется тем, что она содержит ответы на ряд вопросов, посланных к нему царем с Юрием Никифоровым в марте 1660 г.

ныне, де, послы за неволю упорны, что от русских людей наслушено: та Ливонская земля к Великой России не надобна»). В своем ответе А.Л. Ордин-Нащокин упорно доказывал обратное. В 1660 г. уже не могло быть речи о новой войне со Швецией для приобретения «корабельных пристанищ» на Балтийском море. Речь могла идти лишь о сохранении за Россией тех ливонских земель, которые были заняты русскими войсками в 1656–1657 гг. А.Л. Ордин-Нащокин писал, что эти земли представляют собой значительную ценность. В Ливонской земле, — писал он, — «хлебные скудости из веку не бывало» и она может стать житницей России. Уже сейчас она снабжает хлебом и Псков, и Полоцк. Нужно лишь еще больше расширить площадь обрабатываемых земель («на гороцких полях и мызах учинить пашни»). Желая доказать свою правоту, А.Л. Ордин-Нащокин прибег к еще одному своеобразному аргументу. Если бы земли в Ливонии не были присоединены, «то уездные бы люди русские от збору солдат и недороду хлебного выбежали в Ливонскую землю», а теперь их задерживают и «с жестоким наказанием» возвращают на прежние места⁸⁹. Этот текст показывает, что существование в Ливонии развитого фольварочного хозяйства, производившего большое количество хлеба, часть которого вывозилась на европейский рынок, не прошло мимо его внимания и русский дипломат и воевода размышлял над тем, как использовать это хозяйство в интересах своей страны.

Что касается прогнозов на будущее, то Ордин-Нащокин ориентировал царя на то, что мирные переговоры будут идти медленно. Шведским послам придется ехать в Москву «от нового короля с обвещеньем» о его вступлении на трон, А.Л. Ордин-Нащокин готов после этого ехать в Швецию для переговоров о «вечном мире»⁹⁰. Но, когда для этого придет время, «за море будет ехать на весну, а ныне не поспеть, корабельный ход минется». Царь может отправить послов и ранее, но тогда «им, де, за море ехать будет опасно». Шторм может занести корабли к Гданьску, где послы попадут в плен к полякам. Таким образом, по его мнению, мирные переговоры могли начаться не ранее весны 1661 г.

89 Там же. Л. 585–586. Ср.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 269–270.

90 Эта инициатива говорит, как представляется, о желании А.Л. Ордина-Нащокина показать царю, что он готов принять меры для ускорения мирных переговоров.

События в дальнейшем развивались не так, как думал Ордин-Нащокин, и ему не пришлось ехать в Швецию, но в одном он оказался прав: в русско-шведских переговорах наступила продолжительная пауза. Прервавшиеся в апреле 1660 г. русско-шведские мирные переговоры возобновились лишь зимой 1660/61 г. Если царь и его советники торопились с заключением мирного договора, то члены регентства при малолетнем Карле XI избрали другую линию поведения. Твердая позиция А.Л. Ордина-Нащокина на переговорах, по-видимому, убедила их в том, что в данный момент от России не удастся добиться уступок. Поэтому решение вопроса было отложено до того времени, когда будет заключен мир с Польско-Литовским государством и станет ясным положение на русско-польском фронте.

Одновременно с этими дипломатическими контактами предпринимались первые шаги для организации русско-польских мирных переговоров, договоренность о проведении которых была достигнута осенью 1659 г. Согласно этой договоренности встреча представителей сторон должны была состояться «под Борисовом в феврале месяце»⁹¹. Сохранившиеся подготовленные материалы к переговорам⁹² показывают, что перед их началом заново обсуждался весь комплекс вопросов, бывших предметом обсуждения на переговорах 1656 и 1658 гг.: о «обрании» царя на польский трон, об условиях «вечного мира», об Украине, об унии, о положении православных в Речи Посполитой и др. Специально для доклада царю были выписаны высказывания В. Госевского, что в новых условиях «городов в царского величества сторону не уступят». Обсуждение этих вопросов было, очевидно, долгим и трудным, так как «великие» послы во главе с Н.И. Одоевским отправились в дорогу еще в марте, но лишь 26 апреля стольник Ф.И. Колтовский привез им «великого государя наказ из Посольского приказа»⁹³. Документ не сохранился, но о его содержании в известной мере можно судить, так как ряд его положений приводится в одной из отписок «великих» послов⁹⁴.

Программа-максимум на переговорах состояла в требованиях уступить царю все Великое княжество Литовское «с люд-

91 См. об этом в справке, составленной в связи с отправлением «великих» послов: РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 2. Л. 3–4.

92 Там же. Ф. 27 (Приказ Тайных дел). № 165.

93 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 207.

94 РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных дел). № 165. Л. 4–7.

ми и со всяким строением» и возместить царю его «подъемы» и «убытки». В дальнейшем при заключении «вечного мира» можно было пойти на уступки с тем, чтобы земли Великого княжества Литовского к западу от Березины были бы «за убытки» под властью царя в течение 18 лет. «А Малой и Белой России и запорожским черкасом со всеми городами и землями» находиться «вечно» в составе Русского государства.

Эти условия не заключали в себе ничего нового, повторяя предложения, уже выдвигавшиеся во время переговоров под Вильно в 1656 г. И «великие» послы, и дьяки Посольского приказа понимали, что они годятся для обсуждения лишь на начальном этапе переговоров. В дальнейшем, в соответствии с обычной практикой, следовало руководствоваться «тайным наказом», где излагались те реальные условия мирного соглашения, которых следовало добиваться. Однако такого документа в распоряжении послов не было еще и в начале июня⁹⁵. В Москве, очевидно, колебались, не зная, какое принять решение, или выжидали прояснения ситуации.

Однако некоторые пункты будущего соглашения были определены очень четко, как даже не подлежащие обсуждению. Это показывает предыстория не состоявшихся мирных переговоров, связанная с вопросом об участии в них представителей Запорожского Войска. Этот эпизод в истории русско-польско-украинских контактов совсем недавно был рассмотрен в книге Т.Г. Яковлевой⁹⁶. Исследовательница использовала переписку двух делегаций, отложившуюся в польских архивах. Привлечение материалов, отложившихся в архиве Посольского приказа, позволяет дополнить и уточнить наблюдения исследовательницы.

Вопрос об участии казацких послов в переговорах был поднят еще до того, как посольство Войска Запорожского во главе с нежинским полковником В.Н. Золотаренко прибыло к русским «великим» послам в Борисов. Обычной практикой при подготовке посольских съездов была предварительная выработка договоренности о месте, процедуре, условиях переговоров и гарантиях безопасности для участников. Договоренность эта оформлялась составлением особого документа, скреплявшегося представителями обеих сторон. Именно при выработке такой

95 Там же. Л. 7–8.

96 Яковлева Т. Руїна... С. 530 и сл.

договоренности русская сторона выставила условие, чтобы в числе полноправных («с вольным гласом») участников переговоров с русской стороны в документе-«присяге» были названы послы Запорожского Войска⁹⁷.

Уже в марте, отвечая на письмо русских послов, комиссары, находившиеся в Минске, ответили отказом, ссылаясь на то, что казаки принесли присягу королю⁹⁸. Вопрос обсуждался на встречах «великих» послов с посланцами комиссаров сначала 2 апреля, а затем 11 апреля⁹⁹. Королевские дворяне, приехавшие для согласования текста «присяги», заявили, что они крайне удивлены таким предложением, а если даже «черкасские» послы появятся на переговорах, то «комиссары с великими послы съезжатца и сидеть при черкасских послех не будут». В соответствии с этим они заявили, что готовы принести присягу, если «ту черкасскую статью из записи отставят». С русской стороны, в свою очередь, последовало заявление, что без казацких послов «великие» послы вести переговоры не будут. Начавшийся спор так и не поддавался решению, а из-за этого не могли начаться и настоящие переговоры.

Как отметила Т.Г. Яковлева, обе стороны ссылались на то, что казаки — их подданные. Комиссары говорили о присяге, принесенной королю гетманами И. Выговским, а затем (при вступлении в должность) Ю. Хмельницким, «великие» послы указывали на присяги Богдана Хмельницкого, а затем его сына — в Переяславе¹⁰⁰. Когда 22 апреля комиссаров в Минске посетил гонец Я. Путилов, то они просили передать «великим» послам, что «съезжатца и сидеть с черкасами послы нельзя, потому что они — их холопи»¹⁰¹. Спор возобновился 30 апреля с приездом новых посланцев от комиссаров.

Т.Г. Яковлева выражала недоумение позицией, занятой на переговорах русской стороной. Ведь по решениям, принятым в

97 Начальная часть дела о поездке «великих» послов в Борисов в архиве Посольского приказа не сохранилась, не сохранился поэтому и адресованный польско-литовским комиссарам документ с формулировкой такого условия, но характер русских предложений ясно вырисовывается по материалам дальнейших переговоров.

98 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 14. Яковлева Т. Руїна... С. 530.

99 Там же. Л. 70, 32–33об.; АМГ. Т. III. № 40/III. С. 46.

100 Яковлева Т. Руїна... С. 530–531.

101 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 192.

октябре 1659 г., автономия гетманства была серьезно ограничена, в частности, гетману было запрещено принимать иноземных послов, а теперь русские политики настаивали на их участии в международных переговорах, наравне с представителями России и Польско-Литовского государства. Исследовательница готова была видеть в этом уступку украинским требованиям¹⁰². Эту сторону дела, как представляется, позволяет прояснить заявление, сделанное комиссарами 1 мая на встрече с русским переводчиком (и затем неоднократно повторявшееся): если принять предложенный русской стороной текст присяги, «через то, де, Украина (сверху приписано: Малая Росия. — Б.Ф.) и Волынь и Подолье с черкасами уже будет отдана без комиссии в царского величества сторону»¹⁰³. Конечно, именно этого русская сторона и добивалась. Еще до начала каких-либо серьезных переговоров должно было стать совершенно ясно, что вопрос о власти над Войском Запорожским не должен быть предметом обсуждения. Очевидно, это должно было стать одним из главных условий будущего мирного договора.

Еще до начала этого этапа переговоров, 26 апреля, в Борисов прибыло казацкое посольство во главе с нежинским полковником В.Н. Золотаренко¹⁰⁴. То, что именно этому полковнику была доверена столь важная миссия, как представляется, было связано с тем, что в Москве его считали одним из главных организаторов восстания против Выговского. Из Борисова он вел переписку с полковниками — наказным нежинским Иваном Абрамовым и черниговским Аникеем Силичем.

Казацкие представители присутствовали на встрече с посланцами комиссаров 30 апреля, но те, следуя избранной линии, «с черкасскими послы не витались»¹⁰⁵. Выступление посланцев и на этот раз не имело успеха, им заявили снова, что «вели-

102 Яковлева Т. Руїна... С. 529–530.

103 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 259. При последующих переговорах комиссары выражали согласие внести в текст присяги гарантии безопасности для казацких послов (Там же. 1660 г. № 3. Л. 27), они даже соглашались на участие казацких послов в переговорах «по скончании комиссии, когда о Украине будем говорить при них» (Там же. Л. 72–73), но категорически отказывались считать их представителями русской стороны.

104 Там же. № 3. Л. 2–3.

105 Там же. № 5. Л. 221.

кие послы без черкасских послов съезжатца не учнут, из записи крестоцеловальной того не отставят»¹⁰⁶. С этого момента в спор вступили и казацкие послы, обратившиеся к комиссарам с особым посланием. На завязавшуюся переписку между казацкими послами и комиссарами справедливо обратила особое внимание Т.Г. Яковлева¹⁰⁷. Послы заявляли, что, «отступив» от Речи Посполитой «для тяжких и нестерпимых обид», которые в течение нескольких столетий наносились православной вере, казацким вольностям и всему «малороссийскому народу», под власть «владельца Русского», казаки «от того ж монарха правоверного государя отрываться не мыслят». Соглашения, на которые ссылаются комиссары, были подготовлены «без ведома всего войска», «на общей раде» не обсуждались и не были скреплены присягой войска. Когда об этом стало известно, лица, заключившие эти соглашения, были отстранены от власти и Запорожское Войско принесло новую присягу царю. Эти ссылки на прошлое, расходившиеся с реальными фактами, могли оспариваться и были оспорены. Принципиальное значение имело утверждение послов, что «ныне никакого иного полку и ни полковника, а ни товарища (т. е. рядового казака. — Б.Ф.) на Украине нет, которые бы Польши подлежание имел». Запорожское Войско стоит на русской стороне и на русской стороне должно участвовать в переговорах.

Особое внимание послы уделили тому, что комиссары отказывают им в полноправном участии в переговорах — «вольном гласе». В этой связи послы указывали, что польская шляхта хвалится тем, что «через кровавые свои заслуги» добилась от польских королей права «вольного гласа», но ведь и казаки добыли у царя право «вольного гласа» за свои старания «в рыцерском деле» и кровь, пролитую на службе этому монарху. Все это имело, конечно, лишь косвенное отношение к теме переговоров. Говоря о «вольном гласе», послы явно смешивали разные понятия. В словах этих, однако, получило очередное яркое отражение сформировавшееся в казацкой среде представление, что казаки — такое же военное сословие, «рыцерские люди», как и шляхта, и должны пользоваться такими же правами. Послание заканчивалось словами: «склонитесь,

106 Там же. Л. 237.

107 Яковлева Т. Руїна... С 533–536.

ваша милость, милостивые паны, к покою, а нас без дела не задерживайте»¹⁰⁸.

В своем ответе¹⁰⁹ польско-литовские комиссары, как и следовало ожидать, оспорили доводы казацких послов, ссылаясь на «покои под Гадячем учинены», присягу послов Войска Запорожского на сейме, присягу, которую принес королю, став гетманом, Ю. Хмельницкий. Не ограничиваясь этим, они утверждали, что Войско Запорожское всегда было только частью Речи Посполитой и «в летописцах» не говорится, что когда-либо дело обстояло иначе. «Отступить Войска Запорожского, — заявляли комиссары, — как властность Посполитую с обидою и без воли ее не можем». Одновременно они обращали внимание послов на то, что не устраивавшие казаков соглашения могут быть пересмотрены. Речь Посполитая «даже не станет заборонять» казакам после заключения мира идти на службу к царю.

Обращение к аргументам «от истории» вызвало новое письмо казацких послов, представляющее несомненный интерес для изучения историко-политической мысли украинского общества в середине XVII в.¹¹⁰ Письмо начиналось с заявления, что «все Войско Запорожское и весь малороссийский народ» приняли решение «навек» подчиниться власти царя, «как единовержного монарха». Они поступили так, как «православные восточные церкви сыны, запасные души не носим». Царь вступил в войну «для поругания веры православные и церквей божиих, для обид, Войску Запорожскому учиненых, за Малую и за Белую Русь и за Войско Запорожское по их челобитью вступился». Царь подтвердил Запорожскому Войску «стародавние волности и звычай» и эти статьи не нуждаются в добавлениях или исправлениях, «от несколько особ в таи умышленных».

Но дело не только в том, что русский царь защитил православную веру и Запорожское Войско. Ведь «и преж сего Малая и Белая Русь при Великой России под самодержцы русскими пребывали». Отвечая на довод комиссаров, что в «летописцах» эти земли всегда упоминаются как часть Речи Посполитой, казацкие послы писали; «кто пред несколько сот лет Росиею владел, ежели не он, самодержец Росииский Владимир блаженны,

108 Текст послания см.: РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 36–43.

109 Текст ответа см.: Там же. Л. 190–198.

110 Текст письма см.: Там же. Л. 226–237.

которые всю Великую, Малую, Белую, Черную, Красную Русь к вере христьянской привел и над ними владел». Лишь когда «русские края» были разделены между его сыновьями, воевавшими друг с другом, они оказались под властью «розных государей». Из этого следовал вывод, что Запорожское Войско «приобщает» к царю не только «едина вера и един крест», но и «самое поколенья Российского прироженья».

Представление о том, что вследствие решений Переяславской рады восстановилось историческое единство русских земель под властью русских царей, преемников Владимира, принадлежащих к тому же «русскому народу», что и жители Малой Руси, впервые в такой развернутой форме письменно зафиксировано в речи, которую прочел перед царем Алексеем Михайловичем 27 сентября 1654 г. нежинский протопоп Максим Филимонович¹¹¹. В этой связи важно отметить, что в материалах, связанных с деятельностью посольства, сохранился ряд свидетельств тесных контактов между протопопом и главой посольства — нежинским полковником В.Н. Золотаренко. Так, сохранились тексты писем, посланных протопопом 11 мая В.Н. Золотаренко и находившемуся в составе посольства нежинскому сотнику Р. Ракушке-Романовскому¹¹². В «отписке» Н.И. Одовского при пересылке копий «писем» в Москву отмечено, что письмо протопопа Р. Ракушка передал главе русской делегации «тайно» — «а велено ему тот лист показать одному полковнику, а товарищам ево не казать»¹¹³. Представляется поэтому, что, вероятно, именно М. Филимонович снабдил нежинского полковника теми аргументами «от истории», которые последний использовал в своем послании комиссарам.

Параллельно с этой дискуссией продолжался спор между комиссарами и русскими «великими» послами. Стороны повторяли свои доводы, но наряду с этим польская сторона прибегла и к новым аргументам. В грамоте комиссаров, доставленной «великим» послам 14 мая, уже не говорилось о том, что все Запорожское Войско — подданные короля. Здесь акцентировалось внимание на том, что не все казаки подчинились царю, есть и та-

111 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 14. СПб., 1889. С. 175.

112 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 163–167.

113 Там же. Л. 156.

кие, «что добродетели и веры Его королевской личности и отчине додерживают», почему же одни должны оказаться в лучшем положении, чем другие? Однако, очевидно понимая существование определенной разницы между всем Войском Запорожским и несколькими тысячами казаков — сторонников Выговского, комиссары на первый план выдвинули иной довод: казаки не желают быть ни у кого «под началом», поэтому они не заинтересованы в мире между Россией и Речью Посполитой и будут вести дело к срыву переговоров¹¹⁴.

В развитой, расширенной форме эти доводы были повторены в переданном одновременно с грамотой письме К.П. Бжостовского гетману В. Госевскому. Тот, очевидно, рассчитывал, что гетман сможет познакомить с ними советников царя в Москве. Он доказывал, что казацких послов можно допустить к участию в переговорах только с совещательным («воздержательным») голосом, чтобы они могли лишь изложить свои предложения, но не вмешивались бы в самый ход переговоров, которые из-за их вмешательства могли бы кончиться неудачно. Такая линия поведения, — доказывал К.П. Бжостовский, — соответствовала бы и русским интересам («и нам, и царю его милости велми то надобно, чтоб они не все ведали»). Заслуживает внимания и высказанное этим политиком соображение, что не следует добиваться, чтобы в переговорах наряду с представителями Запорожского Войска участвовали посланцы сторонников Выговского: если бы в переговорах приняли участие «те казаки, которые есть на стороне Его королевской личности... потом бы и нам тесно было от их речей»¹¹⁵.

Эти доводы не повлияли на изменение позиции русской стороны. 28 мая Алексей Михайлович предписал послам потребовать от комиссаров в течение двух недель дать ответ, готовы ли они действовать «безо всякие проволоки по вашему образцовому писму ... не убавливая ничего». Если ответ будет отрицательным или комиссары будут тянуть с ответом, то следует прервать переговоры, казацкому посольству ехать на Украину, а «великим» послам — в Москву¹¹⁶. Этот документ говорит не только о твердой позиции, занятой правящими кругами в Москве, по

114 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 69–76.

115 Там же. Л. 81–82, 90–91.

116 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 109–116.

вопросу о принадлежности Украины. Он говорит также о том, что продолжению переговоров в Москве перестали придавать серьезное значение. События развивались в таком направлении, что все более становилось ясно, что спорные вопросы будут в ближайшее время решаться не за столом переговоров, а на поле боя.

Важнейшим событием, которое резко ухудшило международное положение России, стало заключение мирного договора между Речью Посполитой и Швецией. Переговоры о мире между Речью Посполитой, Австрией и Бранденбургом, с одной стороны, и Швецией, с другой, начались в январе 1660 г. под Гданьском в Оливском монастыре. Для участия в переговорах в Гданьск прибыл Ян Казимир со своим двором. Переговоры велись при посредничестве французского посла А. де Люмбра.

Швеция, столкнувшись с враждебной коалицией, утратив часть своих территорий на южном побережье Балтики, готова была удовлетвориться миром, который бы восстанавливал довоенное положение. Что касается Речи Посполитой, то следствием похода Хованского стало вопреки расчетам русских политиков стремление короля и сенаторов скорее заключить мирный договор¹¹⁷. Переговоры об условиях мира начались 26 января н. ст. Уже на первом этапе переговоров шведские политики дали понять, что готовы заключить мир и уступить Мальборк и Эльблонг, если Ян Казимир откажется от притязаний на шведский трон, а Речь Посполитая откажется от притязаний на Ливонию¹¹⁸. Ряд трудностей, правда, возник потому, что союзники Речи Посполитой — Австрия и Бранденбург — не были столь же заинтересованы в быстром заключении мира, как король и сенаторы. Устранению трудностей способствовала смерть короля Карла Густава, после чего в шведской политике окончательно возобладало стремление к миру. К 16 апреля н. ст. были урегулированы все спорные вопросы в отношениях между Речью Посполитой и Швецией¹¹⁹. Окончательный текст соглашения между Швецией и ее противниками был подписан ночью с 3 на 4 мая н. ст.¹²⁰.

В обмен на возвращение утраченных шведами земель в Померании Речь Посполитая получила обратно те прусские крепо-

117 *Kubala L. Wojny...* S. 278–279.

118 *Ibid.* S. 283.

119 *Ibid.* S. 322.

120 *Ibid.* S. 327.

сти, которые еще находились в руках шведов. Одно из условий договора предусматривало освобождение курляндского герцога и возвращение ему его княжества, которое к этому времени было почти полностью очищено от шведов. Важным новшеством был отказ Речи Посполитой по «вечному миру» от каких-либо притязаний на шведские владения в Ливонии. Интересы Русского государства это условие затрагивало тем, что по Оливскому миру признавались шведские права и на те шведские владения в Ливонии, которые в 1656–1657 гг. были заняты русскими войсками. Это, несомненно, должно было создать трудности для русских дипломатов на будущих мирных переговорах со Швецией. Но главное значение договора заключалось, конечно, в том, что освободившиеся военные силы теперь могли быть переброшены на восточный фронт.

Правящие круги Речи Посполитой решительно брали курс на большую войну с Россией. Соответствующие решения были приняты в Варшаве на собрании сената 4 июня н. ст. Участники собрания — литовские сенаторы добивались того, чтобы главные силы во главе с самим королем были направлены на земли Великого княжества Литовского, но возобладала иная точка зрения. Освободившаяся армия во главе с коронным польным гетманом Е. Любомирским должна была двинуться на Украину, вместе с ней 10/VII должен был двинуться сам король. Таким образом, главным театром военных действий должна была стать Украина. К литовской армии должна была присоединиться лишь стоявшая на Подляшье «дивизия» С. Чарнецкого¹²¹.

Помимо того, что выбор театра войны был определен силой влияния коронных магнатов, существенное значение имело то обстоятельство, что на этом театре войны польские войска могли рассчитывать на поддержку крымских татар. Договоренность с Крымом была легко достигнута¹²², но для начала масштабных военных действий польские военачальники должны были дожидаться прихода на Украину главных сил Орды, поэтому начать военную кампанию должна была северная армия.

Такое развитие событий вызывало беспокойство литовских политиков, входивших в состав делегации, направленной на пе-

121 Ibid. S. 342.

122 Подробнее об этом см. ниже.

реговоры с Россией, в особенности тех из них, чьи владения, как, например, у Е. Глебовича и К. Бжостовского, лежали в восточных областях Великого княжества, на Смоленщине и прилегающих к ней территориях. Эти люди пытались найти иной выход из сложившейся ситуации. К апрелю-маю 1660 г. относится ряд свидетельств о спорах между представителями Короны и Литвы в связи с подготовкой к мирным переговорам с русскими «великими» послами.

Ко второй половине апреля относятся записанные в полковой избе И.А. Хованского «расспросные речи» ксендза Кр. Казимира Хмелецкого. Он сообщал, что, если представители Короны не придадут значения тому, будет заключен мир или нет, то литовские комиссары («Глебович с товарищи») «на том меж себя присягали, что, не учиня доброго, с комиссии не ехать». В тех же «речах» указывается и причина, по которой представители Великого княжества хотели скорее заключить мир — это привело бы к прекращению войны и спасло бы от полного разорения страну¹²³. 28 апреля другой католический священник сообщал уже о спорах между самими литовскими комиссарами: если К. Завиша предлагал отложить переговоры до сентября, то Е. Глебович резко возражал, что к этому времени во владениях магнатов и шляхты не останется хлеба, который съедят «ратные люди»¹²⁴.

Если коронные магнаты стремились к войне, надеясь на татарскую помощь, то литовские политики не разделяли этих надежд. Мы хотим мира, «понеж нам те пасилки так страшны бусурманские», — писал В. Госевскому К. Бжостовский¹²⁵. От возобновления войны здесь ожидали лишь полного разорения страны. Войска обеих сторон «подлинно пуци имения наши не допустошонные разорят», — читаем в том же письме. Некоторые из комиссаров ради достижения мира готовы были пойти на серьезные уступки царю.

Так, в начале апреля один из русских гонцов «тайным обычаем» встречался с Е. Глебовичем и тот говорил ему, что он понимает, что у царя нет доверия к коронным магнатам. Поэтому он готов добиваться, чтобы в «поветах», которые царь уступит Речи

123 АМГ. Т. III. № 57. С. 64–65.

124 Там же. № 79/2. С. 80.

125 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 84–85.

Посполитой, «в замках бы были государевы осадные люди»¹²⁶. Как видно из письма К. Бжостовского В. Госевскому, литовские комиссары готовы были начать мирные переговоры без каких-либо гарантий взаимной безопасности, полагаясь лишь «на право всех народов»¹²⁷, согласно которому участники переговоров не могли подвергаться нападению. Программой-минимум для литовских представителей было заключение перемирия на время ведения переговоров¹²⁸.

Однако литовские политики не могли направлять события по своей воле. Они были не в состоянии противостоять давлению магнатов и шляхты Королевства, а жесткая позиция русской стороны не оставляла поля для маневра. 16 июня н. ст. К. Бжостовский в новом письме В. Госевскому сообщал, что нет никаких надежд на заключение мира. Русские, — писал он, — «никакой надежды опричь сабли не оставляют»¹²⁹. Когда на военном совете в Варшаве было принято решение о войне, настроение литовских политиков переменялось. На съезде, созванном для ратификации Оливского мира, представители Великого княжества на встрече с королем, а затем королевой 21 и 23 июня н. ст. добивались, чтобы король «in persona» отправился на войну в Литву¹³⁰. Тем самым при возобновлении войны на территорию Великого княжества Литовского были бы направлены главные военные силы Польско-Литовского государства.

Стремилось повлиять на события и литовское войско и стоявшие во главе его военачальники. И.А. Хованский был недалек от истины, сообщая царю, что литовское войско было недоволено тем, что постоянно несет службу, не получая жалованья. Положение усугублялось тем, что, даже используя силу, военным отрядам было трудно добывать средства на пропитание в разоренной долголетней войной стране. Недовольство провалилось в середине апреля 1660 г., когда большая часть войск, подчинявшихся гетману П. Сапеге, отказалась нести службу и организовала конфедерацию, во главе которой стал полковник

126 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 31.

127 Там же. № 3. Л. 93.

128 Там же. Л. 83.

129 Там же. № 6. Л. 113.

130 См. дневниковые записи одного из участников этих выступлений, Я.А. Храповицкого: *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. 1 (lata 1656–1664)*. Warszawa, 1978. S. 246–247.

С. Кмитич. Конфедераты отправили послов к королю и прimate В. Лещинскому с изложением своих требований¹³¹. Для нашей темы важно, что дело не ограничилось заявлением, что солдаты не в состоянии нести службу, не имея коней и снаряжения. К прimate послы конфедератов обратились с требованием «aby z Moskwą traktaty zawarto» (чтобы с Москвой были заключены соглашения)¹³². Вместе с тем, как видно из требований, адресованных королю, войско не отказывалось от участия в войне, но «przy osobie Jego Królewskiej Miłości z posilkami» (при особе Его королевской личности и с подкреплениями)¹³³. В книге А. Рахубы, специально посвященной в ее первой части изучению этой конфедерации, убедительно показано, что к такому выступлению побуждал литовское войско сам его командующий гетман Павел Сапега¹³⁴. Очевидно, подобно другим литовским политикам гетман отдавал предпочтение мирным переговорам и соглашению с Россией. От надежд на заключение мира гетман не отказывался и тогда, когда дело как будто окончательно пошло к войне. В руки «великих» послов попал текст письма гетмана, отправленного комиссарам из Заблудова 21 июня н. ст. В письме он выражал надежду, что после неудач армии И.А. Хованского под Ляховичами (о них см. ниже) русские представители проявят, наконец, склонность к заключению мира¹³⁵. Очевидно, именно надеясь на мир, П. Сапега еще в июне оттягивал начало военных действий, что вызывало острое недовольство офицеров дивизии Чарнецкого¹³⁶. Выступление войска должно было помочь гетману добиться нужных политических решений. На выступление конфедератов король реагировал остро, обсуждался даже вопрос о карательной экспедиции против них¹³⁷, но к июню конфликт был улажен. Даже не получив достаточных средств на содержание, войско вернулось на службу, дав согласие участвовать

131 *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska...* S. 61–63.

132 *Ibid.* S. 67.

133 См. запись о требованиях конфедератов в дневнике Я.А. Храповицкого, приятеля Кмитича: *Chrapowicki J.A. Diariusz...* Cz. 1. S. 236.

134 *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska...* S. 65–66.

135 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 288–289.

136 *Pasek J. Pamiętniki. Wrocław etc., 1979.* S. 133.

137 *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska...* S. 69.

в походе совместно с дивизией Чарнецкого¹³⁸. Преодолению разногласий способствовало обещание Яна Казимира лично участвовать в войне на территории Великого княжества Литовского и привести туда коронные войска¹³⁹. Впрочем, это обещание так и не было выполнено.

В какой мере русская сторона представляла себе все эти важные перемены, насколько полно она была о них информирована?

Несомненно, царя и его советников должен был интересовать исход польско-шведских переговоров под Гданьском.

Одним из источников информации для русского правительства служили расспросы иностранных купцов в пограничных городах и тексты «курантов», которые те привозили с собой. Ряд таких расспросов и «курантов» сохранился в отписках новгородских воевод. По преимуществу это были записи слухов, достоверность которых, вероятно, вызывала обоснованные сомнения. Так, в одной из отписок говорилось о том, что положение шведов улучшилось, так как им на помощь пришло вторгшееся во владения императора французское войско, так как Людовик XIV хочет «царя с коруны ссадить»¹⁴⁰, а 5 апреля в Новгороде записаны сообщения, что между Речью Посполитой и Швецией заключен не только мир, но и союз против России¹⁴¹.

Первые сообщения о заключении мира встречаются здесь лишь в тексте «курантов», где читаем, что сообщение о мире пришло в Гамбург 28 мая¹⁴². Соответственно сами «куранты» были составлены после этой даты и еще позже попали в Россию. Лишь грамотой от 29 августа 1660 г. губернатор «над Ижерскою землею» официально известил новгородского воеводу о заключении мира между Швецией и противниками¹⁴³.

Другим возможным источником информации могли быть сведения, собранные находившимися в Борисове «великими» послами. Однако знакомство с большим количеством донесений, направлявшихся в течение весны 1660 г. из Борисова в Москву,

138 Ibid. S. 76–77.

139 Kersten A. Stefan Czarnecki (1599–1665). Warszawa, 1965. S. 421; Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska... S. 79.

140 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 10.

141 Там же. Л. 61.

142 Там же. Л. 69.

143 Там же. Л. 115 и сл.

показывает, что долгое время «великие» послы не располагали какими-либо сведениями о польско-шведских переговорах. Отправляя 25 апреля к комиссарам гонца С. Зеленого, ему поручали выяснить, «комиссия у поляков с шведы о миру идет ли или кончилась, и что на той комиссии поляки с шведы учинили?»¹⁴⁴. Но к концу месяца картина переменялась. Приехавший к послам 27 апреля гонец Л. Путилов сообщил, что Е. Глебович и К. Завиша «сказывали ему... комиссия, де, у них с шведы кончилась». Но, как осторожно отметил гонец, от других он об этом не слышал¹⁴⁵. Тогда же о заключении мира без каких-либо подробностей писал послам и И.А. Хованский¹⁴⁶.

30 апреля посланцы комиссаров М. Вержбовский и И. Комар уже официально сообщили о заключении мира, который предусматривал уход шведов из Мальборка и Эльблонга и освобождение курляндского герцога¹⁴⁷. Все эти сведения попали в Москву уже в мае.

Еще одним и важным источником информации для правительства были, конечно, сообщения А.Л. Ордина-Нащокина. Он гораздо раньше, чем «великие» послы, сумел получить сведения о том, как развиваются польско-шведские переговоры. Информатором дипломата стал Богуслав Радзивилл, который переписывался с наместником ливонских городов как наместник бранденбургского курфюрста в Восточной Пруссии. Богуслав Радзивилл имел основания испытывать также личную признательность к А.Л. Ордину-Нащокину. Если И.А. Хованский во время похода на Подляшье разорил его владения Орле и Заблудово, то владения, лежавшие близко от наместничества Ордина-Нащокина, не пострадали, и наместник Царевичева Дмитриева даже сделал «указ крепкий», «чтоб не разорены были»¹⁴⁸. О переговорах под Гданьском он сообщал своему корреспонденту, что «меж поляки и шведы подлинной покои будет» и смерть Карла Густава будет способствовать быстрому заключению соглашения¹⁴⁹. От Б. Радзивилла он получил и о «вестях многих

144 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 173.

145 Там же. Л. 195об.

146 Там же. Л. 188.

147 Там же. Л. 214–219.

148 Б. Радзивилл — А.Л. Ордину-Нащокину 22 марта 1660 г. Кенигсберг // РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 185.

149 Там же. Л. 186.

печатную тетрадь», в которой говорилось, что «договор (между поляками и шведами. — Б.Ф.), слава богу, вперед идет, а что у шведа до Курляндской земли дела нет, а о Ливонской земле еще договариваюцца, а что господа шведы, хотя не все, ино немного, чают, поступятца». Мир будет скоро заключен, так как «королева польская о том гораздо тружаетца у французского посла»¹⁵⁰ — посредника на мирных переговорах. В начале апреля все эти сообщения были доставлены в Москву и переведены в Посольском приказе.

О содержании готовившихся мирных соглашений А.Л. Ордин-Нащокин имел достаточно точное представление, но оценивал их, прежде всего, как русский представитель на мирных переговорах со шведами. Он с явным удовлетворением писал царю, что «ищут шведы, чтобы со всеми государствы мир учинить и прежние взятые земли все уступают». Из этого следовал вывод, что и с Россией шведы будут искать мира¹⁵¹. Какими опасностями чревато было для России заключение мира, над этим он в тот момент не задумывался. О самом заключении мира он узнал с явным запозданием — из грамоты участника переговоров, канцлера курляндского герцога М. Фелькерзама, доставленной ему 11 мая. Когда 28 мая этот документ попал в Москву, данное сообщение уже не было для русских новостью.

Параллельно с сообщениями о ходе и результатах переговоров под Гданьском в Москву поступали сведения о положении в приграничной полосе, анализ которых мог пролить также какой-то свет на намерения польской стороны, а затем и прямые свидетельства о том, какую политику по отношению к России намерены проводить правящие круги Речи Посполитой после заключения мира со Швецией.

Когда в начале марта 1660 г. главная русская военная сила на территории Великого княжества Литовского — армия И.А. Хованского двинулась к Ляховичам, то это решение во многом определялось тем, что в юго-западной части Великого княжества Литовского русская власть все еще была недостаточно прочной. Дело было не только в том, что здесь находились крепости — Ляховичи, Слуцк и Несвиж, не подчинявшиеся русской власти. На этой территории ходили крупные отряды так

150 Там же. Л. 163–164.

151 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 254.

называемых «волонтеров», людей, не входивших в состав регулярной армии Речи Посполитой, которые вели войну с русской властью на свой страх и риск. Состав этих отрядов, которые возглавляли мозырский земский судья С. Оскерко и полковник Д. Мурашко, был достаточно пестрым. В него входили и не признававшие русской власти шляхтичи, и занесенные войной на эти земли запорожские казаки, и разоренные той же войной крестьяне. Размер этого войска был довольно значительным. По сообщениям захваченных пленных, весной 1660 г. в нем насчитывалось «шляхты и казаков 12 хорунго да пехоты 2 хорунги, а под хорунгою, де, было человек по 50 и по 60»¹⁵². Отряды эти разоряли имения «присяжной шляхты» в районе Несвижа и Мира, отдельные отряды появлялись и под Минском, хотя их пытались задерживать на переправах через Неман¹⁵³. С приходом армии Хованского эти отряды оказались в опасном положении. 3 апреля они потерпели поражение в бою с войсками Хованского у с. Романова в районе Слуцка. Оскерко и Мурашко скрылись в Слуцке. Их обоз попал в руки победителей, а «челядь, которая у обозу была, всех побили»¹⁵⁴.

Однако главной целью похода были Ляховичи, где находилось много имущества, принадлежавшего П. Сапеге, и скрывалось большое количество шляхты, не признававшей русской власти. И.А. Хованский рассчитывал, что он скоро овладеет этим городом. Он был способным полевым командиром, но ни он, ни другие военачальники не обладали опытом осады и штурма сильно укрепленных крепостей, а гарнизон и жители Ляхович сражались с мужеством отчаяния. Попытка с ходу взять город штурмом 25 марта была отбита. Пришлось перейти к правильной осаде, подвезти в военный лагерь артиллерию. Армия Хованского надолго задержалась под Ляховичами¹⁵⁵. Уход главных русских военных сил на юг привел к ухудшению положения на землях Великого княжества Литовского, граничивших с Же-

152 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 88.

153 См. отписки «великим» послам полковника Ф. Слонского (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 21–22), минского воеводы П. Воейкова (Там же. Л. 25).

154 Отписка «великих» послов царю от 12 апреля 1660 г. (Там же. Л. 83–84).

155 Об осаде Ляховичей см.: Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 31–32; Kossarzecki K. Kampania... S. 162 i n.

майтией и Подляшьем, где стали появляться все более крупные отряды польско-литовских войск, освобождавшихся по окончании военных действий со шведами. Напряжение стало нарастать к концу апреля.

В отписке, доставленной в Москву 6 мая, виленский воевода кн. Д. Мышецкий с тревогой сообщал, что находившееся под Бовском в Курляндии литовское войско во главе с М. Пацем вернулось в Жемайтию. В Вилькомире и в Кейданах собираются отряды, «а в Виленское и Троцкое воеводство приезжая, ... хлебные и денежные доходы на себя собирают, верст за 30 и менши от Вильно»¹⁵⁶. 29 апреля один из отрядов Паца во главе с полковником Сесицким совершил нападение на саму столицу Великого княжества. Отряд пришел к городу «по присылке виленской присяжной шляхты» и мещан, которые помогали выламывать городские ворота. Был захвачен т. н. «большой город», в котором был перебит русский гарнизон. Высланные из главной крепости — «замка» — войска вели бой полдня и выбили противника из города, но литовское войско лишь отступило от города и стало в миле от него по Ковенской дороге. Д. Мышецкий с тревогой сообщал «великим» послам, что, судя по показаниям пленных, к городу вскоре подойдет М. Пац с «большими людьми». Д. Мышецкий жаловался послам, что И.А. Хованский, несмотря на неоднократные обращения к нему, не вернул полк Кунингама, который забрал с собой «без указа», и заявляет, что «Вильна, де, у него за хрептом»¹⁵⁷.

Внимание самого Хованского привлекало к себе Подляшье, где за Бугом стояли войска Х. Полубенского и С. Чарнецкого. В отписке, доставленной «великим» послам 27 апреля, он сообщал, что их передовые отряды переходят Западный Буг и напали на русских ратных людей, собиравших хлеб в Волковыском повете¹⁵⁸. Один из «подъездов», посланных С. Чарнецким, захватил Волковыск и взял в плен воеводу Челищева¹⁵⁹. И.А. Хованский выслал на Буг К. Нащокина с 9 ротами рейтар и полк

156 АМГ. Т. III. № 55/IV. С. 62.

157 См. отписку Д. Мышецкого «великим» послам: РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 133–137; см. также «расспросные речи» доставивших отписку «луцких казаков» (Там же. Л. 142–145).

158 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 188.

159 *Chrapowicki J.A. Diariusz... Cz. 1. S. 238.* Гонец комиссаров Речи Посполитой И. Комар предлагал обменять Челищева на польских пленных у Хованского (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 251).

«присяжной полоцкой шляхты»¹⁶⁰, но столкновения на этот раз не произошло, отряд возвратился, нигде не встретив противника¹⁶¹. Такой рейд, конечно, не мог разрядить обстановку. Собравшиеся на Подляшье отряды «волонтеров» во главе с С. Русецким 1 мая заняли Брест и осадили замок¹⁶².

На Подляшье в связи с образованием «конфедерации» во главе с С. Кмитичем, а затем с отъездом главных военачальников польско-литовского войска на «военную раду» в Варшаву в военных действиях наступил перерыв, но на Виленщине положение продолжало осложняться. Вильно практически оказалось в блокаде. Как сообщал Д. Мышецкий «великим» послам, после нападения 29 апреля «для хлебных запасов и конских кормов из города никуда отъехать и лошадей и животины на пазбу выпустить не дадут и мужиков из уезда ни с какими запасы в Вильну не пропускают». Войска Сесицкого перерезали дороги между Полоцком и Вильно, не пропуская из Полоцка в Вильно и в армию И.А. Хованского продовольствие и «пороховую и фитильную казну». Под Вильно приходили все новые военные отряды¹⁶³. В западных поветах Великого княжества Литовского, еще находившихся под русской властью (Ковенском, Ошмянском) публично читали универсалы Яна Казимира о созыве «посполитого рушенья»¹⁶⁴. Эти универсалы оказывали свое действие. Шляхта Ошмянского повета во главе с «судьей» Яном Корейвой побила солдат, стоявших «на залогах» на территории повета, а пленных отослала к гетману П. Сапеге. 31 мая перебежчик сообщил, что «ссылались... присяжная шляхта всех поветов, что стоять против великого государя ратных людей всем заодно». Виленский воевода с тревогой писал великим послам, что на его неоднократные обращения Хованский не реагирует¹⁶⁵. Воевода отправил гонца К. Яковлева с просьбой о помощи к самому царю, но тот был взят в плен солдатами М. Паца.

И.А. Хованский сосредоточил все силы на осаде Ляховичей.

160 См. сообщения «великим» послам гонца от И.А. Хованского Я. Путилова (27 апреля): РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 195–196.

161 Там же. № 3. Л. 129–130.

162 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 33.

163 См. отписки Д. Мышецкого «великим» послам: РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 43–45; № 3. Л. 264–266.

164 Там же. Л. 47–51.

165 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 335–339.

Был организован регулярный обстрел крепости, и русским пушкарям удалось поджечь деревянные строения в замке. 15 мая воевода бросил все имевшиеся у него силы на новый штурм города, но он был отбит с большими потерями для осаждавших¹⁶⁶. Как сообщал Д. Мышецкому участник штурма полковник Василий Кунингам, на приступе «начальных людей полковников и подполковников и ротмистров и капитанов и иных начальных людей побили и переранили многих»¹⁶⁷.

Одновременно стало осложняться положение на границе с Запорожским Войском. Здесь все сильнее обрисовывалась перспектива враждебного вмешательства такой влиятельной силы, как Крымское ханство. Враждебная позиция Крыма была в Москве хорошо известна, и здесь даже не пытались предотвратить угрозу средствами дипломатии. Лишь зимой 1660/1 г. была предпринята попытка добиться какого-то соглашения с ханством¹⁶⁸.

Еще 1 марта кн. Г. Козловский сообщал из Умани, что «блиско черкасских городов поляков и татар в сборе нигде нет»¹⁶⁹, но в дальнейшем положение стало осложняться. Постепенное нарастание опасности исследователи характеризовали преимущественно на основе отписок русских воевод, В.Б. Шереметева и Г. Козловского, напечатанных в III томе «Актов Московского государства»¹⁷⁰. В настоящее время круг источников может быть существенно расширен за счет привлечения текстов универсалов гетмана Ю. Хмельницкого и писем украинским послам, которые (в переводах) сохранились среди материалов русско-польских переговоров 1660 г.

Уже в середине апреля положение было признано столь серьезным, что была начата мобилизация войска после получения сообщений лазутчиков, «что подлинно ляхи с ордой... на свята

166 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 33; *Kossarzecki K. Kampania...* S. 175.

167 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 45. Отсылка в Вильно в конце мая полка Кунингама была единственной мерой, которую И.А. Хованский предпринял, чтобы помочь русскому гарнизону в Вильно.

168 Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 40–41.

169 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 7. СПб., 1872. С. 319.

170 См.: Яковлева Т. Руїна... С. 65–66.

имеют на нас всеми силами наступати»¹⁷¹. Несколько дней спустя даже Нежинский полк получил приказ перейти на другой берег Днепра¹⁷². В конце апреля под Уманью появились первые татарские «загоны». Захваченные пленные сообщили, что высланный на помощь полякам нурадин (третье лицо в ханстве) стоит с 10-тысячным войском у Белгорода Днестровского и выясняет, где ему с польскими войсками «соитиитца»¹⁷³. В середине мая татарские «загоны» появились под Чигирином и «многих людей побрали». От пленных языков были получены сведения, что орда выступила из Крыма, а на Дунае стоят идущие ей на помощь османские войска. К этому времени мобилизация казачьего войска закончилась, полки во главе с гетманом собрались в Белой Церкви¹⁷⁴. 31 мая гетман с беспокойством писал послам, что на границе собираются польские войска, которые, «сослався с ордами, усматривают места и времени в которые бы на Украинну (!) ударить». Поэтому гетман направил несколько полков к Острогу, чтобы неприятелю «дорогу заступить»¹⁷⁵. Казачьи полки заняли Корец и подступили к Острогу. Пленные, взятые казаками Миргородского полка, сообщили, что к Выговскому прибыли послы от хана с сообщением, что он выступает в поход¹⁷⁶. На Волыни фактически началась война, вырисовывалась перспектива конфликта Запорожского Войска с соединенными силами Речи Посполитой и орды. В июне татарские «загоны» появились у многих городов Правобережной Украины.

Сами по себе действия, разворачивавшиеся на западной границе России, были уже тревожным сигналом, но правительство Алексея Михайловича располагало и сообщениями о военно-

171 См. универсал Ю. Хмельницкого от 18 апреля 1660 г. (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 100).

172 Универсал Ю. Хмельницкого от 23 апреля // Там же. Л. 102).

173 Отписка В.Б. Шереметева «великим» послам (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 175), расспросные речи пленных татар от 1 мая (Там же. Л. 178).

174 См. письмо сотника Вас. Омеляненко полковнику В.Н. Золотаренко. Чигирин, 18 мая 1660 г. (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 169–171).

175 См. письмо Ю. Хмельницкого казачьим послам (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 289–291).

176 См. отписку В.Б. Шереметева «великим» послам (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 176), расспросные речи пленного поляка (Там же. Л. 184–185).

политических планах правящих кругов Речи Посполитой, которые стояли за этими действиями. Сведения об этих планах поступали в Москву с конца апреля, прежде всего от кн. И.А. Хованского. 30 апреля в Москву пришла его отписка с записью рассказов его осведомителя — ксендза Кшиштофа Казимира Хмелецкого. Он сообщал, что освободившаяся после прекращения военных действий армия во главе с Е. Любомирским будет направлена на Украину, а войска Чарнецкого и Полубенского предпримут поход в Великое княжество Литовское, «не занимая Могилева и Полоцка», чтобы отрезать находящиеся там русские войска от армии Хованского¹⁷⁷.

28 апреля И.А. Хованский получил одновременно два важных сообщения. Посланец Б. Радзивилла М. Поремский сообщил, что в Речи Посполитой уже принято решение о войне с Россией. «Некоторые, де им, государства, — говорил посланец, — так не грубны, что государство Московское, ... хотят промысл чинить, а перемирья не додержать». Переговоры продолжают только для того, чтобы выиграть время для сбора войска, так как объявлен сбор дворянского ополчения — «посполитого рушения»¹⁷⁸. В тот же день другой осведомитель И.А. Хованского — ксендз Августин Завлоцкий также сообщил, что переговоры будут вестись, пока не закончится сбор войска для похода на Россию¹⁷⁹.

Как оценивал положение сам И.А. Хованский, можно заключить по его отписке «великим» послам, доставленной им 27 апреля гонцом Я. Путиловым. Он сообщал послам, что армия Любомирского направляется на Украину, а на границе с Великим княжеством Литовским готовятся к походу войска Чарнецкого, Полубенского и Павла Сапеги, к ним должно присоединиться «пруское войско» во главе с Б. Радзивиллом и литовское войско во главе с М. Пацем из Курляндии. «Комиссаром корунным» король велел затягивать переговоры, пока все эти войска не соединятся. «И хотят, — писал Хованский, — итить большим собраньем против нас». Он предостерегал послов, что они могут подвергнуться внезапному нападению вражеских войск¹⁸⁰. Остается загадкой, почему, оценивая так положение, этот военачальник продолжал

177 АМГ. Т. III. № 57. С. 63.

178 Там же. № 79/III. С. 81–82.

179 Там же. № 79/II. С. 81.

180 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 5. Л. 188–189об.

вплоть до июня месяца стоять под Ляховичами, не предпринимая каких-либо попыток помешать концентрации вражеских войск.

Таковыми сведениями о планах правящих кругов Речи Посполитой, как И.А. Хованский, «великие» послы не располагали, но то, что они знали, не расходилось с его оценками. В то самое время, когда Хованский направлял им упомянутую выше отписку, «великие» послы сообщали Хованскому, что представители комиссаров заявляют, что король будет «отыскивать» города, занятые воеводой во время зимнего похода, и пошлет «на выручку» к Ляховичам¹⁸¹.

В дальнейшем сообщения, подобные сообщениям Хованского, стали посылать в Москву и «великие» послы. 14 мая казацкие послы передали Н.И. Одоевскому перехваченный «лист», отправленный 26 апреля н. ст. из Слуцка в Бобруйск. В письме говорилось, что после заключения мира Ян Казимир взял к себе на службу 8 тыс. «свеиского войска огнистого». Все коронные войска идут на Украину, где соединятся с Ордой, а войска П. Сапеги и С. Чарнецкого пойдут «на выручку к Ляховичам». Автор письма Ян Казимир Селицкий выражал надежду, что «наши скоро Николу Можайского на столице поселят»¹⁸².

В мае «великие» послы получили ряд аналогичных сообщений с теми существенными уточнениями, что Ян Казимир уже зимой заключил союз с ханом, его передовые отряды уже прибыли на Украину, а «самово хана ожидают же»¹⁸³. 30–31 мая Хованский сообщал послам, что ожидает нападения литовских войск, «как придут из Варшавы гетман (имеется в виду П. Сапега. — Б.Ф.) и Чарнецкой». «А чаять, господа, — писал он, — и у вас посольскому съезду одва состатца»¹⁸⁴.

Какие же меры были предприняты в этой чреватой опасными последствиями ситуации для усиления армии Хованского? После получения известия о взятии Бреста к Хованскому были отправлены элитные части — три приказа московских стрельцов. В конце марта — апреле был сформирован полк из гарнизонов Смоленска, Витебска, Могилева и Старого Быхова во главе

181 Там же. Л. 171.

182 Там же. № 3. Л. 106а–108.

183 Там же. Л. 150–153 («речи» шляхтича Яна Скоковского, 18 мая); Л. 173–176 («речи» шляхтича Яна Волчанского, 25 мая).

184 Там же. Л. 327.

с воеводой С. Змеевым¹⁸⁵. Как видим, подкрепления набирались из состава войск, уже находившихся на территории Великого княжества Литовского. Отписки послов показывают, как двигались эти войска к театру военных действий. 29 апреля полк С. Змеева выступил из Могилева¹⁸⁶, 13 мая он перешел Березину¹⁸⁷, 19 мая находился в районе Минска¹⁸⁸ и лишь к 27 мая он пришел в военный лагерь у Ляховичей¹⁸⁹. Таким образом, путь полка С. Змеева от Могилева до Ляховичей занял около месяца. Гонец Василий Нечаев 6 мая сообщал «великим» послам, что к Хованскому прибыл 5-тысячный отряд «черкас», которым тот велел «стать своим обозом от Ляхович за сорок верст»¹⁹⁰. Это были казаки Нежинского полка¹⁹¹. Все эти подкрепления были посланы, конечно, еще до получения 30 апреля первых тревожных сообщений от И.А. Хованского.

Реакцией на них стал первый важный шаг. 6 мая к В.Б. Шереметеву в Киев был направлен М. Головин с «наказом», в котором говорилось, что он должен направить на север полк Д. Крафферта — в Смоленск, а полки Е. Франзбекова, А. Гамильтона, К. Яндера в судах по Днепру в Могилев (или Быхов). Эти три полка должны были стать под начальство кн. С.А. Хованского и присоединиться к армии его брата¹⁹². 23 мая С.А. Хованский получил наказ и списки ратных людей своего полка¹⁹³. Отвечая на предписания царя, в начале июня В.Б. Шереметев просил оставить в его распоряжении полк Д. Крафферта, а другие полки он выражал готовность отпустить к И.А. Хованскому «с киевской пристани»¹⁹⁴. Сложность, однако, состояла в том, что суда, на которых следовало отправить эти полки, должны были прибыть из Смоленска с подкреплениями для армии В.Б. Шереметева. К тому времени, когда разразилась битва при Полонке, они, как увидим далее, еще не отбыли из Смоленска.

185 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 33.

186 АМГ. Т. III. № 61/IV. С. 69.

187 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 24–25.

188 Там же. Л. 145.

189 АМГ. Т. III. № 61/IV. С. 69.

190 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 131.

191 См. сообщение В.Н. Золотаренко «великим» послам об участии казаков его полка в битве при Полонке: Там же. Л. 363.

192 РГАДА. Ф. 27. № 92а, Л. 37–38. О дате «наказа» см.: Там же. Л. 161.

193 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 33.

194 РГАДА. Ф. 27. № 92а. Л. 113–114.

Было также принято решение направить на помощь И.А. Хованскому Черниговский и Нежинский полки¹⁹⁵, но и эти полки не подошли к Хованскому в нужное время. 2 июля 1660 г. черниговский полковник Аникей Силич, дошедший до Бобруйска, тщетно пытался узнать у «великих» послов, где находится армия Хованского¹⁹⁶.

Таким образом, определенные меры (хотя ряд из них и запоздал) были приняты, но они явно не отвечали серьезности положения. Речь шла, главным образом, о перетасовке тех сил, которые уже находились в приграничной полосе, а не о пополнении их новыми крупными контингентами. Не было предпринято никаких чрезвычайных мер для мобилизации всех людских и материальных резервов. Такое спокойное отношение царя и его советников к происходящему лишь отчасти можно объяснить некоторыми особенностями поступавшей к ним информации. Так, наряду с сообщениями о выдвигавшихся в Речи Посполитой военных планах, в Москву поступали и сообщения о противодействии этим планам со стороны литовских политиков (в иной связи эти сообщения уже затрагивались выше). Так, ксендз Кшиштоф Казимир Хмелецкий, сообщая Хованскому о планах войны с Россией и связывая их с инициативой коронных политиков, одновременно заверял, что литовские сенаторы, если по вине коронных политиков переговоры будут прерваны, якобы «станут милосердия просить у великого государя о себе, чтоб под его высокою самодержавною рукою в вечном подданстве-быть со всем Великим княжеством Литовским»¹⁹⁷. В мае в Москву стали поступать «вести» о «конфедерации» в литовском войске, которое отказывается идти на службу, не получая жалованья. Задержанный 11 мая гонец, ездивший к Полубенскому из Слуцка, сообщал, что военные, если не получают жалованья, «с корунными гетманы, с Чернецким хотят битца, а з бою хотят со всем литовским войском быть в подданстве у великого государя». Король посылает против них крымских татар, чтобы «желнырей всех выстинать (порубить)»¹⁹⁸. В этих сообщениях имевшие место разногласия

195 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 33.

196 АМГ. Т. III. № 119. С. 114.

197 Там же. № 57. С. 64.

198 Отписка И.А. Хованского от 11 мая (АМГ. Т. III. № 86/II. С. 85); расспросные речи пленного гонца (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 181).

выступали в преувеличенном, гипертрофированном виде. Ни литовские сенаторы не собирались переходить под власть царя, ни литовское войско переходить на русскую службу. Слухи, что конфедераты хотят служить царю, намеренно распространялись их политическими противниками.

В июне стало ясно, что все эти конфликты в прошлом и не помешают Речи Посполитой вести войну¹⁹⁹. Однако это не заставило русское правительство принять какие-то экстренные меры для усиления армии. Царь и его советники считали, что сил, имеющихся в распоряжении Хованского, вполне достаточно, чтобы нанести поражение противостоящей ему вражеской армии. Лучше, чем что-либо другое, об этом свидетельствует важный шаг, предпринятый в Москве в конце июня 1660 г. 22 июня 1660 г. стольник Василий Кикин был отправлен к Хованскому с важными указаниями царя. На значение этого документа для понимания военно-политических планов русского правительства справедливо указал О.А. Курбатов²⁰⁰.

Предписания включали целый ряд конкретных указаний. Воевода должен был прервать безуспешную осаду Ляховичей, «чтоб неприятеля не дождатца, что и под Конотопом все извязли под городом». Обеспокоенный бездеятельностью командующего Алексей Михайлович предписывал своему посланцу «говорить о промысле над поляки и литвою, чтоб им не дал обратца»²⁰¹. В инструкциях царя излагался также план военной кампании, в которой армия Хованского должна была сыграть главную роль. После прихода к нему Нежинского и Черниговского полков он в июле должен был «итить в войну на их польские обозы и, смотря по тамошнему делу, и до Аршавы». Из похода войско должно было вернуться к 8 сентября. Воеводе предписывалось «под крепкими городами не стоять», какое-либо занятие новых территорий не предусматривалось, а захваченное население следовало «гнать... в Московское государство со всеми их животы, и скотом, и хлебом»²⁰². Такое планомерное опустошение враже-

199 Так, 13 июня смоленский воевода И.Б. Репнин сообщал «великим» послам, что П. Сапега «с королем в недружбе и барзо есть противен королю» Кмитич, но Чарнецкий добился того, что они подчинились королю (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 8. Л. 196).

200 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 34.

201 РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 88.

202 Там же. Л. 51–55.

ской страны, очевидно, должно было заставить ее согласиться на условия мира, продиктованные в Москве. Продолжению мирных переговоров уже не придавали никакого значения. Документ с изложением условий мира был послан с В. Кикиным не «великим» послам, а Хованскому.

В случае, если бы поход увенчался полным успехом, следовало заключить «вечный» мир, по которому к Русскому государству были бы присоединены Смоленщина, Белая Россия по «Березу реку», Малая Россия и Великое княжество Литовское. Речь Посполитая должна была, очевидно, выплатить также компенсацию за «подъем» и «убытки», так как в наказе предписывалось обратиться к рассмотрению этой темы лишь после решения всех других вопросов. «По самой по конечной мере», если дела пошли бы не так хорошо, как хотелось, Хованский мог бы подписать соглашение, по которому Великое княжество Литовское перешло бы под власть царя лишь на время — 40, 30 или 25 лет²⁰³.

Разбор этих документов показывает, как царь и его советники оценивали сложившееся положение. Хотя они знали, что Польско-Литовское государство готовится к войне и литовское войско усилено пришедшим из Польши корпусом С. Чарнецкого, здесь полагали, что положение не требует каких-либо чрезвычайных мер и сил, находящихся в распоряжении Хованского, вполне достаточно, чтобы нанести поражение противнику и продиктовать ему условия мира. Сходным образом оценивал положение и А.Л. Ордин-Нащокин. Сообщая царю о выступлении С. Змеева в поход на помощь Хованскому, он писал: «И в Литве, государь, большие страхи, негде детца». «Не дать бы, государь, — обращался он к царю, — Литве ослабы ни мало, а без Вилна николи в справу Литва не придет, всегда будут Великои Росии покорны». Он даже не исключал, что послы Речи Посполитой и без войны согласятся на мир, по которому Великое княжество Литовское останется под властью царя. «А те оба ближние и явные недруги, поляки и шведы, — писал он царю, — в великом ныне бессилье и в упатке», поэтому следует «мир с ними чинить промыслом, за чем бы им вперед в силу прийти не мочно»²⁰⁴.

203 Там же. Л. 245–252.

204 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 289 и сл. (Отписка получена Приказом Тайных дел 16 мая).

Как показывает ход последующих событий, и царь и его советники в Москве, и А.Л. Ордин-Нащокин в Царевичеве Дмитриеве явно переоценивали возможности армии Хованского и явно недооценивали возможности противника.

План действий, намеченный в решениях «военной рады» в Варшаве, к середине июня 1660 г. начал выполняться. Войска П. Сапеги и С. Чарнецкого, вступив на контролируемую русскими войсками территорию, 13–14 июня соединились в районе Слонима. Город был занят, находившиеся в нем русские отряды разбиты. 17 июня И.А. Хованский, оставив в лагере под Ляховичами часть пехоты, обоз и артиллерию, двинулся навстречу противнику. К его армии успел присоединиться подошедший из-под Несвижа полк С. Змеева²⁰⁵. Выступая в поход, он нашел нужным уведомить о происходящем «великих» послов. «Князь Никита Иванович, — писал он Н.И. Одоевскому, — бога ради берегитесь, идут на вас люди из Жмоиди, а на нас уже пришли Чернецкой с товарищи, а посольству у вас никак не статца, обманывают. Не покручиньтесь, что коротко написал, и многое было писать, да неколи, пошел против неприятеля. Ивашко Хованский челом бьет. Бога ради, берегитесь»²⁰⁶.

Как показал исследователь военной деятельности И.А. Хованского О.А. Курбатов, этот способный военачальник неоднократно добивался успеха, благодаря быстрым переходам и внезапному нападению на противника²⁰⁷, но в новой военной кампании он столкнулся в лице С. Чарнецкого с мастером, не уступавшим ему в ведении такого рода войны. По подсчетам О.А. Курбатова, русская армия по численности конницы уступала польско-литовской²⁰⁸ и этот недостаток не уравновешивался с русской стороны силой артиллерийского огня. В сражении, развернувшемся 18 июня на реке Полонке, армия Хованского была разбита²⁰⁹. Остатки разбитой армии во главе с самим И.А. Хованским отступили к Полоцку, часть войск (в их числе солдаты полка С. Змеева) — к Борисову²¹⁰. О размерах понесенной неудачи послы узнали 21 июня от посланцев И.А. Хованского. Воевода сообщал, что уничтожена вся пехота, погиб-

205 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 36.

206 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 250.

207 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 35.

208 Там же.

209 Там же. С. 37–38; Kossarzecki K. Kampania... S. 211 i n.

210 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 6. Л. 309, 315.

ли многие «сотенные люди» — командиры дворянских сотен, попал в плен один из воевод, кн. С. Щербатый. Письмо Хованского заканчивалось словами: «и надежды б от польских и литовских людей в обороне на меня не имели, потому что люди разбиты»²¹¹.

Еще до получения этой отписки «великие» послы покинули Борисов, так как «город худ и тесен и к осадному времени не крепок»²¹². Послы направились в Смоленск. По дороге в Копыси их покинули 23 июня казацкие послы. В.Н. Золотаренко торопился в Нежин, опасаясь нападения польско-литовских войск на его полк²¹³. Мирные переговоры были прерваны. Послы прибыли в Смоленск 27 июня²¹⁴. В тот же день в Смоленск приехал с «тайным наказом» Василий Кикин, который на месте убедился, что «те дела ныне минулися и ехать ему не для чево»²¹⁵.

После выигранного сражения польско-литовская армия двинулась к Ляховичам. Город был освобожден от осады, военный лагерь вместе с артиллерией, продовольствием и денежной казной попал в руки победителей²¹⁶. Польско-литовская армия двинулась к Минску, где находились королевские комиссары. Московский воевода П. Воейков покинул город и он был занят без сопротивления 3 июля н. ст.²¹⁷. Здесь было принято решение идти к Березине. В середине июля н. ст. войска С. Чарнецкого и Х. Полубенского осадили Борисов²¹⁸. Осада продолжалась около трех недель. Стоявшие в районе Борисова войска высылали через Березину военные отряды, доходившие до Западной Двины. В Витебском, Могилевском и Оршанском уездах появились «залоги» из войска П. Сапеги для сбора продовольствия²¹⁹. Войска П. Сапеги заняли Оршу, Шклов, Копысь, тем самым для русских

211 Там же. Л. 318.

212 Там же. Л. 310.

213 Там же. № 3. Л. 345.

214 Там же. № 6. Л. 360.

215 Там же. Л. 367–369.

216 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 38.

217 Kersten A. Stefan Czarnecki... S. 425; РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 383; Л. 329 и сл.

218 Kersten A. Stefan Czarnecki... S. 427.

219 Ibid.; АМГ. Т. III. № 135. С. 123 (запись показаний захваченных «языков» из полка П. Сапеги).

войск оказался закрыт путь в «черкасские города»²²⁰, что, как увидим далее, создало серьезные трудности для проведения военной кампании на Украине.

Таким образом, на территории Великого княжества Литовского русская армия понесла серьезное поражение и его последствия оказались значительными. Русское правительство утратило власть над Литвой и Западной Белоруссией, польско-литовские войска появились и на землях Восточной Белоруссии. Правда, в таких крепостях как Брест, Вильно, Гродно, Ковно оставались русские гарнизоны, но они оказались теперь в глубоком тылу польско-литовской армии и русские военачальники не могли оказать им реальной помощи. Великое княжество Литовское, вернув себе значительную часть утраченных в 1654–1655 гг. территорий, переставало быть тем бессильным политическим партнером России, каким оно было в предшествующие годы.

Серьезно ухудшилось и положение Запорожского Войска. С выходом польско-литовских войск к Березине оно оказалось под угрозой нападения не только с запада, но и с севера. Неслучайно после битвы при Полонке В.Н. Золотаренко так торопился вернуться в Нежин.

Наконец, серьезно ухудшились позиции России на будущих мирных переговорах со Швецией. В зимнем походе И.А. Хованского, а затем в военной кампании, завершившейся битвой при Полонке, приняли участие полки Новгородского разряда — поместная конница Новгородского, Псковского и других западных уездов, а также размещенные на этой территории стрелецкие приказы и полки «драгунского» и «солдатского строя»²²¹. Эти войска обычно прикрывали русскую территорию от возможного нападения со шведской стороны и играли главную роль в войне со Швецией 1656–1657 гг.

Шведский гонец А. Эберс, отправленный к русскому двору с официальным сообщением о воцарении Карла XI, прибыв 10 июня в Новгород, с удовлетворением констатировал, что в городе и его округе нет войск, так как солдаты с Олонца и Онеги от-

220 Kersten A. Stefan Czarnecki... S. 427; АМГ. Т. III. № 142. С. 129.

221 О составе армии И.А. Хованского см.: Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 26–27.

правлены на войну с Польшей²²². Уже в Москве от иностранных офицеров в русской армии он узнал о поражении Хованского и сообщал в Стокгольм, что бо́льшая часть помещиков из Новгорода, Пскова и Торжка, отправившихся в поход с Хованским, или погибли, или попали в плен²²³. Военная сила, которая могла бы угрожать Швеции, перестала существовать. Неудивительно, что, как сообщал царю А.Л. Ордин-Нащокин, после битвы при Полонке шведские дипломаты «учали наговаривать страхи многие в лифляньских городех русским торговым людем и в уездех пашенных людей страшают войною»²²⁴.

Контакты с А. Эберсом показывали, что позиция Швеции по отношению к России становится все более жесткой. В доставленной им грамоте Карла XI содержались резкие нападки на А.Л. Ордина-Нащокина, которого обвинили в срыве мирных переговоров. «И то ваше царское величество лутче ведаете, — с иронией говорилось в грамоте, — есть ему такой указ или нет, что он столь долго воздерживал мирный договор»²²⁵. На беседе с переводчиком в Новгороде А. Эберс, конечно, не случайно обращал его внимание на то, что по окончании войны шведские войска не распущены, а «по Поморским городам ... разделены на прокорм», где они и будут находиться, пока «оне опять впредь пригодятся»²²⁶. Эти детали явно указывали, что заключение мирного договора со Швецией не будет легким делом.

Положение, однако, было серьезным, но не безнадежным. В битве при Полонке потерпела поражение сравнительно небольшая часть русских вооруженных сил. Само поражение в Москве склонны были объяснять неумением военачальника вести войну. Царь Алексей Михайлович писал своему доверенному лицу — Афанасию Матюшкину, что он проявил «безпутную дерзость», бросившись с небольшим войском на крупную

222 Форстен Г.В. Сношения России и Швеции во второй половине XVII века // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898, май. С. 69.

223 Там же. С. 73, 77.

224 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 123.

225 Перевод грамоты см.: РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 5. Л. 71–79. Еще более резкие нападки содержала грамота, которую привез позднее из Стокгольма русский гонец Г. Богданов (Там же. 1659 г. № 12. Л. 20–25).

226 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 5. Л. 20.

вражескую армию, да «и шел не строем, не успели и отыкаться, а конных выдали — побежали»²²⁷. К тому же армия Хованского понесла серьезные потери, но не была уничтожена. 1 июня 1660 г. И.А. Хованский провел в Полоцке смотр собравшимся войскам²²⁸ и стал готовиться к возобновлению военных действий. Сообщая А.Л. Ордину-Нащокину, что Хованский в Полоцке «строитца к походу», — царь Алексей пояснял: «а если б ратные бы люди полку ево все разъехались и на польских людей к походу строитца ему было бы нечим»²²⁹.

С опозданием в Москве поняли, что небольшая армия Хованского была не в состоянии решить поставленные перед ней задачи и здесь приступили к организации более значительных военных формирований. Решение об этом было принято очень скоро после битвы при Полонке. 5 июня А. Эберс записал сообщения иностранных офицеров русской армии, что на войну с Польшей уже направлены войска, к которым позднее должны присоединиться отряды Черемисы, Мордвы и Касимовских татар. По их сообщениям предполагалось, что сам царь выедет в Вязьму²³⁰. 10 июля датировано распоряжение о мобилизации служилых людей «розных городов» для пополнения армии²³¹.

О главных принятых мерах был поставлен в известность через специального посланца А.Л. Ордин-Нащокин. Ему сообщалось, что в поход на территорию Великого княжества Литовского выступила 25-тысячная армия во главе с кн. Ю.А. Долгоруким, к которому должны присоединиться Нежинский, Черниговский и Прилуцкий казацкие полки. Из Киева должна была выступить 30-тысячная армия во главе с В.Б. Шереметевым. Вместе с ним должен был двинуться в поход наказной гетман Тимофей Цюцюра с полками Киевским, Переяславским, Кальницким. Вслед за этой армией в поход должно было выступить 20-тысячное войско во главе с сибирским царевичем Василием Арасланови-

227 Сборник Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866. № 160. С. 222.

228 Курбатов О.А. «Литовский поход»... С. 38. Царь писал А. Матюшкину, что пострадала только пехота, «а конных малую часть побили»: Сборник Муханова. № 160. С. 222.

229 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 129.

230 Форстен Г.В. Сношения... С. 73.

231 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 277. С. 513.

чем²³². Действия этих армий должны были привести к перелому в войне. Судя по сообщавшимся дипломату сведениям, главный удар должен был быть нанесен на Украине, где русские армии должны были действовать совместно с Запорожским Войском. Это показывает, что целью наступления должно было быть не только восстановление утраченных позиций в Белоруссии, но и поражение противника сразу на обоих фронтах, что позволило бы продиктовать Речи Посполитой свои условия мира. В новой военной кампании должна была принять участие и армия И.А. Хованского, на помощь которой должен был направиться из Новгорода отряд во главе с кн. Н.Г. Гагариным²³³.

Царский посланец должен был сообщить А.Л. Ордину-Нащокину и о первых успехах, достигнутых с возобновлением военных действий. Высланные из Киева русские войска и казаки Киевского полка во главе с наказным полковником Молявой, к которым присоединились местные крестьяне и жители Турова и Давыд-городка, в начале июня взяли штурмом Пинск. В плен попало 50 человек «знатных людей шляхты». Предполагалось, что дальше войско двинется к Бресту и окажет помощь находившемуся в городе русскому гарнизону. В Москве, по-видимому, рассчитывали, что эти действия заставят С. Чарнецкого отвести войска от Борисова²³⁴. В этой части, правда, задуманный план осуществить не удалось.

По-видимому, в ответ на эти «речи» А.Л. Ордин-Нащокин предложил царю свой план ведения военных действий. Он также не считал ситуацию безнадежной. Причину понесенной неудачи дипломат видел в ошибках Хованского, который позволил польско-литовским военачальникам три с половиной месяца «бес потешки» собирать войска. В начавшейся новой войне думный дворянин возлагал свои надежды на действия Запорожского Войска: «Корунные войска, что есть с Чернецким, пострашены будут с Украины или от Киева черкасскими воиски и от русских краев скоро отступят в Коруну». Тогда можно будет нанести поражение войскам Великого княжества Литовского. А.Л. Ордин-Нащокин предлагал не вести войну в районе Борисова или Виль-

232 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 124–127.

233 Там же. Л. 130.

234 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 127; АВАК. Т. 34. Вильна, 1909. № 140, 142, 164; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 806. Л. 570–571.

но, где все разорено, а перенести войну на территорию Жемайтии: «йти на их дома от Дисны и Брасловля и Чадос и Бирж, и Бовска в Упицкой повет и в Жмоид». Он пояснял, что «все дома у них там, а города и крепости никаковы нет». Если «последние их дома развоевать», Литва будет вынуждена подчиниться России. При этом он полагал, что с помощью переговоров удастся обеспечить нейтралитет соседнего Бранденбурга, а на курляндского герцога, освободившегося по Оливскому миру из шведского плена, «во всяком добром остереганье надеятца мощно»²³⁵. В такой военной кампании наместнику ливонских городов, чьи земли непосредственно граничили с Жемайтией, принадлежала бы, конечно, видная роль.

Однако предложения Ордина-Нащокина не были приняты. В октябре 1660 г. он жаловался в Приказ Тайных дел, что при отсутствии подкреплений не может развернуть военные действия в Упитском и Вилькомирском поветах. Вызывал его недовольство и назначенный ведать делами в Царевичеве Дмитриеве полковник Василий Волжинский, который так и не предпринял каких-либо военных действий против «литовских людей», а если такие действия будут предприняты, то так как у многих людей в Жемайтии есть «маетности», узнав о возникшей опасности, они «ис полков рушатца»²³⁶.

Уже после того, как была составлена разобранная выше записка царю, в которой доказывалась необходимость развернуть военные действия в Жемайтии, дипломат приписал к ней слова: «И Могилев от войск неприятельских свободен будет». Не только Алексей Михайлович готовил войска к новой военной кампании, Ян Казимир также требовал от своих военачальников более активных действий. В начале августа польско-литовские войска, прекратив осаду Борисова, перешли Березину, вышли к Днепру и осадили Могилев. Во время осады города удалось соединить в единое целое польско-литовские войска на территории Великого княжества Литовского. К войсковым формированиям П. Сапеги и С. Чарнецкого присоединилось и войско из Жемайтии во главе с М. Пацем²³⁷. По сведениям, которыми располагал прибывший в Смоленск Ю.А. Долгорукий, на Днепре начали строить мост,

235 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л 365–366.

236 Там же. Л. 464–465, 484–485.

237 Kersten A. Stefan Czarnecki... S. 427–428.

перейдя по которому, польско-литовское войско намеревалось двинуться к Смоленску²³⁸. Все эти данные указывали на то, что главные сражения развернутся на смоленском направлении. Неслучайно именно в районе Смоленска формировалась армия Ю.А. Долгорукого и на соединение с ней должны были двигаться казацкие полки во главе с В.Н. Золотаренко²³⁹.

Активные военные действия начал еще до выступления армии Долгорукого в поход И.А. Хованский, высылая из Полоцка отряды против «литовских людей», занявших разные городки на территории Полоцкого и Витебского воеводств. Как сообщал воевода царю, он отправил «большую посылку» против хоругвей, стоявших в Чашниках, Лепеле и около Витебска, после чего эти отряды «побежали в обоз к гетману Сопеге». Отряд в 400 чел. был послан к Браславу, его осадил отряд полковника Шварца, к которому присоединилась местная шляхта. В бою 22 августа отряд был разбит «и многие знамена и барабаны и языки многие поиманы»²⁴⁰. Эти частные успехи не могли существенно изменить общего положения вещей. На ход событий более серьезное влияние оказало то, что после этих успехов И.А. Хованский решил проводить самостоятельные военные акции, чтобы новые успехи помогли ему реабилитироваться после неудачи при Ляховичах, и отказался присоединиться к армии Ю.А. Долгорукого²⁴¹.

Осада Могилева подтолкнула русское правительство к началу активных военных действий. В Москве были уже серьезно обеспокоены потерей Шклова, в случае взятия польско-литовскими войсками Могилева контроль над днепровским путем, ведущим в «черкасские города», был бы окончательно утрачен, что было бы крайне нежелательно в условиях, когда русские войска вели военные действия одновременно и на территории Великого княжества и на территории Украины. Ю.А. Долгорукий получил приказ царя «над польскими людьми промышлять и Могилеву помочь учинить». 7 сентября авангард армии выступил из Смо-

238 АМГ. Т. III. С. 144.

239 В.Н. Золотаренко сообщал Ю.А. Долгорукому, что 23 июля выступил из Нежина с Нежинским, Черниговским, Стародубским «и иными полки» (АМГ. Т. III. № 148/1. С. 134).

240 См. отписки И.А. Хованского: АМГ. Т. III. С. 146–147.

241 О предложениях Хованскому присоединиться к этой армии и его отказе см.: АМГ. Т. III. С. 154, 168.

ленска²⁴². 24 сентября авангарды двух армий встретились у села Губарева. 24–25 сентября происходили столкновения отдельных отрядов, переросшие 27 сентября в «бой большой», главное кровопролитное сражение продолжалось 28 сентября «с третьего часу дня до ночи». На этот раз в составе русской армии были артиллерия и значительные пехотные части, поставившие на боевом поле передвижные крепости — «гуляй-города»²⁴³.

В царской грамоте, которой А.Л. Ордина-Нащокина извещали о происшедшем сражении, говорилось о победе, которую одержали русские войска над войсками литовских гетманов, и предписывалось отметить победу торжественным салютом и молебном²⁴⁴. В Москве, однако, были хорошо осведомлены о реальном положении дел. Отписки Ю.А. Долгорукого давали о нем довольно точное представление. Правда, он сообщал, что в сражении войска гетманов понесли большие потери, «а раненых, де, из гетманских полков везут в Шклов многих людей», правда, русские войска захватили ротные знамена полка Чарнецкого и даже «большое знамя» жемайтского войска, но Ю.А. Долгорукий не скрывал, что инициатива в сражении принадлежала польско-литовской стороне («учали напускать на нас жестокими напуски») и под их напором «и сотни многие и сотенные люди из разных сотен с бою побежали». Отписка завершалась перечнем убитых и раненых, свидетельствовавшим о том, что и русская армия понесла серьезные потери.

О реакции русских правящих кругов на происходящее говорят распоряжения, отданные 3 октября после получения первого сообщения о сражении²⁴⁵. Брату Ю.А. Долгорукого князю Петру, который двигался со своим полком к главной армии, было приказано поторопиться. Такой же приказ был послан Максиму Ртищеву, стоявшему со своим полком в Кричеве. Смоленским воеводам было послано распоряжение передать часть своих рейтар и казаков в полк С. Змеева, который также направлялся

242 См. отписку Ю.А. Долгорукого: АМГ. Т. III. № 173. С. 154.

243 Описание сражения см.: *Kossarzecki K. Kampania... S. 301 i n.; Малов А.В. Московские выборные полки... С. 455–459. Отписки Ю.А. Долгорукого: АМГ. Т. III. С. 163–171.*

244 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 497–505.

245 О дате получения отписок Ю.А. Долгорукого см. в царской грамоте А.Л. Ордину-Нащокину (РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 497).

в армию Ю.А. Долгорукого²⁴⁶. Новые меры были приняты после получения 8 октября нового более подробного сообщения от этого воеводы. Были отданы распоряжения о существенном пополнении полка Ю.А. Долгорукого. И.А. Хованскому был послан приказ идти к Дубровне, а оттуда к главной армии под Могилев. Наконец, 11 октября приказ присоединиться к армии Ю.А. Долгорукого был послан «тульскому, рязанскому и веневскому полку»²⁴⁷.

11 октября Ю.А. Долгорукому был послан новый воеводский наказ²⁴⁸. Извещая воеводу о принятых мерах, царь одновременно предлагал ему еще до подхода войск П.А. Долгорукого и И.А. Хованского продолжать военные действия против вражеских войск, но «из большие крепости не отходя вдаль от обозу». Очевидно, что и реальное положение вещей и нелегкое положение, в котором оказалась армия Ю.А. Долгорукого, были для царя и его советников достаточно ясными, но, по-видимому, они все же рассчитывали добиться перелома в войне, бросая на театр военных действий все новые войска. Вероятно, предполагалось, что после подхода подкреплений Долгорукий предпримет более активные действия против польско-литовской армии.

Противостояние двух армий в районе Могилева продолжалось около двух недель. Затем польско-литовские войска отошли к Шклову, и 21 октября армия Ю.А. Долгорукого двинулась к Могилеву²⁴⁹. Здесь у Могилева армия Ю.А. Долгорукого соединилась с казацкими полками во главе с В.Н. Золотаренко²⁵⁰. Были наведены мосты через Днепр, и 30 октября войска перешли на другой берег реки. В начале ноября к армии присоединился полк П.А. Долгорукого²⁵¹. Однако активные военные действия так и не начались. Как сообщал Ю.А. Долгорукий царю, «груда стала великая, с телегами и с саньми итить не мочно»²⁵². Все ограничилось посылкой полка П.А. Долгорукого к Шклову и осадой

246 АМГ. Т. III. № 187. С. 171–172.

247 Там же. С. 176–177.

248 РГАДА. Ф. 27. № 166. Л. 212–213.

249 АМГ. Т. III. № 209. С. 190.

250 Когда войска гетманов вышли к Днепру, им пришлось двигаться на соединение с русской армией кружным путем по реке Сож (РГАДА. Ф. 27. № 166. Л. 209).

251 АМГ. Т. III. С. 180, 194–197.

252 Там же. С. 197.

этого города²⁵³. Взятие Шклова было бы серьезным ударом по польско-литовской армии, так как там были собраны запасы продовольствия и лечились после боев раненые солдаты и офицеры²⁵⁴. Когда на выручку к городу подошло жмудское войско во главе с полковниками Бобровницким и Липницким, после ряда столкновений П.А. Долгорукий сумел оттеснить их от города²⁵⁵, но военной кампании положил конец доставленный главнокомандующему 20 ноября указ царя, оставив гарнизоны в Быхове и в Могилеве, отвести армию к Смоленску²⁵⁶. 16 декабря он был вызван в Москву и одновременно получил приказание «ратных людей наших полков с ваши службы отпустить к домом»²⁵⁷.

Таким образом, хотя ближайшая цель кампании — освобождение Могилева от осады — была достигнута, но восстановить контроль над днепровским путем, взяв Шклов, не удалось, и, что еще более существенно, не получилось того мощного наступления, на которое рассчитывали в Москве, усиливая армию Ю.А. Долгорукого.

Трудности на этом театре военных действий усилили действия Хованского, приведшие к новой военной неудаче. Несмотря на приказ царя идти к Дубровне на соединение с армией Ю.А. Долгорукого, И.А. Хованский решил воспользоваться тем, что главные силы польско-литовских войск направлены против армии Ю.А. Долгорукого, и предпринять поход на Вильно, чтобы разбить стоявшее под городом войско и освободить его от осады²⁵⁸. Готовясь к походу, он стал лагерем у Черее. Этим разделением русских войск польско-литовские военачальники воспользовались, чтобы нанести удар по корпусу Хованского. Оставив как заслон от армии Ю.А. Долгорукого отряды М. Паца и Х. Полубенского, С. Чарнецкий и П. Сапега с главными силами направились к Черее. Узнав о появлении передового отряда этой армии во главе с полковником С. Кмитичем, И.А. Хованский выслал отряд, который обратил литовцев в бегство, за-

253 Там же.

254 *Kubala L. Wojny duńskie...* S. 397.

255 АМГ. Т. III. № 237. С. 243; № 259. С. 263.

256 Там же. № 234. С. 225.

257 Там же. № 297. С. 293. Общую характеристику военных действий после сражения на р. Басе см.: *Малов А.В. Московские выборные полки...* С. 460–463.

258 АМГ. Т. III. С. 174.

хватив 150 пленных. Положение изменилось, когда на поле боя появились главные силы польско-литовской армии. Русский отряд был разбит, и вражеское войско двинулось к Черее. Как сообщал И.А. Хованский царю, он предлагал «сесть в обозе» и сражаться, ожидая помощи от Ю.А. Долгорукого, но дети боярские настояли на том, чтобы, бросив лагерь, отступить к Полоцку. При этом, когда войско вышло из обоза, «многие дворяне и рейтары, покинув нас, побежали разными дорогами». Польско-литовское войско стало преследовать уходящего неприятеля, «и шли мы, — докладывал Хованский царю, — оброну рукою 50 верст». Когда, наконец, отбившись от неприятеля, войско уже подходило к Полоцку, его снова атаковали отряды ряда литовских полковников во главе с Х. Сапегой. «Рейтары» обратились в бегство, но пехота и гусары сумели пробиться в Полоцк. Однако корпус Хованского понес серьезные потери, были утрачены обоз и артиллерия²⁵⁹.

Еще в сентябре 1660 г. в связи с тем, что часть войск из Царевичева Дмитриева была отправлена для охраны русских послов на предстоящих мирных переговорах со Швецией, царь возложил на И.А. Хованского ответственность за оборону Друи и Браслава²⁶⁰. После происшедших событий воевода писал в Царевичев Дмитриев полковнику Вас. Волжинскому: он знает, что должен «оберегать» Друю и Браслав, но «нам, господине, вряд оберегать и Полоцка, потому что неприятельские люди, гетман Сапега и Чернецкой, стоят от Полоцка в ближних местех»²⁶¹. Подробнее характеризуя положение царю в отписке, составленной в конце октября — начале ноября, И.А. Хованский сообщал, что войска П. Сапеги и С. Чернецкого стоят в городках на границе с Полоцким воеводством и в южной его части²⁶². Таким образом, в результате военной кампании польско-литовские войска заняли и часть Восточной Белоруссии.

Такие итоги военных действий второй половины 1660 г. лишь отчасти можно связать с событиями, происходившими в Белоруссии. Влияние на них чем дальше, тем больше стали ока-

259 См. отписку И.А. Хованского: АМГ. Т. III. № 220. С. 203–205. Описание этих событий по данным польских источников см.: *Kossarzecki K. Kampania... S. 347 i n.*

260 АМГ. Т. III. № 183. С. 159.

261 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 562.

262 АМГ. Т. III. С. 210.

зывать события, происходившие осенью 1660 г. на Украине. Если 11 октября Тульский, Веневский и Рязанский полки получили приказ присоединиться к армии Ю.А. Долгорукого, то 24 октября этот приказ был отменен, они должны были идти к Белгороду, а оттуда к Киеву и Переяславу²⁶³. Но дело было не только в том, что Ю.А. Долгорукий не получил всех тех подкреплений, на которые он рассчитывал. Решение правительства прекратить военные действия и вернуть армию в Смоленск было, вероятно, связано с тем, что после событий, происшедших на Украине, армия Ю.А. Долгорукого стала главной военной силой государства, и ее было необходимо сохранить на будущее.

История военной кампании, развернувшейся на Украине в конце лета – осенью 1660 г., хорошо изучена. Происходившие здесь события неоднократно подробно рассматривались в исторических исследованиях, в совсем недавнее время в книге Т.Г. Яковлевой. Однако плохо изучена предыстория похода В.Б. Шереметева на запад, и поэтому остается не вполне ясным, почему события приняли такой оборот.

Решение развернуть масштабные военные действия на Украине было принято в Москве в начале мая. 6 мая 1660 г. М. Головин был отправлен в Киев с сообщением, что к Шереметеву направляются крупные военные силы. Эти «новые люди» должны были усилить русские гарнизоны в Переяславе, Нежине и Чернигове и пополнить армию В.Б. Шереметева. Сухим путем к нему был направлен кн. О.И. Щербатый, который должен был стать вторым воеводой в армии, с «сотенными людьми» и тремя полками рейтар (4000 чел.). Основная часть войска – пехота (стрельцы и солдаты), всего ок. 10.000 чел., а также запасы и артиллерия, во главе с кн. К.О. Щербатым, сыном воеводы, – была направлена к Смоленску, откуда войска должны были спуститься на судах по Днепру в Киев²⁶⁴.

С М. Головиным в начале июня В.Б. Шереметев сообщал о принятом плане военных действий. В.Б. Шереметев с войском, к которому должны были присоединиться Переяславский, Нежинский, Прилуцкий и Белоцерковский полки, должен был идти походом «под польские города ... под Корец да под Луцк». Сильный корпус из русских и казацких войск в Умани должен

263 АМГ. Т. III. № 193. С. 178.

264 РГАДА. Ф. 27. № 92а. Л. 26–28, 30–31, 45–46.

был защищать земли Войска Запорожского от татар. Предполагалось и выступление в поход гетмана во главе «Заднепрских полков»²⁶⁵.

Однако киевский воевода не мог выступить в поход, не получив обещанных подкреплений. Состояние его армии вызывало у него серьезные опасения. После сражения под Хмельником в ноябре 1659 г. он вынужден был прервать военные действия, так как солдаты «скудны и безденежные, а конные люди безлошадны», в поход они шли «з большими переговоры и с шумом» и многие из них из-за отсутствия лошадей «к бою не успели»²⁶⁶. Часть «всяких чинов людей» затем бежала со службы²⁶⁷. Вместе с тем воевода понимал серьезность положения. В июне 1660 г. после одного из пограничных боев к нему в плен попал «хорунжий» И. Выговского Валериан Яловицкий²⁶⁸. Пленный сообщил, что 14 июня во Львове ждут приезда Яна Казимира. Войска коронных гетманов стоят в разных местах — войска С. Потоцкого в Подгайцах, войска Е. Любомирского под Люблином. Но в дальнейшем эти войска должны были соединиться и, «дождався татар, хотят приходить воиюно на черкаские города». Тот же хорунжий сообщил, что к Яну Казимиру выехали послы от хана, чтобы договориться, где именно должны встретиться крымские и польские войска²⁶⁹. Обеспокоенный воевода просил царя ускорить движение войск на Украину, чтобы он получил возможность начать военные действия «с Петрова дни (т. е. 29 июня) и полским собраться не дать»²⁷⁰. Одновременно он писал и О.И. Щербатому, чтобы тот «шел в Киев поспешнее», но тому никак не удавалось собрать в Севске необходимое количество войск²⁷¹.

Возникли и серьезные трудности с доставкой в Киев главной части подкреплений — пехоты. К.О. Щербатый с войском, запасами и артиллерией пришел в Смоленск уже после битвы на Полонке, когда польско-литовские войска двигались к Днепру и

265 Там же. Л. 93–94.

266 См. отписку В.Б. Шереметева царю: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 806. Л. 74–76.

267 См., например: Там же. Л. 199.

268 Там же. Л. 513–514.

269 См. расспросные речи хорунжего: Там же. Л. 515–516.

270 РГАДА. Ф. 27. № 92а. Л. 115.

271 См. отписку О.И. Щербатого царю: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 806. Л. 425.

«стало в города Малые Росии идти опасно». В связи с изменением обстановки в Москве решили передать часть этих войск — три приказа московских стрельцов и два пеших полка — в армию Ю.А. Долгорукого. Остальные войска обещали отправить в Киев, когда «рекою Днепром ити будет безопасно»²⁷². Однако в течение лета 1660 г. «очистить» днепровский путь так и не удалось.

О.И. Щербатый, подгоняемый Шереметевым, наконец, выступил в поход 1 августа, но с ним было лишь два полка рейтар и отряд драгун из Севска (примерно 2,5 тыс. чел.), собрать для присоединения к армии Шереметева дворянское ополчение граничивших с Украиной русских уездов (как рассчитывали в Москве) ему не удалось²⁷³. В результате В.Б. Шереметев смог начать военную кампанию лишь в августе, не получив бóльшей части обещанных ему подкреплений.

Первоначально обстоятельства как будто складывались благоприятно для русской армии. Правда, беспокоило усилившееся присутствие на Украине татар. Первоначально в Москве рассчитывали, что крымские войска по приказу султана должны будут принять участие в походе в Трансильванию против непокорного вассала султана — князя Дьердя II Ракоци²⁷⁴, но в битве с османами в мае 1660 г. князь потерпел поражение и умер от ран, и татарские войска с дороги вернулись в Крым²⁷⁵.

Вопрос о татарах и противодействии их вмешательству на Украине обсуждался с послами гетмана Ю. Хмельницкого перед самым началом военной кампании в конце июня. Послы передали советникам царя запись показаний перехваченного гонца Выговского. Гонец сообщал, что хан хотел идти к Азову, но на пути его встретил посол короля просивший, «чтоб хан послал татарское войско к Потоцкому на казаков»²⁷⁶. Однако, несмотря на то, что значительная часть орды во главе с калгой и нурадином уже вышла из Крыма, послы гетмана считали маловероят-

272 РГАДА. Ф. 27. № 92а. Л. 121–123.

273 См. отписку О.И. Щербатого царю, отправленную 3 августа: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 806. Л. 596–597.

274 Еще в конце марта 1660 г. казацкие послы во главе с В.Н. Золотаренко сообщали царю про хана, что «про поход его слышать к Венгерской границе» (АЮЗР. Т. 5. СПб., 1867. № 6. С. 11).

275 О возвращении татарских войск в Крым см. расспросные речи игумена Терехтемирова монастыря Иоасафа: Там же. № 12. С. 26.

276 Там же. № 14. С. 29.

ным их поход на Украину. На Запорожье «промысл чинить над татараы» посланы Черкасский и Каневский полки, и татарские военачальники «послышали казацкой поход и сказывают, что они хотят идти назад в Крым»²⁷⁷. Но если опасность татарского вмешательства обсуждалась и рассматривалась как вполне серьезная, то с польской стороны такой опасности не ожидали. Как сообщали послы гетмана, Потоцкий стоит с войском у Межибожа, «а войска при нем с 10000»²⁷⁸.

Первоначальный план похода предполагал выступление В.Б. Шереметева с войском и четырьмя казацкими полками — Переяславским, Нежинским, Прилуцким и Белоцерковским «под польские города Полесьем, под Корец да под Луцк». Часть войск во главе с кн. Г. Козловским должна была находиться в Умани с полками Уманским, Браславским и Богуна²⁷⁹. Затем на военной раде 7 июня в Василькове в этот план кампании были внесены серьезные коррективы. Теперь «полк» Г. Козловского должен был присоединиться к армии В.Б. Шереметева, и вместе с ним должны были двинуться в поход против «ляхов» во главе с казацким гетманом Т. Цюцюрой уже не четыре, а семь казацких полков — Киевский, Переяславский, Низовый, Полтавский, Миргородский, Черниговский, Лохвицкий. Эти войска должны были идти ко Львову, чтобы разбить армию С. Потоцкого. Сам гетман Ю. Хмельницкий вместе с остальными казацкими полками должен был действовать против татар²⁸⁰. Сведения о принятых решениях царь получил 22 июля от Шереметева²⁸¹, в августе о них сообщил и гетман²⁸². Коррективы заставила внести возросшая опасность со стороны татар. Об этой опасности, прежде всего, говорилось в наказе Ю. Хмельницкого послам, отправленным в Москву 24 июля 1660 г.²⁸³. Сообщая, что Шереметев уже выступил в поход, Ю. Хмельницкий просил прислать к нему «другово ... боярина с ратью ... чтоб было с нами кому против крымского хана стояти», а также чтобы царь приказал

277 АЮЗР. Т. 5. № 14. С. 28.

278 Там же.

279 Яковлева Т. Руїна... С. 70–71.

280 Там же. С. 73, 91.

281 См. об этом в наказе царя Ю.А. Долгорукому: РГАДА. Ф. 27. № 166. Л. 26.

282 АЮЗР. Т. 5. № 16. С. 33.

283 Там же. № 15. С. 32.

донским казакам напасть на Крым. Такое нападение заставило бы Орду скорее вернуться домой. Просьбы эти послы Хмельницкого передали царю 16 августа, и 31-го царь сообщил, что на Украину для помощи против татар будут посланы окольный кн. О.И. Щербатый и стольник Петр Скуратов из Белгорода²⁸⁴.

В наказе Ю. Хмельницкого его новым посланцам говорилось с беспокойством также о том, что король «наступает крепко ... с посполитым рушеньем»²⁸⁵. Таким образом, теперь гетман указывал и на рост опасности с польской стороны. Судя по ответу царя, на эти слова в Москве не обратили внимания. Здесь, по-видимому, по-прежнему полагали, что Шереметеву придется иметь дело лишь со сравнительно небольшой армией С. Потоцкого. События, однако, стали развиваться иначе.

Два обстоятельства определили неудачу задуманной в Москве военной кампании на Украине. Серьезная задержка с началом военных действий способствовала тому, что к армии С. Потоцкого смогла беспрепятственно присоединиться передвинувшаяся на украинские земли армия Е. Любомирского. Тем самым не получившей достаточных подкреплений армии В.Б. Шереметева противостояло войско гораздо более значительное, чем предполагали в Москве.

Во-вторых, еще до того, как Шереметев выступил в поход, коронное войско сумело соединиться со своими татарскими союзниками, в то время как войска В.Б. Шереметева и Юрия Хмельницкого двигались в разных направлениях²⁸⁶. К тому же они выступили в поход в разное время. Как сообщали киевские воеводы царю, «с гетманом не сождався, пошел боярин Васи́леи Борисовичъ для того, что писал гетман к боярину к Васи́лью Борисовичю: идти, де, ему в поход недосуг, управливатца з домашними неприятели». «А полковники, — сообщали далее воеводы, — не поспешили. А писано к ним ко всем двожды»²⁸⁷. Такая пассивность казацких полков в самом начале кампании была тревожным симптомом.

284 АЮЗР. Т. 5. № 18. С. 36. См. также грамоту Г.Г. Ромодановскому от 10 августа с приказом направить треть его войска к В.Б. Шереметеву (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 414. Л. 407–408).

285 АЮЗР. Т. 5. № 15. С. 32.

286 Яковлева Т. Руїна... С. 89.

287 РГАДА. Ф. 27. № 92а. Л. 163.

Соединение с татарским войском дало возможность польским военачальникам (фактически Е. Любомирскому, который оттеснил на задний план престарелого гетмана С. Потоцкого) обратиться к тем методам ведения войны, к которым с успехом прибегал в предшествующие годы Богдан Хмельницкий, использовавший татарскую конницу, чтобы блокировать вражеское войско, лишив его связи и снабжения.

Как сообщал В.Б. Шереметев царю²⁸⁸, он пошел в поход «под Межибож». Выбор такого направления похода был связан с тем, что именно там начались бои со вступившей на территорию гетманства польской армией. Здесь войска А. Потоцкого и татары атаковали отряды наказных полковников миргородского и белоцерковского. Нападение было отбито, но от пленных полковники узнали, что «в скором времени» оно будет повторено с большими силами. Полковники просили В.Б. Шереметева о помощи²⁸⁹. В.Б. Шереметев двинулся на помощь, но уже 4 сентября под Любаром на Волыни его войско столкнулось с коронной армией и татарами. В происходивших столкновениях скоро выяснился перевес вражеских сил и армия Шереметева и казацкие полки Т. Цюцюры были вынуждены перейти к обороне. 6 сентября, по словам Шереметева, враги «приступали к обозу» «жестокими приступы»²⁹⁰. В укрепленном лагере В.Б. Шереметев рассчитывал дожидаться подхода казацких полков во главе с Ю. Хмельницким. Однако татарская конница блокировала лагерь, начался падеж коней и голод, и В.Б. Шереметев 16 сентября принял решение пробиваться навстречу Хмельницкому. Русскому войску и казакам Т. Цюцюры удалось прорвать окружение и, перейдя Тетерев, они стали укрепленным лагерем у Чуднова²⁹¹. Тем временем к месту военных действий постепенно приближались полки Хмельницкого. 26 сентября уже и в польском лагере, и в лагере Шереметева знали, что казацкие полки стоят лагерем у Слободища в трех милях от Чуднова²⁹².

288 Пересказ отписки В.Б. Шереметева см. в грамоте царя А.Л. Ордину-Нащокину (РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 140–141).

289 Письма полковников см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 414. Л. 455–460. Здесь же письмо к ним А. Потоцкого с предложением капитулировать: Там же. Л. 461–463.

290 Подробнее о ходе военных действий см.: *Яковлева Т. Руїна...* С. 92–94.

291 Там же. С. 94–95.

292 Там же. С. 96–97.

В этой напряженной ситуации в польском лагере по инициативе Е. Любомирского было принято решение оставить часть войска для блокады лагеря Шереметева, а другую направить против Хмельницкого. К Слободищам во главе с Е. Любомирским двинулись лучшие части коронного войска и половина Орды²⁹³. 27 сентября под Слободищами разразилось сражение. Как описывает участник событий офицер в армии Е. Любомирского П. Гордон, бой был упорным, в войске было «множество раненых и убитых», при первом штурме казацкого табора полякам удалось ворваться в него, но их выбили, а последующие штурмы были успешно отбиты²⁹⁴. В тот же день пытался прорвать окружение В.Б. Шереметев²⁹⁵.

К сожалению, пересказ сообщения В.Б. Шереметева о сражении в своей заключительной части не сохранился. Можно лишь предполагать, что он просил царя о помощи. Больше известно о шагах, предпринятых после сражения Ю. Хмельницким. Так, он обратился с письмом к одному из советников царя, думному дьяку Алмазу Иванову. Он сообщал о трудном положении казацкого войска. Хотя приступ к табору 27 сентября и был отбит, но, — писал гетман, — «нам корм конский отняла орда и нам самим добре уж скудно». Очевидно, что казацкий лагерь тоже оказался в блокаде, хотя, возможно, менее жесткой, чем блокада лагеря Шереметева. Ю. Хмельницкий просил скорее направить на Украину Г.Г. Ромодановского с войском²⁹⁶. 30 сентября гетман обратился с письмом и к самому Ромодановскому. Если срочно не будет помощи, — писал он, — то не только погибнет его войско и войско Шереметева, но и «панство его царского величества Великую и Малую Россию до остатней приведем згубы». Воевода должен идти с войском к Белой Церкви, а оттуда «с паном Якимом Сомком на посилок к казацкому лагерю»²⁹⁷. Из письма, присланного Сомком киевскому воеводе И.И. Чаадаеву, следует, что в октябре Сомко уже собрал каза-

293 Там же. С. 97, 100.

294 Гордон П. Дневник. 1659–1667. Перевод, статья и примечания Д.Г. Федосова. М., 2003. С. 64–68. Это сообщение особенно ценно, как сделанное для себя свидетельство незаинтересованного очевидца. Подробнее о сражении см.: Яковлева Т. Руїна... С. 101.

295 Там же. См. также упомянутый выше пересказ отписки В.Б. Шереметева.

296 АЮЗР. Т. 5. № 20. С. 37.

297 АМГ. Т. III. С. 142.

ков с обеих сторон Днепра и шел на помощь гетману из Белой Церкви²⁹⁸. Это показывает, что соответствующие приказы были ему посланы. Принятые в ответ на обращение гетмана меры не соответствовали важности положения. Находившийся в Белгороде Г.Г. Ромодановский уже в силу того, что он находился достаточно далеко от театра военных действий, не мог оказать срочной помощи гетману и Шереметеву, но он и не выступил в поход. В критической ситуации, когда требовалось принимать быстрые решения, обнаруживались недостатки жестко управляемой из одного центра русской военно-административной машины. Ромодановский не решился выступить в поход без указа царя и ограничился посылкой на помощь гетману стольника кн. Б. Мышецкого с военным отрядом²⁹⁹.

4 октября В.Б. Шереметев попытался, оставив лагерь, двинуться обозом к условленному с гетманом месту встречи. Однако поляки узнали от перебежчиков о намерении Шереметева и бросили против него все свои силы. Жаркий бой продолжался более четырех часов, обе стороны несли потери. По свидетельству П. Гордона, не выдержали удара польской конницы и обратились в бегство входившие в состав армии Шереметева казачьи полки, бросив свой обоз. В итоге полякам удалось остановить русскую армию, она отступила к лесу и окопалась там³⁰⁰.

Неудача Шереметева лишь отчасти объяснялась тем, что поляки узнали заранее о готовящемся прорыве. Еще большее значение имело то, что казачьи полки, находившиеся близко от места военных действий, не нанесли удар по полякам, когда их главные силы вступили в бой с русским войском. Как записал в своем дневнике П. Гордон, казаки «впали в безразличие и большие раздоры между собой. Они решили оставаться на месте и предоставить Шеремету труды и опасности похода для соединения с ними»³⁰¹. Речь должна идти, разумеется, не о «безразличии», а о том, что в казачьей верхушке не было единства мнений о том, какое решение в сложившейся ситуации следует принять, и именно эти разногласия и стали причиной бездеятельности Запорожского Войска в один из важнейших моментов борьбы.

298 Там же. С. 186.

299 АМГ. Т. III. № 158. С. 142.

300 Гордон П. Дневник... С. 69–71. О сражении подробнее см.: Яковлева Т. Руїна... С. 107–108.

301 Гордон П. Дневник... С. 69.

Обращение в Москву и к Г.Г. Ромодановскому за помощью было лишь одной стороной деятельности запорожской дипломатии в эти критические дни. Как отмечено в дневнике П. Гордона, накануне попытки прорыва Шереметева гетман и полковники обратились к главе крымского войска в походе — нурадину, предлагая большие суммы денег, если он оставит поляков и возвратится в Крым³⁰². Это сообщение подтверждается свидетельствами других источников³⁰³. Неудача этих переговоров усилила позиции той группы полковников с Правобережной Украины во главе с обозным Т. Носачом, которые уже вступили в сношения с Е. Любомирским и добивались того, чтобы Войско Запорожское стало искать соглашения с Речью Посполитой³⁰⁴. Такое решение и было принято на следующий день после неудачи прорыва Шереметева³⁰⁵. 5 октября в польский лагерь было отправлено посольство во главе с Т. Носачом, а 7-го подписано соглашение, на следующий день скрепленное присягой³⁰⁶.

Какими мотивами определялось принятие такого решения? Исследователи обычно обращают внимание на недовольство и казацкой верхушки и более широких кругов казачества ограничениями автономии Запорожского Войска по Переяславским статьям 1659 г.³⁰⁷. Однако такое объяснение представляется явно недостаточным. Каков бы ни был объем ограничений автономии Запорожского Войска по Переяславским статьям 1659 г., она обеспечивала казачеству более благоприятные условия существования, чем Гадячский договор 1658 г. в редакции, утвержденной сеймом. Следует учитывать, что, отвергнув предпринятую старшиной попытку ревизии Переяславских статей, царь и его советники стремились удовлетворить конкретные просьбы, исходившие от властей гетманства. Так, зимой 1659/60 г. Ю. Хмельницкий жаловался, что русские купцы не желают принимать

302 Там же. С. 68.

303 См. подробнее об этом: Яковлева Т. Руїна... С. 105–106.

304 Подробнее о представителях казацкой верхушки, поддерживавших сношения с поляками, см.: Там же. С. 102–103, 105–106.

305 Там же. С. 109.

306 Там же. С. 110.

307 См., например, точку зрения Т.Г. Яковлевой: «Перехід Юрія Хмельницького й старшини з його оточення на бік поляків був логічним підсумком нав'язаної йому Переяславської угоди 1659 р.» (Там же. С. 130).

«медных денег», а русские ратные люди «без денег все емлют», а воеводы их «не унимают». 21 февраля царь Алексей Михайлович принял решение удовлетворить эти просьбы. Воеводам царь обещал, если они не наведут порядок, «быть в опале и в жестоком разоренье и в наказанье безо всякие пощады»³⁰⁸. Весной 1660 г. перед началом новой военной кампании гетман просил, чтобы царь «ратным своим людем в полон христиан Малой России на Подолье и на Волыни имати не велел», и эта просьба была также удовлетворена³⁰⁹. Уже после принятия Переяславских статей власти гетманства добивались от В.Б. Шереметева размещения русского гарнизона в Белой Церкви «для обереганья от приходу воинских людей»³¹⁰. К тому же во время переговоров, предшествовавших заключению соглашения, выяснилось, что польская сторона намерена внести в Гадячский договор невыгодные для украинской стороны изменения, с чем представители Войска Запорожского вынуждены были согласиться³¹¹.

Как представляется, важную роль сыграла усталость украинского общества от долголетней бесконечной войны, его стремление к установлению мира. В пользу такой точки зрения говорят некоторые важные детали, связанные с подготовкой условий мирного соглашения для переговоров 1660 г. Как известно, предложения украинской стороны предусматривали, что, если не удастся добиться лучшего, то восточные границы гетманства должны соответствовать границам Запорожского Войска по Зборовскому договору 1650 г.³¹² Когда послы уже находились на месте переговоров, они получили новые инструкции от Ю. Хмельницкого, датированные 5 мая 1660 г. В них содержались дополнительные сведения о том, где должен проходить южный участок границы, установленной Зборовским договором, а также дополнительное очень важное указание: «А естли будет изволенье царского величества, чтоб иноко сталося, и на том перестать надобно, хотя велят и Чигирина уступить»³¹³. Те же указания, что в случае необходимости следует пойти на уступ-

308 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 806. Л. 113–116.

309 Там же. Л. 345–346.

310 Там же. Л. 75.

311 См. подробнее об этом: *Яковлева Т. Руїна...* С. 111.

312 АЮЗР. Т. 5. С. 427.

313 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 3. Л. 157–158.

ки, содержатся и в письме Ю. Хмельницкого послам от 31 мая³¹⁴. Это показывает, что казацкая верхушка готова была пойти на серьезные уступки, чтобы сохранить мир. И стремление к миру характеризовало не только ее настроение. Так, наказной стародубский полковник Петр Рославец 30 мая писал В.Н. Золотаренко: «желают все себе, как и Москва, чтоб покои учинить вам с польским королем»³¹⁵.

Первоначально, по-видимому, казацкой верхушке казалось, что мир может быть установлен с помощью России. Осенью 1660 г. более сильной представлялась явно Речь Посполитая, опиравшаяся на союз с Крымом. Она могла продиктовать свои условия мира побежденному противнику. Следовательно, нужно было договариваться с ней. На бытовом уровне соответствующие настроения отразились в известных словах «казаков и черни» Лубенского полка, обращенных к посланцу царя Алексея Михайловича Феокисту Сухотину: «Хто, де, будет силен, того, де, и мы»³¹⁶. Имело значение и то, что в лагере Ю. Хмельницкого находились полки с Правобережной Украины, в их среде сторонники соглашения с Речью Посполитой пользовались большим влиянием.

России и русской внешней политики непосредственно касались те условия казацко-польского соглашения, которые предусматривали, что Войско Запорожское разрывает отношения с Россией, входит в состав Речи Посполитой, принимает на ее стороне участие в войне с Россией и не предпринимает никаких нападений на владения крымского хана. Ряд более конкретных условий предусматривал, что гетман, выделив два полка в помощь польскому войску против Шереметева, должен направиться на Левобережную Украину для уничтожения находившихся там в городах русских гарнизонов. Одновременно гетман должен был приказать Нежинскому и Черниговскому полкам отделиться от армии Ю.А. Долгорукого и присоединиться к Войску Запорожскому или к войскам Речи Посполитой³¹⁷. Соотношение сил на театре военных действий тем самым резко изменилось не в пользу России.

314 Там же. Л. 291–292.

315 Там же. Л. 297.

316 ПКК. Т. III. Киев, 1852. С. 70.

317 *Volumina legum*. Т. IV. Petersburg, 1859. S. 358–359.

Принятое решение оказалось фатальным по своим последствиям. Речь Посполитая не оказалась настолько сильной, чтобы своим решением установить желательный мир в Восточной Европе. Опыт ближайших лет показал также невозможность сосуществования Запорожского Войска, как особой административно-политической структуры, с Речью Посполитой. Наконец, это решение привело к расколу в среде казачества, а затем и к войне между отдельными частями ранее единого Запорожского Войска. Все это стало очевидным, однако, лишь по истечении определенного промежутка времени. Ближайшим же последствием заключения соглашения стало резкое ухудшение положения окруженной армии Шереметева.

Дело было не только в том, что с переходом Запорожского Войска на польскую сторону у армии больше не было шансов вырваться из окружения. Положение усугублялось тем, что заключенное соглашение распространялось и на те казацкие полки, которые стояли в одном лагере с русским войском. Уже 11 октября Т. Цюцюра с частью казаков оставил лагерь и перешел на польскую сторону, другие казаки не последовали его примеру, но Шереметев опасался, что при случае они попытаются это сделать³¹⁸. По сведениям, которыми располагал Яким Сомко, Ю. Хмельницкий предлагал Шереметеву капитулировать на условиях, что он отдаст пушки и знамена, а войско получит возможность «за провожатыми ляцкими» отойти к Смоленску, но воевода ответил: «умираю сам и со всеми ратными людьми, а знамен царских и наряду ... не отдам»³¹⁹. Однако шло время и положение войска все более ухудшалось. Как позднее сообщал В.Б. Шереметев киевскому воеводе кн. Ю. Барятинскому, «люди померли многие» от голода и болезней, распространявшихся в лагере, расположенном в болотистой низине. «Лошади у ратных людей с голоду померли все, — писал В.Б. Шереметев, — и пороху, и свинцу у нас не стало». Поэтому он все же решился вступить с польскими военачальниками в переговоры о капитуляции, «не похотя государевых людей в плен и в разхищенье подать»³²⁰. Соглашение о капитуляции было подписано 21 октября.

318 См. об этом подробнее: *Яковлева Т. Руїна...* С. 117–119.

319 См. приписку от 20 октября к письму Я. Сомка В.Н. Золотаренко: АМГ. Т. III. № 212. С. 192.

320 АЮЗР. Т. 5. № 21. С. 39.

Условия капитуляции были гораздо более суровыми, чем условия капитуляции армии М.Б. Шеина под Смоленском в 1633 г. Армия должна была отдать не только пушки и знамена, но и все ружья и снаряжение, только В.Б. Шереметев и полковники могли сохранить личное оружие. В.Б. Шереметев, полковники и дети боярские должны были принести присягу, что в дальнейшем не будут участвовать в войне против Речи Посполитой. Кроме того, в соглашение было внесено условие, что из городов на территории Левобережной Украины должны быть выведены русские гарнизоны. До того, как это условие будет выполнено, В.Б. Шереметев и 300 детей боярских должны были остаться заложниками у коронных гетманов и нурадина³²¹. Таким образом, соглашение о капитуляции было одновременно соглашением об уходе русских войск с территории Украины.

Убеждая в правомерности принятого решения, В.Б. Шереметев писал одному из киевских воевод, кн. Ю. Барятинскому: «А в Киеве и в Чернигове, и в Переяславе и в Нежине великого государя ратным людем быть не у чего», так как все Запорожское Войско перешло на сторону короля. Другому киевскому воеводе И.И. Чаадаеву он также писал, что, поскольку «казаки отступили, города крепки не будут, только людей потерять»³²². Жестокая ирония судьбы состояла в том, что даже такой дорогой ценой ему не удалось сохранить доверенное ему царем войско. В переговорах с Шереметевым не участвовали и не брали на себя никаких обязательств татарские военачальники, и, как показал последующий ход событий, это было вовсе не случайно. 25 октября войско Шереметева и находившиеся вместе с ним казаки вышли из лагеря, сложили знамена и сдали оружие. После этого на них безоружных напали татары и стали угонять их в полон. Русские ратные люди дрались ножами и голыми руками, убили многих татар, но без оружия, конечно, не могли противостоять многочисленной татарской коннице. Коронные гетманы не только не протестовали против такого нарушения условий капитуляции, но по требованию нурадина выдали Шереметева и еще 10 знатных лиц из числа пленников, которых татары увели с собой в Крым — свидетельство глубокой зависимости Речи Посполитой в тот период времени от своих татарских союзников³²³.

321 ПКК. Т. IV. С. 25–28.

322 АЮЗР. Т. 5. № 21. С. 39–40.

323 См. об этом: Яковлева Т. Руїна... С. 127–128. Позднее на перегово-

Если армия Хованского понесла потери в битве при Полонке, то армия Шереметева — главная русская военная сила на Украине — была полностью выведена из строя.

Таким образом, поздней осенью 1660 г. русская военная кампания на Украине завершилась военной катастрофой. Налицо было и серьезное политическое поражение в борьбе за украинское общество. Гибель армии Шереметева и переход Запорожского Войска под власть польского короля означали, что поставлен под сомнение один из главных итогов перемен в Восточной Европе — присоединение Украины к Русскому государству.

В Москве не сразу осознали весь размах произошедшей катастрофы. Объяснялось это не только значительной отдаленностью русской столицы от театра военных действий, но и характером первых поступивших в Россию известий об «измене» Запорожского Войска. По-видимому, первым лицом, осведомившим об этом русские власти, был переяславский полковник Яким Сомко, собиравший войска, чтобы идти на помощь против поляков к гетману и В.Б. Шереметеву. 12 октября, после того как, узнав о соглашении «с ляхами», войско разошлось из Триполя, он написал киевскому воеводе И.И. Чаадаеву о том, что произошло³²⁴. Когда 15 октября он прибыл в Переяслав, аналогичное письмо было отправлено Г.Г. Ромодановскому³²⁵. Несколькими днями позже (приписка к письму датирована 20 октября) переяславский полковник известил о происшедшем В.Н. Золотаренко, находившегося в походе с армией Ю.А. Долгорукого, призывая его сохранять верность царю³²⁶.

Важно отметить одну особенность писем Сомка. В них он подчеркивал, что соглашение с «ляхами» было заключено помимо воли гетмана, который подписал его лишь «с примусу» (по принуждению). Он же подчеркивал, что против соглашения выступали, но вынуждены были подчиниться «изменникам», ряд видных представителей казацкой верхушки — войсковой писарь Семен Голуховский, войсковой судья Беспалый, есаул Чеботок. Можно согласиться с предположением Т.Г. Яковлевой, что, ха-

рах с русскими посланниками сенаторы официально заявили, что хан Шереметева «велел у нас силою взять» (РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 75).

324 АМГ. Т. III. № 203. С. 186.

325 Там же. № 212. С. 191.

326 Там же. С. 192.

рактизуя так события, полковник хотел снять ответственность за происшедшее со своего племянника — гетмана и казаков Левобережья³²⁷. Для нашей темы важно, как эти сообщения были восприняты в Москве.

Московским политикам (в их числе, как показано выше, и А.Л. Ордину-Нащокину) было свойственно представление о непримиримом конфликте между Войском Запорожским и «ляхами». Представление это особенно укрепилось после восстания, которое привело к падению Выговского. Поэтому сообщения Сомка были здесь поняты в том смысле, что переход Запорожского Войска на польскую сторону был вызван тем неблагоприятным положением, в котором оно оказалось. Энергичное и своевременное военное вмешательство могло бы изменить положение. 24 октября Г.Г. Ромодановскому был послан царский указ идти из Белгорода к Переяславу, а оттуда — на помощь В.Б. Шереметеву. В тот же день Тульскому, Рязанскому и Веневскому полкам был послан приказ присоединиться к армии Г.Г. Ромодановского. В той же грамоте воеводе предписывалось предлагать Ю. Хмельницкому, чтобы тот «поворотился назад, а того себе в вину не ставил, что присягал королю по неволе». Ожидая скорого возвращения казаков под свою власть, царь специально предписывал, чтобы «ратные люди тем их не укоряли и изменниками не называли». «Налоги» и насильства на казацкой территории запрещались «под смертною казнию»³²⁸. Вступление на территорию Украины нового русского войска должно было привести к смене ориентации Запорожского Войска и способствовать снятию блокады армии В.Б. Шереметева.

В последующие дни царь и его советники продолжали придерживаться избранной линии. 2 ноября Г.Г. Ромодановскому был послан новый приказ — идти на территорию Полтавского полка, «не мешкая», «чтоб ... на сей стороне Днепра черкас удержать ... и нашу государскую милостью обнадеживать»³²⁹. Ему же для сведения была послана копия письма Яким Сомка Василию Золотаренко, в которой сообщалось о решимости В.Б. Шереметева скорее погибнуть со всем войском, чем сдаться³³⁰. От-

327 Яковлева Т. Руїна... С. 141.

328 АМГ. Т. III. № 203. С. 187; № 193. С. 178–179.

329 Там же. № 212. С. 192–193.

330 Там же. С. 192.

ряду во главе с кн. Б. Мышецким, высланному из Белгорода в ответ на просьбы Ю. Хмельницкого о помощи, было приказано идти в Переяслав «с большим поспешеньем», а оттуда вместе с казаками Сомка на помощь В.Б. Шереметеву³³¹. Тогда же был предпринят еще один важный шаг — 8 ноября к Ю. Хмельницкому был отправлен специальный царский посланец Феокист Сухотин. Он должен был призвать гетмана и Запорожское Войско вернуться под власть царя, храня верность присяге. Вместе с посланцем к гетману был отправлен тот крест, на котором он приносил присягу в Переяславе. Царь обещал гетману и казакам свое полное прощение. В случае успеха его миссии посланец должен был добиваться от гетмана, чтобы тот, «совокупля паки войско, учинил помочь, не замотчав»³³². Одной из задач миссии Ф. Сухотина было собрать сведения о положении армии В.Б. Шереметева. Следовательно, к 8 ноября о его капитуляции в Москве еще не знали.

В ноябре в Москву стали поступать новые известия, позволявшие точнее представить положение, складывавшееся на Украине. Известия эти были неутешительными. 31 октября гонцы, посланные воеводой Рыльска в Переяслав, вернулись с дороги. Встретившиеся им «черкасы», которые шли «из-за Днепра з знамены», не только сообщили об «измене» Ю. Хмельницкого, но и предупредили: «будет, де, вы поидете в Переяславль, и вам, де, быти побитым»³³³. В начале ноября севские воеводы передали в Москву известия из Киева, что гетман и старшина принесли присягу королю³³⁴. 9 ноября к воеводе пограничного города Каменного уже официально обратился миргородский полковник Павел Животовский. Он сообщил не только о переходе Запорожского Войска под власть польского короля, но и о капитуляции Шереметева и заключении соглашения, по которому русские войска должны идти «у свои города ис Киева и ис Переяслова»³³⁵. В ставку Ю.А. Долгорукого был доставлен «лист» из Чернигова, отправленный полковником (наказным?) Трофимом Николаенко. В нем говорилось о печальной судьбе армии В.Б. Шереметева.

331 Там же. № 214. С. 194.

332 *Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 52; ПКК. Т. IV. Киев, 1859. С. 71.*

333 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 167. Л. 518.

334 Там же. Л. 447 (отписка получена 11 ноября).

335 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 167. Л. 94.

Как говорилось в письме, он был вынужден сдаться из-за «великого голода»: солдаты «з голоду ремни от мушкетов едали». При этом поляки обманули его, «яко покоиника Михаила Шеина». Часть его войска уничтожена, другая — угнана в рабство³³⁶. Переславший Ю.А. Долгорукому этот «лист» черниговский воевода сообщал, что польские и татарские войска стоят под Киевом, «а как, де, река Днепр станет и татарове и ляхи пойдут воевать города и уезды здешние стороны Днепра»³³⁷. Позднее и севские воеводы сообщали, что «корунной маршалок и ляхи, и татары на Днепре делают суда наскоро, на чом перевозитца»³³⁸, — следовательно, не собираются ждать, пока замерзнет Днепр. Позднее были получены сообщения, что 27 ноября Петр Дорошенко, назначенный наказным гетманом, вместе с польскими и татарскими войсками перешел Днепр³³⁹. Казаки и население левобережных полков начали приносить присягу польскому королю³⁴⁰.

Г.Г. Ромодановский также сообщал царю, что «заднепрские полки собираются в Каневе и хотят приходить войною к Переясловлю». В другой отписке, доставленной позднее первой, он сообщил, что Каневский полк вместе с татарами уже перешел Днепр, а отряд Б. Мышецкого «осажен» в 7 верстах от Переяслава. Таким образом, получалось, что, хотя чрезвычайная ситуация, когда казацкие полки были окружены татарами и поляками, миновала, сотрудничество казаков и с теми, и с другими продолжается, находя свое выражение в активных действиях. Заслушав отписки, царь в тот же день распорядился послать Г.Г. Ромодановскому грамоту, «чтоб ему в черкасские города не ходить»³⁴¹. Марш единственной оставшейся на Юге армии на Левобережье, в условиях, когда не было видов на успешное сотрудничество с казаками, не без оснований представлялся опасным. Царь направил воеводе и другое распоряжение: «В Нежин и в

336 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 159. Л. 261–263.

337 Там же. Л. 257.

338 Там же. Стб. 167. Л. 451.

339 Там же. Л. 177.

340 См. сообщение казака, ездившего в Лохвицу, о «раде», собравшейся перед «Введеньевым днем» (21 ноября), где читали «листы» короля и гетмана и где было принято решение начать войну, если царь откажется вывести войска «из черкасских городов» (Там же. Л. 395).

341 АМГ. Т. III. № 217. С. 198–199.

Переяславль пороху не посылать». Эти слова показывают, что в то время, когда писалась эта грамота, царь не видел на Левобережье какой-либо опоры для пророссийской ориентации.

Какое впечатление все это произвело на русские правящие круги и как они оценивали сложившуюся ситуацию, показывают те характеристики и оценки, которые составляют предварительную часть указаний, направленных А.Л. Ордину-Нащокину, как главе русской делегации на мирных переговорах со Швецией³⁴². Посланец царя должен был информировать дипломата «о измене» гетмана Юрия Хмельницкого, на которого, очевидно, в соответствии с жалобами В.Б. Шереметева, возлагалась вся ответственность за провал военной кампании (он «боярина и воеводу обнадеживал да вдруг отступился»). Но сурово осуждался и Шереметев за то, что, имея возможность продолжать борьбу («упадок у него был небольшой»), заключил такой договор, о котором «от века не слыхано». В Москве, однако, намерены были продолжать борьбу. А.Л. Ордин-Нащокин был поставлен в известность о созыве «собора», на котором «приговорили против ляхов и татар стоять всеми силами и збирать даточных с пяти дворов по человеку».

Эта решимость относилась к сохранению позиций в Белоруссии и к охране русских границ, но не к землям Запорожского Войска. Несмотря на суровое осуждение Шереметева за то, что он заключил договор, по которому русское правительство фактически отказывалось от Украины, в указаниях, посланных А.Л. Ордину-Нащокину, говорилось: «А нам, великому государю, не по ево договору стало делать нельзя». И дальше необходимость такого решения обосновывалась, по существу, теми же аргументами, которые приводил В.Б. Шереметев в письме Ю. Барятинскому. С ударением подчеркивалось, что «на черкас надеятца никакo невозможно и верить нечему, яко трость колеблема ветром, так и они. И помянут на время, а будет увидят от части нужу, тотчас русскими людьми помирятца с ляхи и с татари». Эта общая оценка дополнялась и конкретизировалась со-

342 Сохранилось несколько списков этого документа: РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 342–351; Л. 572–584 (черновик со следами правки), Ф. 27. Оп. 1. № 128. Л. 109–111 (черновик с правкой). Документ, по-видимому, доставил посетивший А.Л. Ордина-Нащокина 23 ноября подьячий Приказа Тайных дел Кирилл Демидов (о его поездке см.: РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 599, 625).

общениями, что «и здешняя сторона (т. е. Левобережье. — Б.Ф.) шатаетца», «а неприятели ляхи и татаровя и на здешнюю сторону наступают всеми силами». Особо обращалось внимание на опасное положение русского гарнизона в Киеве, где хлебных запасов имеется всего на полгода, а завезти хлеб в Киев по днепровскому пути, как это делалось в прежние годы, в настоящее время невозможно. Из всего этого следовал вывод, что нельзя удержать Украины, не имея поддержки местного населения.

Все это, однако, не означало пассивности, отказа от деятельности. О намерении продолжать борьбу, искать пути выхода из неблагоприятно сложившейся ситуации говорят не только решения «собора», о которых сообщалось для сведения русскому дипломату. В еще большей степени об этом говорит заключительный раздел обращенных к нему инструкций, содержавших целый перечень действий, которые А.Л. Ордин-Нащокин должен был срочно предпринять.

ПОИСКИ ВЫХОДА

В условиях, когда главная опасность для России исходила от расположенных на территории Правобережной Украины соединенных сил Речи Посполитой и Крыма, закономерной стала попытка русского правительства разорвать крымско-польский союз. Было принято решение возобновить прерванные дипломатические контакты с Крымом. 4 декабря 1660 г. с особой миссией отправился в Крым гонец Иван Татаринов. Он должен был добиваться мирного соглашения и вывода татарских войск с территории Украины. Для достижения этой цели помимо обычных поминков он должен был предложить крымским вельможам большие суммы денег (вплоть до 100 тыс. ефимков). Миссия эта завершилась полной неудачей. Предложенные крымской стороной условия предусматривали не только возвращение Речи Посполитой всех утраченных ею в ходе русско-польской войны земель, но и «свод» казаков с Дона¹.

В той критической ситуации, которая сложилась поздней осенью 1660 г., для русского правительства первоочередной задачей было добиться хотя бы временного прекращения военных действий, что дало бы возможность сохранить то, что еще не было утрачено, и выиграть время для проведения мобилизации и обучения «солдатскому строю» тех даточных людей, которые должны были пополнить ряды русской армии. Положение было облегчено тем, что с предложением о заключении перемирия выступила литовская сторона.

15 ноября Ю.А. Долгорукого посетил хорунжий смоленский Ю. Вяжевич, вручивший ему «лист» от находившихся в войске

1 *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 66–67; *Новосельский А.А.* Борьба... С. 42–43.

сенаторов Великого княжества Литовского — витебского воеводы В. Воловича, новогрудского воеводы К. Воловича, новогрудского каштеляна М. Юдицкого. В «листе» указывалось, что если Ю.А. Долгорукий согласится прекратить военные действия, то они будут «приводить» П. Сапегу и С. Чарнецкого, чтобы те согласились начать переговоры о том, «чтобы учинить договор и по договору войска развести»². Инициатива сенаторов не была случайной. Несмотря на достигнутые успехи положение литовских войск было далеко не блестящим. Войска понесли серьезные потери, а помощи не получали. Осенью 1660 г. П. Сапега жаловался, что в войске нет пехоты, не присылают пушек, снаряжения, пороха³. Литовское войско, разместившееся на зимовку между Вяжищами и Бешенковичами, по-прежнему не получало жалованья и заявило, что будет нести службу только до 9 ноября. Офицеры и солдаты бросали службу и уезжали⁴. Поэтому и Великое княжество было заинтересовано во временном прекращении военных действий. По предложению сенаторов речь шла о временном соглашении, которое будет действовать, пока не выскажут свое отношение к нему король и царь⁵.

Ю.А. Долгорукий дал согласие начать переговоры о перемирии в начале декабря, так как он имеет для этого необходимые полномочия, но немедленно уведомил о полученных предложениях царя⁶. Царь грамотой от 23 ноября одобрил действия воеводы⁷ и выслал ему проект условий перемирия⁸.

Проект предусматривал, что перемирие будет заключено сроком на год, до 1 января 1662 г. Помимо общих установлений о необходимости «рати развести» в соглашение о перемирии должен был быть внесен ряд особых условий. Так, предусматривалось, что при заключении перемирия должна прекратиться осада русских гарнизонов в городах на территории Великого княжества Литовского и «Малой России» и они смогут получить

2 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 13. Л. 4–5 (отписка Ю.А. Долгорукого), «лист» сенаторов и их «наказ» Ю. Вяжевичу (Л. 7–13).

3 *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska...* S. 83.

4 *Ibidem.* S. 83–84.

5 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 13. Л. 8.

6 Грамота не сохранилась, но о ее существовании говорит ответная грамота царя.

7 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 13. Л. 19–22.

8 Там же. Л. 23–27.

запасы и «живность». Особое условие распространяло действие соглашения на «черкас», «которые великому государю изменили». Кроме того, на коронных гетманов налагалось обязательство «из Малой России татар вывести и впредь на великого государя города войною явно и тайно татар не накупать».

Таким образом, вместо локального соглашения о временном прекращении военных действий, которое предлагали литовские сенаторы, речь шла, по существу, о заключении перемирия сроком на год между обоими государствами и таким образом, чтобы русским гарнизонам таких городов, как Вильно, Ковно, Борисов, была обеспечена безопасность и полная возможность снабжаться, а Речь Посполитая должна была удерживать от войны не только казаков, перешедших под власть короля, но и своих татарских союзников. Что касается возможных линий разграничения, то, по мнению царя и его советников, польско-литовские войска должны были отойти за Березину, а армия Ю.А. Долгорукого — к Смоленску⁹. Не довольствуясь этими указаниями, царь 14 декабря отправил еще одну грамоту Ю.А. Долгорукому. Царь требовал от воеводы, чтобы тот «о перемирии всякими мерами договор учинил, как можно, хотя меньше году» при условии, что польско-литовские войска будут отведены за Березину¹⁰. Эта деталь лучше, чем что-либо другое, показывает, насколько сильно в Москве были заинтересованы в заключении перемирия.

На переговорах позиция русской стороны сразу была ослаблена тем, что в литовском войске все знали о приказе царя Ю.А. Долгорукому отвести войска к Смоленску¹¹. Этот шаг, расцененный как проявление слабости русской стороны, позволил представителям гетманов на переговорах под Шкловом выдвинуть далеко идущие требования. Русская сторона должна была вывести свои гарнизоны из Вильно, Ковно, Бреста, Борисова. Одновременно русские войска должны быть отведены за реку Ивату: «а по Ивату б реку шляхте самим жить и урядников держать и крестьянами владеть повольно». Принятие такого условия означало бы фактический переход этих территорий без войны под власть Речи Посполитой. Ю.А. Долгорукий не мог за-

9 См. об этом в грамоте царя Ю.А. Долгорукому: РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 12. Л. 36.

10 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 13. Л. 72–75.

11 Об этом сообщил Ю.А. Долгорукому один из его гонцов, ездивших к гетману П. Сапеге, Ф. Протасьев (Там же. Л. 69).

ключить перемирия на таких условиях, и 16 декабря переговоры закончились безрезультатно¹².

Однако заключение перемирия в Москве считали необходимым и сразу после того, как 23 декабря «в шестом часу ночи» сообщение Ю.А. Долгорукого о переговорах было зачитано царю и боярам, воеводе было послано распоряжение добиваться заключения перемирия хотя бы на время до возвращения гонца, которого царь отправил к Яну Казимиру. Единственное условие — вывод польско-литовских войск из Полоцкого и Витебского поветов за Западную Двину¹³.

29 декабря с этим предложением Ю.А. Долгорукий отправил к Павлу Сапеге ротмистра Кондрата Пятой¹⁴. Когда выяснилось, что П. Сапега поехал в Вильно, К. Пятого 4 января поехал туда за гетманом¹⁵. Из сохранившегося фрагмента его «распросных речей» видно, что до конца января ему так и не удалось передать грамоту Ю.А. Долгорукого гетману¹⁶. К. Пятой вернулся лишь 9 апреля¹⁷, когда соглашение о временном прекращении военных действий перестало для русского правительства быть крайне необходимым.

Переговоры о перемирии были прерваны, потому что против них выступил королевский двор. Сам король Ян Казимир был горячим сторонником продолжения войны. 3 января н.ст. 1661 г. он писал П. Сапеге, что армия должна не отходить вглубь страны, чтобы после короткого отдыха она могла возобновить наступление¹⁸. Сведения о переговорах вызвали резкое недовольство короля и его советников. 6 января н.ст. коронный канцлер М. Пражмовский писал С. Чарнецкому, что король не признает перемирия, заключенного без его согласия¹⁹. Литовские сенаторы вынуждены были сообщить Ю.А. Долгорукому, что не имеют от короля полномочий для заключения соглашения²⁰.

12 См. отписку Ю.А. Долгорукого царю от 17 декабря (Там же. Л. 83–88).

13 Там же. Л. 111–112.

14 РГАДА. Ф. 79. 1661 г. №. 1. Л. 1–3.

15 Там же. Л. 38–39.

16 Там же. Л. 51.

17 Там же. Л. 46.

18 *Rachuba A. Konfederacja Kmicicowska...* S. 86.

19 *Kersten A. Stefan Czarnecki...* S. 431–432.

20 *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 84–85.

Перемирие так и не было заключено, военные действия продолжались, но крупных военных операций со стороны Речи Посполитой не предпринималось. Войска Чарнецкого в январе — феврале 1661 г. действовали на Украине, а литовское войско, как уже отмечалось, отказывалось нести службу. Рейтары, проводившие К. Пятого в Витебск, сообщали Ю.А. Долгорукому, что «едучи к Витепску и назад... в полки, польских и литовских людей дорогою не видали и про них нигде не слышали»²¹. Тем самым на территории Великого княжества Литовского русской стороне фактически удалось получить необходимую ей передышку.

Инициативой литовских сенаторов Алексей Михайлович воспользовался для того, чтобы предложить Яну Казимиру начать переговоры о заключении мира между Россией и Речью Посполитой. В «листе» сенаторов Ю.А. Долгорукому выражалась надежда, что соглашение о временном прекращении военных действий может привести «к розговору конечному о вечном меж великими монархи миру»²². Сообщая Яну Казимиру, что в ответ на предложение литовских сенаторов он дал согласие заключить соглашение о временном прекращении военных действий, царь предложил королю, пока будет действовать такое соглашение, созвать съезд для переговоров о вечном мире в июне или в июле 1661 г. под Могилевом²³. С грамотой царя 2 декабря 1660 г. в Речь Посполитую был отправлен гонец Ларион Иванов²⁴. К непосредственным конкретным результатам этот шаг не привел. Ян Казимир задержал гонца, ссылаясь на то, что для ответа царю он должен дожидаться решений сейма²⁵.

Не дожидаясь возвращения Лариона Иванова, Алексей Михайлович предпринял новый важный шаг. 21 декабря на со-

21 РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 1. Л. 39. В записке о состоянии литовского войска, относящейся к февралю 1661 г., указывалось, что положение литовского войска на зимовке трудно: «с кормами скудно... едят солому», «а начальные люди полковники и ротмистры живут по [домам], а над полки порутчики и хорунжии» (РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 159. Л. 411).

22 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 13. Л. 8.

23 См. изложение этой грамоты в ответе Яна Казимира: Там же. № 12. Л. 63–64.

24 Там же. Л. 34.

25 См. об этом в письме П. Сапеги Ю. Долгорукому от 6 марта н. ст. 1661 г.: Там же. Л. 55.

вещании царя с тремя ближними боярами — Я.К. Черкасским, А.Н. Трубецким и Н.И. Одоевским — был утвержден наказ новой дипломатической миссии, которая должна была направиться в Речь Посполитую²⁶. Посланник, которого царь направлял к Яну Казимиру, должен был добиваться заключения перемирия между государствами «самое малое на год»²⁷. По условиям перемирия войска Речи Посполитой в Великом княжестве Литовском должны были отойти за Березину. На Украине предполагалось прекращение военных действий с тем, чтобы каждая из сторон сохранила за собой те территории, которые оставались бы под ее властью на момент заключения перемирия. Кроме того, власти Речи Посполитой должны взять на себя обязательство «чюжеземцов крымских и нагайских татар войной не насылать»²⁸. Если бы удалось заключить перемирие на таких условиях, то посланники получили бы полномочия согласиться на вывод русских гарнизонов из Вильно, Гродно, Ковно и Бреста²⁹. Посланники должны были договориться после заключения перемирия о месте и времени проведения переговоров о заключении «вечного мира». Царь предлагал провести такие переговоры под Могилевом в июне — июле 1661 г.³⁰.

20 января выполнение этой миссии было возложено на стольника Замятню Леонтьева и дьяка Лукьяна Голосова³¹. В середине февраля посланники доехали до Полоцка, где ждали известий от литовской стороны, когда их могут принять, но 1 марта к ним пришла грамота царя с приказом ехать к Яну Казимиру, «не мешкая нигде»³². Посланники были вынуждены отправиться в путь, не зная, примет ли их литовская сторона. К концу апреля посланники достигли Варшавы³³, где также были задержаны в ожидании решений сейма. И этот шаг не привел к желаемым для царя результатам, но он показывает, какие прилагались усилия для заключения перемирия с Речью Посполитой.

26 РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 9. Л. 11.

27 Там же. Л. 4–6.

28 Там же. Л. 4–5.

29 Там же. Л. 5–6.

30 См. об этом в «речах» посланников на встрече с сенаторами: Там же. Л. 141.

31 Там же. Л. 4.

32 Там же. Л. 11–12.

33 Там же. Л. 20.

Если с инициативой о проведении мирных переговоров Алексей Михайлович выступал лишь в декабре 1660 г., то сам вопрос о подготовке и проведении таких переговоров был поднят значительно ранее, хотя и не по инициативе русской стороны. Первым с такой инициативой выступил освобожденный шведами после заключения Оливского мира курляндский герцог. Для этого он использовал свои старые связи с А.Л. Ординым-Нащокиным. 27 июня 1660 г. дипломат послал герцогу соболя — подарок царя и его поздравления по случаю освобождения. В грамоте отправленной в связи с этим царю, герцог выражал пожелания, чтобы был установлен мир между Россией и Речью Посполитой³⁴. Конкретно вопрос о содействии герцога заключению мира был поднят в письме одного из приближенных герцога зельборского старосты Вильгельма Толбы к Ордину-Нащокину. Он писал о том, что герцог хочет содействовать заключению мира через своего шурина, бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма³⁵. Такое выступление курляндского герцога вполне понятно. Он стремился к прекращению войны у границ своего княжества, разоренного шведами. В прекращении войны у своих границ мог быть заинтересован и его могущественный родственник — курфюрст. Передавая эти предложения в Москву, А.Л. Ордин-Нащокин не сопроводил их каким-либо комментарием. В начале июля несмотря на неудачу, постигшую армию Хованского, он рассчитывал на успех военной кампании в Великом княжестве Литовском и советовал, используя этот успех, навязать Великому княжеству Литовскому выгодное для русской стороны сепаратное мирное соглашение. «А вдруг, государь, — писал он царю, — миру с Литвою и с поляки прибыли Великой России быть невозможно». Впрочем, он полагал, что после заключения такого соглашения «и Коруна черкасскими войски приневолена будет к миру»³⁶.

Курляндский герцог продолжал свои попытки содействовать прекращению войны. 7 августа состоялась новая встреча А.Л. Ордина-Нащокина с В. Толбой, информировавшим русского политика о шагах, предпринятых герцогом. Он посыла-

34 Грамота герцога Якоба от 3 июля // РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 324–327.

35 Там же. Л. 362.

36 Там же. Л. 364.

ет свою жену к курфюрсту, чтобы убедить его выступить посредником. И сам герцог «готов... к польскому королю ехать и у короля и у санату о миру всяким промыслом делать». Толба передал также совет герцога искать сближения с английским королем Карлом II, который «дружбою будет радетелен», вспомнив о репрессиях царя по отношению к английским купцам — сторонникам Республики³⁷. В сентябре Ордин-Нащокин получил письма от В. Толбы и канцлера курляндского герцога Мельхиора Фьекерзама, которые снова запрашивали, желает ли царь, чтобы герцог и курфюрст выступили как посредники в русско-польском конфликте («ожидаем указу царского величества, делат то дело или нет»)³⁸.

Отсутствие реакции на эти сообщения, как и комментариев к ним А.Л. Ордина-Нащокина говорит о том, что пока сохранялись надежды на успех на фронтах, русская сторона не проявляла интереса к поискам возможных посредников. Заинтересованность в посредничестве появилась, когда начало становится все более ясным, что итоги боев в Белоруссии и на Украине не соответствуют ожиданиям.

Уже в октябре 1660 г. в Москве было принято решение отправить к бранденбургскому курфюрсту с просьбой о посредничестве Ивана Желябужского³⁹.

В указаниях, посланных в ноябре 1660 г. к А.Л. Ордину-Нащокину с подьячим Приказа Тайных дел Кириллом Демидовым, посланцу предписывалось «о посредстве курфюрста бранденбургского и курлянского князя поговорить, чтобы он (т. е. Ордин-Нащокин) наперед послал проведать, на которых статьях хотят посредство чинить и отписать о том к нам, великому государю, тотчас»⁴⁰.

Когда А.Л. Ордин-Нащокин получил информацию от царя и составил представление о событиях, происшедших на Украине,

37 Там же. Л. 391–392.

38 Там же. Л. 446–448.

39 Октябрем датированы составленные в Посольском приказе черновики верительной грамоты И.А. Желябужскому и грамоты царя курляндскому герцогу с просьбой помочь его посланнику доехать до курфюрста и обеспечить его охрану на дороге «от полских людей» (РГАДА. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Оп. 1. 1660 г. № 2. Л. 16–25).

40 Там же. Л. 346.

в ответ на указания царя он направил ему обширную отписку, в которой не только затронул вопрос о поиске посредников, но и изложил свои представления о возможных условиях мира с Речью Посполитой⁴¹.

Саму идею организации мирных переговоров с Речью Посполитой при посредничестве курляндского герцога и курфюрста он поддержал, но считал неуместным на данном этапе запрашивать у них, «на которых статьях хотят мир чинить»: «того, де, проведать преже времени нельзя, как и время будет, и проведать будет трудно»⁴².

Главное место в отписке занял вопрос о мире с Речью Посполитой. Заключение такого мира А.Л. Ордин-Нащокин справедливо считал главной задачей, стоящей перед русской внешней политикой, и выражал готовность посвятить свои силы решению этой задачи: «А чтоб у того полского миру и промыслу быть ему, думному дворянину, на Двине, а от свейского дела быть свободну». В этой связи он просил о личной встрече с царем, «хотя и не на многое время», чтобы определить, «как тот полской мир делать». Однако, не дожидаясь этой встречи, А.Л. Ордин-Нащокин изложил целый ряд соображений о том, каковы должны быть условия этого мира.

Именно в этой отписке под влиянием сообщений, полученных от царя, А.Л. Ордин-Нащокин высказал мнение, что теперь можно уступить «черкас» польскому королю. Царь принял их под свою защиту «для единой православной веры греческого закону» и обязан был их защищать «как они были от великого государя неотступны», но теперь, когда «уж и вдругоряд от подданства отступили и крестное целование порудили, никак за них стоять не надобно». Необходимость такого шага дипломат аргументировал тем, что иначе мирного соглашения с Речью Посполитой заключить не удастся («миру никак не... сыскать»). Если не отказаться от «черкас», «сколько бы их ни держать, быть великим кровям»⁴³.

Уже в этом тексте Ордин-Нащокин, выступая за заключение мира с Речью Посполитой, не ограничивался лишь ссылкой

41 Там же. Л. 599–606. Отписка, доставленная К. Демидовым в Приказ Тайных дел 6 декабря. Краткую характеристику документа см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 272–273. Предложенная Кобзаревой датировка документа не точна.

42 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 601.

43 Там же. Л. 600–601.

ми на то, что будет положен конец долгой и тяжелой войне. Как дополнительный довод в пользу заключения мира он отмечал, что в этом случае «и татаровя отстанут». Попытки привлечь на свою сторону татар с помощью «поминков» ничего не гарантируют. Хан — вассал султана и, если султан прикажет, будет помогать королю несмотря на «поминки». «А миром с поляки ту-рок и хан будут задавлены». Эти последние слова отписки, как представляется, могут указывать на то, что уже в то время, когда А.Л. Ордин-Нащокин только начал размышлять над вопросом о «польском мире», в его сознании зарождалась идея союза двух государств против Турции и Крыма, чем был бы положен конец их вмешательству в восточноевропейские дела.

Отписка содержала также острые выпады против поведения «великих» послов при начале русско-польских мирных переговоров в 1660 г. Если с русской стороны требовали, чтобы «черкасам было место и глас был особой, и тут было как миру быть, что им с своими холопи вместе сидеть». Поляки не согласятся на такое условие, «хотя до одного человека згинуть». По существу это был прямой выпад против царя и его советников, так как послы только следовали полученному в Москве наказу.

Другой выпад был прямо направлен против «великих» послов. Они хотят вести мирные переговоры, а «на сторонах чинят крови многие», «комиссарские маятности разоряли без остатку». И это по существу был выпад против царя и его советников, которые приняли решение вести переговоры, не прекращая военных действий. Стоит заметить, однако, что ранее сам Ордин-Нащокин был согласен с такой линией поведения. Выдвижение таких доводов говорит, как представляется, о воздействии на взгляды Нащокина его польских корреспондентов. Первоначально он, вероятно, не придавал им значения, рассчитывая на скорую победу в войне, но, когда встал вопрос о поисках мира с Польшей, он пришел к заключению, что их следует принять во внимание.

Свои соображения по поводу «польского мира» А.Л. Ордин-Нащокин дополнял и развивал в двух недатированных записках. В одной из них под заголовком «Думный дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин Нащокин в розговорах говорил»⁴⁴ дипломат продолжал обосновывать положение, что для того, чтобы

44 Там же. Л. 607–608.

мир был прочным, его условия должны быть приемлемыми для поляков «чтоб за то мстительны не были». Он полагал, что можно было бы добиться от них уступки Полоцка и Витебска «за взятку», т. е. за денежную компенсацию, но если поляки не согласятся на это, то можно уступить и их — «Те города к Великой Росии не нужны, прибыли от них никакие кроме убытков». Если же мир и удастся заключить на условиях для польской стороны невыгодных, «и тот мир вперед не крепок, потому что Польская и Литовская земля не через море и причину к войне скоро дадут».

Тема о подготовке к мирным переговорам получила развитие в другой недатированной записке, относящейся, несомненно, к тому же времени⁴⁵. Афанасий Лаврентьевич советовал «спешно всячески от началу сее зимы промысл чинить через курфирста и курлянского князя о миру с польским королем». Когда курфюрст согласится быть посредником, «путь будет свободен» посылать через его владения послов в европейские государства «и в зиму». «Надеюсь, — писал он далее, — ...сего году с польским королем промысл учинитца». Однако открытых официальных действий для достижения этой цели недостаточно: «А без тайново, государь, промыслу явными посольствы, к миру не прийти». Потому он снова добивался личной встречи с царем, чтобы решить окончательно, «как вперед промыслу быть».

В этой же записке А.Л. Ордин-Нащокин еще раз высказался по вопросу об Украине. После Чудновской катастрофы царь вместе со своими указаниями прислал своему советнику копию донесения Ю. Барятинского, где излагались условия договора, заключенного В.Б. Шереметевым. Имея в виду этот документ, А.Л. Ордин-Нащокин писал царю: «Против, государь, договорных статей нынешних, что вывезть московские рати из черкасских городов, и та малочасная печаль, а вперед на великую радость».

Соображения А.Л. Ордина-Нащокина о необходимости поиска посредников для организации мирных переговоров с Речью Посполитой соответствовали уже принятому в Москве решению о посылке И.А. Желябужского. Однако приглашения в Москву для обсуждения того, как заключить мирное соглашение с Речью Посполитой и на каких условиях, дипломат не получил. Когда А.Л. Ордин-Нащокин писал свои записки, ему не без

45 Там же. Л. 241, 248.

оснований представлялось, что он смотрит на положение дел на Украине так же, как и царь. Однако к концу 1660 г. дело обстоит уже не так. Позиция царя изменилась, что было связано с развитием событий на Украине.

В декабре 1660 г. действия русского правительства на Левобережной Украине сталкивались с серьезными трудностями, которые усугублялись тем, что русское правительство не сразу определило свою линию поведения. Командующему войсками Белгородского разряда Г.Г. Ромодановскому то посылались приказы «не мешкая» идти в поход на Украину, то, наоборот, предписывалось не вести военных действий и воздействовать на «черкас» только с помощью грамот. Таким путем рассчитывали удержать под властью царя Полтавский, Лубенский, Прилуцкий и другие полки. Однако все попытки переговоров закончились безрезультатно, более того, с наступлением зимы начались нападения казаков этих полков на пограничные русские территории и Ромодановскому пришлось выслать против них войска. Завязались бои, в которых русским войскам противостояли не только местные «черкасы», но и пришедшее с Правобережья войско⁴⁶ во главе с наказным гетманом Петром Дорошенко⁴⁷.

Вместе с тем одновременно в северной части Левобережья — там же, где осенью 1659 г. началось восстание против Выговского, — обозначились центры, которые выступали против соглашения Ю. Хмельницкого с поляками и искали поддержки России.

Одним из таких центров стал Нежин. Как отмечалось выше, в момент заключения Чудновского договора Нежинский и Черниговский полки находились в Белоруссии, где участвовали в военных действиях вместе с армией Ю.А. Долгорукого. 29 октября здесь были получены «листы» Хмельницкого, в которых, очевидно, сообщалось о заключении договора с Речью Посполи-

46 Подробнее об этом см.: Яковлева Т. Руїна... С. 159–160, 163–166. Особенно активными были нападения на пограничные русские города отрядов полтавского полковника Ф. Жученко (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 146, 156, 211).

47 См. оригинал универсала «наказного гетмана» населению Левобережной Украины подчиниться власти короля, чтобы избежать кровопролития и разорения: РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 159. Л. 101.

той и содержался приказ оставить русскую армию⁴⁸. После этого состоялась войсковая «рада», участники которой принесли присягу царю и «обрали всем войском полковника Василья Золотаренко Северским гетманом». 2 ноября к царю отправились послы войска во главе с черниговским полковником Аникеем Силичем, чтобы заверить царя в своей верности. 12 ноября царь сообщал об этом Г.Г. Ромодановскому⁴⁹.

Во второй половине ноября полки покинули армию Ю.А. Долгорукого⁵⁰, но не присоединились к Ю. Хмельницкому, а вернулись на свои места. В конце ноября уже в Нежине В.Н. Золотаренко принимал царского посланца к Ю. Хмельницкому Ф. Сухотина, который сообщал в Москву: «нежинский полковник Василий Золотаренко... и его полку сотники, и атаманы, и войты, и бурмистры и казаки, и чернь сказывали, что они все хотят быть у тебя, великого государя, в вечном подданстве»⁵¹.

Очевидно, с возвращением полков была проведена присяга на верность царю и всего населения на полковых территориях. В грамоте от 3 января 1661 г. в Чернигов, адресованной не только казакам, но «и всему посполству и всей черни», царь Алексей Михайлович призывал их хранить верность новой присяге, которую принесло все население на территории полка во главе с полковником Аникеем Силичем⁵². 1 декабря Г.Г. Ромодановского посетил посланец В.Н. Золотаренко, его доверенное лицо Ракушка Романовский, который просил прислать «вскоре» в Нежин русские войска, чтобы противодействовать полякам и татарам, которые «как Днепр станет, на сю сторону перейдут»⁵³.

48 Сведения об этом и последующих событиях см. в двух документах — отписке Ю.А. Долгорукого царю (после 12 ноября 1660 г.): РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 1. Л. 108–109; и в грамоте Алексея Михайловича Ю.А. Долгорукому (также после 12 ноября): Там же. № 12. Л. 37–39.

49 АМГ. Т. 3. С. 203.

50 12 ноября они еще находились в русском военном лагере (РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 1. Л. 108.), позднее с русским войском оставался Стародубский полк, по просьбе Василия Золотаренко он был отпущен со службы 22 декабря (АМГ. Т. 3. № 273. С. 275.).

51 ПКК. Т. 4. № 14. С. 68.

52 Акты исторические. Т. 4. № 152. С. 299–300.

53 АМГ. Т. 3. № 248. С. 252–253; № 249. С. 255.

26 декабря Ю.А. Долгорукого посетил новый посланец В.Н. Золотаренко атаман Иван Андреев, просивший о помощи⁵⁴. Посланец передал воеводе тексты писем Яна Казимира, С. Чарнецкого и гетмана Ю. Хмельницкого В.Н. Золотаренко и казакам Нежинского полка⁵⁵. Это, конечно, должно было восприниматься в Москве как свидетельство политической лояльности нежинского полковника.

Как уже отмечалось, сразу после заключения Чудновского договора против соглашения с поляками выступил и дядя Ю. Хмельницкого по матери, переяславский полковник Яким Сомко. Уже 15 октября, приехав в Переяслав из Белой Церкви, он привел жителей города к присяге царю в соборной церкви⁵⁶. Однако он первоначально не вызывал доверия в Москве, как родственник изменившего гетмана, о нем плохо отзывались находившиеся в Переяславе русские воеводы. Так, переяславский воевода кн. Василий Волконский сообщал Г.Г. Ромодановскому о своих подозрениях, что Сомко с казаками хотел «побить» находившихся в Переяславе русских ратных людей⁵⁷. Кн. Б. Мышецкий, отряд которого дошел до Переяслава 23 октября, также подозревал, что у Сомка были такие намерения. Сообщая Г.Г. Ромодановскому о предложениях Сомко послать 1000 чел. ратных людей в соседние города, князь заметил: «и то знатно для чего» и далее пояснял: «А в Переяславе только не будет больших... ратных людей, отнюдь верить не мочно»⁵⁸. Выражая недовольство тем, что Сомко не дает для его солдат хлеба в долг, он писал: «и то знатно для чего государевы люди морит». Он обвинял Сомка также в том, что у него «ссылка з заднепрьскими беспрестанная». По его мнению, Сомко не выступает против царя только потому, что «послал к Москве медные денги на обмену для покупки товару»⁵⁹. В Москву о Сомке приходили, однако, известия и другого характера. 2 декабря Феокист Сухотин сообщал в Москву, что Яким Сомко отверг «прелестные листы» и угрозы

54 РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 1. Л. 8.

55 Их тексты см.: Там же. Л. 10–18.

56 См. об этом в отписке севских воевод: РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 167. Л. 450.

57 АМГ. Т. 3. № 212. С. 191.

58 Там же. № 218. С. 202.

59 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 176.

Ю. Хмельницкого⁶⁰. В начале декабря царю также стало известно, что Сомко послал полковника Ивана Гладкого с отрядом в 400 человек в Прилуки, и «прилуцкого полковника Тереха», изменившего царю, прилучане выдали и прислали в Переяслав⁶¹. Тогда же царю стало известно о присяге жителей Переяслава по инициативе «наказного гетмана» (как он был назван в царской грамоте⁶²). К концу декабря в Москву попал и такой важный документ, как написанное 1 декабря письмо Якима Сомка своему племяннику — гетману⁶³. Порицая гетмана за то, что он нарушил присягу, которую он и его отец принесли царю, он призывал его порвать с «ляхами», так как наконец «теж ляхи тебе посмеютца и поругатися будут». Я. Сомко заявлял, что не только он сам, «но и все товариство на сем боку Днепра» не желают подчиняться власти короля, «знаючи и видечи желательство и приятство ляхкое и татарское». Они, — предупреждал Сомко гетмана, — будут сражаться до конца и не сдадутся, помня о судьбе, постигшей армию Шереметева после капитуляции. Для царя и его советников это письмо было важным свидетельством того, что на переяславского полковника они могут рассчитывать.

Что существенная часть казацких полков на Левобережье не желает подчиняться власти короля и выполнять условия договора в Чуднове, свидетельствовали и попавшие в Москву в конце декабря тексты универсалов Юрия Хмельницкого от 18 и 24 ноября, посланных в левобережные полки⁶⁴. В универсале от 18 ноября гетман обращался к «заднепрянам», которые не хотят «с нами едино и единомысленно прироженому своему голдовати пану», угрожая им нападением коронных и татарских войск, обещая им судьбу М. Пушкаря и других бунтовщиков. В универсале от 24 ноября, адресованном казакам Прилуцкого полка, говорилось о том, что «явные с полку Переяславского... бунты всчинают».

Конечно, положение на Украине во многом продолжало оставаться трудным и сложным. Оставалось неясно, смогут ли эти центры сопротивления устоять перед лицом противника, надви-

60 ПКК. Т. 4. № 14. С. 71.

61 См. грамоту царя Ю.А. Долгорукому о положении на Украине: АМГ. Т. 3. № 240. С. 247.

62 АЮЗР. Т. 5. № 22. С. 42.

63 Перевод письма см.: РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 1. Л. 29–34.

64 РГАДА. Ф. 79. 1661 г. Л. 20–25. Универсал от 18 ноября издан: ПКК., изд 2-е. Т. 3. № СХХХV. С. 444–445.

гавшегося на них с Правобережья. Опасность была и близкой, и реальной. Уже в конце ноября и Яким Сомко, и Василий Золотаренко просили Г.Г. Ромодановского прислать им на помощь войска⁶⁵.

Первоначально главная опасность угрожала Переяславу. 9 декабря татарские и казацкие войска подошли к городу и «бой был большой»⁶⁶. 17 и 23 декабря эти войска штурмовали город. Штурмы были отбиты, но осада продолжалась⁶⁷. Посланцы В.Н. Золотаренко, ехавшие 11 января к Г.Г. Ромодановскому «мимо Путивля», сообщали, что «около, де, Переяславля со всех сторон в розных местех по сю сторону Днепра стоят салтан с татари и Потоцкой с ляхи»⁶⁸. Находившийся в осаде Переяслав не сдавался. Другой центр сопротивления, Нежин, находился первоначально на периферии событий, но в январе на территорию Нежинского и Черниговского полков вступили войска Чарнецкого. Нападению предшествовало обращение Чарнецкого к нежинскому и черниговскому полковникам с предложением перейти на польскую сторону, но те ответили отказом⁶⁹. Положение было серьезным, и 12 января 1661 г. В.Н. Золотаренко обратился к Ю.А. Долгорукому с просьбой прислать ему на помощь «ратных людей»⁷⁰. Если осада Переяслава продолжалась, то войска Чарнецкого, не сумев с ходу овладеть укрепленными городами, отошли в район Слуцка. И В.Н. Золотаренко стал предпринимать действия против «изменников». 26 января он послал царю захваченных пленных, среди которых был наказной киевский полковник Молява⁷¹. О надеждах, которые к этому времени стали возлагать на нежинского полковника, говорит царская грамота, направленная ему 30 января 1661 г. Алексей Михайлович предлагал ему вместе с посланными из Киева войсками очистить Остер и тем самым освободить ведущий к Киеву днепровский путь⁷².

65 См. отписку Г.Г. Ромодановского царю: РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 159. Л. 561.

66 Там же. Стб. 167. Л. 177.

67 См. отписку кн. Б. Мышецкого с описанием осады Переяслава и последующих событий: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 194.

68 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 167. Л. 382.

69 Kersten A. Stefan Czarnecki... S. 434.

70 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 159. Л. 337.

71 АЮЗР. Т. 7. № 109. С. 322–323.

72 АЮЗР. Т. 5. № 24. С. 43.

Совокупность приведенных фактов показывает, что, хотя ситуация на Украине оставалась сложной и неблагоприятной и большая часть полков Запорожского Войска не подчинялась власти царя, русское правительство смогло найти опору своим действиям в полках северной части Левобережной Украины. Там положение определилось в начале декабря, а свидетельства последующего времени говорили о том, что на поддержку этих полков и их лидеров можно опираться. В таких условиях доводы А.Л. Ордина-Нащокина, что следует отказаться от «черкас» ради мира с Речью Посполитой, теряли в глазах царя и его советников убедительность. Царь был готов отказаться от Украины, так как не надеялся найти какую-либо поддержку со стороны местного населения, но, когда такая поддержка была найдена, положение дел воспринималось иначе. Вместе с тем было очевидно, что для того, чтобы переломить ситуацию на Украине или хотя бы сохранить имеющиеся позиции, потребуется мобилизация всех сил. В этих условиях насущной необходимостью становилось сохранение мира со Швецией. Перемирие, заключенное со Швецией в Валиесаре, истекало к концу 1661 г., и если бы не удалось заменить его каким-либо другим мирным соглашением, то России могло угрожать одновременное ведение войны на двух фронтах.

Хотя весной 1660 г. мирные переговоры со шведами были прерваны на неопределенный срок, А.Л. Ордин-Нащокин, оставшийся главой русской делегации, стремился наблюдать за действиями шведского правительства и собирать информацию о положении дел в Швеции, чтобы составить представление, чего можно ждать от шведских дипломатов на предстоящих мирных переговорах.

В конце весны и летом 1660 г. А.Л. Ордин-Нащокин оценивал положение как благоприятное для России. Характеризуя ход переговоров под Гданьском, он писал: «Ищут шведы, чтобы со всеми государствами мир учинить и прежние взятые земли все уступают»⁷³. Когда Оливский мир был действительно заключен на таких условиях, он пришел к выводу, что в Швеции стремятся «воины на себя не допустить, а учинить со всеми государствами мир»⁷⁴. Кроме того, он обращал внимание на трудности между-

73 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 254.

74 Там же. Л. 307 (отписка А.Л. Ордина-Нащокина царю, доставлена 6 июня).

народного положения Швеции. Брак французского короля Людовика XIV с испанской инфантой может привести к тому, что Франция перестанет поддерживать Швецию и тогда «цесарь от дацкого короля и курфирст не отстанут и шведу будет тяжело»⁷⁵. «А шведом ныне не до помочи иным и сами отовсюду страшны», — писал он царю в июле 1660 г.⁷⁶. Из этого следовал вывод, что со стороны Швеции какой-либо опасности нет, нет поэтому необходимости торопиться с началом мирных переговоров и делать какие-либо уступки требованиям шведской стороны. «А по нынешним, государь, свейским упатком, что оне со всеми государствы с великой уступкой мирятца, и для их безсилья уступать ... в свейскую сторону не для чего», — убеждал А.Л. Ордин-Нащокин царя в отписке, поданной в Приказ Тайных дел 18 сентября⁷⁷.

В Москве, однако, уже в то время, в особенности после поражения армии Хованского в битве при Полонке, были налицо другие настроения. При отпуске из Москвы в конце июля шведского гонца А. Эберса царь через пристава просил сообщить новому королю Карлу XI, что хочет иметь с ним «любовь и дружбу»⁷⁸. В своем отчете о поездке А. Эберс писал не только о том, что население России хочет мира со шведами и порицает виновников войны, но и о том, что в Москве хотят заключения «вечного мира» со Швецией и готовы потратить ради этого большие суммы денег. Русские, — писал он, — испытывают большие трудности в войне с поляками и татарами и опасаются возобновления войны со Швецией в условиях, когда лучшие войска Новгородского разряда погибли в битве при Полонке⁷⁹.

В Москве должны были вызывать беспокойство и сообщения, поступавшие в русскую столицу о концентрации в Прибалтике шведских войск. Так, в августе новгородские воеводы сообщали о приходе в Ливонию новых военных отрядов, привозе туда пушек, проведении здесь набора людей в солдаты⁸⁰. В своей

75 Там же. Л. 312.

76 Там же. Л. 366.

77 Там же. Л. 421.

78 *Форстен Г.В.* Сношения... С. 76.

79 Там же. С. 77. Ср.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 266.

80 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 107–108.

отписке от 12 сентября и А.Л. Ордин-Нащокин сообщал, что «в Ригу и в ыные города изо всех свейских мест... людей збирают». А.Л. Ордин-Нащокин расценивал эти действия как угрозы («пострахи»), меры давления, чтобы «захватить бы им многими устрасками вечной мир», но, по его мнению, как только с Речью Посполитой «мир вечной учинитца и шведы страшны будут и вспоминать о Ливонской земле»⁸¹. Аргументам А.Л. Ордина-Нащокина нельзя было отказать в логичности. Но успокоить царя и его советников они не могли, так как ход событий все более и более исключал возможность быстрого заключения выгодного для России мирного договора с Речью Посполитой.

В сентябре в прерванных и никак не возобновлявшихся мирных переговорах со Швецией наметился какой-то прогресс. 10 сентября А.Л. Ордин-Нащокин получил сведения, что Б. Горн назначен главой шведской делегации на мирных переговорах с Россией. 19 сентября отписка с этим сообщением была передана в Посольский приказ «от великого государя ис хором»⁸². Очевидно, когда появились указания на то, что вопрос о мирных переговорах может перейти в практическую плоскость, царь отправил к А.Л. Ордину-Нащокину подьячего Приказа Тайных дел Ю. Никифорова с указаниями, которые тот и передал дипломату 6 октября⁸³. К сожалению, текст самих указаний царя не сохранился и о них можно судить лишь по ответу А.Л. Ордина-Нащокина, записанному Ю. Никифоровым⁸⁴. В ответе фигурируют из этих указаний лишь два пункта. Во-первых, царь требовал скорее заключить мир со Швецией, во-вторых, предлагал использовать крупные суммы денег для подкупа шведских комиссаров. Ко второму из предложений А.Л. Ордин-Нащокин отнесся скептически, считая его практически неосуществимым («ни через кого зделать того никак невозможно»). Что касается заключения мира, то он обещал «промысл чинить» для достижения этой цели, но четко дал понять, что он против каких-либо уступок: «А поступатца, государь, в свейскую сторону, видя их нынешнее бессилье и безлюдство, не для чего, ото всех сторон швед утеснен». Ордин-Нащокин

81 Там же. № 2. Л. 422–423.

82 Там же. Л. 435–436.

83 Там же. Л. 480.

84 Там же. Л. 480–483.

подчеркивал военное бессилие Швеции — шведские войска в Ливонии не получили подкреплений, да им «и быть неоткуль», солдаты и офицеры «на сей стороне моря», не получая жалованья, «идут в рознь». Одновременно он предупреждал царя, что уступки по отношению к шведам помешают достичь мира с Речью Посполитой: «А как, де, государь, в свейскую сторону ныне что уступить и поляки и литва, услыша то, будут в запросех высоки и с ханом больши учнут ссылку держать».

Гонец, доставивший записи Ю. Никифорова, по-видимому доставил и в тот же день, 16 октября, поступившую в Приказ Тайных дел отписку А.Л. Ордина-Нащокина⁸⁵. В ней наместник ливонских городов выражал надежду, что сумеет удержать Ливонскую землю под русской властью, «покамест Господь Бог по твоей, великого государя, воле с поляки и литвою учинит». В той же отписке А.Л. Ордин-Нащокин, который ранее просто передавал царю предложения курляндского герцога о посредничестве его и бранденбургского курфюрста в переговорах с поляками, выступил в поддержку этой инициативы, в частности, потому что, если начнутся мирные переговоры с Речью Посполитой при посредничестве бранденбургского курфюрста, то «страшны будут шведы и учнут уступать».

28 октября в Приказ Тайных дел поступила еще одна его отписка⁸⁶. В ней со слов немецкого офицера из шведской армии, приехавшего наниматься на русскую службу, дипломат писал, что «в Свейской, де, государь, земле чюжоземцов всех отпустили, а заслуженные денги исполна не давали и отходили от них служилые люди з большим оскорблением». В связи с этим он выдвигал различные предложения, как привлечь в русскую армию отставных офицеров из Швеции. По-видимому, это сообщение должно было окончательно убедить царя в том, что со стороны Швеции не угрожает какая-либо серьезная опасность.

Однако по другим каналам к русскому правительству поступали иные сведения. 26 октября полковник на русской службе М. Бровман получил письмо от сослуживца из Дании. В письме говорилось, что «меж польским и свейским короли дружба надежная являетца». Теперь, когда у шведов закончилась война с соседями, «своих рубежей отведывать будут и

85 Там же. Л. 484–485.

86 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 141–142.

до Москвы». К этому сообщению в Москве отнеслись со всей серьезностью. К А.Л. Ордину-Нащокину был послан подьячий Приказа Тайных дел Артемий Афанасьев с предписанием проверить эти сведения⁸⁷.

По-видимому, тогда же в ноябре в руки русских властей попал важный документ — письмо И. Радзейовского П. Сапеге. И. Радзейовский, только что прибывший из Швеции в Гамбург, сообщал гетману, что благодаря ему шведские сенаторы решили «не мириться с Москвою», пока та не откажется в пользу Речи Посполитой от Литвы и «Белой России». Для заключения союза между Польско-Литовским государством и Швецией, союза, направленного против России, на сейм в Варшаву направляется граф Шлиппенбах⁸⁸.

Когда в ноябре 1660 г. в Москве уяснили себе размер катастрофы, происшедшей на Украине, перед царем и его советниками со всей остротой встали тревожные вопросы. Правда, Швеция была измотана долголетней войной и, по-видимому, распустила часть своих войск, но теперь, видя тяжелое положение Русского государства, потерпевшего серьезные неудачи в борьбе одновременно с двумя противниками — Речью Посполитой и Крымом, не соблазнятся ли шведские политики возможностью силой вернуть себе земли, потерянные во время русско-шведской войны 1656–1658 гг., не придется ли России в дальнейшем вести войну с коалицией из трех враждебных государств. Мир со Швецией становился необходимым.

По представлениям царя, А.Л. Ордин-Нащокин должен был приложить максимум усилий, чтобы как можно скорее добиться этой цели. Неслучайно посланные ему инструкции открывались предельно откровенной характеристикой положения дел. А.Л. Ордин-Нащокин должен был наглядно убедиться, насколько необходимо заключение мирного соглашения со Швецией.

Предписания царя были четкими и определенными⁸⁹. Следовало приложить все старания, чтобы «без всякого мотчания», «не испустя времени» начать переговоры с шведскими послами и «сее зимы» заключить с ними мирный договор, удовлетво-

87 РГАДА. Ф. 27. № 166. Л. 170–173. Артемий Афанасьев прибыл к А.Л. Ордину-Нащокину 16 ноября (РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 177).

88 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 176–177.

89 Там же. № 2. Л. 347–351.

рившись минимальными уступками («выговорить по конечной мере два города или один»), что диктовалось соображениями престижа, нежеланием признать, что война закончилась совсем безрезультатно. За эти уступки можно было предлагать шведам большую денежную компенсацию. По соглашению все оставляемые города должны были быть переданы шведам в августе 1661 г. К этому времени из них должны были быть вывезены хлеб, пушки и военные «запасы». Последние слова наставлений царя показывают, что больше всего беспокоило поздней осенью 1660 г. царя и его советников: «А войны б не допустить и чтобы они (шведы. — Б.Ф.), послыша нынешний упадок боярина и воеводы нашего Василь Борисовича Шереметева, какова дурна не учинили и крови не всчали, беречь тово накрепко, что б они тово не учинили».

Когда К. Демидов вручал инструкции царя А.Л. Ордину-Нащокину, в Москве был предпринят еще один важный шаг. С грамотой к Карлу XI был отправлен подьячий Василий Мяконин⁹⁰. Царь сообщал, что ждет «великих» послов для возобновления переговоров о «вечном мире»⁹¹. Посылка грамоты должна была свидетельствовать о стремлении царя к миру. Одновременно В. Мяконин должен был из первых рук познакомиться с положением дел в Швеции и узнать о намерениях шведских правящих кругов. Он должен был выяснить, приедут ли на переговоры шведские послы «и на чем, чают, тому миру статца». Особенно царя и его советников интересовало, «ратные люди у свейского короля ныне в зборе есть ли и много ли их, и в которых городех они стоят и куды их походу чаять»⁹². Беспокойство, проявлявшееся царем и его советниками, было вполне оправданным.

Хотя Швеция была истощена долголетней безуспешной войной и после заключения Оливского мира было проведено сокращение размеров армии, но вместе с тем шведские политики не исключали того, что придется прибегнуть к войне, если не удастся добиться возвращения утраченных в 1656–1657 гг. территорий. Не исключалась при этом и возможность заключения союза с Речью Посполитой. И. Радзйоевский, конечно, преуве-

90 Распоряжение о выдаче ему жалованья датировано 19 ноября (РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 7. Л. 1).

91 Черновик грамоты от 22 ноября 1660 г. см.: Там же. Л. 12–16.

92 Там же. Л. 42–43.

личивал, приписывая себе заслугу такого поворота в шведской политике, но в главном его сообщения были точны: 17 ноября датированы инструкции Шлиппенбаху, шведскому чрезвычайному послу на сейм, который должен был собраться в Варшаве в мае 1661 г. Посол должен был сообразовывать свои действия с ходом русско-шведских мирных переговоров. В случае, если бы русская сторона отказалась пойти на уступки, дипломат мог начать переговоры о союзе с польскими политиками. Накануне отъезда Шлиппенбах утонул, но 12 декабря вместо него было отправлено посольство во главе с Г. Бьельке⁹³.

Ответ А.Л. Ордина-Нащокина на указания царя сохранился в записи, сделанной К. Демидовым⁹⁴. Вместо выражения готовности выполнять указания царя дипломат выступил с резкими возражениями против них. «Поступить, де, ныне, свейном городов и тем их не утешить, — записывал К. Демидов его слова, — похотят к тому иново многово». Договариваться об уступке шведами одного или двух городов не имеет никакого смысла, их все равно не удастся удержать. Но главное, — убеждал А.Л. Ордин-Нащокин царя, — нет никакой необходимости идти на уступки шведам, так как они не способны начать войну против России: «А боятца, де, свейского никак не надобно, швед гораздо безсилен и на сей стороне ратных людей гораздо немного и прибылых нет».

Кроме того, заключение мира со Швецией на таких условиях покажет слабость России и затруднит заключение мира с Речью Посполитой. В этом случае «с польским королем миру никак не сыскать будет, то, де, народ гордой и почаяют большого бессилья и возвысятца без меры». Из царских предписаний лишь пункт о возможности выплаты шведам денежной компенсации за территориальные уступки получил признание его советника, но тот вложил в царское предписание иное содержание. По его толкованию, речь должна была идти о выплате денежной компенсации за все потерянные Швецией земли. Такому решению вопроса, по его мнению, могло бы способствовать посредничество нового английского короля Карла II, который благодарен царю за то, что тот «с Кромвелем дружбы никакие не имел». Следовало бы отправить в Лондон посланника к Карлу II «на

93 Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 264–267.

94 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 599–606.

королевстве поздравлять и чтоб он меж великим государем и королем свейским был посредником». Таким образом, неформальный советник царя и его дипломат фактически отказался следовать царским указаниям и предложил свой, совсем с ними не совпадавший план действий. Было ясно, что, если дело дойдет до мирных переговоров, А.Л. Ордин-Нащокин на уступки шведам не пойдет.

В записанных, видимо, тогда же «розговорех» он говорил о выгодах, которые принесет Русскому государству обладание Ливонией. Один довод был уже традиционным — эта земля является важным источником снабжения хлебом для Новгородской и Псковской земель. К нему был присовокуплен другой — контроль над торговым путем, идущим по Западной Двине, может стать важным источником доходов для царской казны («пошлина... в зборе будет большая») ⁹⁵. Именно рассчитывая удержать за Россией крепости по Западной Двине, А.Л. Ордин-Нащокин был готов уступить Речи Посполитой Полоцк и Витебск.

Почему же вслед за получением такого ответа Ордин-Нащокин не был немедленно отстранен от участия в мирных переговорах со шведами?

Предположительно можно указать две причины этого. Во-первых, за несколько дней до того как Кирилл Демидов 6 декабря доставил сделанную им запись в Приказ Темных дел, 30 ноября сюда поступила отписка А.Л. Ордина-Нащокина о состоянии дипломатических контактов со шведами ⁹⁶. Он сообщал об отсутствии какого-либо прогресса в этих контактах. Шведские комиссары отказывались возобновлять переговоры, ссылаясь на отсутствие главы делегации — Б. Горна. При этом они не давали каких-либо сведений о возможном времени его приезда. Уже «морской ход минул», а Б. Горн так и не прибыл. Из этого дипломат делал вывод, что начала переговоров «нынешнии зимы одва чаять ли». Поскольку какого-либо конкретного начала переговоров со шведами не намечалось, разногласия царя и его советника не имели практического значения.

Могло иметь значение и другое обстоятельство. Хотя к началу декабря положение дел на Украине улучшилось, но, вероятно, еще не было ясности, носят ли перемены устойчивый

95 Там же. Л. 607.

96 Там же. Л. 564–571.

характер. По-видимому, пока положение дел окончательно не прояснилось, не исключалась возможность того, что придется заключать «польский мир» на предложенных А.Л. Ординым-Нащокиным условиях, и тогда можно было бы занять твердую позицию по отношению к шведам.

В обоих отношениях положение дел к концу декабря прояснилось. Перемены на Украине, как показано выше, имели устойчивый характер. Одновременно сдвинулся с места и вопрос о русско-шведских переговорах. 16 декабря в Посольский приказ поступила отписка, присланная В. Мяконым из Нарвы. Он сообщал о приезде Б. Горна в Таллин и что скоро могут начаться мирные переговоры⁹⁷. 27 декабря о приезде Б. Горна пришло и сообщение от А.Л. Ордина-Нащокина⁹⁸. Отписка В. Мякомина содержала и другое важное сообщение: в Швеции «велми... желают» мира, но лишь при условии, «чтоб Лифляндские города отдать им». На уступки при этом не следовало рассчитывать, так как о поражениях русской армии «все их свейским людем ведомо»⁹⁹. Сообщение Мякомина об условиях мира получило вскоре подтверждение от подьячего Г. Котошихина, которого А.Л. Ордин-Нащокин посылал в Таллин к шведским послам.

Г. Котошихин, вернувшись из Таллина, сообщил, что, по собранным им сведениям, «только, де, с царского величества стороны уступят Лифляндскую землю и за разоренье Лифляндской земли будет платеж, потому, де, и вечной мир учинитца, а бес того, де, вечного миру не чаять»¹⁰⁰.

Очевидно было, что на переговорах шведы займут твердую позицию, и, если А.Л. Ордин-Нащокин останется главой русской делегации, переговоры окажутся безрезультатными. Решение последовало быстро. 2 января 1661 г. датирован наказ новому главе русской делегации, кн. И.С. Прозоровскому. В состав новой делегации А.Л. Ордин-Нащокин не был включен. В основу наказа были положены указания царя А.Л. Ордину-Нащокину в ноябре месяце. Послам предписывалось добиваться возвраще-

97 Там же. Л. 58.

98 Там же. № 2. Л. 650-651.

99 Там же. № 7. Л. 58.

100 Там же. № 2. Л. 661-662. — отчет Г. Котошихина о поездке, приложенный к отписке. Информация была точной (Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 275).

ния городов, утраченных Россией в годы Смуты, предлагая за них денежную компенсацию. Но, если бы шведы не согласились на эти условия, они получили полномочия вернуть все города, занятые русскими войсками во время войны 1656–1657 гг., удовлетворившись приобретением одного пограничного городка — Новгородка-Нейгаузена¹⁰¹. Грамотой от 4 января 1661 г. А.Л. Ордин-Нащокин был поставлен в известность о принятых решениях. Он должен был сдать «посольские дела» дьякам-членам новой делегации¹⁰². 11 января в Таллин был отправлен гонец Г. Золотилов с известием о новом назначении¹⁰³.

Как показала Е.И. Кобзарева, А.Л. Ордин-Нащокин, подчинившись решению царя, не был убежден в его правильности и продолжал убеждать царя в своей правоте¹⁰⁴. В грамоте, доставленной 2 февраля 1661 г. в Приказ Тайных дел (на ней помета «великому государю чтена»¹⁰⁵), отставленный дипломат снова убеждал царя, что «с поляки надобно преж миритца», тогда «все их швецкие умыслы пресекутца». Но теперь речь не шла о заключении мира, удовлетворявшего главные требования польской стороны. Напротив, Афанасий Лаврентьевич доказывал, что мир с Польшей вполне возможен на приемлемых для России условиях, обосновывая это положение как старыми, так и новыми, ранее не использовавшимися аргументами. Старый аргумент — это были ссылки на разорение Речи Посполитой долголетней войной и на то, что союз с Крымом ведет к ее дальнейшему разорению. Новый аргумент заключался в том, что Речь Посполитая оказалась в очень сложном положении с началом войны между Османской империей и Габсбургами. Не помогать императору Речь Посполитая не может и это приведет ее к конфликту и с Османской империей и с Крымом. Поэтому можно «надеятца» заключить мир с этим государством «правдою». «Посредниками добрыми, — писал он, — польского короля по нынешнему начинанию здержать мочно». А.Л. Ордин-Нащокин привел действительно важный аргумент, но, вопреки его расчетам, Польско-Литовское государство осталось нейтральным во время австро-османской войны.

101 Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 277–278.

102 РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 1–3.

103 Там же. Л. 43.

104 Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 278.

105 РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 60–62.

Одновременно с обращением к царю А.Л. Ордин-Нащокин попытался искать помощи у одного из царских фаворитов, князя Ю.И. Ромодановского, которому он отправил два письма. Одно из них имеет точную дату — 23 января, другое, недатированное, написано, по-видимому, позже, чем первое¹⁰⁶. А.Л. Ордин-Нащокин не был высокого мнения о послах, в письме, датированном 23 января, он высказывался в том смысле, что, столкнувшись с сопротивлением шведов, послы «учнут об указе писать, чтоб еще сверх того уступить чево», а шведы, «видя на свою руку потокавников, прибавят речей». Выход он видел в том, чтобы вести переговоры при участии посредников, тогда и шведы не смогут осуществить своих планов «и с полским королем у великого государя мир будет в силе». Главе посольства, боярину И.С. Прозоровскому, следовало бы «доброто выжидать и ведать Лифлянская земля со всеми доходы», т. е. до появления посредников не торопиться с ведением переговоров. К этому времени послы еще не прибыли («боарина с товарищи ожидают»), и А.Л. Ордин-Нащокин, видимо, надеялся, что они последуют его советам.

Пытаясь оказать влияние на послов, он пошел на беспрецедентный шаг. При передаче прибывшим послам посольских дел он присоединил к имевшемуся у него царскому наказу свои соображения, какие «явные неправды послов свейских в деле, для чего продолжение чинят и какова обману от них вперед чаять... и что к нынешнему посольскому делу надобно ведать», но посольские дьяки, заметив это, «то письмо от указанных статей отодрав», вернули автору¹⁰⁷. А.Л. Ордину-Нащокину после этого ничего не оставалось, как отправить «письмо»¹⁰⁸ главе Посольского приказа Алмазу Иванову для его передачи царю.

Перечисляя в «письме» различные «вины» шведской стороны, в том числе ряд нарушений разных статей Валиесарского договора, автор делал вывод, что нельзя заключать со шведами мирный договор без посредников, которые стали бы гарантами соблюдения его условий. Такими посредниками могли бы стать

106 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 38–38а, 59–60 (письмо, датированное 23 января). Оба письма сохранились среди материалов переговоров со шведами в 1660 г. Время их написания установила Е.И. Кобзарева (*Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 279–280*).

107 См. об этом в отписке А.Л. Ордина-Нащокина, полученной 25 февраля 1661 г.: РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 76–77.

108 Там же. Л. 78–86.

послы наиболее могущественных европейских держав — Англии и Франции. Но предпочтение он отдавал посредничеству Англии. Посол английского короля «желатель будет к такому великому христианскому делу и миротворение надежнее иных, а на швейские неправды верным сторожем будет». Если мир заключать без посредников, то никакой гарантии безопасности это не даст — «што им (шведам. — Б.Ф.) болши будет поступлено, то скорее и свыше того захотят взять, а к розрушению причина без посредников сыщется». Обратился Афанасий Лаврентьевич и к уже традиционному для его записок доводу — мир со шведами (имеется в виду с уступкой завоеванных территорий) затруднит достижение приемлемого мира с Речью Посполитой.

Наконец, А.Л. Ордин-Нащокин писал об ущербе, который будет нанесен «чести» государя, если шведы смогут «объявить всему свету, «что наведчи страху, за год до перемирного сроку бес посредников взять».

По-видимому, убедившись, что на послов он воздействовать не может и они придерживаются осуждаемой им линии поведения, Ордин-Нащокин написал еще одно письмо князю Юрию Ивановичу Ромодановскому, гораздо более острое по тону. В нем он уже прямо обвинял послов в том, что они готовы идти на уступки, не дожидаясь появления посредников, и уступить «шведам безо всякие неволи, хотя ещо перемирью год», то, что добыто «многими кровми». Чтобы оправдать свою линию поведения, они «такие силы слагают от шведа быть, чево слухом у них нет». «Ей, государь, — писал А.Л. Ордин-Нащокин князю, — без меры тошно и нестерпимо». Раздражение и гнев дипломата были так сильны, что он не удержался и от острого выпада по отношению к самому царю: «А будет из старины извычено придачи и шубы имать за отдачу, а не за находку, и в том воля помазанника Божия».

И предложения, посланные в Посольский приказ, и письма, посланные князю Ромодановскому, никакого воздействия на царя, судя по всему, не оказали. Каких-либо попыток заключить мирный договор со Швецией при участии посредников предпринято не было, и это понятно, так как поиски посредников замедлили бы проведение мирных переговоров, а поступавшие известия заставляли торопиться с заключением мирного договора. В их числе были и сведения, исходившие от самого А.Л. Ордина-Нащокина. Так, в уже упоминавшейся отписке, поступившей в

Приказ Тайных дел 2 февраля, он сообщал сведения, полученные от Магдалены, жены гетмана Госевского, про «шведов присылку к польскому королю и к сенату, что оне хотят войну с поляки заодно весть против твоих, великого государя, ратных людей»¹⁰⁹. А в своем «письме» в перечень нарушений шведской стороной Валиесарского договора он вставил пункт о том, что «свеяне послов своих посылают к польскому королю других Бент Оксенстерна или Шстен Белке, а первые (граф Шлиппенбах с товарищи) утонули, чтоб польской король не мирился с великим государем... а держал войну, покамест Воэлесарское перемирье выйдет»¹¹⁰. Такие сообщения побуждали царя и его советников торопиться с заключением мирного договора до того, как сейм, который должен собраться в мае 1661 г., примет решение о новой военной кампании против России.

Аргументы А.Л. Ордина-Нащокина могли бы подействовать на царя и привести к изменению направления русской внешней политики, если бы русская политика на Украине потерпела полную неудачу и пришлось бы искать даже тяжелого мира с Речью Посполитой, или, напротив, при содействии посредников сложились бы условия для приемлемого мира с этим государством. В обоих случаях русское правительство могло бы занять твердую позицию по отношению к шведам.

На Украине к весне 1661 г. положение дел стало существенно меняться в благоприятную для русского правительства сторону. В феврале 1661 г. начался поход на Левобережье корсунского полковника Г. Гуляницкого с пятью полками, отрядами татар и польскими войсками. Эта армия должна была вернуть непослушные полки Левобережья под власть гетмана Юрия Хмельницкого и его сюзерена — польского короля. Хотя главные деятели оппозиции на Левобережье, Яким Сомко и Василий Золотаренко, так и не смогли договориться о том, кто из них возглавит казачество на левой стороне Днепра, и сражались каждый на свой страх и риск, поход закончился безрезультатно¹¹¹.

С весны положение дел стало заметно улучшаться. 7 марта в Москву поступили важные сведения, что войска Чарнецкого ушли в Польшу, а крымские царевичи, стоявшие под Переясла-

109 РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 60.

110 Там же. Л. 82.

111 Подробнее о походе Г. Гуляницкого см.: *Яковлева Т. Руїна...* С. 176 и сл.

вом — в Крым, и царь приказал Г.Г. Ромодановскому «по тем вестям» идти к Нежину¹¹².

Последующие события показали непрочность польской власти на Левобережье. Далеко не все приносившие присягу польскому королю под угрозой нападения польских и татарских войск готовы были подчиняться этой власти. В конце ноября 1660 г. казак, ездивший в Лохвицу «для вестей» и ставший свидетелем присяги жителей польскому королю, сообщал, что «чернь» ему «тайно говорили, что оне великому государю служить рады, а как, де, к Лохвице государева рать будет, и оне, де, ту старшину, которые великому государю служить не хотят, государевым ратным людем выдадут»¹¹³. Весной 1661 г. эти настроения вышли наружу.

Осада Переяслава была снята, и находившиеся в нем казаки и русские ратные люди перешли в наступление. В 15 верстах от Переяслава они разбили отряд полковника Федора Сулимы, захватив литавры и знамена. Как сообщал в Москву кн. Б. Мышецкий, «гетман Аким Сомко тебе, государю, служил и на боех со мною был и бился, и конь под ним ранен». После этого жители целого ряда местечек (Барышевка, Воронково и другие) принесли присягу царю. Ф. Сулима укрылся в Барышполе, но удержаться там ему не удалось. Он побежал за Днепр, а жители городка сообщили Сомку, что они возвращаются под власть царя¹¹⁴.

Перемены в поведении жителей Барышевки, Барышполя и Воронкова объясняет документ, перевод которого сохранился в делах Посольского приказа — обращенное к жителям этих мест письмо их владельца — великого хорунжего коронного Яна Собеского, отправленное им через несколько дней после заключения договора под Чудновом. Великий хорунжий извещал своих подданных, что посылает к ним своего управляющего Савву Рененка и предполагает со временем прибыть и сам, чтобы разместить в этих местечках свою «залогу»¹¹⁵. В таких условиях возвращение под власть царя становилось явно предпочтительным.

Одновременно с Сомком и В.Н. Золотаренко с пришедшим в Нежин отрядом русских ратных людей во главе с Иваном Лиха-

112 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 133–134.

113 РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 167. Л. 395–397.

114 См. отписку кн. Б.И. Мышецкого царю: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 195–199.

115 Письмо Я. Собеского от 12 октября н. ст. 1660 г.: РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 1. Л. 26–27.

ревым также «ходили на местечка, которые были в шатости» и население многих из них принесло присягу царю¹¹⁶.

В конце марта, наконец, собрав войска, выступил в поход Г.Г. Ромодановский¹¹⁷. К этому времени на Левобережье произошли новые важные перемены. В конце марта к Сомку в Переяслав обратились лубенский и миргородский полковники, сообщая о возвращении их полков под власть царя¹¹⁸, и 30 марта Сомко, извещая об этом Г.Г. Ромодановского, просил, «чтобы никакие обиды от ноходящих ратей... те убогие люди не поносили»¹¹⁹.

Когда в начале апреля армия Г.Г. Ромодановского вступила на территорию Левобережной Украины, жители Гадяча сообщили воеводе, что они возвратились под власть царя, а старшин, «которые... на всякое злое дело их приводили, держать ныне за сторожею» и готовы их выдать русским властям¹²⁰. Получив это сообщение, царь 18 апреля подтвердил свой приказ Г.Г. Ромодановскому идти к Нежину, откуда он должен был направиться к Полтаве¹²¹. Эти перемены позволяли надеяться, что восстановления русской власти на Левобережье удастся добиться мирным путем. В грамоте от 22 апреля он предлагал воеводе «черкас, которые от измены не отстали», призывать под власть царя, «а мы, великий государь, их пожалуем, вины их отдадим»¹²². Когда к 26 апреля войска Г.Г. Ромодановского подошли к Нежину, в его «обоз» приехали вместе с «наказным гетманом» Якимом Сомко и принесли присягу миргородский, лубенский и прилуцкий полковники¹²³. 30 апреля посланцы Сомка сообщали в Москву, что «ляхов на сеи стороне Днепра нигде нет, и дороги к Киеву и к Нежину... чисты и проезд вольный»¹²⁴.

Выполняя намеченный уже ранее план, войска Сомка и Золотаренки осадили Остер¹²⁵ и к 2 мая город сдался¹²⁶.

116 АЮЗР. Т. 7. № 105.

117 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 178.

118 Там же. Л. 214–215.

119 Там же. Л. 223–226 (перевод письма).

120 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 188–189.

121 Там же. Л. 186–187.

122 Там же. Л. 30–31.

123 Там же. Л. 241.

124 АЮЗР. Т. 5. № 28. С. 49.

125 Там же.

126 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 248.

Позиция левобережных полков, быстро возвратившихся под русскую власть, на этом этапе разошлась с позицией Полтавского полка. Именно с его территории в феврале-апреле 1661 г. предпринимались постоянные нападения на пограничные русские города¹²⁷. Правда, с приходом армии Ромодановского в рядах полтавского казачества произошел раскол, и 7 полтавских сотников принесли воеводе присягу вместе с левобережными полковниками¹²⁸. Однако стоявший во главе полка Федор Жученко и участвовавшие в нападениях на русские земли полковники Макуха, Пушкеля и Яцко не желали следовать их примеру.

На совещании Г.Г. Ромодановского и полковников под Нежином было принято решение направить на территорию Полтавского полка «ертаульный полк» русской армии во главе с Г. Косаговым и казаков Лубенского, Миргородского и Прилуцкого полков¹²⁹.

Пытаясь удержать под властью Полтавский полк, Ю. Хмельницкий обратился к его казакам, обещая, что в скором времени к ним на помощь придут «посилки татарские», а за ними и «орда»¹³⁰. Впервые за все время военной кампании развернулись военные действия. После того как в боях с отрядом Косагова и казаками во главе с прилуцким полковником Л. Горленко были разбиты отряды Макухи и Пушкеля, в Полтаве был избран новый полковник Демьян Гуджол и в Полтаву 16 мая поехали принять присягу жителей сотники Прилуцкого, Миргородского и Нежинского полков. За присягой жителей Полтавы последовала присяга жителей других городов Полтавского полка¹³¹.

Таким образом, на протяжении весны 1661 г. русская власть была восстановлена на большей части Левобережной Украины при сравнительно небольших усилиях с русской стороны и при активном участии самого левобережного казачества¹³². В таких

127 Там же. Л. 146, 163. Севский стол. Стб. 167. Л. 357.

128 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 241.

129 Там же. Л. 242. В походе участвовал и отряд казаков из Нежина (Там же. Л. 273).

130 Там же. Л. 271–282 (письмо Ю. Хмельницкого от 8 мая)

131 См. отписку Г.Г. Ромодановского царю: Там же. Л. 273–278.

132 Подробнее о событиях на Левобережье см.: Яковлева Т. Руїна... С. 187–191. Исследовательница ошибается, полагая, что какую-то роль в этих событиях играл Иван Брюховецкий. В апреле 1661 г. он находился в Брянске, где ему должны были дать пушки и другое

условиях у царя и его советников не было никаких серьезных причин для отказа от борьбы за Украину. Вместе с тем достигнутые успехи не давали оснований для успокоения.

Упоминание о «посылках татарских» в письме Хмельницкого не могло не вызвать беспокойства в Москве. И это сообщение было не единственным. Б.И. Мышецкий писал в апреле, что Ю. Хмельницкий отправил в Польшу П. Тетерю с просьбой о помощи, войску приказано собраться в Корсуни, в Каневе и других поднепровских городах готовить суда для их переправы и «татар, де, к себе ждут вскоре»¹³³. В конце апреля и Ромодановский сообщал царю о приходе к Чигирину Караш-бея с белгородской ордой¹³⁴. Тогда же игумен Мгарского монастыря Виктор сообщал: «готовитца хан крымской, в месяце мае сюды будет»¹³⁵. В мае Иченский протопоп сообщал В.Н. Золотаренко, что на сейме принято решение идти на Левобережную Украину «огнем и мечем»¹³⁶. Все это показывало, что борьба за Украину отнюдь не закончена.

В русской внешней политике осени 1660 г. — начала 1661 г. заметное место заняли поиски путей для заключения мира с Речью Посполитой. Заметную роль в этих поисках играл А.Л. Ордин-Нащокин, его дипломатическая деятельность не прекратилась и тогда, когда он был отстранен от участия в переговорах со Швецией. В известном смысле царь выполнил его собственное желание, отстранив от переговоров со Швецией и приобщив его к участию в организации переговоров с Речью Посполитой.

Как указано выше, уже в октябре 1660 г. было принято решение направить к бранденбургскому курфюрсту Ивана Желябужского с официальной просьбой выступить в роли посредника между царем и Яном Казимиром. Артемию Афанасьеву было поручено сообщить Ордину-Нащокину о поручении, данном И. Желябужскому, и передать указание, «что он, Офонасеи, знает, то б с ним и приказывал»¹³⁷. Но отправка И. Желябужского затягивалась, и обеспокоенный Ордин-Нащокин отправил царю

оружие. Он покинул город, получив оружие, порох и свинец, лишь 23 мая (РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 167. Л. 308, 516–517).

133 РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 440. Л. 218.

134 Там же. Л. 234.

135 Там же. Л. 262–263.

136 Там же. Л. 253.

137 РГАДА. Ф. 27. № 166. Л. 164.

письмо, даже для него несколько необычное. Письмо открывалось торжественными словами: «Божие и твое, великого государя, дело в людских тяжестех спомогати, а паче ж нынешнего военного пламени мирною водою угашати». Далее он писал, что следует скорее выслать Желябужского и «обнадежить» курляндского герцога. «Зима бы ся без дела не прошла, а до весны бес промыслу не допустить». Письмо заканчивалось резким выпадом, очевидно, против дьяков, стоявших во главе Посольского приказа: «Много, государь, у тебя желателеи к добру, а к начинанию мала»¹³⁸. И.А. Желябужский с официальным предложением о посредничестве отправился к курфюрсту в самом начале 1661 г.¹³⁹.

Еще раньше, чем И.А. Желябужский отправился в путь, появилась возможность участия в мирных переговорах главного посредника при заключении Оливского мира французского посла Антуана де Люмбра. В Париже полагали, что после заключения мира с Россией император не решится силой навязать полякам своего преемника Яну Казимиру¹⁴⁰. 15 октября 1660 г. французский дипломат обратился с письмом к А.Л. Ордину-Нащокину. Сообщая наместнику ливонских городов, что он имеет официальные полномочия от Людовика XIV выступить как посредник на будущих русско-польских переговорах, он просил его выяснить, как отнесся бы царь к такому предложению¹⁴¹.

18 декабря письмо попало в Посольский приказ¹⁴², А.Л. Ордину-Нащокину было приказано ответить на него согласием, и 28 декабря тот отправил положительный ответ де Люмбру¹⁴³.

Как он докладывал царю, при составлении «письма» он воспользовался присланной к нему грамотой царя, но дополнил ее, «примеряясь ко многим ведомам ис Полши и из Литвы». Све-

138 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 563.

139 Его посольский наказ датирован 31 декабря 1660 г.: РГАДА. Ф. 74. 1660 г. № 2. Л. 91.

140 *Grönebaum F.* Frankreich in Ost und Nordeuropa. Die französich – russisch Beziehungen 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 32.

141 Оригинал письма де Люмбра (на польском языке) см.: РГАДА. Ф. 93. (Сношения России с Францией). 1660 г. № 1. Л. 1.

142 См. помету на письме де Люмбра.

143 О дате его письма см. в ответном письме французского посла: РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 5. Л. 6.

дения эти были, по его оценке, благоприятными — там желают мира и соглашения о прекращении военных действий («о удержании твоих, великого государя, войск»). Ниже будут высказаны соображения, из какой среды исходили эти сведения. Вместе с письмом А.Л. Ордин-Нащокин отправил де Люмбру опасную грамоту царя¹⁴⁴. Очевидно, в Москве рассчитывали на скорый приезд в столицу французского посла.

С приездом французского посла А.Л. Ордин-Нащокин связывал большие надежды. В письме, доставленном в Москву 16 января, он в приподнятом, патетическом тоне писал: «Господь Бог путь показывает мирной не только тебе, великому государю, з государи христианскими к постоянному миру готовица и бусурманы будут перестрашены и утвержены». Он обращал внимание на последние статьи Оливского мира, где содержались призывы, «чтоб вперед меж христианскими государи мир учинился и к тому союзу приставали». Он полагал, что участники Оливского мира, действуя в духе таких деклараций, будут способствовать заключению мира между Россией и Речью Посполитой. Французский посол сможет добиться многого, так как Людовик XIV «в ближнем приятстве» польскому королю. Если де Люмбр добьется заключения перемирия, то на мирные переговоры можно пригласить в качестве посредников послов Дании, Англии, Бранденбурга, Курляндии. Его воображению рисовался целый международный конгресс, где «за такими посредники мир Великой России будет не в убыток и дойдет делом утешным без страхов воинских». Тогда и не нужно будет идти на уступки шведам и искать с ними мира¹⁴⁵.

Казалось, действительность оправдывала надежды Ордина-Нащокина. 5 февраля 1661 г. он получил сообщение от курляндского герцога Якоба, что к царю едет австрийский посол с предложением посредничества¹⁴⁶. Таким образом, глава одного из наиболее могущественных европейских государств — император Леопольд — проявил желание выступить как посредник в русско-польском споре. Одновременно литовский канцлер К. Пац сообщил, что «опасная грамота» царя передана А. де Люмбру¹⁴⁷.

144 РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 5. Л. 1–3.

145 Отписка А.Л. Ордина-Нащокина, доставленная 7 января 1661 г. // РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 7.

146 Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1861. Т. 4. Стб. 1.

147 Памятники дипломатических сношений... Т. 4. Стб. 2.

Далее, однако, начались трудности — они возникли сначала с самой неожиданной стороны — со стороны Курляндии.

18 января И.А. Желябужский приехал к А.Л. Ордину-Нащокину, и тот отправил гонца к курляндскому герцогу с сообщением о посланнике¹⁴⁸. Как позднее сообщал Ордин-Нащокин царю, он отправил посланца в Царевичев Дмитриев, а перед этим «к твоему, великого государя, делу писма ему, Ивану, дал и ведом о всем учинил». Делать это пришлось потому, что, по его оценке, Желябужский был совсем не подготовлен к своей миссии, хотя все необходимые для него «писма» имеются в Посольском приказе¹⁴⁹.

4 февраля в Царевичев Дмитриев приехал Вильгельм Толба и сообщил, что «принять» Желябужского «никакими мерами нельзя»¹⁵⁰, об этом же Толба сообщил и Ордину-Нащокину¹⁵¹.

Желябужскому Толба объяснял, что герцог не может гарантировать его безопасность, так как «польские люди везде по рубежу лежат», Курляндия не граничит с Восточной Пруссией¹⁵². В действительности дело было не в этом. С лета 1660 г., когда герцог выступил с предложением посредничества, многое изменилось и теперь старания герцога были направлены на то, чтобы своим содействием русской стороне не навлечь на себя неудовольствие Речи Посполитой. В. Толба откровенно сказал А.Л. Ордину-Нащокину, что герцог отказывается от своих предложений о посредничестве, так как в этом случае король Ян Казимир «учнет на него налягать». Правда, герцог выражал согласие встретиться с Желябужским, «утаясь поляков», чтобы передать русские предложения курфюрсту, но это согласие не имело никакой цены, так как одновременно Толба заявил А.Л. Ордину-Нащокину, что курфюрст находится на Рейне и вряд ли возложит на себя роль посредника, так как в этом случае у Яна Казимира в отношении курфюрста «к великому зломнению причина будет»¹⁵³. Так миссия Желябужского окончилась не начавшись.

148 РГАДА. Ф. 74. 1660 г. № 2. Л. 100.

149 РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 58, 62.

150 РГАДА. Ф. 74. 1660 г. № 2. Л. 107–108.

151 Тексты верительной грамоты и инструкций Толбе см.: РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 64–75.

152 РГАДА. Ф. 74. 1660 г. № 2. Л. 108. Подобные объяснения Желябужскому предлагали неоднократно. Там же. Л. 118–119.

153 См. инструкции В. Толбе, а также записи его разговоров с Желя-

Не приходил и ответ от де Люмбра. С помощью герцога Ордин-Нащокин отправил де Люмбру новое письмо, торопя его с ответом¹⁵⁴. 20 марта Толба прислал А.Л. Ордину-Нащокину ответ французского посла¹⁵⁵. Однако этот ответ не мог удовлетворить ни Ордина-Нащокина, ни царя. Де Люмбр сообщал своему русскому коллеге, что он предлагал Яну Казимиру организовать встречу представителей сторон в Вильне в июне 1661 г. и заключить на время переговоров перемирие, но король на его предложения не ответил. В письме, правда, сообщалось, что вскоре он пришлет официальное предложение Людовика XIV о посредничестве. Текст соответствующего документа¹⁵⁶ вместе с новым письмом де Люмбра был прислан в пограничную ливонскую крепость Новгородок-Нейгаузен 10 апреля 1661 г.¹⁵⁷. Де Люмбр просил Ордина-Нащокина узнать, как отнесся царь к его предложениям относительно мирных переговоров, но не скрывал, что эти его предложения не одобрены польско-литовской стороной: в Варшаве не принято никаких решений, так как сенаторы разъехались на сеймики.

Курляндский герцог опасался оказывать открытые услуги царю, но готов был доверительно сообщать полезные сведения. На встрече с А.Л. Ординым-Нащокиным Толба сообщил важные сведения о направлявшемся в Россию австрийском посольстве. Он сообщил, что по сведениям, которыми располагает герцог, император заинтересован в том, чтобы Речь Посполитая оказала ему поддержку в войне с османами, и поэтому отправленный им посол будет добиваться, «чтоб посольство было вскоре и зачат мир с польским королем, не допуская лета»¹⁵⁸. Посредничество австрийского посла, — подчеркивал он далее, — будет для царя полезнее и он быстрее добьется нужных результатов¹⁵⁹. Неудивительно, что в разговоре с Толбой А.Л. Ордин-Нащокин поспе-

бужским (РГАДА. Ф. 74. 1660 г. № 2. Л. 107–109.) и А.Л. Ординым-Нащокиным (РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 610, 613).

154 Об этом втором письме см. в ответе де Люмбра: РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 5. Л. 6.

155 Текст письма с соответствующей пометой см.: Там же. Л. 6–7.

156 РГАДА. Ф. 93. Оп. 2. № 7. Грамота Людовика XIV от 18 декабря н. ст. 1660 г.

157 Там же. Оп. 1. 1660 г. № 1. Л. 2–2об.

158 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 609–610.

159 Там же. Л. 614.

шил заверить его, что царь примет австрийского посла «честно» и «отпущен будет в посредство без задержанья»¹⁶⁰.

Одновременно с ответом де Люмбра 20 марта А.Л. Ордин-Нащокин получил от герцога Якоба документ, подтверждавший правильность его сообщений об австрийском посольстве — грамоту императора герцогу, в которой сообщалось, что император Леопольд посылает своего посла Августина Мейерберга, чтобы тот выступил посредником при заключении мира между Россией и Речью Посполитой¹⁶¹.

После получения таких известий могло показаться, что действительно при содействии Австрии может быть быстро заключен приемлемый мир с Речью Посполитой. Возможно, именно с этим был связан поспешный вызов А.Л. Ордина-Нащокина в Москву в марте 1661 г.¹⁶². Можно предполагать, что в связи с ожидавшимся приездом австрийского посредника царь хотел обсудить с ним возможные условия «польского мира» (по приезде Ордин-Нащокин должен был явиться в Посольский приказ). В конце марта, получив «указ» царя, А.Л.Ордин-Нащокин отправился в дорогу¹⁶³, но вызов скоро был отменен. К нему был послан подьячий Приказа Тайных дел Юрий Никифоров с приказом «побыть до травы в Царевичеве Дмитриеве» и стараться заключить перемирие с литовским войском в Жемайтии¹⁶⁴. Ю. Никифоров встретил Ордина-Нащокина 4 апреля в 50 верстах от Пскова¹⁶⁵, и воевода должен был вернуться в свою резиденцию. По-видимому, в Москве уже не ждали от австрийского посредничества каких-либо быстрых конкретных результатов, и эти предположения оказались правильными. Каких-либо полномочий для ведения переговоров от правительства Речи Посполитой австрийский посол не имел¹⁶⁶.

Предпринятые усилия показывали, что заключение мира даже при содействии влиятельных посредников не будет бы-

160 Там же. Л. 618.

161 Памятники дипломатических сношений... Т. 4. Стб. 14, 17–19.

162 Царская грамота, в которой А.Л. Ордину-Нащокину предписывалось «наспех» ехать в Москву, датирована 6 марта 1661 г.: РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 87.

163 Памятники дипломатических сношений... Т. 4. Стб. 14.

164 РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 94 и сл.

165 Там же. Л. 118.

166 *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 89, 92.

стрым и легким делом. Главное значение имела при этом позиция польско-литовской стороны.

Правда, А.Л. Ордин-Нащокин неоднократно сообщал царю о склонности магнатов и шляхты Речи Посполитой к миру, и для этих его утверждений были определенные основания. В 1657–1658 гг. А.Л. Ордин-Нащокин поддерживал тесные контакты с гетманом В. Госевским, возглавлявшим ту часть литовского войска, которая стояла в Жемайтии, и те круги магнатов Великого княжества Литовского, которые выступали за мир с Россией и союз с ней против Швеции. Эти связи не оборвались, когда гетман попал в русский плен. Так, в декабре 1659 г. он послал своему начальнику – судье Приказа ливонских городов Ф.М. Ртищеву вести, полученные «от войск литовских гетманов верных людей»¹⁶⁷.

Хотя Ордин-Нащокин неоднократно выдвигал планы перенесения военных действий на территорию Жемайтии, на практике военные действия между русскими войсками, стоявшими в крепостях по Западной Двине, и литовскими войсками в Жемайтии не велись. Командовавший войском В. Госевского в его отсутствие обозный Великого княжества Литовского Самуель Комаровский в апреле 1659 г. заключил с А.Л. Ординым-Нащокиным соглашение о временном прекращении военных действий¹⁶⁸. Когда С. Комаровский умер и его должность и команду над войском получил М. Пац, он прислал 25 января 1660 г. своего гонца Яна Лосовского. Лосовский привез письмо Паца с сообщением, что литовское войско в Жемайтии будет соблюдать перемирие в ожидании заключения мира между государствами. О характере сложившихся отношений говорит помещенная в письме просьба М. Паца уступить его войску места «в Семигальском уезде», чтобы войско смогло собрать там запасы¹⁶⁹. На обороте перевода письма, сделанного в Посольском приказе, помещена помета, что Лосовский прислан для подтверждения перемирия, но с ним также «наказано о государственных делах»¹⁷⁰. В тексте письма Паца упоминает-

167 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 1. Л. 2.

168 Там же. 1659 г. № 1. Л. 152; 1660 г. № 2. Л. 363.

169 Текст письма М. Паца из Бовска от 1 февраля н. ст. 1660 г. см.: РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 1. Л. 18–21.

170 Там же. Л. 18.

ся какой-то «договор»¹⁷¹, который гонец должен обсуждать с А.Л. Ординым-Нащокиным.

Летом 1660 г. А.Л. Ордин-Нащокин писал царю¹⁷², что в декабре 1659 — январе 1660 г. его посещал не только Лосовский, но и другие посланцы с «крепкими разговорами, как промысл учинить миру в Княжестве Литовском». Содержание этих «разговоров» нам ближе не известно, но о чем при этом могла идти речь, позволяют судить следующие обстоятельства. По сведениям, которые получил дипломат в декабре 1659 г. от «верных людей», «в полках под Митавою и Бовском» выбрали послов к королю и сенату с заявлением, что или они заключат мир с Россией, «или бы Княжество Литовское свободно учинили от Коруны Польские, и оне учнут о себе промысл держати»¹⁷³. Под влиянием разговоров с литовскими посланцами у А.Л. Ордина-Нащокина сложилось впечатление, что возможно заключение перемирия с одним Великим княжеством Литовским. Стоит также отметить, что от А.Л. Ордина-Нащокина Ян Лосовский направился в Вильно, где был задержан в ожидании приезда И.А. Хованского¹⁷⁴. Общего соглашения о перемирии между Россией и Великим княжеством Литовским, как известно, заключено не было, но перемирие, заключенное между М. Пацем и А.Л. Ординым-Нащокиным, соблюдалось, по компетентному свидетельству последнего, еще в июне 1660 г.¹⁷⁵.

По-видимому, это локальное перемирие фактически соблюдалось и тогда, когда между Россией и Речью Посполитой начались масштабные военные действия. Во всяком случае, в следующем, 1661 г. А.Л. Ордин-Нащокин сообщал царю, что «во псковские места через Двину» ходили только войска гетмана Сапеги, «а Пацовых полков литовские люди по перемирию в русских местах не были»¹⁷⁶. Когда к началу 1661 г. военные действия заглохли, между М. Пацем и А.Л. Ординым-Нащокиным начался снова обмен «письмами» об установлении перемирия. В ответ

171 Там же. Л. 20.

172 Отписка получена Приказом Тайных дел 7 июля (РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 362).

173 РГАДА. Ф. 79. 1660 г. № 1. Л. 8.

174 См. письмо М. Паца от 14 марта н. ст. к А.Л. Ордину-Нащокину с просьбой выяснить, из-за чего «пан Ласовской задержан», и помету А.Л. Ордина-Нащокина на письме (РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 160–162).

175 Там же. Л. 364.

176 Там же. 1661 г. № 2. Л. 119.

на инициативу ливонского наместника М. Пац «по приятельски против давнего моего с вашею милостью моим милостивым паном и приятелем приятельского совету» сообщал, что высылает своих представителей, чтобы «развесть войска», и направляет русских пленных «на розмену по обещанию кавалерскому»¹⁷⁷.

Хотя сохранилась не вся переписка А.Л. Ордина-Нащокина с М. Пацем, очевидно, что в ней затрагивались и более общие сюжеты. Так, в своем письме М. Пац выражал удовлетворение тем, что скоро могут начаться мирные переговоры между Россией и Речью Посполитой при посредничестве австрийского и французского послов. Заслуживает внимания и то, что Пацы участвовали в установлении контактов между А.Л. Ординым-Нащокиным и де Люмбром. Литовский канцлер К. Пац передал французскому послу опасную грамоту царя, а позднее интересовался тем, когда будет ответ на письмо де Люмбра¹⁷⁸. У полковников жемайтского войска А.Л. Ордин-Нащокин наводил справки о том, когда придет ответ на его письмо де Люмбру¹⁷⁹.

Очевидно, именно контакты с группировкой сторонников В. Госевского в Великом княжестве Литовском служили основанием для заверений А.Л. Ордина-Нащокина, что Речь Посполитая стремится к миру с Россией. В Москве сообщения А.Л. Ордина-Нащокина принимали во внимание. Так, в марте 1661 г. он получил указания заключить с М. Пацем перемирие до 25 мая 1661 г. «на том, чтоб ему и полковником всем с войски своими отступить за Двину и в Лифляньские городы не ходить, так ж и на Полоцкую сторону не приходиться же»¹⁸⁰. Однако значение этих сообщений в Москве не переоценивали.

В заключении этих перемирий А.Л. Ордин-Нащокин видел стремление литовских политиков к заключению мира с Россией. Они действительно были в этом заинтересованы, о чем говорит, в частности, выступление литовских послов на сейме 1661 г.¹⁸¹. Однако перемирия заключались прежде всего для того, чтобы

177 Там же. Л. 107–111 (письмо М. Паца 9 марта н. ст. 1661 г.).

178 Памятники дипломатических сношений... Т. 4. Стб. 2; РГАДА. Ф. 96. 1661 г. № 2. Л. 122.

179 Там же. Л. 116–117 (письмо полковника Казимира Сесицкого от 9 марта н. ст. 1661 г.).

180 Там же. Л. 94 и сл.

181 Его подробную характеристику см.: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 95–96.

армия М. Паца могла участвовать в военных действиях в Белоруссии, не опасаясь нападения русских войск из крепостей на Западной Двине. Что касается перемирия, заключенного весной 1661 г., то М. Пац пошел на этот шаг, чтобы дать отдых уставшему от войны войску, и за это решение глава клана — канцлер К. Пац подверг его критике¹⁸². В Речи Посполитой, по-видимому, в это время не было влиятельных сил, готовых заключить мир на приемлемых для русского правительства условиях.

Советники царя не могли не заметить, что Ян Казимир не дает ответа на предложения о проведении мирных переговоров и задержал русского гонца, приехавшего с такими предложениями. В марте 1661 г. И.А. Хованский передал в Москву слова М. Юдицкого, одного из тех литовских сенаторов, которые осенью 1660 г. выступали с предложением о перемирии: «Будет, де, великий государь завоеванных городов по старый рубеж поступитя и мир, де, будет, а будет, де, по старый рубеж великий государь завоеванных городов не поступитя, и миру, де, отнюдь не будет»¹⁸³. Все это указывало на то, что следует готовиться к продолжению войны.

Одновременно приходили новые известия о возможности заключения направленного против России польско-шведского союза. Так, на встрече 11 февраля 1661 г. В. Толба сообщил А.Л. Ордину-Нащокину, что вместо утонувшего в море Шлиппенбаха из Стокгольма в Варшаву отправлены новые послы добиваться, чтобы король с царем «не мирился, покамест у него перемирье выдет, а после б перемирья учинить ему с польским королем соединенье»¹⁸⁴. Таким образом, по истечении Валиясарского перемирия России могла угрожать война с коалицией из Речи Посполитой, Крыма и Швеции. А.Л. Ордин-Нащокин упорно убеждал царя, что со стороны шведских политиков это только угрозы, на войну с Россией они не решатся, но у царя и его советников не было никаких доказательств его правоты.

В конце марта 1661 г. в Новгород прибыл возвращавшийся из Стокгольма гонец Василий Мяконин. Для определения отношения русского правительства к мирным переговорам его сообщения должны были иметь особое значение. В. Мяконин

182 Maroń J.W. Działalność wojskowa Michała Kazimierza Paca w latach 1649–1664 // Z dziejów i tradycji srebrnego wieku. Wrocław, 1990. S. 50.

183 АМГ. Т. 3. № 286. С. 353.

184 РГАДА. Ф. 96. 1660 г. № 2. Л. 611.

привез сведения о решениях заседавшего в Стокгольме риксдага. Риксдаг дал Б. Горну полномочия для заключения мирного договора с Россией, но лишь при условии, «чтоб завоеванные Лифляньские города отдать без мотчания». Что касается выдвигавшегося ранее на переговорах предложения уступить Алексею Михайловичу «Ижорскую землю, а взять за нее деньги», то об этом участники риксдага «и слушать не хотели»¹⁸⁵.

Гонец настойчиво пытался выяснить, что будет, если русская сторона не согласится на такие условия мира, беседуя «с разных чинов людьми». Записи таких разговоров помещены в нескольких местах его статейного списка¹⁸⁶. Все его собеседники были единодушны: «буде завоеванных Лифляньских городов шведом не отдадут, и шведы за Лифляньские города хотят всчать войну». Некоторые из собеседников Мяконина прямо говорили, что сейчас самое подходящее время для войны, так как «на государевых ратных людей учинились от поляков и татар упадки великие»¹⁸⁷.

Как выяснил Мяконин, войны с Россией добивались «служилые люди» — военные, по его сведениям они обратились с таким предложением к участникам риксдага¹⁸⁸. Как он пояснял в своем статейном списке, военные стремятся к новому вооруженному конфликту, так как «им заплаты нет, и во всем скудость большая, кормитца нечем»¹⁸⁹. Отсутствие в шведской казне средств на ведение войны вряд ли могло успокоить царя и его советников. Им, вероятно, было известно, что в прошлом именно недостаток средств на содержание армии побуждал неоднократно шведские правящие круги начать войну с одним из соседей.

Мяконин также выяснил, что по окончании войны войска не были распущены, а отправлены «кормиться» на территорию Финляндии¹⁹⁰. Проезжая через Финляндию на пути в Стокгольм встречаясь с шведскими рейтарами и солдатами, гонец слышал от них, «что им лошади велено кормить и самим быть готовым»¹⁹¹.

В свете всех этих информации опасность войны со Швецией, если бы русское правительство не пошло на уступки, выглядела

185 Там же. № 7. Л. 120–121.

186 Там же. Л. 121–123, 128, 131.

187 Там же. Л. 121, 131.

188 Там же. Л. 127.

189 Там же. Л. 128.

190 Там же. Л. 131.

191 Там же. Л. 117.

вполне реальной. Реальной была и опасность польско-шведского союза. По сведениям, собранным Мякоциным, утонувший на море Шлиппенбах ехал в Варшаву именно для заключения союза, направленного против России¹⁹².

Все эти новые сведения безусловно способствовали тому, что в первой половине 1661 г. русское правительство последовательно держалось линии, намеченной уже ранее: ценой уступки завоеванных территорий заключить мир со Швецией и сосредоточить все силы на борьбе с Речью Посполитой за белорусские и украинские земли. В таких условиях 23 марта 1661 г. в деревне Кардис начались мирные переговоры между представителями России и Швеции¹⁹³. Шведским политикам были хорошо известны те трудности, с которыми к этому времени столкнулась русская сторона, поэтому на переговорах шведские представители заняли очень твердую позицию. Уже вскоре после их начала они потребовали возвращения всех земель в Ливонии, занятых русскими войсками. «И до того, — сообщали русские представители царю, — ни в какие договоры... вступать не хотят»¹⁹⁴. Не прибегая к прямым угрозам, шведские представители сообщали «по дружбе» И.С. Прозоровскому и его коллегам, что «с иной, де, стороны обещают им и многое, чтоб нынешней государь их... с царским величеством не мирился»¹⁹⁵. В дальнейшем они прибегли и к угрозам, заявляя, что в Швеции «ныне есть многие солдаты в зборе, а иных ещо прибирают, а время даром проходит и рати держать даром накладно»¹⁹⁶. Этим доводам русским дипломатам было нечего противопоставить. Допустить разрыва переговоров и возобновления в скором времени военных действий они не могли. В итоге целый ряд спорных вопросов был решен так, как этого добивалась шведская сторона.

Так по заключенному соглашению¹⁹⁷ к Шведскому королевству отошли все земли в Ливонии, занятые русскими войсками

192 Там же. Л. 132.

193 Подробную характеристику переговоров см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба... С. 280–282.

194 РГАДА. Ф. 96. Кн. 53. Л. 165об., 175–175об.

195 Там же. Л. 166, 177об.: «им от неприятелей многие прибыли обещают».

196 Там же. Л. 317 об.

197 Текст Кардисского договора см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 301. С. 532–548.

в 1656–1657 гг. Русские власти должны были их очистить в течение двух месяцев после заключения договора, хотя русская сторона хотела бы удержать эти земли за собой до истечения срока Валиесарского договора. В наказе послам специально предписывалось добиться сохранения построенных в ливонских городах православных церквей¹⁹⁸, но в текст договора такое условие не вошло и русской стороне пришлось удовлетвориться устным обещанием шведских представителей¹⁹⁹.

Чего же добились русская сторона в обмен на сделанные уступки?

По мирному договору шведская сторона брала на себя обязательство не оказывать помощи «королю полскому... и иным неприятелем», ни «людьми», ни денежными средствами, не пропускать их войска через свою территорию и даже «недруга никакова не навести». Действие договора, как в нем было специально оговорено, распространялось на Великое княжество Литовское, Малую и Белую Россию и на польскую Ливонию — «Малые Лифлянты», как часть русских владений (ст. 8–9 Кардисского договора). Тем самым договор, скрепленный присягой представителей сторон 21 июня 1661 г., ценой уступок предотвратил возможность образования польско-шведской коалиции, направленной против России.

Последующий ход событий показал, что эти уступки шведам не были неизбежными. К тому времени, когда истек срок Валиесарского перемирия, войско Речи Посполитой и в Польше, и в Литве, давно не получая жалованья, отказалось нести службу, образовало военные «конфедерации» для защиты своих прав, и Польско-Литовское государство оказалось неспособным вести крупные военные действия против России. В таких условиях шведское правительство, вероятно, не решилось бы на войну, но такой возможности развития событий не предвидели ни царь, ни А.Л. Ордин-Нащокин.

Мир в Кардесе стал как бы формальным окончанием того международного кризиса, в который оказались вовлечены многие европейские государства после вторжения шведских войск в Речь Посполитую летом 1655 г. Продолжалась только война между Россией и Польско-Литовским государством, но подоб-

198 РГАДА. Ф. 96. Кн. 52. Л. 65 и сл.

199 Там же. Кн. 53. Л. 432–432об.

ные войны были хроническим явлением в жизни Восточной Европы уже в течение двух веков. Правда, на этот раз традиционный спор двух держав, претендовавших на политическую гегемонию в Восточной Европе, стал гораздо более противоречивым и сложным с появлением на исторической арене Запорожского Войска и последовавшим затем его внутренним расколом. Это, однако, создавало проблемы для участников конфликта, но не для главных европейских держав, которым конкретные итоги конфликта были, по существу, безразличны.

Начинался новый этап в истории русской внешней политики и новая страница в биографии одного из главных ее создателей — А.Л. Ордина-Нащокина. С передачей ливонских крепостей шведам окончилась его деятельность русского наместника в Царевичеве Дмитриеве. С находившимися под его начальством войсками он должен был войти в состав полка кн. И.А. Хованского. Направленный в связи с этим «наказ» И.А. Хованскому²⁰⁰ позволяет судить о том, как отнесся царь к советнику, который неоднократно критиковал его решения и отказывался подчиняться его указаниям. В «наказе» говорилось, что Ордин-Нащокин, которого царь посылает «товарищем» к Хованскому, «нам, великому государю, верный и ведомой слуга», который «в наших государевых делах во многих отстрадал напрасно от злых язык». «И то нам, великому государю, — говорилось далее, — крепко годно, чтоб ты, боярин и воевода, к нему... был добр и советен и ласков»²⁰¹. Эти высказывания показывают, что царь высоко оценил деловые качества своего советника, его принципиальность, смелость, с которой он высказывал свое мнение, не останавливаясь перед тем, что навлекает на себя нападки несогласных. Из того же «наказа» можно узнать, что царь дал своему советнику важное поручение. В связи с заключением «вечного мира» шведское правительство стало распускать свои войска, и Ордин-Нащокин должен был привлечь оставшихся без дела военачальников и солдат на русскую службу²⁰². Таким образом, сохранялась его связь с внешней политикой своей страны.

200 РГАДА. Ф. 27. № 166. Л. 100–107.

201 Там же.

202 См. также грамоту царя А.Л. Ордину-Нащокину от 2 августа 1661 г. и «статьи», определявшие условия найма на русскую службу: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 539.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для нового этапа в развитии русской внешней политики, наступившего в середине XVII в., стало характерно появление у русских правящих кругов целого ряда масштабных проектов, осуществление которых сделало бы Россию господствующей державой и на территории Восточной Европы и в прибалтийском регионе.

Планировалось также подчинение русскому политическому руководству и влиянию целого ряда политических образований у границ России (Польского королевство, Курляндия, Пруссия). Эти проекты, как представляется, сыграли свою роль при выработке концепций внешней политики Российской империи. Стимулом для разработки таких проектов стал обозначившийся к середине XVII в. политический упадок главного западного соседа России — Польско-Литовского государства.

Как известно, в середине XVII в. добиться осуществления этих проектов Русскому государству не удалось. Упадок Речи Посполитой оказался не столь глубоким, как думали. Сказалась, конечно, и ограниченность военных и финансовых возможностей Русского государства, не прошедшего еще петровских преобразований. Но имело свое значение и то, что русское правительство не всегда могло подкрепить свои военно-политические акции действиями своей дипломатии.

Для такого положения дел были важны объективные причины. Следует, прежде всего, обратить внимание на трудности, возникавшие перед русскими политиками уже на этапе, предшествовавшем принятию важных политических решений — этапе сбора информации. Трудности были связаны не только с тем, что у Русского государства в середине XVII в. отсутствовали постоянные дипломатические представительства за границей, которые могли бы прямо сообщать нужную информацию из

важных центров политической жизни. Еще более важно было отсутствие важных политических контактов между русской политической элитой и элитой других европейских стран, у русских политиков не было личных связей ни с аристократией, ни с духовными иерархами (исключением явились контакты русских политиков в 1656–1658 гг. с представителями литовской знати, заинтересованными в возвращении своих «маетностей»). В таких условиях направлявшиеся за границу дипломатические миссии часто могли сообщить только то, что слышали от разных людей в пути и от встречавшихся с ними в официальном порядке государственных деятелей. За отсутствием других источников информации важное значение приобретали сообщения купцов и лазутчиков, а также переводы европейских «летучих листков» («курантов»). Все доступные способы получения информации использовались очень интенсивно, но все это не гарантировало надежных результатов. Таким образом, зачастую при приеме решений приходилось опираться на сообщения, часто содержавшие не факты, а недостоверные слухи.

Думается, русские политики понимали ненадежность тех сведений, которыми они располагали, и понимали, как ограничены в такой ситуации для них возможности влиять на политику своих западных соседей изнутри. Отсюда – сдержанная, замедленная реакция на поступившие сообщения, поиски разных способов их проверки прежде чем принимать ответственные решения.

Как представляется, проделанное исследование позволяет дать достаточно определенный ответ на вопрос, каковы были приоритеты в русской внешней политике второй половины 50-х гг. Главным приоритетом была в эти годы борьба за присоединение белорусских и украинских земель, входивших ранее в состав Польско-Литовского государства. Попытка добиться решения балтийского вопроса в 1656 г. была предпринята, когда в Москве рассматривали главную проблему – проблему «собираения» восточнославянских земель, как в основном решенную, и сами предпринятые действия не в последнюю очередь должны были способствовать закреплению русской власти над этими землями. Когда Русскому государству вскоре пришлось вступить в тяжелую борьбу за Украину и Белоруссию, поиски выхода к Балтийскому морю были решительно отодвинуты на задний план. Приверженцем иной внешнеполитической линии

был А.Л. Ордин-Нащокин, но его многочисленные предложения не были приняты во внимание царем и его советниками.

В борьбе за поставленные цели русские политики проявили большую последовательность и упорство. В указанные годы иностранным партнерам ни разу не удалось отклонить русское правительство от избранного плана, навязать ему свои политические решения. Прделанное исследование показало необоснованность имевшего хождение в научной литературе представления, что решение о войне со Швецией было предпринято под воздействием австрийских дипломатов. Однако и оказать серьезное воздействие на политику своих западных соседей, использовать в своих интересах противоречия между ними русские политики не смогли. Стремление получить более надежную и достоверную информацию позволяло избегать неверных решений, но одновременно утрачивалась возможность своевременно реагировать на быстро меняющуюся международную ситуацию. Так не были использованы возможности, появившиеся в 1657 г. с вторжением шведских и трансильванских войск в Речь Посполитую.

А.Л. Ордин-Нащокин был приверженцем более активной внешней политики, быстрого и оперативного реагирования на каждое изменение международной ситуации. Для этого он прилагал усилия по созданию круга заграничных корреспондентов, от которых можно было бы быстро получить надежные сведения. Правильные в принципе инициативы А.Л. Ордина-Нащокина опережали время и не соответствовали существующим условиям. Несмотря на прилагавшиеся им усилия, круг его корреспондентов не включал в свой состав людей, действительно причастных к тайнам большой политики. Неудивительно, что в целом ряде случаев оказывалось, что его прогнозы — ошибочны, а сдержанность, проявленная советниками царя, — оправдана. Как бы то ни было, в свете пережитого опыта перед русским правительством объективно вставала задача — позаботиться о создании условий для проведения такой активной политики, которая обеспечила бы России видное, почетное место в кругу европейских держав. В рамках рассмотренного периода эта задача еще не была решена.

В эти годы внешняя политика России тесно переплеталась с политикой, которую проводила русская власть на украинских и белорусских землях.

На землях Великого княжества Литовского, занятых русскими войсками во время кампаний 1654–1655 гг., русская политика по отношению к шляхте была по московским меркам достаточно либеральной, и шляхта обнаружила достаточно далеко заходящую готовность к сотрудничеству. Достигнутый результат, правда, оказался непрочным, так как при всем желании русское правительство не могло предоставить шляхте все те права и привилегии, которыми она пользовалась в Польско-Литовском государстве. И все же такая политика оказалась не совсем бесплодной, так как и к концу рассматриваемого периода часть шляхты Восточной Белоруссии и Смоленщины продолжала служить царю.

На Украине мы наблюдаем в эти годы возникновение ряда тяжелых, конфликтных ситуаций между русской верховной властью и Войском Запорожским, которые даже в конце концов привели к войне между ними. Возникновение разного рода противоречий и сложностей было неизбежно при контакте между двумя столь разными обществами с разной социальной структурой и разными историческими традициями. Как представляется, главный итог этих событий в истории русско-украинских отношений состоял в приобретении обеими сторонами ценного исторического опыта. Русская сторона получила важный материал для размышлений, какую следует проводить на Украине политику, чтобы обеспечить здесь стабильность и лояльность по отношению к русской власти. Украинская сторона убедилась на практике в тщетности поиска альтернативы в рамках Польско-Литовского государства. До установления прочного взаимопонимания между русской властью и казачеством Левобережной Украины было еще далеко, но важный шаг на пути к установлению такого взаимопонимания был сделан.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов И. 543
Адамов И. 419
Алексей Алексеевич 172
Алегретти А. 59, 206
Альбрехт Гогенцоллерн 120
Алфимов И. 337, 338, 375
Алфимов Н. 50, 54, 82, 84, 90, 91, 275, 276, 277
Амиров И. 58
Англер 89, 91
Андреев И. 611
Апрелев Б. 153, 218, 274, 350, 403, 404
Апухтин И. 329, 330, 331, 332, 374, 375, 378, 379, 398, 473
Арасланович В. 571
Афанасьев А. 527, 618, 630
- Байбаков Ф. 324, 452, 473
Банер Г. 480
Банковский И. 170, 193, 194, 208, 223
Барабаш Я. 293, 318, 338, 374, 399, 400, 401
Барнер К. 344, 419
Барятинский Ю. 590, 591, 596, 608
Беклемишев 264
Беневский С.К. 229, 258, 290, 355, 356, 357, 389, 396, 398, 407, 450
Беницкий Е. 390
Бережецкий П. 334, 335, 337, 352
Беспалый И. 462, 464–466, 473, 475, 495–497, 510, 592
Бештанка 446
Бжозовский М. 233
Бжостовский К.П. 122, 125, 126, 133, 138, 144, 145, 147, 149, 150, 153, 159, 174, 181, 206, 210, 358, 380, 384, 391, 525, 547, 550, 551
Боборыкин Н. 433
Бобровницкий 577
Богданов Г. 570
Богданов Г.К. 59, 61, 62, 70, 80, 82–84, 99, 101, 102, 121, 146
Богданов С. 451
Богун И. 319, 320, 504, 582
Борентин Ф.Й. 300, 305, 306, 311, 312, 315
Бровман М. 617
Брынк С. 415
- Брэдшоу Р. 280
Брюховецкий И. 509, 629
Булгаков Г. 452
Бутурлин А.В. 160, 328, 375, 437, 461, 503
Бутурлин В.В. 14, 42, 43, 64, 73
Бутурлин Ф.В. 158, 231, 246, 252–257
Буховецкий К. 198
Быковский Я. 520, 522
Бьельке Г. 620, 626
Бюлов А. 22, 27, 28, 213, 263, 265
- Вайнштейн О.Л. 55
Вальдек 32, 106
Василевский Я. 526, 527
Вейер Я. 193
Вейман 100, 101
Велинг Г. 164, 166, 226, 228
Венславский С. 383
Верещака П. 437
Вержбовский М. 554
Виктор, игумен 630
Вилейка К. 93
Виттенберг А. 20, 23, 82, 89
Владимир Святославович 545, 546
Владислав IV 175
Воейков П. 556, 558
Войтенко К. 447
Волак А. 47, 50, 54, 90
Волжинский В. 573, 578
Волков Н. 338
Волконский В. 611
Волконский Д.А. 42
Волконский Ф.Ф. 167, 306
Волович В. 234, 434, 458, 459, 467, 599
Волович К. 599
Волчанский Я. 562
Волынский В. 434, 435
Ворыпаев О. 444
Вуйцик З. 79, 132
Выговский В. 379, 409
Выговский Д. 408, 409, 442, 443
Выговский И.О. 63, 158–160, 166, 203, 227, 228, 230, 253, 255, 256, 287–289, 292–294, 296–299, 319–321, 323–329, 332–334, 337, 351, 352, 357, 359, 365, 374–380, 393, 395, 397–401, 406–410, 420, 428, 432, 436–450, 453, 455–457, 459–465, 469, 473, 475, 477,

- 482–485, 492–504, 506–508, 510, 513–517,
523–525, 534, 542, 543, 560, 580, 593, 609
Выговский О. 161, 328, 437, 461
Выговский С. 433, 525
Вяжевич П.К. 42, 71, 72, 75, 77, 170,
229, 233
Вяжевич Ю. 598, 599
- Габсбурги 43, 124, 125, 172, 315, 623
Габсбург Иосиф 272
Габсбург Леопольд 214, 289, 290, 300,
302, 315, 317
Гагарин Н.Г. 572
Галинский П. 67, 78, 79, 81, 233, 434
Гамилтон А. 563
Гансевский Я. 343
Гапоненко Р. 129
Гейштор Я. 431
Гестор М. 266
Гладкий И. 612
Глебович Е.К. 72, 75, 157, 181, 233–235,
362, 431, 467, 525, 526, 550, 554
Глинский И.К. 94
Глядовицкий С. 38, 39, 40, 42, 44, 72
Гоголь О. 446, 534
Головин М. 563, 579
Голосов Л. 603
Голуховский С. 592
Гордон П. 585–587
Горленко Л. 503, 629
Горн Б. 480, 488, 532, 616, 621, 622, 640
Горн Г. 343
Горобец В. 407, 438, 511
Горский Ф. 535
Госевская М. 429, 626
Госевский А. 152
Госевский В. 27, 36–38, 42, 52, 75, 151–
154, 168, 171, 173, 177–181, 184–190,
200, 201, 203, 208, 218, 221–223, 227,
228, 233, 235, 238, 239, 242, 243, 250,
251, 262, 264–270, 306, 307, 317, 318,
339, 342, 358, 360–362, 365–368, 370,
373, 380–386, 391, 393–395, 404, 413–
419, 421, 423, 425, 431, 466, 467, 472, 478,
512, 521, 540, 547, 550, 551, 636, 638
Грибоедов Ф. 449, 505
Груша И. 164, 453
Грушевский М.С. 7, 64, 162, 166, 211, 230,
231, 242, 259, 260, 292–295, 299, 325, 326
Гуджол Д. 629
- Гуляницкий Г. 324, 325, 445, 455, 462,
464, 495, 626
Гуляницкий Д. 454
Гуляницкий С. 454
Гурко Д. 52
Гутцлав И. 243
- Даниил, игумен 65, 162–164
Дашков А. 379, 410, 411
Дворецкий В. 409, 474
Деялтовский К. 531
Делагарди М. 23–25, 27, 29, 32–36, 46, 49,
53, 54, 58, 62, 67, 82, 83, 89, 90, 105, 106,
115, 126, 142, 144, 146, 213–215, 243, 244,
263, 264, 267, 269, 278, 279, 284, 286, 301,
307, 309, 342–344, 381, 514, 523
Дементий 326
Демидов К. 596, 605, 606, 619–621
Деминье Ж. 372
Дионисий (Балабан) 321
Довгаль С. 323, 338, 399, 444, 462
Долгорукий Г.Д. 400, 436, 445
Долгорукий П.А. 481, 484, 575–577
Долгорукий Ю.А. 300, 347, 350, 373,
374, 392–395, 402, 405, 412, 413, 415,
418–421, 423, 424, 434, 571, 573–579,
581, 582, 589, 592, 594, 595, 598, 599,
600–602, 609, 610, 612, 613
Донец Г. 475
Донец И. 319, 444, 445, 462
Дорофеев Д. 94, 160, 189, 193, 392
Дорошенко П.Д. 322, 323, 465, 595, 609
Дохтуров Г. 349, 532
Друцкий Горский Е. 234
Друцкий Соколинский П. 88
Дуглас Р. 142, 417, 472, 481, 482, 487,
488, 514, 515, 517, 523
Дяткович 41
- Евлашевский К. 353, 396
Ермолич Ю. 150, 238, 246
Ермолович 519
- Жданович А. 210, 227, 236, 240, 258–
261, 378
Желябужский И.А. 238, 240, 257, 259–
261, 373, 485, 488, 492, 500–502, 512,
520, 522, 605, 608, 630, 631, 633
Жеромский К. 37, 83, 177–182, 188–
190, 197, 201, 222

- Жеромский К.Х. 179
 Животовский П. 594
 Жученко Ф. 483, 609, 629
- Заборовский Л.В. 6, 10, 15, 45, 75
 Завиша К. 175, 177, 181, 206, 210, 221, 233, 234, 525, 550, 554
 Завиша Я. 271, 380, 384, 386
 Завлоцкий А. 561
 Загоровский В. 462
 Засадка Я. 503
 Зеленый С. 554
 Змев С.Д. 410, 503, 507, 575
 Золотаренко В.Н. 445, 466, 498, 500, 510, 541, 543, 546, 560, 563, 568, 569, 574, 576, 581, 589, 590, 592, 593, 610, 611, 613, 626–628, 630
 Золотаренко И.Н. 25, 65
 Золотилов Г. 623
- Кирдей 93
 Кисаревский 41
 Китт 17
 Киттельман Л. 31, 32, 58
 Кмитич С. 37, 434, 435, 458, 552, 558, 565, 577
 Кобзарева Е.И. 6, 48, 66, 369, 416, 417, 486, 536, 606, 623, 624
 Ковалевский И. 164, 257
 Ковалевский Н. 444, 450, 466
 Козел Л. 323, 444
 Козловский Г. 432, 435, 458, 534, 559, 582
 Колтовский 540
 Комар В. 174, 206, 207, 223, 403
 Комар И. 554, 557
 Комаровский С. 22, 105, 418, 468, 469, 472, 512, 636
 Концепольский А. 81, 186
 Копть Я.К. 233
 Корейва Я. 558
 Коробка Ф. 335
 Коровин И. 333
 Коротнев И. 246
 Корсак Я. 112, 168, 175–181, 197, 273, 519, 522, 525, 526
 Корф М. 109
 Косагов Г. 401, 444, 629
 Коссаковский К. 62
 Котел А. 360
 Котел С.Я. 360
- Котлярчук А. 15, 54, 64
 Котошихин Г. 622
 Красинский Я. 206, 380
 Краферт Д. 563
 Кровченко И. 446, 464, 497
 Кромвель О. 267, 280, 620
 Кубала Л. 84, 103, 138, 187
 Куниингам В. 557
 Кунцевич Я. 39–42, 77, 88, 524, 527
 Куракин Ф.Ф. 411, 442, 444, 446, 454, 465, 503
 Курбатов О.А. 39, 565, 567
 Курбский А. 92
- Лазовский Я. 468
 Ланцкоронский 139
 Левзовский А. 62
 Левенгаупт Г.А. 22, 25
 Лемберг Д. 94
 Леонтьев З. 76, 77, 87, 603
 Лесли А. 89, 91
 Лесницкий Г. 253, 320, 323, 328, 334–337, 339, 352, 353, 375, 376, 463
 Лещинский А. 135, 186, 205
 Лещинский Б. 132
 Лещинский В. 552
 Лещинский Я. 132, 135, 136, 181, 193, 341, 389, 391, 531
 Лизогуб И. 504
 Лизола Ф. 270, 271
 Лиленкрона Г. 254, 255
 Липницкий С. 37, 83, 577
 Липский И. 75
 Лихарев В.Н. 27, 36, 37, 71, 82, 84, 85
 Лихарев И. 627, 628
 Лихачев Я. 302
 Лобанов-Ростовский И.И. 147, 411, 434, 435, 459, 469, 492, 503, 525
 Лобачев С.В. 66, 67
 Логовчин В. 498
 Лодыженский Ф. 286, 343
 Лопухин А. 158, 160–162, 203, 209, 210, 238, 250, 270, 271, 274, 284, 454
 Лопухин Л.Д. 32, 68, 92, 99, 118–121, 144, 168, 199, 363, 384, 449, 505
 Лорбах Т. 59
 Лосовский К. 434
 Лосовский Я. 168, 197, 201, 300, 306–308, 317, 340, 477–480, 636, 637
 Луковский Р. 141

- Лукомский С. 434
 Львов С.П. 456, 483
 Любомирский Е. 181, 186, 193, 217, 276, 356, 549, 561, 580, 583–585, 587
 Людовик XIV 371, 553, 615, 631, 632, 634
 Людовика Мария Гонзага 133, 140, 181, 187, 205, 243, 395–397, 435, 476, 500, 529
 Люмбр де А. 132, 548, 631, 632, 634, 635, 638
 Лях С. 399
- Маиров М.** 470, 471, 473, 480
Максимов И. 208
Макуха 629
Масальский С. 77, 88, 196, 198, 222, 223, 274, 403, 404, 468
Матвеев А.С. 13, 17, 168, 171–173, 177, 178, 180, 183–193, 195, 196, 198, 200, 201, 218, 222, 227, 232, 233, 238, 240–242, 255–257, 265, 266, 283, 289, 290
Матюшкин А. 570, 571
Маховский С. 474
Медекша С. 37, 218, 221, 269, 274, 283, 284, 301, 304, 307
Меженьский Я. 78, 432
Мейерберг А. 635
Мейн Я. 333, 341
Мервинский С. 267, 269
Милославский И.А. 458
Милославский И.Д. 32, 82, 86, 117
Миневский Ю. 291, 298
Михайлов Г. 294, 325
Михайлов И. 233
Михня III 509
Млоцкий А. 180–183, 197
Молява 572
Монтеккуколи Р. 419
Монтримович К. 236, 237, 241, 248
Морозов Б.И. 86, 117, 129, 458
Морштин Т. 301, 307
Москевич К. 179
Мурашко Д. 432, 481, 556
Мустафа-ага 374
Мухаммед-Гирей 482
Мышецкий Б.И. 586, 594, 595, 611, 613, 627, 630
Мышецкий Д.Е. 50, 68–71, 91, 109, 115–117, 303, 307, 314, 519, 520, 521, 530, 557–559
Мюллер А. 479, 481
- Мяконин В.** 619, 622, 639–641
- Нарбут Я.** 41
Нарушевич А. 247, 341
Нашокин Б. 532
Нашокин К. 557
Неклюдов Б. 472
Немирич Ю. 291, 331, 332, 523
Нестеров А.И. 33, 34, 46, 62, 135, 136, 139, 157, 182–184, 187, 200, 218–221, 227–229, 231, 233–235, 237, 318, 431, 448, 449, 459, 468, 470, 476, 484
Нестеров М.А. 431
Нечаев В. 563
Нечай И. 181, 229, 231, 232, 395, 397, 410, 432–436, 446, 450, 451, 458, 469, 503, 508, 525
Никифоров П. 371, 416
Никифоров Ю. 536, 538, 616, 617, 635
Николаенко Т. 594
Никон, патриарх 66, 68, 186, 402
Новосельский А.А. 325
Носач Т. 463, 587
Нуайе П. 390, 397, 405, 435, 436, 500, 501, 529
- Обдам Я.** 115
Обернибесов Ф. 202, 243, 244
Огинский М. 384
Огинский С. 41, 51, 52, 373, 384, 397, 404
Огинский Я. 392, 528
Одоевский Н.И. 48, 82, 92, 95, 99, 110, 112, 113, 119, 122, 130, 147, 150, 157, 167, 174, 175, 177, 206, 207, 210, 237, 238, 344, 346, 363, 388, 458, 502, 540, 546, 562, 567, 603
Оксеншерна Б. 82, 626
Ольделанд Г. 300, 302–305
Омельяненко В. 560
Ордин-Нашокин А.Л. 7, 14, 21, 22, 27, 28, 45, 47, 58, 62, 66, 67, 69, 73, 74, 89, 94, 95, 104, 105, 108, 109, 117–119, 144, 213–216, 227, 235, 244, 262–269, 272, 280–286, 301, 306–310, 318, 339, 342, 348, 349, 362, 363, 365, 366, 368–370, 372, 381–384, 386, 394, 416, 417, 419, 420, 426, 429, 430, 467–471, 481, 482, 484, 486–492, 494, 500, 513, 523, 527–532, 536–540, 554, 555, 566, 567, 570–573, 575, 584, 593, 596, 604–608, 614, 616–625, 630–639, 642, 643, 646

- Ордин-Нащокин В.А. 340, 341, 394, 417, 422, 424, 429, 468, 488
 Оскерко С. 434, 556
 Остафьев Д. 155, 167, 238, 246, 250, 251, 271, 273, 274, 363, 365, 373, 385, 387, 397, 398, 410, 413, 423
 Островский М. 194
 Островский Я. 179
 Отраслев Ф. 383, 392, 398, 502
- Пац Каз.** 42, 199
Пац Кш. 133–135, 137, 138, 140, 152, 181, 276, 358, 366, 367, 385, 386, 391, 392, 394, 395, 397, 417, 632, 638, 639
Пац М. 516, 557, 558, 561, 573, 577, 636–639
Пац М.С. 42, 75, 76
Пацына С. 403
Пацына Я. 383
Пахомий, игумен 94
Пашко 318
Песков И. 302
Петрович И. 65
Питирим, митрополит 155, 167
Пожарский С.Р. 483
Поздышев Я. 24, 48
Покотилов А. 454
Половец С. 504
Полубенский А.Х. 181, 238, 432, 434, 512, 516, 522, 527, 529, 530, 533–535, 557, 561, 564, 568, 577
Полухтов Ф. 433
Полупята П. 179
Понарьин Н. 326, 327, 328
Поремский М. 561
Портман К. 15, 16
Портомоин Я. 402, 406, 437, 442, 443
Потемкин П. 43
Потоцкий А. 453, 456, 463, 474, 497, 504, 507–510, 584
Потоцкий С. 43, 217, 236, 249, 356, 476, 504, 512, 524, 534, 580–584
Почановский 297
Пражмовский М. 601
Привицкий 446
Прозоровский И.С. 348, 349, 416, 419, 430, 622, 624, 641
Пронский И.П. 281, 284
Протасьев Ф. 600
Прудовский П.И. 143
- Путилов Л.** 554
Путилов Я. 52, 558, 561
Пушечников В. 435
Пушкаренко К. 443, 462, 466, 483
Пушкаренко М. 324, 466
Пушкарь М. 319, 320, 322–324, 327, 328, 332, 334, 335, 337, 338, 352, 353, 374–378, 399, 410, 443, 456, 466, 612
Пушкеля 629
Пушин К. 126, 127, 144, 159
Пшибось А. 152
Пятой К. 601, 602
- Рагозин Д.** 293
Радзейовский И. 23, 65, 66, 227, 618, 619
Радзивилл А. 135, 235
Радзивилл Б. 26, 32, 33, 54, 78, 203, 228, 232, 311, 312, 314, 341, 386, 418, 419, 432, 436, 458, 527, 528, 533, 534, 554, 561
Радзивилл М.К. 534
Радзивилл Я. 20, 23, 24, 26, 27, 29, 33, 36, 37, 62, 78, 93, 117, 152, 175, 218, 222, 311
Радзивиллы 152, 533
Ракоци Дьердь II 128, 156, 157, 159, 162, 164–166, 189, 193, 202–205, 207–212, 217–222, 226, 228, 230, 233, 234, 237, 240, 241, 245–247, 249, 250, 252, 255, 257, 259–261, 270, 273, 275, 277, 283, 288, 294, 297, 309, 401, 504, 509, 581
Ракушка Р. 507, 546, 610
Рахуба А. 552
Рененко С. 627
Репнин И.Б. 565
Ридель 433, 458, 469
Родес И. 16, 19
Рожич 474
Розенлинд И. 22, 34
Роля П. 41, 42, 47
Ромодановский Г.Г. 258, 289, 292, 297, 323, 341, 350, 374, 376–380, 393, 395, 399–401, 406, 408, 410, 434, 437, 442–446, 449, 450, 454, 456, 461, 462, 473, 475, 484, 494, 496, 505, 583, 585–587, 592, 593, 595, 609–611, 613, 627–630
Ромодановский Ю.И. 624, 625
Рославец П. 589
Россохацкий М. 359, 388, 404
Ртищев М. 575

- Ртищев Ф.Г. 96
Ртищев Ф.М. 37–40, 177, 178, 180, 182, 190, 491, 502, 523, 636
Рудомино К. 41, 88
Русецкий С. 558
Руцкий М. 468
- Сакович А. 34, 41, 71, 168, 179, 190, 195, 218, 222, 227, 266, 274, 340, 360–367, 369, 384–387, 389
Сапега К. 74, 182
Сапега П. 38–40, 42, 63, 72–74, 82, 85, 94, 136, 153, 154, 168, 180, 182, 183, 188, 192, 197, 202, 219–223, 227–231, 233–240, 244–246, 249–252, 259, 271–275, 356, 357, 359–362, 365, 367, 368, 373, 380, 385, 387, 392, 395–398, 404, 413–415, 418, 421, 423, 431, 434, 459, 468, 470, 476, 482, 486, 508, 512, 519, 520, 522, 523, 526–528, 533, 551, 552, 556, 558, 561, 562, 565, 567, 568, 573, 574, 577, 578, 599, 600, 601, 602, 618, 637
Сапега Х. 578
Сапега Я.Ф. 40, 51
Сарбевский С. 210, 380, 381
Святский 40
Селим, кегья 326
Селим-Гирей 453, 456
Селицкий Я.К. 562
Сербин И. 323, 409
Серко И. 496, 497
Сесицкий 557, 558, 638
Сефер-гази 297, 473
Силич А. 498, 503, 510, 543, 564, 610
Силка И. 462, 466
Скоковский Я. 562
Скоробогатко И. 128, 129, 443, 445, 454, 456, 475, 494
Скорульский М. 374, 381, 394, 431
Скуратов П.Д. 328, 378, 379, 456, 583
Слонский Ф. 434, 556
Собеский Я. 627
Солнцев В.А. 343
Соловьев С.М. 17
Сомко Я. 446, 463, 498, 585, 590, 592–594, 611–613, 626–628
Станкевич 93
Статкевич С. 75
Старков Г. 461–464
Стенбок Г. 219, 249
- Стефан Георг 401
Стрешнев С.Л. 88, 91, 99, 119–121, 144, 182
Стринджа М. 293, 319, 322, 335
Сукин О. 434, 435, 458
Сулешев М. 326
Сулина Ф. 627
Суходольский 340, 394
Сухотин Ф. 589, 594, 610, 611
Сухтицкий М. 72, 74, 77, 82, 83, 94, 112
Сытин А. 196
- Татаринов И. 598
Телепнев И. 350, 361, 362, 366
Терех 612
Терешенко Ф. 510
Тетеря П. 166, 257, 258, 324, 331, 337, 354–356, 378, 396, 398, 450, 451, 630
Тихановецкий М. 238
Толба В. 604, 605, 633, 634, 639
Томкевич Ф. 357
Трауернихт А. 481
Тризна Я. 245
Трубецкой А.Н. 13, 14, 25, 60, 86, 216, 291, 292, 447, 449, 451, 452, 454, 458–465, 473–475, 482–484, 494–496, 498–500, 503–505, 510, 511, 524, 603, 496, 498–500, 503–505, 510, 511, 524, 603
Тшебицкий А. 110, 276, 277
Тышкевич Е. 24
Тышкевич К. 43
Тюлюбаев Ф. 437
- Уйлаки А. 165
Улан 519
Уленброк 26
Унковский В.Я. 114, 118, 141, 142
Урвин Я. 468
Урусов С.А. 33–35, 37–42, 46, 47, 51, 75
- Федькович О. 128, 129
Фелькерзам М. 106, 117, 118, 142, 146, 232, 314, 555, 605
Феодосий, старец 507
Фердинанд III 12, 135, 179, 206, 237, 272, 289, 300, 309
Филимонович М. 331, 445, 457, 466, 474, 475, 494, 497, 503, 546
Фиркс Г. 98, 104
Форстен Г.В. 51

- Фрагштейн И. 300
 Франзбеков Е. 563
 Францбеков И. 201
 Францкевич С. 404
 Фредерик III 68, 116, 303, 305
 Фридрих Вильгельм Гогенцоллерн 12, 20, 30, 31, 58, 69–71, 98, 99, 106, 108, 119, 121, 126, 143, 163, 165, 199, 202, 242, 244, 305, 312, 313, 316, 318, 604
 Фролов Т. 288
- Халецкий Е. 83
 Халецкий С. 390
 Ханенко М. 504, 524, 534
 Хилков И.А. 278, 280
 Хитрово Б.М. 60, 78, 287, 298–300, 312, 318, 321, 322, 324, 326, 327, 331, 336, 353, 355, 363, 384, 447, 478, 502
 Хмелецкий К. 550, 561, 564
 Хмельницкий Б. 9, 14, 32, 42, 43, 64–66, 73, 79, 81, 82, 96, 127, 129, 156–166, 181, 184, 202–205, 207–211, 218–222, 226–230, 236, 240–242, 252–255, 258, 261, 273, 275, 277, 288–292, 294, 295, 297, 316, 325, 326, 504, 507, 542, 584
 Хмельницкий Ю. 257, 259, 503, 504, 506–508, 510, 542, 545, 559, 560, 581–585, 587–590, 593, 594, 596, 609, 611, 612, 626, 629, 630
 Хованский И.А. 278, 279, 283, 285–287, 307, 308, 343, 344, 467, 479–482, 486, 519–535, 548, 551, 552, 554–559, 561–567, 569–572, 574, 576–578, 592, 604, 637, 639, 643
 Хованский С.А. 563
 Ховербек И. 20
 Храповицкий 167, 365
 Храповицкий Я.А. 388, 551, 552
 Хребтович Я 39
- Цюцора Т. 443, 445–447, 475, 494, 495, 498, 500, 503, 506, 507, 510, 571, 582, 584, 590
- Чаадаев И.И. 585, 591, 592
 Чапский Б. 179
 Чарнецкий А. 199
 Чарнецкий С. 80, 186, 225, 237, 249, 259, 419, 439, 530, 534, 535, 549, 553, 557, 561, 562, 564–568, 572, 573, 575, 577, 578, 599, 601, 602, 611, 613, 626
- Чеботок 592
 Челищев В. 522, 557
 Черкасский Я.К. 14, 25, 27, 29, 33, 35, 67, 86, 92, 262, 263, 458, 603
- Шаховской М. 41, 63, 92–94, 218, 228, 229, 240, 263, 269, 283, 332, 339, 341, 358, 414, 467, 478
 Шварц 574
 Шверин О. 100
 Шебель Я. 383
 Шебеши Ф. 254, 257
 Шеин М.Б. 591, 595
 Шемберг М. 453
 Шемет М.К. 77
 Шербан К. 509
 Шереметев В.Б. 13, 167, 239, 240, 246, 247, 250, 275, 283, 284, 328, 330–332, 336, 338, 339, 341, 375–379, 395, 400, 401, 406, 408–410, 436, 437, 440, 441, 443, 445, 446, 448–450, 453, 455, 457, 458, 460, 461, 465, 474, 492–494, 497–499, 503–508, 524, 559, 560, 563, 571, 579, 581–594, 596, 608, 612, 619
 Шереметев В.П. 14, 21, 22
 Шереметев М.В. 264, 278
 Шереметев П.В. 344, 404
 Шийкевич З. 494
 Шлиппенбах К. 242, 618, 620, 626, 639
 Шуберт А. 107
 Шумовский Я. 80, 225, 226, 248
 Шютте Б. 27, 35, 46, 53
- Щербатый К.О. 535, 579, 580
 Щербатый О.И. 281, 579, 580, 581
 Щербатый С. 568
- Эберс А. 569, 570, 571, 615
 Эдде Удла 15, 19, 46
 Эйленбург Й.К. 107, 108, 109, 118–121, 144, 145, 243
- Юдицкий М. 92, 467, 599, 639
 Юндзил А. 434
 Юрьев Е. 223, 349, 532
 Юшкевич А. 110, 221, 228, 269, 332, 333
- Яблонский 401
 Якоб Кеттлер 12, 69, 98, 99, 104, 105, 118, 280, 604, 632, 635

Яковлев К. 558

Яковлева Т.Г. 260, 287, 291, 294, 296,
328, 441, 447, 461, 499, 506, 511, 541,
542, 544, 579, 587, 592

Якушкин Я. 294, 325

Яловицкий В. 580

Яндер К. 563

Яцко 629

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

аманат — заложник

выстинать — порубить

голдовать — приносить ленную
присягу («голд»)

даточный — отданный в сол-
даты

жолнеры — военные, солдаты и
офицеры (польской армии)

маетность — имение

мотчание — медлительность

поминок — дар, приношение

посполитое рушение — шляхет-
ское ополчение

посполу — вместе

погордение — пренебрежение

престание — прекращение

порудить — разрушить, отме-
нить

рейтары — один из видов конно-
го войска

рокош — мятеж против прави-
теля

скарб — казна

скарбник — казначей

станции — расходы на содержа-
ние (монарха, войска)

тяжар — тягота

уряд — должность на государ-
ственной службе или на службе
у магната

урядник — обладатель должно-
сти

Научное издание

Борис Николаевич Флоря

**Русское государство и его западные соседи
(1655–1661 гг.)**

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right
to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: **nina_dom@mtu-net.ru**
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
41,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № О-967.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

1894

E. E.
Carter

1894

CINCINNATI

1894

CINCINNATI

1894

1894